

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3035.175:5

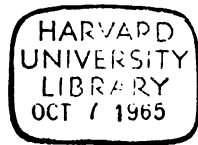
**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

Slav 3035.175.5

✓

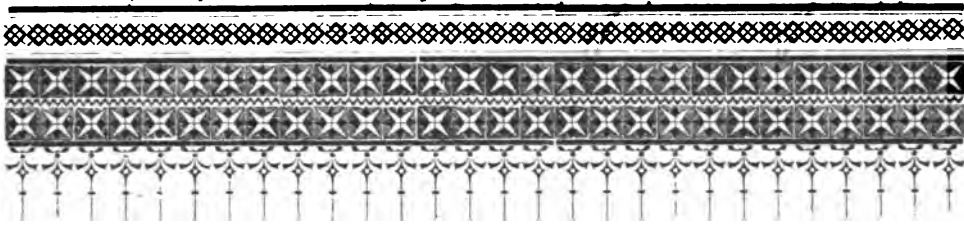

111

K. A. POPOV

RASKOL I EGO PUTEVODITELI
IZDANIE 2., DOPOLNENNOE

MOSKVA, 1901

I.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ ПРЕМУДРОСТЬ.

умерки опустились на землю. День былъ праздничный. Въ домикѣ наставника спасовой секты давно уже собрались „алчущіе и жаждущіе“ послушать „писаніе“ и только ждутъ выхода своего учителя, который на этотъ разъ замедлилъ Онъ въ это время рылся въ кипѣ рукописей и разныхъ записокъ, разбросанныхъ у него въ большомъ сундукѣ. Наконецъ, онъ отыскалъ большую засаленную тетрадь и, сдунувъ съ нея пыль, вышелъ къ собравшемуся въ ожиданіи его народу.

— Здравствуйте, старички и старушки Божіи! Я васъ задержалъ немножко,—искалъ все вотъ, что бы почитать вамъ получше и понравоучительнѣе—ну, и нашелъ.

— Спаси тебя, милостивый Господи, что ты печешься о насъ грѣшныхъ!—разомъ заговори всѣ посѣтители.

Наставникъ прошелъ за столъ, надѣлъ очки на носъ и сталъ перелистывать отысканную имъ тетрадь. Всѣ ждали, затаивъ дыханіе. Онъ откашлялся и затеплил въ рукахъ восковую свѣчку, чтобы свѣтить себѣ.

— Слушайте, слушайте, Христороубцы, какое я подамъ вамъ „ндрвоученіе“!

Посѣтители насторожили уши и разомъ стали всѣ креститься, творя молитву. Тоже сдѣлалъ и самъ наставникъ и сталъ громко читать по рукописи:—„Священная книга Адамантъ—читалъ онъ—во главѣ 305 сице повѣствуетъ: въ послѣднее время изыдетъ на брань съ христіаны мѣдный апокалипсическій змѣй, рекомый—адская утроба. И вси его возлюбятъ и предадутся ему крѣпко до конечнаго умопомраченія. И той окоянный змій имать вокругъ себя воду, а внутри — огонь горящій, яко же въ жупелѣ гіенскомъ. И будутъ изъ него мнози чловѣцы ту воду сладцѣ пити, пуцая оную чрезъ мерзкій проходъ змія, рекомый крантъ. И усладятъ воду оную треокоянную травою, ей же имя чай. И мнози прельстятъ изъ христіанъ и владутъ себя на оскверненіе поганой травы и мѣдному змію, яже есть не инъ кто, развѣ самоваръ. О семь душепагубномъ и треокоянномъ чаепитіи богоносніи отцы наши сице заповѣдаша: „аще кто изъ христіанъ дерзнетъ пити чай, той чловѣкъ отчаялся отъ Господа нашего Ісуса Христа и да будетъ трижды анафема и проклятъ. Зри сіе всякъ истинно православный христіанинъ и ужасайся“...

Наставникъ остановился. Старики и старухи стали вздыхать и плакать.

— Вотъ какое наказаніе положено за эту мерзкую траву, которую никоніане и прочіе люди сосутъ каждый день,—толковалъ наставникъ.—Вѣдь они пропитались ею насквозь. Какъ они могутъ послѣ этого спастись и познать нашу св. вѣру?

— И гдѣ имъ, батюшка, до этого ума дойти!—возразила старуха. Совсѣмъ погрязли эти люди въ нечестіи.

— Досугъ ли имъ толковать о христіанствѣ, когда съ утра до вечера то дома жрутъ эту траву, то въ трактирахъ. Весь умъ-то ихъ ужъ просмердѣлъ этимъ зелиемъ,—поддакнулъ старикъ.

— А знаете-ли вы, что такое обозначаютъ эти трактиры-то?—спросилъ наставникъ.

— Гдѣ, родимый, намъ знать всю эту премудрость Божию—заголосили слушатели. Мы люди темные, не письменные. Растолкуй намъ, ради Господа.

Наставникъ окинулъ самодовольнымъ видомъ слушателей и продолжалъ:

— Трактиры—это капища поганскія. Какъ въ старину кланялись идоламъ и строили для нихъ храмы, такъ нынче антихристъ умудрилъ людей строить себѣ другія капища — трактиры. Нынѣ народъ сталъ мудреный, его не заставишь кланяться деревянному идолу; окаянный-то и придумалъ другую хитрость, чтобы только уловить христіанъ, и надоумилъ ихъ пить чай и для этого вездѣ настроилъ такіе же жертвенники—трактиры. И народъ скоро поддался этому соблазну: всѣ идутъ въ трактиръ отъ мала до велика и всѣ сквернятся этимъ зеліемъ до безчувствія. И сколько болѣзней происходитъ отъ этого питія, а нѣтъ, люди не вразумляются—пьютъ и пьютъ, опалая свое чрево, перси и гортань. Огненная вода съ зеліемъ течетъ въ людяхъ, яко рѣка. Слушайте-же, что говорится о семъ въ Апокалипсисѣ: „изыде другій конь рыжъ; и сѣдящему на немъ дано бысть взяти міръ отъ земли“ (гл. 6, ст. 4). Вамъ это не понятно, а это значитъ то, что рыжій конь есть самоваръ никоніанскій. Сидящій-же на немъ—есть антихристъ, который взялъ и покорилъ себѣ сластями и похотями весь міръ земной. Поняли?

— Поняли, родной, поняли,—отвѣтили слушатели.

— Такъ толкуешь, кормилецъ, точно въ ротъ кладешь намъ слова-то,—добавилъ старикъ.

— А вотъ еще я почитаю вамъ о другой прелести антихриста,—о картошкѣ,—сказалъ наставникъ.

— Читай, касатикъ, читай, ненаглядный. Гдѣ же еще и поучиться намъ, какъ не у тебя, — дружно говорили слушатели.

Наставникъ читалъ:

— Божественныя книги, именуемыя „Небеса“, „Лѣтописецъ горы Синайскія“, „Златая мати“ и „Соборная Голубица“ повѣствуютъ: аще кто ястъ грѣховный бобъ, сирѣчь богомерзкій картофель, да будетъ шестью кратно анафематствованъ и проклятъ, яко еретикъ. И той антихристъ принесетъ сласти многи по нраву человѣкомъ. И похотный міръ возлюбитъ ихъ. И въ то плачевное время произыдетъ трава, зовомая „Кортъ“, отъ прущія земли, отъ еретика „Офель“. И аще сія два реченія

„Кортъ“ и „Офелъ“ соединиши, то имать нарешися Картофель. Сія реченія христіанинъ пріими въ сердцѣ своемъ и zelo рыдай о прелести окаяннаго; вся бо земля исполнится оныя пагубы и прельщенія. А книга „Соборная Голубица“ имѣеть вѣса 1 пудъ 30 фун.; запирается она замкомъ и винтами, а кроется подъ землю.

Наставникъ умолкъ. Онъ снялъ очки и сталъ противать ихъ.

— Писаніе— что колодезь глубокой: и видишь его, а безъ ведра воды не достанешь. Такъ и тутъ: видишь, что написано въ книгѣ-то, а развести по ней про толкъ-то не всякому дается,—замѣтилъ старикъ.

— Гдѣ ужъ намъ пуцаться въ такую бездну! Тутъ надо разумъ-то, что дерево тяжелое,—поддакнулъ другой. Наставникъ былъ польщенъ. Вооружившись снова очками, онъ началъ толковать:

— Священная книга Апокалипсисъ гласитъ: „и видѣхъ, и се конь вѣронъ, и сѣдйя на немъ имѣяше мѣрило въ руцѣ своей“ (гл. 6, ст. 5). О семь богоноснїи отцы толкуютъ, яко конь вѣронъ есть проклятая картошка, такая черная, какъ и конь; а сѣдйящїи на немъ антихристъ отмѣряетъ ее на своихъ вѣсахъ для прельщенія и сласти людямъ. Такъ-ли все это дѣлается нынѣ на базарѣ? Продають-ли ее на вѣсахъ?

— Такъ, такъ! Истинно такъ все дѣлается на базарѣ!—закричали всѣ слушатели.

— Безъ вѣсу ничего не дадутъ,—поддакнула еще старуха.

— Вотъ вы и разумѣйте теперь, христолюбцы, — толковаль наставникъ, — какъ антихристъ-то гоняется за нашими душами: не однимъ, такъ другимъ прельщаетъ насъ христіанъ. Это все равно у него, какъ удочки: на какую пойдетъ человекъ — на чай или картофель? Ну, и ловится народъ въ его сѣти. Другой же, такъ и на обѣ попадаетъ, и конечно, погибъ человекъ. Мы, своимъ обществомъ, помимо купцовъ, избѣжали этой трясины, не увязли въ ней, а прочіе-то люди всѣ погрязли въ этой пучинѣ. А скажи имъ объ этомъ, надъ тобой-же будутъ смѣяться.

— Пойдутъ-ли имъ твои глаголы, родной,—слезно заговорила старуха,—такъ-то идешь когда въ молельню, такъ надъ

тобою смѣются: это, говорить, кулугурка идетъ. И не только большіе, но и самыя маленькіе никоніанишки, и тѣ смѣются. Значить, закваска то еретическая съ малолѣтства идетъ. Гдѣ же имъ послѣ этого слушать твоихъ премудрыхъ рѣчей,—они въ голову-то ихъ не возьмутъ.

— Вотъ почитаю вамъ еще, да и прикончу бесѣду,—сказалъ наставникъ.

— Наставляй, родной, наставляй насъ неразумныхъ,—отвѣтили старухи.

— Книга „Драгоценный бисеръ“ излагаетъ пророчество боговѣнчаннаго мужа тако: „въ послѣднее время человѣцы воспримутъ отъ поганыхъ агарянъ траву „табакъ“ и начнутъ жести ю немилосердно, смрадяще уста свои, ноздріе, языкъ и очи съ гортанью. Ови будутъ стирати ю, яко персть и посыпати ноздри своя, иніи влагати во уста свои, яко свѣщу, вздыхающе въ сердце свое богомерзкій дымъ ея. И просмрадится сердце ихъ, и лице ихъ, яко эфіопа, черна и гнусна. Отъ таковыхъ лицъ далече станетъ Господь, и Ангелъ Господень не предъидеть предъ лицемъ его; понеже человѣкъ оный, яко песь смердящій, иже поживетъ и не узритъ Славы Господа. И аще-бы многи слезы излилъ-бы предъ Господомъ—не имать грѣхъ сей оставитися ему во дни живота его. Се разумѣй, чадо возлюбленное, яко великъ грѣхъ вкушати оную поганскую траву: ангела Божія отгоняетъ, человѣка смрадна содѣваетъ и яко пса смердяща далече отставляетъ отъ престола Божія. Вонми сему и горцѣ плачися за прельстившихся поганою травою; девятю кратъ проклять таковой. Подобнѣ и Апокалипсисъ поучаетъ: „и видѣхъ, и се конь блѣднъ, и сѣдящій на немъ имя ему смерть: и адъ идяше во слѣдъ его“ (гл. 6, ст. 8). Вотъ какова участь курителя богомерзкой травы! И при жизни онъ дѣлается блѣдный лицомъ, смраднй душою и тѣломъ, а потомъ курильня эта доводитъ его до смерти и ада.

— Чего хорошаго находятъ люди въ этомъ проклятомъ табачищѣ! Погань рта и—только,—замѣтилъ старикъ.

— А нутро-то какъ, поди, просмрадится, — что твоя ланхань!—поддакнула старуха.

— Да, братцы, это правда,—заговорилъ наставникъ.—Такому смрадному человѣку грѣшно и имя Божіе назвать, и на икону Господню возвести свой взоръ. Да и что они, по истинѣ сказать? Тѣломъ только живы и человѣцы видомъ, душою же мертвы и гнили суть. Отъ такихъ людей Господь и милостыни не пріемлетъ. Развѣ это христіане? Чаю лгать въ себя, точно въ котель, безъ счета и сытости; картошку ѣсть безъ грѣха во всѣхъ явствахъ; табакъ изо рта не выходитъ; а потомъ, каждый день проводилъ то въ капищѣ чайномъ, то въ театрѣ на разныхъ лицедѣйствахъ. Такъ-ли жили наши отцы и дѣды при патриархахъ? Пили-ли они эту огненную воду съ треклятою травою? Ъли-ли они эту поганую земляную картофель или табакъ, которые и видомъ-то своимъ мерзки и гнусны? Ничего этого они не знали и дѣлать не дозволяли другимъ. Начиная отъ царя и патриарха, благочестіе лилось во всѣхъ людяхъ, какъ въ городахъ, такъ и по деревнямъ. А теперь трактиры завели, да театры съ комедіями, да еще хвалятся этимъ и въ листочкахъ публикуютъ. Хоть бы молчали ужъ объ этомъ и не срамили нашей земли, поганцы. Вотъ онъ, антихристь-то, какъ опуталъ насъ кругомъ. Вырвись-ка теперь изъ этого омута, человѣкъ! Ни за что! Да, братцы, нужно намъ блюсти себя строго отъ всѣхъ этихъ поганныхъ прелестей, а то врагъ силенъ.

— Потолкуй намъ, кормилецъ, на счетъ комедіевъ-то еще,—сказала старуха, прервалъ ученіе наставника.

— Ради Господа, не утай отъ насъ, скудоумныхъ, все, что знаешь на счетъ нашего спасенія, — поддакнула другая.

— Почитай, дѣдушка, объ этомъ: намъ желательно и это знать,—сказала третья.

— Нѣтъ, старушки, гортань пересохла, пора и отдохнуть. А вотъ въ слѣдующій разъ я вамъ изложу и объ этой статьѣ. Это такое капище Ваала, въ которое не только ходитъ, да смотрѣтъ тамъ разныя срамныя лицедѣйства и скоморошества, или слушать гусли и сопѣли, а даже и смотрѣтъ-то на него грѣшно. Приходите въ будущій праздникъ и я почитаю вамъ мудрованіе св. отцовъ о комедіяхъ.

— Спаси тебя милостивый Господи, за твое поученіе! Точно меду напились у тебя, и душѣ-то какъ сладко и пріят-

но, — разомъ стали благодарить наставника всѣ слушатели. Нѣкоторые поклонились ему въ ноги; а всѣ, вообще, полѣзли въ карманъ, и кто двугривенный, кто полтину и болѣе клали ему на столъ въ благодарность за его поученіе.

— Не надо, не надо! — кричалъ наставникъ.

— Возьми, родной, это тебѣ за трудъ и книжку, — говорили слушатели.

Собраніе разошлось. Старикъ сосчиталъ деньги, — оказалось всего 16 руб. съ копѣйками. Старикъ улыбнулся и заперъ деньги въ столъ.

— Анисимовна! — крикнулъ онъ, — собирай-ка трапезу! Время вечерять.

Анисимовна, старая дѣвица (лѣтъ 30), жившая у него въ качествѣ жены. Жила она у него не особенно давно, такъ какъ наставникъ не любилъ держать подобныхъ лицъ по нѣскольку лѣтъ... Прошло 2—3 года, и пріемница ей уже являлась другая. По счету она была у него чуть ли не 20-я. Анисимовна была не дурна собой и полнотѣлая.

— Готово, Осипъ Иванычъ! Пожалуй ужинать, — вскричала Анисимовна.

Наставникъ сталъ предъ иконою, прочиталъ вслухъ старообрядческую молитву: „Ядятъ пищии и насытятся“... перекрестилъ нѣсколько разъ свое лицо и сѣлъ за столъ трапезовать.

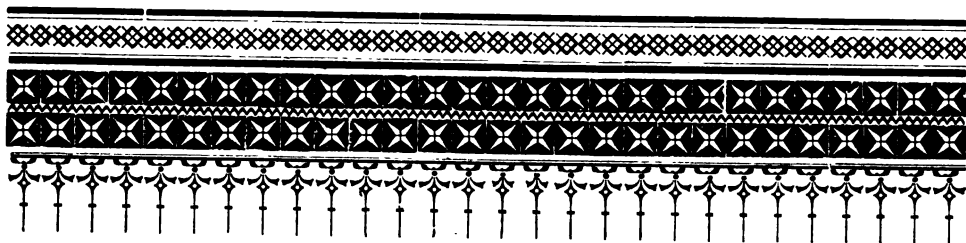
— Нынче, Анисимовна, мы съ тобой въ хорошихъ барышахъ, — можно и выпить по единой, — сказалъ наставникъ.

Анисимовна тотчасъ достала изъ шкафа графинчикъ съ польновочкой и налила двѣ рюмки; чокнулись и выпили. Послѣ этого послѣдовала вторая, третья...

— И долго, Осипушка, ты читалъ нынѣ эти статьи-то.

— Нельзя, Анисимовна, народъ — что стадо овецъ: нужно его поучать, иначе, онъ бредеть, самъ не зная куда.

II.

КНИГА ОБЪЕРЕТИЧИЛАСЬ.

а углу Сѣверной улицы въ г. Саратовѣ пріютилась небольшая община раскольниковъ, такъ называемыхъ „сухарниковъ“. Они выстроили себѣ моленную, богадѣльню, завели порядокъ служебный и служатъ себѣ, стоя особнякомъ отъ всѣхъ другихъ раскольническихъ сектъ.

Наканунѣ одного изъ воскресныхъ дней тихо и скромно сошлись „сухарники“ въ свою молельню на богослуженіе. Старикъ-наставникъ съ уставщиками началъ службу. Чтеніе шло рѣдкое, съ разстановками, „унывное“; пѣвцы пѣли монотонно въ носъ. Въ половинѣ службы, послѣ первой каѳизмы, по обычаю, нужно было прочесть поучительное слово изъ старопечатной книги; уставщикъ предложилъ эту честь одному изъ стоявшихъ на клиросѣ прихожанину.

Старикъ-чтець съ охотою взялъ книгу и вышелъ на средину молельни. Пѣвучимъ голосомъ, точно по покойникѣ, сталъ онъ выкладывать слово за словомъ заглавіе поученія. Но едва онъ произнесъ слова: „поученіе иже во святыхъ отца нашего“... какъ сталъ въ тупикъ и зорко сталъ всматриваться въ развернутую предъ нимъ на аналоѣ книгу. Старикъ надѣлъ очки на носъ, еще посмотрѣлъ въ книгу и затѣмъ заоралъ во всю глотку: „Братцы! Книга-то тово... объеретичилась“.

Слушатели навострили уши, видя, что дѣло что-нибудь не ладно.

И дѣйствительно, было не ладно: въ заглавіи учительнаго слова старикъ усмотрѣлъ крестъ четверо-конечный, а по сторонамъ его надпись: „Иисусъ Христосъ распять бысть“. Крестъ и буквы были написаны чернилами, очевидно, лицомъ, имѣвшимъ въ рукахъ эту книгу. Еретическій крестъ, еретическое имя (Иисусъ) написаны въ ихъ Божественной учительной книгѣ! Выходить, что книга объеретичилась, и читать учительнаго слова нельзя. Чтець снялъ книгу съ аналоя и началъ разсматривать вмѣстѣ съ прихожанами страшное для нихъ мѣсто. Мужчины и женщины, обступивъ старика, смотрѣли и дивились событію. Служба прервалась: наставникъ, какъ стоялъ впереди всѣхъ съ большой ременной лѣстовкой, такъ и застылъ на мѣстѣ... Появленіе въ книгѣ „крыжа латынскаго“ и имени „Иисусъ“, подъ каковымъ именемъ и знаменіемъ они разумѣютъ антихриста и его печать, привело раскольниковъ въ сильнѣйшій ужасъ и возмущеніе.

— Кто написалъ эту пакость въ книгѣ?—разомъ вскричали озлобленные раскольники.

Отвѣта не было. На лицахъ уставщиковъ улыбка исчезла.

— Это богохульство! Это надругательство надъ святой книгой и обществомъ нашимъ!

— Извѣстное дѣло, замарать и опорочить святую книгу—это не малая вещь... Такъ еретики только дѣлаютъ,—говорили раскольники.

— Книги всегда въ рукахъ уставщиковъ, они это и устроили. Кому-же другому сочинить эту насмѣшку?—сказалъ купецъ.

— Сознавайся, Михайло, твой это грѣхъ? Ты эту мерзость напачкаль здѣсь?—обратился къ уставщику другой купецъ.

Михайло сталъ отказываться, что это дѣло не его рукъ. „Мало-ли кто ходитъ ко мнѣ на клиросъ изъ прихожанъ, берутъ, читаютъ ихъ, за всѣми я не усмотрю, а книги лежатъ открыто“.

— Врешь! Врешь! Твои это умыслы,—закричали раскольники.—Ты и тогда также отказывался, когда нашли у тебя на клиросѣ выписаннымъ бранное слово. А кто же, кромѣ тебя, осмѣлился написать на заду святой иконы паскудное слово? Богохульникъ ты этакій! Срамникъ!

— А въ уставѣ-то тогда написалъ еще!... Сказано: „и пиемъ вино по единой чаши во славу Божию и утѣшеніи братіи“... А онъ взялъ поддѣлалъ снизу херокъ у буквы „ш“, и вышло „чащи“. Мошенникъ!—напомнилъ старикъ-купецъ.

— Такъ отрѣшить его отъ мѣста, чтобы не безчинствовалъ больше.

— Разумѣется, такія поруганія во святой церкви нельзя терпѣть.

— За шиворотъ и въ шею,—вотъ и вся недолга.

— Отрѣшить Михайлу!

— Долой его, сквернавца!—кричали прихожане.

Общимъ голосомъ рѣшили: уставщика Михайла уволить отъ должности.

— А что-же, братіе, сдѣлаемъ мы теперь со святой книгой!—спросилъ чтець.

— Бросить ее или сжечь въ печкѣ. Куда-же иначе? Нельзя же по объеретиченной книгѣ службу править, — говорили болѣе рьяные „сухарники“.

— Зачѣмъ бросать и жечь книгу! Если книга не угодна стала, такъ лучше продать ее никоніанамъ; они купятъ,—возразилъ купецъ.

— А по моему, ни того, ни друго^{го} не нужно,—сказалъ чтець.—Вырвать только вотъ этотъ листъ, написать вмѣсто него

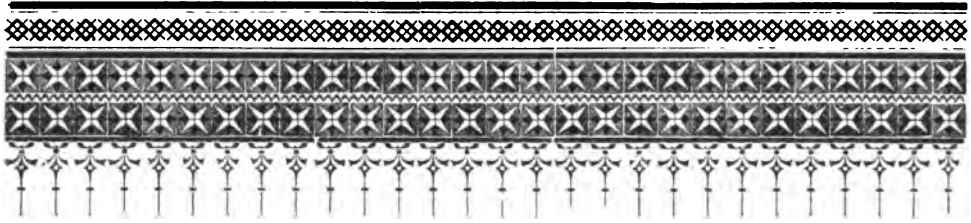
другой такой-же, да и приклеить его. Вотъ вамъ и все дѣло. Вѣдь, ересь-то только на одномъ листѣ, а не по всей книгѣ.

— Неправда! Книга вся заразилась! Маленькая болячка, а все тѣло болитъ!—кричали рьяные старики.

Произошелъ раздѣлъ на партіи.

Большинство рѣшило оставить книгу при моленной, а зараженный листъ вырвать изъ нея и вписать другой. Такимъ образомъ объеретиченная книга снова приняла свой прежній видъ. Впущенная въ нее зараза: крыжъ латынскій и имя „Иисусъ“ были вычеркнуты.

III.

ГОРЕМЫЧНЫЙ „МИКИТА“.

а сколько извращены понятія у нашихъ сектантовъ о правилахъ чести и нравственности, и насколько сильна неприязнь ихъ къ православнымъ, такимъ-же русскимъ людемъ,—показываетъ слѣдующій фактъ.

Въ поморскомъ безпоповскомъ обществѣ въ г. Саратовѣ долгое время состоялъ уставщикомъ при молельнѣ мѣщанинъ, нѣкто Климушкинъ. У него была дочь, дѣвушка „на возрастѣ“ лѣтъ. Много сваталось къ ней жениховъ изъ православныхъ, но отецъ одно твердилъ: „за еретика, никоніанина не отдамъ свою дочь. Такого великаго грѣха я не приму на свою душу“. Женихи сторонились, такъ какъ перейти въ расколъ не имѣли желанія. Такъ шли годы... Наконецъ дѣвушка вошла въ лѣта, или, какъ говорятъ, стала перезрѣвшей дѣвой, а жениховъ изъ старообрядцевъ нѣтъ и нѣтъ. Отецъ, казалось, мало заботился объ этомъ. Но вотъ,—соскучилась-ли дѣвушка ожидать своего суженаго, или ужъ такъ „случай подошелъ“—только сошлась она съ молодымъ парнемъ, сосѣдомъ по квартирѣ, и—забеременѣла. Увидѣвъ это, отецъ зарычалъ и принялся тиранить свою дочь. Дѣвушка принялась плакать, а за-

тѣмъ заявила отцу, что она желаетъ выйти замужъ за своего возлюбленнаго, на что и онъ согласенъ съ своей стороны.

— Кто онъ такой?!—грозно закричалъ отецъ.

— Никоніанинъ!.. столяръ... отвѣтила плачущая дочь.

— Ахъ ты басурманка этакая! Отступница треклятая! Поганца, еретика выбрала на это дѣло! Хоть-бы своего христіанина...

Снова сыпались на дочь и зуботрещины, и трепанье волосъ, моренье голодомъ и хлестанье ремнемъ. Долго охалъ и ахалъ отецъ, разводя руками, не зная, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ. Дать-ли ему благословеніе на бракъ дочери или нѣтъ. Подавленный горемъ, онъ отправился къ своему наставнику и сообщилъ о своемъ несчастіи.

— Слушай, Микита Яковлевичъ!—сказалъ наставникъ. —По нашему староотеческому закону, не слѣдъ выдавать своихъ дочерей за иновѣрцевъ. Это большой грѣхъ. Если ты нарушишь это святое преданіе нашихъ отцовъ, я тебя отлучу за это и отъ должности, и общественной молитвы. Тогда къ намъ въ молельню ты ужъ не ходи. Пусть, когда хочетъ взять твою дочь, то прежде всего приметъ нашъ староотеческій законъ и святое крещеніе, а безъ этого—какъ ты выдашь свою дочь за басурмана? Кое общеніе у Христа съ Веліаромъ!

— Нѣтъ, отче, онъ и слышать не хочетъ о нашемъ благочестіи,—сказалъ Климушкинъ, вздыхая.

— Если-же онъ не хочетъ переходить въ нашу древнеправославную церковь, то не отдавай ее; пускай она въ дѣвкахъ родитъ; грѣхъ этотъ мы умолимъ, а дѣти ея будутъ нашими истинными христіанами. На грѣхи есть покаяніе, а на еретичество наложено проклятіе св. отцами. Во грѣхѣ она всегда можетъ покаяться, и я прощу ее, а выйдетъ за еретика, басурмана, тогда и сама опоганится и дѣти ея будутъ щенками оскверненными.

— Не знаю, отче, какъ и устрою я это...

— Такъ и дѣлай, Микита, какъ я тебѣ говорю и благословляю; иначе будетъ тебѣ проклятіе отъ всего нашего общества.

Опечаленный, явился Климушкинъ домой и, призвавъ дочь, грозно сказалъ ей, что выдать ее за никоніанина онъ не мо-

жегъ; если-же онъ приметъ христіанскую вѣру, тогда иное дѣло.

— Батюшка, онъ ни за что не пойдетъ въ нашу вѣру.

— Дѣйствуй! Умѣла нажить ребенка, умѣй теперь и завлечь его въ наше христіанство.

— Благослови, батюшка, такъ пока, по церковному, а тамъ я его перетащу въ свое согласіе.

— Ни за что! Шкуру сдеру съ тебя, анафема! — рычалъ озлобленный отецъ.

Дочь плакала, говорила, что онъ дѣлаетъ ее несчастною, но отецъ не обращалъ на нее вниманія и уступки не дѣлалъ. Наконецъ, онъ сталъ смягчаться и высказалъ дочери всѣ наставленія своего наставника . .

— Не плачь, Дарья!—сказалъ отецъ,—если онъ не пойдетъ въ нашу вѣру, то грѣхъ твой наставникъ прощаетъ и никакого зазору тебѣ нѣтъ. Живи себѣ тогда, какъ знаешь.

— Батюшка! Я хочу по закону съ нимъ!..

— По еретическому?!

— Мы только повѣнчаемся, а ходить я буду въ моленную.

— Дарька! Забыла, что наставникъ-то говорилъ!..

— Благослови, батюшка, родной!—И дочь стала на колѣна предъ отцомъ, умоляя его дать ей согласіе на замужество съ любимымъ человѣкомъ.

Задумался отецъ. Жаль стало ему своей единственной дочери, жаль было и себя. Изъ двухъ крайностей приходилось выбирать одну. Благословить дочь въ замужество за никоніанина—значило самому лишиться должности при молельнѣ и подпасть подъ отлученіе общества; не сдѣлать этого—лишить дочь счастья съ любимымъ человѣкомъ. Настоящій Гордіевъ узелъ... Какъ его развязать? Думалъ, думалъ Климушкинъ и рѣшилъ обойти свой строгій законъ такимъ образомъ: онъ сказалъ дочери, что добровольно благословить и выдать ее замужъ за никоніанца, еретика, онъ не можетъ, но что пусть это она сдѣлаетъ въ его отсутствіе, какъ-бы самовольно, тихонько отъ него. Такъ и сдѣлали. Въ назначенное время Климушкинъ вышелъ изъ дома, дѣвушка крикнула жениха и тотчасъ-же отправилась въ церковь (гдѣ давно уже былъ сдѣланъ троекратный окликъ) и повѣнчались. По приѣздѣ изъ церкви дочь

послала за отцомъ, чтобы онъ пришелъ поздравить съ законнымъ бракомъ. Отецъ явился, сталъ для видимости ругать ее, какъ измѣнницу своей вѣры, осрамившую его старика. Послѣ грозной филиппики послѣдовало примиреніе; отецъ сѣлъ за столъ и принялъ участіе въ пирушкѣ и поздравленіи молодыхъ.

Кончились дни брачнаго веселья, уставщику Климушкину предстояло объясниться съ наставникомъ и другими стариками своего общества, которые уже знали о его весельи. Явился онъ предъ грозныя очи синедріона и сталъ оправдываться, что онъ не благословлялъ свою дочь на бракъ съ никоніаниномъ и дозволенія своего на это поганое дѣло не давалъ, что все это она сдѣлала сама, безъ его вѣдома, самовольно, въ чемъ могутъ подтвердить и постороннія лица.

— А зачѣмъ ты былъ на свадьбѣ?—спросилъ наставникъ —Помнишь, какой совѣтъ держалъ я тебѣ? Съ еретиками не дружиться... Забылъ?

— Все говорилъ ей отче, весь совѣтъ твой передалъ ей, оглашенной, ничего не послушала; убѣгла отъ меня тихонько въ церкву, да и повѣнчалась съ анафемсой.

— Каку церкву? Какъ повѣнчалась?—придирался наставникъ къ уставщику.—Развѣ ты не знаешь, что кромѣ нашей святой христіанской церкви другой нѣтъ на землѣ? Развѣ у никоніанъ есть церковь? Развѣ у нихъ есть святое повѣнчаніе браковъ? Тамъ осквернили только твою дочь, а онъ —повѣнчали!.. О, какъ вы маловѣрны и не начитаны еще! Слабо сидеть въ васъ христіанство и не укрѣплено.

— Дочь за еретика убѣжала, а онъ христіанинъ, пришелъ и давай гулять съ ними,—вставилъ другой.

— За мной, старики, они послали; а я не самъ пришелъ къ нимъ на св...

Старикъ-уставщикъ едва было не проговорился и не выговорилъ слово „свадьба“.

— Отлучить его надо, отче, отъ моленной!—предложилъ соборянинъ.

— Непремѣнно. Говорилъ я ему—не послушалъ; теперь казись; самъ виноватъ. Дочь воспиталъ въ непокорности, на еретическомъ гульбищѣ былъ, наше общество оконфузилъ...

— Какой еще срамоты нужно!

— Старики, я, видитъ Богъ, не виноватъ! Дѣло ее... Какъ хочеть... оправдывался уставщикъ.

— Какъ ее дѣло? Ты—отецъ ей.

— И то сказать: по моему, чѣмъ распутничать, да мѣнять мужиковъ, лучше съ однимъ жить.

— Еретикъ! еретикъ! - закричали всѣ соборяне, вскочивъ съ лавокъ.

— Охъ, Микита, Микита! Все христіанство вылетѣло у тебя изъ головы. Забылъ, что грѣхъ и ересь — разныя двѣ вещи. Кабы грѣшница была твоя дочь-то, это ничего-бы; она принесла-бы покаяніе и готово. А то, вѣдь, она теперь еретичка поганая.

— Старики, какъ-же Бѣловъ-то выдалъ своихъ дочерей за никоніанъ и даже благословилъ ихъ на это? А я не благословлялъ ее и дозволенія не давалъ.

— Сомкни уста свои, Микита! Не пустословь понапрасну! Бѣловъ—купецъ. Онъ милостыней умолитъ эти свои грѣхи. У него—капиталь, а у тебя что?—ничего. Какъ ты смѣешь равнять себя съ нимъ.

— Кузьмичъ тоже вонъ: ждалъ-ждалъ единовѣрныхъ жениховъ-то, да такъ и не дождался ихъ, а дочь-то ушла въ распутство и живетъ въ позорномъ домѣ. Хорошо-ли это?

— Микита! Не равняй себя съ бѣлымъ! Ты грязь, а Кузьмичъ съ дочерью—снѣгъ. Кузьмичъ неповиненъ! Онъ твердо сохранилъ преданье нашихъ отцовъ. Дочь его въ распутство пошла, а все-таки за никоніанина, поганца, онъ не дерзнулъ выдать ее, какъ ты поступилъ. Онъ сдѣлалъ по ученію отцовъ нашихъ, а ты напротивъ. Тебя не за грѣхи судятъ: на грѣхъ есть каянiе, а на ересь—клятба. Его дочь, сколь ни грѣшитъ въ распутствѣ, все-же она наша христіанка, вѣрѣ нашей измѣнницей не состоитъ, а твоя погань въ басурманство, въ ересь ушла, сама опачкалась, да и тебя обрызгала и все общество наше сконфузила.

Уставщикъ смолкъ. Всѣ доводы, которые онъ считалъ нужнымъ представить своимъ старшимъ, какъ доказательство своей невинности, онъ исчерпалъ и высказалъ.

— Будеть толковать-то!—сказалъ наставникъ. — Пора и къ дѣлу.

Наставникъ сталъ совѣтоваться съ стариками: какой карѣ подвергнуть уставщика за его дочь? Рѣшили: отлучить его навсегда, пожизненно, какъ отъ должности уставщика, такъ и отъ моленія въ моленной.

— Пожалѣйте, старики,—завопилъ уставщикъ, повалившись въ землю. Я не виновень... И старикъ заплакалъ.

Соборяне молчали.

— Богу молиться буду за васъ, старички, только ослабьте... кланялся уставщикъ.

Старики и тутъ не сжалились, стояли на своемъ и съ этимъ вышли изъ собранія.

Уставщикъ вышелъ разбитымъ, уничтоженнымъ, лишеннымъ куска хлѣба. Онъ опозоренъ, обруганъ и заплеванъ невѣжествомъ раскольническихъ вождей.

Прошло два мѣсяца со дня такого глупаго распоряженія стариковъ; наставникъ молельни упросилъ стариковъ дать Климушкину послабленіе и дозволить ему, хотъ послѣ всѣхъ молиться въ молельнѣ. Старики согласились.

Въ слѣдующій праздникъ наставникъ поставилъ уставщика у печки и сказалъ ему: „стой, Микита, здѣсь у печки и кайся о своемъ грѣхопаденіи; а придетъ время положить уставный поклонъ, то клади его, какъ грѣховный, послѣ всѣхъ насъ, христіанъ. Твоя молитва теперь нечистая, а оглашенная. За другихъ лицъ твоя молитва не дѣйствуетъ.

Такъ навсегда и остался Климушкинъ стоять у печки въ молельнѣ и совершать свою „оскверненную“ молитву.

Дико, грубо и глупо все это, читатель, но что-же можно ожидать лучшаго отъ такихъ лицъ, которые не могутъ отличить черное отъ бѣлаго, хорошее отъ дурного, которые, вотъ уже третье столѣтіе наступило, какъ изо дня въ день спорятъ между собою и отыскиваютъ вѣру православную въ обрядовыхъ мелочахъ. Безпросвѣтная тьма! Дикое невѣжество!

Вотъ другая картинка, гдѣ невѣжество раскольниковъ глумится надъ своими-же обрядами, своими религіозными дѣйствіями.

Старообрядецъ поморской секты, купецъ Халуевъ, 75 лѣтъ, женился, послѣ долгаго вдовства, на Саратовской мѣщанкѣ Людмиллѣ Харитоновой, также вдовѣ, но, сравнительно,

очень молодой еще. Ей было всего лѣтъ 30 съ небольшимъ. Они были повѣнчаны наставникомъ Акимомъ Семеновымъ и зажили на первыхъ порахъ, повидимому, хорошо и счастливо: мужъ — старикъ очень богатый, смиренный, трезвый и начетникъ въ книгахъ, а жена выходила за старика съ расчетомъ, что онъ скоро умретъ и предоставитъ ей весь свой капиталъ. Прошло три мѣсяца, и жена соскучилась жить съ старикомъ. Она стала сердиться, придираться къ нему и величать его не иначе, какъ „старымъ псомъ“, „деревяшкой“ и пр., такъ что старикъ мѣста не находилъ себѣ въ домѣ.

— Вотъ грѣхи-то тяжкіе! Вотъ оно искушеніе-то! И зачѣмъ это дернуло меня жениться на ней съ такими годами! — вздыхая и охая жаловался Халуевъ.

— Богу молись дѣдушка, больше, — совѣтовали ему.

— Не даетъ, окаянная, не даетъ мнѣ лика своего предъ образомъ Господнимъ утвердить въ спокойствіи, — отвѣчалъ онъ.

Халуевъ зналъ отлично причину размолвки съ своей женой, но устранить ее онъ былъ не въ состояніи. Между тѣмъ Людмила Харитоновна была бой-баба.

— Зачѣмъ ты, старый дьяволъ, женился на мнѣ? Сторожь ты у меня, а не мужъ! Я у тебя стряпухою живу! — колола она ему глаза.

Размолвка, въ концѣ-концовъ, окончилась тѣмъ, что жена выгнала Халуева изъ дома, наказавъ, чтобы болѣе онъ не показывался ей на глаза. Старикъ взялъ свои очки, псалтырь которую особенно любилъ читать и отправился въ домъ къ дѣтямъ отъ первой жены.

Прошелъ годъ, и старикъ Халуевъ забылъ Харитонову; чтеніе псалтыря изгладило изъ его памяти образъ молодой жены. Но... опять одиночество стало надоѣдать ему. „Скука преслѣдовала его на каждомъ шагу... И вотъ онъ рѣшилъ снова жениться. На этотъ разъ онъ остановилъ свое вниманіе на вдовѣ Матренѣ Сергѣевнѣ Винокуровой, женщинѣ лѣтъ около 40. Послѣдняя было за сыномъ „наставника“ Ивана Петровича Винокурова и вдовствовала нѣсколько лѣтъ, живя у родного брата. Старикъ выждалъ время, когда она была одна въ домѣ, и, явившись къ ней, по старообрядчески, въ

длинномъ черномъ халатѣ и шляпѣ, съ палкой въ рукѣ,—сдѣлалъ ей предложеніе. Винокурова согласилась. Заграбастать богатство старика въ свои руки и воспользоваться его капиталомъ ей очень льстило и хотѣлось до крайности. Свекоръ-наставникъ и братъ ея также совѣтовали ей не упустить этого случая и прибрать Халуева къ рукамъ.

— Дѣйствуй, Матрена!—говорилъ братъ, подмигивая.

— Соглашайся дочка! У него деньжищъ прорва,—совѣтовалъ наставникъ.

И Матрена повела свое дѣло такъ чисто и гладко, что старикъ только слюнявился, вздыхалъ и таялъ при видѣ ея лица и сахарныхъ словъ.

Дѣло оставалось за вѣнчаніемъ. Но какъ вѣнчать старика, когда у него въ живыхъ находилась жена, и это знало все поморское безпоповское общество? Правда, бракъ этотъ вѣнчанъ старообрядческимъ наставникомъ, въ церковныхъ никоніанскихъ книгахъ нигдѣ не записанъ, но, вѣдь, для старообрядцевъ этотъ бракъ законный и святой и не расторгенный никѣмъ доселѣ. Положимъ, что Харитоновъ выгнала Халуева изъ своего дома, но этимъ еще не порванъ бракъ. Дѣло выходило не ладно. Если возбудить вопросъ о расторженіи брака хотя-бы по старообрядчески, въ средѣ своихъ собратій, то виновной стороною, несомнѣнно, остался-бы старикъ Халуевъ; тогда ему жениться было-бы нельзя, а чрезъ это изъ рукъ наставника съ союзниками улетучивались десятки тысячъ его капитала... Приходилось идти окольнымъ путемъ и дѣйствовать по „смотрительному закону“ вмѣсто „обдержнаго“, что особенно въ большомъ ходу у нашихъ раскольниковъ, въ особенности тамъ, гдѣ касается интересовъ кармана. Но у наставника не было въ данномъ случаѣ надлежащей точки опоры, чтобы привести въ дѣйствіе „смотрительный законъ“. Нельзя-же сказать прямо, что я такъ хочу... Нужно было выдумать что-нибудь такое, что-бы и дѣло обдѣлать, и себя предъ обществомъ не скомпрометировать. Сталъ онъ думать и раскладывать во всѣ стороны и рѣшилъ, что никакого оффиціального расторженія брака Халуева и Харитоновой даже не требуется, ибо у нихъ нѣтъ законнаго священческаго вѣнчанія по уставу, а совершается лишь молебень и то „простецами“,

что и было совершенно въ свое время Халуеву съ Харитоновой по случаю ихъ „сходбища“ на брачную жизнь. Какой-же тутъ разводъ? Сошлись, пожили и разошлись. Отъ восторга этой мысли наставникъ даже хлопнулъ себя по головѣ. „И думаль-же я доселѣ!—разсуждалъ онъ самъ съ собою: анъ, дѣло-то самое простое“.

Рѣшивъ такимъ образомъ мучившій его вопросъ, наставникъ Винокуровъ все-таки счелъ лучшимъ отстранить себя отъ „браченія“ Халуева съ своею снохою, и предоставитъ это дѣло наставнику другой молельни, Акиму Семенову, къ которому и направилъ Халуева, предварительно переговоривъ съ своимъ коллегою. Акимъ Семеновъ охотно согласился „обратить“ Халуева, назначилъ ему время пріѣхать въ моленную съ невѣстою и, кстати, тутъ-же получилъ съ старика за свои будущіе труды 100 р. и на пѣвчихъ 50 руб.

Между тѣмъ Харитонова, узнавъ о сватовствѣ своего мужа и готовности наставника повѣнчать его на Винокуровой, рѣшила помѣшать этому дѣлу. Ей просто показалось обиднымъ и досаднымъ, что оба наставника совершенно игнорировали ее, вѣнчанную по ихъ обряду, жену его, Халуева, и не спросили ея дозволенія. Она не гналась за старикомъ, плюнула и на его деньги, какъ женщина одинокая и со средствами,—ее кипятила досада,—почему не спросили ея разрѣшенія на браченіе Халуева. „Ахъ, старый хрычъ!—злилась Харитонова. Деревяшка мертвая“!... Тотчасъ кинулась она къ одному изъ попечителей моленной, купцу Ливанову и рассказала ему обо всѣхъ замыслахъ наставника Винокурова.

— То говорятъ, что у насъ въ обществѣ бракъ есть и вѣнчаніе устроено, а теперь сами отрекаются отъ всего и меня не признаютъ вѣнчанной съ Халуевымъ... Это чего-же, родимый, дѣлаютъ старики-то! Это мошенничество какое-то!... тараторила баба.

Ливановъ сталъ на ея сторону и въ утѣшеніе ея сказалъ, что „браченью“ этому не быть въ моленной. Тутъ-же отправился онъ въ моленную, отобралъ у сторожа ключи отъ нея, а затѣмъ заявилъ наставнику Акиму Семенову, что-бы онъ не „брачилъ“ Халуева подъ опасеніемъ быть уволеннымъ отъ должности.

— Вы незаконіе строите!—строго говорилъ онъ.—Отъ живой жены „брачите“ съ другой...

— Я тутъ не причемъ, Кузьма Сидорычъ; я посторонній человекъ,—оправдывался наставникъ.

Со стороны Ливанова это была неожиданность для наставника. Никакъ не думалъ онъ, что послѣдній вмѣшается въ это дѣло. Вышло напротивъ. Положеніе Акіма Семеновича вышло щекотливое: приходилось отдавать Халуеву деньги назадъ, чтобы не лишиться должности. Но Акімъ Семеновъ тоже былъ не изъ простяковъ; онъ хорошо помнилъ поговорку: „что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“. Думалъ, думалъ онъ надъ Ливановой задачей, взялъ, да и улегся въ постель, притворившись больнымъ.

Въ назначенное время Халуевъ съ невѣстой и родственниками подкатили къ моленной.

Ни огня, ни людей, и моленная на замкѣ. Сторожъ заявилъ, что наставникъ сильно боленъ. Поѣздъ направился къ нему въ домъ.

— Какъ-же намъ быть-то, отче?—растерянно спросилъ женихъ лежавшаго наставника. Вѣдь, мы совсѣмъ приготовились къ этому дѣлу!..

— Занемогъ, родные... заболѣлъ... Вѣжайте домой и пируйте, какъ слѣдуетъ. А молебенъ я отстою и послѣ. Если-бы у насъ настоящее было вѣнчаніе, съ попомъ, тогда иное дѣло. Но у насъ этого нѣтъ, стало быть, молебенъ отслужить мы можемъ во всякое время и лучше прямо у тебя въ домѣ, не главно, безъ публики... говорилъ наставникъ, нарочно прерывая свой голосъ и какъ-бы задыхаясь.

— Такъ хоть благослови насъ! — сказали женихъ и невѣста, послѣ переговоровъ съ родственниками.

— Это можно. Кладите началъ.

Невѣста съ женихомъ положили началъ, т. е. семь поклоновъ, затѣмъ поклонились наставнику въ ноги и сказали: „благослови насъ, отче, на брачное сожитіе“.

— Господь васъ благословить и я грѣшный,—отвѣтилъ наставникъ, приподнявшись съ постели.

Поѣздъ отправился домой. Здѣсь встрѣтили ихъ какъ-бы отъ вѣнчанія—съ хлѣбомъ и солью, съ образами и хмѣлемъ, которымъ и осыпали старика съ невѣстой при вступленіи въ домъ.

Молодые прошли въ зало.

— Стойте!—рявкнулъ полупьяный родственникъ невѣсты.— „Отець“ не вѣнчалъ васъ въ моленной, такъ мы теперь учинимъ свое вѣнчаніе. Кладите началъ.

Женихъ и невѣста были въ изумленіи. Однако, имъ подали подручники и они стали класть началъ.

— Кланяйтесь всѣмъ въ землю!—командовалъ тотъ-же родственникъ.

Молодые кланялись и говорили: „простите насъ, Христа ради“!..

— Богъ васъ да простить!—отвѣчали имъ.

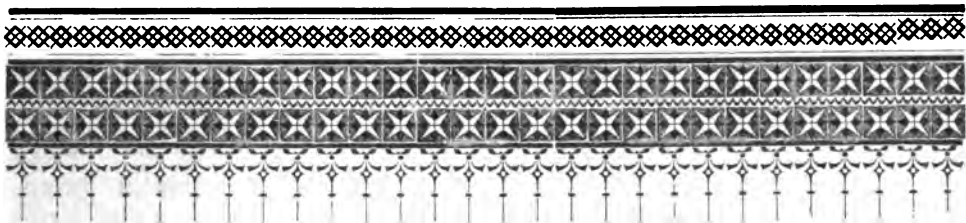
— Давайте сюда кольца!

Подали два золотыхъ кольца. Тотъ-же родственникъ помѣнялъ ихъ три раза кольцами и заставилъ поцѣловаться.

— Теперь поздравляемъ васъ съ законнымъ бракомъ! Николай! Пой: „Подаждь утѣшеніе рабамъ своимъ“!..

Уставщикъ запѣлъ догматикъ 4-го гласа, ему вторили другіе. Образовался дикій ревъ людей, рычавшихъ одинъ другого сильнѣе. Подъ этотъ шумъ и крикъ подходили и поздравляли молодыхъ.

IV.

УТОНУВШІЙ РАСКОЛЬНИКЪ.

25 Юня 1887 года, въ Волковской молельнѣ происходилъ соборъ безпоповцевъ поморской секты, на которомъ разсматривали слѣдующій вопросъ: какъ хоронить старообрядцевъ, которые умерли неестественною смертю? Иначе: можно-ли раскольничьему наставнику съ своими пѣвцами отпѣвать на дому и вносить въ моленную такихъ умершихъ, которые удавились, утопились и просто застрѣлились. Соборъ открылся по экстренному случаю. Поводомъ къ нему послужило слѣдующее обстоятельство: 24 Юня, т. е. наканунѣ собора, купаясь въ Волгѣ, утонулъ послѣдователь поморской секты, саратовскій мѣщанинъ Алексѣй Лукьяновъ Колесниковъ. Покойный жилъ богато, но былъ религіозный человѣкъ и строго держался правилъ, установленныхъ своими стариками. Онъ ходилъ за службу въ моленную никогда ни съ кѣмъ изъ иновѣрцевъ не ѣлъ изъ одной посуды, чтобы не оскверниться; стригъ маковку на головѣ, не ходилъ въ театры, гостинницы и др. увеселительныя мѣста—словомъ, Колесниковъ былъ истовый старообрядецъ во всѣхъ своихъ понятіяхъ и жизни. Утромъ, въ день своей внезапной смерти, онъ также былъ за службой въ молельнѣ, и, возвратившись, пообѣдалъ и пошелъ на Волгу купаться. Мѣсто-ли онъ выбралъ неудобное для купанья, или просто

волной отнесло его отъ берега, только Колесниковъ пошелъ ко дну рѣки, а вечеромъ его вытащили и привезли къ женѣ домой. Тотчасъ, по обычаю, его обмыли, обрядили и положили впередъ, къ иконамъ.

Жена послала къ уставщикамъ, чтобы шли читать псалтирь надъ гробомъ, но послѣднимъ запретилъ это дѣлать наставникъ молебни, старикъ Винокуровъ.

Жена утопшаго отправилась сама къ наставнику.

— Нельзя читать нашимъ уставщикамъ надъ такими мертвецами, — сурово говорилъ наставникъ. — Грѣшно это! Не по Божьи умеръ онъ...

— Да вѣдь онъ, родимый, былъ истинный христіанинъ, — возражала жена утопленника.

— Все равно это. Не смертью разлучился онъ отъ тѣла, а водою. Такіе не будутъ въ царствіи небесномъ, и пѣть надъ ними „со святыми упокой“... нельзя, — грѣшно...

— А какъ-же хоронить-то его?

— Такъ и хорони, безо всякаго... Ввали на телѣгу, да и вези на кладбище; а я отпѣвать не стану.

— Такъ-то скотину возять только, а онъ человѣкъ, — плакала женщина.

— И не проси, и не кланяйся въ ноги, — отпѣвать ни за что не станемъ... Грѣха на душу свою я не возьму.

— Если бы онъ нарочно утопился, а то нечаянно... Охъ, наказаніе!...

— Какъ ни утопился, это одна статья: все утопленникъ. А коли такую смерть послалъ ему Господь, значитъ, онъ былъ великій грѣшникъ. Какъ-же мы теперь противъ Бога-то пойдемъ! Да на утопленника-то и чина нѣтъ, какъ отпѣвать его...

Горькимъ, безсердечнымъ поступкомъ показался женщинѣ отказъ наставника отпѣть ея мужа и она обратилась съ жалобою на него къ другимъ старикамъ. Послѣдніе вынуждены были составить соборъ, на которомъ и повели свои сужденія объ утопленникѣ.

— По моему, никакихъ толкованьевъ тутъ не можетъ быть: Утонулъ человѣкъ, такъ и зарывай его безъ всего... сказали наставникъ.

— Это правда. Святые отцы не повелѣли отпѣвать такихъ умершихъ,—поддакнулъ старикъ.

— Да и не по чемъ отпѣвать-то ихъ! Для утопленника нѣтъ чина погребенія. Тамъ поется: „на ложѣ преставльшагося упокой съ праведными“... а утопшій не подходитъ къ этому разряду. Какъ-же теперь отпѣвать-то его? Если по обычному чину, то это будетъ нарушеніемъ правилъ св. отецъ!... возразилъ наставникъ.

— Чать, покойникъ-то лежитъ теперь, что скотина.

— По моему, если отпѣвать утопленниковъ по христіанскому закону, тогда нужно совершать молитвословіе и надъ удавившимися, и застрѣльщиками, и пьяницами—это все равно.

— Истинно такъ,—сказалъ наставникъ. — Тутъ никакого различія нѣтъ. Но по какой книгѣ отпѣвать-то ихъ?

Мнѣніе наставника признано соборомъ весьма основательнымъ: и утопленникъ, и удавившійся, и застрѣлившійся раскольникъ признаны соборомъ стариковъ погибшими людьми, недостойными общаго, на ряду съ другими, христіанскаго погребенія. Доказательство основанія — книги нѣтъ, по которой нужно отпѣвать ихъ. Поэтому, указанныхъ лицъ, умершихъ неестественною смертію, приказано соборомъ хоронить безъ погребенія, псалтиря надъ гробомъ не читать, старообрядцамъ не цѣловать умершаго. и, тѣмъ болѣе, не молиться за него по имени.

Жена утопшаго, слушая рѣшеніе собора премудрыхъ старцевъ, плакала.

— Такъ вотъ, Онисья! — вскричалъ наставникъ. Ты на меня жалилась старикамъ, что я отказалъ тебѣ въ пѣніи надъ твоимъ мертвецомъ; теперь мы всѣмъ міромъ поставили одно и для всѣхъ христіанъ: иди и зарывай своего мужа прямо въ землю, а насъ не жди къ себѣ. Затѣмъ, поминай его милостыней.

— А какъ же вы, старики, хоронили у Финаева сына его? Онъ, вѣдь, опился тогда! Надъ пропойцей можно служить, а надъ утопшимъ нельзя? Мой мужъ утонулъ трезвый, при томъ же не нарочно самъ утопился, а такъ ужъ Богу угодно! Жизнь велъ всегда хорошо, богобоязно, а у Финаева сынъ пьянствовалъ безъ просыпа, и въ моленную не ходилъ, и его

тогда хоронили со всѣми почестями, лучше всякаго другого хорошаго человѣка, — озлобленно проговорила все это женщина.

— Какъ?! Ты смѣешь урекать насъ? — гаркнуло собраніе. Вонъ отсюда! — кричалъ наставникъ.

— Негодная бабенка! Законы свои уставлять пришла, — шипѣли старики.

И Колесниковъ похороненъ былъ женою безъ погребенія. Мало этого: когда она привезла его гробъ на поморское кладбище, то озлобленные на ея замѣчаніе о похоронахъ Финаева сына, старики не приказали ей разрыть свою могилу въ центрѣ кладбища, а велѣли зарыть его въ углу кладбища, около ограды.

Такъ безчеловѣчно поступаютъ раскольничьи воротилы тамъ, гдѣ чувствуютъ свою силу и могущество. Указанный Колесниковою фактъ погребенія купческаго сына Финаева дѣйствительно, былъ, и его, хотя и опившагося виномъ, старики хоронили съ всею почестью. Правда, отецъ опившагося состоялъ въ обществѣ поморцевъ сильнымъ воротилою, крѣпкимъ человѣкомъ и все дѣлалъ по своему, какъ хотѣлъ; но и тутъ — насильно заставить наставника дѣлать по его желанію онъ не могъ, а если онъ согласился на это, то побудительнымъ рычагомъ къ къ этому служили деньги купца Финаева, 100 руб. за отпѣваніе, 150 руб. за поминовеніе по псалтири у себя на дому, итого 250 руб. получилъ наставникъ въ одинъ день. За такой кушъ невольно согласишься отпѣть и опойцу и, пожалуй, кого-нибудь другого. Деньги — сила; ради денегъ можно и „закону премѣненіе сдѣлать“.

Однородный случай съ Колесниковою былъ и потомъ еще, въ томъ же обществѣ поморской безпоповщины. Въ январѣ 1888 года умеръ уставщикъ ихъ молельни Киръ Полиевктовъ, умеръ отъ вина, которое онъ пилъ запоемъ. Старики велѣли зарыть его безъ погребенія, какъ и Колесникова. Жена стала просить стариковъ, чтобы они пожалѣли его, такъ какъ онъ служилъ при ихъ молельнѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: но просьба ея не принята, и Киръ схороненъ, по выраженію наставника, „безъ всего“. Привезли на лошади, сложили и за-

копали поглубже въ землю, — „чтобы изъ гроба онъ встать не могъ“.

Про Кира въ расколѣ осталась поговорка: „жилъ смѣшно, и умеръ грѣшно“.

Нужнымъ считаю объяснить читателямъ, какъ молятся раскольники милостынею.

Молитва милостыней, вообще, идетъ за такихъ лицъ, которые не удостоены безпоповцами погребенія. Милостыня принимается ими, какъ отъ своихъ старообрядцевъ, такъ и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ другой вѣрѣ. Деньги принимаются раскольническими молитвенниками рѣшительно отъ всѣхъ и cadaго, хотя бы отъ нѣмца, татарина и даже еврея. Такъ они привлекательны и такъ сильно дѣйствуютъ на молитвенниковъ раскола, что они нашли возможность брать ихъ отъ кого бы то ни-было, а въ замѣнъ этого давать свою молитву по лѣстовкѣ. Умеръ, допустимъ, православный человекъ, жена его или родственники, по склонности своей къ расколу, раздають свою милостыню наставнику, уставщикамъ и старухамъ, съ просьбой молиться о такомъ-то. Деньги охотно кладутся въ карманъ, но какъ молиться объ еретикѣ?

Вотъ и придумали раскольники иную молитву, не называть умершаго по имени, а читать при каждомъ бубенчикѣ лѣстовки молитву: „Богородице, Дѣво радуйся“... затѣмъ „Иисусову“ молитву, Ангелу Хранителю, совершая все это, главнымъ образомъ, въ теченіе 40 дней со дня смерти умершаго. Это и есть молитва милостыней. Она самая доходная молитва у раскольниковъ, и, главное, домашняя, безконтрольная, какъ я хочу и сколько хочу, только и дѣлаю. Она, выходитъ, молитва и легкая, и пріятная. Такой молитвы раскольники даже нарочно ищутъ. Умеръ какой нибудь богачъ православный: раскольники постараются урвать себѣ кусочекъ отъ его капитала. Какъ-нибудь и чрезъ кого-нибудь они долѣзутъ до распорядителей надъ имуществомъ и шепнутъ кому слѣдуетъ, что хорошо бы, кромѣ поминовенія въ церквахъ, дать милостыню такимъ-то старообрядцамъ. Куда, молъ, 200—300 руб. ни шло! А все-таки молитва, которая никогда не пропадетъ передъ Богомъ. Да, наконецъ, если молитва ихъ будетъ и не угодная Богу, такъ милостыня не утратитъ своей цѣны“.

И родственники умершаго соглашаются на это и даютъ деньги на раздачу раскольничьимъ молитвенникамъ. А послѣднимъ только это-то и нужно. Имъ нужны деньги, а не молитва за еретиковъ.

Молитва милостыней развита рѣшительно во всѣхъ сектахъ раскола. И что важно, это — то, что сами раскольники признаютъ бесполезность этой молитвы за еретиковъ. Однажды въ Саратовѣ умеръ богачъ православный Левъ Ѳедоровъ Крючковъ. Жена его была австрійской секты. Раскольничьи попы сейчасъ нашептали ей въ уши, чтобы не поминала его по никоніански, а дѣлала все это у нихъ и по своему.

— Да можно ли по немъ обѣдни-то служить?—спросила жена его своихъ поповъ.

Все сдѣлаемъ,—отвѣтили они.

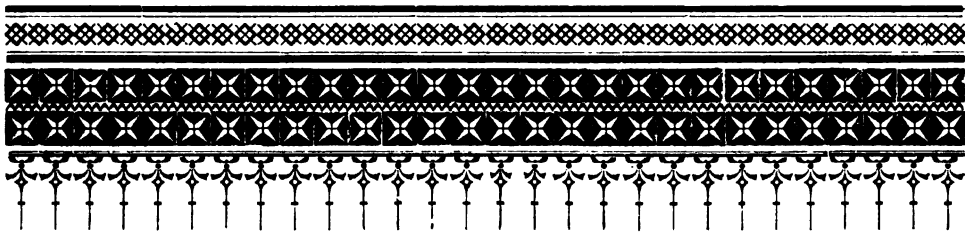
Какъ православный, Крючковъ похороненъ былъ по церковному, а поминовеніе о немъ стали творить раскольники-австрійцы. Жена купца впередъ дала попамъ своимъ за 40 обѣденъ, свѣчи, вино, просфоры и проч., 2000 р., и они стали служить обѣдни, поминая на нихъ не умершаго купца, а „всѣхъ православныхъ христіанъ“. Когда жена его, узнавъ объ этомъ, стала выговаривать попамъ, они сказали ей:

— Ты, Кулина Васильевна, не печалуй о его имени-то: милостыня твоя давно ужъ стоитъ предъ престоломъ Царя небснаго и сама проситъ его очистить твоего мужа отъ всей его ереси. Ты благодари насъ еще, что мы избавили тебя самое отъ новаго грѣха, и ты не пошла къ никоніанамъ съ своими поминками.

Женщина успокоилась, сдѣлала земной поклонъ попамъ австрійскимъ и продолжала всѣ 40 дней кормить ихъ въ своемъ домѣ изысканными обѣдами.

Такъ увлекаютъ и такъ обманываютъ раскольники многихъ и многихъ православныхъ, въ рукахъ которыхъ видятъ деньги, и деньги большія. Жажда къ наживѣ побуждаетъ ихъ пускаться на всѣ продѣлки, лишь бы только вырвать изъ рукъ деньги...

v.

СТАЯ ГРАЧЕЙ.

а углу Староострожной и Вольской улицъ въ городѣ Саратовѣ, во дворѣ, принадлежащемъ купцу Егорову, стоитъ большой деревянный домъ, служащій молельнею раскольниковъ „Спасовой секты“. Въ Саратовской губерніи эта секта развита въ значительномъ количествѣ и занимаетъ уѣзды: Саратовскій, Вольскій, Хвалынскій и, частью, Аткарскій. Есть цѣлыя селенія этихъ сектантовъ, на примѣръ: Тугуска, Покурлей, Поселки, Лопуховка, Донгусъ, Лопастейка, Горюши, Шиковка и др., селенія огромныя, нѣкоторыя тысячъ 5—6 душъ обоого пола. Главный, такъ сказать, догматъ этой секты заключается въ томъ странномъ убѣжденіи, что нынѣшнее время — время антихристова, царство котораго началось съ 1666 года. Все видимое на землѣ осквернено, весь воздухъ зараженъ погибельной ересью и всѣ люди кажутся имъ глубоко несчастными, погѣбшими, имѣющими одинъ только внѣшній обликъ человѣка, внутри же ихъ—образъ и сѣдалище сатаны. Они полагаютъ, что антихристъ господствуетъ всюду: въ церквахъ, въ училищахъ, судѣ, торговлѣ и пр.. Желѣзная дорога, телеграфъ, пароходство,—все это изобрѣтеніе діавола—антихриста.— „Чуждаться нужно братіе, всего этого“, — толкуютъ

старики, представители этой секты, — „а мы сами, точно мухи, вдаемся въ соблазнъ и грѣхи творимъ. Всю землю проклятый опуталь и оковаль всѣми своими дѣлами; куда ни повернись—его работа. Одно спасенье, —плакать и удаляться отъ всего“. Но какъ удалиться всѣмъ отъ міра, когда жизнь представляет свои неотступныя требованія, напоминаетъ и о кускѣ хлѣба, и объ одеждѣ и т. д. На все это нужны деньги, добывать которыя надо или ремесломъ, или торговлею. Стало быть, волей-неволей „спасовцу“ приходится вѣдаться съ „зараженнымъ скверною антихриста“ міромъ и тѣмъ нарушать свои вѣроученія. И вотъ, чтобы выйдти изъ явнаго противорѣчія слова съ дѣломъ, сектанты образовали въ средѣ себя кружокъ стариковъ и старухъ, совершенно отдѣленныхъ отъ мірской жизни и занимающихся исключительно одной только молитвою за себя и другихъ своихъ собратій, еще не отрѣшившихся отъ міра, ведущихъ семейную жизнь и занимающихся въ грѣховномъ мірѣ торговлей и ремесломъ. Этотъ кружокъ истовыхъ ревнителѣй „спасовщины“, такъ называютъ „чистыхъ“ христіанъ, обычно небольшой, находится подъ вѣдѣніемъ старика — наставника и содержится на средства остальныхъ спасовцевъ, христіанъ „замирщенныхъ“, оскверненныхъ, и молитва которыхъ не угодна Богу. Такимъ образомъ, эти послѣдніе, взнося деньги на содержаніе Богомъ излюбленнаго кружка молитвенниковъ, сами ведутъ жизнь, особенно богачи, свѣтскую, не стѣсняя себя и не отказывая себѣ ни въ чемъ, ведутъ ее до тѣхъ поръ, пока явится возможность бросить всѣ дѣла житейскія, порвать свои связи съ міромъ и причислить себя къ кружку молитвенниковъ „чистыхъ“ христіанъ.

Признавая царство антихриста „во всей его силѣ и знаменіихъ“, спасовцы отвергають существованіе церкви съ іерархією и таинствами. „Нынѣ всего этого уже нѣтъ на землѣ“, — говорятъ они. Крещеніе младенцевъ, вѣнчаніе, они, по необходимости, какъ ни странно это, совершаютъ въ православной церкви, хотя въ святость ихъ не вѣрятъ, считаютъ еретическимъ, скверною, для чего въ то же время совершаютъ свою молитву, чтобы еретическое крещеніе и вѣнчаніе „очистилось“. Въ этомъ случаѣ имъ нужна бываетъ только одна внѣшняя

форма и дѣйствующее лицо. „Хоть еретикъ, да въ ризахъ“, -- толкуютъ они.

„Намъ уже совершать это дѣло Божіе нельзя“. Другія церковныя таинства они совершенно оставили и замѣнили ихъ следами, обѣдами и милостынею. Заболѣлъ спасовецъ—онъ тотчасъ устраиваетъ обѣдъ для кружка своихъ молитвенниковъ: крестины, вѣнчаніе, именины—опять обѣдъ. Поэтому кружокъ „молитвенниковъ“ спасовщины только и знаетъ, что молится, да лакомится на обѣдахъ, то въ одномъ домѣ, то въ другомъ.

Въ обществѣ Саратовскихъ спасовцевъ состоитъ наставникомъ малограмотный старикъ Исай Архиповъ. Давно уже онъ учитъ свою братію и задаетъ тонъ религіозной жизни.

Онъ любитъ выдавать себя всезнающимъ человѣкомъ и потому рѣшаетъ всякія сомнѣнія и вопросы, кто и о чемъ бы не предложилъ ему,—всегда отвѣтъ готовый. Но въ послѣднее время ученіе Исаю показалось малоавторитетнымъ для раскольниковъ и они созвали стариковъ, чтобы „соборне“ рѣшить нѣкоторые спорные пункты своего ученія. Хотя Исаю это было не по нутру, но пришлось молчать—сила купцовъ давила его.

Соборъ открылся 29 прошлаго августа 1888 года, въ зданіи молельни. Стариковъ наѣхалось со всѣхъ мѣстъ множество. Были тутъ: Романъ Павловъ *), Гавріиль Огольцевъ, Павелъ Ивановъ **). Ефимъ Шаровъ, Петръ Осиповъ ***) и другіе. Чинъ по чину усѣлись старики вокругъ стола съ книгами, рядомъ съ ними помѣстились просто начетники, уставщики, купцы и купчихи. Все это собраніе замыкалось еще стоявшей въ дверяхъ любопытной толпой мужиковъ и бабъ, пришедшихъ послушать толкованіе отъ „божественнаго“ писанія.

Первый вопросъ на разсужденіе стариковъ-наставниковъ и прочей съ ними братіи предложенъ былъ такой: какъ должно писать святыя иконы, чтобы онѣ были „истовыми и православными? Вопросъ поставилъ мѣстный наставникъ Исай Архиповъ. Старики переглянулись между собою, подумали, посмотрѣли по стѣнамъ моленной и одинъ другому стали поддакивать,

*) Хохоль. Изъ Копень, Аткарскаго уѣзда.

***) Первый изъ с. Покурлей, а второй—изъ Алексѣевки, Хвалынск. уѣзда.

***) Оба изъ Сердобскаго уѣзда с. Вакуръ и Комаровки.

что писать иконы довлѣетъ по древнимъ подлинникамъ святой православной древне-каеолической церкви.

— Какъ-же учить церковь-то писать ихъ? Каки-таки подлинники?—спросилъ начетникъ Артемій Семеновъ.

— Смотри, вотъ на святыню-то! Вонъ тѣ иконы....—показывающая рукою—говорилъ наставникъ Исая Архиповъ.

Въ это время другой наставникъ, снявъ съ полки большого размѣра вылитый мѣдный крестъ, предложилъ старикамъ разсмотрѣть его—правильно-ли онъ отлить?

Старики посмотрѣли крестъ и рѣшили, что крестъ вылить не по древнему подлиннику и потому держать его въ моленной и кланяться ему нельзя.

— Какой это крестъ!

— Это плохой крестъ! Негодный!—говорили старики, вертя крестомъ и передавая его изъ рукъ въ руки.

— Правильный крестъ, старики, есть тотъ, на которомъ изображеніе Спасителя существуетъ въ такомъ видѣ: руки и ноги прибиты четырьмя гвоздями, глава Спасителя преклонена на правую сторону; вверху распятія Богъ Саваофъ, а отъ него исходитъ Духъ Святой. По бокамъ креста должны быть солнце и луна, крестъ и копые, внизу—глава Адамова. Вотъ такому кресту и можно поклоненіе творить, ибо онъ святъ; другіе-же образцы креста—еретическіе, неправильные, и поклоняться имъ—великій грѣхъ!—сказалъ Павелъ Ивановъ.

— Да, братіе, великія богословія состоятъ въ честнѣмъ и животворящемъ Крестѣ Господнемъ, — сказалъ наставникъ Ефимъ Назаровъ. Не зная ее, можно и нѣмецкій крестъ, и никоніанскій, и всѣхъ другихъ раздорниковъ нашихъ, называющихъ себя также старообрядцами, признать за истовый, и поклоненіе совершать ему, а вѣдь это—ужасный грѣхъ! За каждый поклонъ такому кресту негодящему, хотя-бы по невѣдѣнію совершилъ ты его, нужно чашу пролить слезъ съ воздыханіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ. Иначе пропаль!..

Тутъ наставникъ пустился въ объясненіе, какое значеніе имѣютъ на крестѣ солнце, луна, поднятіе Христомъ правой ноги и опущеніе главы на правую сторону, и пр. и пр. Толковалъ онъ болѣе часа; стоявшія въ дверяхъ женщины плакали.

— А скажите, отцы, въ какомъ видѣ Господь сотворилъ Адама: молодымъ или старымъ?—прервавъ толкованіе Назарово, спросилъ купецъ.

— Богъ сотворилъ его по образу и по подобію своему, какъ есть человѣка, такого-же, какъ и всѣ люди теперь...

— Вы образъ-то его мнѣ выкажите! Къ примѣру: какой у него ликъ имѣлся?

Старики замялись, не зная что отвѣтить назойливому просителю.

— Пророкъ Даніиль видѣлъ Бога Саваофа ветхаго деньми,—вступился одинъ наставникъ, выручая своихъ собратій.

— Стало-быть Адамъ созданъ старикомъ?

— Не старикъ, а ветхій деньми...

— Что-же такое—ветхій деньми? Растолкуй, я послушаю. Вѣтхій деньми!.. Это значить... Какъ бы тебѣ сказать то!.. Это... Ну, вотъ, положимъ, ветхая книга, такъ и Богъ—ветхій деньми!

— Темновато, что-то, отецъ. Выходить, все-таки по моему, что Богъ—старикъ, и Адама сотворилъ такимъ-же.

— Не старецъ, какъ ты понимаешь, а такъ, примѣрно, человѣкъ около 40 лѣтъ, съ длинной, сѣдой бородой, — съ сердцемъ сказалъ наставникъ купцу.

— Ну, это ты зря сказалъ, 40 лѣтъ человѣкъ еще не старый, и сѣдую бороду рѣдко кто имѣетъ. У меня 46 лѣтъ за спиной лежить, а сѣдины, видишь—ни капельки.

— Вотъ ты молодой и есть,—вставилъ другой купецъ.

— Спаси Христось! А то предъ бабами-то оказаться старикомъ убыточно. Имъ, вѣдь, любитя молоденькое, да свѣженькое...—улыбаясь и кивая головой на женщинъ, говорилъ любознательный купецъ.

— А ты ужъ, Иванъ Пантелѣичъ, не грѣши здѣсь помыслами-то. Моленная вѣдь! Святые образа стоятъ, а онъ про грѣховность толкуеть!—замѣтила жена купца.

— Я говорю про дѣло. Тоже и это въ жизни-то бываетъ. Подставь-ко имъ „ветхаго деньми“, онѣ и носъ заворотятъ отъ такого человѣка... Знаю я бабѣ-то... Сословіе-то вашинское...

— Порода опасная,—поддакнулъ еще разъ купецъ.

— Объ этомъ нечего спорить—старый или молодой былъ Адамъ по его сотворенію,—смѣнилъ другой наставникъ спорившаго Шарова: можно сказать съ утвержденіемъ одно только, что Адамъ былъ сотворенъ съ бородою, стало-быть, примѣрно лѣтъ 30 или немного больше. Тутъ, по моему разуму, у него еще не было сѣдой бороды. Даниилъ-же видѣлъ Бога спустя нѣсколько сотъ лѣтъ по сотвореніи Адама, поэтому онъ былъ „ветхій деньми“. Вотъ вамъ и протолкъ всему спору. И, довольный собою, Шаровъ сѣлъ на лавку.

Купецъ рѣшилъ отстать и замолкъ. Старики, покачивая головами говорили: „писаніе, что море глубокое, на каждое слово нужно привести толкованіе, оно и выйдетъ складно и по статьѣ. А безъ этого, сколько хочешь читай писанье, все будетъ зря и безъ толку“.

Шаровъ захотѣлъ еще щегольнуть своимъ знаніемъ и показать себя передъ собраніемъ

— А вотъ, подумайте; отцы, еще о чемъ: кто будетъ судить насъ на страшномъ судѣ. Богъ-Отецъ или Ісусъ Христосъ? Это дѣло великое и покумекать надъ нимъ слѣдуетъ—сказалъ Шаровъ.

Старики молчали.

— Вотъ такъ башка!—послышалось въ толгѣ.—Видно на книгахъ-то паренъ собаку сѣлъ. Смотри, каку словесность пушшаетъ. Стало быть, знаетъ дѣло-то хорошо!..

— Вѣстимо; зря говорить не станешь,—шептали другіе.

— Судъ надъ нами будетъ производить Господь нашъ Ісусъ Христосъ, а не Богъ Саваофъ,—сказалъ наставникъ изъ Копенъ.—Это я вамъ доложу изъ книги „Сборникъ“.

Наставникъ взялъ нужную книгу, отыскалъ въ ней слово о страшномъ судѣ Христовомъ и, перекрестившись, сталъ читать его.

Слово было большое, и наставникъ читалъ его долго. По мѣстамъ онъ останавливался и дѣлалъ толкованіе прочитан-

наго. Мужики вздыхали и охали; бабы выли, точно по покойникъ; Шаровъ и старики молчали. Самъ чтець такъ увлекся чтеніемъ книги, что совершенно забылъ вопросъ Шарова и читаль о другомъ.

Наконецъ, онъ усталъ и замолкъ, закрывши книгу.—Шаровъ торжественно всталъ и заявилъ собранію, что наставникъ Романъ Павловъ читаль о другомъ, а вопроса его ни мало не разрѣшилъ.

— Какъ не разрѣшилъ! Врешь ты! Я тебѣ прочиталь цѣлую книгу,—озлобленно вскричалъ копенскій наставникъ.

— Самъ врешь! Ты читаль по-пусту не къ дѣлу... Ты... и Шаровъ, сильно раздраженный, оборвалъ свою рѣчь и замолчалъ.

— Будеть ругаться-то!—сказали старики.—Этого вопроса мы не можемъ рѣшить. Надо погодить. Прежде почитать нужно книгъ, а потомъ держать преніе.

— Пора обѣдать, отцы; будетъ соборничать-то,—сказаль купецъ.

— Да, отцы и братіе, объ этомъ нужно вамъ читать много книгъ,—наставительно сказалъ Шаровъ.—Это вещь важная. Не зная этого, вы можете погрѣшить въ вѣрѣ и благочестіи. Вѣдь на страшномъ судѣ все взыщется съ насъ,—каждая точка въ книгѣ, каждый бубенчикъ лѣстовки, который мы съ небреженіемъ прошли. А кто будетъ взыскивать за все это, ну-съ—Христось, или Богъ Саваофъ? Этого вы даже совсѣмъ не знаете. Какъ же вы молитесь послѣ этого? Кого вы просите, чтобы помиловаль васъ на страшномъ судѣ? Не знаете. А безъ толку молиться—это значитъ работать діаволу и аггеломъ его.

Въ это время мущина, стоявшій у двери, улыбнулся. Шаровъ это замѣтилъ, замолкъ и указаль на него рукою старикамъ. Они встревожились, мигомъ вскочили съ своихъ мѣстъ и начали поспѣшно убирать со стола книги.

Одинъ изъ соборянъ сказалъ, что это еретикъ, никоніаининъ, вошелъ въ ихъ молельню и все время стоялъ и слушалъ ихъ разсужденія.

Какой-то мужиченко подбѣжалъ къ улыбнувшемуся чело-
вѣку и сталъ выталкивать его изъ моленной, говоря: „ты не на-
ша овца! Зачѣмъ сюда вошелъ? Иди, иди, Бога ради, иди,
вонъ! Но тотъ упирался и не шель. Тогда стоявшія въ двери
бабы окружили его и дружнымъ натискомъ вытолкали его
вонъ изъ моленной.

Соглядатаемъ былъ православный челоувѣкъ, мой посла-
нецъ по настоящимъ сообщеніямъ.

По уходѣ его, соборяне тотчасъ же закрыли свое засѣда-
ніе и стали расходиться по домамъ.

-- Завели о крестѣ, а свели на страшный судъ, — сказалъ
мѣстный наставникъ Исай Архиповъ.

— Толковали много, а ничего досконально не рѣшили, —
согласился другой.

— Говорилъ я, что никакого толку не выйдетъ, — такъ и
вышло. Зачѣмъ наѣхались? Тоже разсудники собрались; мы,
моль, начитались книгъ, и такъ-то нужно понимать о томъ-то...
Знаемъ и безъ васъ, какъ учить-то! — ворчалъ мѣстный настав-
никъ, идя ко двору.

— Шарова, дяденька, увелъ къ себѣ Иванъ Пантелѣичъ, —
сообщилъ уставщикъ.

— Ну, вотъ... Затѣмъ и пріѣхали сюда, чтобы облизываться
около купцовъ и сорвать съ нихъ, что можно. И безъ того те-
перь дадутъ всѣмъ по новому халату, по рубашкѣ съ шта-
нами, да и деньжонокъ сунуть на молитву... Поди и не увелъ
его, а самъ навязался. Разстраивать только мой приходъ прі-
ѣхали, дьяволы. Вотъ, черти, оголтѣлые!... ругался наставникъ
Исай Архиповъ.

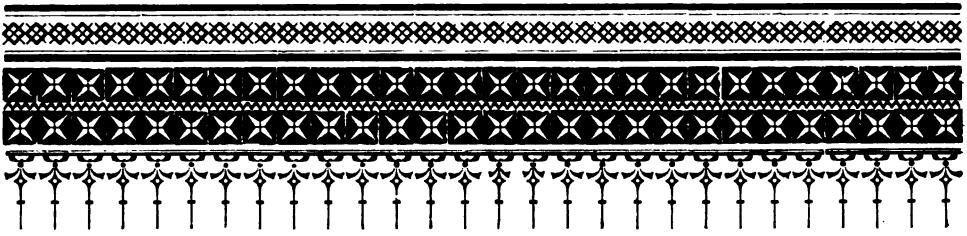
Дѣйствительно, всѣ наставники и начетники разсыпались
по Саратовскимъ спасовцамъ и пріютились, кто у купца, кто
у купчихи. Каждый изъ нихъ стремился пустить свою сло-
весность, какъ только могъ, и завербовать на свою сторону то
ли другое лицо. Для наставника Саратовской молельни это
мало, конечно, неприятнымъ и досаднымъ. Онъ смотрѣлъ на
мѣстѣхъ этихъ наставниковъ и начетниковъ, какъ на стаю гра-

чей, слетѣвшихся въ Саратовъ щипать и рвать шерсть съ его
глупыхъ овецъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Не стая грачей слеталася,
То слетались русскіе мужики,
Русскіе мужики наставнички,
Наставнички фогомольнички
Злымъ дѣламъ потаковнички.

Покаркали грачи, наврали купцамъ и купчихамъ Сара-
товскимъ, идущимъ „по Спасовой милости“ ко спасенію, массу
разной чепухи и нелѣпости, всего того, что приходило имъ
въ голову, и разлетѣлись по своимъ трущобамъ, ублагоотво-
ренныя и децъгами, и вещественными приношеніями.

VI.

ПРИЧАЩЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ СУХАРЯМИ.

ь 20 верстахъ отъ гор. Хвалынска, Саратовской губерніи, на берегу рѣки Волги, лежитъ небольшое село Алексѣевка, иначе называемое „Алексѣевскій затонъ“, по случаю зимованья здѣсь пароходовъ различныхъ обществъ. Село окружено горами, лѣсомъ и сплошными садами, такъ что рѣдкій житель с. Алексѣевки не имѣетъ собственнаго сада. Такое географическое положеніе села давало крестьянамъ возможность укрывать въ своихъ садахъ различныхъ проходимцевъ, бѣжавшихъ отъ своихъ помѣщиковъ и проживавшихъ между раскольниками тихонько, безъ паспорта. Эти бродяги, выдавая себя за начетникомъ старой вѣры, гонимые якобы за старую вѣру, много принесли вреда для населенія Алексѣевки. Крестьяне слушали ученія этихъ бродягъ и сердечно жалѣли объ ихъ участи, принимая все сказанное ими на вѣру, безъ всякаго разсужденія. Въ глазахъ крестьянъ эти бродяги заслуживали полнѣйшую къ себѣ любовь и уваженіе: на нихъ смотрѣли, какъ на истинныхъ мучениковъ и страдальцевъ за древнюю вѣру.

Въ то время, когда знаменитые въ расколѣ Иргизскіе монастыри обращены были въ единовѣрческіе, значительная часть раскольниковъ ушли изъ монастырей и распозлились въ разныя стороны. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, монахъ Прохоръ, забрелъ въ село Алексѣевку и остановился здѣсь на постоянное житье.

Прохоръ сталъ учить, что „нужды ради“ можно исправлять нѣкоторыя таинства и простому мирянину. При этомъ онъ рассказывалъ, что въ бытность его въ монастырѣ, на Иргизѣ, не разъ случалось, что примуть къ себѣ какого-нибудь попа, начнетъ служить, а потомъ онъ окажется простымъ мужикомъ. Не снова же опять исправлять то, что онъ совершалъ! Да это и не мыслимо было, ибо всѣ требы, которыя совершались въ монастырѣ, совершались для пріѣзжихъ крестьянъ, которые потомъ и уважали. Гдѣ же ихъ розыскивать потомъ? И удобно ли монастырю было оглашать подобные факты? Ну, и рѣшилъ настоятель, что по вѣрѣ нашей, все будетъ во спасеніе: и дѣйствія ложнаго попа будутъ освященными таинствами.

Ученію Прохора крестьяне вѣрили. Въ короткое время онъ образовалъ около себя значительный кружокъ своихъ послѣдователей и сталъ совершать въ средѣ ихъ крещеніе, исповѣдь, вѣнчаніе, а причащаться давалъ имъ воды и сухарныхъ сухарей, привезенныхъ имъ якобы изъ монастыря и составляющихъ части запаснаго агнца. Предъ смертью монахъ Прохоръ выбралъ изъ мужиковъ крестьянина Ивана Ефимова Сунгурова и благословилъ его быть вмѣсто себя настоятелемъ. Поставленіе его въ наставники было очень оригинальное: послѣ того, какъ Сунгуровъ, положивъ семипоклонный началъ, поклонился трижды въ ноги Прохору, прося у него прощенія и благословенія, послѣдній, вручая ему бѣлый мѣшокъ съ сухарями, сказалъ ему:

— „Богъ благословитъ тебя, рабъ Божій Іоаннъ, этимъ мѣшечкомъ дѣйствовать!“ — Сунгуровъ поцѣловалъ руку Прохора и мѣшокъ съ причащеніемъ и снова кланялся ему въ ноги.

Съ теченіемъ времени Сунгуровъ увеличилъ число своихъ послѣдователей въ два раза; особенно переходили въ его секту

сектанты „Спасовскаго согласія“, прельщаясь древнимъ причастіемъ съ Иргиза. „У Сунгурова, — говорили они, — все-таки причастіе есть: не голый пойдешь на тотъ свѣтъ“. Умирая, Сунгуровъ выбралъ вмѣсто себя, по знакомству, пріятеля своего крестьянина Луку Григорьева Жидкова. И онъ также, по примѣру Прохора, благословилъ Жидкова: „Богъ тебя благословитъ, раба Божьяго Луку дѣйствовать этимъ святымъ мѣшечкомъ, какъ я дѣйствовалъ имъ доселѣ“, — сказалъ Сунгуровъ. И Лука сталъ дѣйствовать. До этого Лука былъ бѣдный мужиченко и жилъ перебиваясь кое-какъ въ нуждѣ, но съ получениемъ „Святаго мѣшечка“ онъ разбогатѣлъ и сталъ жить въ довольствѣ и нажилъ деньги. Это породило завистниковъ въ средѣ бобылей, которые стали подкапываться подъ него, чтобы выжить его изъ наставниковъ. Наконецъ, они распустили молву про его жизнь, что онъ живетъ съ наложницей и потому слѣдуетъ удалить его отъ наставничества. Старики собрали соборъ, призвали Луку, который и повинился имъ, что онъ, дѣйствительно имѣетъ у себя дѣвицу... Старики прочитали ему два правила изъ „Кормчей“ книги (Св. апост. 61-е, Неокесар. соб. пр. 1-е) и объявили его лишеннымъ должности.

Послѣ этого они выбрали въ наставники другого крестьянина Осипа Егорова Власова.

Разжалованный изъ наставниковъ, Лука съ глубокимъ сожалѣніемъ передалъ своему кандидату доходный „мѣшечекъ“ съ сухариками и, скрѣпя сердце, благословилъ его по известной формулѣ дѣйствовать имъ. Скоро Власовъ овдовѣлъ и женился во второй разъ. Но завистники его положенія нашлись и у него; вторую женитьбу Власова они поставили ему въ укоръ и стали говорить, что Власовъ, какъ двоеженецъ, не можетъ быть наставникомъ въ обществѣ. Соборъ стариковъ, руководясь 3 пр. 6 всел. соб., отставилъ Власова и выбралъ Андрея Иванова. Осипъ, не какъ Лука, не сдался добровольно и не послушалъ собора стариковъ. Онъ заявилъ „соборьянамъ“, что означенное правило къ нему нейдетъ: — Это писано на рукоположенныхъ лицъ, а я простецъ — мірянинъ, — говорилъ Осипъ.

— По дѣламъ-то и ты похожъ на него — говорили старики.

Долго Власовъ отстаивалъ свой „мѣшечекъ“, не желая разставаться съ нимъ, какъ съ доходной статьей; но въ концѣ-концовъ долженъ былъ уступить, и уже не съ благословеньемъ, а съ руганью и проклятіями передалъ его своему намѣстнику Андрею Иванову. Послѣдній, схвативъ „завѣтный мѣшечекъ“, отъ радости бѣгомъ пустился бѣжать домой и, придя къ женѣ, сказалъ:—„ну, баба, золотую благодать приволокъ я къ себѣ въ домъ. Теперь будетъ бѣдствовать! На, вотъ. Скорѣй вѣшай его къ образамъ!“—И дѣйствительно, они стали жить хорошо.

Отставленные отъ наставничества Лука Жидковъ и Осипъ Власовъ чувствовали себя глубоко оскорбленными отъ своихъ стариковъ. Чтобы отомстить имъ за все это, они составили между собою союзъ и дружно повели свою атаку, какъ лично противъ Андрея Иванова, такъ равно и общества.—„Пусть его караулитъ свой мѣшокъ съ сухарями!“—сказали они. И стали разстраивать его прихожанъ, толкуя всѣмъ и каждому, что „мѣшечекъ“ съ сухарями вовсе не имѣетъ той святости, какую они даютъ ему: во 1-хъ, потому, что, хотя они и приняли отъ Прохора сухари эти, считая ихъ частями отъ „запаснаго агнца“, но приняли это на слово, а на самомъ дѣлѣ это темная сторона. Быть можетъ, Прохоръ принесъ простую просфору изъ монастыря и сталъ дробить ее и причащать ихъ?! Къ тому же первые сухари давно уже израсходованы, а крошки отъ нихъ, будучи нѣсколько разъ запечены въ простые хлѣбы, а послѣдніе, въ свою очередь, неоднократно перепеченные въ новые хлѣбы, представляютъ теперь сухари простого хлѣба, не освященнаго,—слѣдовательно, силы святаго причащенія не имѣютъ. Во 2-хъ, говорили они, хотя бы первая просфора или дѣйствительный запасный агнецъ и на самомъ дѣлѣ привезенъ былъ изъ монастыря, но такъ какъ освященіе его совершалось бѣглымъ попомъ, безъ благословенія епископа, то все это дѣло проклято и недѣйствительно. Такимъ смѣлымъ и открытымъ ученіемъ Власовъ и Жидковъ произвели настоящій бунтъ въ обществѣ „сухарниковъ“; многихъ они успѣли привлечь на свою сторону и организовали свое особое сборище. Съ помощью своихъ адептовъ они составили соборъ и предали проклятію, какъ сухари съ мѣшечкомъ, такъ равно и принимающихъ ихъ, какъ святы-

ню. На „сухарниковъ“ это произвело громадное вліяніе; они до того оробѣли, что нарочито ходили къ Жидкову и Власову и „Христомъ Богомъ“ просили ихъ снять эту клятву и не дѣлать съ ними церковнаго раздора: „пусть это простые сухари, но мы вѣримъ имъ, какъ истинному причастію! Намъ стыдно оставлять древній обычай“! — говорили они. Но Жидковъ и Власовъ не вняли ихъ просьбамъ; они съ полной ожесточенностью дѣйствовали въ пользу своей секты и совершенно обособляясь отъ общества „сухарниковъ“. Тогда Андрей Ивановъ, видя, что „мѣшечку“ его дѣлается серьезный подрывъ, собралъ своихъ стариковъ и предалъ анафемѣ Власова и Жидкова съ ихъ послѣдователями, какъ хулителей святой церкви (ихъ общества), Богомъ установленнаго таинства св. Причащенія (сухарики ихъ) и еретиковъ. Раздѣлъ былъ полный. Это произошло въ 1882 г. Одно и то же общество разбилось на 2 партіи, другъ другу враждебныя.

„Сухарники“ именуютъ себя послѣдователями бѣглопоповской общины и, хотя не имѣютъ у себя священства, но въ принципѣ признаютъ его необходимымъ, если бы только священникъ православной церкви добровольно, по сознанию правоты ихъ вѣроученія, пришелъ къ нимъ и сталъ у нихъ дѣйствовать, какъ священникъ. Такое лицо они охотно приняли бы къ себѣ въ санѣ дѣйствительнаго іерея. Но ѣздить и искать его по Россіи, тѣмъ болѣе сманивать и прельщать деньгами, какъ это дѣлаютъ бѣглопоповцы, „сухарники“ считаютъ унижительнымъ для своей церкви и дѣломъ еретическимъ.

„Сухарники“ и „водяники“ двѣ родныя секты, и между ними разница существуетъ въ одномъ—это причащеніе, которое у однихъ преподается въ видѣ воды, у другихъ—въ видѣ сухариковъ. Они не любятъ, когда ихъ называютъ безпоповцами, но они, дѣйствительно, таковы по своей внѣшней организаціи, и священство имѣютъ только въ принципѣ, а не на дѣлѣ. А извѣстно, что слово и дѣло—двѣ вещи разныя.

Изъ Алексѣевки обѣ эти секты проникли въ окрестныя мѣста Хвалынск. уѣзда и даже въ Саратовъ. Въ Саратовѣ этимъ мѣшечкомъ владѣла старая дѣвица, купчиха Елизавета Михайлова Губина. Она хранила его у себя въ спальнѣ, въ кіотѣ,

подъ иконами. Когда наступалъ великій постъ, Губина считала говѣющихъ и по числу лицъ дробила просфору на части и выдавала ихъ наставнику. И если на кого-нибудь она была сердитою, то, случалось, что на долю его она не выдавала частицы причащенія, — „Ну, этотъ-то, или эта-то побудутъ и безъ причащенія, — говорила она наставнику. — Пускай ихъ водицы изопьютъ, вмѣсто причастія!“ Наставникъ такъ и дѣлалъ. Обиженный причащеніемъ сердился, вступалъ въ перебранку съ Губиной и наставникомъ, и въ результатѣ выходило, что онъ съ руганью уходилъ домой, а говѣнье его пропадало даромъ. Это называлось еще шуткой Елизаветы Михайловны, и съ этой шуткой раскольники легко мирились. Можетъ быть, легко мирились они съ этимъ потому, что Елизавета Губина владѣла большимъ капиталомъ, была особой независимой, и моленная стояла у нея на дворѣ. А для моленной своей она не щадила денегъ и украшала ее, никого не спрашивая.

Одно время у купчихи Губиной случился пожаръ въ домѣ. Наѣхались купцы и купчихи спасать имущество. Одна изъ купчихъ, Анна Архипьевна, жена Дружинина, постаралась вытащить у нея означенный мѣшечекъ съ сухарями и утащила его къ себѣ въ домъ. Губина настолько была растеряна, что не хватилась его въ это время. Послѣ Дружинина, объявила ей объ ея мѣшечкѣ, но выдать его обратно отказалась. Между Губиной и Дружининой началась вражда, дошедшая въ послѣдствіи до явнаго разрыва.

— Кочергой тебя выгоню, вѣдьма, изъ моленной, если ты заявишься ко мнѣ, — говорила Губина.

— И не подумаю идти къ тебѣ; у меня теперь свое причащеніе, — отвѣчала Дружинина.

Такъ мѣшечекъ съ сухариками и выскользнулъ изъ рукъ Губиной. Долго шумѣла и ругалась она на свою соперницу, но все это кончилось ничѣмъ. Вскорѣ Губина померла, распря изъ-за мѣшечка съ нею прекратилась, и Дружинина стала на мѣстѣ Губиной.

Не безинтересно будетъ рассказать и о самомъ порядкѣ причащенія сухарями.

Первую недѣлю великаго поста сектанты ходятъ въ модельню и слушаютъ уставное богослуженіе, начиная съ вечер-

ни воскресенья на Масляницѣ и кончая вечернею будущаго праздника. Раскольники обычно говѣютъ на первой недѣлѣ поста, что-бы къ Пасхѣ вышло 6 недѣль послѣ причащенія, въ какое время, говорятъ они, не должно: 1) въ банѣ мыться, 2) ругаться скверными словами, 3) пить водку, 4) удаляться отъ женщинъ и пр. Если говѣтъ на послѣдующихъ недѣляхъ поста, то пасхальная недѣля и слѣдующія за ней весеннія недѣли будутъ запретными недѣлями и въ то-же время соблазнительными, такъ что выполнить указанная правила будетъ трудно. Отсюда появилась у раскольниковъ поговорка: „поговѣль-бы на досугѣ, да не снесешь причастье-то!“—т. е., не исполнишь въ теченіи послѣдующихъ 6 недѣль указанныхъ требованій раскольническаго устава. Поэтому, если почему-либо раскольникъ не говѣлъ на первой недѣлѣ, то онъ откладываетъ его до слѣдующаго года, говоря: „теперь ужъ не снесешь!“ Другіе же раскольники, зная свой характеръ и привычки, совсѣмъ никогда не говѣютъ, оправдываясь словомъ: „не снесешь“. Это „не снесешь“ такъ въѣлось въ плоть и кровь раскольниковъ, что трудно убѣдить ихъ въ этомъ заблужденіи; оно проникло и въ среду православныхъ, живущихъ совмѣстно съ раскольниками, такъ что и православные стали руководиться этимъ словомъ „не снесешь“ и перестали говѣтъ и принимать св. причащеніе. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ множество полураскольническихъ селеній въ Саратовской губерніи, гдѣ православные ходятъ въ церковь, исполняютъ всѣ другія таинства въ той-же церкви, а наступилъ великій постъ, и изъ 3—4-хъ тыс. населенія едва 100—200 человекъ исповѣдуются и причастятся на первой недѣлѣ поста, остальные-же прямо заявляютъ священнику: „не снесешь“.— „Грѣшны больно, батюшка; не снесемъ потомъ причастья-то“, — говорятъ они. И живутъ себѣ, по примѣру раскольниковъ, вплоть до роковой минуты, когда человекъ потеряетъ свои силы, сляжетъ въ постель и тогда, въ виду смерти, первый советъ наставника съ его сухариками, а второй—священника съ св. дарами.

Кромѣ уставной службы въ молельнѣ, которую раскольникъ-говѣльщикъ долженъ слушать ровно 7 дней, онъ долженъ нести „тысячное правило“, изъ которыхъ 300 поклоновъ онъ долженъ положить въ землю, а остальные 700—въ поясъ. „Правило“ это

обязательно для каждого мужчины и женщины, начиная съ 15-лѣтняго возраста; оно совершается въ разбивку, по частямъ, послѣ каждой части общественнаго богослуженія и должно быть выполнено непременно въ пятницу, вечеромъ, въ количествѣ 7000 поклоновъ, считая по одной тысячѣ въ сутки. Когда „правило“ окончено всѣми богомольцами, наставникъ становится вперёдъ и, вмѣсто частной исповѣди каждого, читаетъ по книжкѣ для всѣхъ общую исповѣдь, такъ называемое раскольниками „Скитское покаяніе“. Исповѣдь эта состоитъ въ перечисленіи множества разнообразныхъ грѣховъ, изложенныхъ на старо-славянскомъ языкѣ и многимъ совершенно не понятныхъ, а нѣкоторымъ женщинамъ и дѣвушкамъ совсѣмъ не свойственныхъ. Но на это не обращается вниманія; наставникъ читаетъ свою книжку и слово за словомъ выкладываетъ во всеуслышаніе всего народа: „согрѣшившихъ: пьянствомъ... объядененіемъ... мшеломствомъ... убійствомъ... рокотаніемъ...“ и пр., а парни, дѣвки, мужчины и женщины, слушая все это перечисленіе грѣховъ, должны, послѣ каждого слова наставника, говорить также громко: „грѣшны! грѣшны!“ И такъ это „грѣшны“ должно раздаваться до тѣхъ поръ, пока наставникъ не прочтетъ всей своей книжицы. Ему дѣла нѣтъ до того, что ты нисколько неповиненъ, на примѣръ, въ убійствѣ, женщина,—въ прелюбодѣянніи, парень—въ кражѣ, а дѣвушка—въ потерѣ дѣвства и пр. Говори вся толпа одно: „грѣшенъ“ и ладно. Такъ заведено не имъ лично, а издавна, другими стариками. Кончалось чтеніе тетрадки, раскольники падали въ землю и каждый тихонько читалъ псаломъ Давида: „Помилуй мя Боже“... Послѣ того они говорили: „прости насъ, отче, и молись за насъ!“—„Богъ васъ проститъ! Меня многогрѣшнаго простите и помолитесь у Владыки Небеснаго!“ Этимъ и оканчивался „чинъ скитскаго покаянія“, сочиненнаго раскольничьими властями на нынѣшнее злополучное „антихристово“ время. Затѣмъ наставникъ объявлялъ, что „такіе-то будутъ завтра причащены „запаснымъ агнцемъ“, т. е. сухарями отъ простой просфоры, а такіе-то „нѣтъ“.

— Это почему-же вы насъ-то обездоливаете?—спрашивали наставника.

— На вашу долю, голубчики, Лизавета Михайловна, или Анна Архипьевна, не выдавала мнѣ причастья. Серчаетъ что-то...

Поднимался споръ, шумъ, крикъ. Обиженные причастьемъ ругали Губину или Дружинину, наставникъ и говѣльщики защищали ихъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что обиженные, отговѣвъ недѣлю и откланявшись 7000 поклоновъ „тысячнаго правила“ понанрасну, съ руганью уходили изъ моленной, проклиная владѣтельница причастьемъ.

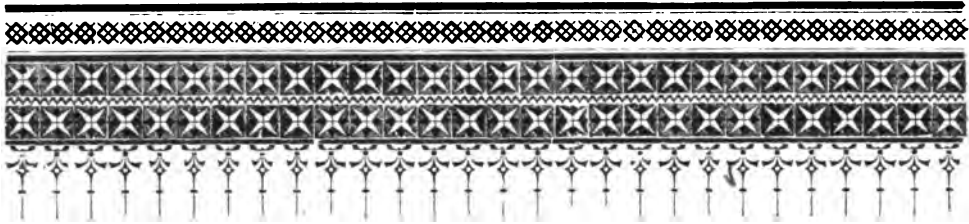
Утромъ, въ субботу, наставникъ совершаетъ богослуженіе часовъ, во время чтенія которыхъ онъ кладетъ въ большой стаканъ или вазу отъ варенья раздробленные сухарики и смачиваетъ ихъ освященною на Крещенье водою. Сверху стакана кладетъ чайную ложку и поставяетъ на столъ около евангелія. Послѣ часовъ, замѣняющихъ у раскольниковъ литургію, служитъ надъ огромной чашкой съ пшеничною кутьей молебенъ св. Фодору Тирону. По окончаніи молебна наставникъ выноситъ причащеніе на средину моленной, ставитъ на столѣ, читаетъ всѣмъ молитвы предъ причащеніемъ, а затѣмъ, всѣ вообще дѣлаютъ земной поклонъ и причащаются по 3 ложки каждый. Первый разъ онъ беретъ ложечкой частицу сухарика, остальные 2 ложки почерпаетъ просто воды изъ той-же посуды и какъ-бы запиваетъ принятую часть сухаря. Отъ этого стола раскольникъ идетъ къ другому и заѣдаетъ причастье кутьей Федора Тирона.

Причащеніе, какъ видитъ читатель, чисто раскольниковское. Оно идетъ отъ родоначальника раскола протопопы Аввакума, который 2 вѣка тому назадъ поучалъ своихъ послѣдователей: „Егда не будетъ православнаго іерея, можешь и самъ причаститься. Возьму коробочку съ запаснымъ агнцемъ, постели платокъ, а на платкѣ поставь коробочку, и возьми агнецъ“... и пр. И вѣрные своему учителю раскольники совершаютъ это и по сіе время. И только запасный агнецъ они держатъ не въ коробочкѣ, а въ парчевомъ мѣшечкѣ. Впрочемъ, суть дѣла состоитъ не въ коробочкѣ и даже не въ парчевомъ мѣшечкѣ, а въ содержимомъ ими, а это содержимое таково, что въ чемъ бы не держали его раскольники, оно все равно не имѣетъ за собою святыни и замѣнить литургійное причастіе, конечно, не

можетъ. Сухари всегда будутъ сухарями, и уподоблять ихъ Тѣлу и Крови Спасителя нашего, какъ это дѣлаютъ наши раскольники, есть ничто иное, какъ безумное кощунство.

Оригинально и ученіе Аввакума: „егда не будетъ православнаго іерея... возьми агнецъ и самъ причастися“ .. Нѣтъ іерея, а причастіе будетъ! Кто же приготовитъ агнецъ для причастія больныхъ, если нѣтъ православнаго іерея? Губина, старая дѣвка? Купчиха Дружинина? Именно такъ и творится у раскольниковъ, извѣстныхъ между другими сектами въ расколѣ, подъ именемъ „сухарниковъ“.

VI.

ПОЛКОВНИКЪ ЛЕТУНОВСКІЙ ИЛИ ИСКАНІЕ СТАРООБРЯДЦАМИ ДРЕВНЯГО СВЯЩЕНСТВА ВЪ ЯПОНИИ.

 1884 года въ гор. Хвалынскѣ и его окрестностяхъ между старообрядцами бѣглопоповской секты возникъ вопросъ объ отысканіи себя истиннаго древлеправославнаго священства, сохранившагося отъ лѣтъ патріарха Іосифа. Другими словами: надоѣло бѣглопоповцамъ возиться со всеѣми этими бѣглыми попами, рукоположеніе которыхъ, не смотря на имѣющуюся у него „Ставленную“ грамоту, подчасъ являлось очень сомнительнымъ, и они рѣшили, по примѣру своихъ собратій, старообрядцевъ Австрійской секты, завести собственную іерархію, чтобы и у нихъ также были архіереи и попы собственнаго рукоположенія. Первый толчекъ къ этому движенію далъ нѣкто старообрядческой инокъ, по имени Маркъ, проживавшій въ гор. Уральскѣ. Онъ прислалъ письмо бѣглопоповцамъ села Сосновой Мазы, Хвалынскаго уѣзда, (въ 12 вер. отъ гор. Хвалынска), въ которомъ извѣщалъ достолюбезныхъ собратій, что онъ былъ въ Японскомъ государствѣ и нашелъ здѣсь самое истинное древнее священство, идущее по своему преемству и рукоположенію отъ святыхъ мужей: Ефрема Сирина и Мелетія, патріарха Антіохійскаго; что священство это составляютъ люди Сирійскаго происхожденія, говорящіе на непо-

нятномъ для нихъ языкѣ. Къ этому о. Маркъ добавлялъ, что около сирійскихъ христіанъ много проживаетъ русскихъ людей, бѣжавшихъ нѣкогда изъ Россіи во времена патріарха Никона, вслѣдствіе произведеннаго имъ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ въ Православной церкви. Относительно своего путешествія въ страну японцевъ инокъ Маркъ весьма подробно разсказалъ, какія трудности преодолѣлъ онъ во время своего пути, какъ прошелъ снѣговья горы, на вершинѣ которыхъ онъ едва не замерзъ; видѣлъ гору Араратъ, а на ней громадный ковчегъ св. праведнаго Ноя, въ которомъ онъ ночевалъ и молился Богу въ продолженіи всей ночи, слезно прося Его указать ему благочестивое священство на землѣ и не допустить его заблудиться въ чужой дальней сторонѣ, и погибнуть между иновѣрцами. Вообще, письмо было написано довольно поэтично, било на чувство человѣка и тревожило самую слабую струну въ жизни старообрядцевъ-бѣглопоповцевъ. Авторъ хорошо зналъ, кому и что писалъ, а потому нарочито распространилъ его на цѣлыя 4 страницы большого почтоваго листа, испестривъ разными текстами священнаго писанія. Письмо пошло изъ рукъ въ руки, изъ села въ село и быстро возбудило умъ и сердце старообрядцевъ. Оно было прислано въ половинѣ Великаго поста и тотчасъ-же въ сотняхъ копій стало распространяться по селеніямъ древле-благочестивцевъ, гдѣ съ жадностью набросились на него и читали на-расхватъ. Въ Хвалынскъ письмо это послано подлинникомъ, съ нарочнымъ посланцемъ, который, опасаясь измять и разорвать его въ дорогѣ, сдѣлалъ для него особый деревянный ящикъ и въ этомъ видѣ, какъ святыню, вручилъ его главному руководителю бѣглопоповцевъ въ Хвалынскѣ, купцу Молоткову. Послѣдній съ благоговѣніемъ принялъ сей ящикъ, съ молитвою открылъ его, надѣлъ очки, трижды перекрестилъ лицо и сталъ читать письмо, громко и отчетливо выкладывая слово за словомъ. Содержаніе письма произвело на Молоткова сильное впечатлѣніе. Мысль завести свое особое священство, навсегда избавиться отъ разныхъ сомнительныхъ въ правѣ своего священнослуженія бѣглыхъ поповъ, ему очень понравилась и получила его утвержденіе. Какую роль сыграетъ онъ чрезъ это въ исторіи своего раскольническаго общества! Если учредитель австрійской іерархіи,

инокъ Павелъ, стяжалъ себѣ славу и уваженіе въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, то отчего-же ему, Молоткову, не создать себѣ такую же популярность въ народѣ? Наконецъ, какой ударъ нанесетъ оно этимъ старообрядцамъ, приѣмлющимъ австрійскую іерархію, которые въ настоящее время такъ гордо смотрятъ на нихъ, бѣглопоповцевъ, такъ хвалятся многочисленностію своихъ архіереевъ и поповъ и нерѣдко своей пропагандой прельщаютъ изъ нихъ въ свою секту. Словомъ, въ головѣ Молоткова созданъ цѣлый планъ, довольно грандіозный, смѣлый, льстившій его самолюбію, и онъ рѣшилъ привести его въ исполненіе.

На слѣдующій день Молотковъ собралъ всѣхъ своихъ о Христѣ собратій въ молельню и прочиталъ имъ уральское посланіе, присовокупивъ въ концѣ-концовъ и собственное увѣщаніе, что къ дѣлу этому имъ необходимо отнестись съ надлежащей серьезностію. — „Если мы устроимъ свое архіерейство—говорилъ Молотковъ, тогда церковь наша будетъ во всей полнотѣ чиноначалія и враги наши—австрійцы, будутъ посрамлены какъ нельзя хуже“.

— Дѣйствовать нужно!—закричалъ другой купчина, Вѣщиковъ по фамиліи.

— Вѣстимо такъ. Снарядить комисію и пусть она орудуетъ какъ нужно—подсказалъ третій.

— Намъ обизорно предъ Австріей, она глаза колетъ намъ, и вездѣ кричитъ, что у насъ нѣтъ истинной вѣры, нѣтъ архіереевъ—солидно высказала купчиха Абакумова со стороны всѣхъ слушавшихъ женщинъ.

— А я, братіе, такъ думаю: соберемъ прежде денегъ побольше, а потомъ можно и людей подыскать на это дѣло. Людей этихъ мы тогда попросимъ, и они потрудятся для общества совершить это дѣло и богоугодное, и душеспасительное для всѣхъ насъ—замѣтилъ купецъ Молотковъ.

— Вѣрно!

— Согласны на это!—шумѣла и кричала толпа мужиковъ и женщинъ.

Въ эту минуту энтузіазмъ такъ охватилъ собраніе раскольниковъ, что, казалось, люди эти готовы были отдать послѣднюю

свою копѣйку, лишь бы только достать себѣ древнее архіерейство.

Когда все это происходило въ гор. Хвалынскѣ между городскими раскольниками, въ окрестностяхъ его, въ средѣ крестьянъ, шло свое дѣло.

Прочитавъ уральскую грамоту, мужики села Сосновой Мазы, Хвалынскаго уѣзда, долго соображали, что имъ теперь дѣлать? Съѣздили они въ сосѣднія селенія: Селитьбу, Яблонку, Апалиху, Широкой буеракъ и др. посовѣтоваться съ своими единовѣрцами, чтобы рѣшить, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Но сколько они ни гадали, какъ ни толковали на своихъ собраніяхъ, прочитывая сотни разъ полученное письмо, а пришли къ одному заключенію—послать предварительную депутацію въ Уральскъ къ о. Марку и подробнѣе разспросить его о древнемъ священствѣ, а тамъ уже приступить и къ отысканію и пріобрѣтенію его. Рѣшивъ такъ, бѣглопоповцы избрали двухъ крестьянъ (одного изъ с. Сосновой Мазы, а другого Селитьбы): Николая Реброва, и Егора Карнаухова и, снабдивъ ихъ деньгами, въ количествѣ 300 руб. отправили вскорѣ послѣ Пасхи въ Уральскъ. Маркъ принялъ крестьянъ любезно, долго бесѣдовалъ съ ними о цѣли ихъ пріѣзда и въ концѣ-концовъ сказалъ, что денегъ на это путешествіе потребуется много.

— Нужно будетъ, старики, сначала идти на гору Араратъ, потомъ чрезъ снѣговья горы пройти въ Китай, плыть по морю, перейти сначала Японскую губу, на которой живутъ людодѣды и разбойники, такъ что, чего добраго, дикари эти могутъ и слопать человѣка, и тогда прощай сама Японія! Вотъ сколько трудностейъ придется испытать—говорилъ Маркъ, понижывая крестьянъ своими плутовскими глазами.

Мужики охали, вздыхали и крестились, слушая Марка.

— Такъ сколько же, отче, по твоему разуму довлѣетъ денегъ на это великое путешествіе?—спросили они.

— По моему, старички, нужно денегъ тысячъ 20 не менѣе. Если останется отъ этого сколько-нибудь, —ваше же будетъ. Но лучше припасти лишнее, чтобы не терпѣть потомъ бѣдствія. Вѣдь какъ заберешься туда, оттуда не будешь просить денегъ, потому тамъ: ни письма послать, ни телеграфіи... Ничего та-

кого не обрѣтается въ этой иновѣрной землѣ. Дѣйствуй, что есть у тебя въ рукахъ.

— Вотъ какая поганская земля...—со вздохомъ проговорили мужики.

— Вы, я вижу, боитесь ее? Не бойтесь. Вы только собирайте тамъ въ своихъ селахъ деньги на это дѣло, а тамъ я самъ пойду въ Японію-то, самъ потружусь за свои грѣхи и привезу вамъ древнеистиннаго архіерея. Найду себѣ и спутника такого же трудничка, какъ я, и все дѣло обдѣлаемъ вамъ, какъ нельзя лучше.

— Спаси тебя, милостивый Господи, что ты принимаешь о насъ такое попеченіе!—разомъ проговорили оба крестьянина и повалились ему въ ноги.

Съ этимъ и вернулась депутація изъ Уральска, проѣздивъ къ Марку болѣе мѣсяца и показавъ предъ обществомъ въ расходъ всѣ деньги.

Когда депутація гостила въ Уральскѣ, у Марка, въ это время къ крестьянамъ въ село Селитьбу прислано было другое письмо на эту же тему о существованіи въ Японіи древлеистиннаго архіерейства. Письмо пришло изъ Оренбурга за подписью „смирннаго инока Евлампія и бывшаго страдальца за Христову вѣру, долго жившаго въ ссылкѣ на Японскомъ островѣ и лично видѣвшаго древлеистинныхъ архіереевъ, бывшаго до этого полковника казаковъ, Антипатра Летуновскаго“. Оба автора сего письма также ярко рисовали о найденномъ ими священствѣ, какъ и Маркъ; также предлагали свои услуги для поѣздки за нимъ и побуждали старообрядцевъ не оставлять сего дѣла безъ вниманія, пока есть и время и возможность къ этому.

Не долго думая, селитьбинскіе старообрядцы тотчасъ-же отправили отъ себя въ г. Оренбургъ своего посланца, чтобы онъ разузналъ отъ Евлампія и полковника болѣе подробно о японскомъ архіерействѣ. Селитьбинскимъ старообрядцамъ особенно захотѣлось предвосхитить у сосново-мазинскихъ починъ этого дѣла. Тамъ, молъ, ихъ депутація, что-то сдѣлаетъ еще у инока Марка, а мы отправимъ спеціально свою депутацію. И отправили. Депутатъ прибылъ въ Оренбургъ, увидѣлъ и смирннаго Евлампія, и многострадальнаго полковника Лету-

новскаго, которые, послѣ длинныхъ разсказовъ о японскомъ архіерействѣ, свели вопросъ на ту-же тему, какъ и инокъ Маркъ, что денегъ, молъ, нужно и денегъ не мало. — „Добивайтесь тамъ тыщенокъ 20, и никакъ не менѣе этого, а тамъ всѣ труды по отысканію архіерейства мы принимаемъ на себя“, — говорили они уполномоченному крестьянину. На прощаніи Евлампій еще добавилъ крестьянину, что полковникъ Летуновскій имѣетъ свой капиталъ, который также жертвуетъ на это святое дѣло; затѣмъ, что онъ хорошо говоритъ на сирійскомъ языкѣ, а такой человѣкъ для нихъ находка.

Едва успѣли депутаты вернуться домой, одни изъ Уральска, другой — изъ Оренбурга и разсказать своимъ собратіямъ о свиданіи съ оо. Маркомъ, Евлампіемъ и полковникомъ Летуновскимъ и ихъ желаніи принять на себя великій трудъ путешествія въ Японскую землю, какъ изъ Уральска и Оренбурга стали получаться письма, извѣщавшія крестьянъ о сдѣланныхъ другими бѣглопоповцами пожертвованіяхъ на предметъ путешествія ихъ въ Японію, за древнимъ архіерействомъ. Такъ о. Маркъ сообщалъ сосново-мазинскимъ крестьянамъ о пожертвованіи уральскимъ купцомъ Брусникинымъ 500 руб., другими казаками 200 и 300 руб., о. Евлампій съ полковникомъ Летуновскимъ писали въ Селитьбу, что одна оренбургская купчиха пожертвовала 1000 руб., другая 200, мелкія пожертвованія текутъ ключемъ. — „Торопитесь и вы высылать денегъ, пока стоитъ лѣто, что-бы до зимы выѣхать въ Японію“, — писали отцы съ полковникомъ. Для нашихъ старообрядцевъ это были радостныя извѣстія, вполне утверждавшія ихъ, что заинтересовавшіе ихъ отцы и полковникъ не есть какіе-нибудь аферисты, ищущіе вокругъ ихъ наживы, а что люди благочестивые, и желаютъ имъ добра. Въ появленіи къ нимъ такихъ лицъ нѣкоторые раскольники видѣли даже Промыслъ Божій, пекущійся о спасеніи ихъ душъ.

— Ужъ если полковникъ, старики, берется за это дѣло, такъ денегъ намъ жалѣтъ нечего. Деньги — пустота! — проговорилъ старикъ-воротила.

— Военный человѣкъ; онъ не устрашится никакихъ препятствіевъ, — поддакнулъ другой.

И сборъ открылся. Сосново-мазинскіе набрали 1000 руб., селитьбинскіе крестьяне—тоже и т. д. Жертвовали всё—и мужчины и женщины; каждый несъ свою лепту, сколько могъ. Единственною темою разговора служило въ это время—скорѣйшее пріобрѣтеніе изъ Японіи древняго истиннаго архіерейства.

— Хоть-бы однимъ только глазкомъ взглянуть на истиннаго-то архіерея-то, да и умереть,—вздыхая говорили старики и старухи, таща свои серебряные рубли на это дѣло.

Деньги собирались и отсылались въ Оренбургъ на имя о. Евлампія.

Понятно, что всё эти депутаціи крестьянъ-бѣглопоповцевъ изъ Сосновой-Мазы и Селитьбы, ихъ непосредственная переписка съ какими-то иноками, доселѣ неизвѣстными старообрядцамъ, сборъ денегъ и пр. не остались секретомъ для старообрядцевъ, проживающихъ въ г. Хвалынскѣ, среди которыхъ купецъ Молотковъ особенно заинтересованъ былъ мыслию пріобрѣсти себѣ архіерея и непременно, на зло австрійскимъ раскольникамъ, водворить его въ г. Хвалынскѣ. Послѣднему крайне не понравилось, что крестьяне, не спросившись его совѣта, сами пустились искать архіерейства и вошли въ сношеніе съ монахами. Собрать нѣсколько тысячъ рублей денегъ и отдать ихъ въ руки какимъ-то монахамъ—это тоже было не въ его характерѣ. Онъ могъ еще воспользоваться ихъ совѣтами, указаніями, если только они полезны и приложимы къ дѣлу и соотвѣтствуютъ его цѣлямъ, но вручить имъ капиталъ въ руки, передать и все дѣло на ихъ волю, — это опять было не въ его вкусѣ. Поставить ихъ помощниками въ дѣлѣ отысканія архіерейства—съ этимъ онъ согласился-бы, но во главѣ самаго дѣла—никогда. Это выходило противъ его личныхъ расчетовъ. Поэтому, всё эти хлопоты и предпріятія крестьянъ крайне озлобили его; тѣмъ не менѣе, мысль о древнемъ архіерействѣ крѣпко засѣла въ голову купца Молоткова. Пребываніе о. Михаила въ Хвалынскѣ въ прошедшій постъ предъ Пасхою, его отчаянные кутежи съ уставщиками и женщинами еще такъ живы были въ памяти купца Молоткова, что одно воспоминаніе объ этихъ безобразіяхъ своего пастыря глубоко возмутило его душу. А другіе пріѣзды такихъ-же поповъ?... И это всегда и постоянно, изъ года въ

годъ. Какая скандальная лѣтопись могла-бы составиться изъ всего этого, если-бы только раскрыть и передать на бумагѣ всѣ дѣйствія бѣглыхъ поповъ въ раскольническомъ обществѣ. „Недаромъ“, думалъ Молотковъ, „собрать мой, купецъ Калашниковъ, смотря на все безобразіе поповъ, плюнулъ на нихъ и на самое общество бѣглопоповщины и перешелъ въ австрійство, гдѣ болѣе или менѣе заведенъ правильный порядокъ церковный. Перешелъ-бы и онъ, Молотковъ, къ австрійцамъ, пошли-бы и другіе купцы за нимъ, да стыдно какъ-то сдатьъ предъ Австріей и сознать себя, что, находясь въ бѣглопоповщинѣ, заблуждался и путалъ себя и другихъ въ области религіозныхъ понятій“.

Въ такихъ-то невеселыхъ размышленіяхъ находился купецъ Молотковъ, какъ получилъ извѣстіе изъ Саратова о происшедшемъ въ средѣ саратовскихъ бѣглопоповцевъ раздорѣ и переходѣ купцовъ: Сорокина, Болдырева, Фомина и другихъ—къ австрійцамъ. Извѣстіе это точно варомъ обварило его. Ни сколько не медля, Молотковъ взялъ съ собою двухъ единовѣрцевъ—Вещикова и Козлова и поплылъ въ Саратовъ. По прибытіи, они сдѣлали визитъ главѣ раскола, купцу Артамонову, затѣмъ другимъ лицамъ и подробно распросили ихъ о причинѣ раздора и сообщили о томъ, какое торжество доставлено результатомъ этого ихъ раздора ихъ врагамъ, - австрійцамъ. Молотковъ просилъ Артамонова устроить въ молельнѣ собраніе старообрядцевъ, на которомъ и выступилъ съ своей рѣчью, убѣждая раскольниковъ крѣпко стоять за свою древнюю вѣру, не слушать никакихъ соблазнительныхъ рѣчей и не смущаться примѣрами перехода изъ ихъ общества въ австрійство. По окончаніи рѣчи, Молотковъ прочиталъ подлинное письмо о. Марка о скрывающемся въ Японской землѣ древнемъ священствѣ и предложилъ собранію старообрядцевъ подумать о семъ важномъ дѣлѣ.

— Какое тамъ еще архіерейство, намъ и съ попами-то трудно возиться, а онъ — архіерея! — рѣзко замѣтилъ купецъ Артамоновъ.

— Тогда у насъ будетъ свое архіерейство, заведется порядокъ іерархіи, и такой склоки, какъ сейчасъ, съ попами, не будетъ. Не нужно будетъ искать ихъ... Да и жить такъ скверно не будетъ они,—робко возразилъ Молотковъ.

— Порядокъ!... Вонъ австрійцы развели у себя этотъ порядокъ-то, да ни шиша не выходитъ. Только и слышно, что ругаются между собою, другъ друга прѣклинають, другъ друга подъ анафему подводятъ, да мало-ли что творится у нихъ! Стократъ хуже нашего еще. Намъ, братъ, твоихъ архіереевъ не нужно. Если хочешь—ищи ихъ для себя, а мы, какъ жили по старому, безъ архіереевъ, такъ и будемъ жить,—проговориль Артамоновъ.

— Не нужно! Не нужно намъ твоихъ архіереевъ!—подакнули другіе.

— Умремъ по старой вѣрѣ!

— Жили безъ архіереевъ и ладно! Зачѣмъ эти новости? Себѣ на шею только...—кричали въ толпѣ.

Молотковъ провалился съ своимъ предложеніемъ, какъ нельзя хуже и позорнѣе.

— Братіе! Я для вашей же пользы говорю все это,—попытался онъ урезонить расходившуюся толпу.—Будетъ у насъ архіерей, тогда кого вы хотите, того и выберете себѣ—и въ попы, и архіереи. Все это отъ васъ будетъ зависѣть. Не понравился—долой его; на его мѣсто найдутся другіе люди.

— Сказано тебѣ, не надо, и конецъ дѣлу. Попусту нечего и рѣчь держать.

Дальнѣйшихъ словъ Молоткова никто не хотѣлъ уже слушать и не слушалъ. Кричали, шумѣли другъ передъ дружкой, такъ что организаторъ счелъ лучшимъ покинуть собраніе и, глубоко раздосадованный, выѣхалъ изъ Саратова.

Такимъ образомъ саратовскіе бѣглопоповцы оказались противъ учрежденія у себя архіерейства, и миссія купца Молоткова, его возлелѣянная мечта объ этой затѣѣ, не только не увѣнчалась успѣхомъ, а получила сильнѣйшій отпоръ отъ своей собратіи. На дорогѣ въ Хвалынскъ Молотковъ завернулъ въ гор. Вольскъ и сдѣлалъ то же предложеніе старообрядческому обществу, и результатъ вышелъ тотъ же, что и въ Саратовѣ. Глава бѣглопоповскаго общества въ Вольскѣ, купецъ Новиковъ наотрѣзъ сказалъ ему:

— А ты, братъ, живи ужъ по отеческому-то преданію. Начто тебѣ архіереи-то? Иль тебѣ 'мало поповъ-то? Ишь, какіе-то тамъ монахи сочинили бумагу о древнемъ священствѣ,

а ты и вѣришь имъ. Разбери-ка ты хорошенько всѣхъ этихъ иноковъ, да полковниковъ, тогда и увидишь, что все это подходъ одинъ къ нашему карману. Никакихъ, поди, тамъ архіереевъ и не находится... Брось ты ихъ, и всякое толкованіе объ архіереяхъ, а живи себѣ, какъ живали наши дѣды и отцы... Спасенье то не въ архіереяхъ...

Въ глубокомъ разочарованіи вернулся купецъ Молотковъ въ свой домъ. Самолюбіе его было уязвлено; его подняли на смѣхъ, даже вычитали мораль, чтобы онъ выкинулъ изъ своей головы всякую мысль объ архіерействѣ въ Японіи. Никогда ничего подобнаго онъ не испытывалъ въ своей жизни. Ему было и больно, и досадно. Что оставалось дѣлать? Идти и браться за дѣло одному? Но куда идти? Дѣло опредѣлилось уже ясно: депутаціи отъ крестьянъ Сосновой Мазы и Селитьбы вполнѣ выяснили, что нужны деньги и денегъ очень много, а тамъ какіе-то иноки—Евламій и Маркъ съ Полковникомъ Летуновскимъ отправятся на эти деньги въ Японію и вывезутъ имъ оттуда или прямо сирійца въ санѣ архіерея, или кого либо изъ русскихъ поставятъ въ этотъ санъ. Но вывезутъ ли то или другое? Не прощальги ли они какіе? Возможно ли довѣрить этимъ неизвѣстнымъ лицамъ такую громадную сумму денегъ? Мало ли доселѣ появлялось среди старообрядцевъ подобныхъ отцовъ Марковъ, мнимыхъ полковниковъ, даже генераловъ, которые, обобравъ ихъ деньги тоже на какое-нибудь великое дѣло, въ родѣ настоящаго, скрывались, точно камень въ воду. Не тоже-ли скрывается и здѣсь въ этомъ смутномъ проблескѣ существованія тамъ гдѣ-то за тридевятью землями, въ далекой землѣ Японскаго государства, древняго архіерейства, якобы сохранившагося отъ лѣтъ патріарха Никона. Не мошенство ли это? Не афера ли это, придуманная такъ ловко всѣми этими отцами и полковникомъ съ цѣлью поживиться такой крупной суммой денегъ, каковою являются 20000 руб? Все можетъ быть. Дадутъ имъ 20000 руб., а тамъ и ищи ихъ въ Японіи, или Сиріи... Если самому ѣхать съ ними въ эту землю, самому стать впереди всего дѣла, а ихъ имѣть при себѣ, какъ помощникомъ, то во 1-хъ, желаютъ ли они этого сами, а во 2-хъ, не можетъ ли случится и того, что дорогою эти 3 помощника, легко могутъ отнять у меня деньги и скрыться.

Японія-то — не Саратовъ. Чертъ знаетъ, гдѣ туда дорога-то идетъ! Не даромъ они и письма свои адресовали не ко мнѣ, а къ мужикамъ, которые, въ свою очередь, обходятъ меня. А самому навязываться къ нимъ, самому входить въ сношенія съ неизвѣстными Марками и Евлампіями—это довольно рискованно и унижительно.

Такія мысли и разсужденія обуревали голову купца Молоткова. Долго онъ ломалъ надъ ними свою сѣдую голову, долго соображалъ и дѣлалъ разные выводы; мысль обзавестись архіерействомъ его лелѣяла, но въ то же время онъ опасался обмана и мошенства со стороны появившихся лицъ. И опасался этого послѣдняго потому именно, что въ послѣдствіи надъ нимъ, старикомъ, стануть смѣяться и подтрунивать какъ свои единовѣрцы, такъ еще болѣе посторонніе, особенно австрійцы. Не денегъ жалко было,—все равно, не свои онъ сталъ бы тратить а общественныя!—а чести потерять не хотѣлось, и посмѣшищемъ быть въ глазахъ людей.—Нѣтъ! Все это обманъ, ложь, никакого архіерейства въ Японіи не можетъ быть и нѣтъ его. На старости лѣтъ въ обманъ не поддамся — рѣшилъ Молотковъ.—И выбросилъ все Японское архіерейство вонъ изъ головы.

Между тѣмъ сборъ денегъ шелъ своимъ чередомъ. Серебряныя рубли, золотыя монеты, разнаго рода кредитки сносились къ уполномоченнымъ сердобольными старообрядцами, а послѣдніе приобщали ихъ къ общей суммѣ. Жертва лилась охотно. Даже въ Хвалынскѣ, гдѣ купецъ Молотковъ пошелъ противъ архіерейства, собиралась жертва. Обирательство шло поголовное. Всѣ окрестныя селенія, какъ-то: Сосновая Маза, Селитьба, Апалиха, Широкій буеракъ, Поселки и другія тащили свои рубли, изъ коихъ составлялись сотни и тысячи рублей. Всего набрано было 8000 рублей; изъ нихъ 500 руб. выслано въ разное время по почтѣ. Сначала старообрядцы думали было и всѣ поступавшія отъ пожертвованій деньги посылать, по мѣрѣ накопленія ихъ, по почтѣ, но затѣмъ одумались и рѣшили, что это неудобно и что гораздо лучше доставить ихъ въ Оренбургъ лично. Первыя деньги они выслали въ пылу особенной радости и восторга, потомъ восторгъ этотъ значительно умѣрился, и они стали поступать обдуманнѣе. Была и

другая причина, почему старообрядцы перестали высылать деньги въ Оренбургъ, — у нихъ возникъ вопросъ: кто будетъ у нихъ первымъ архіереемъ:—сиріанинъ или русскій? Говорили они и то, и се на эту тему, но такъ и не рѣшили его окончательно и положили между собою, что соберемъ деньги, пошлемъ депутацію въ Оренбургъ, а тамъ она переговоритъ съ о. Евлампіемъ и полковникомъ, какъ лучше учредить это дѣло.

Токъ пожертвованій прекратился. Нужно было ѣхать для объясненія въ Оренбургъ. Снова избрали депутатовъ и отправили ихъ съ деньгами, наказавъ имъ, чтобы они окончательно рѣшили о лицѣ перваго архіерея. Евлампій съ полковникомъ приняли депутатовъ, пересчитали врученныя имъ 7500 руб. деньги, и глубоко пожалѣли, что сумма не велика и до 20000 руб. далеко не достаетъ.

— Больше этого не могли собрать, — сказали депутаты.

— А сколько у тебя всего денегъ?—спросилъ полковникъ Евлампія.

— Да кромѣ вотъ ихнихъ денегъ есть еще здѣшнихъ пожертвованій тысяць около трехъ.

— Значитъ, всего около одиннадцати тысячь?

— Да.

— Ну, тысячь пять пока я доложу изъ своего имѣнія, а тамъ остальное, быть можетъ, наберется у Марка, въ Уральскѣ—сказалъ полковникъ.

— Вотъ, старики, его высокоблагородіе, какую милость оказываетъ вамъ. Помощь даетъ для вашего же дѣла и своихъ денегъ не жалѣетъ.

— Спаси тебя Христосъ за твое сердоболіе къ намъ убогимъ—проговорили крестьяне и разомъ бухнулись полковнику въ землю.

— Не кланяйтесь, старички. Я одинокій человекъ; капиталъ есть у меня, и на такое дѣло, какъ ваше, я всегда готовъ помочь, чѣмъ могу.

Мужики отъ восторга млѣли, не зная, какъ и благодарить своего благодѣтеля.

Наконецъ, разговоръ перешелъ и о лицѣ архіерея.

Мужики высказали Евлампію, что крестьянамъ ихъ селеній желательно имѣть у себя архіереемъ сирійца, чтобы онъ прямо изъ Японіи пріѣхалъ къ нимъ и основалъ свою квартиру. Сиріецъ, толковали раскольники, былъ бы эффектиѣе и поразительнѣе на первыхъ порахъ, чѣмъ русскій. Вдругъ это черный на лицо человѣкъ, говоритъ на своемъ языкѣ, котораго они не знаютъ, а молится двумя перстами, поклоны кладетъ на подручникъ, и весь уставъ службы ведетъ по старообрядчески, это куда было бы хорошо и поучительно для многихъ. Русскому, пожалуй, не такъ повѣрятъ еще, а въ сирійскаго-то старообрядца обязательно должны увѣровать и признать его древнимъ архіереемъ, получившимъ свое священство отъ древнихъ русскихъ патріарховъ Іова, Іосифа и др. Сиріецъ самъ по себѣ будетъ доказательствомъ правоты бѣглопоповскихъ вѣрованій.

Полковникъ съ Евлампіемъ переглянулись, выслушавъ доводъ мужиковъ про сирійскаго архіерея.

— Все это такъ, старики—сказалъ полковникъ,—и если бы сирійскій архіерей согласился поѣхать къ вамъ въ Мазу, тогда я самъ согласился бы быть у него на первыхъ порахъ переводчикомъ. Но вотъ вопросъ: что, если изъ нихъ никто не рѣшится ѣхать въ нашу сторону? Всякому мила своя родина. Вѣдь, отъ насъ Сирія-то будетъ тысячъ 10 верстъ. Кому охота ѣхать въ такую даль, да еще не зная, какъ вы его примете и какъ онъ будетъ жить у васъ.

— Какъ Христа примемъ его, кормилецъ! Всякія угоды дадимъ ему, только бы жилъ онъ у насъ,—съ нетерпѣніемъ—вскричали мужики.

— Вѣрю и этому. Но прельстится ли онъ на это, чтобы ѣхать въ чужую дальнюю сторону. Вѣдь ему, какъ архіерею, хорошо и тамъ жить между своими братьями.

— Согласился же вонъ у австрійцевъ, грекъ бросить свою Грецію и перешелъ въ Австрію, да еще и изгнаніе претерпѣлъ.

— То грекъ, а это сиріецъ. Грековъ у насъ по доброй волѣ много проживаетъ, а сирійцевъ нѣтъ. Греки шатушій народъ, а сирійцы—смирный, богобоязный, любятъ жить дома, на сторону не уходятъ. Я жилъ съ ними и хорошо знаю ихъ

положеніе. Впрочемъ, я говорю это предположительно только и для того, чтобы поѣздка наша не осталась по пустому,— закончилъ полковникъ.

— Похлопочи, родной—взмолились мужики. На тебя мы, какъ на каменную стѣну, полагаемъ надежду. Ты можешь все это устроить.

Мужики еще разъ повалились ему въ ноги.

Евлампій смотрѣлъ на полковника, хорошо зная, къ чему онъ ведетъ свой разговоръ.

— Я, старики, сдѣлаю для васъ дѣло, но чтобы не проѣздить понапрасну, на всякій случай нужно взять съ собой кандидата, котораго можно было бы поставить тамъ во архіереи. Поэтому, выберите изъ среды себя кого-либо кандидатомъ во архіереи, и онъ вмѣстѣ съ нами отправится въ Сирію. Этакъ будетъ лучше и благонадежнѣе.

— Кого же намъ выбрать-то?—спросили мужики.

— Кого хотите и кого знаете,—отвѣтилъ Евлампій.

— О. Марку или о. Евлампію я не совѣтую брать на себя архіерейство,—сказалъ полковникъ,—потому что тогда всякій можетъ ткнуть въ нихъ пальцемъ и сказать, что, молъ, на наши деньги, да себя же въ архіереи произвели. Лучше вы сами выберите на это дѣло и такого человѣка, который вамъ по совѣсти и по душѣ...

— А коли-жъ ѣхать-то?

— Дѣло теперь за кандидатомъ. Поѣзжайте въ свою Мазу, скажите объ этомъ старикамъ, они подумаютъ между собою и кого-нибудь найдутъ въ своемъ селѣ достойнымъ архіерейства. Тогда съ этимъ кандидатомъ пріѣзжайте опять сюда къ намъ, а отсюда мы уже тронемся въ путь-дорогу.

Мужики подумали, нашли предложеніе полковника очень резоннымъ и, угостившись на прощаніе, выѣхали изъ Оренбурга въ родную Мазу.

Проводивъ мужиковъ, полковникъ радостно сталъ потирать руки, что означало у него радостное настроеніе духа.

— Евлашка!—крикнулъ онъ,—кутимъ теперь на пропащую; 8000 сдернули съ лохматыхъ дураковъ.

— И ловко же ты, Памфилка, обошелъ ихъ словами. Такъ объегорилъ, что я нарочно уходилъ отъ тебя, чтобы не

расхотаться. И какъ это у тебя вышло складно и благочестиво, — сказалъ инокъ Евлампій.

— А ты, небось, думалъ, что попались въ лапы этимъ оболтусамъ. Я сразу смекнулъ, какого фортеля нужно имъ подставить. Пускай теперь деруть тамъ глотки-то да выбираютъ себѣ въ архіереи, а мы давай хорошенько выпьемъ на радостяхъ, закусимъ и маршъ изъ города. Больше здѣсь жить намъ теперь не для чего.

— Уже сегодня? — спросилъ Евлампій.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — отвѣтилъ полковникъ.

Между тѣмъ мужики, вернувшись изъ Оренбурга, взбудоражили все свое общество, а чрезъ нихъ окрестныхъ раскольниковъ. Открылись собранія, на которыхъ возбуждался вопросъ: кому быть первымъ архіереемъ? Одни стояли прямо за сирійскаго архіерея; другіе находили лучшимъ предложить это кому либо изъ монаховъ — Марку или Евлампію; третьи просили выбрать своего.

— Съ своимъ человѣкомъ намъ смѣлѣе обдѣлывать свои дѣла — кричали мужики. А чужой-то, да еще не русскій, кто его знаетъ, какой будетъ. Наѣдутъ къ намъ, да и будутъ по своему воротить дѣлами.

— Это вѣрно! — вторили имъ.

Большинствомъ голосовъ рѣшили выбрать своего кандидата. Но кого именно? Кандидатовъ называли много, но между ними искали такого человѣка, который-бы и за женщинами не ухаживалъ, и денегъ не бралъ, и жилъ по-ангельски, питаясь, если не акридами, то, во всякомъ случаѣ, не роскошно. Словомъ, раскольники отыскивали среди себя ангела во плоти, но такого не находилось.

— Братцы, давайте Ларьку Косматаго посадимъ въ архіереи? Мужикъ онъ одинокій, смирный, простой, зла никому не дѣлалъ — чего лучше — сказалъ сѣдой старикъ-міроѣдъ.

— Ларивона! Ларивона въ архіереи! — поддержали старики.

— Онъ малограмотный! — послышался голосъ противъ Ларіона.

— Научится, когда будетъ архіереемъ.

— Мужикъ согласный, не сопротивный, а бородища — страсть!

Призвали Ларіона. Онъ земно поклонился старикамъ и стоялъ молча.

— Вотъ, Ларивонъ, наше обчество хочеть тебя посадить въ архіереи къ намъ,—проговорилъ одинъ изъ важныхъ представителей собранія.

— Спаси васъ, милостивый Господи,—отвѣтилъ Ларіонъ и снова бухнулся въ землю.

— Ты будешь насъ слушать-то? Супротивъ обчества нашего не пойдешь? — спрашивали его.

— Николи изъ воли вашей не выйду, старички. Все, что прикажете мнѣ, то и буду дѣлать вамъ. Вѣчно буду благодарить васъ за вашу милость.

— Довольно! Пишите на него бумагу,—закричала толпа соборянь.

И Ларіонъ выбранъ раскольниками въ архіереи.

— Смотри, Ларюха, тогда не измѣни,—говорили раскольники, расходясь до домамъ.

На слѣдующій день Иларіона отвели въ баню, отмыли съ него грязь и копотъ, расчесали ему бороду, обрядили его въ чистую одежду и вмѣстѣ съ депутаціею отправили его въ Оренбургъ, для дальнѣйшаго путешествія въ Японію.

Прибыли мужики въ Оренбургъ и прямо къ завѣтному дому, гдѣ такъ мягко стлали имъ и говорили сладкія рѣчи. Смотрятъ: домъ закрытъ ставнями и признаковъ жилья не имѣется. Что дѣлать? Стоять, мнутса около этого дома, недоумѣвая, что предпринять имъ.

— Вы что тутъ толкаетесь? Иль кого нужно?—спросилъ кучеръ, выйдя со двора.

— Да вотъ, родимый, приѣхали мы издалека, съ Мазы, а требуется повидать жильцовъ въ этомъ домѣ,—отвѣтили мужики.

— Экъ хватились! Они давно ужъ сбѣгли.

— Куда?—разомъ вскричали встровоженные депутаты.

— А чертъ ихъ знаетъ, куда они уѣхали. Забрали свои пожитки, да и маршъ. Кажись, поѣхали на желѣзную дорогу.

Мужики стояли, точно ошеломленные послѣ удара.

— И ничего они, кормилецъ, не говорили такого, что мы, вотъ, къ нимъ прїѣдемъ—допытывались депутаты.

— Опричъ ругани съ хозяиномъ ничего про васъ не наказывали. Нашъ хозяинъ выгналъ ихъ съ квартиры, потому всегда у нихъ пошло пьянство, курево проклятое, да всякое непотребство.

— Да, вѣдь, одинъ-то, родимый, былъ монахъ...

— Никакихъ у насъ монаховъ тутъ не проживало. Жили два какіе-то прощальги: одинъ—Памфилъ Егорычъ, а другой—Ермилъ Пафнутычъ; откуда они—дьяволъ ихъ знаетъ. Сначала жили смирно, тихо, а потомъ стали такъ чертить, что срамно и держать-то ихъ стало на квартирѣ.

Слова кучера были тоже, что варъ на головѣ депутатовъ.

Долго стояли они около дома, почесывая затылокъ. Невольная слеза выкатилась изъ глазъ ихъ... И тяжело убитые горемъ они побрели на вокзалъ желѣзной дороги.

Пропали деньги, пропало и древнее архіерейство въ Японіи. Ловкіе жулики искусно разыграли комедію, назвавшись монахами и полковникомъ. 8000 руб. они сдернули съ раскольниковъ и оставили ихъ въ дуракахъ.

— Кровопійцы! Грабители!—толковали между собою мужики.

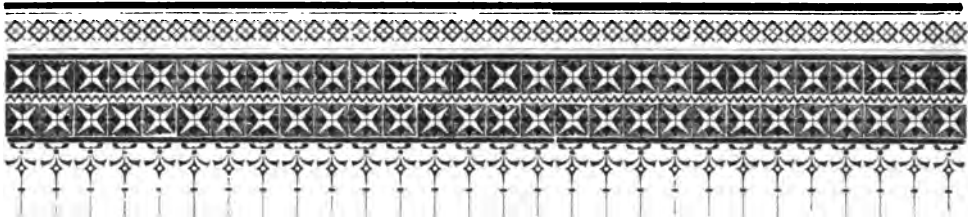
— А старики еще наказывали, чтобы меня назвали Іосифомъ при архіерействѣ—замѣтилъ Ларіонъ.—А тутъ вышло, что поворачивай оглобли-то назадъ.

— Да, Ларинька, обидѣли насъ, мошенники. Обошли кругомъ и такъ чисто, что совсѣмъ съ лаптями вѣхали къ намъ въ ротъ-то. Ну, оказія. И за что такое наказаніе послалъ на насъ Господь?

Долго молчали раскольники о результатѣ своего исканія древняго архіерейства въ Японіи, но нѣтъ ничего тайнаго, чтобы рано или поздно оно не открылось во всей своей наготѣ.

— Сбылось мое предсказанье! Исполнились мои слова, что все это обманъ, а монахи съ полковникомъ—жулики отъявленные,—самодовольно говорилъ купецъ Молотковъ.

Писали потомъ раскольники и о Марку въ Уральскѣ, но онъ также исчезъ отсюда и болѣе не высылалъ своихъ посланій. Очевидно, онъ составлялъ одну шайку съ полковникомъ Антипатромъ Летуновскимъ.

VIII.

„ТЕЛЕНТІЙ“.

Въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго гор. С... Саратовской губерніи, лежитъ огромное селеніе, назывемъ его Пятницкое, жители котораго въ большинствѣ принадлежатъ къ австрійской сектѣ. Село это въ раскольничьемъ мірѣ славится тѣмъ, что отсюда выходятъ чтецы и пѣвцы, служащіе въ старобрядческихъ общинахъ, отъ Астрахани и до Нижняго, отъ Казани и до Рязани и т. далѣе. Пятницкое служитъ разсадникомъ начетниковъ, поповъ, дьяконовъ, откуда они и расходятся по разнымъ раскольническимъ молельнямъ. Пятницкое—это своего рода Гуслицы, Московской губерніи, только въ меньшемъ размѣрѣ. Каждый раскольникъ здѣсь непременно грамотный; рѣдкій изъ нихъ не знаетъ своего пѣнія, а потому молельня ихъ оглашается въ праздничное время массовымъ пѣніемъ: поютъ мужики, бабы, дѣвки и мальчуганы, руководимые уставщиками. Каждый изъ нихъ хорошо знаетъ уставъ церковной службы и потому служба у раскольниковъ совершается безъ всякаго отступленія отъ устава церковнаго и совершается по долгу, 5—6 часовъ къ ряду.

15 февраля 1886 года въ селѣ Пятницкомъ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай, сильно взволновавшій, какъ самое населеніе, такъ равно и окрестныя мѣста. 15 числа, рано утромъ, расколь-

ники увидѣли на своемъ кладбищѣ разрытую могилу, въ которой оказался новый гробъ съ надписью на крышкѣ: „святой Телентій“. Открытіе мощей послѣдуетъ чрезъ 40 дней, послѣ усердной молитвы древлеправославнаго іерея“. Тотчасъ они извѣстили своего попа, бывшаго сапожникомъ до этого, крестьянина Ивана Ермолаева, попечителей молельни и почетныхъ стариковъ своего общества. Гробъ оказался обитъ краснымъ бархатомъ, съ бѣлымъ позументомъ. Рѣшили внести гробъ въ молельню. Одно только смущало раскольниковъ, — это надпись на гробѣ: „св. Телентій“. Сколько ни рылись они во всѣхъ своихъ святцахъ, сколько ни отыскивали въ прологахъ и четиминеяхъ, но такого имени нигдѣ, ни въ одной изъ этихъ книгъ они не нашли. Рѣшили, что это написано ошибкою и что нужно читать не „Телентій“, а „св. Терентій“. По рабѣ Божию Терентію раскольничій попъ Иванъ Ермолаевъ и сталъ служить ежедневно утромъ и вечеромъ панихиды. Такъ онъ служилъ съ 15 и по 20-е число. Раскольниковъ собиралось за панихиды множество; старухи плакали, чтобы Господь не лишилъ ихъ Своей милости и проявилъ лежавшаго предъ ними въ святыхъ мощахъ. Съ каждой панихидой покупалось и сжигалось восковыхъ свѣчей цѣлыя пучки въ нѣсколько фунтовъ; жертва сыпалась щедро: клали рубли, копѣйки, словомъ — кто что могъ на ту тарелку, которая стояла у гроба Телентія. Всей жертвы за эти дни набралось 175 руб. съ копѣйками. Старики — раскольники вошли въ экстазъ и гордо заявляли православнымъ, что черезъ нѣсколько дней Богъ прославитъ ихъ вѣру такимъ чудомъ, отъ котораго имъ будетъ стыдно, они волей — не волей прикусятъ свои языки.

— Посрамленіе вамъ, еретикамъ, будетъ всеконечное — говорилъ раскольникъ Ульянъ Кирилловъ.

— Да, восторжествуетъ наша истинная вѣра на удивленіе всему еретическому міру. Какъ постыдно будетъ смотрѣть имъ на насъ — вторилъ другой, Емельянъ Самсоновъ.

— Удивимъ Россію — Матушку! Докажемъ еретикамъ свое благочестіе и кто мы такіе — съ апломбомъ ораторствовали третій — Ѳома Гороховъ.

Православные жители села Пятницкаго, слушая всѣ эти загадочныя рѣчи отъ своихъ раскольниковъ, не понимали, о

чемъ и про что толкуютъ раскольники. — „Съ ума рехнулись наши раскольники и городятъ, не вѣсть что“ — говорили православные.

Небывалое событіе не заставило ждать себя долго; оно случилось, и о немъ стали говорить отъ малаго и довеликаго, въ домахъ, на улицахъ, на базарѣ—словомъ вездѣ и всюду.

20 Февраля, когда раскольничьи панихиды продолжались еще, попъ сообщилъ старикамъ, что изъ гроба идетъ подозрительное зловоніе. Подумали, потолковали между собою старики: видно, молъ, Господь испытуетъ нашу вѣру... Рѣшили усугубить свою молитву. Попъ снова сталъ кадить и служить надъ гробомъ, а зловоніе распространяется все болѣе и болѣе. Къ вечеру 21-го показалась течь изъ гроба; приходилось, по необходимости, гробъ вскрыть и взглянуть на содержимое въ немъ. Обстоятельство это навело ужасъ на раскольниковъ. Никто не рѣшался приступить къ гробу, открыть его, каждый сторонился и прятался за другого, отзываясь, кто — не смѣлостью, другой — недостойнствомъ, третій находилъ себя молодымъ и предоставлялъ это дѣло старшимъ себя. Но всѣ вообще раскольники были убѣждены, что и зловоніе, и кровавая течь изъ гроба, все это составляетъ одинъ призракъ и испытаніе ихъ въ вѣрѣ, что подъ крышкою гроба непременно они встрѣтятъ другое, то, чего такъ желалось имъ и что составляло въ эти дни ихъ завѣтныя мечты. Такъ были они самоувѣренны и убѣждены, что мощи Терентія обязательно должны открыться и прославить все ихъ общество. Наравнѣ съ стариками и попъ, и дьяконъ Исай Яковлевъ также отстраняли себя отъ вскрытія гроба и просили исполнить это другихъ.

— Чего же, старики, стоять-то? Послать за Тарасьевой — сказалъ мужикъ.

— И то. Она дѣвка статная, богобоязная, всегда по покойникамъ ходитъ — согласились другіе.

— Послать за Тарасьевой! — распорядился попечитель молельни.

Вскорѣ явилась Тарасьевна.

Старики стали уговаривать ее открыть гробъ; старуха ломалась, говорила, что она „грѣшница“ и др.

— Мы вѣримъ тебѣ — кричали мужики. — Дѣлай только дѣло-то.

Тарасьевна помолилась Богу, подошла подѣ благословеніе къ своему попу и, простившись предѣ народомъ, подняла крышку гроба, при внимательномъ наблюденіи всей толпы, окружающихъ ее раскольниковъ.

Послѣдовалъ крикъ, и испугъ охватилъ смотрѣвшую толпу.

Едва Тарасьевна приподняла крышку гроба, какъ бывшій дотолѣ спертымъ, удушливый вонючій газъ обдалъ ее и предстоящихъ самымъ острымъ зловоніемъ. Всѣ зажали носъ, заткнули рты; нѣкоторые попятились назадъ. Предѣ глазами зрителей показался мертвецъ, скутанный саваномъ и спеленанный бѣлой тесьмой. На ногахъ виднѣлись лапти. Тарасьевна быстро развязала его, открыла саванъ и... о, ужасъ! Въ гробу оказался ободраннй теленокъ... Телячья морда покоилась по правую сторону, переднія мохнатая въ шерсти лапы лежали на груди крестомъ и связаны; заднія же, подрѣзанныя въ жилахъ, были вытянуты, одѣты въ бѣлыя шаровары, чулки и лапти. Трупъ теленка находился въ сильномъ разложеніи.

Господи Ісусе Христе! — проговорили раскольники, крестясь отъ испуга.

— Вотъ такъ мощи! — невольно вырвалось въ толпѣ.

Пораженіе и оцѣпенѣніе раскольниковъ было сильное. Лица ихъ были печальныя, озлобленныя. У всѣхъ было скверно на душѣ; горечь и досада лежала въ сердцѣ. Всѣ иллюзіи ихъ видѣть у себя мощи Терентія, какъ доказательство правости ихъ вѣры, разлетѣлись въ пухъ и прахъ.

— Вотъ-те мощи!

— Да, парень, срамоту кто-то учинилъ надъ нами — толковали раскольники, уходя изъ моленной.

Поздно ночью, когда православные жители давнымъ-давно улеглись на покой, не зная и не вѣдая, что творится у раскольниковъ, послѣдніе заперли протухлаго теленка въ своей молельнѣ и собрались въ домъ своего попа на совѣщаніе. Скандалъ позорнѣйшій! Скотину протухлую внесли въ молельню, служили надъ ней цѣлую недѣлю, пѣли священныя стихиры, жгли священныи воскъ и сами Богу молились о те-

ленкѣ, желая его видѣть въ мощахъ,—все это такія дѣла со-
вершены ими, что выходило и глупо, и кощунственно, если
не сказать больше. Какъ отвѣчать за все это предъ Богомъ?
Сколько срама надѣлали они. Молельню свою осквернили,
себя одурачили, что дѣлать? Нужно же случиться такому грѣху.

— Нужно, старики, первѣе всего молчать о семъ, чтобы
кромѣ насъ никто этого не зналъ,—сказалъ дьяконъ.

— Еще бы о такой срамотѣ благовѣтствовать! Тутъ мол-
чаніе наипаче,—сказалъ попечитель.

— Это такъ: а вы разсудите дѣло-то: кто все это на-
стряпалъ? Кто подсунулъ намъ тухлятину-то за мѣсто мо-
щей...

— Конечно, доискаться нужно, — вторили послѣднему.

Стали доискиваться, хотя находка Телентія у всѣхъ была
въ памяти. Два брата Наумъ и Семенъ пошли утромъ на охоту;
идутъ они мимо своего кладбища, смотря курганъ насыпанный.
Подошли ближе, анъ могила, и въ ней хорошій гробъ. Затѣмъ
донесли попу и старикамъ.

— И какъ это мы тогда повѣрили надписанію на крышкѣ,—
сказъ попалъ. Вѣдь, вскрыть бы надо гробъ-то, тогда, и увидѣ-
лось бы все, какъ на ладони.

— Опослѣ-то завсегда такъ. А тогда сразу встряхнулись,
и ну тащить въ молельню.

— А ты, Кирюха, не больно обвиняй-то. Тутъ все общество
дѣлало, а не одинъ кто,—возразилъ раскольникъ!

— Я обществу не указъ, только ошиблись малость,—оправ-
дывался мужикъ.

— Будетъ спорить-то вамъ, старики; вы дѣло байте.

— Вѣстимо, нужно рѣшать дѣло,—сказалъ попечитель мо-
лельни. Я, старики, такъ держу разумъ,—зарыть его, трекля-
таго, поскорѣе, нынѣ же передъ свѣтомъ, а моленную освя-
тить и самимъ покропиться послѣ этой гадины святой водой.

— Вотъ это ловко, дядя Митрій.

На этомъ и закончилось совѣщаніе стариковъ. Рано утромъ
гробъ съ тухлымъ теленкомъ вывезти изъ моленной, заколотили
его наглухо и съ проклятіемъ зарыли за кладбищемъ. Вслѣдъ
за этимъ стали окуривать моленную, отслужили въ ней моле-
бенъ съ освященіемъ воды и окропили стѣны, иконы, книги

и всѣхъ людей. Попечитель, обратясь къ народу, строго приказалъ всѣмъ молчать о совершившемся среди нихъ событіи.

Прошелъ день, другой, а на третій день все село узнало, что у раскольниковъ появился тухлый теленокъ.

— Съ мощами, Иванъ Константиновичъ, поздравляемъ!— кричали мужики при встрѣчѣ одного изъ богатыхъ раскольниковъ.

— Узнали, анафемы! — кипятился послѣдній.

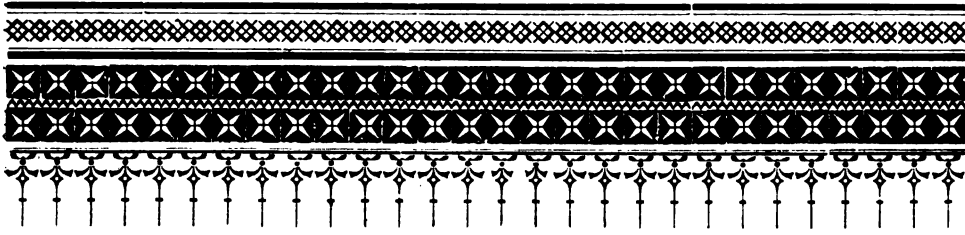
Молва о тухломъ Телентіѣ скоро перешла за предѣлы села Пятницкаго и попала на столбцы мѣстной прессы. Раскольники встревожились, зашумѣли, стали кричать, что это ложь сплели на нихъ, что ничего подобнаго у нихъ никогда не было. Изъ газетъ узналъ и раскольничій архіерей, и потребовалъ отъ попа, чтобы онъ донесъ ему о Телентіѣ. Раскольникамъ и тутъ совѣстно было сознаться въ своей продѣлкѣ и они отвѣтили отрицательно, что никакихъ мощей у нихъ не было, и никакого Телентія не являлось. Позорный фактъ нагло отвергли и отказались отъ него.

Остается невыясненнымъ одинъ вопросъ: кто же именно такъ грубо и нагло посмѣялся надъ раскольниками? Кто авторъ этого роскошнаго гроба съ ободраннымъ теленкомъ? Былъ слухъ, что у одного чудака-помѣщика похоронена любимая собака въ такомъ-же гробѣ; но затѣмъ гробъ этотъ былъ украденъ, а собаку выкинули изъ него. Не этотъ-ли гробъ и послужилъ для Телентія, ловко убранныго и подставленнаго раскольникамъ?

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Пятницкомъ случился такой фактъ. Одинъ изъ жителей этого села отправился въ соседнее село Дерлово и учинилъ пакость противъ Православной церкви, за что былъ арестованъ и препровожденъ въ Пятницкое. Здѣсь сняли съ него допросъ, и онъ показалъ, что его научили раскольники, за что онъ получилъ 30 руб. Мужика заперли въ холодную. Утромъ нашли его висящемъ на веревочкѣ. Началось слѣдствіе, въ результатѣ коего послѣдовала бумага къ православному духовенству о преданіи землѣ тѣла крестьянина такого-то, оказавшагося по судебному слѣдствію удушеннымъ.

Съ своей стороны мы полагаемъ, что появленіе Телентія между раскольниками есть продѣлка кого-либо изъ живущихъ въ Пятницкомъ и хорошо знавшаго настроеніе раскольниковъ. Дѣйствительно, въ это время раскольники крѣпко заняты были мыслию отыскать нетлѣнныя мощи. Объ этомъ говорилось не только въ Пятницкомъ, но и въ Саратовѣ, Хвалынскѣ, Самарѣ и др. мѣстахъ по нашему Поволжью. Незадолго предъ этимъ раскольники распустили молву, что на Иргизѣ, въ одномъ изъ единовѣрческихъ монастырей, открылись мощи старца Варлаама, жившаго 150 лѣтъ тому назадъ и умершаго раскольникомъ. Слухъ оказался невѣрнымъ, и его смѣнилъ другой, что на Черемшанѣ, около Хвалынска, нетлѣнно почиваетъ бывший у раскольниковъ архіереемъ, нѣкто Аеанасій; но и это оказалось невѣрнымъ. Тогда раскольники стали говорить, что нетлѣнныя мощи у нихъ все таки есть, только они далеко отсюда въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ, и указывали на основателя австрійской іерархіи, инока Павла, который якобы почиваетъ нетлѣнно. Вотъ такимъ-то болѣзненнымъ настроеніемъ раскольниковъ и воспользовался авторъ Телентія и подложилъ имъ прекрасный гробъ съ теленкомъ, учинивъ этимъ, правда, грубую и циничную выходку. Но та же поспѣшность раскольниковъ, съ какою они внесли гробъ съ теленкомъ въ свою молельню, не давъ себѣ труда предварительно открыть и посмотреть, что лежитъ въ гробѣ, показываетъ, насколько они были заинтересованы отысканіемъ себѣ мощей и съ какой жадностью уцѣпились они за этотъ гробъ. Имъ оказалось достаточнымъ даже одной надписи, написанной и глупо, и смѣшно, чтобы принять все подложенное за наличную монету; тогда какъ для посторонняго человѣка и самое появленіе гроба на кладбищѣ, и надпись на крышкѣ, — все это имѣло явные слѣды подлога, обмана, насмѣшки самой грубой, злой и обмануться въ этомъ было очень трудно. Но раскольники этого не видѣли; они были чрезвычайно ослѣплены собственной своей мыслию, своей лихорадочной дѣятельностью въ отысканіи себѣ мощей. Въ это время они и предположить себѣ не могли, что найдется какой-нибудь ловкій смѣльчакъ и подшутитъ надъ ними такъ сильно и ядовито, какъ это случилось въ данномъ случаѣ. Они искали свое, а имъ подсу-

нули другое и, какъ слѣпые, они приняли это другое за свое искомое, желанное, желѣнное... И это нисколько не удивительно, тѣмъ болѣе въ средѣ раскола. Исторія ихъ жизни даетъ массу доказательствъ, когда ловкіе люди пользовались ихъ слабостью и подсовывали имъ то самое, чего они домогались и упорно искали. Являлись у раскольниковъ сильныя порывы имѣть у себя архіереевъ—и они являлись въ видѣ самозванцевъ Анѳима, Анѳиногена и другихъ. Желала одна купчиха имѣть у себя въ домѣ мощи,—и самозванецъ монахъ продалъ ей бараньи кости, слупивъ съ нее за нихъ 50 руб., да пожертвованій около 500 руб. Мало этого: во второй половинѣ настоящаго столѣтія въ одномъ изъ селеній Самарской губер. явились такой лже-учитель, который, пользуясь настроеніемъ раскольниковъ, уложилъ ихъ всѣхъ въ гроба и объявилъ, что слѣдующей ночью архангелы вострубятъ въ серебряныя трубы, и явится съ неба Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ. Три дня и три ночи лежали глупцы въ гробахъ, а онъ, ограбивъ ихъ, какъ слѣдуетъ, бѣжалъ изъ села. И когда въ это село прибылъ приставъ, то обманутые глупцы такъ были самоувѣрены въ скоромъ пришествіи Господа съ неба на землю, что послѣднему ногайкою пришлось поднимать и воскрешать мнимо-умершихъ, спокойно лежавшихъ въ гробу въ саванѣ и спелененные тесьмою, голодные, изнуренные, но тѣмъ не менѣе не хотѣвшіе разстаться съ своимъ добровольнымъ ложемъ. Наконецъ, еще случай. Лѣтъ 10 тому назадъ нѣкоторые раскольники въ Вольскомъ уѣздѣ особенно желали видѣть у себя Іисуса Христа въ образѣ человѣка, чтобы онъ также говорилъ и жилъ съ нимъ, какъ это было прежде, и нашелся такой смѣльчакъ, который прямо назвалъ себя Іисусомъ Христомъ, увѣрилъ ихъ въ этомъ, а потомъ обобралъ ихъ всѣхъ, за что потомъ самозваннаго Іисуса Христа заключили въ Хвалынскій тюремный замокъ и судили въ Окружномъ судѣ. Все это факты и факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію, равно какъ и появленіе въ селѣ Пятницкомъ протухлаго теленка, такъ ловко и искусно поддунутаго раскольникамъ, подъ видомъ нетлѣнныхъ мощей, якобы св. Терентія. Протухлый теленокъ явился порожденіемъ раскола, продуктомъ ихъ среды, безъ существованія которой невысказаннымъ было бы и самое появленіе Телентія.

IX.

Злостные тунеядцы.

азные „Афонюшки“, „Никитушки“ блажененькіе, „Маринушки“ и „Аксиньюшки“ и пр. юродивые являются у нас достояніемъ чуть-ли не каждаго города и многолюднаго села. Эти люди— продуктъ невѣжества и тьмы; это болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ. Всмотритесь въ бытъ нашего купечества, богатаго мѣщанства, гдѣ дражайшія половины представителей капитала недовѣрчиво относятся ко всему современному, плодамъ науки и человѣческой мысли, ищутъ разрѣшенія своихъ недоумѣній въ бесѣдахъ съ „Афонюшками“ и „Аксиньюшками“, и вы удивитесь, вы будете поражены той непроницаемой темнотой, какая еще царитъ въ этомъ сословіи. Сколько шатается у насъ этихъ разныхъ „Афонюшекъ“, въ существѣ дѣла представляющихъ собою ничто иное, какъ тунеядцевъ, завзятыхъ лѣнтыевъ, любящихъ попить и поѣсть на чужой счетъ! Они, точно стая

воронь, летаютъ вездѣ и всюду; вы увидите ихъ и въ глухомъ городѣ, и въ центрѣ умственнаго просвѣщенія. Разница будетъ та, что въ глухомъ мѣстѣ „Афонюшки“ дѣйствуютъ болѣе открыто, свободно, никого не стѣсняясь; здѣсь они катаются, точно сыръ въ маслѣ, упитываемые сердобольными купчихами и богатыми мѣщанками, тогда какъ въ губернскихъ городахъ они предпочитаютъ дѣйствовать „въ темненькую“, скрываясь отъ чужого взора. „Афонюшки“ не любятъ тѣхъ, кто относится къ нимъ съ недоувѣріемъ и слова ихъ подвергаетъ строгой критикѣ, а такихъ людей, очень естественно, больше можно встрѣтить въ бойкомъ, просвѣщенномъ городѣ, нежели въ какой-нибудь глуши. „Афонюшки“ привыкли держать себя авторитетно, говорить прямо, выдавая каждое слово за истину. Мало этого, „Никитушки“ и „Маринушки“ обладаютъ какимъ-то собачьимъ чутьемъ, сразу видятъ человѣка, враждебнаго себѣ, и тотчасъ-же ретируются отъ него, сохраняя осторожность. Отъ такихъ лицъ они даже замѣтаютъ свой слѣдъ, пропадаютъ, точно въ воду. Иное дѣло, когда „Афонюшки“ и „Никитушки“ осѣлись на своей почвѣ, попали въ кружокъ наивныхъ людей, простыхъ, довѣрчивыхъ, гдѣ каждое слово ихъ выслушивается съ благоговѣніемъ, какъ слово „благочестиваго“ человѣка. Тутъ они — ораторы; знаніе ихъ распространяется рѣшительно по всеѣмъ отраслямъ природы и жизни, свѣдѣнія ихъ настолько обширны, что довѣрчивые слушатели только руками разводять, да душевно благодарятъ Господа Бога, что Онъ послалъ имъ такого всезнающаго благочестиваго человѣка, отъ котораго они могутъ узнать о чемъ угодно. А этого-то и нужно этимъ проходимцамъ. Ну, и рассказываетъ „Никитушка“, какъ и гдѣ онъ былъ, что слышалъ и видѣлъ, пересыпая все это наглою ложью и небылицами. Онъ разскажетъ, какъ его принималъ тотъ или другой государственный мужъ и весьма щедро благодѣтельствовалъ значительной суммой денегъ, которую, онъ, конечно, роздалъ потомъ нищимъ; сообщитъ о св. градѣ Іерусалимѣ, о различныхъ явленіяхъ чудотворныхъ иконъ, о гробѣ Господнемъ, о горѣ Араратъ и стоящемъ на ней ковчегѣ Ноя и проч., и проч. Слушая все это, наивные люди, конечно, и не догадываются о томъ, что все эти ложные рассказы

„божьихъ странниковъ“ клонятся къ тому единственно, чтобы напомнить извѣстную пословицу: „сухая ложка ротъ деретъ“.

Въ сентябрѣ 1884 года въ Саратовѣ обвалилась гора, при-
мыкающая къ берегу Волги. Явленіе естественное и ужъ не
первое. При осыпи земли пострадало нѣсколько заводовъ и
постройки мѣстныхъ жителей. Къ счастью, обвалъ горы совер-
шился днемъ, а не ночью, и несчастій съ людьми не было.
Все-таки картина разрушенія была поражающая!

Масса народа съ утра до вечера, въ продолженіи нѣсколь-
кихъ дней, ходила смотрѣть на это несчастье. Однажды, на
обрывѣ горы появился одинъ изъ такихъ „Афонюшекъ“ и
„Никитушекъ“, опоясанный желѣзною цѣпью, и обратился къ
народу съ слѣдующими грозными словами: „покайтесь! иначе вы
всѣ провалитесь, какъ провалились постройки, жившихъ подъ
осыпавшейся горою“.

Набожные люди стали креститься, снимая шапки, бабы
стали даже плакать, только молодежь скептически отнеслась
къ странному проповѣднику.

— А ты отколя будешь такой, любезный?—спросили его,
ибо никто не зналъ, откуда появился такой человѣкъ.

Странникъ промолчалъ и зашагалъ дальше по обрыву горы.

Народъ сталъ давать ему деньги, и онъ клалъ ихъ въ сум-
ку. Вскорѣ онъ скрылся и больше здѣсь не показывался. Но
этого оригинальнаго поступка со стороны странника достаточ-
но было, чтобы потомъ свить себѣ тепленькое гнѣздышко въ
средѣ набожныхъ, простыхъ людей. Какой-то сердобольный
саратовецъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ и „христовъ стран-
ничекъ“ зажилъ припѣваячи, повѣсивъ свои вериги на гвоздокъ.
Только ночью онъ гремитъ ими въ своей комнатѣ, чтобы пока-
зать хозяйевамъ, что онъ молится за нихъ Богу и за свое по-
мѣщеніе просить имъ счастья и богатства. Хозяева чувствуютъ
себя на седьмомъ небѣ. Приходящіе къ нимъ знакомые и род-
ственники за счастье почитаютъ повидать и поговорить съ
„божьимъ человѣкомъ“, но этого онъ удостоиваетъ только тог-
да, когда дѣлаютъ ему какое-либо приношеніе и то, если оно
денежное ис состоитъ изъ нѣсколькихъ рублей.— „Я, други мои,—
говоритъ странникъ,— всѣ эти деньги отсылаю въ святаыя мѣ-
ста, куда Господь вразумитъ меня: на Аѳонъ, или въ Іеруса-

лимъ, или-же въ такое священное мѣсто, о которомъ вамъ, грѣшнымъ людямъ, нельзя и повѣдать. Тамъ живутъ благочестивые люди, постоянные труженики предъ Богомъ, скрытые отъ всего грѣшнаго міра и вѣдомые только Богу и ангеламъ“. И ему несутъ грѣшныя рубли, съ которыми онъ частенько пропадаетъ гдѣ-то; вѣроятно, сдаетъ ихъ на почтѣ, по назначенію жертвователей. При приносѣ жертвъ бываютъ такіе случаи: странникъ, изволите видѣть, получаетъ откровеніе свыше о томъ: угодна-ли Богу та или другая жертва, или нѣтъ? Если негодна, то странникъ объясняетъ, почему, и тогда жертвователь дополняетъ свою жертву еще нѣсколькими рублями. Поводовъ-же къ жертвамъ странникъ находитъ много. Вотъ женщина желаетъ имѣть дѣтей, и непременно сына, а не дочь.... Странникъ совѣтуетъ ей пожертвовать 30 руб. на свѣчу предъ гробомъ Господнимъ и желаніе ея исполнится. Человѣкъ померъ безъ причащенія, странникъ совѣтуетъ дать 100 р. на колоколь при гробѣ Господнемъ, и грѣшная душа умершаго освободится изъ ада, благодаря звону въ колоколь. Конечно, чѣмъ больше дается, тѣмъ лучше. Такъ обманывается православный людъ, вѣрящій въ этихъ проходимцевъ-святошей. И живутъ эти „Афонюшки“, прирѣваемые и пригрѣваемые сердобольными людьми, не зная ни печали, ни воздыханія. Поживутъ они въ одномъ мѣстѣ, надоѣстъ имъ быть среди однихъ людей,—переселятся въ другое, о которомъ заранѣе соберутъ свѣдѣнія, кто и какъ живетъ, вызнаютъ все до мельчайшей подробности, а потомъ, явившись сюда, будутъ ясновидцами, яко-бы по откровенію свыше. Да, много еще темноты на матушкѣ Руси.

А какія вещи продѣлываются всѣми этими „шатунами“ и „прошалагами“ между раскольниками.

Въ январѣ 1882 года, мнѣ пришлось быть въ громадномъ селеніи Покурлей, Хвалынскаго уѣзда. Село это, расположенное по рѣчкѣ въ два порядка, тянется верстѣ на 5, если не больше. Всѣ жители принадлежатъ къ расколу безпоповскихъ сектъ. Сюда-то и явился однажды подъ видомъ яко-бы о „Христѣ юродствующаго“ странникъ, пришедшій Богъ вѣсть откуда, зачѣмъ и почему.

Богатый мужикъ раскольникъ пріютилъ его, далъ ему покой и содержаніе, не спрашивая его: кто онъ? откуда? Юрод-

ствующій выдалъ себя просто о. Паисіемъ, безъ роду, безъ племени, да такъ и жилъ себѣ подъ этимъ именемъ. Прошло съ полгода. Вдругъ является въ это-же село другой прохождимецъ и секретно спрашиваетъ у раскольниковъ: гдѣ у нихъ скрывается „Божій угодникъ“, о. Паисій?

— А ты, родименькій, откуда будешь, и какъ твое святое имя?—спрашиваютъ его.

— Я грѣшный рабъ Божій, о. Пигасій, той-же вѣры древле-православной, какой и вы держитесь. Шелъ я мимо вашего села, усталъ и легъ около лѣску отдохнуть; вдругъ, не то сплю, не то что другое со мною, только вижу я видѣнье, въ которомъ нѣкто доброзрачный мужъ явился ко мнѣ и таково ласково говоритъ мнѣ: „ступай, о. Пигасій, въ это село; тамъ скрывается мой угодникъ, святой мужъ Паисій, ему ты поклонись и научись отъ него святой, богоугодной жизни. И вотъ я пришелъ къ вамъ и ужъ вы, Христа-ради, не откажитесь мнѣ показать его,—заклучилъ свой рассказъ Пигасій.

Паисій, дѣйствительно, жилъ у раскольниковъ въ „сокрытіи“. О мѣстѣ его пребыванія зналъ только избранный кружокъ его ярыхъ почитателей. Подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ не желаетъ имѣть общенія съ міромъ и получать почести отъ людей, онъ нарочито просилъ молчать о немъ, чтобы свѣдѣніе объ этомъ не разгласилось подальше и не дошло до подлежащей власти, которой почему-то онъ трусилъ.

Едва Пигасій успѣлъ сказать о святости Паисія, своего закадычнаго кутилы и пріятеля, какъ вѣсть объ этомъ тотчасъ огласилась по семьямъ раскола.

„Святой человѣкъ между нами живетъ!“ говорили одни.

— „Скажите, а мы и не знали объ этомъ!“ говорили другіе.

Пигасій тотчасъ былъ представленъ Паисію на поклоненіе.

Узрѣвъ своего друга, Пигасій ни однимъ мускуломъ не выдалъ своего знакомства съ Паисіемъ и, повалившись ему въ ноги, громко закричалъ, обливаясь слезами:

— „Отецъ Святой! Самъ Богъ послалъ меня къ тебѣ на поклоненіе и въ наученіе! Прими меня въ ученики! И пр.

Паисій сталъ отговариваться, что онъ не можетъ понести съ нимъ того подвига и потому не приметъ его.

— Всякое послушаніе исполню, отецъ святой, только прими меня къ себѣ въ ученики — говорилъ Пигасій, кланяясь и упрашивая Паисія.

Все это было при свидѣтеляхъ, и посторонніе, слушая, какъ слезно упрашивалъ Пигасій Паисія принять его къ себѣ въ ученики, усугубили и съ своей стороны просьбу за него.

Паисій уступилъ просьбѣ Пигасія и принялъ его ученикомъ.

Зажили оба друга мирно и дружно. Прошло нѣсколько времени Паисій, по обычаю, отправился наканунѣ праздника въ домъ своего благодѣтеля почитать подходящее слово изъ книги „Соборникъ“. У раскольниковъ „нѣтовской“ секты чтеніе это совершается вмѣсто богослуженія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, нынѣшнее время есть антихристово время, священство Христово истребилось и богослуженіе угасло. Принеся съ собою довольно объемистую книгу, „Соборникъ“, Паисій заявилъ своему благодѣтелю, что онъ намѣренъ прочесть ему изъ этой книги назидательное слово объ „антрихристѣ и о послѣднихъ временахъ міра“ и просилъ его выслушать это слово со вниманіемъ и съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца, отнюдь не помышляя въ это время о земномъ. Богачъ мужикъ собралъ всю свою семью въ комнату, наглухо закрылъ окна, заперъ всѣ двери и приготовился со всѣми своими чадами и домочадцами выслушать назидательное поученіе изъ святыхъ устъ о. Паисія. Слово это въ „Соборникѣ“ помѣщено не менѣе, какъ на 20 полулистахъ, слѣдовательно, всего имѣетъ 40 страницъ убористой печати. Паисій сталъ читать его медленно, съ разстановками, чрезъ каждые 10—15 строкъ прочитаннаго текста останавливался и дѣлалъ на прочитанное свое толкованіе. Такъ читалъ онъ болѣе 6 час. къ ряду. Ни одинъ изъ слушателей не дерзнулъ оставить собраніе и выйти вонъ изъ комнаты: всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали и вникали въ смыслъ читаннаго и слова толкованія на него. И только за полночь Паисій оставилъ домъ благодѣтеля и улпелся въ свою келію, стоявшую въ этомъ же дворѣ, на огородѣ.

На другой день мужикъ прибѣжалъ къ Паисію, страшно встревоженный и объявилъ ему, что вчерашней ночью у него подломали кладовую, разбили сундукъ и вытащили изъ него 18000 руб. денегъ.

Посланы были гонцы въ разныя стороны; но воровъ не оказалось. На святыхъ отцовъ Пигасія и Паисія мужикъ, конечно, не посмѣлъ имѣть подозрѣнія, хотя денежный сундукъ былъ хорошо имъ извѣстенъ, равно какъ и самое расположе- ніе его хранилища — кладовой дома. Напротивъ, мужикъ попросилъ „святыхъ отцовъ“ помочь ему въ его горѣ и помолиться св. Іоанну Воину, какъ имѣющему особую власть отъ Бога карать воровъ и разбойниковъ за ихъ преступленія. Просьба его, конечно, была принята „отцами“, и они стали молиться.

Между тѣмъ о кражѣ такого солиднаго куша денегъ мужикъ заявилъ полици, и послѣдняя принялась за дѣло. Для „святыхъ отцовъ“ это было непріятно. Отъ полици, они хорошо это знали, никакимъ о „Христѣ юродствомъ“, никакими „канонами св. Іоанну Воину“ не отлѣзешь: она потребуетъ доку- менты о званіи, сообразить и взвѣситъ при такихъ дѣлахъ и самое положеніе человѣка. „Святымъ отцамъ“ нужно было улепетывать изъ села по добру, по здорову, и они, дѣйстви- тельно, вскорѣ исчезли, оставивъ гостепріимнаго хозяина ночью, никому не сказавшись и ни съ кѣмъ не простившись.

Какъ бы въ благодарность за всю его хлѣбъ-соль, они оставили ему на столѣ, слѣдующее четверостишіе, написанное на клочкѣ бумаги безграмотнымъ слогомъ:

„Не скорби брате
О своемъ златѣ;
Очи горѣ возведи
И тамо злато свое найди“.

Такая благодарность разогорченному мужику показалась въ это время обидною, а ихъ секретный побѣгъ изъ его дома, такъ озадачилъ его, что ореолъ святости сихъ отцовъ упалъ въ его глазахъ до 0. Съ какой-то злобою сталъ онъ метаться по угламъ небольшой ихъ келейки и подозрительно всматри- ваться въ каждый предметъ. Одна изъ досокъ въ полу пока- залась ему особенно подозрительною, онъ поднялъ, и... о ужасъ!

Преступленіе „святыхъ отцовъ“ открылось во всей своей наготѣ. Подъ поломъ оказалась вырытая яма, а въ ней лежалъ разбитымъ тотъ самый небольшой сундучокъ, или, какъ называютъ мужики, его „укладка“, въ которомъ лежали завѣтныя денежки мужика, та бумага и кисеть, въ которомъ они были завернуты.

-- Ловить ихъ надо, мошенниковъ!—вскричалъ благодѣтель „юродивыхъ“.—Это жулики, а не святые отцы! и пр.... говорилъ онъ по адресу отцевъ—Паисія и Пигасія. Но какъ ловить тѣхъ, кто неизвѣстенъ по паспорту, кто не имѣетъ его, считая его „якобы печатью антихриста“, а на самомъ дѣлѣ потому лишь, чтобы удобнѣе было одурачивать подобныхъ укрывателей разнаго рода бродягъ и благодѣтелей разнымъ „якобы о Христѣ странникамъ и юродивымъ“. Такимъ проходцамъ вездѣ является просторъ и скатертью дорога.

X.

БРАЧЕНІЕ.

—й годъ. Свадебный сезонъ въ полномъ разгарѣ. Мясоѣдъ выдался большой и — „Исаіе ликуй!“ — раздается во всѣхъ церквахъ. Не успѣваетъ одинъ свадебный поѣздъ отѣхать отъ церкви, какъ за нимъ пріѣхалъ уже другой, тамъ третій, четвертый и такъ далѣе. Публика до усталости бѣгала изъ одной церкви въ другую смотрѣть на вѣнчающіяся пары.

Зима стояла снѣжная, пушистая; морозъ давалъ себя чувствовать весьма основательно.

Много совершенно было свадебъ за этотъ мясоѣдъ и у блюстителей „древняго благочестія“ — нашихъ раскольниковъ, у которыхъ вѣнчающіяся пары обводятъ вокругъ аналоя не противъ солнца, какъ у православныхъ, а по солнцу, и поютъ въ это время, вмѣсто „Исаіе ликуй“, — „Святіи мученицы, иже добръ страдаше и вѣнчашася“... — какъ бы напоминая этимъ, что не всѣ изъ брачующихся будутъ „ликовать“, а многимъ придется въ жизни „страдать“ и нести тяжелый крестъ скорбей и терпѣнія. Въ частности у безпоповцевъ совершается брачный актъ совсѣмъ иначе, нежели у расколь-

никовъ, поповцевъ: одни изъ нихъ (еодосѣвцы) просто высвѣтаютъ себѣ дѣвушку, уговорятся о приданомъ, устроятъ вечерники, свадебный поѣздъ, и невѣста вступаетъ въ домъ жениха полной хозяйкой или, какъ выражаются раскольники, стряпухой. Здѣсь не бываетъ даже благословенія родительскаго, какъ жениха, такъ и невѣсты, потому что еодосѣвцы не признаютъ въ нынѣшнее многоплачевное время антихриста существованіе законнаго брака, а видятъ въ соединеніи молодыхъ людей одно лишь плотское сожитіе, каковое считаютъ сквернымъ и нечистымъ, и вслѣдствіе такого своего понятія удаляются пить и ѣсть изъ одной посуды, вмѣстѣ Богу молиться съ такими людьми. На этомъ основаніи и сошедшіеся на жительство молодые люди не называютъ себя мужемъ и женою—нѣтъ! Слова эти изгнаны изъ разговора раскольниковъ и замѣнены другими „хозяйинъ“, „хозяйка“ или „стряпуха“. Въ глазахъ еодосѣвскаго общества и тотъ, и другой считаются холостыми, незамужними, и только „немоци ради“ сошедшимися на грѣховное сожитіе. Умри послѣдняя въ глубокой старости, оставь послѣ себя кучу дѣтей и внуковъ. ее все-таки будутъ хоронить и поминать въ молельняхъ, какъ дѣвицу, а сѣдые волосы умершей заплетутъ въ одну косу. Такъ старики уложили, и это узаконеніе ихъ освящено десятками лѣтъ. Сказано ими разъ навсегда, что нѣтъ нынѣ законнаго брака, нѣтъ законной жены, а только грѣховницы, прелестницы и, безъ разсужденія, почитай это за святой догматъ!.. Положено ими за грѣховное сожитіе „со стряпухою“ пожизненное отлученіе отъ общественной молитвы, если только будутъ рождать дѣтей, и неси безропотно: значить, такъ нужно. Только холостые люди, мѣняющіе своихъ любовницъ, изъяты отъ всѣхъ этихъ наказаній: имъ предоставлена полная свобода въ жизни и ихъ, завзятыхъ блудниковъ, они считаютъ чистыми, православными христіанами.

Другіе безпоповцы, именуемые поморцами брачниками, иначе смотрятъ на брачную жизнь. Отвергнувъ ученіе и дѣйствія еодосьянъ, раскольники поморцы допустили въ своемъ обществѣ брачную жизнь на гражданскомъ основаніи, съ установленіемъ и собственныхъ молитвъ, въ видѣ молебновъ Спасителю и Божіей Матери, съ апостоломъ и евангеліемъ, взятымъ изъ чи-

на вѣнчанія Православной церкви. Есть у нихъ даже особый, нарочито составленный ими чинъ вѣнчанія, но онъ, какъ новость, въ Саратовѣ не принятъ, хотя въ другихъ мѣстахъ раскольниками практикуется. Явятся женихъ и невѣста въ молельню, привезутъ съ собою новые лѣстовки, подручники, обрядятся въ сторожкѣ одна—въ сарафанъ и платокъ, а другой—халатъ или поддевку, и наставникъ служитъ молебень, давъ предварительно жениху и невѣстѣ восковыя свѣчи въ руки. Богатымъ, конечно, подстиляется подъ ноги коверъ, зажигается паникадило, а пѣвчіе поютъ разныя церковныя стихиры. Въ этомъ и состоитъ все вѣнчаніе, которое поморцы не называютъ вѣнчаніемъ, а „браченіемъ“.

Въ указанный мясоѣдъ такихъ браченій у раскольниковъ было очень много. Были браченія у бѣдныхъ лицъ, были и у богатыхъ. Съ богатыми браченьями у наставниковъ всегда является множество хлопотъ. Нужно, главнымъ образомъ, усмотрѣть, чтобы поѣзжане при женихѣ и невѣстѣ были такіе, которые были бы не „мирщенные“, то-есть, не ѣли и не пили въ гостинницахъ; далѣе, привести костюмъ жениха и невѣсты въ соотвѣтствіе древнему ихъ закону, чтобы у жениха головная прическа лежала просто, безъ вихровъ, и у невѣсты не было бы кудрей снаружи и цвѣтовъ на головѣ. Однажды былъ такой случай: наставникъ занялся чѣмъ-то другимъ въ молельнѣ, а невѣста, принадлежа къ богатому купеческому сословію, какъ пріѣхала въ цвѣтахъ и платьѣ, такъ и стала среди моленной рядомъ съ женихомъ, ожидая начала службы. Послѣ выяснилось, что и невѣстѣ, и ея родственникамъ особенно хотѣлось, чтобы она вѣнчалась въ своемъ уборѣ. Наставникъ какъ взглянулъ на невѣсту, такъ и обомлѣлъ отъ испуга. Что дѣлать?

Старикъ совсѣмъ растерялся, а родственники нарочно топили его начинать богослуженіе. Оробѣвшій наставникъ тотчасъ схватилъ салфетку изъ подъ иконы и, накинувъ ее на голову невѣсты, завязалъ двумя концами подъ подбородкомъ. Цвѣты, прическа волосъ, вуаль,—все это было смято и приглажено закорузлой рукой мужика-наставника. Можно себя представить, въ какомъ смѣшномъ видѣ очутилась не-

вѣста! Родственники вознегодовали на строгость наставника; невѣста сконфузилась и стала плакать; поѣзжане взволновались и стали высказывать свое неудовольствіе громко и вслухъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что одна изъ присутствовавшихъ свахъ скинула съ себя шаль и покрыла ею голову невѣсты. Послѣ этого началось „браченіе“.

Одно время у наставника скопилось до 8-ми „браченій“ въ одинъ вечеръ. Наставникъ сталъ въ тупикъ. Если каждую пару брачить отдѣльно, то на все это потребовалось-бы времени болѣе 10 часовъ къ ряду, такъ какъ каждое браченіе у раскольниковъ совершается болѣе часа. Между тѣмъ, время было уже 7 часовъ. Какъ быть? Думалъ наставникъ и такъ, и сякъ—и рѣшилъ: отпѣть всѣмъ 8-ми браченьямъ одинъ молебенъ—и ладно. „Книжники“ согласились. Кончился молебенъ. Наставникъ обратился къ браченнымъ и сталъ поздравлять ихъ съ законнымъ бракомъ. Но поздравленіе это приняла только первая пара брачившихся, такъ какъ она стояла на коврѣ, предъ евангеліемъ; остальные-же пары стояли позади ихъ.

— Какъ, развѣ и мы повѣнчаны?—вскричали они.—Развѣ такъ вѣнчаютъ? Да когда это было, чтобы сразу вѣнчали на 8 свадебъ...

— Это новшество, отецъ! Ты ересь вводишь! — галдѣли поѣзжане.

Поднялся шумъ, крикъ и препирательство.

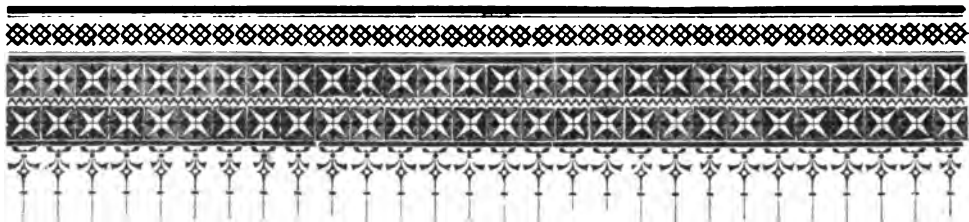
— Какого-же вамъ еще браченья? Слушали молебенъ—и ладно. Все равно слушать-то его, что спереди, что позади,—проговорилъ наставникъ.

Спустя нѣсколько времени, наставникъ получилъ серьезный выговоръ отъ своихъ стариковъ, чтобы впредь не позволялъ себѣ подобныхъ своеволій.

Въ поповщинскихъ сектахъ, какъ-то: у бѣглопоповцевъ австрійцевъ и др., гдѣ совершаютъ браки поставленные раскольниками попы, имѣются при браченіи ихъ свои отдѣльные обряды и обычаи. Здѣсь передъ вожденіемъ вокругъ аналоя, подается стаканъ краснаго вина, изъ котораго женихъ и невѣста пьютъ 3 раза, а потомъ остатки вина даются допивать жениху, послѣ чего женихъ бьетъ стаканъ ногами, разбивая

его въ мелкіе куски. Выпиваніе женихомъ остатковъ вина означаетъ его главенство въ домѣ, разбитіе же стакана — могущество надъ женою. Въ концѣ вѣнчанія попъ читаетъ поученіе новобрачнымъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: „и ты, брате, (такой-то), жену свою блюди и наказывай ю, по часту, а не гнѣвайся на нея. Аще ли не слушати начнетъ и ты жезломъ наказывай ея по легку“... Любить и бить жену—это, конечно, такія два свойства, которыя трудно совмѣстить; но это поученіе вышло еще отъ нашихъ предковъ, ими сложено и напечатано въ требникѣ патріарха Филарета и Іосифа. Заключительнымъ дѣйствіемъ вѣнчанія бываетъ слѣдующее дѣйствіе: попъ, обратясь къ жениху, спрашиваетъ его:—какъ будешь отъ нынѣ именовати свою жену? — Повѣнчанный называетъ ее по имени и отчеству.—Кланяйся ей въ поясъ и цѣлуй ее три раза въ уста,—говоритъ попъ. Мужъ дѣлаетъ то и другое. Затѣмъ обращается къ женѣ съ вопросомъ: „какъ будешь еси именовати своего мужа? Женщина отвѣчаетъ. „Кланяйся ему въ землю и цѣлуй его три раза“. Послѣ этого, попъ сплетаетъ руки ихъ, и нагнувшись ближе къ ихъ ушамъ, начинаетъ говорить имъ о соблюденіи постовъ, праздниковъ и пр., и пр. Присутствующіе богомольцы отпускаютъ на счетъ новобрачныхъ разныя остроты и замѣчанія.

XI.

Прїѣздъ раскольниковъ архіерея въ г. Казань.

о смерти Антонія, именуемаго архіепископа московскаго, раскольниками избранъ на его кафедру нѣкто Савватій, епископъ тобольскій и томскій, старикъ по лѣтамъ, малограмотный, слабохарактерный — мужикъ-мужикомъ. Нѣкоторые изъ московскихъ раскольниковъ выражали желаніе видѣть на мѣстѣ Антонія — Пафнутія, именуемаго епископа казанскаго, но большинство голосовъ было противъ него. Московскіе фабриканты хорошо знаютъ Пафнутія, какъ человѣка съ характеромъ, самостоятельнаго, начитаннаго и не любящаго потворствовать и преклоняться предъ сильными карманомъ московскими купцами, а послѣднимъ такого человѣка не нужно. Имъ нуженъ такой архіерей, который-бы ихъ слушалъ, имъ угождалъ и по ихъ волѣ все дѣлалъ. Иначе, если онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, по своему, такъ это будетъ никоніанство. А въ томъ-то и заключается вся соль австрійской іерархіи, вся ея привлекательная сторона для раскольниковъ, что они сами создали ее, и теперь, стоя во главѣ этой іерархіи, распоряжаются своими „святителями“, какъ имъ угодно. Это тѣшитъ самолюбіе купцовъ раскола, которые, точно дѣти играютъ въ игрушки, играютъ и разыгрываютъ посредствомъ своихъ іерарховъ, разныя церковныя дѣла и дѣлишки.

Они ставят во множествѣ поповъ, сотнями шьютъ и рассылаютъ полотняныя церкви, собираютъ вселенскіе соборы, на которыхъ ругаются, дерутся и даютъ другъ другу зуботычины. Все-таки забава и развлеченіе для ихъ степенства. Не все-же сидѣть въ лавкѣ или на фабрикѣ, да считать товаръ и деньги; нужно и по божьему дѣлу поговорить. И говорятъ толстосумы, много говорятъ въ своихъ собраніяхъ и дикаго и смѣшного...

Пафнугій, состоя членомъ духовнаго совѣта въ Москвѣ, также хорошо зналъ московскихъ купцовъ; онъ едва-ли и пошелъ-бы къ нимъ въ архіепископы, если-бы сдѣлали ему такое предложеніе. Москвичамъ именно нуженъ Савватій, котораго они и предпочли Пафнугію. Послѣдній-же счелъ лучшимъ отправиться въ свою Казань, отъ которой нѣкогда онъ было совсѣмъ отказался, благодаря интригамъ умершаго Антонія, но потомъ, со смертью послѣдняго, снова принялъ управленіе казанской паствой. Этотъ прїѣздъ Пафнугія корошо описалъ малограмотный секретарь его Климентъ Перетрухинъ, каковое описаніе мы, въ виду его курьеза *) и приводимъ:

„Краткое описаніе о прибытіи преосвященнаго епископа въ градъ Казань и о срѣщеніи его древлеистинными христианами и причтомъ онаго града.

4-е іюня 1882 года преосвященный епископъ Пафнугій прибылъ въ градъ Казань, въ 8 час. вечера, въ домъ церковнаго попечителя Ивана Петровича Карпова. Какъ только его преосвященство слѣзъ съ извозчика, съ татарина, и экипажъ покатился далѣе, то онъ направилъ свое шествіе въ домъ. И егда онъ вступилъ на крыльцо чрезъ двѣ ступени, тогда отверзошася двери и явился сонмъ древле-православныхъ христианъ: два священноіерея, попечительство, дьяконъ Богатенковъ, два свѣщеносца съ прочими клирошанами, которые съ торжествомъ отверзли свои устные органы и симъ подобранымъ ликомъ зѣло громогласно воспѣли духовную пѣснь: „Днесъ благодать св. Духа насъ собра...“ единъ отъ другого отъ радости и восторга восклицаху**). И съ симъ украшен-

*) Описаніе очень малограмотное. Орфографію, слогъ, грамматическія знаки,— все это мы исправляемъ у секретаря Перетрухина. А в т о р ь.

***) Это значить, что пѣвцы одинъ передъ другимъ старались кричать, какъ можно громче. Пѣвіе, надо полагать, было очень сладкоглаголивое. А в т о р ь.

нымъ и сладкоглаголивымъ пѣніемъ мы проводили епископа Пафнутія на верхній чердакъ, во убранную комнату, гдѣ дьяконъ Алексѣй облече его преосвященство во вся святительскія одежды и поднесе ему на блюдѣ св. животворящій крестъ Господень, его-же облобызавъ владыко, прія отъ руки его жезлъ архіерейскій. Посемъ Пафнутій благосклонно пошелъ съ чердака осмотрѣть въ семь-же дому св. церковь, и прочіи, за нимъ такожде идя тихо, мирно, якоже дѣти по отцѣ своемъ. И два свѣщеносца, съ бѣлыми свѣщами въ руцѣ, идяху по обѣ страны владыки, подобнѣ ангеламъ. Дьяконъ-же сопреди течаху, имѣя зракъ свой предъ очима владыки-епископа и кадыху нанъ всякимъ ладономъ зѣло обильно, самъ-же шагъ-за-шагомъ задняя напередъ пуцалъ *). Священницы-же и ликъ съ пѣніемъ созади народа древлеправославнаго шествовали по немъ, яко за царственнымъ орломъ и женихомъ св. церкви Божіей. Онъ-же иде совершенно тихо образно и малыми стопами измѣряя путь свой. По восхожденіи-же въ храмъ Божій пѣвцы воспѣли на седьмой гласъ: „благословить тя Господь отъ Сіона и узриша благая Іерусалима во вся дни живота твоего“. И далѣе: „На Сіонъ гору взыде благовѣствуя Іерусалиму...“ Владыко Пафнутій вниде во святыи олтарь, таже учени входныя молитвы и проч. отъ христіанскаго чиноположенія. Егда же Пафнутій выйдя изъ царскихъ вратъ съ двоекирією и трикирією и сталъ глаголити: „Господи Боже! Призри съ небеси и посѣти виноградъ свой, и благослови люди... то вси умиленными очима восплакнуща и падоша ницъ на землю“. Пѣвчіе же пояху: „исполати деспота!“ Дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе владыки, а хоръ не обинуяся отвѣщаль на сіе: „многая лѣта“. По окончаніи сей высокаторжественной церемоніи, святитель опять направилъ стопы своя на тотъ-же верхній чердакъ, идеже разоблачили его отъ церковныхъ одеждъ. Послѣ сего поставлена была трапеза и поиде веліе угощеніе всей братіи“.

Не смотря, однако, на такую торжественную встрѣчу, устроенную казанскими раскольниками Пафнутію, послѣдній не остался жить на чердакъ, въ Казани, а пробывъ нѣсколько

*) Шелъ задомъ напередъ, лицомъ-же къ архіерею.

дней, спустился внизъ по Волгѣ, въ любезный и привѣтливый для него гор. Хвалынскъ, гдѣ и поселился на Черемшанѣ. Татарская въ свое время столица—Казань, Пафнутію не понравилась; тамъ ему и тѣсно, и скучно. На Черемшанѣ раздолье житье: роскошь природы, свобода жизни, довольствіе во всемъ — рай и блаженство полное. Поселившись въ этомъ мѣстѣ, Пафнутій выразилъ желаніе управлять дѣлами епархіи саратовскаго лже-епископа Амвросія, который, и старъ, и тупъ, и вслѣдствіе этого, самъ отказался отъ своего архіерейства, почему московскій раскольникій синодъ и утвердилъ Пафнутія завѣдующимъ этой епархіею, а Амвросія сначала отстранилъ отъ дѣловъ епархіи и предоставилъ ему одно лишь богослуженіе, а затѣмъ и совсѣмъ уволилъ его въ заштатъ, какъ нигдѣ и ни въ чемъ не способнаго. Съ этихъ поръ Пафнутій крѣпко засѣлъ на Черемшанѣ и едва-ли когда-нибудь выѣдетъ изъ него. Здѣсь ему хорошо и уютно. Кромѣ этого нужно замѣтить, что Пафнутій уроженецъ хвалынскій; здѣсь у него родные, знакомые по дѣтству, словомъ, живя на Черемшанѣ, онъ чувствуетъ себя, что живетъ въ родной семьѣ, не говоря уже о самыхъ удобствахъ жизни и любви къ нему хвалынцевъ. Были и другія причины, почему Пафнутій не возлюбилъ Казань и бросилъ чердакъ купца Карпова. * Съ послѣднимъ онъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, давно не ладили, спорилъ съ нимъ при каждомъ случаѣ, когда Карповъ такъ или иначе вмѣшивался въ епархіальныя дѣла Пафнутія. Какъ попечитель молельни, какъ глава казанскихъ раскольниковъ, Карповъ желалъ, чтобы Пафнутій дѣлалъ все по его совѣту; послѣдній-же этого не хотѣлъ. Выходили ссоры. Теперь, при совмѣстной жизни съ Карповымъ, на чердакѣ въ его домѣ, гдѣ отвели ему квартиру, отношенія его съ Карповымъ могли еще болѣе обостриться, и посему онъ счелъ лучшимъ уѣхать на Черемшанъ и предупредить могущую возникнуть между нимъ и Карповымъ непріятную вражду. Непріятно было это казанцамъ и особенно купцу Карпову, но сломить, убѣдить Пафнутія, отказаться отъ своего намѣренія было также трудно. Такъ и править онъ своей епархіей издали, проживая вдали отъ своихъ пасомыхъ, въ чужой области, самъ находясь въ вѣдѣніи другого раскольникскаго архіерея Паисія, поставлен-

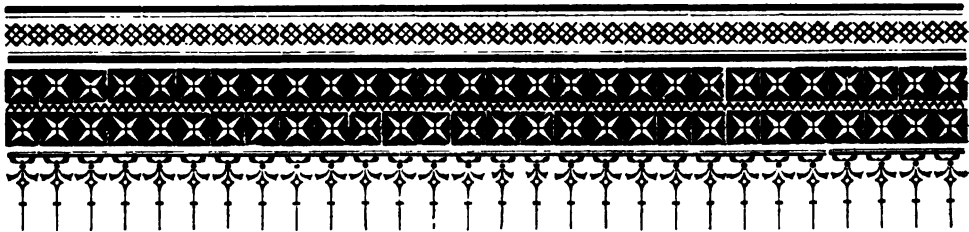

наго московскими заправилами на мѣсто Амвросія. Были предписанія изъ Москвы Пафнутію, чтобы онъ оставилъ Черемшанъ и переѣхалъ въ Казань, но онъ мало слушаетъ ихъ и продолжаетъ себѣ жить на Черемшанѣ, вмѣшиваясь даже въ дѣла Паисія.

— Есть у меня бумага, велѣно мнѣ тутъ жить, а больше я ничего и знать не хочу,—говоритъ Пафнутій, ссылаясь на бумагу, данную ему московскимъ раскольничьимъ синодомъ при Амвросіѣ, до назначенія на мѣсто послѣдняго Паисія.

И онъ, дѣйствительно, ничего знать не хочетъ. Живетъ себѣ на Черемшанѣ, служить для усердствующихъ раскольниковъ обѣдни, ставитъ въ попы, кого хочетъ и куда хочетъ. Паисій справедливо видитъ въ этомъ самоволіе Пафнутія, безчиніе и нарушеніе правъ мѣстнаго епископа, жалуется на него въ Москву, но Москва, оказывается, Пафнутію не указъ.

ХІІ.

ГАСИЛЬНИКИ СВѢТА.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1879 года мнѣ пришлось за-
вернуть въ одно изъ глухихъ селеній Хвалын-
скаго уѣзда, Саратовской губерніи. Село ока-
залось очень большое и сильно зараженное
духомъ раскола безпоповской секты. Безпо-
повщина по преимуществу занята толкованіемъ объ антихристѣ,
толкую о немъ каждый на свой ладъ. Тоже встрѣтилъ я и въ
этомъ селѣ.

Раскольники говорили, что нынѣшній ХІХ вѣкъ—самое
нечестивое время, наступило полное царство антихриста со
всѣми его омерзѣніями, и видѣли его — въ комъ бы вы ду-
мали?—въ лицѣ полицейскихъ чиновниковъ, у которыхъ, го-
ворили они, и шапка на головѣ съ гербомъ, и съ боку виситъ
оружіе, а самое лице его такое грозное, суровое, не мило-
сердное...—„Только усами поведетъ, такъ душа въ пятки ско-
ронится“, добавляли они. Напротивъ, другіе раскольники ви-
дѣли антихриста въ лицѣ гражданскихъ чиновниковъ, такъ
какъ-де всѣ они по большей части носятъ не христіанскій
образъ: стриженные, бритые, одежду носятъ какую-то куцую, со

свѣтлыми пуговицами, короткую безъ полъ и съ хвостомъ назади. Третьи толковали еще иначе и говорили, что антихристъ— просто злоба людей, которая въ данное время такъ усилилась между людьми на землѣ, что честному и благочестивому человѣку трудно и жить между ними.— „А это все доказываетъ— прибавляли они, что царство Божіе на землѣ рушилось, наступило время вражье, дьявольское, сѣденье и убійство другъ друга, такъ что люди превратились въ хищныхъ звѣрей и пожирають одинъ другого.

Много пришлось мнѣ выслушать и другихъ странностей отъ раскольниковъ и съ своей стороны показать имъ, что не во фракѣ гражданскаго чиновника будетъ существовать антихристъ, и не въ каскѣ со шпагою полицейскаго чина, равно какъ и не въ одной только злобѣ людей онъ проявитъ свое существованіе, а въ болѣе существенно важномъ, именно: въ отрицаніи Божества Іисуса Христа, носпроверженіи установленной имъ безкровной жертвы и богослуженія, гоненіи христіанъ и предъявленіи самого себя истиннымъ Мессіею—Богомъ. Такого лица, сказалъ я, еще нѣтъ на землѣ. Но безпоповцы какъ то мало слушали это и несли свое, крѣпко засѣвшее въ ихъ голову ученіе объ антихристѣ.

Когда я выѣхалъ изъ села, то раскольники остались на подобіе болота, возмущеннаго отъ краевъ до дна. Между ними поднялись шумныя разсужденія, кто изъ нихъ разсуждаетъ право, и кто ошибается. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, они составили собраніе, пригласили множество разныхъ начетниковъ и богослововъ изъ другихъ селеній. И вотъ въ большой деревенской избѣ, уставленной столами, скамьями собрался соборъ мужиковъ, бабъ и старыхъ дѣвокъ, размѣстившихся чинъ по чину: богословы съ начатками впереди, канонницы съ лѣстовками около ихъ; остальные расположились кто на печкѣ, кто на полатахъ, за отсутствіемъ же мѣсть въ избѣ, стояли на дворѣ, въ сѣняхъ и глазѣли въ окна и двери. Всѣ мужчины были одѣты въ длинный халатъ или поддевку, маковка на головѣ выстрижена, на лбу спущены волоса; женщины были одѣты въ синій сарафанъ, на переди котораго пришито было 40 пуговицъ въ знакъ того, что Богородица 40 недѣль Христа во чревѣ носила. Массы книгъ принесены

были въ избу и положены на столъ. Такое количество книгъ собралось потому, что каждый раскольникъ несъ въ собраніе свою книгу, какая только у него имѣлась.

Предъ собраніемъ покурили ладону, помолились на иконы, чтобы Господь вразумилъ ихъ познать святую истину. Послѣ этого началось чтеніе изъ „Соборника“, слово Ипполита Папы Римскаго объ антихристѣ. Чтець читалъ безграмотно, не оставляясь на знакахъ препинанія, читалъ на распѣвъ, заунывнымъ голосомъ, точно по покойникѣ. Прочитавъ строкъ десять чтець началъ объяснять прочитанное, разумѣется, такъ какъ самъ понималъ читанное.

— Врешь, Микита! врешь, — кричали ему. Полить папа не такъ гласить, какъ ты разводишь.

— Такихъ мыслей у него и въ головѣ не было—вторили другіе.

Начетникъ вступалъ въ споръ, горячился... За него вступились другіе и собраніе превратилось въ шумный базаръ.

— Читай Ипполита дальше! Тамъ разведетъ каждую строкку, требовали слушатели.

— Нѣтъ, ты Ефрема возьми, иль Маргаритъ, онъ-те уткнетъ носъ-то, предлагали другіе.

Снова начиналось чтеніе, прерывалось толкованіемъ, а отсюда переходило къ схваткѣ между богословами. Съ пѣною у рта старались они перекричать одинъ другою; болѣе рьяные показывали кулаки, передразнивали языкомъ и мѣняли интонацію голоса. Смотря на эту ругань мужиковъ, женщины, доселѣ стоявшія смирно, сами пустились въ трактатъ о антихристѣ.

— Вездѣ онъ, нечестивецъ, залѣзъ: и въ судѣ, и въ церкви, и въ торговой части — вездѣ правды истинной нѣтъ, дѣвыньки!—тараторила кононница съ лѣстовкою.

— Попы, напримѣръ, они усоѣдцы, табашники и при встрѣчахъ съ ними должно падать въ землю, чтобы не видѣть зеркала ихъ—поучала другая.

— Начальство все: брадобрѣйцы, табакопѣйцы, дымъ изъ ноздрей пушаютъ—какого же еще антихриста нужно! Они самыя... говорила третья.

— И, бабы, какое ужь нынѣ благочестіе! Гдѣ его искать-то? Во всемъ скверна, всю—мерзость; плакать остается, да бѣжать въ пустыню.

— Правда, дѣвыньки, правда. Вонъ въ городахъ-то: пилиграпія разставлена на столбахъ, дороги оковали желѣзомъ, воду пьютъ чрезъ машину, все не по христіански. Мы, вонъ, какъ въ городѣ, такъ боченокъ съ водой всегда беремъ.

— А коли, Ѳеклуша, въ пустыню бѣжать намъ, по что же согласу нашего женятся и ваша сестра посягаютъ за мужъ? обратился мужикъ къ канонницѣ.

— А ты развѣ не знаешь зачѣмъ вашъ братъ женится?—
Нужды ради—находчиво отвѣтила послѣдняя.

Долго шумѣли и спорили раскольники, отыскивая антихриста, но такъ и не рѣшили, гдѣ и въ чемъ онъ проявляетъ свое существованіе. Вопросъ этотъ оказался имъ далеко не по плечу. На послѣдокъ они перессорились, передрались, обозвали другъ друга „дураками“ и съ шумомъ разошлись, каждый унося домой своего антихриста.

Да, глупить нашъ русскій человѣкъ, и не одинъ десятокъ лѣтъ прошелъ уже, какъ онъ путается во тьмѣ раскола. Кто виновать здѣсь?

Прежде всего виноваты начетники раскола.—Эти гасильники свѣта, эти эксплуататоры довѣрчиваго крестьянина. Именно такъ. Они, выдавая себя за начетниковъ и богослововъ въ священномъ писаніи, точно пиявки просасались къ худосочному тѣлу и сосутъ изъ него оставшіяся рубли и копейки, нажитыя кровнымъ мозольнымъ трудомъ. Они толкуютъ мужику всякую небылицу, поддерживаютъ въ немъ суевѣріе и предрасудки съ исключительной цѣлью, чтобы создать себѣ послѣдователей, а чрезъ это—возможность существовать безъ труда. Чтобы отнять этихъ пиявокъ отъ мужика, ему необходимо дать школьное развитіе, не смотря на все его упорство и не желаніе, такъ какъ послѣднее вытекаетъ отъ того же наученія наставника.

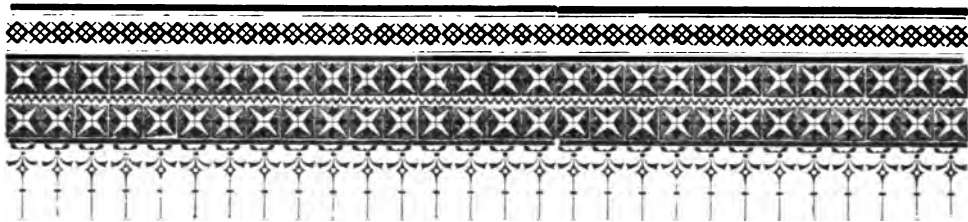
— Развѣ можно въ никоніанскихъ школахъ обучать своихъ дѣтей? Какой же ты христіанинъ послѣ этого!—говоритъ начетникъ. И мужикъ вѣритъ ему, вѣритъ что все это грѣхъ, ересь и погибель. А злому начетнику этого и нужно. Въ по-

темкахъ ему лучше работать и проповѣдывать свою чипуху. Онъ деретъ съ него и за свою проповѣдь, за икону и за книгу, которыя подсунетъ ему вмѣсто старыхъ, древнихъ, новыя, и лишь нѣсколько прокопченныя въ печкѣ. За все это онъ споретъ съ мужика въ три-дорога и онъ же будетъ благодарить его и считать своимъ богомольцемъ и благодѣтелемъ. Истинно, что расколъ нашъ есть дойная корова, доить которую не рѣшается только человѣкъ, помнящій Бога и имѣющій совѣсть.

Въ этомъ селѣ мнѣ передавали—объ одномъ начетникѣ, Карнауховѣ, такую исторію. Долго жилъ онъ въ селѣ начетникомъ, читалъ раскольникамъ „Пролога“,—„Маргаритъ“ и др. душеспасительныя книги. Вдругъ... онъ сталъ юродивымъ. Началъ онъ на палочкѣ ѣздить верхомъ, одѣвался въ шуточный костюмъ, бѣгалъ босикомъ по улицѣ и пѣлъ загадочныя стихи и вирши. Долго онъ такъ ѣздилъ и бѣгалъ по селу... Однажды онъ въѣхалъ на своей палочкѣ въ домъ богатаго крестьянина. Пожилъ онъ у него, почудилъ, посмѣшилъ, пророчилъ ему разныхъ вещей въ будущемъ и выѣхалъ, чтобы снова скакать по улицѣ. Черезъ сутки, послѣ ухода юродиваго, мужикъ хватится денегъ, а ихъ и слѣдъ простылъ, 15000 какъ не бывало. Стали присматриваться къ юродивому, но онъ по прежнему упражнялся въ своей гимнастикѣ. Кто укралъ эти деньги—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Мужикъ повылъ, поплакалъ, да съ тѣмъ и остался.

Прошло 2 года. Карнауховъ бросилъ палку, пересталъ юродствовать и снова засѣлъ за душеспасительныя книги. Но при этомъ замѣтили, что Карнауховъ сталъ обставлять себя на городскую жизнь. Онъ перестроилъ свой домъ, развелъ садъ, устроилъ молельню, набралъ цѣлый гаремъ сиротъ — дѣвокъ и сталъ совершать съ ними богослуженіе по уставу церкви. Откуда онъ добылъ себѣ средства, будучи бѣднякомъ до этого, этого никто не зналъ, и только догадываются, что въ свое время „блаженненькій“, пользуясь пріютомъ просяка-богача, стянулъ у него 15000 руб. и зарылъ ихъ, до поры до времени въ землю, когда явится на нихъ, и спросъ и нужда.

Пришла пора, долой и юродство.

XIII.

ОТЕЦЪ РАЗСТАНОФІЙ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, проживая въ гор. Хвалынскѣ, этомъ центрѣ раскола, намъ неоднократно приходилось встрѣчать страннаго по своему внѣшнему одѣянію человѣка, съ выбритымъ затылкомъ, худого и постнаго на видѣ. Онъ жилъ неподалеку отъ моей квартиры, около городского бульвара, на самой видной и модной улицѣ. Нерѣдко онъ выходилъ вечеромъ на улицу, чтобы посидѣть на лавочкѣ и посмотрѣть на проходящихъ людей. На его плечахъ всегда былъ черный длинный халатъ, на головѣ нѣчто вродѣ скуфейки, чернаго же цвѣта и съ краснымъ кантикомъ вокругъ головы; на плечахъ маленькая черненъкая перелинка, составляющая его „мантію“.

По краямъ „мантіи“ также шелъ красный кантъ, а лѣвая рука его всегда была обвита длинной ременной лѣстовкою (четки), бубенчики которой онъ перебилъ одинъ за другимъ и всегда шепталъ себѣ подъ носъ какія-то молитвы, или же вздыхалъ и крестился большимъ крестомъ, нисколько не стѣсняясь проходящей мимо него публики. Это былъ о. Варсанофій или, какъ называли его въ Хвалынскѣ, о. „Разетанофій“.

Что-же это была за личность? Откуда и кто онъ?—задали мы себѣ вопросъ. Счастіе послужило намъ разгадать этого субъекта.

О. „Разстанофій“ есть не кто иной, какъ крестьянинъ Самарской губерніи Вавила Аввакумовъ Закорючкинъ. На мѣстѣ своей родины онъ оставилъ жену и двухъ дѣтей и, взявъ костыль, отправился въ путь-дорогу для обозрѣнія и поклоненія святымъ мѣстамъ. А чтобы не скучно было путешествовать по всѣмъ этимъ мѣстамъ, онъ сманилъ отъ богатыхъ родителей молодую дѣвку и уѣхалъ съ нею въ благочестивое „странствіе“.

Долго онъ плуталъ по разнымъ обширнымъ городамъ „Руси“, много грѣховъ натворилъ онъ съ увезенной имъ дѣвкой, рождая дѣтей и оставляя ихъ, гдѣ пришлось, на произволъ судьбы. Наконецъ онъ бросилъ дѣвку, перешелъ въ раскольническое общество, и пріѣхалъ въ Хвалынскъ съ на- нарочною цѣлью свить себѣ тутъ тепленькое гнѣздышко, чтобы оно было и „прочненько“, и „доходно“. Сначала Варсанофій уединился въ лѣсахъ Черемшана, поставилъ себѣ чистенькую келійку и зажилъ себѣ съ какой-то Маланьей, выдаваемой имъ за родную сестру. Маланья эта была далеко не изъ первыхъ его спутницъ; она увезена имъ изъ одного изъ селеній Хвалынскаго уѣзда, изъ такого семейства древлеблагочестивой вѣры, гдѣ проповѣдывалось извѣстное ученіе Θεодосія бракорца: „семерыхъ народи, только замужъ неходи“. И Маланья, вѣрная этому принципу, дѣйствительно не пошла замужъ, а встрѣтившись съ „Божимъ человѣкомъ“, „Христовымъ странничкомъ“, не устояла предъ его черными, палящими глазами и убѣгла съ нимъ въ душеспасительную пустыню. Къ Маланьѣ скоро пришла Дарья, а за ней Θεкла, Степанида и т. д., такъ что вокругъ „Христова странничка“ образовался цѣлый гаремъ женскаго персонала, который онъ назвалъ „пустынной киновіей духовныхъ сестеръ“. Эта пустынная киновія духовныхъ сестеръ, пригрѣтая Варсанофіемъ, конечно, мало оправдывала свое названіе, даже нисколько не походила на „душеспасительную киновію“ той своей жизнью, какую вели черноокія пустынницы вкупѣ съ своимъ патріархомъ — Варсанофіемъ. Хлѣбъ и прочая провизія доставлялась имъ ихъ родственниками изъ селеній, которыя нарочито дѣлали сборъ для нихъ, деньги также привозились ото всѣхъ и отовсюду съ просьбами не забыть ихъ, живущихъ въ міру, своею праведной молитвою. Русскій человѣкъ вообще, а старообрядецъ по преимуществу;

вѣрить въ особенную богоугодность молитвъ подобныхъ „отшельниковъ“ отъ міра; онъ ставитъ себя и свою молитву грѣшнѣе молитвъ и жизни такого „отшельника“. Поэтому у старообрядцевъ даже принято нанимать подобныхъ „странниковъ“ молиться Богу за свою душу, погибающую во грѣхахъ мірской жизни. И если иногда они и видятъ, что тотъ или другой „отшельникъ“ отъ міра свихнулся съ своего богоугоднаго пути, то у нихъ на этотъ счетъ существуетъ опять свое ученіе, выражающееся въ такомъ положеніи, что за „трудникомъ Христовымъ“ неотступно ходятъ семьдесятъ семь бѣсовъ, и при томъ лютѣйшихъ бѣсовъ, которые употребляютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы такъ или иначе соблазнить его и ввести во грѣхъ. За міряниномъ-же ходитъ только одинъ бѣсъ, такъ помимо его, дьявола, личныхъ дѣйствій, въ міру существуетъ множество другихъ разнаго рода прельщеній ко грѣху. Какую же поэтому нужно имѣть „Христову труднику“ силу крѣпости, чтобы побѣдить всѣ лютѣйшія козни 77 постоянныхъ его враговъ—дьяволовъ?! По истинѣ нужно быть крѣпкимъ, какъ камню, твердому, какъ желѣзо. Сколько было въ древности разныхъ подвижниковъ, высокихъ по своей нравственной жизни, но и тѣхъ дьяволъ смущалъ и приводилъ ко грѣху. Варсанофій же не составлялъ исключенія; онъ намѣтилъ себѣ ту же страдную жизнь, какую несли древніе праведники, и если путь его омрачался иногда соблазнительными фактами, такъ паденіе и грѣхотвореніе свойственны всякому слабому человѣку. Такимъ образомъ жизнь Варсанофія съ гаремомъ разныхъ Маланій, Степанидъ и Фекль нисколько не служила соблазномъ для почитавшихъ его старообрядцевъ. „Онъ во грѣхѣ, онъ и въ покаяніи!“—говорилъ старообрядецъ. Къ тому же большинство почитателей Варсанофія видѣло, что онъ имѣетъ при себѣ родную сестру...

Проживая на Черемшанѣ а Варсанофій видѣлъ, какимъ почетомъ и доходомъ пользуются проживающіе здѣсь бокъ-о-бокъ съ нимъ разные тамъ архіереи, архимандриты и священно-иноки австрійской іерархіи. И задумалъ онъ, въ подрывъ имъ, создать своему гнѣзду точно такое-же положеніе, чтобы его „киновія духовныхъ сестеръ“ была такимъ-же монастыремъ и служила центромъ притяженія окрестныхъ старообрядцевъ.

Перейти въ австрію, сдѣлаться іеромонахомъ, это онъ могъ-бы, но изъ этого ничего не вышло-бы: Черемшанъ съ архіереями онъ этимъ не уничтожилъ-бы и, сколько ни живи онъ въ своей особой кельѣ, и какимъ постникомъ не выдавай себя предъ старообрядцами, слава Черемшана гремѣла-бы по прежнему.

Нѣтъ, Варсанофію нужно было обособиться отъ австріяцевъ, завести свое отдѣльное жилище, при особой вѣрѣ и ученіи. Такъ онъ и рѣшилъ поступить, съ такими мыслями и отправился онъ въ одинъ прекрасный день, покинувъ свою келью и забравъ съ собою всѣхъ своихъ сожительницъ. Куда онъ поѣхалъ? никто не зналъ. Авторъ однако можетъ сообщить читателямъ, что въ сокровенныхъ помыслахъ Варсанофія было то желаніе, чтобы отыскать древняго священноинока и отъ руки его принять постриженіе во ангельскій образъ, другими словами, Варсанофій рѣшилъ вмѣстѣ со своими „духовными сестрами“ принять постриженіе и сдѣлаться самому „инокомъ“ и ихъ подѣлать „инокинями“. Для чего понадобился Варсанофію именно древній священноинокъ, когда онъ во всякое время, безъ всякихъ хлопотъ, могъ принять это постриженіе у себя въ Хвалынскѣ, гдѣ бѣглецы попы почти постоянно проживаютъ, на это у него имѣлись также свои особенныя причины. Варсанофій именно хотѣлъ принять постриженіе въ иночество у себя въ Хвалынскѣ, гдѣ бѣглецы попы почти постоянно проживаютъ, на это у него имѣлись также свои особенныя причины. Варсанофій именно хотѣлъ принять постриженіе отъ священноинока, а не отъ бѣглаго попа; а такъ какъ такового лица въ Хвалынскѣ не имѣлось, то ему пришлось поискать его въ другихъ мѣстахъ.

Прошло около двухъ лѣтъ, какъ нашъ Вавила Аввакумовъ выѣхалъ изъ хвалынской пустыни. За это время онъ пропадалъ, гдѣ жилъ, этого онъ никому не писалъ. Наконецъ, онъ снова явился въ пустыню, но пріѣхалъ уже одинъ, безъ своихъ „духовныхъ сестеръ“. Первое, что поразило его почитателей, это то, что онъ именовалъ себя уже не Вавилою, а инокомъ Варсанофіемъ и согласно этому названію, одѣлся въ

монашеское платье. По личному его свидѣтельству, онъ долгое время искалъ между бѣглопоповцами древле-православнаго священноинока, ѣздилъ въ Уфу, Оренбургъ, Уральскъ, въ Стародубскія слободы и только въ Бессарабіи нашолъ искомое лицо, и принялъ святой чинъ. Спутницы его остались, которая въ Уфѣ, Оренбургѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ по долгу. Прежній Вавила бросалъ ихъ по мѣстамъ, какъ излишній балластъ, обременявшій оскудѣвшій его бюджетъ. Куда дѣвалъ онъ и вѣрнѣйшую свою спутницу Маланью— этого онъ тоже не говорилъ и даже не любилъ, когда его разспрашивали объ этомъ. Однажды изъ ближайшихъ почитателей о. Варсонофія нѣкто Х. угостилъ его какъ слѣдуетъ, и на веселѣ спросилъ его: куда онъ дѣлтъ свою сестру и прочихъ съ нею? Варсонофій былъ такъ грузенъ, что посмотрѣлъ на своего собутыльника мутными глазами и, еле двигая языкомъ, проговорилъ: „я ихъ всѣхъ рас.... рас.... разставилъ по мѣстамъ“. И свалился съ лавки. Собутыльникъ уложилъ его въ постель и, покачавъ головою, сказалъ: „Эхъ, ты, разстанофій многогрѣшный!“ Съ этихъ поръ и утвердилась за нимъ кличка: „Разстанофій, да Разстанофій“.

Поселившись во второй разъ въ своей пустынѣ, Разстанофій сталъ сильно зашибать и закладывать, какъ говорится, за галстухъ. Что послужило къ этому измѣненію его жизни? Это осталось тайною. Только Варсонофій значительно измѣнился, онъ сталъ угрюмымъ человѣкомъ; прежняя веселость въ немъ исчезла; онъ сталъ сторониться отъ людей и находить утѣшеніе въ „очищенномъ“. О преобразованіи своей кельи въ монастырь и вообще разведеніи въ этомъ мѣстѣ богоугодной обители съ иноками онъ оставилъ всякое помышленіе и больше объ этомъ не говорилъ. Не рѣдко, подвыпивъ сильнѣе, онъ тяжело вздыхалъ и выражалъ такое состояніе души, какъ будто его что-то угнетало, беспокоило на сердцѣ. Видно было, что на совѣсти его что-то лежало и щемило его душу.

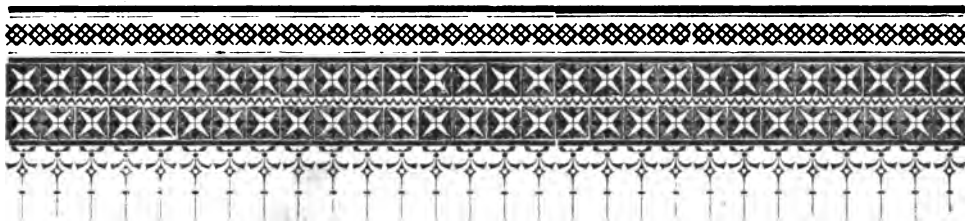
Такъ прожилъ Варсонофій около двухъ лѣтъ. Однажды онъ прибѣжалъ въ Хвалынскъ въ страшномъ волненіи и безпокойствѣ. Всклоченные волосы, воспаленные глаза показывали, что онъ находится далеко не въ нормальномъ состоя-

ніи. „Нѣтъ, тамъ нельзя жить! Тамъ дьяволовъ полно, и они одолѣвають, проклятые“,—говорилъ онъ, показывая на Черемшанъ. Впослѣдствіи, когда онъ успокоился, то объяснили, что дьяволы положительно не давали ему покоя; они лѣзли къ нему и въ двери, и окна, лѣзли цѣлыми сотнями съ крикомъ и визгомъ, грозя ему разорвать его на части. Сколько ни молился Варсанофій, какія не читалъ онъ молитвы, цѣлые горшки разводилъ онъ ладона, немилосердно накуривая имъ въ своей кельѣ и даже на подволокѣ, мѣломъ писалъ снаружи оконъ и дверей кресты, и наклеивалъ вмѣстѣ съ этимъ билетки съ надписью: „Христось съ нами — уставися, вчера и днесъ твой и во вѣки“, читалъ разнымъ святымъ каноны, призывая ихъ на помощь, — не дѣйствовало на легионы дьяволовъ; напротивъ, они лѣзли къ нему еще настойчивѣе, еще болѣе кричали, чтобы онъ убирайся съ этого мѣста.— „ишь, какой молитвенникъ явился тутъ!“—кричали они; „вишь, пріѣхалъ сюда соблазнять людей-то. Вонъ отсюда!“ и пр. Дерзость чертей стала до того наглою, что они ворвали у него лѣстовки, выбрасывали старопечатныя книги вонъ изъ кельи, свѣчи, ладонъ, и на послѣдокъ едва не удушили его самого. Борьба съ чертями стала не по силамъ, и „Разстанофій“ принужденъ былъ бѣжать изъ своей пустыни, проклинающая мѣсто и свое жилище. Въ Хвалынскѣ его пріютилъ купецъ Гудковъ, далъ ему келью и сдѣлалъ его полнымъ своимъ пенсіонеромъ. Здѣсь „Разстанофій“ успокоился; черти перестали являться къ нему, онъ зажилъ строгой аскетической жизнью, сталъ наставникомъ для многихъ сектантовъ и руководителемъ въ ихъ духовной жизни. Но немного пожилъ онъ такою жизнью и вскорѣ снова исчезъ изъ Хвалынска. Куда?—Это осталось неизвѣстнымъ. Быть можетъ, онъ снова пустился въ „благочестивое странствіе“, а можетъ быть, заскучалъ о своихъ „духовныхъ сестрицахъ“, которыхъ и отправился навѣстить.

И сколько такихъ „Разстанофіевъ“ гуляетъ по матушкѣ Руси, которымъ работать не хочется; ищутъ они себѣ легкой жизни и спокойствія, кто подъ видомъ „Христова странничка“, кто одѣвается въ длинный хитонъ раскольничьяго инока и разыгрываетъ изъ себя роль святого человѣка съ богоугодной

молитвою. Они нисколько не стѣсняются въ средствахъ для достиженія своей цѣли; для нихъ всё хороши, если только они дають возможность жить хорошо, уютно и тепло. У этихъ „Разстанофiевъ“ свои взгляды на жизнь, свои убѣжденiя, своя, наконецъ, совѣсть и сердце. Отъ такихъ людей невольно хочется уйти дальше и дальше. Отъ нихъ пахнетъ холодомъ, вѣетъ безсердечностью; во всемъ видна нажива и корысть.

XIV.

РАСКОЛЬНИЧЬИ СОГЛЯДАТАИ.

ыло воскресенье, 9-го октября 1877 года. По случаю блистательно одержанной русскими войсками побѣды надъ турецкою арміею Мухтаръ-паши въ Азіи, Преосвященный Тихонъ, Епископъ Саратовскій, совершалъ Божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, а затѣмъ благодарственный Господу Богу молебенъ. Въ телеграммѣ главнокомандующаго Кавказской арміею говорилось, что армія Мухтаръ-паши, турецкаго главнокомандующаго въ Азіи, была разбита совершенно; на полѣ брани оставлено множество убитыми и ранеными, нѣсколько тысячъ взято плѣнными съ 7-ю пашами во главѣ, 4 батареи со всею прислугою и громаднымъ числомъ военнаго имущества. Такая радостная вѣсть для нашего отечества, какъ и должно ожидать, привлекла въ соборъ массы народа, потянувшася густой вереницей съ перваго-же удара соборнаго колокола. Чтобы видѣть радость и торжество русскаго народа, нужно было присутствовать самому въ этотъ день и въ соборѣ за богослуженіемъ, и вечеромъ пройти по главнымъ улицамъ, освѣщеннымъ и иллюминированнымъ огнями; дома жите-

лей были разукрашены флагами. Русское сердце радовалось вездѣ и всюду, да и какъ было не радоваться истинному россіянину и особенно православному, при такой блистательной побѣдѣ нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго въ Азіатской Турціи.

Но увы! Нашлись и въ средѣ нашего русскаго народа люди, которые, при всемъ торжествѣ русскаго сердца, отнеслись въ данномъ случаѣ какъ-то холодно и безчувственно. Радость Россіи для нихъ была какъ-бы чужда. Я разумѣю здѣсь тѣ классы русскаго народа, которые болѣе 200 лѣтъ отдѣлились отъ православной церкви и пребываютъ доселѣ во враждебномъ настроеніи, какъ къ самой церкви, такъ еще болѣе къ свѣтскому правительству. Безумное и невѣжественное убѣжденіе! Но тѣмъ не менѣе, имъ заражены многіе изъ числа послѣдователей такъ называемой „безпоповщины“ *). Какъ фактъ раскольниковъ злобы, я расскажу объ одномъ событіи, совершившемся въ одномъ раскольническомъ обществѣ гор. Саратова, благодаря именно счастливой побѣдѣ доблестнаго воинства надъ арміей Мухтаръ-паши въ Азіи и по поводу торжественнаго богослуженія Его Преосвященства 9 октября.

Нѣкто, старообрядецъ Н., до глубины души тронутый телеграммою Его Высочества, главнокомандующаго, о побѣдѣ русскихъ надъ турками, возымѣлъ желаніе сходить въ соборъ, за службу Его Преосвященства. Какъ только раздался соборный благовѣстъ къ литургіи, старообрядецъ былъ уже на паперти собора и затѣмъ занялъ мѣсто поближе къ архіерейской каѳедрѣ. Началась служба. Старообрядецъ внимательно слѣдилъ за каждымъ дѣйствіемъ богослуженія. Что-же? Къ концу литургіи невѣрующій Ѳома до того былъ тронутъ величіемъ православной службы, что, отбросивъ всѣ свои предубѣжденія, тутъ-же, вмѣстѣ съ народомъ, началъ молиться и класть поклоны, учащая ихъ особенно во время благодарственнаго молебна. Тронутый до глубины души судьбами своего отечества, какъ истый россіянинъ, старообрядецъ и не видѣлъ, что въ то-же время, изъ числа его собратій двое „раскольниковъ

*) И свѣтскую, и духовную власть раскольники признаютъ антихристовой властью. И это всѣ вообще безпоповцы.

соглядатаевъ“ давно за нимъ наблюдаютъ и зорко слѣдятъ за каждымъ его дѣйствиємъ.

Кончилась служба, и соглядатаи стрѣлой полетѣли, чтобы оповѣстить свое „общество“ о такомъ отступленіи ихъ члена въ никоніанство. Какъ и всегда, вѣсть эта прежде всего была принесена въ центральное мѣсто управленія — въ молельню, уставщикамъ, какъ ближайшимъ жителямъ молельни, и какъ первой инстанціи главнаго раскольничьяго управленія. Быстро слетѣлись со всего двора старики и старухи и подъ предводительствомъ своихъ уставщиковъ принялись разглагольствовать о преступленіи своего члена, въ измѣнѣ „якобы“ древле-православной вѣрѣ.

— Досконально-ли вы видѣли, что онъ и въ самомъ дѣлѣ молился съ еретиками?—спросилъ „соглядатаевъ“ широкобродый старикъ-уставщикъ праваго лика *).

— Видѣли, видѣли! Своими очами видѣли!—прокричали соглядатаи.

— И молился? — какъ-бы сомнѣваясь все еще, спрашивалъ старикъ-уставщикъ.

— Молился, молился! И поклоны отвѣшивалъ такіе, что нашъ братъ-христіанинъ—все равно.

— А кто еще съ нимъ былъ?

— Одинъ, одинъ! Молился какъ есть!—другъ передъ другомъ спѣшили кричать соглядатаи синедріону.

Старикъ задумался, видимо озабоченный пріисканіемъ наказанія преступнику.

Отлучить его надать! Да на постъ, на молитву, вотъ блажь-то и сойдетъ съ него, — закричала старуха, недовольная тѣмъ, что старикъ ломаетъ такъ голову надъ простѣйшимъ вопросомъ.

— Этава мала! Выгнать яво изъ нашего общества,—закричали старики.

— Вѣстимо дѣло... Соблазнъ!—подтвердили другіе.

— Поруганье обществу... вторили третьи.

— Съ еретиками молился, такъ чего еще! — надсаживались опять первые.

*) Клироса раскольники называютъ „ликами“.

Наконецъ, старикъ спросилъ: „а что, православная братія, давно онъ былъ въ моленной?... Не помнѣтъ-ли кто?... Подумайте... ужъ онъ не мерщитъ-ли этакъ насъ давно?

— Чего добрава!—подтвердили другіе уставщики.—Врагъ силенъ.

Начали припоминать. Кто говорилъ, что его въ моленной не было ужъ болѣе мѣсяца, а другіе говорили, что видѣли, недѣли двѣ назадъ.

— Всего лучше узнать по кафтанчику,—сказалъ въ свою очередь сторожъ молельни, и кинулся вмѣстѣ съ другими искать по кельямъ кафтанчика. Минуть чрезъ 10 черныи со сбориками кафтанчикъ былъ принесенъ на среду синедріона, въ сопровожденіи цѣлой толпы народа, который принялись трясти руки со всѣхъ сторонъ, какъ-бы вымѣщая свою злобу на самогъ владѣльцѣ этой матеріи.

— Ну, вотъ и хорошо, кафтанъ его здѣсь, значитъ, когда придетъ, то мы и сотворимъ ему назиданіе... при всѣхъ христіанахъ, во услышаніе.

— Вывесть его изъ моленной!—закричали болѣе рьяные старики,—онъ опозорилъ наше общество...

— Знамо дѣло, съ еретиками молился, чего еще хуже!—кричали старики и старухи.

— Соблазнъ на все христіанство.

— Вывесть его! вывези вонъ! Онъ еретикъ! никоніанецъ!—икричал болѣе и болѣе раздражаясь члены синедріона и трепля злополучный кафтанчикъ...

— Ахъ ты, батюшка! Вѣдь мы и забыли сказать-то, — вскричали вдругъ соглядатаи съ какимъ-то полусумашествіемъ.

— Что, что такое,—послышалось со всѣхъ сторонъ въ синедріонѣ.

— Онъ, вѣдь, и на колѣняхъ еще молился! — съ торжествомъ полицейскаго сыщика доносили соглядатаи.

— Неужели?!... какъ-бы озадаченные, полушопотомъ проговорили суды.

Наступила пауза.

Послѣ этого старикъ всталъ и, обратившись къ членамъ синедріона, сказалъ: „Православные христіане! Судить этого

человѣка мы не можемъ, потому что онъ учинилъ преступленіе великое. Первымъ дѣломъ онъ взошелъ въ еретическій храмъ и тамъ молился; второе—за кого молился? Тоже за еретиковъ; третье—стоялъ на колѣняхъ, тоже по еретически. Нѣтъ! Нѣтъ! Бѣгите къ о. и скажите ему, такъ и такъ, молъ, батюшка, бѣда учинилась.... отступленіе.... а я и всѣ мы тутъ ничего не подѣлаемъ.

Побѣжали къ батюшкѣ отцу. О., выслушавъ такой непріятный докладъ и порядкомъ ругнувъ за безпокойство, послалъ оповѣстить попечителя и другихъ болѣе вліятельныхъ купцовъ-заправителей. Но сіи управители судьбами старообрядчества, занятые болѣе существенными вопросами дня, оказались слишкомъ грузны на подъемъ, а потому и соблаговолили заочно произнести свой приговоръ, наказавъ посланнику, что-бъ онъ передалъ ихъ слова досконально—такимъ путемъ выгнать его изъ моленной!... Потому это въ нравоченіе будетъ другимъ. Такъ и скажи, „мерзавецъ, молъ, онъ!...

Раскольничій синадріонъ рѣшилъ, что, если отступникъ явится за кафтаномъ, а чего, Боже упаси, взойдетъ въ молельню, то выгнать его и предать имя его анафемѣ; тоже въ нравоченіе другимъ (подъ этими другими разумѣлось молодое поколѣніе.)

Наступило воскресенье 16 Октября. Всѣ раскольники ждали, что вотъ-вотъ явится въ молельню виновникъ всей этой тревоги, и они торжественно, при всей публикѣ, выведутъ его подъ руки изъ молельни, какъ еретика, чтобы всѣ видѣли такую срамоту. Но увы! Ожиданія ихъ не оправдались, и виновникъ возмущенія не явился какъ за службу, такъ и за кафтаномъ. Очевидно, виновникъ понялъ, что раскольники узнали о его бытіи въ православномъ храмѣ за службою, и потому не шелъ въ молельню, не желая входить въ объясненіе съ стариками, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшилъ уже разорвать свою связь съ расколомъ и перейти въ православіе. Выручить же свой кафтанъ изъ молельни онъ могъ потомъ какъ-нибудь буднями, а не въ праздникъ. Но раскольники, по отношенію къ нему, были настроены черезъ-чуръ враждебно; въ его отсутствіи въ молельнѣ они видѣли оскорбленіе своего достоинства, и при этомъ держались того мнѣнія, что онъ, вѣроятно, не въ

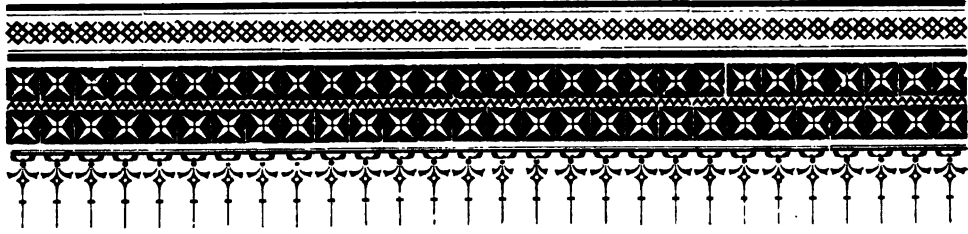
первый уже разъ былъ въ православномъ храмѣ и молился тамъ съ прочими русскими людьми, а потомъ приходилъ къ нимъ въ молельню и съ ними молился. Такимъ образомъ, по понятіямъ раскольниковъ, онъ дѣлалъ величайшій грѣхъ и преступленіе; онъ омирщилъ ихъ всѣхъ, осквернилъ своею молитвою. Какъ же имъ не тревожиться и не злиться послѣ этого? Какъ не наказать его въ примѣръ и назиданіе другимъ? Необходимо нужно и должно, и только жаль, что виновникъ ускользаетъ отъ свиданья съ ними. Въ виду этого злые раскольники, окончивъ во второй праздникъ свое богослуженіе и, видя, что виноватаго старообрядца снова нѣту между ними, рѣшили: не дожидаться болѣе его прихода и наказать его заочно. По этому они остановили бывший у службы народъ, принесли на средину молельни злополучный кафтанъ виновнаго и сожгли его на жаровнѣ.

-- Такъ да будетъ уничтожено имя этого мерзавца, богохульника и христопродавца, какъ мы уничтожили сейчасъ его кафтанъ, — сказалъ наставникъ. — Тамъ у никоніанъ ему онъ не нуженъ будетъ. Тамъ онъ будетъ ходить, какъ въ театръ, кругомъ обдерганный, обтянутый, куцый, какъ діаволъ...

— Анафема ему измѣннику нашей святой древлекаѳолической церкви! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Сто разовъ да будетъ онъ проклятъ! — особо подтвердили женщины.

И самодовольные, что учинили примѣрное наказаніе отступнику, раскольники разошлись по домамъ.

XV.

ДЬЯВОЛЬ, УСТРОИВШІЙ БИЛЛІАРДЪ.

Ечерь 30 декабра 188 года. Соборъ поморскихъ старцевъ, попечителей молельни, книжниковъ другихъ почетныхъ лицъ собралися по экстренному дѣлу, чтобы рѣшить вопросъ: грѣшно ли играть на билліардѣ или нѣтъ?

Вопросъ объ этомъ возникъ въ расколѣ благодаря все той же жизни, которая даетъ свое сильное вліяніе на общество раскольниковъ. Какъ ни стараются богомудрые отцы застраховать своихъ послѣдователей отъ внѣшнихъ условій этой жизни, а она, эта жизнь, нѣтъ-нѣтъ да и впуститъ свою новую струю дѣйствія и взглядовъ въ ихъ закорузлое общество. Отцы встрепенутся, почувствуютъ какъ бы нѣкую кражу въ средѣ ихъ и пойдутъ шумѣть и галдѣть, не зная, какъ и чѣмъ остановить ворвавшееся теченіе новой жизни. Одинъ предлагаетъ свои мѣры, другой — свои и т. д.; каждый находитъ ихъ болѣе цѣлесообразными, чѣмъ мѣры другого, третьяго, и все дѣло сводится къ тому, что раскольники остановятся на какомъ-нибудь рѣшеніи, и въ результатѣ выходятъ карательныя пра-

вила противъ жизни. Но правило правиломъ, а жизнь — жизнью.

Праздниками Рождества, какъ и обычно, причтъ безпоповскихъ молеленъ разбрелся по обширному городу „славить Христа“. Онъ разбился на нѣсколько партій, что бы оно было и доходнѣе для себя и не обременительно для хозяевъ, желающихъ слышать славословіе пѣвцовъ своей молельни. Такой порядокъ прославленія Христа въ домахъ у раскольниковъ принятъ издавна и практикуется притомъ изъ года въ годъ. Съ каждымъ годомъ на Рождество и Пасху разсыпаются они по улицамъ Саратова, отыскиваютъ дома богатыхъ прихожанъ своей молельни и собираютъ десятки рублей. Точно воронье на добычу, такъ и вся эта стая раскольниковыхъ пѣвцовъ, бросается и атакуетъ въ это время дома своихъ купцовъ...

Одинъ изъ такихъ мелкихъ отрядовъ пѣвчей стаи, въ количествѣ 4-хъ человекъ, также, по примѣру другихъ, шествовалъ по Саратову со „Славой“. Проходилъ онъ первый день праздника, второй... Все было благочинно, стройно и въ порядкѣ, т. е. пѣвцы были трезвы, а слушавшіе „Славу“ платили такъ щедро за ихъ трудъ, что къ концу второго дня они набрали всей суммы рублей 145 съ копѣйками. Устали, приутомились пѣвучіе люди, захотѣлось и отдохнуть имъ, и развлечь себя немножко по праздничному. Идутъ они по шумной Московской улицѣ; люди, разодѣтые по праздничному, снуютъ и взадъ и впередъ, кто пѣшкомъ, кто на лошади или на конкѣ; изъ освѣщенныхъ домовъ виднѣются имъ веселящіеся люди, пьютъ, шумятъ, толкуютъ между собою, да и сами они, ходя изъ дома въ домъ, видѣли, какъ прихожане ихъ веселятся, словомъ, вездѣ и всюду встрѣчаютъ они радостное, торжественное настроеніе людей, и только они одни, точно какіе-то каторжные, закабаленные, снуютъ изъ одного дома въ другой, трепля свои длинные хламиды. Правда, все это бѣганье изъ улицы въ улицу оплачивается очень щедро, а все же хочется и отдохнуть, а при деньгахъ и повеселиться и попраздновать на ряду съ другими людьми. Находясь подъ вліяніемъ такихъ размышленій, они достигли до Театральной площади, гдѣ въ залахъ гостинницъ слышалось еще шумнѣе веселіе;

раздавалась музыка, пѣсни, крикъ и говоръ собравшейся толпы.

— А что, ребята, зайдемъ къ Савинову?—говориль одинъ изъ уставщиковъ.

— Это бы хорошо было, да увидятъ, пожалуй,—отвѣтиль другой.

— Мы тихонько, да въ отдѣльную...

Минута сомнѣнія, колебанія, а потомъ искушеніе такъ было сильно, заманчиво и привлекательно, что уставщики ринулись въ объятія одной изъ людныхъ гостинницъ и исчезли за ея дверьми.

Часъ спустя, уставщики были на веселѣ. Сначала они уединялись, шепотомъ вели разговоръ между собою, а потомъ „отчищенная“ водица зашумѣла въ головѣ, и они вышли изъ особаго кабинета въ зало, къ публикѣ...

Въ залѣ играла музыка, пѣли пѣвицы съ пѣвцами; слушатели, точно мухи, облѣпили всѣ столы и столики, стоявшіе въ залѣ.

— Bravo! Бисъ! Бисъ!—рявкнули уставщики, бывавшіе въ подобныхъ заведеніяхъ.

Лакеи подбѣжали къ уставщикамъ и попросили ихъ не прерывать пѣнія.

Уставщики сконфузились.

— Пойдемте лучше въ билліардную и сыграемъ партію ку другую... сказалъ одинъ изъ уставщиковъ.

— Идемте ребята; все равно грѣшить-то,—поддакнулъ другой.

Всѣ четверо направились къ билліарду.

Сыграли они партію, другую... Вдругъ—о, ужасъ! въ билліардную входитъ купецъ одно-сектантъ Артемій Загвоздкинъ.

Уставщики, какъ не были пьяны, испугались и застыли съ кіями въ рукахъ.

— Ахъ, вы, хламиды пѣвучія... Вы сквернитесь забрались сюда! Въ шарахъ еще толкъ знаютъ... Вотъ я задамъ вамъ, какъ ширять ихъ... кричалъ купецъ.

Уставщики бросили свои палки и стали разсчитываться съ маркеромъ за игранныя партіи. Одинъ изъ нихъ вступилъ

съ купцомъ въ пререканія, но въ азартѣ вынулъ платокъ утереть струившійся съ его лица потъ и—о, несчастье! вмѣстѣ съ платкомъ у него выпала изъ кармана ременная лѣстовка и упала подъ билліардъ. Купецъ рычалъ, уставщики еще болѣе растерялись и, наконецъ, пустились на утекъ, бросивъ свою лѣстовку подъ билліардомъ.

Лакей поднялъ лѣстовку и торжественно чрезъ все зало публики, показывая народу, принесъ ее буфетчику. Буфетчикъ повѣсилъ ее на гвоздь около буфета съ водками. Пьяная толпа посѣтителей подходила къ буфету, смотрѣла на лѣстовку и толковала объ ней и раскольникахъ, кто что зналъ.

На слѣдующій день купецъ Загвоздкинъ, совѣмъ не предполагавшій быть у службы, нарочито ради только этого каза съ уставщиками, пошелъ въ моленную, чтобы сообщить объ немъ своему наставнику и попечителямъ молельни. Онъ за цѣлый часъ пришелъ раньше службы и сталъ передавать всѣмъ и каждому, добавляя: „самъ своими глазами все видѣлъ“...

Виновники были на липо: одинъ изъ нихъ стоялъ на клиросѣ и рылся въ книгахъ, приготавливая, что нужно читать за службою, другой, поставивъ лѣстницу, влѣзъ на нее и сталъ зажигать свѣчи на паникадилѣ.

Наставникъ Винокуровъ, выслушалъ отъ Загвоздкина обвиненіе уставщиковъ въ кутежѣ въ гостинницѣ, аплодированіи пѣвицамъ, игрѣ на билліардѣ и потерѣ святой лѣстовки въ нечестивомъ домѣ, сурово повелъ бровями и зычно рявкнулъ на всю моленную.

— Шукинъ! Не смѣй касаться святаго дѣла оскверненными руками! Долой съ лѣстницы. Брось огарокъ съ огнемъ! Вы,— обратился наставникъ къ клиросу,—Иванъ, Федоръ, Пантелѣй, вонъ съ клироса! Дальше отъ святыхъ книгъ...

Уставщики горѣли отъ стыда и позора.

— Сторожъ! Уведи ихъ вонъ изъ моленной,— распорядился наставникъ.—Негодяи! Мало вамъ пить-то дома, лѣзете на показъ еще...

— Мы не играли, дѣдушка, и не знаемъ, какъ и кій берется въ руки,—пробовали защищаться уставщики.

— Не играли, а знаете названіе палки? Кіемъ, небось, назвалъ ее, а не подогомъ или скалкою,—возразилъ наставникъ.

Уставщики не ждали такого возраженія и замолкли.

— На цѣлый годъ я отлучаю васъ отъ своего общества и должности—отрѣзалъ наставникъ.

— Дѣдушка, прости!—взмолились четыре пѣвца.

— Вонъ отсюда! Пощады нѣтъ вамъ никакой...

— Говорите, сквернавцы, спасибо, что такъ легко еще наказали васъ,—вскричалъ купецъ Загвоздкинъ.—Больше бы надо взвалить на васъ эпетимьи-то, вотъ тогда вы и забыли бы Савиновскую гостинницу, и какъ въ шары-то тыкать палкой.

— Насъ-то обвиняешь, Артемъ Трифоновичъ, что были мы у Савинова въ гостинницѣ, а самъ-то зачѣмъ пришелъ туда?—кольнулъ купца одинъ изъ уставщиковъ.

— Ахъ ты щенокъ треклятый, онъ меня еще укоряетъ... Я купецъ, а не уставщикъ. У меня торговая статья въ рукахъ и со всякимъ человѣкомъ приходится ладиться. Онъ меня приравниваетъ къ себѣ!

— Сторожъ! Гони ихъ въ шею! Пора начинать часы,—говорилъ наставникъ.

Озлобленные уставщики, плюнувъ съ досады, вышли изъ моленной.

Въ указанное выше число собрались старики судить своихъ уставщиковъ. Наложенное на послѣднихъ наставникомъ Винокуровымъ наказаніе было признано уставщиками черезъчуръ строгимъ, и потому они опротестовали его передъ другими стариками. Призвали виновныхъ, которые за протекшее время успѣли обдумать свое положеніе и степень самой вины.

— Покажите намъ, святые отцы, гдѣ въ правилахъ „Кормчей“ книги положено такое запрещеніе за игру на биллиардѣ, какое на насъ вы положили? Если есть въ книгахъ, то мы непрекословники святымъ отцамъ; а если не написано этого, тогда за что же вы позорите насъ?—резонно заявили уставщики предъ собраніемъ.

Требованіе уставщиковъ для стариковъ было тоже, что ушать холодной воды. Они переглянулись, засмѣялись, пошептали одинъ съ другимъ... Гордымъ старикамъ заявленіе уставщиковъ показалось и дерзкимъ, и глупымъ.

— Въ „Кормчей“ нѣтъ правила о билліардникахъ, потому что тогда не было этого бѣсовскаго инструмента, и христіане шаровъ не гоняли по нему, — сказалъ Винокуровъ въ важностью и сановитостью дѣльца и воротилы.

— За это „отцы“ наши постановили правила, а ихъ узаконенія все равно, что правила вселенскихъ соборовъ, — добавилъ другой наставникъ.

— Вамъ не „Кормчую“ спрашивать нужно, а просить у насъ прощенія въ грѣхахъ своихъ, — говорилъ третій, просто начетникъ.

— Смиренье паче всего... поддакивалъ четвертый старикъ.

Уставщики молчали, чувствуя неловкость своего положенія. Отвергнуть правила „отцовъ“ безпоповщины, это значило — возстановить противъ себя весь соборъ стариковъ и лишиться должности. А „хлѣбъ насущный“ только и добывался ими этимъ трудомъ, — трудомъ пѣнія и чтенія, по безпоповски, въ моленной. Дальше этого никакого труда они не знаютъ. Приходилось уступать, кориться старикамъ...

— А какъ же Василій Никандрычъ Болдыревъ играетъ на билліардѣ? Онъ, вѣдь, попечитель нашей молельни и читаетъ апостоль... сказали уставщики.

— Какъ вы смѣете клеветать на нашихъ попечителей! — вскричалъ наставникъ. — Они защитники нашей святой молельни!

— Вы, беззаконники, сами-то играете на дьявольскомъ столѣ, да и другимъ маранье творите, — вторилъ другой.

Старики знали, что купецъ Болдыревъ, указанный уставщиками, дѣйствительно, любитель билліардной игры, но молчали объ этомъ, тѣмъ болѣе что на Болдырева никто изъ раскольниковъ ихъ общества не доносилъ, а самимъ имъ подвергать его за эту игру наказанью опасно и не расчетливо для собственнаго же ихъ кармана. Теперь, когда уставщики осмѣлились обвинить Болдырева въ той же игрѣ, за которую они хотятъ отлучить ихъ отъ своего общества, старики взъерошились,

вскипѣли гнѣвомъ: имъ не хотѣлось, чтобы дѣло это огласилось въ обществѣ, и его степенство, купецъ Василій Никандрычъ получилъ чрезъ это непріятность. Они дорожили своей шкурой. Поэтому, чтобы замаять указанье уставщиковъ, они и накинулись на нихъ со всей силой своей злобы.

— Это вы показываете на него въ злобѣ, сами въ этомъ дѣлѣ замаранные, а до этого, кромѣ васъ теперъ, никто и никогда на него не указывалъ, — сказалъ наставникъ Винокуровъ.

— Вамъ вѣры нѣтъ! Вы лжете на Василья Никандрыча — подсказалъ другой.

— А я, старики, то скажу, что другихъ задѣвать нечего, нужно судить намъ уставщиковъ, ихъ мы застали во грѣхѣхъ Василія Никандрыча никто не заставлялъ въ этомъ, — вставилъ одинъ изъ соборянъ.

— Вѣрно!

— Справедливо!

— Больше и толковать нечего о другихъ, — кричали соборяне.

Послѣ этого всеобщаго крика „соборянъ“ участь уставщиковъ была рѣшена: ихъ осудили сравнительно легко, — отлучили отъ общественной молитвы и должности на 6 недѣль — и только.

Указаніе уставщиками на купца Болдырева имъ много помогло. Не скажи они этого, имъ непременно удвоили бы наказаніе противъ положеннаго наставникомъ; а тутъ нельзя было иначе: наставникамъ „соборянамъ“ хотѣлось и уставщиковъ наказать, и Болдырева защитить.

— Вотъ вамъ наша резолюція: блюдите себя 6 недѣль, помолитесь о своихъ грѣхахъ, а тамъ мы васъ опять возьмемъ въ моленную, сказалъ — Винокуровъ.

— Только на треклятомъ столѣ шары не катать, какъ раньше дѣлали, — подсказалъ другой.

— И выдумаетъ же дьяволъ такую пагубу для человѣка! Чего хорошаго? Одна пагуба человѣку, — рассуждалъ соборянинъ.

Уставщики, все еще ошеломленные опредѣленіемъ собора стояли и мялись.

— Простите, Христа ради, старички! Грѣшные предъ вами... Играли на билліардѣ... Помолитесь за насъ! — разомъ проговорили уставщики и повалились въ ноги предъ столомъ засѣдавшихъ стариковъ.

— Вотъ это хорошо, — сказалъ Винокуровъ.

Остальные соборяне также были въ восторгѣ отъ этого неожиданнаго поклона уставщиковъ.

— Давно бы такъ сдѣлать нужно, ребята, — сказалъ одинъ старикъ, подойдя къ нимъ вплотную. — А то сами насквернились, да и другихъ марать хотятъ. Да мало этого: „дай намъ, говоритъ, правила изъ „Кормчей книги“. А каки тутъ правила? Тутъ безъ всякихъ узаконеньевъ видно, что билліардъ устроилъ никто иной, какъ дьяволъ, а потому онъ проклятъ, и кто играетъ на немъ, также подлежитъ анаемѣ. Если-бы и не было у нашихъ „отцовъ“ на эту вещь проклятiя, такъ все равно, мы сами проклинаемъ ее и даже не одинъ разъ, а 20 разъ...

— Правду говоритъ дѣдушка, — подтвердили соборяне. — Вся эта затѣя дьявольская, проклятая, погибельная...

— А вы, касатики, — продолжалъ старикъ, — не только еще играли на этомъ бѣсовскомъ инструментѣ, а и другія дѣла совершали: святую лѣстовку потеряли въ поганомъ мѣстѣ, чай пили изъ мірской посуды, еретицамъ похвальбу въ пѣнii принесли... Вотъ сколько грѣховъ-то!

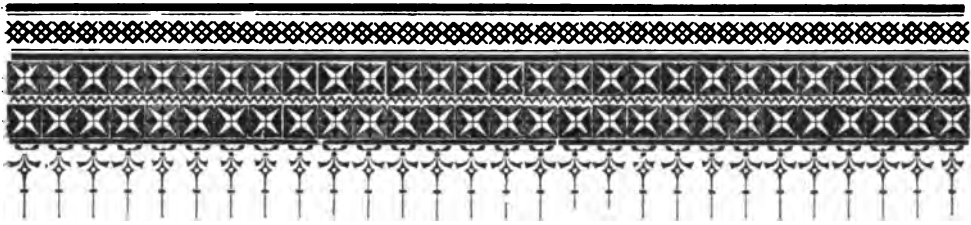
— Простите, Христа ради, старички! — снова повалились уставщики,

Старики переглянулись, пошептались между собою, и наставникъ Винокуровъ сказалъ: „ну, ребята! Старики наказываютъ васъ эпитиміей только на двѣ недѣли“.

Уставщики третій разъ отвѣсили имъ поклонъ, и соборъ прикрылъ свое засѣданіе.

И такъ, билліардъ выдумалъ дьяволъ. Тѣмъ не менѣе, насколько ни хорошо придумалъ онъ въ столярномъ искусствѣ устроить эту новинку, а раскольники предали ее анаемѣ, равно и играющихъ на этомъ инструментѣ.

Игрушка дьявола-столяра, хотя и привлекаетъ въ частности нѣкоторыхъ раскольниковъ, но въ общемъ состоитъ подъ анаемой и проклятiемъ.

XVI.

Чистый понедельник.

а большим самоваромъ, установленнымъ посудю и разными постными снѣдями, сидятъ „самъ“ и „сама“ — купецъ Иванъ Пигасъичъ Дородновъ и Акулина Федотьевна, его супруга. Они пьютъ чай съ изюмомъ и уфимскимъ медомъ, такъ какъ по постамаъ они не пьютъ чай съ сахаромъ, считая его за „скоромъ“.

— Ну, какъ ты, Ванюша, будешь что-ли нынѣ говѣть-то? — спросила Акулина Федотьевна, допивая десятую чашку чаю.

— Говѣть-то ничего бы, да, вотъ, поклоны-то нести — статья упористая, — отвѣтилъ мужъ.

— А ты въ скамеечку кланяйся, а если и этого не вынесешь, то и на табуретку можно. Не ты одинъ будешь такъ-то.

— Какъ ни маши, 1000 поклоновъ отвернуть въ каждыя сутки,—это не чашку чаю выпить. Для нашего брата такая прокламація дѣло не легкое.

— А ты въ три уповода раздѣли: 400 послѣ утрени, 300 послѣ часовъ, остальные 300 послѣ вечерни,—вотъ оно и легко тебѣ будетъ.

— Дура ты, какъ я вижу! Что съ запалу отмотать всѣ поклоны, или въ разстановку, по кучкамъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, отваяль съ одного почерку, да и лежи бариномъ, а тутъ жди еще, въ оттяжку-то, да мучайся, точно роженица. Это, вѣдь, вамъ, бабамъ, хорошо разводить эти поклоны-то: у васъ ни штановъ, ни кафтана, одинъ сарафанъ, точно мѣшокъ какой: кувыркайся, да кувыркайся; а намъ эти поклоны-то въ зарѣзъ достаются, до семидесяти потовъ сольеть съ тебя.

— А ты легонько, потихоньку, да въ скамеечку приновись.

— Наладила сорока Якова. Не въ скамеечкахъ твоихъ дѣло, а въ счету поклоновъ. Ну-ка, отмаши ты столько поклоновъ, чтобы они всѣ были чисто ефремовскіе поклоны, въ растяжку и въ раздвижку всѣхъ суставовъ, а не скачковые или по воробьиному,—вотъ тогда и узнаешь кузькину мать. А то наладила: скамеечкой, да въ скамеечку! Бога то нечего обманывать этими скамейками, да табуретками. Ты полагаешь, Богъ-то не видитъ, что ты свои руки тычешь не въ земной полъ, а въ скамью или стулъ. Толкуй сваха—женихъ пріѣхалъ.

— Какъ же теперь быть-то, Иванъ Пигасичъ, когда мы люди немощные, да слабосильные? И радъ бы уткнулся прямо въ землю, да силы то нѣтъ. Вотъ и придумали старики для насъ снисхожденіе...

— Знаемъ мы стариковъ-то получше твоего! Знаемъ, къ чему это дѣло-то лѣзетъ: это все насчетъ загребанья денегъ. Вотъ, они и повыдумали всѣ эти скамьи, да прилавки, чтобы и предъ Богомъ счетъ свести, да и людямъ угодить. Какая ты немощная, когда въ тебѣ пудовъ 10 вытянешь навѣрно! А по моему, когда ты не можешь снести, какъ слѣдуетъ, поклоновъ, то и не суйся, значить, не твое дѣло.

— Что ты, Иванъ Пигасьичъ, окрестись! Ужели, по твоему, такъ мы и должны жить, не справляя христіанскаго закону? Развѣ это можно? Человѣкъ, вѣдь, не скотина.

— Ну, поѣхала Федора за Сидоромъ! Тебѣ говорятъ, что если ужъ взялся за дѣло, такъ нужно его править, какъ слѣдуетъ. Если взялся за молитву, такъ бери ее въ обѣ руки, дѣлай по настоящему. А нѣтъ силъ и охоты, такъ и не трожь эту статью—она Божія! А Божье дѣло нужно творить со страхомъ и трепетомъ... Дарья, подай-ка сюда другой самоваръ, а этотъ сними,—онъ уже весь истерялся.

Вошла прислуга, поставила шипящій самоваръ и унесла прежній.

— По твоему разуму, Иванъ Пигасьичъ, выходитъ, что ужъ намъ съ тобою, коли мы этакіе тучные, прости Господи, и предъ Богомъ являться не слѣдъ. Какъ же ты {прошлый-то годъ несъ канонъ въ этомъ посту?—говорила супруга.

— Несъ и потомъ проклялъ самого себя, потому что не за свое дѣло взялся. Есть у насъ старики, мы ихъ поимъ и кормимъ, они постоянно у этого дѣла стоятъ и одной молитвой занимаются,—имъ заурядъ справлять всѣ эти поклоны и долгіе акафисты: они привыкли. Вотъ, они и пускай упражняются.

— А мы-то какъ-же?..

— Мы, значить, съ тобою мірскіе люди и состоимъ на другой совѣмъ линіи. Насъ приравнивать къ старикамъ и старухамъ не слѣдъ. Они къ Богу приставлены, а мы къ торговлѣ. У каждого свое дѣло.

— Значить, по твоему разсужденію, намъ и молиться не нужно?

— Зачѣмъ не молиться? Только наше моленье должно быть малое, а ихъ, стариковъ, большое.

— Ну, я съ тобою не согласна. И, хоть, въ моленную тоже ходить не буду, потому всѣхъ поклоновъ тамъ справить не могу, не въ силу, а ужъ дома у себя поставлю читалку, — пускай она и за тебя, и за меня несетъ канонъ великопостный. Глядишь, инымъ временемъ и сама войду къ ней, да помолюсь по лѣстовочкѣ... Ъздить по гостямъ теперь не буду весь постъ.

— Если тебѣ мало стариковъ со старухами, — ставь читалку, въ этомъ я тебѣ не прекословлю.

— Только, смотри, Ваня, чтобы ты у меня съ ней ни слова о пустякахъ. Я буду слѣдить строго. Прошлый годъ у Варгиныхъ, вонъ, читала этакъ-то дѣвица, а самъ-то и прилѣзь къ ней ночью... Что сраму-то положили, ужасъ! Хорошо еще, скоро замѣтили и догадались прекратить, а то какой-бы это былъ канонъ? Одинъ грѣхъ и только.

— А ты не каркай по вороньѣ-то. Мало-ли что дѣлается въ людяхъ, да не у насъ! У Варгиныхъ и сама-то тоже хорошая баба. Мужъ, напримѣръ, рано утромъ въ лавку, а къ ней уставщикъ идетъ^н полунощницу читать. Не у меня это дѣлалось, а то я этому прохвосту такую бы задалъ полунощницу, что онъ и часословъ-то забылъ-бы у меня. Тутъ не знай еще, кого винить-то: его или саму?

Жена замолчала.

Мужъ отеръ съ лица струившійся потъ, вздохнулъ всѣми легкими и всталъ со стула, крестясь на образа.

— Лампадки-то не забывай теплить во всѣхъ комнатахъ предъ иконами. Свѣчъ я купилъ подешевле, фиміаму тоже заготовилъ много, разводи его, не жалѣй, да и росного-то ладону подбавляй къ нему, — все душистѣй будетъ! — наказываль Дородновъ женѣ.

Въ это время въ комнату вошелъ приказчикъ Дороднова, рассчитанный имъ наканунѣ за то, что не согласился, вмѣсто пьянаго кучера сѣсть на козлы катать дѣтей хозяина.

Приказчикъ сталъ на колѣни и слезно началъ просить Ивана Пигасьича снова принять его на службу.

— Жена, четверо дѣтей... Пожалѣйте, Иванъ Пигасьичъ! Куда я теперь пойду? Я умру съ голода, — вопилъ приказчикъ.

— Вонъ, мерзавецъ, откуда! — зычно закричалъ Дородновъ

— Пожалѣйте!

— Ты ослушанье возымѣлъ противъ хозяина! Ты гордость сатанинскую проявилъ! Вонъ изъ дома! Пощады нѣтъ тебѣ. ?

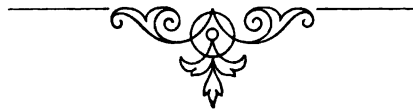
— Помилуйте! — клянялся приказчикъ, — рабомъ буду вездѣ и во всемъ.

— Дарья, выгони его щеткою!

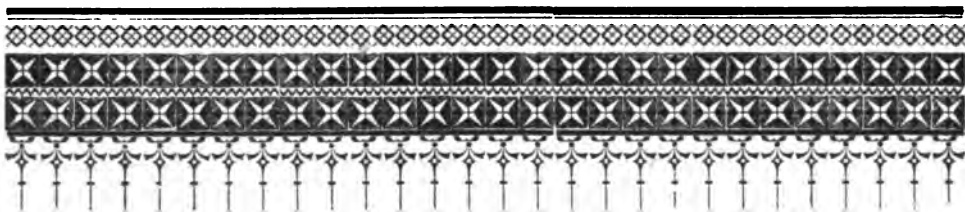
Приказчикъ ушолъ.

Дородновъ запѣлъ: „Житейское море...“ и сталъ прохаживаться по обширнымъ апартаментамъ.

— Ужо поѣдешь въ моленную-то нанимать дѣвку для чтенія — не забудь раздать старикамъ серебро. Я отсчиталъ тебѣ на это 10 рублей, — обернувшись къ женѣ, проговорилъ Дородновъ и вышелъ на улицу.

XVII.

Раскольникъ, дѣлающій фальшивые рубли.

19 декабря 1886 года въ Саратовскомъ окружномъ судѣ разбиралось крайне интересное дѣло, надѣлавшее много шума въ средѣ мѣстныхъ раскольниковъ, принимающихъ австрійскую іерархію. Героемъ этого дѣла былъ нѣкто мѣщанинъ гор. Саратова Федотъ Григорьевъ Долговъ, обвинявшійся въ поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Подсудимый былъ старообрядцемъ австрійской секты, неокружникъ, хорошо умѣлъ читать и пѣть по крюкамъ. По профессіи онъ былъ иконописецъ, но писалъ и книги для раскольниковъ, разные цвѣтники, сборники, пѣвчія книги, разукрашивая ихъ разными виньетками, картинами, согласно содержанию книги. Долговъ ревностно отстаивалъ ученіе неокружниковъ, съ жаромъ опровергалъ окружное посланіе, изъ-за котораго онъ отдѣлился отъ раскольниковъ и перешолъ въ неокружники. Долговъ имѣетъ съ небольшимъ 30 лѣтъ. Все время судебного слѣдствія онъ не

терялъ присутствія духа: онъ то и дѣло обращался къ своему защитнику и шепталъ ему на ухо, нерѣдко самъ предлагалъ свидѣтелямъ вопросы. Долговъ, какъ оказалось, не въ первый уже разъ привлекается къ суду за поддѣлку и сбытъ фалшивыхъ кредитныхъ билетовъ, но всегда ему удавалось обставить дѣло такимъ образомъ, что горькая чаша миновала его, а его сообщники и орудія шли въ Сибирь и каторгу.

Въ 1880 году Астраханская соединенная палата гражданскаго и уголовнаго суда, по однородному съ настоящимъ дѣлу, оставила его въ сильномъ подозрѣніи. Подсудимый, несмотря на прямыя улики, виновнымъ себя не призналъ.

Изъ прочитаннаго-же на судѣ обвинительнаго акта и изъ показаній цѣлаго ряда свидѣтелей, выяснилось слѣдующее *). Въ началѣ 1884 года Долговъ познакомился съ цеховымъ Т. Ястребовымъ, которому заказывалъ разную обувь для своего семейства. Однажды, при расчетѣ съ Ястребовымъ, Долговъ, отдавая ему 15 руб. денегъ, шутя замѣтилъ: „а 30 не хочешь?“ Это повторилось и въ слѣдующій разъ при свиданьи. Нѣкто Соколовъ, знакомый Ястребову, сказалъ ему; „Долговъ не 30, но и 200 рублей можетъ дать: ибо у него деньги дешевыя!“ Ястребовъ рѣшился покороче познакомиться съ Долговымъ, чтобы уличить его потомъ въ преступномъ ремеслѣ. Сближеніе удалось, и Долговъ посвятилъ его въ тайны своего „ремесла“. Въ августѣ того-же года полиціи удалось напасть на слѣдъ Долгова и предать его въ руки правосудія. Вернувшись послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ въ Хвалынскій уѣздъ, Долговъ послалъ Ястребова получить свой багажъ съ пароходной пристани и ѣхать съ нимъ за городъ, къ мужскому монастырю, гдѣ подождать его у переѣзда желѣзной дороги. Послѣдній такъ и сдѣлалъ. Встрѣтивъ Ястребова у желѣзной дороги, Долговъ отпустилъ извозчика, а самъ взялъ тюкъ подъ мышку и пошелъ съ Ястребовымъ въ лѣсъ, за монастырь. Здѣсь тюкъ былъ распакованъ, въ немъ оказалось три узла; два изъ нихъ Долговъ зарылъ въ лѣсу, а третій взялъ съ собою. „Тамъ зарыты недоконченныя денежки, а вотъ тутъ

*) Всѣ эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ печатныхъ органовъ мѣстныхъ газетъ.

совсѣмъ готовенькія“,—сказаль Долговъ, показывая Ястребову на дому фальшивые кредитные билеты. Это было 27 августа. Ястребовъ отправился къ начальнику губерніи и заявилъ ему о преступности Долгова. Тогда полиціймейстеръ, г. Араповъ, въ сопровожденіи Ястребова, отправился въ лѣсъ и выкопалъ подъ деревомъ узелъ, въ которомъ оказалось болѣе 300 недодѣланныхъ кредитныхъ билетовъ 25 рубл. достоинства и болѣе 700—3-хъ рубл. достоинства, всего на сумму 11,000 рублей.

Деньги завернуты были въ пиджакъ, принадлежащій Долгову. Подъ другимъ деревомъ найдены зарытыми въ землю гравировальные камни съ вырѣзанными на нихъ отдѣльными частями 25 и 3 руб. кредитныхъ билетовъ. При обыскѣ квартиры, у Долгова найдено было нѣсколько штукъ чрезвычайно тонкихъ стальныхъ перьевъ, съ таковыми-же ручками, готовальня съ разными принадлежностями, двѣ лупы, разныя краски. Всѣми этими данными Долговъ уличенъ былъ въ своей преступности, хотя онъ и не сознавался въ этомъ, отрицаль показанія свидѣтелей, которые своими показаніями, прямыми и косвенными, опутывали его все тѣснѣе, подобно паутинѣ, изъ которой подсудимому трудно было вылѣзти. Свидѣтельскими показаніями установлено, что за послѣдніе 3 года времени Долговъ совсѣмъ оставилъ иконописное ремесло и проживаль, ничего не дѣлая, въ Саратовѣ. Полиція, по свидѣтельству полиціймейстера, давно уже слѣдила за нимъ и на пароходныхъ пристаняхъ, и на желѣзной дорогѣ, но Долговъ дѣлаль свое дѣло такъ, что умѣль скрывать свои концы. Присяжные признали Долгова виновнымъ въ поддѣлкѣ механическимъ путемъ кредитныхъ билетовъ, но дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать мѣщанина Долгова въ каторжныя работы на заводахъ срокомъ на 5 лѣтъ. По выслушаніи резолюціи суда, Долговъ заплакаль. Предавшій суду Долгова—Ястребовъ получилъ денежное вознагражденіе отъ полиціи.

При слушаніи этого дѣла, зало суда было переполнено раскольниками разныхъ сектъ, званія и положенія: тутъ были и австрійскіе попы, и уставщики, начетники и наставники безпоповства, хорошо знавшіе Долгова одни, какъ уставщика въ

ихъ молеельнѣ, другіе, какъ начетника старопечатныхъ книгъ и иконописца.

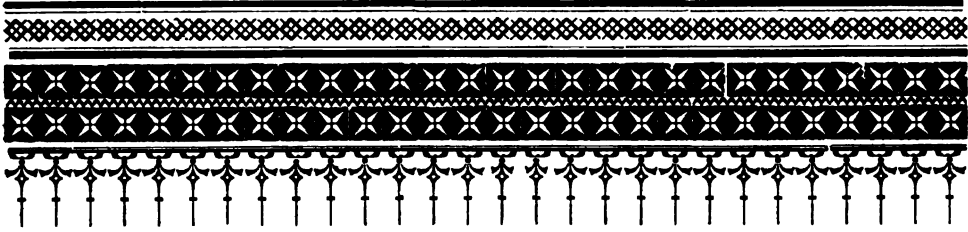
Для насъ въ этомъ дѣлѣ особенно важно то обстоятельство, что подсудимый—старообрядецъ и ревнитель одной изъ сектъ раскола. Раскольники, какъ извѣстно, никогда не сознаются, что въ ихъ средѣ существуетъ очень много ловкихъ мошенниковъ, надувающихъ простой темный народъ подъ видомъ благочестія. „По нашей святой вѣрѣ,—говорять они,—всѣ живутъ хорошо и богобоязненно: Богу молятся истово, правило христіанское исполняютъ безъ опущенія; нѣтъ у насъ ни воровъ, ни мошенниковъ,—всѣ живутъ, какъ истые христіане, а у васъ? И воры, и безбожники, и разбойники всякіе ходять въ церковь и вмѣстѣ молятся Богу.“ Старообрядцы не вѣрятъ исторіи раскола, которая совершенно говоритъ противъ и представляетъ массу фактовъ, когда разные бродяги, мошенники, и даже государственные преступники укрывались въ средѣ раскольниковъ, особенно въ такихъ мѣстахъ, каковы: Вятка, Стародубье, Керженецъ, Иргизъ, Преображенское кладбище и др. Все это, исторически засвидѣтельствованное, раскольники считаютъ вымысломъ, намѣренной ложью очернить и оклеветать старообрядцевъ въ глазахъ постороннихъ лицъ. Такъ вотъ имъ и свѣжій фактъ: дѣло Долгова, государственнаго преступника, обвиненнаго въ непрошенномъ пособничествѣ государственному монетному двору, бывшаго Саратовскаго мѣщанина, австрійца-неокружника по убѣжденію и уставщика въ своей молеельнѣ. Что могутъ противъ этого сказать наши мнимые старообрядцы? Преступникъ, злой грабитель Долговъ былъ истовый старообрядецъ. Въ молеельню онъ ходилъ за каждую службу каждый праздникъ, одѣвался въ халатъ и поддевку, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, выкладывалъ большіе кресты и спорилъ, „объ аллилуіи“, „о хожденіи по солонь“ и пр.; православную церковь ругалъ всячески, обвиняя ее въ разныхъ ересьяхъ и новшествахъ. Объ окружномъ посланіи Долговъ говорилъ такъ: „Сжечь его, проклятое, да и сочинителей вмѣстѣ съ нимъ“. Интересно знать, какъ-же думалъ Долговъ о своемъ преступленіи? Какъ мирилъ онъ одно съ другимъ? Сознавалъ-ли онъ, сколько производитъ плача, отчаянія въ людяхъ, которыхъ успѣлъ обмануть посредствомъ

своихъ фальшивыхъ кредитокъ? Ужели „двоперстїе“, „аллилуїю“ и пр. онъ ставилъ выше своего мошенства? Ужели всѣ эти долгїя его молитвы, его распѣванїе въ молельняхъ на клиросѣ и съ лѣстовкою, успокаивали его совѣсть и не тревожили за тотъ преступный промыселъ, который онъ велъ, подъ личиною набожности, на ряду съ отстаиванїемъ раскольничьихъ догматовъ?..

Долговъ, какъ показало слѣдствїе на судѣ, послѣдніе три года совершенно бросилъ иконописное ремесло и жилъ свободно, безъ всякаго труда, занимаясь исключительно поддѣлкою фальшивыхъ рублей. Куда-же спускалъ онъ это свое произведение? Кромѣ Саратова, Долговъ спускалъ свои деньги въ уѣздъ— по селамъ, вслѣдствїе чего полиція, давно знавшая о его преступной работѣ, и слѣдила за нимъ на пристаняхъ около пароходовъ. Разъѣзжая по губерніи по своимъ служебнымъ дѣламъ, мы лично не разъ сталкивались съ нимъ въ уѣздѣ, преимущественно въ такихъ селенїяхъ, гдѣ расколъ свилъ себѣ гнѣздо и живетъ во всю ширь и свободу. Видѣлъ его я въ Хвалынскѣ, Сосновой-Мазѣ, Дубовкѣ, Золотомъ и другихъ мѣстахъ. Значить, раскольникъ Долговъ старался сбывать товаръ въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ проживаютъ его собратїя, такіе-же раскольники, какъ и самъ онъ.

Вотъ и смотрите на раскольниковъ съ благочестивой стороны! Люди, молъ, Богу молятся по старымъ книгамъ, живутъ себѣ тихо, спокойно, даже трезво, а выходитъ, что въ тихомъ-то озерѣ и водятся чертенята, да еще какіе?!

XVIII.

Раскольничій архіерей на коюшкѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1884 года намъ пришлось проѣзжать по рѣкѣ Волгѣ отъ Хвалынска до Саратова. Въ Хвалынскѣ, вмѣстѣ со мною сѣлъ на пароходъ раскольничій архіерей Амвросій или, какъ онъ значится по своему паспорту, крестьянинъ Самарской губерніи, Николаевского уѣзда, деревни Ивантѣвки Александръ Герасимовъ Герасковъ, живущій около гор. Хвалынска, на Черемшанѣ, и теперь ѣхавшій для обозрѣнія по епархіи. Амвросія сопровождали два мужика, изображавшіе при немъ одинъ—его личнаго секретаря, а другой—протодьякона. Первый былъ іеродьякъ Израиль, а второй—дьяконъ Хвалынской молельни Иванъ Харламповъ Соболевъ. Взявъ себѣ билеты въ III-й классъ, они вышли на палубу и сѣли на лавочку въ сторонѣ отъ прочихъ пассажировъ. На всѣхъ троихъ были длинные халаты и фуражки на головѣ. Амвросій представлялъ собою

дряхлаго, сгорбленнаго старика лѣтъ около 70, съ сѣдой бородой, а спутники, его — молодые рослые мужчины, каждому не болѣе 30 лѣтъ.

Всѣхъ ихъ я хорошо зналъ и, замѣтивши ихъ, я подошелъ и поздоровался съ ними, пожавши всѣмъ троицъ руки.

— Далеко-ли, отцы, держите путь?—спросилъ я.

— Ёдемъ по своей епархіи; обозрѣвать хотимъ, гдѣ что и какъ дѣлается,—отвѣтилъ секретарь Амвросія.

— Откуда-же начинаете свой объѣздъ и обозрѣніе?

— Теперь катимъ въ Волскъ, потомъ въ Саратовъ, будемъ и такъ вплоть до Астрахани. Изъ Астрахани начнемъ съ Балакова и—до Симбирска.

— Большая-же у васъ епархія-то...

— Большая: цѣлыхъ 4 губерніи связаны въ одно. Не въ силу она владыкъ-то нашему, да что подѣлаешь съ нашимъ высшимъ начальствомъ въ Москвѣ, — не хотятъ уменьшить епархію.

— Амвросій слушалъ и молчалъ.

— Служить будете въ мѣстахъ своего обозрѣнія?

— Какъ-же! Служба [во первыхъ, а тамъ будутъ разныя дѣла: гдѣ придется попа поставить; гдѣ—дьякона, а гдѣ и посудить того и другого. Дѣловъ будетъ много,—ораторствовалъ секретарь.

— Вѣроятно, для торжественности службы везете съ собою протодьякона-то? — кивнувъ головой, указаль я на Соболева.

— Нельзя; нужно и это. Въ иныхъ мѣстахъ наши-то сроду не видали архіерейской службы, такъ нужно будетъ показать имъ это.

— А изучили вы порядокъ-то архіерейской службы? Раньше у васъ было?...

— Иванъ Харлампычъ отлично знаетъ все теперь. Нарочно присматривался въ соборахъ, около вашихъ архіереевъ и въ Самарѣ, и Саратовѣ, и др. мѣстахъ. Теперь знаетъ, когда со борную мантию надѣтъ, какъ облачить архіерея и все досконально...

Я перевелъ разговоръ на другую тему. Заговорилъ я о незаконности отдѣленія старообрядцевъ отъ православной церкви, принятіе ими въ свое общество грека, митрополита Амвросія и далѣе.

— Объ этомъ, милый другъ, мы бесѣдовать съ тобою не станемъ; ты идешь своей дорогой, мы—своей. Твоя вѣра хороша и наша не плохая.

— Каждый, въ чемъ родился, въ томъ исповѣданіи и умереть долженъ,—замѣтилъ, въ свою очередь, протодьяконъ.

Амвросій, видя, что разговоръ принялъ другой оборотъ, отвернулся, закутался въ халатъ, положилъ себѣ подъ голову какой-то мѣшечекъ и, вытянувшись вдоль лавки, захрапѣлъ безмятежнымъ сномъ.

— Владыка-то вашъ хорошо теперь служить? Привыкъ къ архіерейству?

— Нѣтъ еще; плоховато. Не памятливъ больно: выдетъ со свѣчами-то, да и забудетъ, какія слова нужно при этомъ говорить. Старикъ; не скоро втолкуешь ему, что нужно по архіерейски-то...

Пріѣхали въ Вольскъ. Пароходъ присталъ къ пристани, съ шумомъ рванулись пассажиры на берегъ, толкая другъ друга на пути. Амвросій, разбуженный Израилемъ, взялъ свою котомочку подъ мышки и вышелъ на дебаркадеръ. Здѣсь ждали его попы, уставщики, попечители молельни и много раскольниковъ. Амвросій снялъ картузь и сталъ раскланиваться со всѣми, пожимая всѣмъ руки. Сойдя на берегъ, онъ сѣлъ въ указанный ему фаятонъ и покатилъ въ роскошный домъ вольскаго богача Меркурьева.

Въ слѣдующее воскресенье Амвросій служилъ литургію, при участіи 2-хъ своихъ спутниковъ, двухъ мѣстныхъ поповъ—Григорія и Александра, и при большомъ стеченіи богомольцевъ, какъ вольскихъ жителей, такъ и пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ селеній. Амвросій путался, забывалъ, что и гдѣ говорить нужно; вслѣдствіе чего привезенный имъ протодьяконъ находился неотлучно при его особѣ, подсказывалъ ему, что нужно, поворачивалъ его особу, куда слѣдуетъ и репетировалъ своими руками, какъ должно благословлять народъ свѣчами. Выходило у Амвросія угловато, и только протодья-

конь его ревѣлъ своимъ басистымъ голосомъ. Смѣшонъ былъ Амвросій, бывшій ямщикъ въ Ивантѣевѣ, въ соборной мантии и митрѣ съ облаченіемъ. Не мало путались и не знали, что дѣлать, и служившіе съ нимъ вольскіе попы.

Литургія служилась съ 6 час. утра и до 12 по полудни. Послѣ службы купецъ Меркурьевъ пригласилъ къ себѣ въ домъ многихъ купцовъ и купчихъ своего общества на чай и закуску.

Собрались; положили 3 поклона предъ образомъ и посѣлись за чайный столъ. Амвросію и его спутникамъ предложены Меркурьевымъ первыя мѣста за столомъ.

Пауза.

— Устали, я думаю, владыко святыи? — проговорила хозяйка дома, разливая чай въ стаканы и чашки.

— Утомился-таки порядкомъ. Да еще ризы-то больно тяжелыя, жесткія—коль-коломъ! Инда никакъ не-скомкаешь ее... — проговорилъ Амвросій.

— Ризы я спилъ прекрасныя, — вставилъ Меркурьевъ, сидя около Амвросія.

— Дорого, чать, платилъ?

— Дорогонько, владыко.

— А зря все это. Нужно-бы дешевле, оно и служить-то было бы легче. Вонъ преподобный Сергій въ крашенинныхъ дѣйствовалъ...

— Тогда, владыко святыи, время другое было, — вставилъ свое слово секретарь его.

Купчиха подала Амвросію стаканъ съ чаемъ.

— Я, тово, чай не пью; водицы съ медкомъ... ничего еще, — отклонилъ Амвросій отъ себя стаканъ съ чаемъ.

— Чай не грѣшно пить, владыко, — замѣтила хозяйка.

— Николи не пилъ эту жидкость. У насъ всегда въ деревнѣ, бывало, завтракъ: щи, каша, лукъ съ квасомъ или картошка; вотъ оно и тово... на нутрѣ-то и покойно. А чай... пустота одна!

— Кушайте, владыко! — пригласила Амвросія разфранченнаа хозяйка, подавъ ему стаканъ съ горячей водой и придвинувъ со стола разныя вазы съ вареньемъ.

Амвросій взялъ стаканъ, налилъ изъ него въ блюдечко и сталъ дуть на воду, чтобы остудить ее.

— Теперь, вотъ, нутро свое горячей водой окачиваемъ, а на томъ свѣтѣ станутъ снаружи обливать грѣшниковъ, замѣтилъ Амвросій.

— Сказано, владыко, что грѣшники будутъ мучиться въ огнѣ геенскомъ,—возразилъ Меркурьевъ.

— А въ жупелѣ-то? Въ огнѣ и жупелѣ смердящемъ; такъ показано въ писаніи... авторитетно заявилъ владыка.

— Да что же „жупель-то“ значитъ?

— Вотъ это и есть вода горячая, смрадная, тухлая... Это такъ. Писанье такъ толкуеть о жупелѣ.

Меркурьевъ замолчалъ. Молчали и гости. Амвросій взялъ въ обѣ руки блюдечко съ горячей водой и сталъ фыркать, отпивая изъ него.

— Хорошо торгуешь въ лавкѣ-то?—обратился онъ къ Меркурьеву, послѣ выпитаго стакана.

— Бога гнѣвить нечего, владыко; торговля у насъ идетъ бойко и хорошо.

— Чать, обманываешь народъ-то?

— Всяко бываетъ, владыко. Не обойдешься и безъ сего грѣха; такъ стоитъ торговля...—откровенно сказалъ Меркурьевъ.

— Я хорошо знаю это, бывало, коли я держалъ у себя ямщину въ деревнѣ, такъ тоже противъ такціи-то слупишь съ иного проѣзжаго полтину, али больше...

— Тоже, владыко, не всегда поди, приводилось это,—вмѣшался въ разговоръ Израиль.

— Вѣстимо дѣло. Какой налетитъ проѣзжій. Иной такой сквалыжникъ явится, что всякую копѣйку выложить ребромъ. Ну, такого-то и мы везли кое-какъ: гдѣ шагомъ, а то слегка рысцой...

Разговоръ оборвался; Меркурьевъ не хотѣлъ поддерживать о содержаніи въ былое время Амвросіемъ ямщины; молчали и другіе купцы.

Модныя же купчихи морщились отъ этого разговора.

— Лошадей имѣешь, чать?—снова спросилъ Амвросій Меркурьева.

— Имѣю.

— И коровъ поди!

— И это есть.

— У меня хорошія были лошади. Бывало, какъ звизда-нешь по всемъ трѣмъ, присвистнешь этакъ въ три пальца, и понесутъ тебя съ сѣдокомъ, что голова инда кружится. Я любилъ шибко ѣздить,—пояснилъ Амвросій.—Сядешь на облучекъ, и вали, какъ вихрь въ полѣ.

— А гдѣ покупалъ ты лошадей-то?—подумавъ, спросилъ Амвросій.

— Гдѣ придется... Больше по случаю; у своего же брата...

— Нѣтъ, я покупалъ завсегда киргизскихъ, калмыцкихъ— вотъ лошади-то: башку оторвутъ! Былъ у меня, гнѣздышка, жеребчикомъ, купилъ я его, а потомъ вылегчилъ, такъ шибко бѣгалъ, такъ скакалъ, анафема, что завсегда съ нимъ безъ кнута. А вотъ, вороной былъ, тотъ ни-ни безъ кнута!

Меркурьевъ хмурился отъ этого разговора своего владыки и молчалъ; модно разодѣтыя купчихи улыбались и шептали между собою. Меркурьевъ, какъ религіозный человѣкъ, ждалъ отъ Амвросія другой бесѣды,—бесѣды душевспасительной, назидательной, но никакъ ни о лошадяхъ, ни о коровахъ, о которыхъ онъ привыкъ говорить только съ своими кучерами, дворниками.

Амвросій выпилъ три стакана воды, перевернулъ стаканъ на блюдцѣ верхъ дномъ и отодвинулъ.

— Спаси Христось за угощенье, голубушка!—сказалъ онъ по адресу хозяйки дома,—и вышелъ изъ-за стола.

— Вы, тово, сидите себѣ, а я пройдуь малость.—Засуетившіеся гости и хозяинъ дома снова сѣли и продолжали чаепитіе.

Амвросій вышелъ на дворъ.

— Видно, владыка-то мало начитанъ,—сказалъ Меркурьевъ, обратясь къ Израилю.— О вѣрѣ-то онъ не больно толкуеть; все о скотинѣ наводитъ справки.

— Да, писанье онъ совсѣмъ мало знаетъ, — сознался его секретарь.

— При какомъ дѣлѣ находился, про то и рѣчь свою держать,—вставилъ со стороны купецъ.

— Разумѣтся, чего не знаетъ, о томъ и говорить не станеть,—поддакнулъ другой.

— Зачѣмъ же такого-то выбрали въ архіереи?—полюбопытствовала хозяйка дома.

— Въ Москвѣ такъ это сдѣлали, по жребію вышель...—пояснилъ Израиль.

— Вѣдь отъ насъ тогда Парфеновъ ѣздилъ; чего же онъ смотрѣлъ тамъ?—тараторила хозяйка, сидя въ кругу своихъ женщинъ.

— Одинъ въ полѣ не воинъ, Настасья Потапьевна,—сказалъ купчина.—Рѣшили всѣмъ обществомъ провести въ архіереи, такъ тутъ сколько ни распинайся одинъ-то... Это все равно, какъ у насъ въ городской управѣ... Захочемъ когда что сдѣлать, такъ другой тутъ что ни говори, его никогда ни послушаютъ.

Между тѣмъ Амвросій ходилъ по двору и осматривалъ всѣ постройки богатаго купца. Обойдя всѣ другія мѣста, онъ завернулъ въ конюшню и съ достоинствомъ знатока похвалилъ и похлопалъ любимое хозяйское сытое животное „Воронка“, на которомъ онъ только пріѣхалъ изъ молельни и каковыхъ онъ самъ любилъ держать въ былое время и ѣздить на нихъ. Прежняя страсть къ хорошимъ лошадямъ, любовь ухорски прокатиться на нихъ въ немъ еще не угасла, не заглохла, хотя съ поповствомъ и архіерействомъ прошло уже не мало времени, какъ прежній заливчатскій ямщикъ Александръ Герасковъ или, какъ его звали мужики,—„Сашка Гераскинъ“, сталъ именоваться, сначала „священно-іереемъ“, а потомъ смиреннѣйшимъ владыкою Амвросіемъ, вмѣсто кнута взялъ въ руки архіерейскій посохъ и вмѣсто барашковой шапки покрылъ свои сѣдые волосы богатой съ камнями митрой. Изъ конюшни Амвросій завернулъ въ кухню, перекинулся нѣсколькими словами съ кухаркой и дворникомъ, а затѣмъ рѣшилъ по своему смиренству: „пока, молъ, тамъ пьютъ чай-то, я сосну маленько“. Тотчасъ онъ снялъ съ себя халатъ, влѣзъ на печку, такъ манящую его своей теплотой, и захрапѣлъ во всѣ носовыя завертки.

Прислуга дивилась, шепталась и смѣялась, толкуя про Амвросія, безмятежно почивающаго себѣ на горячѣй печкѣ и отвистывающаго на всю кухню.

Чай окончился. Накрыли на столъ. Ждутъ со двора Амвросія, чтобы благословить трапезу и начать обѣдать, но его не было.

— Поди-ка, Ѳедоръ Митричъ, поищи владыку на дворѣ!— сказала купчиха.— Не ушолъ ли куда?

Меркурьевъ вышелъ на дворъ и сталъ отыскивать его, заглядывая во всѣ закоулки.

— Вы чево, ваше степенство?—спросилъ дворникъ.

— Не твое дѣло! Впрочемъ, не видалъ ли ты влад... Нѣтъ! Не то. Не проходилъ ли тутъ дворомъ кто-нибудь?

— Кому же тутъ проходить-то! Ворота у насъ всегда на запорѣ. Старикъ, этта, точно, даве проходилъ тутъ, былъ въ конюшнѣ, погладилъ лошадку...

— Какой старикъ? Гдѣ онъ?— не слушая, перебивалъ Меркурьевъ дворника.

— А тотъ самый мужичекъ, что давеча съ вами изволилъ прѣхать, въ длинномъ халатѣ...

— Говори, анаѳема,—гдѣ онъ?

— Онъ, ваше степенство, давно уже храпитъ на печкѣ, въ кухнѣ.

Меркурьевъ опреметью бросился въ кухню. Ему было и стыдно, и досадно за своего архіерея.—Ишь, куда запятился,—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.—Точно не могъ выдрыхнуть у меня въ кабинетѣ. Деревеньщина!

— Владыка! Вставайте!—тормошилъ онъ Амвросія за голову и плечи.

Амвросій проснулся.

— А я, прости Христа ради, уснулъ; спину погрѣтъ захотѣлось малость, да и всхрапнулъ,—проговорилъ Амвросій, слѣзая съ печки.

Едва успѣлъ Амвросій надѣтъ на себя халатъ, какъ Меркурьевъ насильно потащилъ его съ собою въ комнаты. Здѣсь онъ далъ ему возможность умыться, расчесать свои волосы, а потомъ Амвросій, надѣвъ на свои плечи коротенькую мантию,

вродѣ пелеринки, кругленькую шапочку на голову, вышелъ въ зало.

На столѣ все было готово: кушанье подано, графины и бутылки разоткнуты, чтобы благословенье снисходило прямо на яство и питье, а не ударялось въ посуду...

Амвросій далъ возгласъ, пропѣли „Отче Нашъ“..., онъ благословилъ стоявшее на столѣ и сѣли по мѣстамъ.

— Я эту рыбу не буду, — выпалилъ Амвросій. Присутствующіе стали переглядываться. На столѣ лежала разварная стерлядь.

— Владыко! Это хорошая стерлядь, — сказалъ Меркурьевъ.

— Все равно. Ишь, какъ вы ее унавозили разнымъ снадобьемъ, даже не разберешь, что за яствие такое. Чать, кондукторъ улимонивалъ такъ. Хитрые еретики!

— Чего же вамъ, владыко?—спросила хозяйка, кусая съ досады свои губки.

— Мнѣ, хозяйшка, ты дай кваску, да рѣдечки съ хрѣнкомъ, вотъ я и напитаю свое чрево. А эти ваши причандалы мнѣ не въ скусѣ. Намеднись, въ Хвалынскѣ, меня этакъ-то накормили такой [ѣдой, такъ я насилу вылтѣзъ изъ стола-то: бурчить тебѣ въ животѣ, точно поросенокъ залѣзъ туда и хрюкаетъ.

Амвросію подали особое блюдо; гости принялись за рыбу. Всѣ были крѣпко недовольны Амвросіемъ и сидѣли молча.

— А вотъ, когда я былъ попомъ у себя въ Антѣевкѣ, такъ я только и ѣлъ одинъ коровій студень съ коноплянымъ масломъ. Хорошо! Особливо подбавить горчицы. Щи тоже; всегда съ чеснокомъ!

Купчихи не выдержали и фыркнули со смѣха.

— Вы, владыко, теперь служите архіереемъ, бываете у насъ въ домахъ, вамъ нужно привыкать и къ нашимъ кушаньямъ,—резонно, но съ досадою проговорилъ Меркурьевъ.

— Ну, я, милый человекъ, ломать себя не буду; къ чему привыкъ, то и буду ѣсть. А съ вашей иноземщиной у меня все нутро выворачиваетъ.

Меркурьевъ окончательно разочаровался въ архіерея и не зналъ, какъ выпроводить его отъ себя поскорѣй. Онъ злился

и досадовалъ на жену, что кушанья подаются медленно и обѣдъ затягивается.

Кончился обѣдъ. По возгласѣ Амвросія пропѣли „Достойно есть“... затѣмъ тропарь: „Спаси Господи и помилуй рабовъ Божіихъ Ѳедора и Настасію, съ чадами и домочадцами ихъ“, сопровождавшіеся 12 поклонами въ поясъ.

— Спаси Христось, хозяйнѣ и хозяйюшка, за щи и кашу, за милость вашу, — проговорилъ Амвросій, кланаясь Меркурьеву съ женою.

Всѣ направились въ кабинетъ.

— Ну, какъ господа обчественники, идутъ у васъ здѣсь дѣла по церкви? — спросилъ Амвросій, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ.

— Дѣла у насъ идутъ хорошо, — отвѣтилъ Меркурьевъ.

— Ладно-ли живете съ своими духовными отцами? Не творять-ли они здѣсь какихъ дѣловъ суетныхъ?..

— Отцами мы благодарны, — вставилъ со стороны купецъ.

— Вотъ и хорошо этакъ-то. Живите себѣ въ мірѣ, да согласіи, это больно гоже. Я когда былъ попомъ въ Антѣевкѣ, такъ у меня былъ попечителемъ молельни Васька Лѣшій, этакій аспидъ былъ, этакій ворогъ, такъ и наровить, бывало, учинить мнѣ какую-либо пакость. И чего только не проказилъ онъ! То обчеству помутить на меня, то ризы хорошія припрятеть и не даетъ ихъ въ праздникъ-то.... Много, подлець, проказилъ.

— Мы, владыко, не такіе, какъ вашъ Лѣшій какой-то, — отвѣтилъ Меркурьевъ.

— Конечно не такіе: тотъ крестьянинъ былъ, а вы купцы.

— По статьямъ-то выходитъ, Израиль, что намъ нужно направлять свои лыжи дальше, — обратился Амвросій къ своему секретарю.

— Нужно ѣхать, владыко святыи, коли такъ обстоитъ дѣло.

— Собирай-ко пожитки наши и укладывайся, — распорядился Амвросій.

Меркурьевъ не удерживалъ болѣе Амвросія; ему, дѣйстви-тельно, хотѣлось поскорѣе выпроводить его отъ себя и успокоиться отъ волненій.

Израиль собралъ свои узелки и сумочки и доложилъ Амросію, что все готово къ отъѣзду.

— Теперь давайте малость посидимъ и Богу помолимся,— сказалъ Амвросій.

Посидѣли молча около минуты; встали и начали класть предъ образами семипоклонный началъ. Затѣмъ присутствующіе одинъ за другимъ стали подходить къ Амвросію за благословеніемъ. Обрядъ этотъ продолжался долго: нужно было сначала поклониться въ ноги Амвросію, затѣмъ выслушать его не торопливое благословеніе, поцѣловать его руку, правое плечо и потомъ снова поклониться въ землю. Когда благословеніе присутствующихъ окончилось, Меркурьевъ вынулъ изъ кармана, бумажникъ съ деньгами и сталъ одѣлять Амвросія съ спутниками, причемъ первому далъ 10 руб., а секретарю съ протодьякономъ по 25 руб. каждому. Сытый „Воронокъ“ Меркурьева быстро помчалъ Амвросія на пароходную пристань; никто изъ присутствующимъ не поѣхалъ съ нимъ и провожать его.

— Ну, архіерея добились мы, — говорилъ Меркурьевъ по его отъѣздѣ.

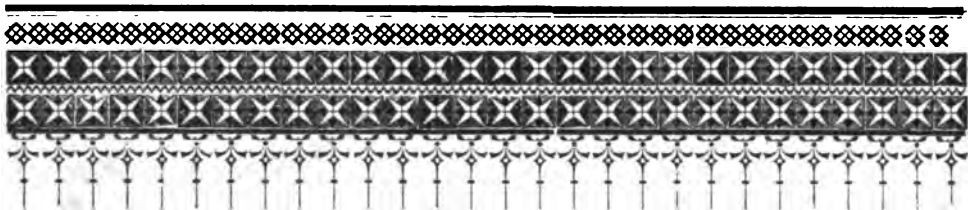
— Мужикъ неотесанный! — брезгливо замѣтила его жена.

— Ничего-то божественнаго, да книжнаго въ немъ нѣтъ; однѣ лошади на умѣ! — поддакнулъ купецъ изъ присутствующихъ.

И долго, еще разсуждало купечество о своемъ архіереѣ, находя его и мужиковатымъ, и малограмотнымъ, словомъ, со всѣми недостатками, по которымъ онъ не долженъ быть архіереемъ. А между тѣмъ Амвросій, сѣвъ на пароходъ, катилъ далѣе, по обозрѣнію своей епархіи. Онъ дѣлалъ свое дѣло, на которое поставили его московскіе воротилы по доставшемуся ему жеребью.

XIX.

Проповѣдь наставника о турнюрахъ.

Пасха. Молельня раскольниковъ „водяниковъ“ полна богомольцевъ — стариковъ и молодыхъ людей обоего пола. Заправительница этой секты, купчиха Агафья Горина торжествуетъ, видя большое собраніе своего общества. Рядомъ съ нею, наперсница ея, Наталья Фадѣевна, то и дѣло докладываетъ ей о разныхъ новостяхъ по моленной. Старуха, слушая докладъ наперсницы, чмокаетъ губами и шепчетъ „Исусову“ молитву, перебирая въ тоже время бубенчики своей бисерной лѣстовки.

Служба идетъ вначалѣ. Пасхальные часы поются на два „лика“, и пѣвцы, задравъ кверху головы, усердствуютъ, стараясь перекричать одинъ другого. Наставникъ, совершая кажденіе ручной кадильницей, напустилъ цѣлыя облака дыму, въ которомъ молящіеся едва видны. Они поминутно чихаютъ и кашляютъ. Вдругъ въ разгарѣ службы, съ верхняго яруса иконостаста упала икона и раскололась на двѣ половины. При паденіи она задѣла другія иконы, изъ коихъ нѣкоторыя также попадали.

Служба на нѣсколько минутъ прервалась; богомольцы кинулись къ разбитымъ осколкамъ иконы и стали вести разсужденія, отчего, какъ и почему это случилось. Наставникъ мрачно смотрѣлъ на шумѣвшую толпу и молчалъ. Ему пришла мысль воспользоваться этимъ случаемъ и высказать богомольцамъ все то, что не нравится ему въ ихъ жизни и что давно его мучаетъ и беспокоитъ.

Долго шумѣли и толковали раскольники надъ осколками разбившихся иконъ. Вдругъ, къ удивленію всѣхъ богомольцевъ, наставникъ повернулся лицомъ къ народу, кашлянулъ и, точно оракуль, заговорилъ рѣдко, отрывисто, съ остановками:

— Братіе!... Богъ наказываетъ васъ за вашу незаконную жизнь... Зачѣмъ вы ходите молиться съ отгорбученнымъ задомъ? Это не годится.... Не хорошо, братцы.... Подушки что-ли зашиваете вы подъ платья-то, да дѣлаете себѣ точно сѣдло какое.... Бросьте всю эту окаянную одежду. Мы въ деревнѣ ничего этого поганскаго не носимъ, а соблюдаемъ себя, какъ христіане: бабѣ ходитъ въ сарафанчикахъ, а мужики — въ халатикахъ. А вы, пареньки, стойте въ моленной починнѣ, смотрите на святые иконы, а на дѣвокъ-то глаза лупить грѣшно... Тутъ, поди, не „липки“ и не вокзалъ. И вамъ; дѣвчонки, очи-то нужно долу держать, а не бороться по сторонамъ. Подушки или еще что у васъ навѣрено — бросьте. Вотъ и святые иконы тогда будутъ стоять на своемъ мѣстѣ, а не падать на полъ.... А то онѣ и смотрѣть-то не хотятъ на васъ. Ну, будетъ... Пой, Михайла, дальше! — обратился онъ къ уставщику.

Михайла запѣлъ, и прерванная служба пошла своимъ чередомъ.

Рѣчь наставника произвела на слушателей сильное, но обратное впечатлѣніе.

Большинство раскольниковъ рѣшило, что наставникъ вмѣшивается не въ свое дѣло.

Служба идетъ, а богомольцы стоятъ и шепчутся между собою, осуждая наставника и комментируя сказанную имъ проповѣдь.

— Онъ изъ книгъ излагаетъ намъ поученіе-то, а не свою собственность пушай, — трактовали обиженные мужья и отцы.

— Конечно, къ чему повелъ разсужденіе о бабихъ тур-
нюрахъ? Развѣ это касается до него? Что-бы ни было тамъ у
нихъ....

Кончилась служба, и богомольцы толпой обступили своего
проповѣдника, требуя отъ него отчета въ произнесенной рѣчи.
Мужчинъ поддерживали женщины; парни и дѣвицы вышли
на дворъ.

— Говори, въ какой книгѣ ты вычиталъ о бабихъ наря-
дахъ?

— Покажи! Покажи статью!

— Ты учи насъ по божественному писанію, а не свои
сказки предлагай. Мы понимаемъ, вѣдь...

— Что молчишь, отецъ? Видно присохъ языкъ-то?

— Я, старики, сказалъ вамъ про христіанство, какъ его
долѣетъ соблюдать,—оправдывался наставникъ.

— Развѣ мы язычники, что ты толкуешь намъ о христіан-
ствѣ!

— Мы не хуже тебя знаемъ христіанство-то! А ты лучше
самъ-то поучись въ книгахъ, да подтверже читай евангеліе...

— Это вѣрно! Намедни читалъ евангеліе на часахъ: „Рече
Господь притчу сію; человекъ нѣкій угобзи себѣ ниву...“ а
онъ взялъ, да въ словѣ „угобзи“ и поставилъ свою букву
„нашъ“. Вѣдь, этимъ онъ искажилъ Божіе слово и надругался.
А онъ это часто дѣлаетъ. Напримѣръ: „и сударь свить положи
на главу его...“, а онъ читаетъ намъ „сударь“. Страшное дѣло,
старики. Это посмѣяніе Божію писанію.

— Истинно такъ!

— Отставить его отъ евангелія: пусть читаетъ другой...

— Его беззаконіе и къ намъ пристанетъ, потому мы слу-
шаемъ его...

Наставникъ, видя, что дѣло приняло серьезный оборотъ,
испугался, задрожалъ и ринулся пластомъ на землю.

— Простите, Христа ради, старики!— слезно проговорилъ
наставникъ.

— Сознался!

— Прощенья просить! А будешь еще пускать словесность
передъ нами?

— Во вѣки вѣковъ не стану дѣлать этого, старики!—
клялся наставникъ.

— То-то! Мы, вѣдь, сами съ мозгомъ и понимаемъ, что
дѣлаемъ въ моленной. Выбрали тебя наставникомъ, такъ ты
служи намъ во всемъ, а не въ контру держи, — наставительно
говорилъ старикъ-купецъ.

— Ну, Богъ тебя проститъ, — говорили старики.

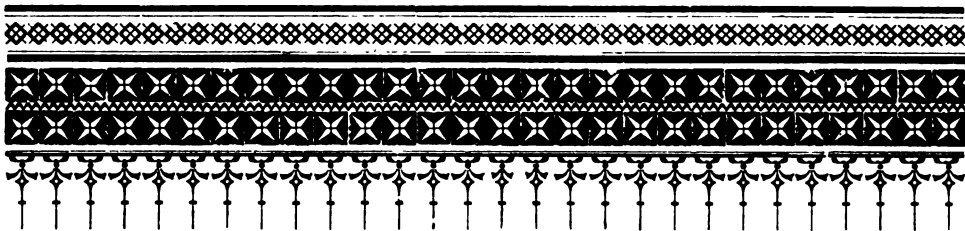
— Вставай, отецъ! Миръ прощаетъ тебя.

— Прощаемъ! Прощаемъ! — кричали богомольцы.

Вскорѣ моленная опустѣла.

— И дернуло-же меня сказать имъ, оглашеннымъ, эту
проповѣдь! Думалъ, какъ у себя въ деревнѣ, бывало; анъ,
вышло, что народъ здѣсь точно рѣпцы въ полѣ: такъ и при-
стаютъ къ словамъ. Ну, христiane... — разсуждалъ самъ съ
собою наставникъ, сидя въ своей молельнѣ.

XX.

Проклятое табако-куренье.

ь юнѣ мѣсяцѣ 1879 года, въ громаднѣйшемъ селеніи Аткарскаго уѣзда, слободѣ Баланда, у раскольниковъ австрійской секты, умеръ попъ ихъ, крестьянинъ П. А. Свистуновъ. Смерть его произошла отъ сильнаго употребленія горячихъ напитковъ. Для ревнителѣй стараго благочестія это былъ сильный конфузъ предъ посторонними людьми, которыхъ они считали погрѣшающими въ вѣрѣ, неправыми, а себя строгими послѣдователями благочестія и правой вѣры. Легко сказать, что древлеправославный священникъ опился и умеръ безъ всякаго христіанскаго напутствія, что и хоронить его, какъ священника и христіанина, старообрядцы находили почти невозможнымъ. Стыдъ предъ другими старообрядцами, не пріемлющими этого священства, позоръ и безчестіе предъ никоніанами - еретиками, по ихъ мнѣнію, и за пастырями которыхъ они привыкли слѣдить и отыскивать въ ихъ жизни одно только худое и темное, выставляя въ то же время себя и своихъ пастырей образцомъ благочестія и строго христіанской жизни, людьми праведными предъ Богомъ и за-живо святыми. И вдругъ... такой неожиданный случай! Какими, послѣ этого,

смотря глазами на презираемых и поносимых ими доселѣ людей, о которыхъ они, истинные ревнители древлеотеческаго благочестія не могли и говорить спокойно, безъ отвращенія, и мѣсто которымъ они заранѣе, давнымъ давно опредѣлили во адѣ и въ когтяхъ у самого сатанила. А тутъ, какъ нарочно, къ большому еще огорченію старообрядцевъ, одинъ изъ читающихъ надъ гробомъ покойника, отыскивая ладонь, наткнулся въ кабинетѣ умершаго о. Павла на цѣлую пачку папирось, да не простыхъ, а крученыхъ и, кромѣ того, о ужасъ!—рядомъ съ ними нашель еще связку сигаръ и листового табаку. Господи Ісусе! Проклятое зелье и вдругъ въ домѣ древлеправославнаго священника. Объяснить присутствіе въ домѣ листового табаку, конечно, можно еще было тѣмъ, что онъ, кромѣ прямо-грѣховнаго своего назначенія, служить еще для перекладки теплаго платья, въ сбереженіе на лѣтнее время отъ моли; но появленіе сигаръ и папирось неотвратимо свидѣтельствовало, что самъ о. Павелъ употреблялъ это приклятое зелье. Собиралися на молитву, принимали отъ него благословеніе, таинства, и все это отъ руки табачника или, выражаясь ихъ языкомъ, отъ руки „табакопійца“. Оскверненіе! Что тутъ дѣлать? Положеніе критическое, печаль и горе невыразимое. Телеграфировали въ Хвалынскъ къ своему епископу Амвросію съ подробнѣйшимъ объясненіемъ, что „такъ и такъ, молъ, ваше преосвященство, бѣда не малая случилась въ Богоспасаемомъ селѣ Баландѣ и въ уставахъ церкви доселѣ еще непредвидѣнная и необъясненная: молимъ и просимъ-де вашу святыню объяснить и разрѣшить намъ недоумѣніе наше, какъ поступить намъ съ священникомъ, умершимъ безъ покаянія и при явныхъ доказательствахъ его тайнаго беззаконія, объявившагося по его смерти въ табако-курении и пр. Отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать; велемудрый руководитель епископа Амвросія — Лукичевъ, Сидоръ Филаретовъ, сообразивъ всю серьезность дѣла и могущія произойти изъ-за этого въ старообрядчествѣ печальныя послѣдствія, предписалъ похоронить умершаго Павла Акимова со всею, подобающею ему честию, какъ священника, по христіанскому обряду. Для исполненія этого предписанія во всей его буквальной точности посланъ былъ изъ Саратова протоіерей и благочинный Иванъ

Тимофѣвичъ Тумаковъ, который, при участіи другого попа Григорія Макарова, дьякона Павла Яковлева Комарова и похоронилъ его съ подобающей его сану почестью и въ то же время именемъ своего владыки архипастыря очистилъ баландинскихъ старообрядцевъ отъ всякой заразы грѣхопаденія, перешедшей на нихъ отъ умершаго о. Павла. Но этимъ распоряженіемъ своего епархіального епископа многіе изъ старообрядцевъ остались крайне недовольны и стали говорить о покойникѣ болѣе чѣмъ неодобрительно, вполнѣ разоблачая его жизнь.

Біографія Павла является въ такомъ видѣ: сынъ бѣдныхъ родителей, придерживавшихся старообрядчества, онъ долгое время занимался цыганскимъ ремесломъ: скупалъ и продавалъ плохихъ лошадей за хорошихъ. Затѣмъ, сблизившись съ главными Саратовскими коноводами, онъ благодаря своему смазливенькому личику, сдѣлался домашнимъ уставщикомъ богатыхъ Саратовскихъ купчихъ, читалъ имъ разные каноны и акафисты „во дни и полунощи“. Впослѣдствіи, съ помощью этихъ же самыхъ купчихъ, столповъ древяго благочестія, онъ произведенъ былъ въ попу, нынѣ уже умершимъ, лже-епископомъ Афанасіемъ. Баландинцы полюбили о. Павла, и онъ зажилъ себѣ на славу. Въ короткое время онъ построилъ себѣ хорошенькій домикъ, купилъ садъ, пустился въ коммерцію; но тутъ нашлись враги и недоброжелатели, стали обирать его, о. Павла, и онъ вынужденнымъ нашелся прекратить свою торговлю и посвятить себя прямымъ своимъ обязанностямъ по приходу. Тутъ у него умерла жена, и о. Павелъ перемѣнился. Съ горя шибко онъ запилъ, кутилъ безъ просыпу, забывая свою службу. Нерѣдко въ пьяномъ видѣ совершая обѣдню и др. таинства, онъ забывался и говорилъ не то, что слѣдуетъ, нагло и безцеремонно обращался съ дѣвицами и женщинами во время исповѣди ихъ, пускаясь съ ними въ разглагольствія, вовсе не идущія къ дѣлу.

Однажды о. Павелъ, исповѣдуя какую-то молодую женщину въ особой уединенной комнатѣ, какъ это принято у старообрядцевъ, пустился съ ней въ такую откровенность, что послѣдняя, видя свое критическое положеніе, принялась кричать, призывая къ себѣ на помощь. Явились на выручку исповѣд-

ницы и, такъ какъ дверь оказалась запертою извнутри, то пришлось ее выломать. За эту слишкомъ откровенную и продолжительную исповѣдь молодой замужней женщины въ запертой комнатѣ о. Павлу пришлось, однако, тяжело и поплатиться собою: мигомъ сорвана была епитрахиль, и на несчастнаго донъ-жуана градомъ посыпались одинъ за другимъ удары, наносимые ему кулаками дюжихъ древлеблагочестниковъ, во что попало; къ довершенію всего, онъ лишился денегъ, собранныхъ имъ за исповѣдь; мѣсяца два онъ пролежалъ въ постели и получилъ запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія „дондеже вразумится“, послѣдовавшее изъ Хвалынска отъ епископа вслѣдствіе донесенія и просьбы боголюбивой его паствы. Это послѣднее обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь о. Павла; половина его паствы, вскорѣ послѣ этого отдѣлившись отъ баландинскихъ старообрядцевъ, образовала изъ себя особый приходъ и хлопотала себѣ другого попа; а о. Павелъ принялся пить еще болѣе, пить безпросыпно. Для о. Павла это время—было время паденія его, его позора и бѣдствій.

Нерѣдко сами старообрядцы глумились надъ нимъ,—напаивали его до безобразія на своихъ вечеринкахъ.

Въ этомъ случаѣ достаточно привести слѣдующій фактъ, ярко характеризующій тѣ отношенія, какія установились въ это время между о. Павломъ и его богатою паствою. На вечеринкѣ, въ домѣ богача старообрядца, одинъ изъ древлеблагочестивыхъ купцовъ, сильно отуманенный винными парами, падаетъ о. Павлу въ ноги, прося его пастырскаго благословенія. Послѣдній, также еле-еле держась на ногахъ, бессмысленно хлопаетъ мутными глазами, будучи не въ состояніи поднять руку для правильнаго осѣненія его, по старообрядчески, большимъ крестомъ и высказать при этомъ извѣстную молитву.—„А, ты молчишь! У тебя языкъ отнялся! Стало быть, я понапрасну валялся у тебя въ ногахъ-то? и пр. пр., —проговорилъ разсерженный купецъ. И Павелъ порядкомъ былъ поколоченъ за это. Повторяю, это было жалкое и позорное время для о. Павла, и не попадись только онъ послѣ этого въ крѣпкіе когти одной изъ великихъ молитвенницъ за древле-

спасаемыя души, раскольничьей матушкѣ, онъ, вѣроятно, со-всѣмъ бросилъ-бы свое поповство; но эта женщина сумѣла приобрѣсти надъ нимъ вліяніе, сумѣла, чрезъ кого слѣдуетъ, выхлопотать ему разрѣшеніе на священнослуженіе*), и о. Павелъ снова принялся за службу и сталъ исполнять, что приказывала его патронесса. Въ это время дѣло велось такъ: нужно старообрядцу отслужить „соборне“ паннихиду, или молебенъ съ водоосвященіемъ, или же обѣдню, — онъ непременно идетъ прежде къ Дарьѣ Ивановнѣ (такъ звали патронессу о. Павла) и, кланяясь ей въ ноги, говоритъ; „прости, Христа ради, матушка, и благослови на святое дѣло“. „Что за нужда, Егорушка, или Алексѣюшка?“ спрашиваетъ она.

— Къ твоей милости, матушка, Дарья Ивановна, не откажи, хочу обѣденку отслужить, такъ оно того... похлопочи, родная, пожалуйста предъ о. Павломъ-то“. „Хорошо“. И тотчасъ отдаетъ распоряженіе своимъ дѣвкамъ, въ обильномъ числѣ проживавшимъ при ней въ качествѣ послушницъ, читалокъ и пѣвицъ, чтобы они припасали просфоры, а къ о. Павлу командируетъ состоявшаго при ней „апостола“, въ образѣ мѣстнаго крестьянина Гр. Л. Солнцева, чтобы онъ готовился совершить литургію. Но, прежде чѣмъ начиналось законное богослуженіе, старообрядецъ обязывался предварительно угостить о. Павла со всѣмъ штатомъ его прихлебателей, а наипаче „матушку“ Дарью Ивановну, которая безцеремонно сама требовала съ мужика столько-то денегъ на угощеніе, такъ что въ концѣ концовъ служеніе древлеправославной обѣдни мужику обходилось не дешевле, какъ рублей въ 10 — 15. За службою, въ молельнѣ Дарья Ивановна пользовалась величайшимъ почетомъ: на посланномъ позади клироса коврѣ, она сидѣла въ особо-устроенныхъ для нея, по причинѣ тучности, креслахъ, вставая лишь во время чтенія евангелія и пѣнія херувимской пѣсни, и каждый, входящій за службу старообрядецъ, творилъ ей земное метаніе. Словомъ, почетъ и ува-

*) Разрѣшеніе о. Павлу дано очень просто: въ бытность въ Саратовѣ секретаря епископа Амвросія, Дарья Ивановна вручила ему 100 рублей и аттестовала о. Павла, при свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ его прихожанъ, съ самой лучшей стороны. Масловъ тутъ-же написалъ разрѣшительную грамоту для о. Павла и ведали чрезъ двѣ прислалъ ее въ Баланду за подписью Амвросія. Авторъ.

женіе Дарьѣ Ивановѣ въ средѣ ревнителѣй древляго благочестія былъ великій. Ей несли и везли и деньгами, и всякаго рода приношеніями. Не знаемъ, долго ли пришлось бы этой женщинѣ заправлять всѣми дѣлами въ этомъ уголкѣ раскола, если бы не постигла скорая смерть о. Павла, смерть, тяжкоопечалившая Дарью Ивановну и затѣмъ отодвинувшая ее далеко на задній планъ. Явился новый человѣкъ, явились и новые порядки.

Немного прожила Дарья Иванова съ о. Павломъ, но, благодаря своей смекалкѣ, сумѣла отложить на свой черный день нѣсколько десятковъ рублей: 2,000 руб. она скопила при немъ и вложила ихъ въ государственный банкъ для приращенія процентами.

— Ну и Дарька! — говорили мужики, узнавъ о ея богатствѣ. — Этакій, анаеема, скопидомъ. Какую пропасть деньжищъ-то нажила! Вотъ ты и суди...

— Да, парень, денегъ куча. И знаетъ, анаеема, куда припрятать ихъ. Въ государственный...

— А ты почему узналъ объ этомъ?

— Сама намеднись говорила мнѣ. У меня, говоритъ, Парфень, есть деньги; я теперь проживу безъ всякой нужды...

— А все Павелъ это устроилъ ей. Привалился къ ней, а она и сосала его со всѣхъ сторонъ. Ловкая баба, дьяволъ.

— Не даромъ въ дѣвкахъ сидитъ, работать-то за нашимъ братомъ не больно хочется.

— А и помучились же мы въ тѣ поры съ этимъ Павлухою, ребята! Какихъ дѣловъ не производилъ онъ у насъ! Срамота была на всю округу.

— Чего еще! И умеръ-то съ проклятымъ табачищемъ. Всѣхъ насъ пересквернилъ тогда...

Разумѣется, для ловкой бабенки, бывшей у раскольниковъ матушкою, Дарья Ивановны, всѣ эти разговоры мужиковъ мало имѣли значенія, и она не обращала на нихъ никакого вниманія.

Проклятое табакокурение распространяется между раскольниками съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, не смотря на то, что раскольничьи коноводы давнымъ давно предали табакъ ана-

ею и проклятію, его курятъ въ настоящее время и попы ихъ, купцы и купчихи, не говоря уже объ уставщикахъ молельни. И это совершается не только въ средѣ поповщины, гдѣ нравы жизни значительно слабже, но и въ самой безпоповщинѣ, дышущей толкованіемъ объ антикристѣ. Въ обществѣ Саратовскихъ безпоповцевъ—поморцевъ былъ такой казусъ.

Шла всеночная наканунѣ праздника Преображенія Господня. Богомольцевъ было множество. Уставщики кричали на обѣихъ клиросахъ такъ, что пѣніе далеко слышно было во дворѣ молельни.

Пропѣли стихиры, и одинъ изъ уставщиковъ вышелъ на средину молельни читать пареміи празднику.

Прочелъ онъ одну, началъ другую... Отъ духоты потѣлился съ него градомъ. Не прерывая чтенія, уставщикъ запустилъ руку въ карманъ своего кафтана, вынулъ платокъ и сталъ отирать имъ струившійся по его лицу потъ.

Едва онъ утерся и положилъ въ карманъ платокъ, какъ сзади кто-то схватилъ его за воротъ кафтана и потащилъ отъ аналой назадъ къ двери. Уставщикъ инстинктивно схватился за аналой съ книгою, но влекомый назадъ, онъ уронилъ и книгу, и аналой.

Послѣдовалъ шумъ, крикъ и даже испугъ молящихся. Всѣ обратили свои взоры къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ уставщикъ. На этомъ мѣстѣ на полу лежалъ аналой, книга и рядомъ съ нею двѣ папироски.

Оказалось, что уставщикъ, вынимая изъ кармана платокъ, позабылъ, что тамъ лежали еще папироски, которыя и выпали вмѣстѣ съ платкомъ, къ явному соблазну молящихся, на полъ.

Обличеніе уставщика въ табакокуреніи было явное.

— Мерзавецъ! Скотина смердящая!—кричалъ молящійся доселѣ позади него раскольникъ, но увидѣвшій выброшенные уставщикомъ 2 папироски, моментально вцѣпилъ въ него и оттащилъ его къ двери.

За этимъ кинулись другіе богомольцы. Произошелъ сильный переполохъ въ молельнѣ.

— Въ святой храмъ принеси такую гадину!

— Проклятую траву жралъ, а брался читать святую книгу, анаема!

— Осквернилъ и насъ-то... вопили раскольники одинъ передъ другимъ, толкая въ грудь преступника.

Уставщикъ стоялъ блѣднѣе полотна.

Служба сама собою прекратилась.

— Что ты, разбойникъ, надѣлалъ у насъ въ моленной-то?— закричалъ наставникъ молельни Акимъ Семеновъ, подходя къ уставщику.— Зачѣмъ ты опоганилъ наше святое мѣсто? Душегубъ ты этакій!

— Вонъ его отсюда!

— Въ три шеи его, окаяннаго!—кричали раскольники, готовые разорвать его на части.

Между тѣмъ уставщикъ нѣсколько опомнился и, видя раздраженность своихъ собратій, сталъ пятиться назадъ, къ выходу, чтобы улизнуть скорѣе изъ молельни. Видя это, бабы стали хлестать его лѣстовками и угощать пинками, кто въ спину, кто въ бокъ. Вырвавшись изъ моленной, уставщикъ убѣжалъ, позабывъ свой картузь.

— Иванычъ! Убери эту гадину-то!—крикнулъ наставникъ сторожу.

— Щеткой, Иванычъ, гони ихъ, треклятыхъ, сюда къ двери-то,—совѣтовали бабы.

— Треклятый нечестивецъ! Лупку бы ему задать хорошенько... Да убѣжалъ скоро,—ворчали обозлившіеся раскольники.

И дѣйствительно: лупцовка была бы уставщику, если бы послѣдній не ретировался такъ скоро изъ молельни. Злоба раскольниковъ была въ сильной степени.

— Нужно, старики, окадить это мѣсто-то,—сказалъ наставникъ.

— Еще бы, послѣ такой мерзости... отвѣтили ему.

Наставникъ взялъ кадильницу и сталъ кадить ладономъ весь полъ молельни.

— Сызнова нужно прочитать и паремьи-то... Какое чтеніе было отъ него нечестивца! Читай, Герасимъ, сначала,—распорядился наставникъ.—Иль, нѣтъ! Постой! Дай я окажу прежде

и аналой и книгу: вѣдь, за все это онъ хватался, поганецъ, своими табачными ручищами...

— И насъ, отче, окади! Онъ, проклятый, молился съ нами... крикнули богомольцы...

Наставникъ окадилъ прежде аналой, книгу, чтець началъ чтеніе паремій, а онъ отправился по моленной оказивать всѣхъ молящихся, оскверненныхъ уставщикомъ табако-курителемъ.

Кончилось всенощное богослуженіе.

— Какъ, старики, поступить намъ съ этимъ мерзавцемъ?— спросилъ наставникъ объ уставщикѣ, не желая называть его даже и именемъ.

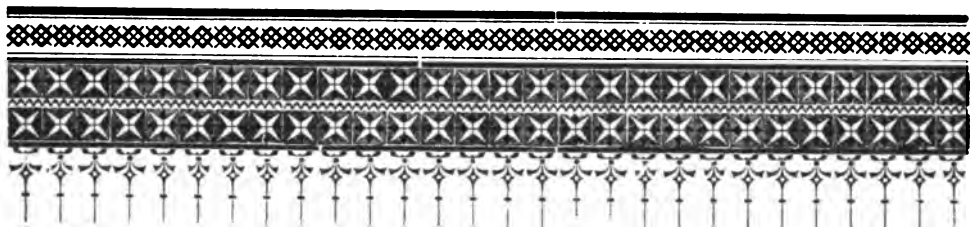
— Вонъ его изъ уставщиковъ!

— Чтобы и глазъ не показывалъ въ нашу моленную!— ревѣла толпа.

Рѣшили: изъ уставщиковъ исключить навсегда, на общее моленье не принимать полгода и то, если онъ вынесетъ „канонъ“, т. е. постъ и 1000 поклоновъ ежедневно во время его отлученія.

Такъ сгубили уставщика злополучныя двѣ папироски. Черезъ нихъ онъ потерялъ свою должность и попалъ въ „оглашенные“ въ своемъ поморскомъ обществѣ. Стыдъ, позоръ на общество.

XXI.

Преданіе Ауто-да-Фе газеты „Саратовскій Листокъ“.

Въ 137 Саратовскаго Листка“ напечатана была довольно обширная корреспонденція изъ Баланды, Аткарскаго уѣзда, о происходившихъ въ этомъ селѣ публичныхъ собесѣдованіяхъ православнаго миссіонера о. К. Попова, съ начетникомъ австрійской секты, прибывшимъ для этой цѣли изъ Москвы, Онисимомъ Швецовымъ.

Корреспонденція эта говорила слѣдующее: *).

„Тысячи народа съѣхались сюда слушать бесѣды православнаго миссіонера свящ. К. А. Попова съ главнымъ раскольничьимъ апологетомъ Онисимомъ Васильевымъ Швецовымъ, въ іеромонашествѣ Арсеніемъ, пріѣхавшимъ въ Баланду 16 іюня. Народъ, преимущественно раскольники, цѣлыми обозами пріѣзжалъ со всего Аткарскаго уѣзда, частью Сердобскаго, Петровскаго, изъ самаго Саратова и другихъ окрестныхъ мѣстъ.

*) Дѣлаемъ буквальную выдержку изъ 137 № газеты „Саратовскій Листокъ“
Бесѣды эти происходили въ 1886 году.

Собесѣдованіе открыто было въ Введенской церкви, гдѣ и продолжалось цѣлыхъ два дня. 21-го іюня, часа въ четыре пополудни, едва только раздался благовѣстъ въ церковный колоколь, какъ народъ массами повалилъ въ церковь и быстро наполнилъ ее, такъ что отъ духоты дыханье становилось затруднительнымъ. Остальные слушатели густымъ кольцомъ обложили церковь и съ нетерпѣніемъ ожидали перваго удобнаго случая попасть во внутрь ея. Швецовъ явился на бесѣду, окруженный множествомъ своихъ единовѣрцевъ, въ числѣ которыхъ было и раскольничье духовенство.

Бесѣда была открыта пѣніемъ церковной пѣсни: „Царю небесный“... А потомъ мѣстный священникъ о. Виноградовъ сказалъ краткую рѣчь. Слѣдующая за симъ рѣчь о. миссіонера Попова, была болѣе продолжительной; ему пришлось раскрыть и выяснить истинное понятіе о церкви Божіей, ея неизмѣнныхъ свойствахъ, подтверждая сказанное цитатами изъ старопечатныхъ книгъ. Въ концѣ рѣчи миссіонеръ поставилъ Швецову слѣдующій вопросъ: „составляютъ-ли старообрядцы св. Христову церковь?“ Швецовъ отвѣтилъ утвердительно. Ему указали, что со времени отдѣленія ихъ отъ православной церкви въ 1653 году до принятія ими митрополита греческой церкви, Амвросія въ 1846 году, въ продолженіе почти 200 лѣтъ, общество ихъ не имѣло у себя православныхъ епископовъ, безъ которыхъ св. Христова церковь быть не можетъ. Швецовъ сталъ доказывать, что въ церкви епископы существенной важности не имѣютъ, и церковь можетъ быть и безъ нихъ. Въ подтвержденіе такого своего ученія, Швецовъ много приводилъ различныхъ практическихъ примѣровъ, которые, однако, мало оправдывали его мнѣніе. Такъ, на примѣръ, онъ говорилъ, что полкъ солдатъ, будучи на войнѣ, можетъ лишиться всѣхъ своихъ начальниковъ, а полкъ все-таки будетъ полкомъ, и своего значенія не утратить. Или: ключи отъ Царства Божія имѣютъ не только православные, но и еретики, только они, какъ еретики, не знаютъ силы механизма замка, и потому они не могутъ отпереть замокъ отъ царства небеснаго, и пр. въ этомъ родѣ говорилъ Швецовъ. Въ старопечатныя книги, уважаемыя старообрядцами, Швецовъ совсѣмъ не заглядывалъ и доказательства изъ нихъ не приводилъ, руководясь въ

своей защитѣ исключительно различными брошюрами и тетрадками, частью имъ самимъ написанными, или имъ-же напечатанными за-границею. Такихъ книжекъ онъ приносилъ на бесѣду цѣлыхъ два саквояжа и читалъ изъ нихъ то одну, то другую и т. д., читалъ по долгу, утомляя слушателей, хотя самое чтеніе совсѣмъ не относилось къ дѣлу. Относительно старопечатныхъ книгъ раскольничій апологетъ даже такъ высказался, что онъ не признаетъ особенно авторитетными и непогрѣшимыми. Мало этого, однажды помощнику миссіонера, Сергѣю Ледовскому, по случаю читаннаго имъ свидѣтельства изъ старопечатной книги, Швецовъ замѣтилъ, чтобы онъ прекратилъ свое чтеніе изъ этого хлама. Бесѣда продолжалась часовъ 5—6 и закончилась тѣмъ, что Шевцовъ, несмотря на то, что читалъ и говорилъ много, не оправдалъ законности своей церкви съ ея австрійскою іерархіею, и на прощаніи обѣщался подготовить еще нѣсколько свидѣтельствъ въ защиту своей церкви и прочитать ихъ на слѣдующей бесѣдѣ.

Слѣдующая бесѣда 22 числа была еще болѣе неудачною для старообрядцевъ. При всемъ своемъ обширномъ многоглаголаніи, софизмахъ, подтасовкахъ и ложныхъ толкованіяхъ различныхъ свидѣтельствъ отцовъ церкви, Швецовъ остался положительно разбитымъ на всѣхъ пунктахъ своего вѣроученія. Одинъ изъ пріѣхавшихъ на эту бесѣду, раскольничій начетникъ, крестьянинъ Андрей Николаевъ Каменковъ, не вытерпѣлъ и тутъ-же, на бесѣдѣ, прямо въ лицо Шевцову высказалъ, что онъ своими бесѣдами не оправдалъ возлагаемыхъ на него старообрядцами надеждъ, не защитилъ ихъ церковь и священство, и потому онъ не желаетъ болѣе оставаться въ мнимомъ старообрядчествѣ, признаетъ его душеубійственнымъ расколомъ и сейчасъ-же переходитъ въ православную церковь. „Шевцовъ у старообрядцевъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, есть великая умственная сила!“—сказалъ Каменковъ: „если онъ не защитилъ нашей церкви, то на кого-же еще надѣяться. Онъ есть единственный лучшій начетникъ; на него многіе старообрядцы ссылаются, какъ на великаго богослова; и вдругъ этотъ-то начетникъ не могъ оправдать старообрядческую церковь! Что-же остается намъ, старообрядцамъ, дѣлать? Остается одно,—послѣ бесѣдъ великаго и знаменитаго

въ расколѣ начетника Швецова идти все́мъ въ православную церковь“!.. Можете себѣ представить, какой эффектъ произвело это заявленіе Каменкова въ собраніи слушателей! Какъ пораженъ былъ этими словами самъ г. Швецовъ и его собратія—единовѣрцы! Многіе старообрядцы какъ-бы остолбенѣли отъ удивленія, и на православныхъ это произвело сильное впечатлѣніе. Только спустя нѣсколько минутъ старообрядцы пришли въ себя и стали ругать Каменкова за его измѣну мнимому старообрядчеству, за тотъ позоръ, который онъ нанесъ имъ въ данное время. Швецовъ сталъ поспѣшно укладывать все́ свои книги въ сакъ-вояжъ; самъ онъ въ это время былъ блѣдный, руки тряслись... Подойдя къ миссіонеру Попову, Швецовъ объявилъ, что онъ боленъ и продолжать бесѣды не можетъ. Съ этими словами, онъ взялъ сакъ-вояжъ въ руки и пошелъ изъ церкви; за нимъ тронулись и раскольническіе попы, только дьяконъ изъ Саратовской горинской молельни, крестьянинъ Яковъ Варфоломѣевъ, обратившись къ Каменкову сказалъ: „что миссіонеръ Поповъ поставилъ имъ лукавый вопросъ, испытую ихъ церковь и іерархію, на который отвѣчать все́мъ не должно“. Больше этого, отъ волненія, онъ не могъ говорить и поспѣшно удалился изъ церкви. Между тѣмъ начетникъ Каменковъ, ставъ ближе къ амвону, началъ объяснять народу о причинахъ перехода въ православіе. Рѣчь его, подкрѣпляемая свидѣтельствами слова Божія, длилась около часа, а потомъ онъ предложилъ о. миссіонеру Попову немедленно присоединить его къ православной церкви. Тотчасъ столы и книги были убраны съ амвона, и миссіонеръ Поповъ, облачившись въ ризы, торжественно приступилъ къ совершенію чинопосоединенія. Въ концѣ этого чина, съ крестомъ въ рукѣ, о. миссіонеръ сказалъ назидательную рѣчь, темою которой служило событіе присоединенія къ церкви Каменкова и незаконность австрійской іерархіи. Послѣ рѣчи о. Попова мѣстный священникъ о. Виноградовъ, съ своей стороны, сказалъ нѣсколько назидательныхъ словъ.

Торжество православныхъ было великое! Швецовъ былъ вызванъ въ Баланду преимущественно купцомъ Усачевымъ, который за его труды обѣщалъ ему 2,000 рублей. Мотивомъ пріѣзда Швецова въ нашу мѣстность служило частое посѣще-

ніе ея миссіонеромъ Поповымъ. Веденныя имъ здѣсь въ 1879 году бесѣды съ начетчикомъ Иваномъ Петровымъ Масловымъ, въ послѣдствіи обратившимся въ православіе, затѣмъ бесѣды его съ другими начетчиками, значительно расшатали баландинскій расколъ, но своимъ пріѣздомъ Швецовъ его нисколько не укрѣпилъ. Не даромъ старики старообрядцы, твердо стоя въ своихъ рутинныхъ убѣжденіяхъ и видя послѣдствія прежде бывшихъ бесѣдъ начетчика ихъ Маслова, возставали противъ пріѣзда Швецова въ Баланду, даже противодѣйствовали этому, находя всѣ эти бесѣды своихъ начетчиковъ не только бесполезными, но и вредными для цѣлости старообрядчества. Въ данное время это предчувствіе ихъ исполнилось, и въ недалекомъ будущемъ результаты бесѣдъ Швецова не замедлятъ выразиться большимъ количествомъ присоединеній изъ раскола къ православной церкви. Такимъ образомъ, общество баландинскихъ старообрядцевъ представляетъ собою какъ-бы надрѣзанное тѣло, готовое не выныче - завтра распасться на двѣ половины.

Изъ Баланды 23 числа Швецовъ отправился въ с. Монастырское, Аткарскаго уѣзда, куда приглашали его старообрядцы. Слѣдомъ за нимъ отправился и миссіонеръ Поповъ съ своими помощниками, Сергѣемъ Ледовскимъ и новоприсоединеннымъ Каменковымъ.

Такая корреспонденція особенно заинтересовала старообрядцевъ, какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ. Въ день выхода, № этой газеты раскупался на расхватъ и читался въ лавкахъ, на базарахъ, въ домахъ, на улицѣ и на площади. Нѣкоторые, заполучивъ № газеты, ходили по домамъ и въ лавки своихъ собратьевъ и читали его во всеуслышаніе. Такъ, на примѣръ, купецъ-безпоповецъ Алексѣй Дмитріевъ Егоровъ особенно горячо толковалъ въ этотъ день, укоряя старообрядцевъ поповской секты за то, что главный начетникъ ихъ—Шецовъ позволилъ себѣ публично, въ бесѣдѣ съ о. Поповымъ, называть нѣмцевъ христіанами.

— Развѣ нѣмцы—христіане?—говорилъ Егоровъ.

— А кто-же они такіе?—спрашивали его.

— Они? А это величайшіе еретики въ свѣтѣ! Они латынники или, иначе сказать, „азимиты“,—объяснялъ Егоровъ.

— А что это за слово „азимить?“—приставали къ нему любознательные старообрядцы.

— „Азимить“—это значить поганый и трижды проклятый человѣкъ!“—толковалъ купецъ. Безпоповецъ, толкуя это слово, самъ не зналъ, что слово „азимить“ происходитъ отъ греческаго слова „азима“, что значить опрѣсноки. „Азимить“ означаетъ опрѣсночника, а не погананаго человѣка, какъ думалъ это Егоровъ и, какъ, безъ сомнѣнiя, думаютъ другiе раскольники.

Совсѣмъ иное происходило по поводу этого № въ безпоповской поморской молельнѣ въ субботу, 27-го мая.

Уставщикъ Николай Яковлевъ Мухинъ, придя къ вечернѣ, принесъ съ собою № 137 „Саратовскаго Листка“. Войдя на клиросъ, Мухинъ сталъ читать его своимъ сослуживцамъ.

Въ молельню вошелъ наставникъ Акимъ Семеновъ.

Слыша, что на клиросѣ что-то читаютъ, онъ быстро подошелъ къ клиросу и, замѣтивъ въ рукахъ чтеца газету, обратился на него со всею яростью.

— Ахъ, вы, беззаконники этакіе! Развѣ можно во святомъ храмѣ читать еретическую хартію! Да знаете-ли вы, какой грѣхъ учинили этимъ? Вы осквернили этимъ наше святое мѣсто! Гдѣ ты взялъ эту поганую хартію?—спрашивалъ Акимъ Семеновъ уставщика.

— Я, дѣдушка, купилъ ее за 5 коп.,—отвѣтилъ уставщикъ.

— Боже мой, до какого нечестiя дошелъ ты!—всплеснувъ руками, говорилъ наставникъ. „Вѣдь тебя поганца, теперь нужно очищать отъ ереси! Мало этого: я отлучу тебя отъ общественнаго моленiя съ нами, лишу всѣхъ доходовъ, чтобы впредь ты не соблазнялъ нашихъ христіанъ богомерзкимъ чтеніемъ во св. храмѣ. Ишь, какую сладость нашелъ въ этой бумаженкѣ. Ты бы лучше, вмѣсто этого, взялъ книгу „Златоустъ“, аль „Житiя святыхъ“, да и почиталъ бы слушателямъ; а онъ, накосъ, приволокъ сюда какую-то газетченку...

Уставщикъ, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, упалъ въ ноги наставнику и сталъ просить у него прощенiя.

Наставникъ, стоя надъ нимъ, читалъ ему нотацію— „Ты долженъ бы другихъ нашихъ христіанъ отвлекать отъ этой пагубы, а ты самъ въ соблазнъ вводишь!“ и пр...

Наконецъ, наставникъ простилъ уставщика, велѣлъ ему выйдти на средину молельни и положить „началь“, а затѣмъ, съ подручникомъ въ рукахъ, пройти по всей молельнѣ и у каждаго просить себѣ прощенія. Мухинъ такъ и сдѣлалъ; взявъ подручникъ въ руки, онъ кланялся каждому мужику и бабѣ, а послѣдніе говорили ему: „Богъ тя проститъ за твое великое согрѣшеніе и паки благословитъ пребыть съ нами христіанами во святомъ соединеніи“!

Простивъ уставщика, наставникъ приступилъ къ суду надъ № „Саратовскаго Листка“. Что дѣлать съ нимъ? Наставникъ предложилъ просто сжечь его предъ всѣми и пепелъ выкинуть на дворъ: другіе находили, что нужно просто изорвать его въ мелкіе клочья и бросить въ гадливое мѣсто. Какая-то сѣдовласая старуха, пробравшись впередъ и, потрясая палкою въ рукѣ, сказала, что еретическую грамоту слѣдуетъ сожечь на спинѣ того, кто купилъ ее.—„Такъ святые отцы дѣлали“! кричала она.—„Я сама объ этомъ читала въ книгахъ“.

Послѣ долгихъ пререканій, наставникъ рѣшилъ сдѣлать по своему: онъ взялъ щипцами № „Листка“ (въ руки взять его боялся, чтобы не осквернить себя), велѣлъ зажечь лучину (восковую свѣчу, какъ приношеніе Богу, нашелъ грѣхомъ употребить въ это дѣло) и торжественно сжегъ его, приговаривая: „проклятая бумага! еретическіе глаголы“! и пр. и пр...

Предавъ „Листокъ“ ауто-да-фе, наставникъ пожелалъ и себя очистить отъ этого дѣйствія и также, положивъ „началь“, сталъ прощаться предъ всѣми богомольцами, а за нимъ и всѣ слушавшіе чтеніе означеннаго „Листка“. Послѣ этого началась уже вечерня, а потомъ всенощное бдѣніе, по обрядамъ безповщины.

— Чево это, бабыньки, отецъ-то сожигалъ нонѣ?—спрашивала старуха, идя вмѣстѣ съ другими отъ всенощной.

— Развѣ тебя не было при этомъ?

— Не поспѣла я къ началу-то, пришла ужъ къ „возвашнымъ стихамъ“, *) а мнѣ, Кузминшна вотъ, и говорить: и наказанье, байть, отецъ чинилъ до тебя! Николашку уставщика ругаль... Грамоту какую-то вырвалъ у него изъ рукъ, да и сожегъ ее.

— Было это, Ѳедоровна, было. Николашка принесъ еретическій листокъ, гдѣ объ никоніанской церкви писано, и сталъ читать его на клиросѣ; ну, наставникъ-то и услѣдиль это: ты, говорить, къ чему это вволокъ сюда эту мерзость? Развѣ подобаесть намъ, христіанамъ, читать всѣ эти пакости? И давай его началить... Николашка оправдываться; но, отецъ, такъ притулилъ его, что онъ ну-ко кланяться намъ въ ноги: простите, молъ. И простили; а бумагу его точно сожгли...

— И надо его проучить, Микитишна. Такой насмѣшникъ надъ нами, такой сквалыжникъ, что всегда на обѣдахъ досаждаеъ. Возьмешь, къ примѣру, пирога или блиновъ для дома, а онъ сейчасъ свои резонты: вы, байть, и тутъ ѣдите, и домой-то цѣлые узлы навязываете. А его ли это дѣло! Хозяйское добро... Жаль, меня не было, а то я поломалась бы надъ нимъ; у меня не скоро выпросилъ бы прощенья-то...

— И такъ, Ѳедоровна, срамоты-то было ему не мало. Тоже-отецъ-то спуску не даетъ ему. А ко мнѣ упалъ въ ноги, я и говорю: кайся, Николька! со слезами, проклятый, проси прощенья... Долго я его морила этакъ-то.

— И за дѣло ему! Не носи въ святую церковь всяку погань.

— Спасибо, наставникъ-то увидалъ; а то такъ бы и прошло это.

— Это истинно. Ну, да отецъ-то нашъ, ужъ ревнитель въ благочестіи-то; отъ него не скроется, все доглядить, что надо по моленной.

— Дай Богъ ему здоровья! Трудится безоблыжно. Всяку малость наблюдаетъ, и во всемъ порядокъ держить. Намеднись забыла я фартукъ снять дома, да такъ и пришла въ

---

*) На вечерни поются псалмы Давида: „Господи возвахъ къ тебѣ услыши мя“... и другіе.

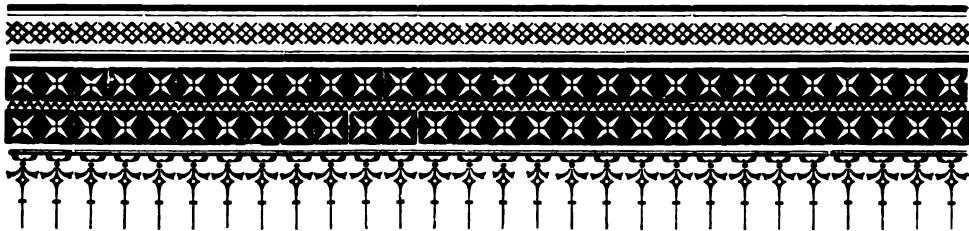
молельню: онъ сейчасъ это замѣтилъ и сорвалъ его. 50 поклоновъ за это тогда я положила...

— Ревнитель благочестивой вѣры... Такого поискать надо, — закончила старуха.

И благочестивцы разошлись по домамъ.

— Экіе дьяволы! Вотъ черти-то изъ ада! И за что придрался старый песъ? Газета не понравилась!.. Да не такъ бы васъ, дураковъ, надо еще пропечатать въ ней, а раскрыть все, что творится у насъ въ обществѣ... ругался Николай, идя съ товарищами изъ молельни.

ТРОПАРЩИКИ-НЕКАДИЛЬНИКИ..

ъ ряду другихъ многочисленныхъ сектъ въ гор. Саратовѣ находится общество старообрядцевъ-поморцевъ, отвергающихъ въ данное время Богомъ установленный и святою Церковью освящаемый законный бракъ. Эта часть старообрядцевъ отдѣлилась отъ поморской секты именно изъ-за одного только брака, который поморцы признали нужнымъ и допустили совершеніе его въ своемъ обществѣ чрезъ посредство особаго, ими самими составленнаго чина вѣнчанія. Часть этихъ раскольниковъ иначе называются „тропарщиками“, потому что въ тропарѣ: „Спаси Господи, люди твоя“... молятся за русскаго государя, не называя только „благовѣрнымъ“ а „державнымъ“ и умалчивая самое имя государя. Такимъ образомъ тропарь этотъ передѣланъ раскольниками и читается такъ: „Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды державному царю нашему на сопротивныя даруй“... Раскольники же еедосѣвцы читаютъ сей тропарь такъ: „побѣды православнымъ христіанамъ на сопротивныя даруй“... разумѣя подѣ

православными самихъ себя, а подъ сопротивными — насъ, православныхъ, надъ которыми и просятъ у Бога даровать имъ побѣду. По этому основному догмату раскольники-тропарщики сходятся съ поморцами, а, отвергая брачную жизнь, подобны еедосѣвцамъ. Отъ послѣднихъ тропарщиковъ отдѣляетъ тропарь, почему они и прозваны этимъ именемъ, а отъ первыхъ — брачная жизнь поморцевъ, что не допускаютъ тропарщики. Выходитъ, что тропарщики занимаютъ срединное положеніе между поморцами-брачниками и еедосѣвцами.

Секта тропарщиковъ въ Саратовѣ и уѣздахъ не особенно многочисленная. Въ Саратовѣ она имѣетъ у себя особый молитвенный домъ (на Полицейской улицѣ, на горахъ), при которомъ состоитъ настоятелемъ крестьянинъ, нѣкто Осипъ Ивановъ Чертковъ, а при немъ помощникъ его, тоже крестьянинъ, Ефимъ Горшковъ. Изъ прихожанъ во главѣ всякаго дѣла стоятъ заправилы сектою и попечители молитвеннаго дома, Саратовскіе купцы: Чуевъ, Лобановъ и другіе. При молитвенномъ домѣ, въ обширномъ дворѣ построено множество келій, гдѣ проживаютъ старики и старухи, а при нихъ молодые парни и дѣвушки, состоящіе въ обществѣ, одни — уставщиками, другіе — пѣвцами, третьи чтецами по умершихъ, и такъ далѣе. Означенные купцы щедро жертвуютъ на поддержаніе и украшеніе своей молельни, равно какъ и самъ наставникъ Осипъ Чертковъ, человѣкъ когда-то нажившій большой капиталъ и теперь употребляющій его на дѣло расширенія пропаганды своего ученія. Онъ любитъ устраивать въ своемъ домѣ публичныя бесѣды съ противниками своей секты: еедосѣвцами, поморцами, спасовцами и др. старо-обрядцами.

По временамъ онъ нарочно командируетъ отъ себя начетниковъ по селамъ, чтобы они своими бесѣдами привлекали въ ихъ секту другихъ раскольниковъ. Бесѣды устраиваются и въ домахъ купцовъ, Лобанова, Чуева, у которыхъ имѣется много старопечатныхъ книгъ и разныхъ произведеній раскольническаго пера. Такъ, „Поморскіе отвѣты“ — въ золотомъ обрѣзѣ, прекраснаго письма и хранятся въ цѣнномъ футлярѣ. Для раскольниковъ эта книга тоже, что Катихизисъ. Затѣмъ: „Мечъ духовный“, „Апокалипсисъ седмитолковый“ и другія

книги, специально сочиненныя раскольниками богословами. Книги эти охотно даются для прочтенія другимъ, если только проситель благонадежное лицо. Оба купца ревностно преданы своей сектѣ. Каждый изъ нихъ всегда носитъ съ собою тетрадки съ различными доказательствами отъ книгъ о своей сектѣ. И такъ какъ оба они—торговые люди и, слѣдовательно, постоянно сталкиваются съ людьми, то при торговыхъ операціяхъ они стремятся распространить свое ученіе. Въ лавкѣ, гостинницѣ, на базарѣ, словомъ, гдѣ бы ни зашла рѣчь о правой вѣрѣ, онъ сейчасъ лѣзетъ въ боковой карманъ и тащитъ оттуда свою тетрадку.

— Послушай-ка, я тебѣ прочитаю о своей вѣрѣ: вѣдь, ты погибъ совсѣмъ...—убѣждаетъ Чувевъ, наприимѣръ.

— Некогда Ефимъ Кузьмичъ. Давай пожалуйста, кончимъ расчетъ, да мнѣ по дѣлу еще бѣжать надо.

— Дѣла наши отъ насъ не уйдутъ, а ты послушай слово Божіе, глядишь, нѣкое изъ нихъ и попадетъ въ сердце твое.

И Чувевъ навязчиво держитъ своего покупателя или просто пріятеля и читаетъ ему разныя выдержки изъ книгъ. Если дѣло происходитъ въ его лавкѣ, то у него сейчасъ явятся и книги на лицо, а служащій приказчикъ превратится въ миссіонера. И волей-неволей слушать придется. Говорю—слушать потому, что рѣдкіе изъ православныхъ купцовъ могутъ возразить что-либо раскольнику и доказать истинность своей вѣры.

Въ 1888 году въ началѣ Января, въ обществѣ тропарщиковъ произошло крупное неудовольствіе, окончившееся расколомъ и раздѣленіемъ общества на 2 половины. Ссора вышла изъ-за того, что настоятель молельни Осипъ Чертковъ сталъ учить въ обществѣ, что кадить крестообразно—грѣхъ; въ крещеніи: говорить отрицаніе отъ сатаны, читать апостоль и евангеліе—тоже, такъ какъ все это дѣло священника, а не простолюдиновъ. Помощникъ Осипа, Горшковъ обозвалъ его за это еретикомъ и 2-мъ Никономъ.

— Онъ въ ересь ведетъ насъ! Пойдите братіе за святую древнеапостольскую церковь; иначе Осипъ все перевернетъ по своему,—завопилъ Горшковъ.

— Не надо ереси! Будемъ стоять за старое,—галдѣли въ народѣ.

Сторону Горшкова приняли многіе изъ раскольниковъ и между ними купецъ Лобановъ.

Въ свою очередь и Осипъ составилъ себѣ партію съ Чувымъ во главѣ, и война разгорѣлась.

Осипъ, чувствуя себя хозяиномъ въ молельнѣ и стоящимъ на прочной почвѣ, говорилъ одно, что Горшковъ малограмотный человекъ, читаетъ по складамъ и потому разумѣть его проповѣди не можетъ. Дѣйствительно, Горшковъ—плохой грамотѣй и всегда твердилъ воскресное евангеліе съ поведѣльника: но это, конечно, не мѣшало ему спорить, кричать и обличать Осипа въ ереси, такъ какъ самому хотѣлось быть настоятелемъ въ молельнѣ.

— Я тебя съ пристани взялъ; ты у меня дрова рубилъ, когда находился въ никоніанствѣ,—кричалъ Чертковъ.

Но это еще болѣе подливало масла въ огонь.

Горшковъ злился на Осипа и шелъ на проломъ.

Составили соборъ стариковъ. На сторону Горшкова перешли многіе раскольники, такъ какъ мнѣніе его основано было на старинѣ, а ученіе Осипа—новое.

— Кайся, Осипъ!—говорили старики;—иначе мы тебя проклянемъ.

— Меня!..—зарычалъ Осипъ.—Вонъ изъ моей молельни. Ахъ, вы еретики треклятые...

— Ты безбожникъ, еретикъ-то!—разомъ гаркнула толпа.— Ты проклять отъ святыхъ отецъ нашихъ!.. Анаѣема! Анаѣема—ты!

— Вонъ отсюда! Не то я позову полицію...—сказалъ Осипъ.

Поднялся шумъ, гвалтъ; другъ друга проклинали, плевали въ лицо, обзывали, кто какъ могъ, забывая святость своего дома. Съ руганью и плевками партія Горшкова стала расходиться, а Осипъ, удержавъ своихъ послѣдователей, проклялъ Горшкова, уподобилъ его Арію еретику, а послѣдователей его отлучилъ отъ своего общества.

На слѣдующій день Горшковъ собралъ свою партію, и стали думать, какъ имъ устроиться получше. Затѣмъ рѣшили:

1) настоятеля Осипа, какъ еретика, не признавать настоятелемъ; 2) сообщенія съ нимъ и его послѣдователями не имѣть ни въ яденіи, ни питіи, ни въ моленіи, а входящихъ отъ Осипа принимать чрезъ шестинедѣльный постъ; 3) устроить свою особую молельню; 4) избрать своего наставника.

Въ эту послѣднюю должность раскольники тутъ-же и пригласили Горшкова, чего онъ и домогался. Одно общество разбилось на 2 половины. Горшковъ прозвалъ партію Осипа „некадилъниками“, каковая кличка и осталась за ними. Названіе это не совсѣмъ точное: Осипъ и его сторона раскольниковъ не совсѣмъ отвергаютъ кажденіе за богослуженіемъ, а лишь требуютъ совершать его не крестообразно, а въ круговую, каковой кругъ долженъ быть совершенъ по солнцу и три раза предъ каждымъ образомъ и лицомъ человѣка.

Точно такое же собраніе сдѣлалъ и Осипъ съ своей стороны, только съ иными постановленіями. Такъ онъ рѣшилъ: 1) во дни поминовенія умершихъ не приносить въ молельню къ паннихидѣ булки, какъ печенія въ Саратовскихъ кондитерскихъ на скоромномъ маслѣ, а замѣнять ихъ кренделями; 2) чай не пить, какъ произведеніе иновѣрной земли; кто не можетъ утерпѣть, пусть пьетъ воду горячую съ медомъ; 3) за службу приходитъ мужчинамъ—въ черныхъ халатахъ, а женщинамъ—черномъ сарафанѣ и платкѣ. Постановленія строгія и многимъ были они не понутру. Этимъ дѣло не закончилось. Горшковъ жилъ на молитвенномъ дворѣ и имѣлъ свою келію. Документы на моленную и на надворныя постройки сдѣланы были на Осипа, хотя покупка и стройка совершалась на общественныя суммы. Осипъ сталъ выгонять Горшкова, чтобы онъ ломалъ свою келію и везъ ее, куда знаетъ. Горшковъ не слушалъ. Тогда Осипъ обратился къ околоточному чиновнику и просилъ его побудить Горшкова сломать свою келію, такъ какъ онъ, Осипъ, хозяинъ этого мѣста и болѣе держать Горшкова не желаетъ. Послѣдній перепугался и тотчасъ доложилъ о семъ своему патрону, купцу Лобанову. Страшно озлобленный, Лобановъ явился къ Осипу и съ руганью высказалъ ему, что если онъ позволитъ себѣ тревожить Горшкова, то онъ сейчасъ же отправится къ полиціймейстеру и заявитъ ему, что молельня его построена самовольно, безъ разрѣшенія

Губернатора; Осипъ испугался и поспѣшилъ къ своему защитнику—купцу Чуеву, которому и передалъ слова Лобанова. Чуевъ отправился къ Лобанову и заявилъ ему, что въ тотъ день, когда онъ донесетъ полиціямейстеру о его молельнѣ, векселя его будутъ поданы ко взысканію, а кредитъ въ банкахъ для него закроется. Страсти религіозныя перепутались съ дѣлами житейскими. Оба купца почувствовали, что одинъ у другого сидятъ въ лапахъ, хотя съ различныхъ сторонъ. Стали клонить дѣло къ миру, по совѣсти и по братски и рѣшили: раздѣлить молитвенный дворъ пополамъ, и на своей половинѣ купецъ Лобановъ воздвигнулъ для своей братіи особую молельню и украсилъ ее лучше, чѣмъ у Осипа.

Итакъ изъ-за мелочныхъ обрядовъ, изъ-за кажденія ручной кадилъницей крестомъ или по солнцу въ круговую, изъ-за крендельковъ и булокъ на скоромномъ маслѣ, старообрядцы переругались, переплевались, какъ нельзя хуже, такъ что дѣло обоюдной вражды едва не дошло до суда.

Охъ, эти крендели и булки! Соблазняютъ они простой народъ. Заманчиво для простого мужика и настоятельство въ раскольнической молельнѣ. Жизнь безъ нужды, жизнь спокойная, упитанная... А почетъ? Знакомство съ купцами? Изъ поденщика на пристани, изъ голыша, оборвыша, да стать настоятелемъ молельни—куда какъ хорошо.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня раздѣленія Горшкова съ Осипомъ, какъ въ обществѣ послѣдняго снова произошелъ расколъ, снова раздѣленіе на партіи, ругань и плевки другъ въ друга. Дѣло вышло изъ-за того: Осипъ замѣтилъ, что главный уставщикъ его молельни, Григорій Волковъ, держитъ себя, по отношенію къ дѣвицамъ, пѣвчимъ въ его молельнѣ, чрезъчуръ свободно и открыто. Во время богослуженія онъ ведетъ съ ними на клиросѣ разговоръ, шутитъ, смѣется, такъ что временемъ забываетъ порядокъ службы,— что нужно читать, что пѣть. При чтеніи назидательныхъ поученій, онъ вслѣдъ за дѣвками уходитъ съ клироса на дворъ, гдѣ, забившись въ келію, играютъ, цѣлуются, шепчутъ сладкія рѣчи одинъ другому... Кромѣ этого наставникъ видѣлъ, что уставщикъ кутитъ съ пѣвицами на сторонѣ, въ гостинницахъ... Все это побудило Осипа сдѣлать уставщику строжайшее внушеніе, какъ совер-

шающему соблазнъ въ обществѣ и затѣмъ объявить ему, что онъ отлучаетъ его за это отъ общественной молитвы и временно удаляетъ отъ должности на 6 недѣль, съ тѣмъ, чтобы въ это время онъ несъ эпитимію: постъ и 1000 поклоновъ клалъ ежедневно.

— Какъ, меня отлучать!—Съ раздраженіемъ вскричалъ Волковъ.—Да вы безъ меня и службу то править не смыслите.

— Какъ-нибудь справимъ за это и безъ тебя,—спокойно отвѣтилъ Осипъ:—а пока ты попостись и помолись, чтобы Господь очистилъ тебя покаяніемъ...

— Не буду я поститься, да класть поклоны, точно преступникъ какой. Къ тому же одинъ что-ли я такъ-то живу? Посмотри-ка на другихъ-то...

— Тѣ особъ статья. Тѣ люди не служатъ при моленной, у святого дѣла не находятся, не намъ и судить ихъ поэтому,—возразилъ уставщикъ.

— Потворщикъ ты, старый песь! Лицемѣръ! Антихристъ! и пр.—азартно кричалъ уставщикъ на Осипа.

Осипъ выгналъ уставщика.

Послѣ этого онъ сдѣлалъ пѣвицамъ строгое внушеніе, чтобы держали себя приличнѣе и на заподозрѣнныхъ въ гуляніи наложилъ эпитимію.

Суровый приговоръ Осипа страшно обозлилъ уставщика. Онъ кинулся къ купчихѣ Прянишниковой, упалъ ей въ ноги, и сталъ просить ее принять въ судьбѣ его свое участіе.

— Марья Ферапонтовна! Я вовсе не виноватъ. Наставникъ меня обижаетъ,—плакалъ уставщикъ.

Купчихѣ пріятно было вмѣшаться въ дѣло и выступить защитницей уставщика.

Тотчасъ отправилась она къ Осипу и стала доказывать ему, что онъ поступилъ необдуманно, жестоко, что хорошаго чловѣка нужно поощрять, а не наказывать за такіе пустяки.— „Мало ли кто грѣшитъ, кромѣ него! Не одинъ онъ у насъ такой грѣховодникъ; всѣхъ ихъ не сведешь на постъ, да на молитву. А если такъ поступать по твоему строго, тогда не съ кѣмъ будетъ и моленіе совершать. Молись одинъ себѣ и ладно,—тараторила купчиха.

Наставникъ молчалъ и хмурился.

— Ступай, проси другихъ общественниковъ,— можетъ они эпитимьи-то сколько и сбавятъ ему, а я тутъ одинъ ничего подѣлать не могу,— сурово проговорилъ Осипъ, недовольный вмѣшательствомъ купчихи.

— Я тебя прошу,— сказала купчиха,— а до другихъ лицъ мнѣ дѣла нѣтъ.

— А я не могу.

— Врешь! Врешь! Это твое дѣло. Ты наложилъ, ты и снимай свою эпитимью,— раздраженно говорила купчиха.

Осипъ отнѣкивался и стоялъ на своемъ.

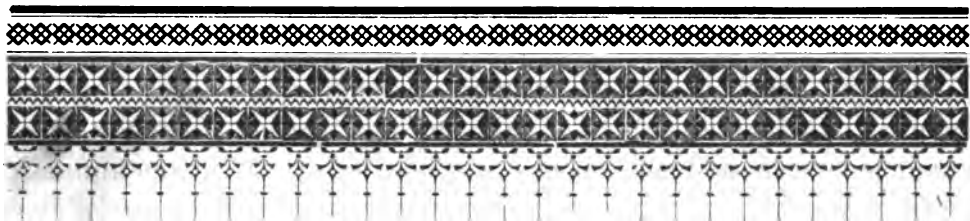
— Такъ знай-же, старый шутъ, что мы свою молельню откроемъ, а ты гнуси себѣ, съ кѣмъ хочешь,— окончательно проговорила купчиха и, взволнованная неудачей, вышла отъ Осипа.

У раскольниковъ быстро дѣлаются подобныя дѣла. Вернувшись домой, Прянишникова тотчасъ же рѣшила строить въ своемъ домѣ молельню, объявила объ этомъ уставщику и велѣла переманить отъ Осипа пѣвчихъ-дѣвокъ. Григорій такъ и сдѣлалъ. Осипъ съ братіей только ахнулъ и руками развелъ.

Три воскресенья уставщикъ правилъ службу съ дѣвицами въ залѣ Прянишниковой, а затѣмъ она купила домикъ, и третья молельня одного и того же общества „тропарчиковъ“ открыла свое существованіе. Вся молодежь повалила къ Прянишниковой, такъ какъ въ ея молельнѣ не караютъ „эпитимьями“, не сажаютъ „на хлѣбъ и на воду“ съ 1000 поклоновъ на каждый день, а держатся того правила, что всякъ Еремѣй,— про себя разумѣй. Сама Прянишникова, какъ попечительница молельни, стоитъ на почетномъ мѣстѣ и во главѣ своей братіи; безъ ея разрѣшенія служба не начинается, ей кланяются въ ноги, на нее кадятъ прежде всѣхъ другихъ лицъ, ее величаютъ „благодѣтельницей“ и „защитницей“ Христовой вѣры. При раздачѣ милостыни въ праздникъ, у нея цѣлуютъ руку, точно у архіерея; по окончаніи службы ее ведутъ подъ руки и умильно благодарятъ за „призоръ“ и „милостыню“.

Такимъ образомъ дѣло Григорія выгорѣло, какъ нельзя лучше. Разладъ съ Осипомъ послужилъ ему въ пользу. Ирянишникова его любить, и онъ живетъ припѣваючи, какъ у Христа за пазухой. По прежнему онъ разучаетъ пѣвиць и пользуется за свой трудъ ихъ благосклонной внимательностью къ нему.

XXIII.

РАСКОЛЬНИЧІЙ ПОПЪ МИХАИЛЪ.

Въ 1884 году, въ быту Саратовскихъ старообрядцевъ бѣглопоповской секты происходилъ сильнѣйшій разладъ и неурядица. Эта небольшая община, предводительствуемая двумя богатыми купцами Филимономъ Стахѣевымъ Арташовымъ и Михѣемъ Владиміровымъ Ѳомичевымъ, настолько была расшатана внутренними неурядицами, что простой, неграмотный людъ сталъ одно время въ тупикъ, не зная, кого имъ слушать—Арташова или Ѳомичева?

Обстоятельства дѣла такъ осложнились, личная вражда и ненависть какъ предводителей раскола, такъ равно и ставшихъ на ихъ сторону, такъ зашла далеко, что темному человѣку представлялось все это лабиринтомъ, изъ котораго онъ никакъ не могъ выйти на свѣтъ Божій. Въ этой постоянной сумятицѣ личнаго столкновенія двухъ сильныхъ купцовъ, ихъ ссоры, отвратительнаго торгашества чувствами и убѣжденіями, — послѣдователи бѣглопоповщины совершенно сбились съ толку, потеряли нить своихъ наблюдений и не могли видѣть, гдѣ начинается религія, и гдѣ играетъ роль личное самолюбіе того или другого коновода секты. Бѣглопоповское

общество старообрядцевъ самымъ названіемъ своимъ показываетъ, что оно имѣетъ у себя іерархію, заимствуемую или отъ православной церкви, чрезъ подкупъ и бѣгство священниковъ, или, что всего чаще, такъ или иначе подпавшихъ подъ судъ консисторіи, запрещенныхъ въ священнослуженіи и ожидающихъ лишенія сана.

У Саратовскихъ бѣглопоповцевъ долгое время священствовалъ о. Василиій Ив. Горизонтовъ, но за послѣднее время, разсорившись съ главою раскола, купцомъ Ф. Арташовымъ, онъ переѣхалъ въ гор. Вольскъ, гдѣ и помѣстился у такого же мѣстнаго главы раскола, купца Новикова. Здѣсь, однако, ему пришлось не долго нести свои труды; на второй день праздника Рождества Христова, въ прошедшемъ году, бывъ зѣло угощенъ старообрядцами во время хожденія съ крестомъ по приходу, онъ неосторожно упалъ и переломилъ себѣ ногу. Болѣзнь развилась сильно. Его привезли въ Саратовъ и положили въ Александровскую больницу, гдѣ онъ и лежалъ, до страстной недѣли Великаго поста, указаннаго 1884 года. Понятно, что въ такое продолжительное время болѣзни о. Василія старообрядцы должны были отыскать себѣ другого священника, и они, дѣйствительно, искали его и нашли. Это былъ священникъ изъ Симбирской губ., нѣкто о. Михайлъ Сергіевскій, человекъ среднихъ лѣтъ, вдовый, имѣвшій при себѣ одного только сына, рослаго дѣтину, долго учившагося въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но нигдѣ не окончившаго курсъ. О. Михайлъ сразу понравился саратовскимъ бѣглопоповцамъ, особенно купцу Арташову. Водку хотя и пилъ, но такъ, что умѣлъ себя держать въ купеческомъ обществѣ и пьяный никогда не бывалъ. Только одинъ недостатокъ со временемъ замѣтили въ немъ саратовцы—это черезъ-чуръ ласковое вниманіе его къ прекрасному полу. Женское общество онъ предпочиталъ мужскому, любилъ дѣлать визиты извѣстнымъ благотворительницамъ въ расколѣ, засиживался по долгу въ бесѣдѣ съ ними и въ домашнемъ быту окружилъ себя также молодыми дѣвушками, давъ имъ для приличія названіе сестры, племянницы, внучки и т. далѣе. Все это, конечно, старообрядцы видѣли и знали, но снисходили къ своему пастырю, въ виду его не сребролюбія и хорошей, истовой, долгой службы

въ ихъ молельнѣ. Заправители раскола, какъ ближе другихъ лицъ стоящіе къ своему священнику, знали даже и то, что о. Михаилъ не особенно любитъ соблюдать церковные посты, и въ эти дни вкушаетъ скоромную пищу,—но снисходили и въ этомъ.—„Его грѣхъ, онъ за него и въ отвѣтъ“,—говорилъ купецъ Арташовъ всѣмъ и каждому изъ старообрядцевъ, если кто спрашивалъ изъ прихожанъ его, будучи смущенный такимъ поведеніемъ своего пастыря.—„Тебѣ какое дѣло! Держи себя крѣпче, да смотри за собою зорче“, — прибавлялъ потомъ Арташовъ любимое свое изрѣченіе. По этому поводу старообрядцы передавали слѣдующій случай, бывший какъ-то въ одинъ изъ постовъ. Купецъ Арташовъ желая провѣрить слухъ относительно употребленія батюшкою въ постные дни мясной пищи, пригласилъ его къ себѣ въ гости въ постный день. На столѣ была приготовлена исключительно мясная закуска съ выпивкою во главѣ. Арташовъ пригласилъ о. Михаила и сказалъ: „благословите, батюшка, святую трапезу и вкусите отъ трудовъ хозяина!“ О. Михаилъ понялъ тонкій намекъ и, подойдя къ столу, сказалъ: „горе тому человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ!“ Затѣмъ, обратившись къ хозяину, еказалъ: „не унывай, братъ, любовь выше всѣхъ законовъ! Ради любви Христосъ умеръ на крестѣ! Любовь не помнитъ зла и коварства надъ ближнимъ; она все прощаетъ, терпитъ, снисходитъ, а потому, слѣдуя ученію нашего Спасителя и Господа, благословляю все предлагаемое намъ и да ядимъ, ничтоже сумняшеся, ради любви твоей къ намъ.“ Послѣ этого онъ благословилъ закуску, выпилъ и закусилъ ветчиною.

— Люблю, батька! Вотъ люблю, какъ есть отъ души! Вижу, что ты не ханжа и не святоша какой-нибудь, а настоящій, простецкій человѣкъ и нашему брату рука, — закричалъ купецъ Арташовъ и заключилъ „батьку“ въ свои могучія объятія.

Присутствующіе гости должны были вторить могучему покровителю раскола.

Однажды, въ половинѣ великаго поста, о. Михаилъ отправился въ г. Хвалынскъ, для отправленія различныхъ требоисправленій. Его приняли съ почетомъ, дѣла было много, плата щедрая. О. Михаилъ задумалъ освѣжиться немного и отдохнуть послѣ совершенныхъ имъ трудовъ. Устроилась вечеринка, при-

глашены были известнаго сорта женщины, и пошелъ кутежъ и разгуль на самую широкую руку. Батюшка позабылъ и думать, что за нимъ слѣдятъ десятки глазъ старообрядцевъ, что Хвалыньскъ — не Саратовъ, и что тамъ не могутъ оставаться въ тайнѣ подобнаго рода кутежи и попойки, да еще духовной особы. Пока онъ разгуливалъ и проклажался въ своемъ отдыхѣ, вѣсть объ этомъ разнеслась по Хвалыньску между старообрядцами; послѣдніе пришли въ ужасъ отъ этого, дали знать въ Саратовъ, и о. Михаилъ былъ скомпрометированъ какъ нельзя хуже. Къ страстной недѣлѣ онъ вернулся въ Саратовъ. Здѣсь старообрядцы, какъ жители губерніи, къ тому-же привыкшіе видѣть и не такія дѣла и похождения своихъ поповъ, нисколько не смутились и свободно допустили о. Михаила по прежнему совершать службу и требы. Только одинъ изъ нихъ, купецъ Еремѣй Мавриковъ Калинушкинъ заволновался и не согласился признать Михаила своимъ духовнымъ отцомъ. Онъ доказывалъ, что послѣ скандальныхъ дѣяній Михаила въ г. Хвалыньскѣ онъ не можетъ священнодѣйствовать и что ему нужно предварительно вынести эпитимію, вслѣдствіе чего и просилъ свое общество наложить на него запрещеніе въ священнослуженіи. На это купецъ Арташовъ основательно замѣтилъ ему, что они не архіереи, и судить и запрещать въ богослуженіи своего священника не могутъ. — „Это дѣло его собственной совѣсти, — говорилъ глава секты: — пусть онъ предъ нею и кается. А ты Еремѣй, лучше свои грѣхи разумѣй: тогда и будешь спасенная душа. Къ чему ты лѣзешь въ чужіе грѣхи? Ты, что-ли, въ отвѣтъ пойдешь за нихъ? Гороховая голона! и пр.“ Сторону Калинушкина принялъ было и купецъ Ѳомичевъ, которому всѣ эти безобразія поповъ давно уже надоѣли, но когда онъ увидѣлъ, что Арташовъ не соглашался съ Калинушкинымъ, отстранился отъ послѣдняго и сталъ поддерживать Арташова, хотя и противъ совѣсти. Еремѣй пошелъ одинъ: отдѣлился отъ общества, убѣдилъ еще кое-кого съ собою и основалъ въ своемъ домѣ особую молельню по „Еремкиной вѣрѣ“. Такимъ образомъ, онъ произвелъ въ расколѣ расколъ. И не взирая на насмѣшки своего собрата Арташова, окрестившаго его общину „Еремкиной вѣрой“, Климушкинъ Еремѣй повелъ свое дѣло твердымъ путемъ; онъ вспомнилъ объ іереѣ, лежав-

шемъ въ Александровской больницѣ, о. Василии, и перевезъ его въ свои комнаты. Здѣсь, оправившись отъ болѣзни, Василий началъ служить уставное богослуженіе и обѣдню, а купецъ Калинушкинъ, чтобы привлечь въ свою молельню больше молящихся, сталъ раздавать по праздникамъ гораздо щедрѣе милостыню, чѣмъ купецъ Арташовъ. Между Арташовымъ и Калинушкинымъ вышло соперничество: тому и другому хотѣлось показать себя и уничтожить своего противника. Война возгорѣлась не на шутку.

Наступила Пасха. Оба купцы Арташовъ и Калинушкинъ желали отличиться украшеніемъ молельни и службою. Праздникъ любви и всепрощенія превратился у нихъ въ арену состязанія, взаимную рознь и непріятности. Прихожанъ рвали на обѣ стороны.

Пасхальная утренняя въ молельнѣ Арташова была при большомъ стеченіи народа. Ладонъ всякихъ сортовъ курился по разнымъ угламъ молельни, и имъ такъ было накурено, что молящіяся стояли точно въ дыму. Михаилъ облаченъ былъ въ дорогія, блестящія ризы, которыя, по жесткости матеріи, ни смять, ни оправить было нельзя.

Утренняя близилась уже концу, какъ на лѣвомъ клиросѣ замѣчена была молящимися серьезная завороха. И нужно же было этому грѣху случиться! Сынъ батюшки Николай стоялъ рядомъ съ купцомъ Ѳомичевымъ и другими купцами. Вышло какъ-то, что Николай нечаянно толкнулъ рукою купца Ѳомичева, за что послѣдній назвалъ его „оболтусомъ“. Николай отвѣтилъ тѣмъ-же. Вышла перебранка, пошли взаимныя колкости, причемъ задѣтъ былъ и самъ Михаилъ за его продѣлки въ Хвалынскѣ. Этотъ, повидимому ничтожный случай, пробудилъ въ Ѳомичевѣ всю накопившуюся доселѣ въ его сердцѣ желчь и злобу, и чѣмъ дальше шелъ разговоръ, тѣмъ больше и рѣзче высказывался Ѳомичевъ. Въ концѣ утрени въ ссору вмѣшался и священникъ, и пошла огневая перестрѣлка. За о. Михаила вступились глава раскола Арташовъ, Болдыревъ и другіе, стали обвинять Ѳомичева въ запальчивости и неумѣстной ссорѣ, да еще въ такое время службы. Вышло еще хуже. Тутъ открылась настоящая баталія; крикъ по молельнѣ пошелъ, точно на базарѣ. Одинъ говорилъ свое, другой свое; всѣ шумѣли,

кричали, только слушающихъ было мало. Ѳомичевъ, видя, что дѣло приняло такой острый характеръ, взялъ картузь и, положивъ три поклона, сказалъ раздраженно: „будьте вы прокляты и съ пощипкою своимъ бя...мъ! Ярыга онъ, а вы стоите за него, да еще руку цѣлуете у него. Отнынѣ нога моя больше не будетъ здѣсь!... И вышелъ вонъ изъ молельни. Всѣхъ поразила выходка Ѳомичева. Сказанныя имъ слова про ихъ священника произвели на слушателей нехорошее впечатлѣніе, особенно на самого главу раскола, купца Арташова. Въ другое время онъ не обратилъ бы на нихъ своего вниманія, какъ дѣйствительно и не обращалъ доселѣ строгаго вниманія на всю жизнь о. Михаила, но теперь слова эти были брошены ему въ укоръ, публично, и когда-же? Въ такой торжественный день праздника св. Пасхи, во время службы, при громадномъ стеченіи народа. Что скажетъ теперь его знаменитый врагъ, предводитель пока еще маленькой колонны старообрядцевъ, купецъ Еремѣй Калинушкинъ! Стыдъ и позоръ! Думалъ онъ, что въ его молельнѣ служба будетъ самая торжественная, чѣмъ у Калинушкина, а вышло наоборотъ. Скандалъ продолжался цѣлыхъ 2 часа времени. Не стерпя сердца, вошелъ онъ въ алтарь и, грозно обратившись къ Михаилу, — сказалъ: „вотъ что вы надѣлали „батюшка“ своимъ безобразнымъ поведеніемъ! Мнѣ чрезъ васъ спичку вставили да позоръ учинили на все общество. Безобразники вы этакіе! и пр.; Михаилъ готовился уже совершать проскомидію и совсѣмъ не ожидалъ отъ Арташова такого выговора. Онъ нѣсколько растерялся, подумалъ и началъ продолжать обѣдню.

Обѣдня прошла не скоро. Пѣвцы тянули по крюкамъ всю службу. Пѣли по „Знаменитому“ распѣву, по „Демественному“ — пѣли вяло, рѣдко, чѣмъ бѣсили о. Михаила. Не менѣе его разстроенъ былъ и купецъ Арташовъ. Стоя за обѣднею, у него только и думы было, — что скажетъ теперь Калинушкинъ о его службѣ на Пасху? „Оскандалился! Пропалъ совсѣмъ! И все это чрезъ попа, негодя“... Наконецъ, служба стала кончатся; намѣренно или нѣтъ, Михаилъ выслалъ Арташову просфору, но съ такимъ человѣкомъ, котораго онъ терпѣть не могъ. Послѣдній, изгибаясь и поздравляя „его степенство“ съ праздникомъ, преподнесъ ему на золотой тарелкѣ огромную

просфору; купецъ Арташовъ взглянулъ на него, поблѣднѣлъ и въ одно мгновенье хватилъ его по рукамъ, и просфора съ тарелкою полетѣла чрезъ головы молящихся. Михаилъ это принялъ за личное оскорбленіе. Выйдя съ крестомъ въ рукѣ, для отпуска службы, онъ сильно разразился своею рѣчью на тему: „О семь разумѣютъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“... Дальше, въ своей рѣчи Михаилъ высказалъ старообрядцамъ, что въ средѣ ихъ онъ не нашелъ доселѣ истинно-христіанской любви, а встрѣтилъ исключительно одно только зло и зло, а посему они не Христовы ученицы, а діавола... На этомъ рѣчь Михаила была прервана. Собраніе молящихся взволновалось и закричало:—„Какъ! Ты насъ порочишь! Дьяволами обругалъ! Какой ты попъ!“ и проч. Купецъ Арташовъ въ свою очередь грозно зарычалъ: „молчи, попъ! Иначе вотъ тебѣ!“ И онъ показалъ ему свою мощную десницу. Гвалтъ и шумъ стоялъ невообразимый. О. Михаилъ очутился одинокомъ среди громовыхъ обвиненій, укоризнъ, проклятій. Никакихъ оправданій, никакихъ словъ отъ него и слышать не хотѣли. Многіе изъ болѣе ревностныхъ протискивались впередъ, чтобы потузить своего пастыря, намять ему бока, чтобы на будущее время онъ помнилъ и чувствовалъ, какъ должно учить своихъ пасомыхъ. Послышались голоса: „не нужно намъ его! Вонъ его изъ нашей молельни! Онъ только святую церковь нашу осквернилъ своимъ служеніемъ!“ и пр. О. Михаилъ сообразилъ, что онъ слишкомъ пересолил въ своей рѣчи, что дѣло его плохо, даже очень рискованно, и поскорѣе ушелъ въ алтарь, чтобы снять съ себя облаченіе и убраться по добру-по здорову. Пока онъ это совершалъ, въ какія-нибудь 10—15 минутъ времени, купецъ Арташовъ заявилъ обществу, что попа этого онъ изгоняетъ изъ своей молельни, и на его мѣсто надѣется скоро пріискать другого.—„Ходите, старики, за службу! Мы и безъ него отправимъ ее по уставу, а позора этого терпѣть не будемъ“,—сказалъ въ заключеніе купецъ Арташовъ.

— Благодаримъ тебя, Филимонъ Стахѣичъ, за твое премудрое рѣшеніе.

И гурьбой повалили вонъ изъ молельни.

— Съ отставкой, батюшка, проздравляю! — лукаво улыбаясь, привѣтствовалъ Михаила уставщикъ молельни.

Михаилъ, нисколько не стѣсняясь, отпустилъ на его счетъ нѣсколько нецензурныхъ словъ и пошелъ на свою квартиру.

Съ горя или радости онъ закутилъ, а потомъ скрылся вонъ изъ Саратова.

На третій день Пасхи купецъ Ѳомичевъ пріѣхалъ въ молельню и началъ собирать всѣ свои вещи, какія только онъ жертвовалъ въ молельню. Такихъ вещей у него было много въ молельнѣ и, обобравъ ихъ, онъ оставилъ молельню почти безъ иконъ и книгъ.

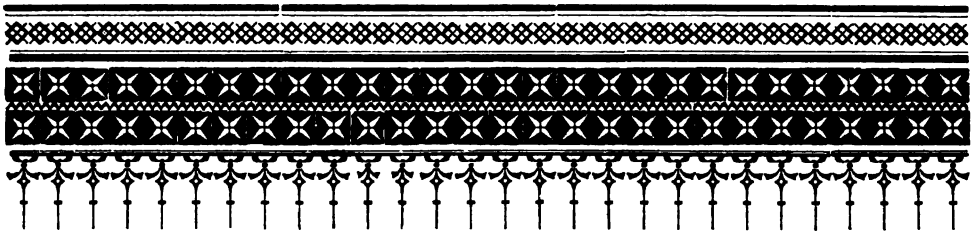
Объ этомъ немедленно дали знать купцу Арташову, который, собравъ общество, предалъ Ѳомичева анаемѣ и проклятю.

Такимъ образомъ бѣглопоповскому обществу нанесенъ былъ сильный ударъ, какъ Калинушкинымъ, такъ и Ѳомичевымъ. Послѣдній вскорѣ послѣ Пасхи перешелъ въ австрійство и, какъ человѣкъ вліятельный, увлекъ за собою и другихъ купцовъ: Болдырева, Сорочинскаго, Шилдаева. Арташовъ бѣсновался и выходилъ изъ себя. Ему и досадно было, и подѣлать съ этимъ онъ ничего не могъ. Приходилось мириться съ дѣйствительностью, а для него это было трудно. Онъ не могъ перенести такого удара, который былъ для него равнозначущимъ краху по торговлѣ. Онъ свыкъся съ мыслью единственнаго властелина въ обществѣ бѣглопоповцевъ, а тутъ открылась другая молельня, завелось два попа, одно и тоже общество раздѣлилось на двѣ половины, и сталъ онъ уже не одинъ главарь, а два. Горько было купцу Арташову встрѣтить это! Не привыкъ онъ къ этому явленію. Онъ любилъ одинъ властвовать и руководить дѣлами секты. Съ горя онъ даже захворалъ, слегъ въ постель, и, выбравъ старика Акима Иванова, приказалъ ему впредь до пріисканія имъ другого новаго попа совершать въ молельнѣ богослуженіе съ одними уставщиками и „нужды ради“ править и христіанскія требы, какъ то: крещеніе, исповѣдь и причащеніе запасными дарами.

Конечно, нужды этой въ строгомъ смыслѣ не было, такъ какъ въ Саратовѣ, только при другой молельнѣ, находился другой бѣглый попъ Василій; но разъ сами главари раскола находятся между собою въ разладѣ, то, по взгляду старо-обрядцевъ, это уже „нужда“, ради которой позволяется и законъ перемѣнить.

XXIV.

ЗАТУМАНСТВІЕ.

Августа наставникъ „Спасовой“ секты, Петръ Акиндиновъ, довольно уже пожившій старикъ, кончилъ служеніе „часовъ“ и, поклонившись народу въ землю, сказалъ: „простите мя, братіе и сестры! Съ праздникомъ Преображенія Господня поздравляю васъ всѣхъ! Дай Богъ всѣмъ намъ разговѣться отъ плодовъ древесныхъ во славу Божию и здравіе тѣлесное!

— Спаси тебя милостивый Господи, что ты помолился за насъ многогрѣшныхъ!—отвѣтили ему молящіяся, въ числѣ которыхъ преимущественно были старики и старухи и вообще пожившіе среднихъ лѣтъ люди (молодыхъ лицъ спасовцы не принимаютъ въ свою среду, говоря имъ: „вамъ еще церковь нужна! Вы дѣтей родите,—крестить ихъ нужно, потомъ вѣнчать“)...

— Садитесь, добрые христіане, потолкуемъ между собою, да покалякаемъ, а у меня кстати, и рѣчь къ вамъ есть особаго склада,—сказалъ наставникъ.

Всѣ втали садиться, кто на лавки, идущія вокругъ стѣнъ молельни, кто на маленькія ножныя скамейки, употребляемыя

старообрядцами для земныхъ поклоновъ во время богослуженія. Всѣ богомольцы одѣты были—мужчины въ черный, длинный халатъ, а женщины въ сарафанъ синяго цвѣта (черный и другіе цвѣта женщины-спасовки не употребляютъ — первый потому, что онъ траурный, а второй считается пестрымъ, а „что на сарафанѣ ни пестринка, то сидитъ бѣсинка“). Передъ сарафана отъ ворота и до края убранъ сорока оловянными и мѣдными пуговицами въ знакъ того, что Пресвятая Богородица „сорокъ недѣль носила во чревѣ своемъ Іисуса Христа.“ У каждаго богомольца была въ рукахъ широкая и длинная лѣстовка, сдѣланная изъ ремня, по которой, стоя за молитвой, каждый изъ нихъ перебираетъ ея бубенцы и этимъ считаетъ, сколько онъ прочиталъ за время службы краткихъ молитвъ Христу, Божіей Матери и святымъ.

— Вотъ я, братіе, поведу вамъ свою рѣчь на счетъ затемнѣнія, о которомъ всѣ теперь галдятъ и никто не знаетъ, отчего и почему такъ дѣлается. Никоніанцы, какъ злобозные люди толкуютъ объ этомъ по своей ереси, чего намъ, истиннымъ христіанамъ и слышать не долѣтъ: другіе, не отъ нашихъ старообрядцевъ, также блуждаютъ въ толкованіи, а намъ, братіе, истинновѣрующимъ, нужно не ошаяватися направо и налево, а идти прямо по священному писанію, и какъ оно учитъ о чемъ, такъ и мы протолкъ свой должны вести, непоколебимо и безъ прибавленія,—говорилъ наставникъ.

— Истинную рѣчь ведешь, о. Петръ!—сказалъ одинъ богомолецъ.—Въ священномъ писаніи мы должны все равно какъ купаться, а не только что плавать по верху. Погрузишься если въ его глубину, истину поймашь, а нѣтъ, такъ и выйдешь сухимъ, какъ былъ.

— Писаніе такъ и именуется,—сказалъ наставникъ,—глубина морская! А ну-ка спознай его все то? Да и постичь-то его не всякій можетъ; а только благочестивый и богобоязненный человекъ.

Вотъ я прочту вамъ отъ святой книги блаженнѣйшаго въ патріарсѣхъ отца нашего киръ патріарха Филарета, который во главѣ 23, на листу 102, оборотъ, сиче пишетъ: „Вопросъ. Кая убо знаменія будутъ ближняя предъ суднымъ днемъ? Отвѣтъ. Сія суть страшнѣйшая отъ первыхъ. Т-е солнце пе-

ремѣнится во тьму, 2-е луна не дастъ свѣта своего“..... Слышите! Страшнѣйшія называетъ и показываетъ это писаніе. Значить, здѣсь толковать надобно не кое-какъ, а со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ. Само солнце перемѣнится во тьму, сирѣчь потемнѣніемъ объято будетъ. Равно и луна не будетъ казать свѣта своего. И то, и другое свѣтило измѣнится по Божію велѣнію за наши грѣхи, и настанетъ по землѣ темнота. Вотъ оно откуда истекаетъ потемнѣніе солнца-то: отъ священнаго писанія, отъ науки божественной, а не еретической. Здѣсь ему положенъ указъ, а не въ ихъ богомерзкихъ книжонкахъ, да трубахъ, въ которыя тщатся урѣть трисіянское свѣтило Божіе, но ничтоже успѣваютъ. Тутъ только мы видимъ, что этотъ обликъ славы Божіей будетъ въ потемнѣніи,—за что? За наши беззаконія, за то, что оставили истинный крестъ Господа нашего Ісуса Христа, иже творити на себѣ должны есмы двѣма персты, по преданію святыхъ и богоносныхъ Отецъ нашихъ, а не тремя персты, какъ это выдумали никоніанцы и соблазняютъ другихъ творить также, и многое другое, измѣненное ими въ своихъ церквахъ.

Вотъ за эти-то прегрѣшенія и наказуетъ насъ Господь и повелѣваетъ стихіямъ своимъ творити измѣну своего лица: пусть-де они казнятся, да вразумляются о своихъ беззаконіяхъ! А они что творять? Они, яко-же содомляне, радуются этому потемнѣнію свѣтила Божьяго, ликуютъ, печатаютъ объ этомъ въ своихъ газетахъ, чтобы вѣдомо это было каждому человѣку. Охъ, грѣхи наши тяжкіе! Тутъ плакать довлѣетъ, слезы изнуждать изъ очей своихъ, а они нисколько не сѣтуютъ объ этомъ, какъ-будто такъ и должно совершаться.. По истинѣ пророкъ Исаія глаголетъ о такихъ людяхъ: „Слухомъ услышите—и не имате разумѣти, и видяще узрите и не имате видѣти. Одебѣлѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжело слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ“. Вотъ почитали бы они, никоніанцы, священное писаніе то, тогда и увидѣлибы они, въ какой тьмѣ сидятъ они сами и другихъ къ тому ведутъ. Жалкіе люди!

— Что говоритъ объ нихъ, отче!—сказалъ другой богомолецъ старикъ.—Эти люди ужъ пропаціе; отъ Бога они ото-

шли, вѣру свою исказили такъ, что и узнать въ ней христіанства невозможно. По моему, что жидъ, что никоніанецъ—едина статья!

— Оба идутъ во тьму кромѣшную, идѣже червь и скрежетъ зубовъ. Такимъ людямъ во спасеніи отказано.

— Это, старецъ, ты сказалъ, правду,—подтвердилъ наставникъ.—Иного толкованія о никоніанцахъ и быть не долѣетъ.

— Ступай ты теперь къ никоніанцамъ и скажи имъ, что за темнѣніе солнца Божія есть наказаніе Господне за грѣхи наши, что они должны казниться надъ этимъ, да и подумать: какъ они живутъ и какъ вѣруютъ? И всѣ они будутъ только смѣяться надъ тобою и тебя же сочтутъ безумнымъ. Твой глаголь будетъ мерзокъ имъ. Мало ли мы имъ возвѣщали о своемъ ученіи и наводили толкъ о царствованіи нынѣ антихриста и его прелестномъ дѣйстви, и все они и „видяще—не видятъ, и слышаще—не разумѣютъ“. А отчего? Оттого, что законъ Божій оставили, а возлюбили земную премудрость, иже суть по стихіямъ міра, да ложной философіи,—ну, и думаютъ, поэтому все знаютъ. А на дѣлѣ выходитъ, что они мнятся быти мудріи, но объюродѣша, силы разума не имѣюще. Этихъ людей намъ нужно всячески удаляться, яко развращенныхъ сущихъ и глаголющихъ противная святому писанію

— Какъ ты, касатикъ нашъ, толкуешь-то все премудро да разумно, инда и не поймешь другое слово!—сказала старуха, внимательно все время слушавшая рѣчи своего наставника.

Наставникъ въ это время взялъ въ руки книгу св. Ефрема Сирина, развернулъ ее и пригласилъ слушать его чтеніе.

— Восплачутъ жеся обѣ свѣтилѣ небесныя,—читалъ онъ,—и со звѣздами за родъ человѣческой, яко вси уклонихася вкупѣ отъ Бога святаго, содѣтеля всяческимъ, и льстецу вѣру яша, приѣмше образъ сквернаго богопротивника за крестъ спасовъ. Тогда восплачется земля и море, яко внезапно предстанетъ гласъ пѣнія и молитвы отъ устъ человѣческихъ. Тогда восплачутся церкви Христовы вся плачемъ великимъ, зане не будетъ службы святыхъ во алтарѣхъ, ни приношенія.

Наставникъ остановился и, окинувъ взглядомъ толпу, спросилъ: „о чемъ здѣсь говорится? Поняли-ли вы это“?

— Гдѣ намъ понять! Растолкуй Христа ради! Мы—люди темные: читать читаемъ, а протолкъ вести не можемъ!—заговорили богомольцы.

— Это вѣрно, ибо здѣсь толкователь говорить всякое слово возводнѣ, иносказательно. Свѣтила небесныя—значить солнце и луна; придетъ такое время, что оба остановятся и не будутъ давать свѣта своего на землю. Теперь у насъ луна рождается въ началѣ каждаго мѣсяца и въ концѣ его ущербляется, сирѣчь, кончаетъ свою жизнь, а потомъ другая луна появляется, и такъ каждый мѣсяцъ идетъ. Солнечное же теченіе идетъ въ своемъ ходу: съ утра возсіяетъ, вечеромъ утхнетъ и по Божьему велѣнію отдыхаетъ всю ночь, вплоть до утра. А тогда ничего этого не будетъ. Они восплачутся, сирѣчь утхнутъ и потемнѣютъ, сдѣлаются черныя, какъ сажа. Теперь говорятъ: будетъ потемнѣніе солнца,—это совершается только еще знаменіе времени; Богъ даетъ урокъ никоніанамъ и другимъ злобожнымъ людямъ, чтобы они этимъ вразумились и узнали нашу древлеистинную вѣру Христову. У нихъ теперь нѣтъ истиннаго креста Спасова, они отвергли его, завели свой, троеперстный, щепоть; поэтому, въ церквахъ ихъ нѣтъ истиннаго христіанскаго пѣнія и молитвы, а одинъ только призракъ. На церкви эти нужно только плакаться, какъ и они плачутъ, то есть скорбѣютъ. Поняли?

— Какъ не понять, родимый, золотыя твои слова! Толкуешь, точно лепешки въ ротъ кладешь!—разомъ закричали всѣ богомольцы.

— Узнали теперь, отчего происходитъ потемнѣніе свѣтила Божія, и можно-ли постигнуть силу Его по еретическимъ семиковымъ книжкамъ, составленнымъ по еретическому мудрствованію.

— Какъ не понять, родимый! Не маленькія, вѣдь! Кромѣ священнаго писанія, вѣдать ни откуда нельзя объ этомъ. И вотъ, какъ ты толкованіе-то навелъ намъ, оно теперь намъ извѣстно, какъ на ладонкѣ вотъ,—сказалъ одинъ изъ богомольцевъ.

— А вотъ, касатикъ, научи меня ты, немудрящую какъ мнѣ быть теперь?—говорила одна изъ женщинъ, протискавшись впередъ и ставъ предъ наставникомъ.—У меня есть сынъ рос-

сійской вѣры, вмѣстѣ со мной живетъ, который, начитавшись въ „листочкахъ“ объ этой потемненной то оказіи, ждетъ, не дождется теперь этого затуманствія въ солнышкѣ, даже радуется, что это будетъ: я, говоритъ, по крайней мѣрѣ, посмотрю это... Завелъ себѣ какую-то черную стеклянку, которую хочетъ наводить на солнышко. Ужъ не грѣшно-ли будетъ мнѣ найдаться съ нимъ въ одной хоромѣ?

— Да, я совѣтую тебѣ удалиться отъ него на это время. Пророкъ святой Давидъ глаголетъ: „съ избраннымъ избранъ будешь и со строптивымъ развратишься“. Съ вечеру-же ты уйди отъ него, поганца, переночуй гдѣ-нибудь въ людяхъ, у нашихъ христіанъ, а потомъ на другой день, къ вечеру можешь и вернуться въ свою хорому. Только на счетъ потемнѣнія солнца ты ему, еретику, скажи, какъ я тебѣ пояснилъ:— оно, молъ, происходитъ ради васъ, начестивцевъ, чтобы вы казнились, значить, надъ своимъ всепагубнымъ положеніемъ въ ереси.

— И—и, родимый, гдѣ мнѣ его переговорить! Развѣ послушаетъ онъ меня? Ни за что! Онъ смѣется надо мною: много васъ, говоритъ, старообрядцевъ, всѣ вы держите однѣ книги, однимъ крестомъ молитесь, а между себя ругаетесь и еретиками зовете другъ друга. Въ каку-то церкву посылаетъ меня слушать бесѣды противъ насъ: тамъ, говоритъ, ты узнаешь досконально, какая правота ваша.

— И не моги этого дѣлать!— встревожился наставникъ.— Это онъ въ киноію посылаетъ тебя, гдѣ дѣйствительно толкуютъ про нашу вѣру. Тамъ ты только разстроишься сердцемъ. Мало ли мы имъ, никоніанамъ, доказывали уже свою правоту, да ничего они не слушаютъ и не убѣждаются. Хоть колъ теши имъ на головѣ-то! Твердятъ свое про церкву, священство и таинства, а гдѣ ихъ взять нынѣ?... Когда антихристъ возобладалъ вселенной, да всюду пустилъ свои корни, какое ужъ тутъ священство и тайны! Нѣтъ его! Руки освященныхъ лицъ рассыпались еще при Никонѣ патріархѣ, который произвелъ смуту въ Христовой церкви. Мы теперь только по крайней нуждѣ совершаемъ у нихъ двѣ тайны: крещеніе и бракъ, потому это необходимо для каждаго христіанина, и совершать ихъ простецу не дозволено. А никоніанскій погъ, хоть ере-

тикъ, да въ ризахъ. Все-таки и это мы потомъ очищаемъ отъ скверны „милостынею и молитвою ко всемогущему Спасу, на котораго у насъ теперь вся надежда и Который безъ всякаго сомнѣнiя спасетъ насъ.

— А теперь давайте помолимся и пойдемъ ко дворамъ съ миромъ.

— Спаси тебя милостивый Господи, за нравоученiе твое!— закричали всѣ богомольцы и разомъ поклонились ему въ ноги.—Много трудовъ полагаешь ты въ свой наукъ насъ грѣшныхъ.

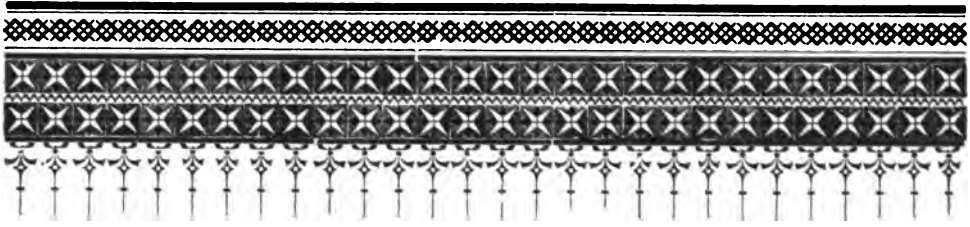
Одинъ за другимъ старообрядцы стали расходиться, кладя отходные поклоны и наперерывъ приглашая въ гости наставника.

— У меня, отче, ты давно не былъ въ домѣ! И у меня также!—говорили одинъ за другимъ богомольцы.

Наставникъ обѣщалъ придти.

Молельня вскорѣ опустѣла.

ЛОВКІЕ АФЕРИСТЫ.

то было въ началѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Бѣглопоповская секта господствовала и въ Саратовѣ, и въ уѣздѣ во всей своей силѣ. Австрійская іерархія, только что появившаяся въ Бѣлой Криницѣ (въ Австріи), еще не успѣла проникнуть сюда и свить себѣ прочное гнѣздо. О ново-появившемся въ Австріи священствѣ ходилъ только слухъ, который передавался на разные лады: одни, на примѣръ, говорили, что это древнее священство, отысканное старообрядцами за снѣговыми Ливанскими горами, гдѣ оно скрывалось, бѣжавъ изъ Россіи, во время патріарха Никона; другіе—что это „юнисты“, т. е. уніатское священство, учрежденное римскимъ папою для прельщенія старообрядцевъ.

Словомъ, говорили разное объ этомъ, придуманномъ старообрядцами священствѣ, а начетники бѣглопоповщины, пользуясь этимъ, нарочито разносили этотъ слухъ по городамъ и селеніямъ, убѣждая при этомъ твердо и неизмѣнно держаться своей вѣры и священства, а новаго—изъ „Астрицкой земли“ не принимать. Бѣглопоповскому духовенству, поэтому, было широкое раздолье: они дѣйствовали по всей губерніи, ѣздили по городамъ, селамъ, совершая требы и богослуженіе.

Деньги за ихъ трудъ лились потокомъ, имъ платили столько, сколько просятъ они и платили золотомъ, серебромъ, платили 20, 50, руб. за свадьбу, смотря по состоянію, не говоря уже о разныхъ подаркахъ и приношеніяхъ.

Случилось какъ-то, что завѣдывавшій Саратовомъ бѣглый попъ надолго отлучился изъ своего мѣста (онъ увезенъ былъ на Донъ къ казакамъ, гдѣ и застрялъ). За это время много родилось младенцевъ, умерло разныхъ лицъ безъ отпѣванія и погребенія священникомъ, много усватолось невѣсть женихами, и только ждали пріѣзда батюшки, чтобы повѣнчать ихъ въ законное сожитіе. А батюшки нѣтъ и нѣтъ. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, телеграфовъ не знали; если и прослышатъ гдѣ, что тамъ-то, по слуху, есть священникъ, но вѣдь пускаться въ дальнюю дорогу, не разузнавши хорошенько, рискованно—во первыхъ, да начетисто—во вторыхъ. Кромѣ этого, поѣхать на сторону могли только люди со средствами, богатые, а бѣдные? Къ тому же и строгонько тогда было отъ правительства. Пріѣхать съ крестинами, свадьбами и др. требами человѣкъ въ 200 разомъ, въ какое-нибудь мѣсто было бы подозрительно и опасно для себя лично. Ну, и ждали своего батюшку, а его какъ на грѣхъ все нѣтъ и нѣтъ.

Въ это-то горячее и нужное время вдругъ является въ Саратовъ человѣкъ, назвавшій себя старообрядцемъ бѣгло-поповской секты и заявилъ, что онъ ѣдетъ съ священникомъ въ Самарскую губернію. Человѣкъ этотъ явился къ купцу Т. К. Губину, показалъ ему письмо отъ извѣстныхъ въ старообрядчествѣ лицъ, чѣмъ совершенно разсѣялъ всякое сомнѣніе въ его личности. Купецъ Губинъ какъ прочелъ эти письма и убѣдился, что предъ нимъ стоитъ не мазурикъ какой-нибудь, а дѣйствительно истинно-древній старообрядецъ, одного съ нимъ согласія, то, не сдержавъ порыва радости, тотчасъ кинулся ему на шею и закричалъ: „голубчикъ, дорогой ты нашъ! Понимаешь ли ты, какъ пріѣхалъ сюда теперь кстати... Вѣдь, у насъ батюшки-то своего давно уже нѣтъ, а требъ накопилось множество. Будь отецъ родной, утѣшь насъ сирыхъ, и поживи у насъ со своимъ батюшкою, да соверши у насъ все, какъ слѣдуетъ,—христіанское дѣло!“ Пріѣзжіи нѣсколько поломался, сталъ говорить, что ему некогда проживать здѣсь,

что его ждуть съ нетерпѣніемъ въ своемъ районѣ и пр.— „Озолотимъ! Только не уѣзжай!“—сказалъ купецъ Губинъ. Пріѣзжій согласился. Тотчасъ купецъ Губинъ извѣстилъ всѣхъ нуждающихся въ попѣ старообрядцевъ и не только однихъ саратовскихъ, но и по окрестнымъ мѣстамъ. И такъ какъ молельня существовала у него-же въ домѣ, на чердакѣ, то народъ въ перемежку, кто одними воротами, кто другими,— одни раньше, другіе позже, повалили къ нему гурьбами. Пріѣзжій батюшка, видимо наторѣвшій въ требоисправленіи, дѣйствовалъ скоро. Онъ началъ со свадьбъ, крестинъ и кончилъ заочнымъ погребеніемъ умершихъ. Заказныя литургіи онъ отслужилъ сразу всѣмъ желающимъ ихъ. Денегъ собралъ онъ массу, и кромѣ того ему надарили сукна, ситцу, платковъ и пр., и пр. Угощали-же какъ только было лучше.

Прошло мѣсяць, какъ пріѣзжій батюшка выѣхалъ изъ Саратова въ Самарскіе края. Къ купцу Губину пріѣхалъ знакомый ему пріятель и открылъ истину, что пріѣзжій батюшка никто иной, какъ дьячекъ православной церкви, лишенный епархіальнымъ начальствомъ за разныя продѣлки и должности, и духовнаго званія; что подобныя дѣла онъ продѣлывалъ и кромѣ Саратова въ другихъ мѣстахъ, за что и ему, и окружающимъ его лицамъ кое-гдѣ сильно доставалось отъ старообрядческихъ рукъ. Выслушавъ это, Губинъ сказалъ пріятелю: „ну, другъ, огорчилъ ты меня своимъ извѣстіемъ. А по всѣмъ твоимъ рассказамъ и примѣтамъ вижу, что мы въ обманъ дались негодяю, Ну, что дѣлать! Молчи и храни сію тайну. Иначе, если я скажу, меня заѣдятъ свои однообщественники, такъ какъ я именно виною всего этого. Ужъ больно мы нуждались тогда въ попѣ-то“. Спустя нѣсколько времени купецъ Губинъ собралъ къ себѣ своихъ единовѣрцевъ и предложилъ имъ попытать въ Москвѣ о новооявившемся древнемъ священствѣ. Старообрядцы въ нѣсколько голосовъ закричали: „ты новую вѣру хочешь ввести! Ты отступленіе отъ древности заводишь и пр. пр.“

— Нѣтъ, старики, я отъ вѣры не отступаю, а только со-вѣтую вамъ съѣздить въ Москву, побывать на Рогожскомъ и разузнать хорошенько: дѣйствительно-ли у нихъ тамъ завелось древнее хорошее священство? Если нѣтъ—ненадобно его при-

нимать; если хорошее, то намъ-же будетъ лучше, и тогда мы не будемъ такъ бѣдствовать изъ-за поповъ, какъ это сейчасъ терпимъ нужду". Большинство согласилось, и тотъ-же Т. К. Губинъ, избранный бѣглопоповцами, поѣхалъ на Рогожское кладбище, въ Москву, узнавать объ австрійскомъ священствѣ, насколько оно правильно, по канонамъ церкви и спасительно, по своему учрежденію.

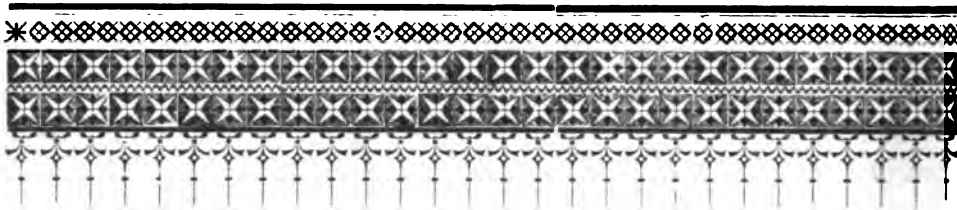
Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого случая. Австрійская іерархія прочно свила себѣ въ Саратовѣ теплый уголокъ, и въ томъ-же чердакѣ, гдѣ нѣкогда поповствовали проѣзжіе дьячекъ и бѣглые попы, сталъ служить требы крестьянинъ Владимірской губерніи Иванъ Тим. Тумаковъ, получившій рукоположеніе отъ австрійскихъ іерарховъ. Мнѣ было 14 лѣтъ. Я служилъ при попѣ Тумаковѣ постояннымъ его прислужникомъ въ молельнѣ. Однажды, кончивъ службу и сойдя съ чердака въ нижніе апартаменты хозяина дома, мы усѣлись за чайный столъ. Купецъ Губинъ сказалъ: „вомъ мы теперь, при всемъ благолѣпіи и красотѣ службы остаемся все еще недовольны: одинъ жалуется, что батюшка не былъ у него съ крестомъ на праздникъ Рождества, или Пасху, другой свое, а посмотрѣли-бы, что раньше то было у насъ? Вѣдь это теперь царство небесное у насъ. Когда захотѣлъ окрестить младенца—крести, когда вздумалъ помянуть—поминай, какъ хочешь и т. д... Любота, да и только! А вѣдь, прежде-то, что было у насъ, такъ и вспоминать-то все нутро воротить!—И рассказалъ намъ вышеописанный случай. „Да вѣдь - то еще досадно,“—сказалъ потомъ купецъ Губинъ, „что говорю имъ теперь все это (т. е. бѣглопоповцамъ, не принявшимъ австрійской секты), а они не вѣрятъ мнѣ: „ты, говоритъ, намъ раньше этого не говорилъ, а теперь мы вѣрить тебѣ боимся; ты можешь сказать и напрасно“. „Дуракъ я, что тогда-же не открылъ всего этого мошенничества проклятаго дьячка“.

И воистину такъ. Скажи купецъ Губинъ это раньше въ свое время, событіе это, можетъ быть, произвело-бы сильное впечатлѣніе и на всѣхъ другихъ старообрядцевъ, какъ оно произвело лично на самага купца Губина. Тогда, кто знаетъ,

быть можетъ, все общество бѣглопоповцевъ, подѣ вліяніемъ этого факта тѣснѣе сплотилось-бы между собою и одновременно приняли-бы все вмѣстѣ такъ именуемую австрійскую іерархію, тогда какъ потомъ они раздробились на двѣ половины: одна приняла австрійство, а другая осталась съ бѣглыми попами и бѣглыми дьячками въ видѣ поповъ.

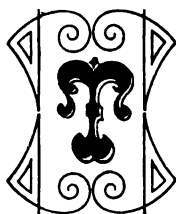
Но нельзя не видѣть и въ семъ дѣйствіи раскола — провидѣнія Божія. Теперь эти разрозненные секты, — враждебныя одна другой, а тогда это была-бы сила, сплоченная въ одно общество, тѣсно связанное одной вѣрой и убѣжденіемъ. Провидѣніе Божіе не допустило сплотиться врагамъ Св. Церкви Христовой въ одну семью и породило между ними рознь и несогласіа.

XXVI.

Отецъ Ардаліонъ.

О, что я хочу сказать, относится къ 60-мъ годамъ настоящаго столѣтія. Австрійская іерархія, какъ новника, чрезвычайно интересовала всѣхъ вообще старообрядцевъ; послѣдователи же ея особенно чествовали своихъ духовныхъ особъ, время отъ времени являвшихся къ намъ въ Саратовъ за сборомъ пожертвованій. Лица эти выдавали себя пріѣзжими, то изъ Турціи, то изъ Австріи, Румыніи: они называли себя іероманахами, архимандритами и просто монахами, посланными отъ своихъ древлеблагочестивыхъ епископовъ въ Россію за сборомъ денегъ, и собирали ихъ одинъ на украшеніе монастыря, другой—на колоколь, третій—на облаченіе своего епископа. Старообрядцы нисколько не сомнѣвались въ истинности этихъ лицъ и совершаемыхъ ими поборовъ; охотно вѣрили ихъ словамъ и принимали ихъ съ почетомъ и уваженіемъ, угощая какъ и чѣмъ могъ по своему состоянію. Жертвы лились въ ихъ карманы рѣкою: 3, 5, 10 рублей давали люди средней руки; богачи же жертвовали имъ сотнями рублей. „Вотъ у васъ,

родимый, какое трисіянное благочестіе-то! И въ колокола звонять, и въ ризахъ публично ходять по улицамъ“,—со вздохомъ говорили старообрядцы, а нѣкоторые такъ даже плакали отъ радости, что Господь сподобилъ ихъ въ своей жизни пожертвоваль свою копѣйку на такое великое дѣло. Давая деньги всѣмъ этимъ проходимцамъ, старообрядцы просили записать ихъ имена и вылить на колоколѣ, или вышить ихъ на подкладкѣ церковнаго облаченія, чтобы жертва ихъ была на виду у всѣхъ. Проходимецъ записывалъ имена ихъ въ свою книжку и давалъ обѣщаніе выполнить все, согласно волѣ и просьбѣ жертвователей.

Одно время, какъ-то лѣтомъ, въ Саратовъ прибылъ точно такой-же сборщикъ на церковныя нужды и объявилъ себя посланникомъ самаго митрополита изъ Бѣлой Криницы, въ Австріи. Онъ называлъ себя іероманахомъ о. Ардаліономъ. Разумѣется, старообрядцы и не подумали спросить у него документовъ, удостовѣряющихъ какъ его собственную личность, такъ равно и полномочіе его на сборъ денегъ отъ имѣни бѣлокриницкаго митрополита Кирилла. Ардаліонъ же предъявилъ съ своей стороны старообрядцамъ книжку, въ которой имѣлась печать и подпись бѣлокриницкаго митрополита: множество записей крупныхъ и мелкихъ пожертвованій старообрядцевъ различныхъ городовъ россійской имперіи. Въ эту же книжку Ардаліонъ просилъ саратовскихъ старообрядцевъ записать и свои пожертванія. Такимъ образомъ, никакого сомнѣнія на счетъ личности Ардаліона у саратовскихъ старообрядцевъ небыло возбуждено, и попечителями саратовскаго общества предложено было Ардаліону взять съ собою указаннаго ими мальчика и обойти дома саратовскихъ старообрядцевъ съ приглашеніемъ ихъ пожертвовать, кто что можетъ. Ардаліонъ такъ и поступилъ. Сборъ онъ производилъ, какъ значилось въ его записной книжкѣ, на „заупокойный колоколъ“. Ходилъ Ардаліонъ по домамъ старообрядцевъ день, ходилъ другой, всюду его принимаютъ съ почетомъ и уваженіемъ, вездѣ угощаютъ „явствами и питіемъ“ дорогимъ, засыпая при этомъ вопросами о житьѣ-бытьѣ бѣлокриницкихъ христіанъ, самого митрополита Кирилла, о его торжественномъ архіерейскомъ богослуженіи въ церквахъ и со звономъ, и пр., и пр. Ардаліонъ

на все отвѣчалъ и вполнѣ удовлетворялъ любознательности хозяевъ дома. Съ мельчайшей подробностью рассказывалъ онъ въ каждомъ домѣ, какъ живутъ у нихъ въ Бѣлой Криницѣ разныя тамъ матери: Макрины, Агафокліи, Перпетуи, отцы: Сафоніи, Акакіи, Нифонты и пр., пр.; какъ они пребываютъ всѣ вкунѣ любовно и живутъ по Христовымъ заповѣдямъ, день и ночь молятся Богу за всѣхъ щедрыхъ христоролюбивыхъ дателей; какъ читаютъ они по нимъ непрерывно со слезами разныя акафисты, каноны, псалтырь и пр. Однимъ словомъ, Ардаліонъ описалъ бѣлокриницкую обитель такими сочными красками, что по внѣшности изобразилъ ее въ видѣ Троицко-Сергіевской лавры, что около Москвы, а по жизни въ ней монаховъ и монахинь, воспроизвелъ такой строгій аскетизмъ и отверженіе отъ всего мірскаго, что напомнилъ старообрядцамъ первые вѣка христіанства. Слушая его рассказы, старообрядцы приходили въ восторгъ и душевное умиленіе. „Вотъ гдѣ хранится истинное-то благочестіе!“—говорили они. Само собою разумѣется, что, благодаря этимъ рассказамъ, жертвы хозяевъ усугублялись; залежалые рубли вытаскивались изъ сундуковъ сердобольными и набожными женщинами и десятками передавались Ардаліону съ поклономъ и слезами помолиться за нихъ многогрѣшныхъ святыми своими молитвами предъ Богомъ. Ардаліонъ бралъ деньги и перекладывалъ ихъ въ свой кошелекъ. И только черные, какъ уголь, глаза, сверкающіе изъ-подъ черной скуфейки его на головѣ, лукаво щурились при этомъ. Злая улыбка пробѣгала на его губахъ. Такъ ходилъ онъ по Саратову около недѣли и собралъ денегъ не мало. Знакомыхъ старообрядцевъ въ Саратовѣ у него не было, а квартировалъ онъ у бѣднаго многосемейнаго старообрядческаго уставщика на крайнѣ города. Между тѣмъ Ардаліонъ, отпустивъ отъ себя мальчика, каждый вечеръ пропадалъ по нѣскольку часовъ, и когда возвращался на свою квартиру, то объяснялъ свое отсутствіе тѣмъ, что онъ обзрѣвалъ городъ, который, по радушности старообрядцевъ, ему очень нравился. Наконецъ, въ одно изъ своихъ путешествій по домамъ старообрядцевъ, Ардаліонъ до того пресытился различными угощеніями, что пожелалъ развернуться во всю ширину своей натуры. Съ этой цѣлью онъ завернулъ въ одну изъ саратов-

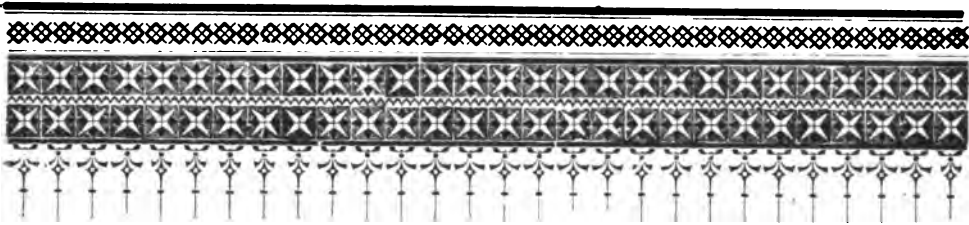
скихъ гостинницъ, потребоваль себѣ водки, а на закаску... что бы вы думали? Порцію вареныхъ раковъ!.. Раки вообще проклятое и нечистое кушанье у старообрядцевъ. Мигомъ составилаь у Ардаліона веселая компанія, съ присутствіемъ постояннаго элемента, а подъ этотъ шумокъ спутникъ его бѣжалъ къ своимъ родителямъ и съ ужасомъ объявилъ имъ, что сопутствуемый съ нимъ монахъ сидитъ въ гостинницѣ и ѣсть раковъ. Тотчасъ дано было знать объ этомъ попечителямъ общества и другимъ единовѣрцамъ. Преступленіе іеромонаха Ардаліона казалось старообрядцамъ ужаснымъ и богопротивнымъ. Случилось, что это было наканунѣ воскреснаго дня. На другой день въ молельнѣ только и говорили о іеромонахѣ и съѣденныхъ имъ ракахъ. — „Раковъ жралъ, проклятый! Водяныхъ сверчковъ лопаль, нечестивецъ! Онъ обманщикъ, никонианинъ!“ — и пр., и пр. говорили встревоженные старообрядцы. Ждали Ардаліона за службу, чтобы сдѣлать ему вразумленіе и наказаніе, но Ардаліонъ не явился больше къ старообрядцамъ. Съ этого дня онъ пропалъ навсегда; раки сгубили его и опозорили предъ старообрядцами. Прокутивъ въ гостинницѣ дня два, Ардаліонъ укатилъ въ новое царство тьмы, чтобы тамъ снова, подъ именемъ какого-нибудь о. Секунда, эксплуатировать религіозное чувство старообрядцевъ. На отъѣздѣ онъ позабылъ въ гостинницѣ оставленную имъ скуфейку съ наплечной мантией — атрибуты, посредствомъ которыхъ онъ обманывалъ старообрядцевъ. Впослѣдствіи казанскіе старообрядцы извѣстили саратовскихъ попечителей, что у нихъ, подъ именемъ о. Урвана изъ Турціи, былъ какой-то проходимецъ, собиравшій на монастырь Божіей Матери и, что, набравъ денегъ, онъ закутилъ, попался въ руки полиціи, но успѣлъ бѣжать и скрылся куда-то. Примѣты Урвана показали, что это былъ тотъ-же о. Ардаліонъ, а, быть можетъ, по другимъ мѣстамъ онъ Мардарій, или Павсикакій, такъ какъ, судя по дѣйствіямъ Ардаліона, смѣло можно сказать, что имя ему легіонъ.

Съ этого времени и до настоящаго прошло болѣе 20 лѣтъ. За это время много у старообрядцевъ измѣнилось и пошло иначе. Теперь и похожденіямъ среди нихъ разныхъ отцовъ Трифіліевъ, Пигасіевъ и пр. положенъ конецъ; по крайней

мѣрѣ на этотъ счетъ изданы старообрядцами руководящія правила, по которымъ монашествующіе не должны отлучаться отъ своихъ монастырей и жить въ мірѣ, тѣмъ болѣе совершать какіе-либо поборы въ пользу своихъ монастырей и обителей, обезпеченіе которыхъ всецѣло возложено на епархіальныхъ раскольничьихъ епископовъ, которые, поэтому, одни и имѣютъ право въ извѣстныхъ случаяхъ обращаться къ своей паствѣ, съ приглашеніемъ пожертвовать и помочь матеріально въ томъ или другомъ дѣлѣ. Правда, правила эти и по сіе время игнорируются нѣкоторыми духовными отцами раскола, зато не въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде, въ показанное время.

XXVII.

ПРЕПОДОВНАЯ МАТЬ ГОЛИНДУХА.

то было въ 1872 году. Окружное посланіе, сочиненное раскольничьими властями и надѣлавшее содержаніемъ своимъ столько шума между старообрядцами въ Москвѣ, хорошо было извѣстно и въ Саратовѣ, и такъ же, какъ и въ Москвѣ, произвело между раскольниками величайшій пе-

реполохъ, драку и ругань.

Общество саратовскихъ раскольниковъ, какъ только прочитали это посланіе, тутъ-же раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, защищавшихъ окружное посланіе и отвергавшихъ оное. На сторону послѣднихъ стали купцы: Сотниковъ, Мурашкинъ, Кокурошниковъ, Чеботаревъ и другіе. Волненіе было страшное; споровъ—бездна. Народъ не зналъ, за какой партіей ему идти: за первой или за второй? Стали устраивать соборы, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ понятій и безумной ревности, но ничего не выходило: соберутся, бывало, купцы и начетчики той и другой стороны, скажутъ нѣсколько словъ, да и разо-

рятыя между собою, да такъ, что хотъ святыхъ всѣхъ выноси вонъ! Отъ разсужденій о вѣрѣ перейдутъ къ торговымъ дѣламъ, станутъ указывать недостатки одинъ другого, слабую жизнь и пр., вслѣдствіе чего поднимается шумъ, крикъ, другъ друга обзываютъ разными словами, не стѣсняясь ни лицами, ни мѣстомъ собранія. Такъ и не могли наши заправители столкнуться между собою и разошлись въ разныя стороны. Принявшіе окружное посланіе обозвали отдѣлившихся отъ нихъ неокружниковъ „кривотолками“, „раздорниками“, а послѣдніе стали называть окружниковъ „уніатами“, „обманщиками“ и т. д. При свиданіи съ окружниками, неокружники дѣлали имъ въ воздухѣ кругъ, а затѣмъ съ руганью и бранью расходились кто куда. Неокружническіе купцы не замедлили послѣ разрыва построить себѣ особую молельню, завели свой штатъ чтецовъ, пѣвцовъ и добились особаго попа. Словамъ, церковное дѣло пошло своимъ чередомъ. О соединеніи съ окружниками не могло быть и рѣчи, да объ этомъ ужъ и не хлопоталъ никто.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ началѣ весны сказаннаго года къ окружникамъ пріѣхала изъ Москвы монахиня, мать Голиндуха, выдававшая себя за начетчицу. Она пріѣхала за сборомъ денегъ и остановилась въ домѣ купца Николая Никанорова Прянишникова. Послѣдній былъ страшный фанатикъ, человѣкъ безграмотный и терпѣть не могъ окружниковъ. Будучи крѣпкаго тѣлосложенія, рослый, здоровый дѣтина, онъ только одно говорилъ: „если бы мнѣ была дана воля правительствомъ, то я всѣхъ проклятыхъ окружниковъ, какъ Ілія пророкъ, распласталъ бы на части“. Грубый человѣкъ до крайности. Мать Голиндуха подмѣтила въ немъ эту слабую струну и выдала себя предъ нимъ такой же ревнительницей ихъ общества и убѣжденій, какъ и онъ. Она стала подговаривать его, чтобы онъ устроилъ у себя въ домѣ соборъ и пригласилъ на него окружниковъ. „Ужъ мы ихъ, еретиковъ, проберемъ здѣсь, какъ намъ хочется, и они останутся безотвѣтны“,—говорила она.

Прянишниковъ сдился на ея слова и уговорилъ съ своей стороны прочихъ купцовъ участвовать на этомъ соборѣ. Пригласили и окружниковъ. Послѣдніе съ радостію пришли на

соборъ, предположивъ, что неокружники устраиваютъ все это съ цѣлью выяснитъ себѣ недоразумѣнія и снова соединиться съ ними. Это предположеніе вытекало изъ того, что неокружники представляли собою элементъ выдѣленія еще новый, не загрубѣлый и потому, какъ думали окружники, возможный еще къ соединенію.

Однако, вышло наоборотъ.

Въ назначенное время открылась бесѣда. Мать Голиндуха заняла первенствующее положеніе на сторонѣ неокружниковъ и вступила въ бесѣду съ окружническимъ дьякономъ Павломъ Комаровымъ, котораго окружники уполномочили говорить за ихъ общество. Вопросъ пошелъ объ окружномъ посланіи. Мать Голиндуха, бойкая на слово, въ короткихъ но рѣзкихъ словахъ, обругала и окружное посланіе, и архіереевъ, подписавшихъ его, и окружниковъ, называя ихъ всѣхъ „проклятыми“, „псами смердящими“, съ которыми не должно ни пить, ни ѣсть, ни вкупѣ Богу молиться. Комаровъ остановилъ ее, но неокружники предложили ему выслушать ея рѣчь до конца. Снова началась брань Голиндухи. Неокружники, сидя вокругъ нея, млѣли отъ удовольствія, выслушивая ея ругань. Такъ продолжалось около часа. Окружникамъ наскучило выслушивать ея брань, и они снова остановили ее, прося ее дать имъ высказаться въ свое оправданіе.

„Погодите! погодите! Я еще не окончила резолюцію!“ кричала раскипятившаяся монахиня.

— Толкуй, матушка, толкуй,—восторженно говорили неокружники. Тогда купцы окружники стали говорить, что они считаютъ для себя безчестнымъ бесѣдовать съ какой-то бабой.

— „Какъ!—вскричалъ Прянишниковъ,—вы не хотите бесѣдовать съ нашей инокиней! Вы считаете ее ниже себя! Да знаете ли, кто она? Она на себѣ носитъ ангельскій образъ! Она преподобная женщина! она начетница! Вы слова не могли сказать противъ ея рѣчей!“.

И пошелъ въ свою очередь ругать собравшихся окружниковъ, защищая и восхваляя умъ и качества своей монахини. Къ его голосу присоединились и другіе купцы, уподобляя Го-

линдуху св. Феклѣ равноапостольной и другимъ св. женамъ, извѣстнымъ раскольникамъ изъ „Прологовъ“ и „Четы Миней“.

— Вы ея одного ногтя не стоите! — говорилъ купецъ Курошниковъ.

Монахиня, сидя за столомъ, смиренно молчала, перебирая книги, которыхъ лежало на столѣ около полусотни, но изъ которыхъ доселѣ никто еще не прочиталъ ни одной строчки: все дѣло шло въ препирательствахъ и обоюдной ругани. Поднялась суматоха; собравшіеся раздѣлились на группы и бесѣдовали кто о чемъ. Комаровъ сталъ было успокаивать народъ, но никто его не слушалъ. Тогда онъ сталъ говорить и также въ рѣзкихъ выраженіяхъ: что неокружники, отдѣлившись отъ нихъ изъ-за окружнаго посланія, прокляты ихъ церковью, что монахиня ихъ носить на себѣ чинъ монашества незаконно и онъ не признаетъ ее за монахиню, а всѣ неокружники не истинные православные христіане, а сонмище лукавыхъ людей и діаволу служатъ.

— Врешь! Врешь — слышались голоса неокружниковъ, — вы прокляты! Вы сыны діавола! Вы подписались къ окружному, и оно васъ поведетъ во адъ, а не мы! Мы истинные блюстители свято-отеческаго благочестія! и пр.

Комаровъ, давъ утихнуть толпѣ, сталъ доказывать, что окружное посланіе свято, и погрѣшительнаго въ немъ ничего не написано.

— Мы твое окружное посланіе считаемъ за оберточную бумагу. Сжечь его, проклятое! — Сказалъ купецъ Савва Сотниковъ.

— Васъ самихъ сожечь довлѣетъ, какъ отступниковъ отъ св. древлеправославной церкви, — возразилъ дьяконъ Комаровъ.

— У насъ теперь истинная церковь, а не у васъ, еретиковъ закруженныхъ.

— Вы за 2000 руб. добились себѣ архіерея-то! Митрополита Кириллу подкупили, — спорилъ Комаровъ.

— А вы окружнымъ обманываете народъ. Вы обманщики! Вы развратители Христовой вѣры!

Крикъ поднялся невообразимый. Купцы разошлись во всей своей натурѣ: кричали, шумѣли, говорили, обращаясь то къ одному, то къ другому, при этомъ вступали въ споръ между

собою, доказывая каждый свое. Никому не хотѣлось уступить шага въ своихъ убѣжденіяхъ и понятіяхъ. Вдругъ среди этого разгара купецъ Кокурошниковъ подходитъ къ Комарову и, ущѣпивъ его за кафтанъ, спросилъ:

— Ты истинный христіанинъ?

— Самый настоящій древлеистинный, — отвѣтилъ Комаровъ.

— Скажи, какъ тебя водили около престола при рукоположеніи: по солнцу или противъ?

Комаровъ сказалъ, что его рукополагалъ Антоній, въ Москвѣ, и при рукоположеніи водили его, согласно потребнику древнихъ патріарховъ, противъ солнца.

— Такъ ты противъ солнышка шель! — закричалъ Кокурошниковъ: — ахъ ты, еретикъ проклятый! Вонъ отсюда!

И съ этимъ словомъ, размахнувшись, Кокурошниковъ залѣпилъ ему по уху. Комаровъ пошатнулся; но, чтобы не остаться въ долгу, съ своей стороны такъ хватилъ Кокурошникова, что тотъ съ ногъ слетѣлъ.

— Братцы, нашихъ бьютъ! — вскричалъ неокружникъ,

— Луи окружниковъ! Валяй ихъ еретиковъ, — поддакнулъ другой.

И пошла потѣха. Произошло нѣчто вродѣ столпотворенія Вавилонскаго. Всѣ собесѣдники кинулись къ мѣсту происшествія: неокружники засучили рукава, чтобы отомстить за своего собрата: окружническіе купцы стали защищать Комарова, но видя дюжіе кулаки расходившагося хозяина дома, П—ва, и другихъ его собратій, одинъ за другимъ стали ретироваться и уходить изъ комнаты. Комаровъ очутился въ критическомъ положеніи. Хозяинъ дома, подступивъ къ нему ближе, сталъ вертѣть имъ и угощать его кулаками. Комаровъ заплакалъ, кинулся въ азартъ въ окно, но его удержали за полы халата. Тогда онъ рванулся съ большей силой и, оставивъ полъ-халата въ рукахъ хозяина, выбѣжалъ на улицу и закричалъ во всю глотку:

— Карауль! Карауль!

— Луи его хорошенько! Дуй по всѣмъ статьямъ, — поощряла мать Голиндуха разгорячившихся кулачниковъ, и сама махая лѣстовкой. Комаровъ пустился бѣжать отъ Пряни-

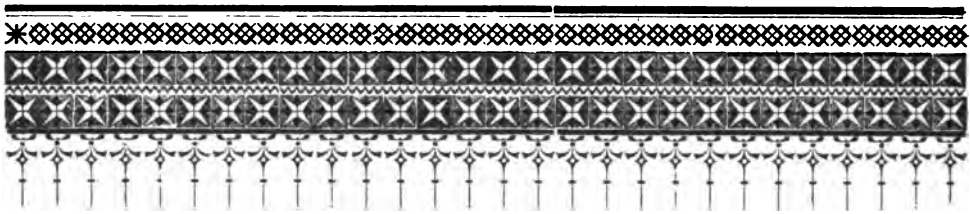
шниковъ, забывъ свою фуражку, книги, принесенныя имъ на бесѣду для убѣжденія Прянишниковъ и его собратьевъ. Этимъ и окончился соборъ старообрядцевъ, собранный по инициативѣ матери Голиндухи и неокружниковъ для разсужденія о дѣлахъ вѣры съ окружниками и для примиренія съ послѣдними.

Въ заключеніе нужно сказать слѣдующее: Комаровъ, крестьянинъ села Пяши, Сердобскаго уѣзда, ѣздилъ въ Москву въ началѣ декабря 1871 года, вмѣстѣ съ депутаціею отъ разныхъ старообрядческихъ обществъ. Депутація эта ѣздила для того, что-бы примирить 2-хъ своихъ епископовъ: Антонія и Пафнутія, бывшихъ доселѣ въ раздорѣ между собою. Примиреніе раскольническихъ епископовъ состоялось, и въ память этого событія Московскій архіепископъ Антоній, по просьбѣ саратовскихъ депутатовъ: купцовъ: Осипова, Губина, Борисова и рукоположилъ тогда Комарова во дьяконы. Литургію совершали оба архіерея. Антоній, не смотря на прямое указаніе старопечатнаго требника, гдѣ, въ чинѣ рукоположенія, сказано: „и бываетъ вожденіе новопоставляемаго окрестъ престола, такожде, яко-же бываетъ и кажденіе“, т. е. противъ солнца, доселѣ поступалъ вопреки этого указанія, т. е. приказывалъ водить ставленниковъ около престола по солнцу, противъ чего, какъ дѣйствія, по его мнѣнію, противозаконнаго, Пафнутій всегда протестовалъ. Антоній стоялъ на своемъ, доказывая, что отъ этого можетъ произойти расколъ въ старообрядцахъ, которые не привыкли видѣть этого обряда и не терпятъ его въ своей средѣ, хотя-бы онъ и былъ указанъ и написанъ въ ихъ-же старинныхъ книгахъ. И онъ дѣлалъ по своему. И служи онъ въ этотъ разъ также одинъ, безъ Пафнутія, онъ непремѣнно приказалъ-бы водить Комарова во кругъ престола не по требнику, а по своему, по солнцу; но въ данномъ случаѣ онъ не могъ этого сдѣлать: рядомъ съ нимъ стоялъ и служилъ обличитель его, съ которымъ онъ только что примирился. Антоній вышелъ изъ этого затрудненія такъ: онъ приказалъ своему протодіакону водить Комарова по требнику, противъ солнца, но при этомъ велѣлъ затворить царскія врата, что бы народъ не видѣлъ этого новаго обычая, за который онъ такъ много ратовалъ доселѣ съ Пафнутіемъ; Паф-

нутій уступилъ ему послѣднее, и вышла такимъ образомъ взаимная уступка съ обѣихъ сторонъ. А народъ былъ обманутъ Антоніемъ, какъ это и всегда творится у раскольническихъ пастырей. Антоній же всегда держался въ своей жизни іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства“. На этомъ же правилѣ основана и австрійская іерархія и вообще держится наше старообрядчество, разбившееся на разные толки и согласія.

XXVIII.

КУРЬЕЗНЫЯ ПИСЬМА.

редлагаемъ вниманію читателей три письма, писанныя раскольниками, которыя, по своему содержанію очень характерныя и довольно интересныя. Первое письмо написано раскольникомъ міряниномъ, а два другихъ—раскольничьими духовными властями. По содержанію письма представляютъ образецъ своеобразной оригинальности.

Смысль ихъ таковъ: нѣкій Багасковъ, житель села Черкаскаго, Вольскаго уѣзда, раскольникъ австрійской секты, по случаю ухода отъ него жены, пишетъ на имя своего приходскаго попа Григорія Попова прошеніе *), которымъ проситъ его выхлопотать ему предъ архіереемъ разрѣшеніе вступить въ но-

*) Въ указанное время въ с. Черкасскомъ не было образовано особаго прихода, и въ духовномъ отношеніи село это принадлежало къ гор. Вольску, состояло въ вѣдѣніи указаннаго раскольничьяго попа Григорія Попова, мѣщанина гор. Вольска. Нынѣ въ Черкасскомъ имѣется особый лже-попъ Филиппъ Аютинъ, крестьянинъ села Поповки, Хвальнскаго уѣзда. Онъ переведенъ сюда лже-епископомъ Амвросіемъ въ 1883 году изъ гор. Царицына, гдѣ у него вышла ссора съ прихожанами, а въ с. Черкасскомъ въ это время былъ открытъ приходъ. Аютинъ находится и по сіе время въ с. Черкасскомъ, исправляя у раскольниковъ должность іерея.

Авторъ.

вый бракъ. Лже-іерей Поповъ отправляетъ это прошеніе при своемъ письмѣ, настолько-же курьезномъ по содержанію, какъ и письмо Багаскова, къ лже-архіерею Амвросію, предъ которымъ и ходатайствуетъ за Багаскова. Амвросій внялъ просьбамъ и Багаскова, и попа Григорія и разрѣшилъ первому вступить въ новый бракъ. Эту свою резолюцію Амвросій написалъ (разумѣется, не самъ, а его секретарь) въ формѣ особаго письма, которое и препроводилъ къ Багаскову*). Изъ дѣла видно, что у раскольниковъ подобныя дѣла дѣлаются совершенно иначе по своему, и чисто по раскольнически. Они смотрятъ на предметъ чисто съ религіозной и бытовой стороны, не касаясь ни гражданскихъ постановленій, ни юридическихъ правилъ. Последнее для нихъ, впрочемъ, и не нужно, такъ какъ на нихъ они не обращаютъ ровно никакого вниманія.

Повторяемъ, письма очень интересны, и мы передаемъ содержаніе ихъ съ буквальной точностью, исправляя только правописаніе. Вотъ эти письма.

I.

Письмо крестьянина Багаскова къ раскольническому іерею Григорію Попову.

1878 года марта мѣсяца 11 дня.

Вольскаго уѣзда, Черкасской волости, деревни Никольской, крестьянина Алексея Иванова Багаскова.

ПРОШЕНІЕ**.

Вашему Высокопреподобію священноіерею Григорію Григорьевичу! Такъ какъ я женился на вдовицѣ Матренѣ Ивановой Землянковой, и моя жена пошла въ развратную жизнь и со-

*) Въ это время секретаремъ у Амвросія былъ бывшій купецъ Сидоръ Филатовичъ Лукичевъ. Онъ поступилъ на мѣсто Н. П. Маслова, не задолго предъ этимъ устраненнаго старообрядцами отъ должности, а потомъ, спустя нѣсколько времени, на соборѣ навсегда уволеннаго отъ должности секретаря при Амвросіѣ. Впослѣдствіе онъ сдѣланъ былъ миссіонеромъ, въ каковой должности онъ и находился до присоединенія его къ православію. А в т.

**) У раскольниковъ все дѣлается наоборотъ. Раскольникъ, вѣкто Багасковъ, проситъ разрѣшить ему вступить въ новый бракъ, а самъ пишетъ прошеніе къ попу, живущему въ г. Вольскѣ Григорію Попову. Отчего же онъ пишетъ не къ архіерею? Вѣдь, онъ непосредственный его начальникъ, и отъ него одного зависитъ разрѣшеніе этого брака. Прямой расколъ! И дѣло-то свое не умѣютъ дѣлать, какъ слѣдуетъ по правилу. А в т.

всѣмъ отбилась и ушла къ отцу своему. Свидѣтели: Павелъ Кунунниковъ и Павелъ Щербаковъ, и всопокорнѣйше прошу васъ господина епископа дозволенія на бракосочетаніе моего, и думаю господинъ Амвросій не откажетъ, объ этомъ прошу доложить ему безъ промедленія, и не медля нисколько разрѣшить мое прискорбіе, а тѣлу усмиренія даровать. Къ сему прошенію крестьянинъ, я въ томъ подписуюсь Алексѣй Ивановъ Богасковъ.

II.

Письмо раскольническаго іерея Григорія Слѣпцова къ архіерею своему Амвросію.

Вашему Высокопреподобію господину епископу Амвросію. Сіе прошеніе высокопреосвященству вашему представляю на разсмотрѣніе сего крестьянина Алексѣя Иванова. Ему отъ роду 29 лѣтъ; былъ мною, повѣнчанъ вдовымъ на другой женѣ, вдовѣ матренѣ Ивановой, что дѣйствительно она оказалась не хорошей жизни и ушла отъ него. А это семейство хорошее, трезвое, и онъ уже дѣйствовалъ по жизни съ первой женой хорошо и все такое у нихъ въ ладу было. И проситъ вашего разрѣшенія и благословенія жениться на другой, дабы, по апостолу, не страдать ему тѣлесно и неразжигаться зря очима на евино порожденіе. И я многогрѣшный азъ рабъ Григорій припадаю къ стопамъ ногъ вашихъ и прошу вашего благословенія. Христорожественской церкви священникъ Григорій Григорьевъ Поповъ. 1878 года марта 12 дня*).

III.

Разрѣшительное письмо лже-архіерея Амвросія.

Господи Ісусъ Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Милостивому Государю и всеусердному христіанину нашей древле-каѳолической Христовой церкви.

*) Что можетъ быть курьезнѣе этого письма, писаннаго раскольническимъ попомъ къ своему архіерею. По написанію оно безграмотное, по содержанию юмористичное. И такія вещи официально посылаются древлеправославному владыкѣ! По письму можно судить о степени развитія и грамотности вольскаго попа Григорія. Что же это за пастыръ? И какова послѣ этого паства о Григорія, избравшая его своимъ духовнымъ отцомъ и руководителемъ въ дѣлѣ вѣры и спасенія души? Надо думать, что по своему развитію, и они стоятъ не выше своего духовнаго отца, сочиняющаго такія письма къ своему архіерею. Грустно! А вѣдь въ Вольскѣ, въ средѣ паствы лже-попа о Григорія, есть очень богатые люди, напр., Плигинъ, Меркурьевъ и др. купцы. А в т.

Алексѣю Ивановичу Богаскову!

Прошеніе ваше мы читали и сожалѣемъ ваше обстоятельство, исходящее отъ лукаваго врага рода человѣческаго. Супостать, правда, сильный и изощренъ на всяческія хитросплетенія. Аще оная Матрена Ивановна, сирѣчь супружница, безбоязненно отшедши, васъ презрительно имѣетъ, и страхъ Божій оставивши, провозженіе жизни имѣетъ въ нарушительности брачнаго сопряженія съ вами, и бѣгаетъ, яко аспидъ, и вы Богомъ завѣряете, свидѣтельствуя о семъ, мы по данной власти, нашему всесмиренію и святительству сіе разрушаемъ, яко не бывшее; благословляемъ паки избрать себѣ подружіе по совѣту и христіанской нелицемѣрной любви. Поелику не вы сами послужили виною расторгенія спряженія брачнаго, а она, то учиняемъ, по правиламъ св. отецъ*), вступить вамъ въ новый законъ и христіански совершить онаго вѣнчаніе, по обряду Христовой церкви. И да будетъ отъ Господа мое благословеніе надъ вами. Смиранный Амвросіи, епископъ Саратовскій и Асраханскій. 1878 года, марта 20 числа.

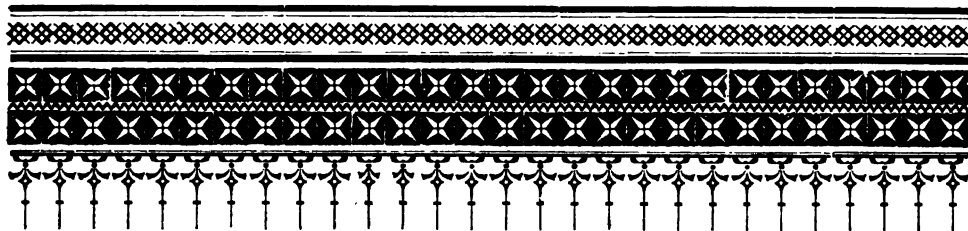
Всѣ три письма ярко характеризуютъ и положеніе раскола, и его отношеніе къ своимъ духовнымъ властямъ, и дѣйствія послѣднихъ въ управленіи дѣлами своей паствы. Наводилъ-ли какія-либо справки лже-епископъ Амвросій по поводѣ прошенія Богаскова о расторгеніи его брака съ Матреной Ивановой, было-ли наряжаемо имъ формальное слѣдствіе по сему дѣлу, — мы незнаемъ, и только можемъ сказать, что то и другое въ расколѣ мало практикуется. У нихъ больше всего творятся дѣла на вѣру, на слово и совѣсть говорящаго лица, иначе — просителя. По всей вѣроятности, что и здѣсь поступилъ Амвросій точно также: онъ „безъ промедленія“ прочелъ письмо самого Богаскова, его ходатая, лже-попа Григорія Попова и, „немедля ни сколько“, велѣлъ написать своему секретарю, Лукичеву, рѣшительное письмо, которое затѣмъ и утвердилъ своею подписью.

Кромѣ своеобразнаго содержанія писемъ, интересна въ нихъ и самая форма написанія ихъ.

*) Нужно было указать, какими именно правилами руководился Амвросій въ данномъ случаѣ? Но этого не сдѣлано имъ. А в т.

Раскольничій іерей въ заглавіи своего письма именуеть своего владыку только титуломъ „высокопреподобія и господиномъ“, а далѣе въ содержаніи письма называетъ его уже „высокопреосвященствомъ“. Очевидно, что лже-іерей Григорій Поповъ никакого различія не полагаетъ въ этихъ титулахъ и говоритъ ихъ безъ всякаго пониманія. Такое же понятіе имѣеть о нихъ и самъ Амвросій, что видно изъ того, что по поводу этого онъ не сдѣлалъ никакого внушенія своему лже-іерею. Впрочемъ, что и взыскивать съ нихъ обоихъ? Кто они? Амвросій, именующій себя теперь у раскольниковъ епископомъ и святителемъ Саратовско-Астраханской кафедръ, былъ до этого никто иной, какъ ямщикъ с. Ивантѣвки, Николаевского уѣзда, и содержалъ почтовую станцію въ селѣ; слѣдовательно, зналъ только кнутъ и возжи; а подчиненный его, нынѣ лже-іерей въ гор. Вольскѣ, Григорій Поповъ, крестьянинъ одного изъ подгородныхъ селеній Вольскаго уѣзда, успѣвшій своимъ поповствомъ у раскольниковъ нажить большія деньги, на которыя открылъ бакалейную лавку въ гор. Вольскѣ и теперь вдвойнѣ наживаетъ деньги, увеличивая свой капиталъ. Чего же можно требовать отъ такихъ лицъ? Какое развитіе или начитанность можно предполагать въ этихъ лицахъ, (ямщикъ и землепашецъ), самочинно присвоившихъ себѣ одинъ власть архіерейскую, а другой право священника. Разумѣется, предполагать и видѣть въ нихъ людей развитыхъ и начитанныхъ нельзя, и они, дѣйствительно, не таковы на самомъ дѣлѣ. Они какъ были, такими и остались въ своемъ первобытномъ видѣ и понятіяхъ. И нельзя не сожалѣть, что наши именуемые старообрядцы настолько еще темные и невѣжественные люди, что не могутъ различить просвѣщенія отъ невѣжества, что, будучи сами малограмотными людьми, выбираютъ себѣ точно такихъ-же и путеводителей. Представляемая письма краснорѣчиво говорятъ о положеніи современнаго намъ раскола, совокупно съ ихъ лже-учителями.

XXIX.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ПРОПОВѢДНИКЪ.

Марта, 1879 года, Саратовское Братство Святаго Креста праздновало XII годовщину своего открытія. Было воскресенье. По случаю такого торжества, епископъ Саратовскій, преосвященнѣйшій Тихонъ, въ Крестовой церкви совершилъ божественную литургію, а предъ началомъ оной—присоединеніе изъ раскола австрійской секты Саратовскаго мѣщанина В. А. П--ва, къ православію. Масса народа была свидѣтелемъ этого торжества, торжества побѣды православія надъ расколомъ. Епископъ Тихонъ сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой ярко обрисовалъ значеніе Братства св. Креста въ Саратовской епархіи, его трудную задачу въ борьбѣ съ невѣжествомъ, результатомъ которой являются съ каждымъ годомъ десятки и сотни лицъ, оставляющихъ расколъ и входящихъ въ лоно Православной церкви. Рѣчь епископа призывала добрыхъ христіанъ къ сочувствію Братству, приглашая ихъ къ пожертвованію, къ сильной помощи въ его св. дѣлѣ.

Въ числѣ зрителей православнаго торжества явились старообрядцы разныхъ сектъ. Всѣ они смотрѣли, подмѣчали, какъ

служилъ православный архіерей, какъ полагалъ на себѣ крестное знаменіе, этотъ главнѣйшій догматъ всего старообрядчества, какъ молились другіе, присутствующіе въ церкви—словомъ, это были своего рода шпіоны, подмѣчавшіе всегда одни только слабыя стороны нашего духовенства и богослуженія съ тою цѣлью, чтобы потомъ при случаѣ укорить священника.

Едва лишь окончилось церковное торжество, какъ вѣсть объ отступленіи одного изъ членовъ старообрядчества тотчасъ разошлась по ихъ обществу и взволновала его заправителей. Тузы раскольническіе, какъ сила, власть и законъ, быстро составили изъ среды себя судилище, нѣчто въ родѣ еврейскаго синедріона, для приведенія въ извѣстность, кто этотъ отступникъ и какъ наказать его? Присутствовавшій въ Крестовой церкви при богослуженіи старообрядецъ Аггей Потаповъ выступилъ обвинителемъ противъ отступника ихъ вѣры и подробно рассказалъ, какъ его сначала поставили въ притворѣ церкви и заставили отречься отъ ихъ вѣры, потомъ повели во внутрь церкви, читали что-то по новой книжкѣ, муромъ помазывали, яко еретика, и въ концѣ-концовъ причастили его.—„Меня даже ужась пробирала съ головы до ногтей, какъ ево этта водили съ одного мѣста на другое и потомъ мазали, думаю себѣ: „Господи! Безбожники этакіе, и мурото наше не признають ни во что“—говорилъ шпіонъ старообрядецъ.

— И народу много смотрѣло на эвто ихнее содѣйствіе? озабоченно спросилъ предсѣдатель синедріона купецъ-лобазникъ.

— Народищу было страсть колько. Я насилу протискался туда.

— И эта срамота разнесется по вселенской землѣ! Скажутъ: такой-то христіанинъ отступилъ отъ таково-то обчества древле-православнаго и ушолъ въ никоніанскую ересь, душепагубную. А каково намъ это слышаніе? И безъ эвтова безпоповцы тычуть намъ въ глаза, что у васъ, говоритъ, никакова разнествія не имѣется съ никоніанцами, все едино сотворяется по службѣ, какъ и у никоніанъ. Хоть бы ушелъ, мошенникъ, куда-нибудь въ другіе старообрядцы, а не къ нико-

ніанамъ,—съ соболѣзнованіемъ проговорилъ мужчина съ козлиной бородкой.

— А позвольте спросить, кто виновать въ этомъ, господа общество? Не мы ли подѣлали сами всѣхъ этихъ отступниковъ и предателей вѣры христіанской и теперь мутимся съ ними? Вѣдь, они были коренные старообрядцы, заматорѣвшіе въ древнемъ благочестіи, родители и дѣды ихъ слыли мошенниками, духу не знали, что такая церковь имѣется на свѣтѣ, и вотъ теперь смотрите!—съ горячностью проговорилъ членъ синедріона, купецъ.

— Правда, правда!—подтвердилъ синедріонъ: „отъ насъ самихъ изыде срамота всего дѣйствию“.

— Отъ васъ самихъ возстанутъ мужіе мудри, глаголюще развращенная, прельщающе сердца незлобивыхъ своимъ хитро-сплетеннымъ ученіемъ, яже не по Христѣ, а по стихіямъ міра сего,—подтвердилъ уставщикъ.

— Не о томъ рѣчь творится, господа управители благочестія, а спрашивается: кто первый повиненъ въ нарушеніи нашего благочинія и произвелъ такую срамоту вселенскую?—продолжалъ тотъ-же членъ собранія.

— Кто повиненъ, извѣстное дѣло, врагъ діаволь, ему больно не требуется наше благочестіе,—замѣтилъ одинъ изъ купцовъ.

— А я вамъ скажу: не врагъ все это подѣлалъ, а человекъ настоящій, изъ среды нашей происходящій. До нонѣшняго попечителя у насъ не было отступства никакого, значить, и виновать онъ, а не лукавый духъ.

Попечителя не было въ собраніи, но сославшійся на діавола купецъ вступился за попечителя молельни и началъ доказывать, что онъ тутъ ни въ чемъ не повиненъ, что онъ, яко агнецъ, чистъ и непороченъ и со дня своего учредительства въ попеченіи утруждался много въ украшеніи моленной. Синедріонъ растерялся: подтвердить или противорѣчить мнѣнію своего члена.

Тотъ продолжалъ.

— Нѣтъ, господа, этотъ старикъ много виновать, на него всѣ наши уставщики жалобу произносятъ давно, что онъ обращается съ ними, не какъ со служителями моленной, а какъ съ

работниками съ поденщины. Сколько служителейъ посмѣнилъ онъ изъ-за одной дѣвки, которую онъ пристроилъ къ моленной, якобы въ видѣ стража церкви. Оно, конечно, Дарья эта дѣвка здоровая, дебѣлая и всякое заправствіе по дѣлу она учинить можетъ, потому что сила у нея, какъ и въ мужчинѣ, одначе мужской ангелъ долженъ стоять выше женскаго.

— Такъ чѣмъ же тутъ виноватъ попечитель-то, когда эвтой дѣвкѣ сочувствуютъ вотъ и онъ, и другіе, — запальчиво проговорилъ защитникъ попечителя, указавъ на купца мельника.

Членъ синадріона, видимо, не зналъ, что купецъ мучникъ также покровительствовалъ дебѣлой дѣвкѣ и потому, немного смутившись, снова повелъ свою рѣчь:

— Тѣмъ и виноватъ, что больше всего воспроизводитъ тѣсненіе всякое на хорошихъ и нужныхъ намъ въ христіанствѣ людей. Своимъ яримъ узаконеніемъ несправедливымъ, онъ отогналъ у насъ сперва на перво такова хорошаго человѣчка, который теперича возмущаетъ всѣ наши церкви, и обществу нашему достается порядочно.*) Развѣ это намъ пріятно? Нашъ человѣкъ—и ратуетъ противъ нашего благочестія. Вѣдь, онъ потомственный старообрядецъ, не изъ новыхъ**), такъ ево надо-бы всѣми мѣрами удерживать, ничево не жалѣючи. А онъ что сдѣлалъ по эвтому дѣлу?—Ничего. По немъ и всѣ другіе иди въ никоніанство, такъ ничего не значить.

Вотъ, оно и выходитъ, что срамота-то происходитъ отъ насъ самихъ.

— Что-же намъ силою удерживать что-ли всѣхъ этихъ отступниковъ! Не деньгами, поэтому, соблазнять ихъ? По моему, не вѣрить человѣкъ въ наше христіанствіе, признаеть, что благочестіе наше соблазнительно, такъ и убирайся вонъ на всѣ четыре стороны, а то онъ еще соблазны разведетъ между нами и станетъ возмущать святую церковь нашу и общество своими лжетолкованіями, тогда и мучайся съ нимъ.

*) Разумѣется одинъ изъ епархіальныхъ миссіонеровъ въ Саратовѣ, бывшій ранѣ старообрядецъ, но потомъ, благодаря своему научному развитію, перешолъ въ православіе.

**) Новыми старообрядцами раскольники называютъ тѣхъ лицъ, которые не потомственно держатся раскола, а сдѣлались такими недавно, перейдя изъ православія.

— Лучше одинъ заблудшій пропадетъ, чѣмъ десять еще поидеть за нимъ,—сказаль энергично молчавшій доселѣ купецъ сапожникъ.

— А по моему, — продолжалъ все тотъ же ораторъ, — лучше силою и прельщеніемъ удерживать всѣхъ этихъ лицъ, чѣмъ наживать потомъ такую срамоту. Для насъ деньги — плевое дѣло! А срамота по ихъ переводу въ никоніанство, это хуже всего; всякій скажетъ: вотъ какая ихъ вѣра, что уходятъ отъ нихъ въ никоніанцы! А потомъ эвототъ примѣръ можетъ заразить и другого изъ нашихъ общественниковъ. Нѣтъ, я вино попечителя; онъ, чтобы дѣломъ заниматься, возится съ этой дѣвкой, приставляетъ ее къ св. храму... Къ чему это?..

Синедрионъ молчалъ; дебѣлая дѣвка Дарья, которой покровительствовалъ попечитель и другіе купцы, сдѣлалась камнемъ преткновенія. Обвиняя попечителя, ораторъ задѣвалъ и другихъ его способниковъ. Собраніе было въ нерѣшительности.

— Одначе, я скажу, что въ этомъ дѣлѣ виновать паче всего врагъ рода человѣческаго, онъ, лукавый, искій кого поглотити, яко левъ рыщетъ среди нашего благочестиваго соборища и производитъ всѣ эти отступства и ереси,—сказаль уставщикъ, выводя этимъ изъ неловкаго молчанія членовъ собора.

— Вотъ это вѣрно, — съ живостью сказали они, и одинъ изъ нихъ сталъ доказывать о силѣ врага рода человѣческаго и его вліяніи на древнее благочестіе. Защитникъ попечителя высказаль, что за никоніаниномъ ходитъ всего одинъ только, бѣсъ, да и тотъ не изъ лютыхъ, а за древлеправославнымъ христіаниномъ семь бѣсовъ борзѣйшихъ, и тѣ постоянно смѣняются сатанииломъ за ихъ малоуспѣшность. Другіе члены, будучи знакомы съ этого рода ученіемъ о бѣсахъ, пустились трактовать дальше, находя учрежденіе Братства св. Креста со всѣми его дѣйствіями весьма богопротивнымъ и благочестію ихъ зѣло вреднымъ.

Наконецъ, собраніе остановилось на вопросѣ, что сдѣлать отступнику отъ благочестія ихъ и какъ устроить, чтобы на будущее время не повторялось болѣе отступленія въ никоніанство.

— Отлучить его надо-ть!

— Этого мало, а проклясть и анаемой утвердить, чтобы было это самое дѣйствіе нравоучительно другимъ, — подтвердилъ другой.

— А по моему, господа обчественники и христіане, прежде всего довлѣеть повѣдать о такомъ злодѣяніи всему обчеству въ самый большой праздникъ и затѣмъ пояснить древлеправославнымъ христіанамъ, чтобы они всячески, значить, удалялись отъ сообщенія съ монсиньоромъ *) никоніанскимъ, не смотря на то, что онъ нашинскій христіанинъ былъ, и потомъ уже вселенски проклясть ихъ всѣхъ и особливо соблазнителя, — проговорилъ уставщикъ.

Соборъ согласился съ мнѣніемъ своего члена, и судилище окончилось, постановивъ, въ слѣдующій же праздникъ торжественно, послѣ богослуженія, произнести клятву на отступника древлеправославной вѣры, равно и соблазнителя его миссіонера К. Попова, по поводу чего предварительно сказать приличную рѣчь.

Наступилъ праздникъ Благовѣщенія Божіей Матери, 25 марта. Послѣ обѣдни, купецъ лабазникъ, вышедши на амвонъ, произнесъ слѣдующую знаменательную рѣчь къ народу, съ патетическимъ воззваніемъ къ юношеству:

„Древлеправославные христіане нашенскаго благочестиваго содержанія!

Вы, чай, уже знаете, что одинъ изъ древнихъ христіанъ нашего благочестія, не убоившись Бога, въ прошлое воскресенье отступилъ отъ вѣры, сдѣлался измѣнникомъ и предателемъ. Въ никоніанской церкви его отчитывали и муромъ помазывали, такъ что всѣ это видѣли и знаютъ. Теперь онъ сталъ еретикъ, и потому мы его отлучаемъ отъ своо обчества и проклинаяемъ вмѣстѣ съ вами вотъ тутъ яко непокорника и предателя стятоотеческаго благочестія. Страшно и говорить, что такое есть отступство. А все это отъ тово происходитъ, что читають книги не христіанскія, еретическія, рѣдко ходять въ молельню за службу, да слушають бесѣды еретиковъ. Страш-

*) Исковерканное слово „миссіонеръ“. Рѣчь идетъ все о томъ же миссіонерѣ.

Авторъ.

ный грѣхъ! Чего намъ сомнѣваться въ благочестіи нашемъ и спорить съ никоніанами. Мы, вѣдь, правы, какъ слѣдуетъ. Станешь углубляться, да читать нестоющія книги—ну, и пропаль, зачитаешься и вѣру истинную потеряешь совсѣмъ. Вотъ, смотрите на нашихъ отступниковъ, люди были начитанные, книжники, всегда стояли на клиросѣ съ малолѣтства, а вотъ не устояли противъ врага, поддались ему, и теперь даже гонителями дѣлаются нашей вѣры. Сами отступили и другихъ тащатъ за собой. Сначала только одинъ ушелъ отъ насъ, больно хитрымъ оказался, а дальше-больше и другихъ также тащить съ собою. Бойтесь его, яко огня, не слушайте словъ его прелестныхъ, потому что онъ всячески, запутываетъ васъ во всемъ. Все это ему врагъ внушаетъ соблазнять насъ христіанъ. Ему не хочется одному быть во адѣ, вотъ онъ и мыкается по нашимъ христіанамъ соблазнять ихъ, чтобы они шли также въ ересь. Гдѣ онъ не былъ уже? По всѣмъ мѣстамъ волнуетъ наше христіанство. А тутъ-то и нужно намъ вооружиться, свой человѣкъ скорѣе можетъ прельстить, такъ и увлекаетъ, подумаешь, что онъ и правду говоритъ тебѣ. Охъ, бояться надобно ихъ сильно! Не колебайтесь въ благочестіи. Великое дѣло отступить отъ вѣры нашей. А вы, ребята, смотрите у меня, каналы, не послѣдуйте примѣру также отступниковъ, а то и вамъ будетъ наказаніе. Видите, вотъ, какъ мы ихъ конфузимъ предъ цѣлымъ обществомъ. Развѣ это не стыдъ! Да кромѣ того, въ своемъ обществѣ придетъ нужда, всякій поможетъ изъ насъ и дастъ на подкрѣпленіе; а что они теперь! Такъ и будутъ трястись несчастными. Всякій изъ насъ презирать ихъ будетъ, смѣяться надъ ними, а порядочный и отвернется. Не читайте ничего изъ книжекъ, вотъ и будете истинными христіанами во благочестіи. А если возьмете книжки въ руки, никоніаны такіе же будете, а мы ихъ проклинаяемъ, чего и батюшка вотъ подтвердитъ“.

Собраніе гаркнуло проклятіе, отлученіе и произнесло анаемю.

— „А вы, матери и отцы, должны глядѣть за дѣтьми-то построже; чуть замѣтили у нихъ какая книжонка появилась отъ руки еретиковъ, тотчасъ безъ всякаго разговора

и въ печку ее, а имъ вихры натеребили, вотъ они и будутъ помнить. А то вы спустя рукава на все это смотрите, думаете, это, молъ, пустяки: анъ, эта пустяковщина-то до худого ведетъ“, проговорилъ другой купецъ, увлекшись ораторствомъ перваго.

Начался обычный шумъ и разглагольствіе въ подобныхъ случаяхъ.

Собраніе разошлось, вполне удовлетворившись, что оно произнесло вселенскую анафему.

Въ средѣ потомственныхъ раскольницъ старухъ и дѣвокъ шелъ разговоръ на свой ладъ.

— Какое ндравоученіе-то давалъ, спаси ево Христось, нашимъ дѣтямъ. Богачъ, а какъ заботится о всѣхъ, милостивецъ, настоящій радѣтель! Вотъ ужъ дай ему Богъ первѣющее мѣсто въ царствіи небесномъ.

— Чево и баять. Такъ толковалъ, что и не поймешь даже. Ему-бы въ Киновіѣ только говорить съ монсиньорами.

— Да ужъ онъ потолковалъ-бы, кормилецъ, всю правду росписалъ-бы имъ, какъ есть она.

— А никакъ, дѣвыньки, нашъ милостивецъ-то говорилъ, что онъ будетъ подавать намъ щедрую милостыню по рукамъ, только, байтъ, не ходите въ никоніаны?—спросила старуха, идущихъ съ нею.

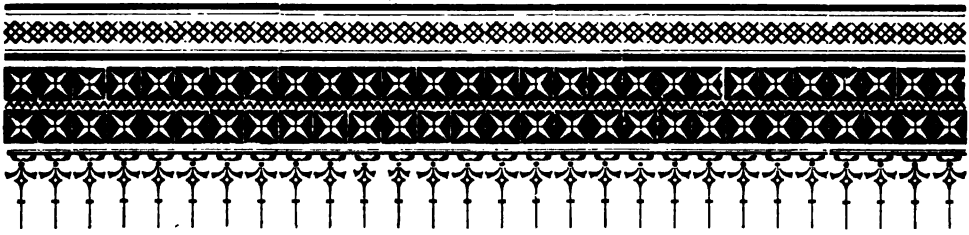
— Это тебѣ, Микитишна, слышалось такъ, а онъ байтъ-то про отступниковъ и говоритъ, что въ нашемъ обществѣ всякой поможетъ тебѣ, а у никоніанъ по этой статьѣ ничего не будетъ, — отвѣтила другая, болѣе грамотная.

— Чево ужъ объ никоніанахъ и говорить-то! Они попамъ-то своимъ платють по трюшнику, а намъ и ждать нечего.

— Охо-хо-хо! Отступство-то какое совершилось,—заклчила сердобольная старуха.

— Ну, и подѣломъ ему досталось за это.

XXX.

ФАНАТИКЪ (безпоповской секты).

января 1886 года, въ Срѣтенской церкви гор. Саратова присоединенъ къ православной церкви нѣкто потомственный почетный дворянинъ Іосифъ Антоновичъ Савицкій, принадлежавшій къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Г. Савицкій до своего присоединенія къ православію жилъ въ домѣ закоренѣлаго раскольника безпоповской секты, имя котораго мы сейчасъ не называемъ, жилъ, нужно сказать, нѣсколько мѣсяцевъ, исправно платя ему деньги за квартиру и содержаніе. Живя у безпоповца, г. Савицкій часто вызываемъ былъ послѣднимъ на откровенныя съ нимъ бесѣды о православной вѣрѣ, каковая, по ученію его, соблюдается только въ ихъ старообрядческомъ поморскомъ обществѣ. О церкви Грекороссійской и Римской безпоповецъ говорилъ ему, что онѣ представляютъ собою одно ученье, обѣ одинаково затемненныя еретическими мудрованіями, разными прибавками и нововведеніями, противными слову Божію и ученію Св. отецъ.—„Ужъ какая тамъ, Осипъ Антоновичъ, благодать Христова, али святыя таинства, говорилъ безпопо-

вещь, все это одна только форма совершается у нихъ, одинъ обманъ простыхъ, не свѣдущихъ въ писаніи лицъ, а силы Божіей въ этомъ дѣйстви ихъ никакой нѣтъ. Погибли всѣ эти люди! Ни одинъ изъ нихъ спастись не можетъ, потому насквозь пропитаны антихристовой скверной“. Г. Савицкій оппонировалъ ему и, насколько могъ, приводилъ ему доказательства въ защиту православной церкви, слышанныя имъ до этого отъ меня, во время моихъ съ нимъ вечернихъ разсужденій, какъ о различіяхъ между Римско-Католической и Грекороссійской церковью, такъ и о самомъ расколѣ, о которомъ онъ также интересовался знать, вслѣдствіе чего я давалъ ему нѣсколько различныхъ противораскольническихъ книгъ на-домъ, для бесѣды съ своимъ домохозяиномъ, но старикъ безпоповецъ не хотѣлъ и слушать его словъ: онъ такъ враждебно относился къ православной Грекороссійской церкви, что не могъ говорить о ней спокойно, а всегда волновался, выходилъ изъ себя, по временамъ даже ругался, изрыгая разныя хульныя слова на церковь и ея Св. Тайнства. И чему онъ не уподоблялъ Св. храмы, совершаемое въ нихъ богослуженіе, самихъ пастырей церкви!.. Слушая хулу и ругань безпоповца, г. Савицкій дивился, какъ могъ русскій челоуѣкъ настолько ожесточиться противъ церкви и вѣры своихъ собратій по крови и происхожденію. Видѣтъ раскольника такъ близко лицомъ къ лицу и слышать такія ярыя сужденія его о вѣроисповѣданіи другихъ лицъ ему приходилось еще только въ первый разъ въ своей жизни. Онъ знакомъ былъ съ оо. иезуитами Римской церкви, самъ воспитанъ былъ въ ихъ школѣ, и потому многія дѣйствія ихъ, по отношенію къ православной церкви въ западномъ краѣ, ему были хорошо извѣстны, но все это рѣшительно блѣднѣло предъ ожесточеннымъ взглядомъ и сужденіемъ о православной церкви безпоповца поморской секты.—„Если-бы была моя воля,—говорилъ безпоповецъ—то я камень-на-каменѣ не оставилъ бы отъ всѣхъ этихъ церквей никоніанскихъ, всѣ-бы храмы ихъ разбросалъ и уничтожилъ, всѣхъ поповъ передушилъ-бы“ и пр. пр. Судите-же послѣ этого, читатель, о силѣ и степени враждебнаго настроенія старика-безпоповца, который есть одинъ изъ многихъ ожесточенныхъ враговъ русской православной церкви.

Сколько нужно, такимъ образомъ, труда и усилій, чтобы разрушить весь этотъ взглядъ его на православную церковь, повліять на его умъ и сердце, словомъ Евангельской проповѣди. Вѣдь, ему нужно совершенно переродиться въ образъ своихъ помышленій и понятій. Какъ вы подойдете къ нему съ словомъ убѣжденія, когда онъ смотритъ на васъ, — будь вы священникъ, архіерей, или просто мірянинъ, это рѣшительно все равно, — какъ на послѣдователя антихриста, челоуѣка, настолько, по его понятію, пропитавшагося скверною еретичества, что онъ боится протянуть вамъ руку, чтобы своимъ прикосновеніемъ къ вамъ не получить отъ васъ грѣховной заразы и тѣмъ не осквернить своей древлехристіанской души! Онъ боится къ вамъ приблизиться, завести съ вами бесѣду, бѣгая отъ васъ, какъ отъ смертоносной язвы. Представьте еще, если все это усвоено старообрядцемъ отъ его колыбели, всосано съ молокомъ его матери и утвердилось цѣлыми десятками лѣтъ, и тогда понятно будетъ, почему расколъ такъ крѣпокъ и живучъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что несмотря на различныя, принимаемая православною церковью, мѣропріятія, онъ доселѣ живетъ своею замкнутою жизнью.

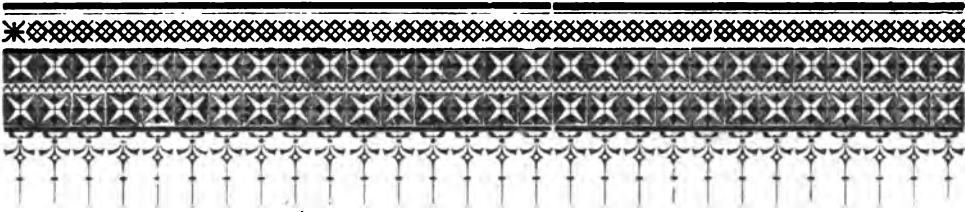
Когда всѣ увѣщанія старика безпоповца нисколько не подействовали на г. Савицкаго, онъ передалъ объ этомъ обществу своихъ стариковъ, и послѣднее поручило 3-мъ начетникамъ своимъ вступить съ Савицкимъ въ болѣе обстоятельную бесѣду и доказать ему законность и правильность поморскаго вѣрованія. Старики являлись въ его квартиру и производили свои увѣщанія нѣсколько разъ. На этихъ бесѣдахъ они столько читали ему изъ „Кирилловой“ книги объ ересяхъ Римской церкви, что послѣдній немало дивился писанію этой книги, которую ему пришлось видѣть и слышать въ первый разъ въ жизни. Все толкованное ими свелось къ тому, что въ Римской церкви папа истребилъ всѣ законы церковные и ввелъ свои новые; въ Русской-же церкви сдѣлалъ это патріархъ Никонъ, и потому онъ долженъ теперь присоединиться къ поморской сектѣ, гдѣ только и можно получить спасеніе своей души. Одно общество поморское осталось, по ихъ мнѣнію, православнымъ, соблюдавшимъ чистоту вѣроученія евангельскаго. Чтобы скорѣе повліять на г. Савицкаго, начетники пригласили

его посѣтить ихъ молельню, послушать ихъ службу расхваливали предъ нимъ безбрачную, привольную жизнь послѣдователей своей общины и пр. и пр. Савицкій, однако, твердо стоялъ въ своемъ убѣжденіи и, напротивъ, приглашалъ начетниковъ вступить со мною въ бесѣду, отчего они отказались— „Съ нимъ, съ антихристомъ-то, бесѣдовать! Нѣтъ, мы не желаемъ“. Точно также отказались они бесѣдовать со мною и на дому у себя или въ молельнѣ ихъ. Такъ бесѣды ихъ и остались безъ успѣха и вліянія на Савицкаго.

Наступило время присоединенія Савицкаго къ православію. Послѣдній заявилъ объ этомъ своему домохозяину. И, Боже мой, въ какое неистовое бѣшенство пришелъ этотъ старикъ-безпоповецъ. Онъ ругался самыми площадными словами, проклиналъ всѣхъ и вся. Савицкому онъ заявилъ, чтобы онъ сегодня-же очистилъ его квартиру, такъ какъ держать въ своемъ домѣ „проклятаго никоніана“ онъ не желаетъ. — „Когда вы были иновѣрцемъ, я могъ держать васъ у себя на квартирѣ, но теперь вы стали никоніанцемъ, врагомъ нашей вѣры, я не могу жить съ вами подъ одной кровлей, — говорилъ въ азартѣ безпоповецъ. — „Если хочешь жить у меня, то не переходи въ никоніанство“, — добавилъ онъ. И Савицкому пришлось отложить день своего присоединенія къ православію и заняться отысканіемъ себѣ новой квартиры. Когда онъ взялъ свое имущество и обратилъ свой взоръ на послѣдній предметъ, которымъ была его икона, стоявшая до этого въ переднемъ углу дома, то ея не было уже на этомъ мѣстѣ: она лежала на полу, разбитая на нѣсколько кусковъ. На иконѣ былъ изображенъ Спаситель. Злоба старообрядца-безпоповца настолько объяла его сердце, что онъ рѣшился разбить божественное изображеніе, лишь бы выместить свою злобу.

Поразительная жестокость сердца и озлобленность! Католика иновѣрца, безпоповецъ держалъ въ своемъ домѣ, пилъ вмѣстѣ съ нимъ чай, терпѣлъ его куреніе табаку, любилъ съ нимъ бесѣдовать о вѣрѣ, когда же послѣдній сталъ православнымъ, то старообрядецъ выгналъ его изъ своего дома, порвалъ съ нимъ всякое знакомство. Удивительно! А еще старообрядцы толкуютъ о вѣротерпимости, жалуются на дѣлаемые имъ притѣсненія и гоненія со стороны православной церкви. Фактъ передаваемого событія показываетъ совершенно противоположное.

XXXI.

ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ УСТАВЩИКОВЪ.

овно чрезъ 15 лѣтъ, со дня учрежденія австрійской іерархіи московскимъ всероссійскимъ духовнымъ совѣтомъ было издано знаменитое по своимъ послѣдствіямъ—„окружное посланіе“, вышедшее изъ-подъ пера извѣстнаго раскольническаго начетника Иллариона Георгіевича Кабанова и подписанное высшими членами раскольничьей іерархіи. Посланіе это, какъ протестующее противъ множества нареканій на православную церковь со стороны старообрядцевъ, нареканій, отъ которыхъ не изъято и большинство поповцевъ, вызвало на первыхъ-же порахъ со стороны невѣжественной массы самую ожесточенную бурю и преслѣдованіе, заклеивъ издателей злополучнаго посланія самымъ позорнымъ именемъ—предтечей антихриста. Преемникъ сосланнаго въ заточеніе митрополита Амвросія—Кирилль, произведенный неожиданнымъ для него образомъ изъ крестьянъ прямо въ

митрополита, ставши на сторону послѣднихъ, конечно, проклялъ и анаѳематствовалъ какъ издателей „окружнаго посланія“, такъ и принявшихъ его духовныхъ и мірскихъ. Но партизаны, какъ люди болѣе или менѣе начитанные, противъ послѣднихъ ни сколько не дрогнули отъ грозныхъ словъ владыки Кирилла, напротивъ, снарядивъ депутацію къ жившему въ заточеніи митрополиту Амвросію, просили его разсудить въ этомъ дѣлѣ—насколько правъ преемникъ его, митрополитъ Кириллъ, такъ щедро разсыпавшій проклятія и анаѳемы. Владыка Амвросій, какъ и слѣдовало ожидать, въ данномъ случаѣ сталъ на сторону просителей, счелъ Кирилла виновникомъ церковной бури и съ своей стороны подвергъ его запрещенію и отлученію отъ всякаго священнодѣйствія „дондеже вразумится“. Открылась междоусобная война между епископами, стоявшими за и противъ окружнаго посланія. Раздоръ еще болѣе усилился, когда слабоумный митрополитъ, дѣдушка Кириллъ, подкупленный червонцами неокружниковъ, рукоположилъ на московскую кафедру нѣкоего гусяка, малограмотнаго, какъ и самъ, и совершенно неспособнаго старика, подъ именемъ Антонія, во епископа царствующаго града Москвы и заповѣдалъ ему не сообщаться съ окружническими епископами. Образовался другой московскій всероссійскій духовный совѣтъ неокружнической партіи, и ненависть достигла высшихъ и крайнихъ предѣловъ, другъ друга предавали проклятію, анаѳемѣ, величали еретиками и не иначе общались, какъ посредствомъ особо установленнаго чинопріятія. Два враждебные лагеря стояли непоколебимы въ своихъ убѣжденіяхъ и во главѣ своихъ центральныхъ управленій громили другъ друга, одна за другой выходящими буллами ругательнаго содержанія. Окружники, какъ партія людей болѣе или менѣе развитыхъ, называла невѣжественную массу неокружниковъ неучью, невѣждами, непонимающими св. писанія, а послѣдніе обыкновенно величали первыхъ новымъ единовѣріемъ и папскими іезуитами, обманывающими простой и безграмотный людъ Божій. Такъ шелъ разрывъ между обѣими сторонами все далѣе и болѣе. Собирались было такъ называемые „соборы“ для примиренія враждующихъ сторонъ, но соборы эти всегда оканчивались ру-

гательствами, и зачастую доходило до полновѣсныхъ физическихъ внушеній во что попало.

Какъ образчикъ взаимной вражды двухъ вышеупомянутыхъ сектъ окружниковъ съ неокружниками, представляю на судъ читателей два нижеслѣдующихъ письма изъ переписки двухъ уставщиковъ. Письма эти представляютъ много интереснаго, и я привожу ихъ цѣликомъ, измѣнивъ только орѳографію и грамматическія погрѣшности. Передать въ подлинникъ ихъ было-бы ужь чрезъ-чуръ безграмотно и безтолково. Весьма интересно, что раскольникъ окружнической партіи, претендуя на свою образованность, наполняетъ свое письмо къ своему бывшему брату о Христѣ, теперь врагу-неокружнику, множествомъ различныхъ иностранныхъ словъ, хотя и не въ попадъ, но это своего рода форсъ и щегольство: „знай-де насъ! Взирай, какъ мы, значить, пишемъ и какимъ слогомъ... а вы что? Неучи“... Но раскольникъ неокружнической партіи нисколько не ослѣпляется его великомудрыми изрѣченіями, напротивъ, выдвинувъ ихъ въ своемъ письмѣ на сцену, онъ преспокойнымъ образомъ дѣлаетъ имъ какія-то уподобленія именъ, саркастически заключая свое письмо, что „таковыхъ велемудрыхъ выраженій и умъ его не постигаетъ“. Вотъ эти письма:

• Письмо окружника къ неокружнику.

Г. І. Х. С. Б. П. Н. аминь*),

Почтеннѣйшій господинъ и бывший братъ о Господѣ Кириллѣ Леонтьевичъ, здравствовать тебѣ съ семействомъ желаю!

Давно я вамъ не писалъ партикулярнаго письма: некогда было. Молились, почай, всѣ недѣли постомъ съ самаго воскресенья прощаннаго. Говѣльщиковъ было очень много, — не радшно даже и результату своему. Батюшка Сисой Полуэхтовичъ инда ногами отекъ отъ службы этой; ругаетъ купчихъ: это, говоритъ, все онѣ затѣйницы вздумаютъ на разныхъ недѣляхъ говѣть, а ты служи для нихъ. Намеднись и говорить мнѣ: ты, баить, Силантій, поговори имъ какъ-нибудь: молъ,

*) Извѣстная у старообрядцевъ молитва: „Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ,“—скрытая здѣсь подъ начальными буквами. Авторъ.

вы-дескать, этимъ мучайте батюшку, говѣли-бы огуломъ съ разу, а то навыскачку каждая лезить. Вѣстимо, я этого не сказалъ имъ, потому самому, какъ это я имъ разведу эту самую статью, когда ихъ много и всѣ милостивицы — такъ и махнулъ рукой: какъ молъ знаете! 500 человѣкъ говѣло всѣхъ: я считалъ по лѣстовки, когда причащали. А у васъ чать и 50 нѣту. Жаль мнѣ тебя, братъ Кирюха, погибаетъ твоя душенька совсѣмъ, какъ есть пропащій ты человѣкъ и сгибъ на вѣки вѣкомъ. И какъ это попалъ ты въ эту самую статью; сгубили тебя видно Кожевниковы своими проклятыми толкованіями; недаромъ, владыка Антоній запрещаетъ намъ съ вами вести всякую дружбу и всячески заповѣдаетъ удаляться. Вы все равно для насъ, какъ ядъ. Брось ты, Кирюха, всю эту пустяковщину, развѣ можно спастись безъ церкви. Если-бы ты немного былъ не сродни, то я и писать-то не сталь-бы: что свиньямъ бисеръ пометать. Мать Ефросинья и мать Измарагда тебѣ благословенія не дають и говорятъ, что мы неокружниковъ полагаемъ все едино за жидовъ. Какіе они христіане! Измѣнщики, воры, украли себѣ у митрополита-то епископа за 300 цѣлковыхъ, да и говорятъ, что у нихъ — древняя вѣра! Вотъ чудаки-то! И что это далось вамъ это окружное посланіе? Поднялись кричать, изъ чего у насъ даже многіе и не знаютъ хорошенько объ этой книгѣ не только симпатію разумѣть. Да и самъ я не софистъ и къ нему всякую апатію держу. Дураки вы, больше ничего! Ты посмотри теперь на нашу святую древлеправославную церковь, яко кринь цвѣтеть. А служба-то какая идетъ! Духъ инда умиляется. А попы? А епископы? Развѣ этакіе, что у васъ — гуслики да пастухи отъ телятъ, а кто отъ свиней. Петрушка-то вашъ и вовси какой-то бѣглый. Намеднись, говорятъ, сталъ крестить да и утопилъ было младенца-то; а другого фотонафтилемъ причастилъ за мѣсто святой воды: мальчишка насилу отдохъ, родители страсть какъ перепужались. Вотъ какіе у васъ чудодѣйства совершаются. Смѣху то достойно, а вы и не видите. Точно: слѣпецъ слѣпца ведетъ. Петрушка-то вамъ по складамъ читаетъ, а обѣдни служить и вовсе не знаетъ какъ. А что пишешь про Пафнутія, то мы его считаемъ не за крѣпкаго человѣка; а ты поговори вотъ съ владыкой Амвросіемъ, онъ теперь на Че-

ремшанъ, да съ Иваномъ Петровичемъ, а то вы живете якоже провинціальныя мужики. На послѣдокъ тебѣ скажу одно: если ты не раскаешься и не познаешь снова истину, то и не пиши ко мнѣ больше своихъ писемъ, которыхъ я и хранить не буду въ горницѣ. Прощай: кланяюсь покуда и желаю спасенія и обращенія къ единой Христовой церкви. Уставщикъ праваго лика многогрѣшный Силантій Трафимовъ Кочерошкинъ.

Августа 26 дня 1876 года.

Гор. Саратовъ.

Письмо неокружника къ окружнику.

Г. I. X. С. Б. П. Н. аминь.

Блаженъ мужъ, иже неиде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалище губителей не сѣде.

Бывшему брату во Христѣ Силантію Трофимову Кочерошкину желаю радоваться!

Читалъ я твое письмо и скажу: напрасно вы трудитесь уговаривать нашу братію; мы не такіе еще дураки, чтобы итти за вашимъ шутомъ. Пользай онъ и съ своимъ окружнымъ посланіемъ во дно адово, идеже тьма и огонь,—туды и дорога ему вмѣстѣ съ своимъ духовнымъ совѣтомъ. Еритекамъ святое писаніе говоритъ: и подъ мукой будетъ мука. Я не только что присоединиться къ вамъ послѣ всего этого, но не дай Богъ и помыслить объ этомъ. Сохрани Господи попасться въ вашу ловушку! Это новое единовѣріе съ російскою церковью. Шутовъ съ Ларькой окружилъ васъ своей проклятой хартіей; имъ это нужно было, что бы видѣли ихъ російскіе еретики. Да и попали въ антихристову ловушку: сами идутъ, да и народъ-то тащатъ за собой, обманщики этакіе! воры чистые! безжалостливо обманываете народъ, который и по сю пору не знаетъ, что у васъ принято окружное. Намедни съ говорю вашему Ермолаю Созонтову: ты окружникъ! а онъ говоритъ: „нѣтъ“: я и не знаю, что это самая за статья—окружное. Ну, говорю, это все равно, архіереи ваши приняли его, а вы съ ними сообща

дѣйствуете. Нѣтъ, говоритъ, я не общникъ ихъ беззаконію: лучше попытаю узнать. Нечего узнавать, говорю ему, вы обязались за Царя просфиру приносить въ родъ и родъ, а послѣднимъ-то Царемъ, разумѣй, будетъ антихристъ. Вотъ куда вы хватили вѣдь своимъ окружнымъ-то! Подвизайтесь антихристовы войны смущать другихъ, а не насъ. А что матери ваши не даютъ мнѣ благословленія, то, скажи имъ, что его я и не требую: потому что святіи очищаютъ, а нечестивіи оскверняютъ. Съ Амвросіемъ вашимъ я и говорить не желаю; безтолковый старикашка! А Иванъ Петровъ служитъ изъ антиреса, такъ ему, извѣстно, надо защищать свою блевотину. Учители наши, хотя и малограмотные, но хранятъ ученіе святыхъ отецъ, и вашимъ тягаться до нашихъ очень далеко. Еще скажу тебѣ, что ты наставилъ въ своемъ письмѣ какихъ-то мудреныхъ фамильевъ „симпатія“ — „апатія“ — „результаты“ какіе-то, то я отсылаю ихъ къ тебѣ понимать, а у насъ есть свой христіанскій языкъ, которымъ мы говоримъ. А это вамъ сквернится погански все едино: Антоній разрѣшить. По нашему, по христіански, апатія все едино, что Алпатовъ, торгующій серебряными вещами въ Саратовѣ; а „симпатія“ — Семибратыевъ масленникъ въ Саратовѣ; а „результаты“ — это ужъ нѣмецкое имя досконально, потому, у нихъ каждое имя заканчивается на ерь: напимѣръ — Ваагъ, Ленцъ, Алтегорть, а въ Саратовѣ Горшъ и Бартъ. Или вотъ еще немножко похожее слово: „лазареть“, гдѣ больные лежатъ. Провинціалы же, да партикулярные, такъ и остались въ тунѣ, потому что и умъ не объемлетъ мой такихъ выраженій. Пошли ихъ лучше къ Антонію въ духовный совѣтъ. А что ты пишешь на счетъ причащенія фотонафтилемъ, то и вашъ Сисой-то, однажды, мальчишку при крещеніи далъ женское имя „Феоной“, а потомъ узналъ, опослѣ давай его снова крестить, и другое имя далъ ему. А правила святыхъ отецъ: „второе крещая [въ 3 погруженія, подвергаетъ анаемѣ“. Да мало-ли совершается у васъ безобразій! Пьяные сколько разовъ служатъ, особенно въ праздники: насилу идетъ въ ризѣ-то бывало. А сосудъ съ дарами сколько разовъ проливали: всѣ ковры и полы по-вырѣзали. Нечего мазать мнѣ, — самъ все видѣлъ и знаю. Ты пишешь, что больше писать не будешь мнѣ, а я и подобно

говорить не желаю съ тобой. „Соизбраннымъ избранъ будешь, со строптивымъ развратишься“. Попусту нечего ꙗ бумагу марать. Прощай! Остаюсь святой соборной апостольской церкви христіанинъ и уставщикъ Кириллъ Левонтивъ Мокроглазовъ.

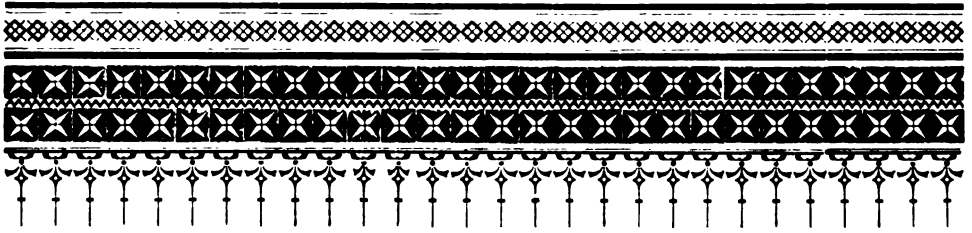
Сентября 20 дня 1876 года.

Посадъ Дубовка.

Не правда-ли, читатели, все это какъ нельзя болѣе курьезно и забавно. Не забудьте, что оба писавшіе письмо— уставщики и начетники въ расколѣ, состоятъ прямыми кандидатами на поповскія мѣста въ раскольнической іерархіи.

Раскольничьи коноводы смотрят на свою молельню, какъ на торговую лавку.

Прелюбезный другъ Иванъ Петровичъ!

о просьбѣ Егора Васильевича Шотина, спѣшу увѣдомить васъ о происходящихъ между нашими старообрядцами въ с. Бековѣ безпорядкахъ, доходящихъ до безобразія*).

„Вамъ уже извѣстно, что до выбора Е. В. Шотина въ попечители нашего молитвеннаго дома, таковымъ лицомъ состоялъ при ней крестьянинъ старикъ Ермаченковъ.

Онъ служилъ попечителемъ болѣе 20 лѣтъ. Въ его попечительство молитвенный домъ нашъ постоянно нуждался въ деньгахъ, не смотря на то, что продажа восковыхъ свѣчъ шла бойко и всецѣло была въ его рукахъ; были ежегодныя пожертвованія отъ разныхъ добродателей, сборы по подписнымъ листамъ, и пр. пр. Часто случалось, что не было восковыхъ свѣчъ, церковнаго вина, и потому служба отправлялась съ однимъ лампаднымъ масломъ, а то и вовсе оставлялась. Литургія-же совершалась только на первый день св. Пасхи, Рождества,

*) Село это находится въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовск. губ.

Крещенія, престольный праздникъ, да великимъ постомъ во время причащенія говѣющихъ. Никто не зналъ, куда дѣвались церковныя деньги, хотя и подозрѣвали Ермаченкова въ растратѣ церковныхъ суммъ на собственныя его нужды. Наконецъ, обществу стало не въ моготу терпѣть всѣ продѣлки Ермаченкова, и оно, посовѣтовавшись между собою, рѣшило отставить его отъ этой должности. И Боже мой! Сколько шуму поднялъ Ермаченковъ изъ этого дѣла. „Я, говоритъ, сколько лѣтъ трудился во славу Божию, а вы и въ чувствіе это себѣ не берете. Свины этакіе! Неблагодарные люди!“ и другими словами ругалъ нашихъ стариковъ. Однако, общественники наши настояли на томъ, что Ермаченкова уволили отъ должности попечителя, а на его мѣсто опредѣлили купца Е. В. Шотина, который вотъ уже цѣлые 2 года весьма добросовѣстно исправляетъ свою должность. Съ увольненіемъ Ермаченкова молитвенный домъ нашъ сразу очутился при другихъ обстоятельствахъ: ящикъ свѣчной наполнился пудами восковыхъ свѣчъ, облаченіе священнику пополнилось новыми ризами, моленная украсилась новыми иконами, церковной утварью, и все это сдѣлано, замѣтьте, на суммы, скопленныя Шотинымъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ и соблюденія огарковъ. Этого мало. Е. В. Шотинъ въ эти два года своего попечительства скопилъ еще 900 руб. капитала, который и находится на рукахъ у Шотина и расходуется имъ на свои торговыя дѣла. Конечно, деньги эти слѣдовало-бы положить въ банкъ для приращенія ихъ процентами, какъ это дѣлается въ церквахъ у никоніанъ; но Е. В. Шотинъ, которому я передалъ это, ни за что не соглашается положить церковныя деньги въ банкъ, считая это, во 1) грѣхомъ великимъ, а во 2) ссылается на другія старообрядческія общества, напримѣръ, на Саратовъ, гдѣ остаточныхъ суммъ молитвеннаго дома значительно болѣе, чѣмъ у насъ, и все-таки деньгами этими пользуются церковныя старосты, расходуя ихъ на свои торговыя дѣла. Правда, Егоръ Васильевичъ, пользуясь церковными деньгами безъ процентовъ, иногда ставитъ толстыя свѣчи къ иконамъ, но все-таки, если-бы онъ ежегодно давалъ за деньги проценты дѣло было-бы экономнѣе, и капиталъ приносилъ-бы свою пользу. Но, чего нельзя сдѣлать, о томъ, стало быть, и го-

ворить уже нечего. Хорошо, говорю, и то еще, что Шотинъ хоть деньги-то скопилъ и копить ихъ съ каждымъ днемъ, а тамъ ужъ пусть пользуется ими до нужной поры.

И такъ въ церковно-хозяйственномъ отношеніи Е. В. Шотинъ оказался значительно добросовѣстнѣе Ермаченкова. Перваго уважаютъ наши общественники, а послѣдняго ругаютъ и въ глаза, и за глаза. Нерѣдко ссоры происходятъ съ ними у общественниковъ во время самой службы, т. е. во время каѳизмъ, на дворѣ, или-же по окончаніи службы въ самой моленной. Ермаченковъ въ это время выходитъ изъ себя, ругается, обзываетъ другихъ самыми нехорошими словами. За послѣднее же время сталъ обвинять Шотина за то, что онъ не даетъ свѣчамъ въ моленной сгорѣть до конца и собираетъ огарки: „это, говоритъ, воровство вы дѣлаете у Бога и людей“. Затѣмъ позволяетъ себѣ и то еще дѣлать: не такъ давно, послѣ службы, общественники наши, остановившись въ моленной, стали разсуждать между собою о постройкѣ новой моленной. Батюшка мой *) предложилъ имъ, прежде чѣмъ строить молитвенный домъ, испросить у своего епископа благословеніе и разрѣшеніе на это дѣло; но Ермаченковъ вдругъ ни съ того, ни съ сего всталъ съ своего стула, да какъ закричить во все горло, „больно, говоритъ, намъ нужно его благословеніе-то! Къ чему это! Жили мы и безъ архіереевъ, да моленные-то существовали-же у насъ, да еще какія, какъ сейчасъ“. Это онъ понесъ трактовать о томъ времени, когда мы были бѣгло-пдповцами. Вотъ и судите теперь о Ермаченковѣ, что онъ за человѣкъ. Спасибо, что въ нашемъ обществѣ такихъ людей только онъ одинъ, и на собраніи его мало слушали; напротивъ, нѣкоторые вступали съ нимъ въ споръ и стали доказывать ему, что безъ архіереевъ мы погибали, и церковь наша была не вполнѣ истовая и пр. Все-таки въ концѣ концовъ общественники наши составили бумагу о построеніи себѣ новой молельни, и когда подпишутъ ее, то препроводятъ къ вамъ на Черемшанъ, въ Хвалыньскъ **) для утвержденія ея и полу-

*) Отецъ автора этого письма служить и по сіе время священникомъ въ с. Бековѣ. Имя его Афанасій П. Кочергинъ. А в т.

**) Масловъ въ это время жилъ при Амвросіѣ на Черемшанѣ. Секретаремъ его А в т.

ченія отъ владыки Амвросія благословенія. Поэтому, когда получите отъ насъ эту бумагу, то пожалуйста, Иванъ Петровичъ, отвѣтите имъ посерьезнѣе, чтобы побольше было текстовъ Священнаго писанія и на нашихъ общественниковъ подѣйствовало-бы внушительнѣе.

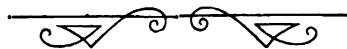
Въ заключеніе желаю вамъ здравствовать со всѣмъ семействомъ и свято соблюдать всѣ наши святоотеческія законоположенія до конца своей жизни. Искренно уважающій васъ другъ Е. А. Кочергинъ. 4-го Апрѣля 1887 года, с. Беково, Сердобскаго уѣзда.“

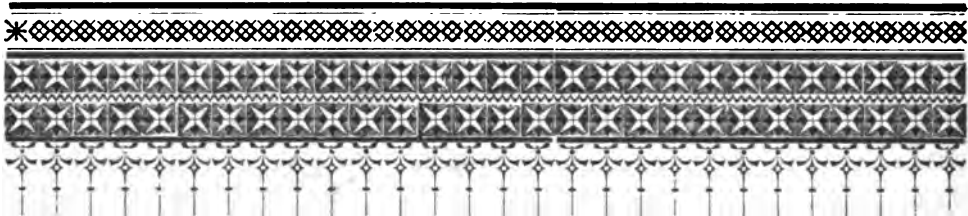
Письмо это весьма наглядно показываетъ, насколько бываютъ безсребренниками наши старообрядцы, о чемъ они такъ любятъ говорить всѣмъ и каждому въ укоръ православнымъ.

Цѣлыхъ 20 лѣтъ Ермаченковъ состоялъ попечителемъ своей молельни и наживался отъ нея, ничто-же сумняся. Для него это была доходная статья, тоже, что торговля для купца и ремесло для ремесленника. И совѣсть его была покойна въ этомъ случаѣ. Мало этого, — онъ даже претендовалъ на то, что его смѣнили, уволили изъ попечителей и тѣмъ положили конецъ его загребательству общественныхъ денегъ.

Характерна и та черта Ермаченкова, какъ онъ относится къ своему архіерею. Онъ привыкъ уже быть бѣглопоповцемъ, привыкъ быть и безъ поповъ и потому нисколько не нуждается въ архіерействѣ. Архіерейство для него новость, роскошь и совсѣмъ обходимая вещь, въ благословеніи и служеніи котораго онъ совсѣмъ не нуждается.

О, старообрядчество! Какъ далеко вы ушли отъ спасительнаго ученія Христовой церкви! Насколько заблудились вы отъ пути праваго познанія св. истины!

XXXIII.

ЕГО СТЕПЕНСТВО КУПЕЦЪ ФИНАЕВЪ.

Ль Юнѣ мѣсяцѣ, 1887 года въ гор. Саратовѣ умеръ представитель безпоповщинской, поморской, брачной секты купецъ саратовскій Леонтій Финаевъ. Онъ былъ уже старикъ около 70 лѣтъ и владѣлъ солиднымъ капиталомъ, производилъ довольно широкую торговлю различнымъ галантерейнымъ товаромъ. По своему глубокому убѣжденію въ безпоповщинѣ онъ слылъ и былъ дѣйствительно столпомъ и основаніемъ своей секты; безъ него никакія дѣла не рѣшались въ ихъ обществѣ и всѣ приказанія, всѣ распоряженія истекали по тѣмъ или другимъ религіознымъ вопросамъ именно отъ Леонтія Финаева. Для поморскаго безпоповскаго общества онъ былъ Альфа и Омега.— „Какъ Финаевъ скажетъ! Это ужъ его дѣло!“— вотъ слова, которыя обычно раздавались въ раскольническомъ обществѣ при каждомъ новомъ дѣлѣ. Нужно удивляться, какъ только могъ покойный Л. Финаевъ совмѣщать въ себѣ въ одно и то же время и купца-коммерсанта, и главу руководителя поморскаго безпоповскаго общества. Какъ

хватало у него и времени, и терпѣнія на всѣ эти дѣла, такъ какъ и то, и другое одинаково требовало съ его стороны внимательнаго отношенія и исполненія ихъ какъ слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ онъ представлялъ собою замѣчательный типъ купца-раскольника, который, на ряду съ торговыми счетами, всматривался и въ духовныя книги и любилъ потолковать о предметахъ вѣры.

Покойный Леонтій Степановъ Финаевъ, состоя главою своей секты, особенно даже заинтересованъ былъ этимъ своимъ положеніемъ. Наставникъ молельни, уставщики, начетники, прихожане это были только орудія его власти, исполнители всѣхъ его распоряженій, какія только онъ благоволилъ изрекать имъ въ своей лавкѣ. Самъ онъ,—какъ ни странно это было,—никогда не ходилъ за службу въ молельню и предпочиталъ совершать свою молитву въ своей домашней молельнѣ, гдѣ у него заведенъ былъ свой порядокъ церковнаго богослуженія, а исполнителемъ его, иначе сказать, его домашнимъ уставщикомъ, былъ одинъ изъ многихъ приказчиковъ при его лавкѣ. Несмотря на это, разъ навсегда заведенный имъ въ молельнѣ порядокъ церковной службы никто изъ служителей ея не могъ нарушить подъ строгимъ наказаніемъ быть уволеннымъ отъ должности. Избави Богъ, если-бы наставникъ осмѣлился начать службу не въ положенное имъ время, или раньше, или позже: за это ожидалъ его серьезный выговоръ и вся сила гнѣва именитаго купца. Начетникъ не смѣлъ идти на бесѣду съ кѣмъ-либо для защиты своего толка, не спросившись предварительно у Финаева; уставщикъ не могъ, не только отложить какое-либо поученіе, приходящееся въ этотъ день по уставу, но даже замѣнить его другимъ. Обо всемъ этомъ нужно было предварительно доложить ему, и если онъ дозволить это сдѣлать, тогда смѣло можно было дѣлать. И никто никогда не рѣшался идти противъ него, потому что Финаевъ былъ человекъ крутого характера и непреклонной воли. Противорѣчій и споровъ онъ не любилъ. Въ читаемыхъ же въ молельнѣ во время службы поученіяхъ онъ особенно былъ заинтересованъ и строго держался своего распоряженія, чтобы такой-то уставщикъ читалъ „Толковое Евангеліе“, такой-то „Прологъ“, другой „Златоустникъ“ и т. д. По этому реестру,

находясь въ лавкѣ, онъ, какъ свои пять пальцевъ на рукѣ, зналъ, что и какъ дѣлается у него въ молельнѣ и кѣмъ именно что дѣлается. Точность, аккуратность въ исполненіи всѣхъ его даже мельчайшихъ распоряженій у него были на первомъ планѣ. При такой строгости его нерѣдко выходили такіе курьёзы въ поморской молельнѣ: случалось, что уставщикъ вдругъ чувствовалъ себя во время службы нездоровымъ и потому не могъ читать очереднаго поученія; наставникъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ могущественнаго купца, тотчасъ посылалъ къ нему въ лавку на извозчикѣ „посланца“ съ донесеніемъ о болѣзни уставщика и за полученіемъ отъ него приказанія, — кому изъ уставщиковъ онъ разрѣшаетъ читать, вмѣсто больного, приходящееся по очереди поученіе? Лавка отъ молельни имѣетъ разстояніе не малое, а случалось, что вмѣсто лавки, купецъ Финаевъ почему—либо находился въ это время дома, то посланный скакалъ туда, и все это время служба была прерванною: богомольцы, посѣвшия на лавки, заводили толки о другомъ, пока не получалось распоряженіе отъ Финаева, и служба снова начиналась.

Финаевъ первый установилъ, чтобы выборъ поученій изъ старопечатныхъ книгъ былъ строгій и по содержанію своему подходилъ къ ученію безпоповцевъ. „Хотя книги и отеческія, говорилъ онъ, но они писаны отцами еще при полномъ благочестіи. Поэтому ученіе ихъ должно читать съ осмотрительностью и разборомъ, такъ какъ многія поученія ихъ теперь не приложимы къ нашему обществу и выполнять ихъ не должно“. На этомъ основаніи Финаевъ запретилъ читать поученія: „о св. причащеніи“,—о „священствѣ“ и другія, приходившіяся на ряду и подъ числомъ въ уставной книгѣ, чтобы не соблазнить этимъ чтеніемъ молящійся народъ. Такія поученія онъ замѣнялъ другими поученіями, изъ другихъ книгъ и нисколько не считалъ это погрѣшительнымъ противъ точности исполненія церковнаго устава.

Въ жизни поморскаго общества саратовскихъ безпоповцевъ не мало было различныхъ попытокъ къ благоустроенію ихъ общины и разсмотрѣнію нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ вѣроученія, на каковой предметъ Финаевъ собиралъ соборы безпоповскихъ стариковъ и самъ, какъ глава общества, во всемъ

и всюду являлся руководителемъ и вершителемъ соборнаго разглагольствованія, изображая собой какъ-бы подобіе Папы Римскаго. Если онъ не соглашался съ постановленіемъ собора и не подписывалъ его опредѣленій, послѣднія разрывались въ клочья и постановленіе соборянъ являлось другое, благопріятствующее купцу Финаеву. Вообще, онъ не любилъ уступать и измѣнять своихъ понятій, хотя-бы правда была и на сторонѣ его противника; онъ создалъ свой девизъ: быть по моему! Однажды въ обществѣ поморянъ возникъ вопросъ объ измѣненіи употреблявшагося доселѣ ими „хомового“ пѣнія (на о, вмѣсто ъ, имѣющее окончаніе въ рѣчахъ) на рѣчь; явились жаркіе спорщики изъ среды самихъ-же поморцевъ, доказывавшіе своимъ собратіямъ, что хомовое пѣніе—безсмысленное и по мѣстамъ проявляетъ въ книгахъ еретическое ученіе, что пѣніе на рѣчь есть, напротивъ, болѣе правильное, разумное и вполнѣ понятное для слушающихъ. Но Финаевъ, Леонтій Степановъ изрекъ свое слово: быть по старому! и хомовое пѣніе осталось неприкосновеннымъ; оно продолжается у саратовскихъ поморянъ и по сіе время. Ему донесли, что многіе изъ безпоповцевъ остались при своемъ мнѣніи, отдѣлились отъ ихъ общества, завели свою особую молельню, наставника, Финаевъ махнулъ рукой на это и лаконически произнесъ: „чортъ съ ними! Но хомоніей не поступлюсь для нихъ“. Поморцы раздѣлились на два враждебные лагеря, окрестивши другъ друга самыми отборными и неблагозвучными названіями. Былъ и еще такой же случай, гдѣ могущественный купецъ Финаевъ также проявилъ свою непреклонную волю. Собрались безпоповскіе старики потолковать между собою, нельзя ли сдѣлать уступку съ ихъ стороны тѣмъ старообрядцамъ, которые присоединяются къ нимъ изъ общества „самокрещенцевъ“, и принимать ихъ не чрезъ крещеніе, какъ это практикуется у нихъ доселѣ, а чрезъ 6-недѣльный постъ и поклоны. Весь соборъ рѣшилъ сдѣлать уступку самокрещенцамъ и принимать ихъ безъ крещенія, такъ какъ оно одинаково совершается какъ у поморцевъ, такъ и у самокрещенцевъ, простыми стариками.

Поднесли это опредѣленіе Финаеву, который, по своимъ торговымъ дѣламъ, не могъ быть въ это время на соборѣ ста-

риковъ, — опредѣленіе, подписанное уже всѣми стариками „отцами“ и прихожанами общества: тотъ прочелъ его и, ни слова не сказавъ, взялъ да и изорвалъ ихъ „Соборное дѣяніе“ въ мелкіе клочки.—„Быть по старому“!—закричалъ онъ. Всѣ соборяне были удивлены этой безцеремонной выходкой его, но никто однако-жъ не нашелся слова сказать Финаеву, никто не посмѣлъ вступить съ нимъ въ словопреніе—„отцы“, по своей придавленности, какъ люди маленькіе, малограмотные, взятые, какъ говорится, кто изъ-подъ бора, кто изъ-подъ сосенки, а прочіе прихожане преклонялись предъ силою его капитала. Финаевъ же, учинивъ такой афронтъ предъ обществомъ, спокойно вышелъ изъ молельни, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ домой. Погалдѣли послѣ него старики, поохали и рѣшили, что съ Леонтіемъ Степанычемъ ничего не подѣлаешь и прогнѣвлять его изъ-за какихъ-то тамъ „самокрещенцевъ“ не стоитъ, такъ какъ онъ сильный купецъ, жертвуетъ деньгами щедро и вообще питаетъ ихъ милостынею безобидно. Тамъ впереди, говорили они, еще неизвѣстно: будетъ или нѣтъ пользы отъ постановленія собора относительно чинопріема самокрещенцевъ въ поморскую секту, а здѣсь польза отъ Финаева уже существуетъ на лицо. Вообще старики взглянули на это свое дѣло и на поступокъ Финаева съ практической стороны и, отбросивъ въ сторону всякое самолюбіе, рѣшили, что ссориться съ именитымъ и щедрымъ на милостыню купцомъ имъ никакъ не слѣдуетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ это отзовется не выгодно на ихъ карманъ, а послѣдній у старцевъ былъ на первомъ планѣ. Такъ вопросъ о чинопріемѣ самокрещенцевъ и остался на точкѣ замерзанія, по старому, какъ сказалъ всемогущій г. Финаевъ.

Расколъ вообще смотритъ на религію съ обрядовой стороны и въ этомъ находить свое спасеніе. Въ этомъ смыслѣ и купецъ Финаевъ былъ строго религіозенъ. Онъ любилъ ставить предъ иконами толстыя восковые свѣчи, съ золотомъ, покупая ихъ не иначе, какъ только у своихъ старообрядцевъ.

Наканунѣ праздника онъ пошлетъ своего приказчика къ наставнику съ цѣлымъ пукомъ разной величины и толщины восковыхъ свѣчъ и прикажетъ „такую-то свѣчу поставить

предъ иконою св. Николая чудотворца, такую-то Божіей Матери и т. д.; въ домѣ же у него постоянно горѣли неугасимыя лампы, а читалки денно и ношно читали псалтырь о здравіи его степенства съ домочадцами и за упокой родителей. Посты въ своемъ домѣ хранилъ онъ свято, но при всемъ томъ онъ нисколько не считалъ грѣхомъ обмануть „никоніанина“ и вообще челоуѣка не своей вѣры, посторонняго, еретика, по его мнѣнію. Еретика онъ околпачивалъ, какъ только придется. Прислугу въ домѣ и въ лавкѣ онъ держалъ исключительно изъ своихъ единовѣрцевъ; если-же, за неимѣніемъ иногда таковыхъ, на время нанималъ православныхъ служащихъ, то рѣзко отдѣлялъ ихъ отъ своей братіи. Имъ онъ и жалованье платилъ меньше, и работы давалъ больше, и содержалъ ихъ похуже. Словомъ, на прислугу изъ православныхъ онъ смотрѣлъ фанатически, какъ на нечистое животное, изнурялъ работою, а при случаѣ удерживалъ и заслуженные ихъ рубли и копѣйки. Конечно, въ этомъ случаѣ Финаевъ не составлялъ исключенія въ ряду другихъ купцовъ; онъ поступалъ такъ-же, какъ и всѣ другіе раскольники-купцы, примѣняющіе заповѣдь Христа Спасителя о любви ближняго своего только къ своему единовѣрцу. Будучи таковымъ самъ, Финаевъ старался воспитать и дѣтей своихъ въ этомъ-же духѣ; но вышло иначе. Дѣти его, не усвоивъ себѣ православнаго вѣроученія, не зная сущности религіи, въ тоже время отбросили и старообрядческіе догматы и вышли индифферентными людьми, безъ всякой вѣры. То, чего чуждался ихъ отецъ, что называлъ ересью, преступленіемъ противъ вѣры, для нихъ стало это жизнью и первою необходимостью. Дочь его, вышедшая замужъ, скоро бросила его и стала извѣстною всему Саратову, по своимъ кутежамъ, сынъ сталъ курить сигары, посѣщать театры и вообще вести разсѣянную жизнь. Это настолько огорчило покойнаго, что онъ сталъ служить въ своемъ домѣ молебны каждое первое число мѣсяца, ища въ этомъ упокоенія своей души.

Эти молебны для наставника и уставщика были очень доходная статья; старикъ платилъ щедро и давалъ за нихъ: наставнику 5 руб., уставщикамъ по 3 рубля каждому, и богомольцамъ старикамъ и старухамъ—по 1 руб. каждому. При молебнахъ онъ дѣлалъ обычно сытныя обѣды, за которые без-

поповщинскій причтъ распѣвалъ ему по „крюкамъ и напѣвамъ“ разные стихиры праздникамъ. Все это, однако, мало утѣшало его. Случилось къ этому и еще горе: старшій сынъ его опился и, хотя безпоповцы, „ничтоже сумняся“, вопреки всѣхъ законовъ своихъ и похоронили его „яко православнаго“, но старика все это тревожило и раздражало до крайности. Съ горя онъ самъ принялся кутить, пилъ безпросыпно и, слегши въ постель, умеръ.

Не задолго предъ смертію онъ призвалъ своего наставника, Акима Семенова, просилъ его помолиться о своемъ здоровьи, обѣщая, вслучаѣ выздоровленія отдѣлить значительную часть своего капитала для содержанія молитвеннаго дома; но дѣлу этому несуждено осуществиться: Финаевъ умеръ, не совершивъ письменнаго документа, а сынъ его Нестеръ Леонтьевъ, по своему убѣжденію, не расположенъ поддерживать старообрядчество безпоповщины. Онъ и при жизни отца своего мало заглядывалъ въ моленную за службу, а со смертію его, онъ и совсѣмъ прекратилъ свое хожденіе. Наставникъ и уставщики, если и бываютъ у него въ домѣ, то исключительно только на Пасху и Рождество со славеніемъ Христа; но и тутъ они рѣдко видятъ его. Якшаться и находить утѣшеніе въ бесѣдахъ съ ними онъ вовсе не расположенъ; вмѣсто этого общества онъ предпочитаетъ бесѣдовать съ актерами и еще любезнѣе съ актрисами и разными пѣвицами, которые и посѣщаютъ его домъ. Поставивъ себя на такую жизнь, онъ, разумѣется, уничтожилъ отцовскую молельню, выгналъ читалку, прекратилъ уставное богослуженіе въ домѣ наемнымъ уставщикомъ, покончилъ съ неугасимыми и вмѣсто куренія ладномъ, пошло куреніе табаку; вмѣсто церковнаго пѣнія—пѣсни, пляски и танцы. Обѣды и кормленіе нищихъ замѣнились широкими попойками и закусками съ театральными персонами. Словомъ „младая отрасль стараго корня“ пустилась на всѣхъ парусахъ въ шумный вихрь свѣта. Смотря на все это, безпоповцы только ужасаются и руками разводять.

— „Погибъ, окоянный!“ говорятъ они „про младую отрасль“ древняго корня: былъ-бы живъ твой отецъ, онъ задалъ-бы тебѣ, какъ водить знакомство съ актрисами“.

Чтобы окончить главу о раскольничьемъ коноводѣ, мнѣ остается отмѣтить еще одинъ эпизодъ изъ жизни покойнаго купца Финаева. Нѣкто Саратовскій купецъ Иванъ Васильевичъ Бѣловъ, тоже гостиннодвороць и безпоповецъ, просваталъ свою дочь за православнаго купца, съ которымъ и повѣнчали ее въ православной церкви. Безпоповцы сильно встревожились этимъ событіемъ, собрали соборъ, на которомъ и осудили Бѣлова, какъ измѣнника своей вѣры. Отъ общественной молитвы его отлучили на 6 недѣль, пѣвцамъ запретили ходить къ нему въ домъ на праздники Рождества и Пасхи и, кромѣ этого, наложили на него эпитимію по 1000 поклоновъ въ день; Бѣловъ обратился къ Финаеву, высказавъ ему свое горе, и послѣдній рѣшилъ помочь своему сотоварищу-коммерсанту.

Въ слѣдующій-же праздникъ онъ пріѣхалъ съ Бѣловымъ въ молельню, остановилъ стариковъ послѣ службы и грозно обратился къ нимъ съ рѣчью.

— Вы, мужичье-сиволдаи! Сами ничего не понимаете, а произносите судъ безъ спроса другихъ лицъ. За что вы осудили Бѣлова? Если онъ отдалъ свою дочь за никоніанина, то потому, что своего христіанина нѣтъ въ нашемъ обществѣ. Нельзя-же нашему брату, купцу, отдавать своихъ дочерей за какую-нибудь голытьбу! Вы это должны были понять! Иль вы только знаете поклоны свои навѣшивать; хорошо знаете, что молиться-то намъ некогда, и васъ-же придется нанимать отмаливать всю эту эпитимію. Гуси лапчатые!“ и пр. и пр.

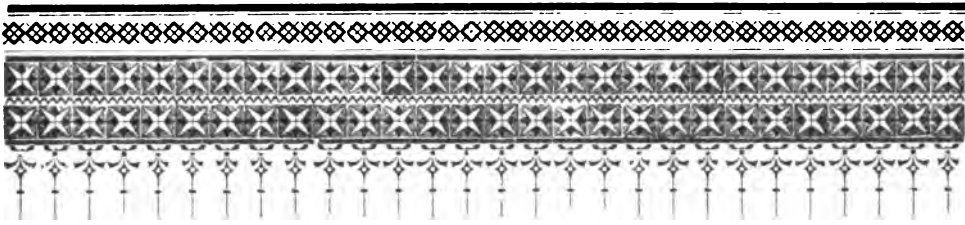
Всѣ слушали купца Финаева съ наклоненными головами и молчали. Въ результатъ вышло то, что съ Бѣлова сняли запрещеніе, и онъ попрежнему сталъ ѣздить въ молельню.

Таковъ былъ купецъ Финаевъ въ своемъ поморскомъ обществѣ, такова была его сила и вліяніе въ обществѣ поморцевъ.

Оставшійся послѣ него сынъ пошелъ уже не по стопамъ своего родителя. Рухнулъ столпъ раскола, воротила всѣхъ дѣлъ, и безпоповцы крѣпко жалѣютъ о немъ. Если сила и

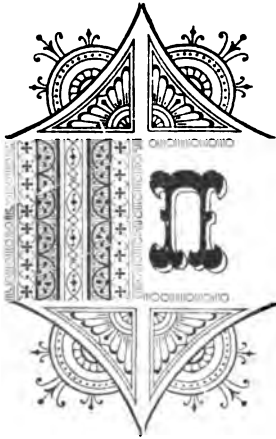
вліяніе его на общество не всегда и не всѣмъ нравилась, многихъ возмущала его безцеремонность, зато онъ былъ искренній безпоповець отъ костей и мозга, и ради славы своей секты готовъ былъ жертвовать всѣмъ своимъ капиталомъ. Новая-же отрасль отъ его корня пошла уже не тѣмъ путемъ и живетъ другими убѣжденіями, нежели былъ и умеръ купецъ Финаевъ. А съ такими людьми расколъ жить не можетъ; такіе люди для него тоже, что смертный приговоръ и обезглавленіе.

XXXIV.

„РАДѢТЕЛЬ“ СТАРОЙ ВѢРЫ.

рохоръ Степановичъ Варнаковъ собирается ѣхать къ „Макарью“ на ярмарку. Деньги нужны по зарѣзъ. Тамъ-сямъ онъ призна- нялъ, а нужной суммы все еще не хва- таетъ. Это тревожить Варнакова, и онъ, мрачный и угрюмый, шагаетъ изъ угла въ

уголъ по своему кабинету.

— Микитишна пришла... — проговорила жена Варнакова, полуотворивъ дверь кабинета.

— Зови сюда... вострепенулся Прохоръ Степановичъ и, подойдя къ письменному столу, сѣлъ въ кресло.

Въ кабинетъ вошли двѣ старыя дѣвы, одѣтыя во все черное. Онѣ положили три поклона передъ иконою, а затѣмъ повалились Варнакову въ ноги.

— Садитесь поближе ко мнѣ... пригласилъ купецъ.

— Постоять можемъ передъ твоей милостью,—возразила Никитишна, дѣвка бойкая, смѣлая и въ домѣ Варнакова при- нятая за своего человѣка. Она жила на дворѣ моленной и

въ ряду другихъ келій имѣла собственную новенькую горенку. Обо всемъ, что дѣлалось между обывателями этого двора, обо всѣхъ дрызгахъ и сплятняхъ Никитишна аккуратно рапортовала Варнакову чуть не каждый день, и онъ любилъ слушать ея доклады и поощрялъ ее въ этомъ. Обитатели молленнаго двора называли Никитишну „шпіономъ“, „агентомъ“ Варнакова, не любили ее за ея наущничество и страшно боялись.

— Съ доукой къ тебѣ, Прохоръ Степановичъ, пришли,— сказала Никитишна.

— Говори, Микитишна, излагай свою просьбу, какъ слѣдуетъ.

— Да вотъ, кормилецъ: Ѳеклуша надоумилась поставить свою келейку на нашемъ дворѣ—такъ бочкомъ, этакъ, ко мнѣ, чтобы рядкомъ жить со мною.

— Не оставь родимый!—повалилась Ѳекла въ ноги Варнакову.

— Это можно дозволить,—сказалъ Варнаковъ, поглаживая бороду:—ты кто такая будешь?

— Я, родимый, изъ тутошнихъ, саратовская буду!

— По какому упованію будешь, спрашиваю: нашего благочестія держишься, аль стоишь въ какой ереси?

— Раньше по бѣглопоповству шла, малость находилась въ австрійствѣ, а потомъ встрѣтилась, вотъ, съ Микитишной,—она и байтъ мнѣ: брось, ты, Ѳекла Сидоровна, всѣ эти вѣры, онѣ не истинныя, лживыя, въ нихъ все такъ-же дѣлается по церковному, какъ у никоніанъ. Нынче, да завтра, все, знаешь, родимый, хвалитъ вашинское благочестіе, порядки, васъ, благодѣтеля, и другихъ возвышаетъ, а милостыни, байтъ, у насъ отъ благодѣтелевъ вдвое больше.... Ну, я и улестила на ея слова....

— Значитъ, по нашему согласію идешь?

— Къ вамъ присоединилась, кормилецъ, къ вамъ, какъ есть. Съ годъ уже содержу вашу благочестивую вѣру.

— Это хорошо ты сдѣлала. Что „австрія“ или бѣглопоповщина!—Погибель одна, мерзость! Хуже всѣхъ еретиковъ они. У насъ ты и въ вѣрѣ будешь пребывать благочестивой, да и милостыня на вашу братію раздается щедро.

— Спаси тебя Христось на привѣтномъ словѣ!— снова бухнулась въ ноги Ѳекла.— Истинно дошла теперь до настоящаго благочестія. Вѣкъ буду молиться за Микитишну, какъ свою наставницу.

— У тебя есть сродственники или еще кто?

— Дѣвица я, родной, 36 годовъ дѣвствую одна, какъ есть. А сродственники—кто по Австріи идетъ, кто въ никоніанахъ состоитъ.

— Ну, отъ нихъ ты дальше держись. Съ еретикомъ сообщаться намъ не должно.

— Я, кормилецъ, говорила уже ей объ этомъ,— вмѣшалась Никитишна. У ней теперь малость деньжонокъ есть, такъ я и совѣтую ей отдать ихъ тебѣ, потому у тебя они въ сохранности будутъ и при томъ у своего христіанина.... А тамъ коли умреть, тебѣ, милостивцу, и помянуть-то есть на что.

— Вѣстимо, деньги нужно блюсти. Тоже человѣкъ.... Умрешь, нужно и панихиды стоять, и неугасиму поставить, да и похоронить-то какъ слѣдуетъ христіанина не дешево стоитъ. У никоніанъ,—вонъ за полтинникъ все служатъ! Но, вѣдь, они еретеки,—такова и служба ихъ, а мы настоящіе христіане, стало-быть, и творить-то намъ подобаешь все по уставу, да по Божьи, чтобы все было истово и по книжному.

Эта тирада произвела должное впечатлѣніе. Ѳеклѣ слова Варнакова казались такими авторитетными, сердечными, что, нисколько не колеблясь, она рѣшила вручить ему свои деньги.

— Прими-же родной, деньжонки-то у меня, да и порадѣй объ моемъ сиротствѣ. Мнѣ только келейку поставить дозволю, а остальные пусть сохраняются у тебя. Сказавъ это, Ѳекла Сидоровна еще разъ повалилась въ ноги купцу.

Въ это время Варнаковъ многозначительно посмотрѣлъ на Никитишну, улыбнулся и самодовольно погладилъ себя по животу. Взглядъ его говорилъ: „знаю, что все это твоя работа и благодарю за труды!“

— Деньги твои, Ѳекла Сидоровна, я согласенъ блюсти у себя только съ такимъ уговоромъ, что-бы сродственники твои не знали и не вѣдали объ нихъ. Объ келіи ты не печалуйся: я велю перевести для тебя съ своей-же пристани хорошенькую горенку,—у меня много стоитъ ихъ нарублено,—поставлю ее,

гдѣ желаетъ твоя душа, и живи ты въ ней, какъ у Христа за пазухой, да молись, за меня многогрѣшнаго. За келію я не возьму съ тебя ничего. Только сродственниковъ ты отъ себя дальше держи, и чтобы они къ тебѣ на моленный дворъ ни шагу. А лучше всего и о пристанищѣ помалкивай...

— Спаси тебя Христось, кормилецъ, за нравоученіе твое! Дай тебѣ Господи много лѣтъ здравствовать за твое благодѣяніе!

— Говори-же теперь, сколько у тебя накоплено кассыи-то?

— Да сколько, родимый: 21 бумажка сотенными, 40 четвертными лежитъ; ну, серебряными-то будетъ не много: все гривеннички, да двугривеннички,—всего сотни двѣ, почитай. Рублевки я не держала, потому мѣста очень много занимаютъ. На нихъ, родимый, надоумилъ меня одинъ уставщикъ купить какую-то бумагу: тебѣ, баить, если счастлива, можетъ достаться много денегъ. Ну, я и купила ее... Сидоровна полѣзла запазуху въ сарафанъ и съ трудомъ вытащила оттуда большой шерстяной мѣшочекъ, наполненный деньгами. Варнаковъ принялъ его, развязалъ и высыпалъ всѣ деньги на столъ. Въ числѣ денегъ оказалась и та „бумажка“, которую рекомендовалъ уставщикъ купить старой дѣвѣ на счастье, т. е. выигрышный 5% билетъ 2-го займа. Варнаковъ схватилъ ее и сказалъ:

— Эту бумагу, Сидоровна, нужно продать. Это—грѣховная вещь!.. Тутъ проценты на ней!.. Это, знаешь, грѣхи-то: „мздоиманіе“, „мшелоимство“—вотъ они въ ней сидятъ. Съ ней и мнѣ будетъ грѣхъ, и тебѣ не спасенье.

Сидоровна перепугалась.

— Безпремѣнно продать ее нужно! Я ни за что держать ее не стану въ своемъ домѣ,—говорилъ Варнаковъ, считая деньги.

— Ужъ избавь меня, кормилецъ, отъ этого грѣха,—плакала Сидоровна.—Что я знаю! Люди соблазнили...

— Сдѣлаю, Сидоровна, все сдѣлаю для тебя. Продамъ ее и деньги приложу къ этимъ.

— Будь отецъ родной!

— Знамо, чего мы понимаемъ въ этихъ дѣлахъ!—вставила свое слово Никитишна.

— Всѣхъ денегъ твоихъ, Сидоровна, три тысячи и триста рублей. Помни. А билетъ какъ продамъ—и деньги приобшчу. Келью я тебѣ даромъ поставлю—молись за меня только. Ну, и потомъ не оставлять буду: ходи ко мнѣ съ Микитишной за- всегда, попростецки: чайку попить, пообѣдать... Только о деньгахъ своихъ ты никому ни слова, наипаче сродственникамъ. „Нѣтъ“--и разговоръ короткій. Не хочешь—такъ возьми ихъ назадъ: я чужимъ не пользуюсь. Я живу, слава тебѣ Господи! Не даромъ обществомъ меня выбрали въ попечители-то. Своихъ денегъ трачу для церкви Господней безъ счета, потому люблю благолѣпіе и красоту въ службѣ...

— Спаси тебя, Господи, за твое неоставленіе,—кланялись обѣ дѣвы.

— Ты неугасимы-то хорошо стоишь?

— Всегда, кормилецъ, читала въ богатыхъ домахъ.

— Будемъ назначать тебя по этой части, такъ служи хорошенько. Они и вамъ доходная часть, и намъ нужны хорошіе служители.

— Порадѣй, Христа ради!

— Все сдѣлаю. Идите съ Богомъ.

Обѣ дѣвицы, еще разъ поклонившись въ ноги Варнакову, вышли изъ кабинета.

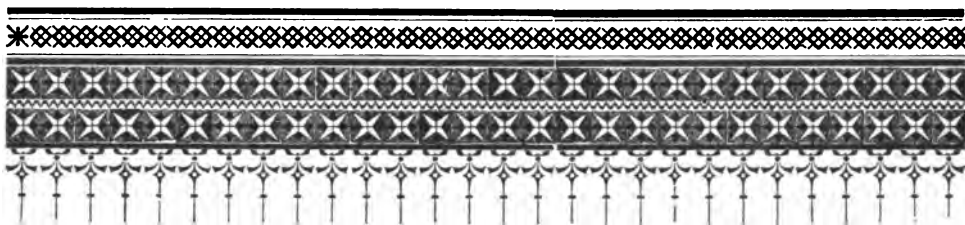
— Акуля, напой ихъ чайкомъ! — крикнулъ онъ женѣ. Акуля повела черничекъ на свою половину.

— Вотъ она пословица-то говоритъ: на то и шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Билетъ выигралъ себѣ, да 3 красныхъ на цугундеръ притянулъ. Дурь бабье! Да и къ чему этимъ чернохвосткамъ деньги? Это нашему брату, купцу они все равно, что подпора къ дому. Не случись теперь вотъ этой сидоровой козы, смиренной Феклушеньки,—хоть караулъ кричи. Деньги по удавку нужны... А теперь, шалишь, Акундій Платонычъ: въ точку выложимъ все до копѣечки. Не удастся тебѣ подкузьмить меня у Макарья-то: сами не лыкомъ шиты... А вѣдь, немного и не хватало-то! Спасибо, Микитишнѣ, выручила. Нужно будетъ ей чего-нибудь этакого купить на ярмонкѣ: ситцу, что-ли, или шерстяной матерьи на сарафанъ? Да и ту нужно будетъ поближе держать около себя: баба, какъ видится, умѣетъ денежку копить. Три тысячи у меня уже есть,

затѣмъ буду ставить ее на неугасимыя—еще скопить отъ этого, и опять ко мнѣ-же пойдуть, это хорошо. Все доходъ. Не даромъ-же обществу попечительствовать въ молельнѣ, да возиться съ аравой уставщиковъ, бабами и прочими дѣлами.

Такъ разсуждалъ самъ съ собою Варнаковъ, ходя по кабинету и самодовольно потирая руки. Три тысячи съ лишнимъ положилъ онъ въ свой карманъ и ни документа, ни росписки не далъ въ полученіи ихъ. Зачѣмъ?—Грѣшно это. По благочестію такъ не дѣлается.—И сколько такихъ глупыхъ черничекъ во имя „древляго благочестія“ общипывается Варнаковыми въ темномъ расколѣ. Блаженной памяти купецъ Фоминъ не одну тысячу увезъ съ собою, обобравъ подобнымъ образомъ разныхъ Оеклушъ, Матренъ и др. и скрывшись изъ Саратова вмѣстѣ съ другими, прихваченными имъ кое-гдѣ, деньгами.

XXXV.

На ярмарку къ Макарью.

тро. Купецъ Карчагинъ собирается ѣхать на Нижегородскую ярмарку. Вчера вечеромъ онъ отслужилъ у себя въ домѣ цѣлую серію разныхъ молебновъ: св. Меркурію, чтобы торговля была съ прибылью; св. Іоанну Воину, чтобы должники исправно уплатили по векселямъ деньги; Николаю Чудотворцу — доплыть до Нижняго въ благополучіи. Молебны сопровождались освѣщеніемъ воды, которой Карчагинъ отпилъ цѣлыхъ 3 чайныхъ чашки, смочилъ себѣ голову и окропилъ весь свой багажъ. Чтобы не попритчилось въ дорогѣ какой болѣзни отъ лихого человѣка, или просто съ налету отъ вѣтра, Карчагинъ взялъ у дьякона изъ кадила обгорѣлые остатки ладона и, завернувъ ихъ въ бумажку, положилъ въ карманъ жилета. Затѣмъ, какъ и водится, кончивъ молебны, Карчагинъ пригласилъ къ закускѣ весь штатъ своего духовенства и кутнулъ въ этотъ вечеръ на порядкахъ. Голова трещала у него утромъ, а тутъ жена, укладывая въ чемоданы то одно, то другое, приставала

къ нему съ разспросами. Карчагинъ сердился, огрызнулся на жену и былъ вообще не въ духѣ.

— Класть-ли кафтанчикъ-то тебѣ?—спрашивала жена.

— Не въ первой, поди, снаряжаешь меня. Праздники будутъ, тоже пойду въ моленную...

— Берешь-то ты его завсегда, только молиться-то въ немъ не всегда приходится.

— Закаркала! Пошла читать акаѳистъ! Нѣту того, чтобы ублажить мужа-то въ остальные...

— Да выпей ужъ; только тамъ-то не грѣши и будь по благообразнѣй. Соблюдай себя по христіански и держи жизнь-то по уставу св. отецъ. А то...

— Ѳекла! Заднія колеса впереди не бываютъ!—рыкнулъ Карчагинъ.

— Я правду, вѣдь, Кузьма Пафнutyчъ, говорю. Вотъ прошлый годъ взялъ и кафтанъ, и лѣстовку, какъ доброму все уложила, анъ вышло, что въ кафтанъ-то наряжалась дѣвка.

— Молчи, оглашенная!

— И скоморошила въ емъ, и въ плясъ пуцалась, точно комедія была въ квартирѣ-то. Кабы сама не пріѣхала тогда...

— Спасительница! Соблюдательница тоже выискалась!—насмѣшливо трунилъ Карчагинъ.—У меня чтобы нынѣ твоего духа не пахло тамъ. Сиди въ своемъ монастырѣ, да и гляди за молодцами.

— А если моя лѣстовка опять будетъ въ рукахъ пьяной шлюхи?

— Прекрати словесность!..

— А если на ряду съ родителями напишутъ тебя въ поминаньи, какъ эфто и случалось уже, такую словесность:

„Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ,
Не входи, родимая, по пусту въ изьянъ“...

— Типунъ тебѣ на языкъ, анаема!

— И не думай лучше. Если окажешь свой карактеръ въ такихъ-же смыслахъ, какъ прошлый годъ, опять выѣду къ тебѣ.

Кузьма Пафнутьевичъ ввернулъ крѣпкое словечко, зычно рывкнулъ на супругу и сталъ проглатывать одну рюмочку за другой.

Оекла Савельевна, дородная половина Карчагина, замолчала. Она взяла шерстяной кафтанъ, бисерную лѣстовку, поминанье, въ видѣ небольшой, бархатомъ обложенной, книжечки и, сложивъ все это вмѣстѣ, бережно уложила въ чемоданъ.

— Чать у владыки Кирилла будешь у Макарья-то?

— По какой это оказіи я заявлюсь къ нему въ Елесино-то? Самъ пріѣдетъ на ярмонку и, небось, сбора-то не упустить. Нашего брата, купца эти преподобные святители тоже, вѣдь, ловятъ тамъ.

— А ты не богохульничай, Пафнутьичъ. Не на дѣвокъ вѣдь и не на гульбу какую собираютъ они, а на святое дѣло поддержанія древлеправославной вѣры.

— Знаемъ эту статью-то. Вчера 10 руб. молебень сталъ да тамъ по пріѣздѣ за это столько-же выдетъ, а потомъ архіерею на свѣчи, да на разное ихъ дѣло клади сотню-другую...

— За то они молятся за насъ, а мы дѣвокъ облачаемъ въ свой молитвенный кафтанъ... ядовито замѣтила купчиха.

Кузьма Пафнутьичъ снова рыкнулъ на жену.

— Незабудь, Пафнутьичъ, купить мнѣ на Керженцѣ, „богородичную лѣстовку*)." Тамъ сыщи мать Евлампію, она представитъ тебѣ это, а ты пожертвуй имъ на монастырь.

— Сколько?

— Рублей сотню дай на всю обитель-то..... Карчагинъ крякнулъ только и снова выпилъ рюмку водки.

— Нужно-бы взять оттуда читалку на годовую неугасимую, да объ этомъ я лучше сама спишусь съ матушкой Евлампіей; а то ты подцѣпишь какую-нибудь изъ молодыхъ.

— Не каргу-же тебѣ старую привезти, чтобы весь домъ потомъ перемутила.

— Я знаю, какую мнѣ нужно.

— Привезу тебѣ такую постницу, что будетъ на всѣ руки,— ухмылялся Карчагинъ.

*) Въ каждомъ лубенчикѣ лѣстовки у раскольниковъ пишутъ молитву „Богородице дѣво, радуйся“ ... отчего она и называется „богородичной“ лѣстовкой.

— И не моги этого дѣлать. Я сама это сдѣлаю.

Поздно вечеромъ Карчагинъ со всѣми своими чадами и домочадцами покатилъ на конторку парохода. Это былъ цѣлый поѣздъ, нагруженный багажемъ и людьми всякаго возраста.

— Образокъ-то, Пафнутьичъ, я положила пряма у верхней крышки чемодана. Откроешь, онъ и тутъ,—говорила супруга на прощаньи съ мужемъ.

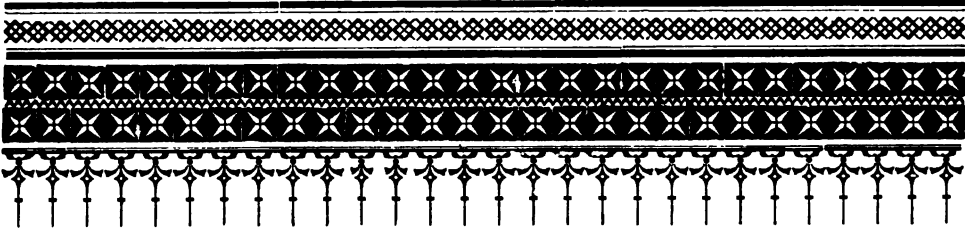
— Ладно. Не обміршимся.

— Смотри-же, Кузя, живи по христіански. Канонникъ съ полунощницами я тоже положила тебѣ для утренней и вечерней мольбы...

— Увидимъ.

Пароходъ отвалилъ отъ пристани. Купчиха стояла и плакала. Чады и домочадцы радовались отъѣзду „самого“.

XXXVI.

ТРЕКЛЯТАЯ ЕЛКА.

В 1887 году богатый саратовскій купецъ, послѣдователь „древляго благочестія“, Петръ Никаноровичъ Сонинъ, устроилъ для своихъ дѣтей богатую елку. Былъ первый день Рождества. Къ вечеру Петръ Никаноровичъ приказалъ освѣтить елку и, въ ожиданіи гостей, ходилъ по залу крупными шагами.

Въ обществѣ старообрядцевъ устройство елокъ вообще не принято; даже грѣхомъ считается заводить подобную „языческую тризну“.

Въ обществѣ безпоповцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Сонинъ, запрещеніе это ревностнѣе соблюдалось и соблюдается по сіе время, нежели въ другихъ старообрядческихъ общинахъ, напримѣръ, у австрійцевъ, бѣглопоповцевъ, гдѣ, по мнѣнію безпоповцевъ, много существуетъ „никоніанскихъ измышленій“, благодаря существованію въ средѣ ихъ поповъ. Сонинъ хорошо зналъ это строгое правило своей

общины, но рѣшился на этотъ разъ отступить отъ него подъ вліяніемъ усиленныхъ просьбъ своихъ дѣтей, Коли и Вари, обучавшихся въ одномъ изъ городскихъ училищъ.

Къ тому-же супруга Петра Никаноровича, Наталья Пахомовна, взятая изъ подгороднаго московскаго села, не только не противорѣчила въ этомъ, а даже подсказала своему супругу, что многіе изъ христіанъ ихъ „согласу“ устраивали елки, на которыхъ она не разъ присутствовала, будучи еще дѣвицею.

— А коли такъ, быть елкѣ у насъ!—сказалъ Сонинъ.

И елка явилась въ домѣ, украшенная, къ великой радости Коли и Вари, разными сластями и бумажными бездѣлушками.

Въ 7 часовъ вечера гости одинъ за другимъ стали наполнять обширный залъ. Тутъ были и „ніконіанцы“, и своего согласу христіане, и полухристіане, т. е. старообрядцы другихъ сектъ.

Сонинъ всѣхъ встрѣчалъ съ обычной любезностью и провожалъ въ гостинную, гдѣ поставленъ былъ столъ съ выпивкой и закуской, и предлагалъ вкусить „ради вящаго веселія“. Гости выпивали и закусывали, причемъ „ніконіане“ пили вмѣстѣ съ полухристіанами изъ однѣхъ рюмокъ, именуемыхъ „рабскими“, а христіане одного согласу съ домохозяиномъ пили изъ особыхъ рюмокъ „німерщенныхъ“. Эти послѣднія, въ отличіе отъ „рабскихъ“ рюмокъ, были серебряныя съ позолотою.

— Мужики, вы что же это прилизались къ столу-то, а на другое и вниманья не обращаете?—сказала Наталья Пахомовна, войдя въ гостинную.

— Сейчасъ, Ната, сейчасъ! отозвался хозяинъ. И вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ гостей въ залъ, гдѣ блистала многочисленными огнями богатая елка, а вокругъ нея толпились радостныя лица Коли и Вари и пріѣхавшихъ къ нимъ сверстниковъ.

— Ну, господа, къ примѣру, что же мы сотворимъ теперь предъ этимъ деревомъ?—спросилъ хозяинъ, обратясь къ толпѣ гостей.

— Вѣстимо, что! Не канунъ же пѣть предъ нею, а надо что повеселѣй устроить,—отвѣтилъ одинъ согласникъ домохозяина, тоже купецъ.

— Поѣ, ребята, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“... скомандоваль хозяинъ.

Гости затынули пѣсню. Жены купцовъ стояли въ отдаленности и тихо пересмѣивались между собою.

— Отецъ пріѣхаль! Отецъ со славою! запыхавшись, доложила горничная-односектантка.

Пѣніе оборвалось. Гости разошлись по сторонамъ, почувствовавъ себя въ неловкомъ положеніи.

— Въ образную веди его! скомандоваль хозяинъ. Но наставникъ былъ уже въ дверяхъ и шелъ въ залъ.

— Зачѣмъ въ образную, Петръ Никаноровичъ. Я посмотрю какъ наши истинные христіане проводятъ и чествуютъ святые праздники. Смотри-ка! Дерево въ передній уголъ поставили, прямо къ святымъ иконамъ...

— Отецъ, молчи!—сказаль хозяинъ.

— Не молчать нужно, Петръ Никаноровичъ, а плакать. Смотри, какую ты бѣсовщину устроилъ. Развѣ подобаесть намъ, истиннымъ христіанамъ, такую жизнь проваждать? Вѣдь завтра праздникъ богородицынъ, Пресвятая Богородица во Египетъ побѣжала со Іосифомъ и младенцемъ Христомъ, а ты служишь идолу съ пѣніемъ и ликами. Христіанское ли это дѣло! Подумай ты, разумнѣйшій человѣкъ: ты самъ святое-то писаніе знаешь. Гдѣ этакую погань велѣно устраивать? Ни—гдѣ. Да я и не ждалъ отъ тебя такого соблазну.

— Отецъ, прекрати свою словесность; покутимъ, да и на покаяніе къ тебѣ; все едино грѣшить, что однимъ, что другимъ дѣломъ: одна каша! спокойно уже проговорилъ хозяинъ.

— Въ ноги поклонюсь тебѣ, Петръ Никаноровичъ, только, Христа ради, уничтожь ты эту поганьщину. Не губи ты свою душеньку, да и другихъ, то не вводи въ соблазнъ. Вѣдь-нигдѣ этого язычества я не видѣлъ у нашихъ христіанъ и только ты это завель. Подумай о царствіи небесномъ. А ангель-то Господень? Онъ, поди, теперь кварталовъ на пять али больше отошелъ отъ твоего дома и горце плачетъ. И какъ мы совершимъ славу Христу при такомъ нечестіи?

— Будеть, отецъ! будетъ! Затвори уста!—говорилъ хозяинъ.

— Въ ноги хочу кланяться тебѣ; канонъ отстою завтра, чтобы сей грѣхъ твой не помянулся предъ Богомъ, а дьяволъ не записалъ въ книги свои.

— Быть по твоему, отецъ! Иди въ образную на славу, а я все это уничтожу. Аксинья! Дарья! ломай всю эту дьявольщину, чтобы духъ ея не пахнулъ здѣсь.

Явилась прислуга и потащила елку вонъ изъ зала. Всѣ женщины сочувственно отнеслись къ проповѣди наставника и одобрили ее. Одни ребятки стали было плакать, но отецъ приказалъ имъ рвать съ елки всѣ сласти и украшенія, и они успокоились.

— Сжечь ее, треклятую, въ банѣ послѣ праздниковъ, проговорилъ Петръ Никаноровичъ и направился вмѣстѣ съ односектантами въ образную комнату, пригласивъ и другихъ гостей послушать пѣніе ихъ „славы“.

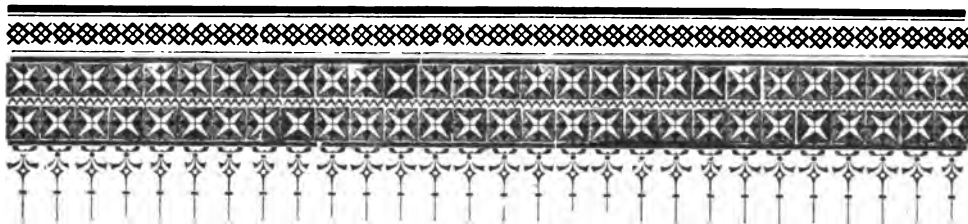
Болѣе получаса продолжалъ наставникъ свое славленіе; пѣвцы пѣли гнусливыми голосами протяжно и по хомоніи, выговаривая слова тропарей съ опущеніемъ буквы „ъ“ „Христосо рождается со лавите, Христосо со небеси сорящете“ и пр.

Послѣ славленія купецъ поблагодарилъ наставника десятию рублями, далъ по рублю 4-мъ пѣвцамъ и пригласилъ всѣхъ къ столу.

Для наставника и пѣвцовъ подали еще особыя рюмки, прямо изъ шкафа съ посудой.

Всѣ выпили, а потомъ наставникъ предложилъ хозяину дозволить его пѣвчимъ пропѣть „Всемирную славу“. Разрѣшеніе было дано охотно, и пѣніе съ питіемъ продолжалось далеко полночь.

XXXVII.

ГОВЪЛЬЩИКЪ.

огатый купецъ Кузьма Пантелѣвичъ съ супругой Ѳеклой Никифоровой сидятъ въ залѣ и пьютъ чай съ уфимскимъ медомъ. Онъ — австрійской секты. Она — бѣглопоповской.

— Вотъ и чистаго понедѣльничка дождались! — сказала купчиха, допивая чай на блюдечкѣ.

— Да, подѣхалъ не видаючи какъ, — отвѣтилъ „самъ“, отдуваясь послѣ девятаго стакана.

— На счетъ покаянья-то думаешь что-ли?

— Извѣстно. Не скотина тожь... Чувствіе-то не потеряли.

— Такъ нужно будетъ начинать съ нынѣшней вечерни, а у тебя, что-то, я не вижу никакихъ сборовъ къ этому.

— Въ уѣздѣ, что ли, мнѣ собираться-то! Баба ты — такъ баба и есть.

— Не въ уѣздъ, а все же, когда думалъ принести покаянье, нужно будетъ заготовить свѣчъ восковыхъ, кафтанчикъ выложить, чтобы онъ былъ на готовѣ, да и себя-то облагообразить для этого случая.

— Пошла разводить антимонію-то! Не знаемъ съ твое... Тоже дѣла были на масленицу-то; было когда помнить о твоёмъ кафтанчикѣ съ лѣстовкой.

— Не грѣши, Пантелѣичъ. Въ Покровскѣ-то по дѣламъ что ли ѣздилъ на тройкѣ съ колокольчиками? Или здѣсь— дѣло что ли дѣлалъ у Вакурова или у этого... электрическаго-то нѣмца? *)

— Что же... Ка-бы ты видѣла сама...

— Гдѣ ужъ намъ показываться въ этихъ мѣстахъ, да на стыдъ себя выводить. Пусть на тебѣ одномъ будетъ грѣхъ-то, что скоромишься да поганишься разными тамъ яденіями въ ихъ посудахъ.

— Посмотрю я на тебя, Фекла, точно ты законникъ какой у меня: все-бы ты возилась со свѣчками, ладаномъ, да воловодилась съ разными чтецами и уставщиками. Все у тебя грѣхъ, да преступленье... Натолкуютъ они тебѣ короба съ три, а ты, точно лошадь съ норовомъ, закусишь удила и качаешь себѣ безъ удержу.

— А ты не грѣши для поста-то. Вѣдь каяться будешь въ этомъ. Иль раздумалъ?

— Разумѣется, не сейчасъ побѣгу я въ моленную. Съ блиновъ то не больно скоро пристроишься отвѣшивать тысячное правило. А ихъ—семь правилъ—значить, 7000 поклоновъ, какъ едина денежка, нужно будетъ выставить чистоганомъ. Погни-ка хребетъ-то: небось, скажется.

— Мнѣ нечего рассказывать, у насъ эти правила строже соблюдаются.

— Соблюдаются... Да что толку-то въ вашихъ правилахъ! Одно только пустое изнуреніе тѣлесности. Молитесь много, а придетъ суббота—вась водой, да сухарями будутъ прищипать.

---

*) Разумѣется гостинница купца Гудкова, на Нѣмецкой улицѣ, содержимая г. Зейфертомъ и освѣщаемая электричествомъ.

— Ты опять мою вѣру задѣваешь?

— Я говорю правду.

— А я тебѣ скажу, коли на то пошло, что ваше причастіе мы и совсѣмъ за ничто признаемъ. Попы и архіереи твои—ничего для насъ не значатъ. Мужичишки они!

— Все лучше бѣглыхъ поповъ или наставниковъ изъ дегтярей.

— Хуже.

— Нѣтъ врешь!

— Самъ врешь.

— Ѳекла! Ты забыла съ кѣмъ имѣешь словесность. Смотри я вотъ для поста-то полысну стаканомъ съ чаемъ, тогда и будешь знать, какъ производить бесѣду съ мужемъ.

— Не затрогивай моей вѣры!

— А ты—моей.

— Я истину говорю тебѣ, а ты, яко жена, должна у меня поучаться. Наша вѣра—совсѣмъ церковная, а твоя—не знай что. Соберетесь тамъ, какъ шмели какіе, погнусите себѣ недѣлю, тѣмъ и говѣнье заключается. У насъ же, по крайней мѣрѣ, церковь есть, архіереи, причастіе истовое, ну, и все такое... Припасай мнѣ бѣлье, схожу въ баню, пропотѣю хорошенько, да тогда ужъ и въ моленную ударюсь. Надо будетъ задѣлаться въ говѣльщики, а то...

Въ это время въ комнату вошелъ пріятель купца.

— Кузьмѣ Пантелѣвичу и Ѳеклѣ Никифоровнѣ наше нижайшее!

— Сидору Лукичу особенное!—привѣтствовали хозяева. Садись прополаскивать животы.

Купецъ присѣлъ къ столу.

— А мы вотъ съ старухою рѣчь держали объ вѣрѣ: чья лучше!

— Охота тебѣ, Кузьма Пантелѣвичъ, вмѣшиваться въ эти дѣла. Да чего мы съ тобой понимаемъ въ этой статьѣ! Это дѣло бабье, да начетниковъ. А наше дѣло съ тобою коммерцію вести... Пускай ихъ канунничаютъ, да отчитываютъ сколько душѣ угодно. Тебѣ отъ этого ни сыро, ни холодно.

— Вотъ истинно разсудиль, Сидоръ Лукичъ!—Торжествовала купчиха. Нѣтъ, мой-то суется толковать еще... А чего знаетъ? Заставь канунъ причестъ, иль 12 псалмовъ преподобнаго Пахомія—ни за что не сдержитъ ихъ по уставу. Ни начала, ни конца не сумѣетъ сдержать.

— Ну, будь твой верхъ, а моя маковка, — согласился мужъ.

— Давно бы такъ.

— А я къ тебѣ, Кузьма Пантелѣвичъ, по дѣлу братъ, — обратился гость.

— Говори.

— Пойдемъ лучше дорогою покалякаемъ.

Купцы вышли.

— Завернемъ къ нѣмцу на часокъ?

— Отчего же.

Ждетъ Ѳекла Никифоровна своего говѣльщика часъ, другой, наконецъ, и вечерня прошла, и ночь наступила, а его все нѣтъ. Около полуночи онъ вернулся домой, сильно „выпивши“.

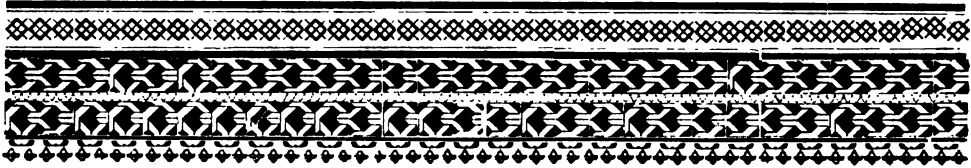
— Что, говѣльщикъ: сгубилъ постъ-то? Опять остался безъ покаянья, — встрѣтила его жена.

— Молчи! Разможжу!

Жена поспѣшила ретироваться и прибрать приготовленные для молитвы атрибуты.

Нужно добавить, что у старообрядцевъ считается обязательнымъ говѣть на первой недѣлѣ поста, что бы къ Пасхѣ вышло послѣ причащенья 6 недѣль времени.

XXXVIII.

Аграфена Никитишна или поклоны въ скамеечку.

ъ моленной старообрядцевъ безпоповцевъ кончилось богослужение. Служба продолжалась очень долго—кряду 5—6 часовъ. Было „стоянье“ Маріи Египетской, а въ этой службѣ, какъ извѣстно, читается большой канонъ и послѣ каждого стиха полагается 3 земныхъ поклона. Всѣ богомольцы страшно утомились; лица блѣдныя, истомленные... За этой службой всѣхъ поклоновъ они положили болѣе тысячи. Поэтому, когда положень былъ окончательный „началь“ службы, богомольцы не спѣшили выходить изъ маленной, а сѣли на лавочки, чтобы отдохнуть.

— Слава тебѣ, Господи, отмаялись! — проговорилъ старикъ, утирая съ лица потъ.

— Да, привелъ Господь стоять.

— А вотъ, братіе, признаться сказать *), не хорошо у насъ творится... заговорилъ наставникъ, выйдя на амвонъ: многіе изъ христіанъ кладутъ поклоны не прямо въ землю, на полъ, а въ скамеечку...

*) Поговорка „наставника“.

— Это точно, отецъ, нехорошая статья, поддакнули нѣкоторые старики.

— Вотъ, къ примѣру, Аграфена Никитишна: она въ скамеечку...

— Силы жалѣеть. Безъ скамеечки-то, то-исть прямо въ землю, не бось—поджилки затрясутся.

— Конечно. Какая молитва въ скамеечку! авторитетно—промолвилъ купецъ Духинь.—По моему, хочешь Богу служить—иди ужъ прямо... А то мы, дескать въ обходную...

Взоры богомольцевъ устремлены на виновную женщину.

— Я, старики, не могу безъ скамеечки, затараторила она нисколько не оробѣвши. Поклоновъ-то, сами знаете, какая уйма, а я при своей телѣсности...

— За Бога коли взялась—нужно тѣлесность-то въ сторону отложить. Тѣло что!—червямъ только угобзеніе.

— Это воистину. По моему, нужно всѣмъ комплектоваться *) во едино, поддакнулъ Духинь.

— Признаться сказать, оно, дѣйствительно, къ примѣру, если что въ церкви бываетъ, такъ, признаться сказать, должно въ одну линію всѣ, на манеръ какъ солдаты.

— Я говорю—комплектъ, безъ него никакой затычки не выйдетъ.

— Я вашихъ мудреныхъ словъ, Иванъ Ѳедорычъ не обниму своей бабьей головой; только безъ скамеечки я не могу. Я немощная душа. Гдѣ мнѣ справиться безъ нея. Задохнусь я, старики. Какъ хотите, а скамеечку мнѣ увольте.

— А если, признаться сказать, мы, Аграфена, сіе не уважимъ тебѣ?

— Тогда я перестану ходить за службу.

— Значить, ты коритесь намъ не хочешь!—закричали всѣ старики.

— Я корюсь вамъ, только тѣлесность моя безъ скамеечки, не годится на поклоны.

— А кто тебѣ велѣлъ таку плотъ-то гулять. Постилась-бы больше, вкушала-бы сухояденіе на трапезахъ, вонъ оно и было бы худообразнѣе...

*) Поговорка купца Духина.

— Не больше твоего я ѣмъ — огрызнулась Аграфена на старика. Не подпрекай кускомъ-то!

— То-то ликъ-то у тебя и расплылся во всѣ стороны, злоехидно замѣтилъ тотъ-же старикъ.

— Вотъ что, Аграфена, если ты не хочешь комплектоваться, мы не позволяемъ тебѣ-скамейку подь поклоны... Сгибайся, коли хочешь, припадать къ Богу, прямо на землю, на подручникъ, а скамейку—ни-ни!—сказалъ купецъ Духинъ.

— Признаться сказать, нельзя этого. Мы потѣмъ, изопрѣваемъ, а она—въ скамеечку...

Всѣ согласились съ мнѣніемъ купца и наставника и рѣшили: выбросить изъ моленной скамейку Аграфены, а ей молиться „во едино со всѣми“.

На сцену выступили уставщикъ Коровинъ съ женою и бухнулись собранію въ ноги.

— Чего кляняться-то надумились!—съ сердцемъ закричали всѣ богомольцы.—Нагрѣшили допрежъ, а потомъ молить пришли...

— Вы, комплектоваться, вонъ отсюда!—гнѣвно вскричалъ Духинъ.

Уставщикъ съ женою опять бухнулись въ землю.

— Нечего, признаться сказать, жалѣть-то васъ. Ушелъ въ ересь, такъ пропадай, какъ собака.

— Простите, Христа ради!—говорилъ уставщикъ, снова кланяясь; жена его начала плакать.

— Прибѣгнулъ теперь комплектоваться, а то лынька задалъ,—на семи собакахъ не отыщешь.

— Въ загривокъ его изъ моленной-то! Сквернить пришелъ сюда насъ.

— Ишь како время нашель жалить-то! Всѣ умучившись, еле ноги стоятъ, а онъ съ своимъ дѣломъ воловодится.

Уставщикъ только и зналъ, что одинъ за другимъ отвѣшивалъ поклоны предъ разгнѣвавшейся братіей.

— Инъ, комплектоваться, осудить, что-ли его?—спросилъ Духинъ.

— Можно, признаться сказать, и судъ навести, поддакнулъ наставникъ, заранѣе упрощенный уставщикомъ поддержать его сторону на соборѣ.

— Подайте „Кормчую“!

— Книгу сюда!

Кинулись искать книгу. Старики стали „началить“ уставщика. „Вотъ если-бы не уходилъ отъ насъ, такъ срамоты-то этакой не выдержалъ-бы отъ общества“.

— Грѣхъ попуталъ! оправдывался уставщикъ.

— Грѣхъ!... Около тебя этотъ грѣхъ-то стоитъ. Ишь, кака дебѣлая! — грозно проговорилъ сѣдой, лѣтъ 70 старикъ, готовый отъ злобы задать потасовку и уставщику, и женѣ его.

— Нѣтъ „Кормчей!“ раздался голосъ.

— Гдѣ-же, комплектовать, она?

— У Калинина, сказалъ кто-то.

— Какъ-же, признаться сказать, судить ихъ безъ Кормчей“?

— Посудимъ, комплектовать, и такъ, безъ книги,—сказалъ купецъ Духинъ.

— Оно точно, признаться сказать, можно и такимъ манеромъ... поспѣшилъ согласиться наставникъ. Онъ, собственно, нарочито и далъ этотъ вопросъ, чтобы затронуть самолюбіе купца Духина.

— Вѣстимо. Сказано въ правилахъ; отметнику отъ вѣры христіанской 15 лѣтъ быть подъ отлученіемъ отъ церкви, проговорилъ купчина.

— Сжальтесь, старички! завопилъ уставщикъ:—какой же я отметникъ отъ Христа! Вѣдь, я только женился по другому согласію, а отъ Христа не отступалъ.

— Это все единственно!

— А жену-то бросилъ?..

— Онъ это не считаетъ... иронизировалъ старикъ.

— Съ одной пожилъ—бросилъ, другу взялъ. Вотъ, паря, дѣла-то...

— Князь турецкій—одно слово.

— Комплектоваться, оно выходитъ, что ты, Ермила, самый злой беззаконникъ, сказалъ купецъ.

— Простите! снова поклонился уставщикъ въ землю.

— Нечего кланяться-то: 15 лѣтъ выстой вонь у порога моленной на манерь оглашеннаго, тогда и прощенье тебѣ.

— Вѣдь, первая жена-то ушла у меня въ другую вѣру, Какъ-же съ ней жить-то! Она теперь по Австріи умствуеть...

— Чу, ребята...

— Ишь ты какая оказія-то.

— Все-таки, комплектоваться, ты опять виновень: зачѣмъ съ этой сударушкою вѣнчался у бѣглаго попа. Вѣнчанья захотѣлось. Ту-бы бросилъ, а взялъ другую себѣ и, комплектоваться, жилъ-бы себѣ по нашему христіанскому закону спокойно, безъ всякихъ тамъ вѣнчаніевъ.

— Оскверненія захотѣлось отъ разстриги бѣглаго.

— Охъ молодость!...

— Такъ, комплектоваться, 15 лѣтъ тебѣ отлученья. Что вѣру смѣнить, что отъ Христа отступить—это едина статья.

— Простите! молилъ уставщикъ.

— Ничего меньше! Согласны, старики, на это правило?!

— Согласны! Согласны!

Къ купцу Духину подошла жена его и шепчетъ ему на ухо.— „Не твое дѣло!“—крикнулъ тотъ на нее. Жена грозно смѣрила его своимъ взглядомъ и отошла съ сторону.

Преступленье уставщика состояло въ томъ, что онъ бросилъ жену, сошелся съ другой дѣвицею и повѣнчался въ г. Вольскѣ, у бѣглаго попа. Теперь, чтобы оправдаться въ глазахъ общества, онъ нарочно объявилъ свою жену ушедшей въ другую вѣру, зная, что за это старообрядцы сдѣлаютъ ему снисхожденіе. До суда онъ просилъ наставника, а жена его—купчиху Духину, что-бы они заступились за нихъ предъ обществомъ. Оба дали согласіе на ходатайство. На этомъ основаніи книга „Кормчая“ исчезла, а дѣло было ночью, и посылать за нею было далеко и невозможно.

— Простите ихъ, старики, вмѣшалась жена купца Духина.

Купецъ чувствовалъ себя точно на иглахъ; старики притихли и растерялись. Они стали смотрѣть, то—на мужа, то—на жену.

— Признаться сказать, нужно немножко убавить время-то,

а то уповодъ-то очень великъ—поторопился поддержать наставникъ купчиху.

Всѣ молчали.

— Комплектоваться, можно на 10 лѣтъ спустить, съ до-садою пробурчалъ купецъ.

— Чего тамъ 10 лѣтъ!—возразила купчиха. Вѣдь вы не по книгѣ держите судъ, а по своему умству. Потому можете и еще учинить ослабу. Что-же!.. Онъ и согрѣшилъ-то въ пер-вый разъ еще.

— Это точно, признаться сказать, оно тово... безъ книж-наго идетъ у насъ.

— Стало-быть, пусть несутъ канунъ къ Пасхѣ, а тамъ придутъ къ службѣ!.. настаивала купчиха.—Чѣмъ-же дѣвка ви-новата, что ее тамъ разстрига какой-то осквернилъ! Больно знаетъ она ваши уставы-то.

— Молись Ермилъ, съ завтрашнаго дня канунъ и ты, Аку-лина, также; а тамъ къ заутрени на Пасху приходите вмѣстѣ—вотъ и ладно. Ради такого праздника нечего, старики, кочев-ряжиться-то! А теперь, будетъ, пора и домой ѣхать.

— И то пора,—спохватились старики.

— Простите и благословите, старички, канунъ нести,—бух-нулся уставщикъ съ женою въ землю.

— Богъ проститъ васъ и благословитъ!—нехотя, прогово-рили старики.

Старики стали расходиться, а уставщикъ съ женою, въ восторгѣ, что такъ дешево отдѣлался отъ стариковъ, сталъ класть „началь“ на подручникъ.

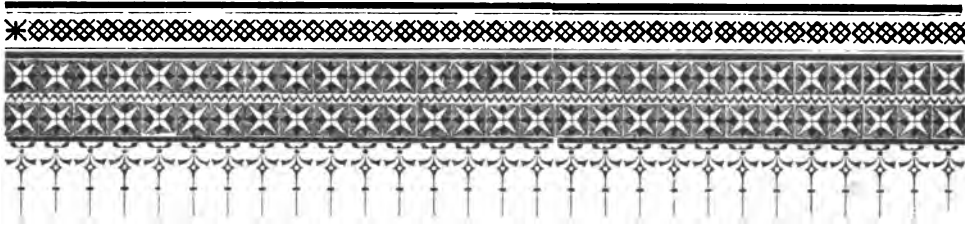
— Ишь ты, какъ разсудила! Сразу подмахнула,—все единственно, что перомъ, такъ она—языкомъ.

— Умнѣющая баба, толковали богомольцы дорогою.

— И всюду ты, Наталья, суешь свой языкъ! ворчалъ ку-пецъ дорогою на жену. Твое-ли дѣло мѣшаться въ наши со-борныя дѣла?! Знала-бы свою лѣстовку и—ладно. А то, комп-лектоваться, тычется вездѣ...

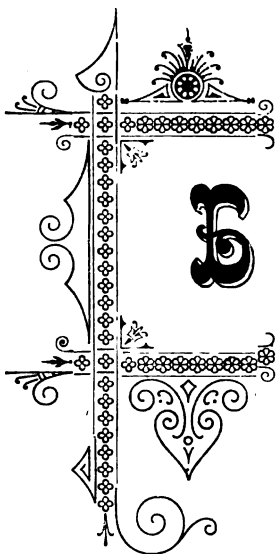
— Да чего вы смыслите-то! Только мужики-то... возра-зила купчиха.

XXXIX.

КУЛАЧНОЕ ПОБОИЩЕ ЗА СЛУЖБОЮ.

Богатое и красивое по мѣстоположенію село Криволучье, Николаевскаго уѣзда, лежитъ на р. Иргизѣ Самарской губерніи. Раскольниковъ проживаетъ здѣсь почти все село. А извѣстно, гдѣ скопилась масса „древле-благочестивцевъ“, тамъ неизбѣжно возникаетъ между ними разладъ, идутъ ссоры и даже драки... На соборныхъ засѣданіяхъ ратоборцы хлыщутъ другъ друга лѣстовками, книгами, а при неимѣніи ихъ—угощаютъ и просто зуботычинами. Поссорятся, подерутся, намнутъ другъ другу бока и, по христіански, помирятся и разойдутся по домамъ. До мирового дѣла эти не восходятъ: „не довлѣетъ древлеистиннымъ христіанамъ Божье дѣло на судъ еретикамъ предавати“.

4-е Марта 1890 года въ молельнѣ бѣглопоповцевъ началось всенощное богослуженіе. Богомольцевъ собралось много; клиросы были полны пѣвцами. Когда пришло время пѣть стихиры, ус-

тавшикъ, вручивъ книгу мальчику, велѣлъ ему идти на лѣвый клиросъ и „кононаршить“, ходя по обоимъ клиросамъ, т. е. сказывать припѣвы къ стихирамъ. Мальчикъ нѣсколько замѣшклся; тогда одинъ пѣвецъ толкнулъ его, чтобы онъ шелъ скорѣе, но такъ сильно, что тотъ потерялъ равновѣсiе и упалъ на амвонъ. На лѣвомъ клиросѣ этотъ казусъ вызвалъ хохотъ. Но одинъ изъ рослыхъ пѣвцовъ схватилъ толкнувшаго за волосы и безцеремонно сталъ таскать его тутъ-же на клиросѣ. Пѣвецъ заоралъ во все горло. Наставникъ въ это время кадилъ иконы. Увидѣвъ, что его внученка сильно треплетъ клирошанинъ, онъ пересталъ кадить и кинулся выручать его.

— Какъ ты смѣешь, разбойникъ, такъ мучить моего ребенка?!—закричалъ онъ на клирошанина и сталъ тыкать его горячей кадилъницей въ грудь. Клирошанинъ началъ пятиться назадъ сдѣлалъ шагъ, два три... натолкнулся на аналой, ерошилъ его и книги, и самъ растянулся на полу. Наставникъ тоже былъ сбить съ ногъ, рассыпалъ угли изъ кадила, но, осерчавъ еще болѣе, быстро вскочилъ на ноги и кинулся таскать клирошанина за волосы.— „Что это за оказiя! кричалъ онъ. Всю службу, подлець, разстроилъ. Бунтъ произвелъ, каторжный!“.— Клирошанинъ такъ крѣпко попался въ лапы наставника, что при всемъ старанiи онъ никакъ не могъ отъ него вырваться.

— Да что это братцы, за самоуправство такое чинить наставникъ! возмутился весь правый клиросъ пѣвцовъ. Бей его самага! Его дѣло — кадить, а онъ буянство прозводитъ.

И весь правый ликъ пѣвцовъ и чтецовъ набросился на наставника и стали—кто бить его книгою, лѣстовками, кто вырывать изъ его рукъ клирошанина. Не стерпѣлъ лѣвый клиросъ обиды своему наставнику и въ полномъ составѣ ринулся въ защиту его.

— Вы что это, возмутители, дѣлаете! Бросьте его! Иначе мы васъ всѣхъ разнесемъ.

— А! Вы за него-же вступаетесь! кричали пѣвцы праваго клироса.

— Лупи ихъ ребята!

— Вали по всѣмъ суставамъ!

Пѣвцы, бросивъ наставника, кинулись стѣною на пѣвцовъ лѣваго лика. Пѣвчiе дрались кулаками, лѣстовками, схватыва-

лись за волосы, рвали въ клочки халаты, поддевки; шла бомбардировка книгами. Схватка бойцовъ была ожесточенная. Все это происходило на амвонѣ, противъ иконостаса. Богомольцы стояли и дивились.

— Что вы дѣлаете, варвары!

— Бросьте, охальники этакіе!

— На молитву собрались, а они сочинили побоище...

— Ну, дѣла совершились... говорили и охали богомольцы, разводя руками. Нѣкоторые кинулись-было разнимать драчуновъ, но, получивъ затрещину, сами вступили въ бой. Тогда одинъ изъ богомольцевъ кинулся на дворъ молельни, схватилъ 2 ведра воды и сталъ поливать дерущихся. Это нѣсколько охладило бойцовъ, но зато они кинулись на догадливаго богомольца; послѣдній выбѣжалъ изъ моленной, и драка перешла на дворъ. Попечитель моленной, крестьянинъ Рогожкинъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, сталъ выгонять изъ моленной всѣхъ остальныхъ богомольцевъ и затѣмъ заперъ ее на замокъ. Этимъ и окончилось побоище древлеблагочестивцевъ, начавшееся съ маленькаго толчка и дошедшее до рукопашной схватки. На мѣстѣ драки остались клочки волосъ, пуговицы отъ поддевокъ, лоскутья изорванной одежды, растоптанные угли и огарки восковыхъ свѣчъ, на полу валялись книги, иконы, изорванныя лѣстовки, изломанная кадилница наставника, мѣстами виднѣлась кровь, и все это было облито водою, раскидано въ страшномъ безпорядкѣ. У бойцовъ были подбиты глаза, разбиты носа; нѣкоторые ушли въ халатахъ съ одной полой или съ однимъ рукавомъ.

На другой день рѣшили освятить моленную. Явились раскольники, но попечитель заупорствовалъ и не сталъ давать ключей.

— Вы меня не приглашали на совѣтъ,—говорилъ онъ: одни опивали виновныхъ—такъ нѣтъ вамъ ключей.

Дѣйствительно, общество старообрядцевъ „наказало“ драчуновъ—кого на сколько: съ кого ведро водки, съ иного бутылку или меду съ кренделями, и все это поѣли и попили почему-то безъ Рогожкина, на что онъ и обидѣлся.

— А какъ ты смѣешь супротивничать противъ всего общества? загалдѣли полупьяные мужики.

— Бери, ребя, ключи безъ всякихъ толковъ.

— А то чево же!

— Знамо такъ... Потому міръ велить.

Кинулись къ Рогожину, который держалъ ключи въ рукахъ. Мужики хотѣли отнять ихъ, но онъ вырвался изъ ихъ рукъ и убѣжалъ на гумна.

— Лови его!

— Держи!

Но Рогожинъ убѣжалъ, и раскольники остались ни съ чѣмъ.

— Онъ осрамилъ насъ, общественники, сказалъ одинъ старикъ,— такъ тащи его Микитку (сына Рогожина) въ жигулевку. Отдасть тогда...

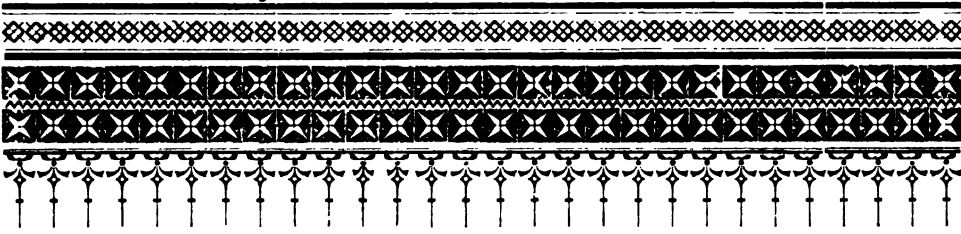
— И то такъ надоть! рѣшили всѣмъ кагаломъ.

Тотчасъ Микиту стащили съ палатей и поволокли въ арестантскую. Парнишка сталъ орать во все горло, упирался, падалъ на землю, а такъ какъ время было грязное, то весь перепачкался, но его тащили. Объ этомъ сказали отцу, и онъ выдалъ ключи отъ моленной.

— Давно-бы такъ. А то супротивничать задумалъ предъ обществомъ! Нешто это можно. Міръ— великъ человѣкъ!.. Онъ все можетъ сдѣлать.

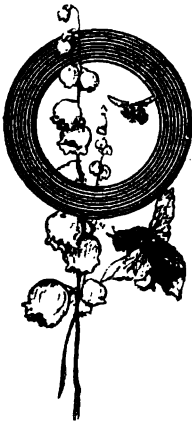
— Вѣстимо такъ,—повторили другіе.

XI.

НОЧЬ ПОДЪ ПАСХУ ...

громное деревянное зданіе моленной полно народа. Изъ богомольцевъ мужчины одѣты кто въ кафтанъ со сборками назади, кто — въ халатъ, непременно чернаго цвѣта. Пріѣхавшіе къ службѣ купцы тутъ-же, въ одной изъ келій при моленной, совершили переодѣваніе: брюки запрятали въ сапаги, сюртуки сняли; сорочки и галстуки оставили дома, и вмѣсто крахмальныхъ— на всѣхъ простыя ситцевыя рубахи. Женщины обрядились всѣ въ сарафаны и платки. Купчихи снимали съ себя платья дома еще: грѣшно—нѣмецкая одежда. У богатыхъ сарафаны преимущественно шелковые; цвѣта выдаются голубой, сиреневый и черный. Бѣднота одѣлась въ черныя шерстяныя сарафаны и ситцевыя рукава. Всѣ настроились и приготовились къ молитвѣ. „Ужъ молиться—такъ молиться, какъ слѣдуетъ, заправски: нечего жалѣть свою тѣлесность-то“. Вотъ почему купцы и купчихи, не жалѣя денегъ на содержаніе моленной, сами, однако, рѣдко заглядываютъ въ нее и бываютъ у службы.хлопотъ много старообрядцу, чтобы „настроиться“ какъ слѣдуетъ къ молитвѣ. А въ міру, какъ извѣстно, много

соблазновъ для богатыхъ и состоятельныхъ людей: то одно, то другое развлеченіе тянетъ тебя и манитъ въ свои объятія. А послѣ этого—какая можетъ быть молитва! Нынѣ, къ примѣру, былъ на вечерѣ въ гостяхъ, въ театрѣ, въ вокзалѣ, или еще гдѣ-нибудь на развлеченіи, а завтра утромъ ѣхать въ моленную на службу... Какая это молитва! Такъ грѣшно поступать и не должно. Пускай, если тебѣ ужъ нельзя являться къ службѣ, другіе лучше послушаютъ за тебя и помолятся, а ты за это удовлетвори ихъ милостынею, подарками къ праздникамъ, такъ какъ они за тебя являются работниками у Христа. По такой логикѣ, покойный купецъ Поликарпъ Евсѣевъ Санинъ почти никогда не ходилъ въ моленную: онъ изъ года въ годъ отдѣлывался милостынею и наймомъ за себя „христовыхъ работниковъ“, разныхъ бѣдняковъ своего согласія. Примѣра его держатся и другіе купцы и купчихи, особенно любящіе выѣзжать въ театръ и другія увеселительныя мѣста.

Тихо на дворѣ. Ночь... Густой мракъ охватилъ все населеніе обширнаго города. Ни стука, ни грохота, ни обычной житейской суеты — все какъ-бы замерло. Люди набѣгались, успокоились и теперь съ нетерпѣніемъ ждутъ великаго праздника праздниковъ. Тихо и уныло въ моленной у раскольниковъ безпоповцевъ. Богомольцы, сидя на лавочкахъ въ моленной, одни бесѣдуютъ между собою кое-о чемъ, другіе дремлютъ, третьи трактуютъ о дѣлахъ вѣры. У каждаго изъ нихъ имѣется въ рукахъ ременная лѣстовка, у многихъ мужчинъ выстрижена маковка на головѣ. Среди моленной стоитъ чтець и читаетъ „Дѣяніе св. апостоловъ“. Лицо его обращено къ слушателямъ. Чтеніе идетъ медленное, растянистое, съ пригнускою и завываніемъ, точно по упокойникѣ. Въ четырехъ углахъ моленной поставлены большіе горшки съ горячими углями, на которые то и дѣло бросаютъ горсти ладона, а послѣдній, курясь, цѣлыми клубами носится по моленной. Всѣ съ затаеннымъ сердцемъ ждутъ начала пасхальной утрени и не столько всей пасхальной службы, сколько именно начала ея, чтобы первымъ запѣть радостную пѣснь „Христосъ воскресе!“ и тѣмъ опередить ненавистныхъ имъ „ніконіанъ“, съ которыми даже въ этотъ праздникъ мира, любви и прощенія, они не хотятъ вмѣстѣ молиться. Сила злобы и ненависти къ

православнымъ не покидаетъ ихъ и въ это время. Такъ крѣпко, такъ сильно укоренилось въ старообрядцахъ ученіе ихъ наставниковъ—слѣпыхъ путеводителей.

Часы пробили 11. Старикъ—наставникъ быстро вскочилъ съ лавки подбѣжалъ къ чтецу съ приказаніемъ, чтобы поскорѣе кончалъ поученіе.—„Полунощницу нужно править,—пожалуй, не успѣемъ“—понукалъ онъ.

Чтецъ зачиталъ скороговоркою и окончилъ.

Уставщики, сидѣвшіе на клиросѣ, вскочили, откашлялись и, положивъ въ подручникъ 7 поклоновъ въ землю, гнусиво затынули: „Во-ло-но-ю мо-ре-ско-ю... ирмосъ канона, по хомони, какъ они говорятъ, въ каковомъ пѣніи буква „ъ“ выбрасывается, и замѣняется мягкими гласными.

Кончилась полунощница.

— Скорѣе, ребята, берите иконы, да начинать нужно Пасху, а то не успѣемъ — тревожно суетился путеводитель раскола.

Освѣтилась молельня тысячь восковыхъ свѣчей. Ладонъ сдавливалъ горло и производилъ перхоту и кашель. Наставникъ взялъ евангеліе въ руки, другіе разныя иконы, и процессія двинулась вокругъ простого стола. Старикъ надтреснутымъ старческимъ голосомъ запѣлъ: „Во-со-ко-ре-се-ніе твое Христе Спасе“... По солнцу, 3 раза обошли они столъ и съ каждымъ разомъ новаго круга пѣли указанный стихъ. Потомъ остановились: наставникъ сталъ прямо противъ стола, на который положилъ евангеліе, а богоносцы размѣстились полукружіемъ вокругъ стола предъ наставникомъ. Тутъ поднесли наставнику мѣдную ручную кадиланицу, которой и началъ онъ кадить иконы, дѣлая одну линію прямо съ верха внизъ, а другую поперечно отъ лѣвой стороны — къ правой. Такъ дѣлаютъ на себѣ крестъ латины, только не слагая перстовъ, какъ это дѣлаютъ раскольники и православные. Окончивъ кажденіе иконъ, путеводитель положилъ 3 поклона въ поясъ предъ иконами, 2 поклона сдѣлалъ въ обѣ стороны, приговаривая: „простите Христа ради!“ и запѣлъ: „Христосо восокресе изомертевыхъ со смертью на сомерте на ступиво“... два раза гнусливо протянулъ онъ этотъ радостный и торжественный стихъ, пропѣлъ половину третьяго и остановился.

Остальную половину: „и сущимо во гробѣхо живото даровамо“ пропѣли пѣвцы.

Въ это время ударилъ соборный колоколъ и гулко раздался въ ночной тишинѣ. На звонъ его откликнулись другіе храмы. Черезъ 3 мѣрные удара начался смѣшанный и частый благовѣстъ во всѣхъ храмахъ. Старообрядцы переглянулись, наставникъ обернулся къ богомольцамъ: „Чу! никакъ зазвонили... Слава Богу, успѣли впередъ!“ проговорилъ онъ. И началъ креститься.

Пѣніе прекратилось.

— Чуть-чуть урвали, отецъ!

— То-есть самую малость.

— Никоніанцы... Они выслѣживаютъ время, рассуждали богомольцы, прекративъ молитву.

— А, вишь, какъ въ линію-то вышло: только-бы чудокъ еще пропустить, ну, и пропало—толковалъ наставникъ, разводя руками.

— Нарочно не утрафишь этакъ. Прошлый годъ успѣли пропѣть только половину перваго раза и—баць! въ колоколъ.

— А въ третьемъ году въ самый звонъ запѣли. Чать, помнишь, сколько изъ-за этого патерьбы-то было. Одни баяли, что вмѣстѣ съ никоніанами зачали служить, другіе говорили напротивъ. Покончили кое-какъ службу, да и ну толковать цѣлымъ міромъ,—кто правъ? Разсудили, что мы все-же допрежь начали, до никоніанъ. Опосля дядѣ Лукьяну кто-то сказалъ, что въ одной церкви зачинаютъ службу въ самый разъ звона и, дескать, они упередили ваше служеніе. Дядя Лукьянъ къ сторожу церкви: такъ—и такъ, говоритъ, любезный, угощу сколько хошь, только скажи правду—въ каки часы попы ваши начали служить на Пасху? Тотъ замылся: извѣстно, время прошло много, развѣ упомнишь всего. Однако сказалъ: „помнится, байте, какъ я ударилъ, такъ попы сейчасъ и пошли съ образами. Въ самую, значитъ, секунду было дѣло“. Опослѣ явился другой сторожъ изъ этой-же церкви и повѣстилъ дядѣ Лукьяну, что, Степанычъ (имя перваго сторожа), не знаетъ службы, да и забывчивъ; попы-то запоздали въ этотъ разъ, начали служить позже, а когда идутъ съ образами, то поютъ не „Христось воскресе“... а „Воскресенье“.

Долго тогда онъ канителился съ этими сторожами, угощаль и дариль ихъ...

— Чудно! Истины добиться захошь, такъ ничего не жаль.

— Конечно.

— Ну будя, ребята, толковать-то! Пора и служить. На чемъ мы остановились-то?— обратился наставникъ къ пѣвцамъ.

— Три раза пропѣли: „Христось воскрес!“

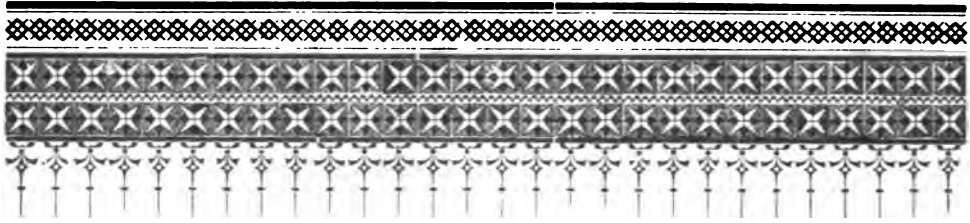
— Врешь! Опослѣ этого еще пропѣли 2 раза,—возразиль другой пѣвецъ.

Вышла перебранка между пѣвцами.

— Да вотъ что, ребята! Сколько не пропѣли мы,—все къ Богу пойдетъ. Валяйте дальше, чѣмъ считается-то.

— Вотъ это правда!— разомъ закричали богомольцы.

XLI.

НА ЯРМАРКЪ ВЪ ПЕНЗЪ.

- Кириллу Финогеичу!
- Мартыну Кузьмичу! Миръ въ пути; Христось да сопутствуетъ во благихъ намѣреніяхъ.
- Спаси тебя, милостивый Господи, Кирилль Финогеичъ. Дай тебѣ Господи добраго здравія, души спасенія.
- На ярмарку вылѣзъ?
- Да; на торжище еретическое приползъ. Надо повидѣть кое-кого изъ нашихъ христіанъ.
- У своихъ присталъ, аль на постояломъ?
- Что тоже, родимый, испуганно проговорилъ старообрядецъ: нешта подобаеть намъ, Христіанамъ, въ еретическую корчемницу входить и гнѣздилище тамо устроить. Вѣстимо, у своихъ присталъ...
- Строго соблюдаешь свой законъ...
- Нельзя, Финогеичъ, не соблюдать закону, коли думаешь спасти, себя. Ужъ на постояломъ самъ знаешь: всякій человекъ привѣтаеть! Тутъ тебѣ: и татаринъ, и мордвинъ, и русскій отъ него не усталъ—всѣ совокупишася и навыкаша беззаконія.

Городъ вашъ на манеръ языческаго—всюду щепоть возобладала, никонство разлилось аки море, христіанства здѣсь вельми скудно и вмалѣ обрѣтается. Саратовъ, али Хвалынскъ, Вольскъ не въ примѣръ благочестіѣ Пензы. Тамъ и никоновцы-то соблюдаютъ спасительное двоеперстное Христово знаменіе. Впрочемъ, вы, Финогейчъ, по своей вѣрѣ, полагаю нисколь о семь не печалуете...

— Ну, ты нашу вѣру не задѣвай. По правдѣ сказать, Кузмичъ, у васъ, у безпоповцевъ, вѣра-то вся исковеркана и на изнанку выворочена. Какое у васъ Христіанство! Стаканъ одинъ... Тащишь что-ли его въ карманѣ-то?..

— Сосудомъ корить, Финогейчъ, нечего. Мы поступаемъ какъ повелѣли свв. отцы. Сказано: съ еретиками не пити, ни ясти, ни вкупѣ Богу молитися—мы такъ и соблюдаемъ законъ Христовъ. Ну, а ваше произволенье какъ хочеть. Можетъ быть, вы и татарина почитаете за истиннаго человѣка... Локають же російскіе изъ одной посуды съ ними!

— Да я, по твоему, нехристь, что-ли? Ты, Кузмичъ, запущаешь слова то въ глубину морскую, такъ я могу тебѣ и осадку сдѣлать. Не больно распространяй свой законъ-то, мы тоже можемъ кое-каку чекушку сами вставить.

— Тутъ, Финогейчъ, пошто входить въ сердце и оскорбляться; я присовокупилъ это потому, что ты изрекъ соблазнительное слово о нашей вѣрѣ. Ты сказалъ:—она вся выворочена у насъ на изнанку! А мы, Финогейчъ, прости Христа ради, полагаемъ, что вся неправота-то сидитъ въ вашей бѣглоповщинѣ. Раскинъ-ка ты своей головой, да пусти умъ-то въ размышленье, оно, вѣдь, родненькій, такъ и выйдетъ. Ей Богу, Финогейчъ, такъ! По совѣсти говорю тебѣ, какъ другу. Хочешь Пресвятую Владычицу Богородицу изъ кіота сниму, споручницей представлю тебѣ, что ваша вѣра никуда негодится, а наша вѣра воистинну святая и трелюбезная Христу Спасителю нашему! Въ отвѣтъ пойду за тебя на страшномъ судѣ Христовомъ, только переходи въ наше благочестіе! Человѣкъ ты хорошій, а погибаетъ. Жалко...

— Вонъ куда хватилъ! Въ адвокаты лѣзеть ко мнѣ. Да нешто у Бога-то, Кузмичъ, судъ-то будетъ по здѣшнему, какъ въ окружномъ, къ примѣру, аль въ палатѣ, или у мірового?

Нѣтъ — шалишь, любезный. Тамъ, на томъ свѣтѣ, адвокатовъ не потребуется, а самъ глаголь за себя каждый. Что сдѣлалъ, за то и отвѣтъ держи.

— Ты невѣрный, а истинный благочестивый христіанинъ одинъ можетъ умолить Царя Небеснаго за 1000 человекъ невѣрныхъ, и Господь послушаетъ его и спасетъ ихъ. Вотъ въ какихъ смыслахъ я изобразилъ тебѣ свое споручительство предъ Царемъ Небеснымъ, а ты меня присовокупилъ къ „аблакату“, еретику, брехуну... Тьфу!—И старообрядецъ сплюнулъ въ лѣвую сторону.—Грѣшно тебѣ, Финогеичъ, говорить обо мнѣ такія слова.

— Да какой же я невѣрный? Что я татаринъ, что ли, аль мордвинъ, по твоему? Коли правду говорить, такъ вы-то и есть не вѣрующіе Христу Спасителю. Вы—прямые беззаконники, еретики...

— А ты не тревожься, Финогеичъ, не распалая главу-то на злословіе. Вникни въ мои словеса. Отъ церкви Россійской вы откачнулись, зазрѣли ее въ ересяхъ, такъ же, какъ и мы, вы отбѣгаете отъ нея, а поповъ ея вы къ себѣ приѣмлете и отъ нихъ мните себѣ быть освященіе. Еретическую голову ихъ вы приставляете къ своему тѣлу. Какъ же такая скверная голова можетъ просвѣщать васъ! Разсуди-ка. Вѣдь, всякій умыселъ человѣка истекаетъ изъ его головы, а тѣло приобщается къ ней и творитъ повелѣнная. У пьяницы или блудника не можетъ почитаться голова хорошей и чистой по его смышленію. У нихъ мозги наспиртовались уже скверной и нечистою помысла. Одинъ тащитъ свое тѣло—въ кабакъ, другой... Такая же голова и у еретика, и у вольнодумца. Какъ ее ни приставляй къ своему христіанству, ничего, кромѣ скверны, не выйдетъ. Такъ мы убѣждаемся, Финогеичъ. Потому и бѣглопоповщину вашу не производимъ въ настоящую Христову церковь, а почитаемъ ее фальшивой, обманной церковью.

— Ты, Кузмичъ, перемѣшалъ рожь съ мякиной, да и ищешь бѣлаго калача. Ты о себѣ то на перво сыщи правду! Твоя безпоповская вѣра на чемъ положена: на книгахъ, аль съ вѣтра отъ разныхъ человѣческихъ мечтаній составлена?

— Объ насъ, Финогеичъ, другая рѣчь произойдетъ. Погодь-ка!.. не прерывай меня... Мы, знаешь ты, какъ оставили

Рассею, такъ ужъ и ни въ чемъ не приобщаемся къ ней. Что дано намъ, мірянамъ, совершать, то мы и творимъ; на прочая же мы не дерзаемъ. Нѣтъ нынѣ истинныхъ поповъ, мы такъ и пробавляемся, не ищемъ ихъ и не пристаемъ ни къ кому. А вы, Финогеичъ, священствомъ, вѣдь, хвалитесь предъ нами. А какое оно? Посмотри-ка подъ ризы-то, въ корень-то сирѣчь, и увидишь ты тамъ всю гнилость, смрадъ, и только снаружи блескъ и золото.

— Не туда попалъ, Кузмичъ. Зарядъ твой не имѣетъ къ намъ никакого касательства. Слушай, я нарочно молчалъ о себѣ: мы давно ужъ вышли изъ бѣглопоповской вѣры и приняли настоящее Христово священство и теперь обрѣтаемся въ Христовой церкви. Я теперь, слава Богу, и при архіереяхъ, и при тайнствахъ, и при всемъ законѣ состою.

— Ужели въ расейскую ты перешель!—испуганно проговорилъ старообрядецъ.—Съ нами крестная сила!—крестясь и недоумѣвающе смотрѣлъ онъ на своего собесѣдника. Скажи онъ въ это время одно утвердительное слово, старообрядецъ тотчасъ прекратилъ бы свой разговоръ и убѣжалъ отъ него безъ оглядки, какъ отъ зачумленнаго. Такъ злы раскольники на православную церковь.

— Хватилъ! Отъ этого избави Богъ. Я еще и книгъ не зачитался, и съ ума не сошелъ. А сыскали мы, Кузмичъ, другую церковь съ такими же полными чинами во всѣхъ статьяхъ, какъ и въ расейской, только дѣйствіе-то въ ней совершается по нашимъ стариннымъ книгамъ и по нашему древнему закону.

— Стало быть, къ Австріи присталь?

— Австрія—нѣмцы. На што намъ ихъ поганая вѣра! Изъ Бѣлой Криницы простекло все это благочестіе.

— Кажись, это слобода такъ именуется, а обрѣтается-то она все въ той же астрицкой землѣ.

— Мало ли кто гдѣ живетъ!—горячился старообрядецъ. Ты, къ примѣру, живешь среди еретиковъ въ Рассеи, я—тоже а вѣру свою мы блюдемъ. Такъ и тамъ.

— Понимаю. Значить, кличка эта вамъ не по шерсти.

— Ничего ты, дуракъ, болванъ безпоповскій, не понимаешь, а толкуешь, что тебѣ другіе набрехали.

— Господи Ісусе Христе! Что ты, Финогейчъ, такъ обьярился? Пошто намъ съ тобою свару и крамолу творить, да еще велегласно, на еретическомъ сонмищѣ. Прости ради Бога! Я такъ обозвалъ твою вѣру потому, что всѣ ее кличуть „астрицкой.“

— Пустоголовые это кличуть, а не тѣ, которые ищутъ спасенія души.

— Не знаю. Ну, прости, друже. И то заговорились. Коли что, я тутъ у своихъ, оленевскихъ, *) обрѣтаюсь.

— Въ слободкѣ, аль въ самой Пензѣ?— успокоившись, спросилъ австриецъ.

— На Кузнечной! Тутъ у нихъ и моленная въ домѣ купца Тихова.

— Служать, аль такъ, по лѣстовкѣ справляютъ?

— По уставу правятъ богомоление.

— Много брати-то у нихъ на этомъ позъмѣ.

— Насчитываютъ полтора ста душъ. Въ великіе праздники набирается полна моленная.

— Вонъ какъ! А совѣтовалъ бы я тебѣ, Кузмичъ, пристать къ нашему благочестію. Теперь у насъ уже не покупные попы, а свои, изъ нашего брата. Свои у насъ и архіереи, и всякій синклить. Какъ хотимъ, такъ и дѣйствуемъ; кого захочемъ, того и производимъ на всякій чинъ. Никто намъ не указъ.

— Боязно, Финогейчъ! Сдается мнѣ, что и эта ваша вѣра не взаправская, а такъ себѣ, мишурная.

— Ужель ты не вѣришь Егоръ Савельичу.

— Какому?

— Чернышу, въ Каменкѣ. **)

— Нешто онъ изобрѣлъ ее?

— Не изобрѣлъ, а воспринялъ. Онъ всѣ книги перечиталъ, рылся что ни на есть въ самыхъ толстыхъ старинныхъ книгахъ, и вездѣ нашелъ одинъ доводъ—нельзя безъ архіереевъ быть! Сколько ни спорили наши съ нимъ—всѣхъ пересилилъ.

*) Оленевка, пригородное село, въ 20 верстахъ отъ г. Пензы. И въ Оленевкѣ, и рядомъ съ нею—деревнѣ Марьевкѣ живутъ раскольники безпоповцы. А в т.

**) С. Каменка—гнѣздо раскольниковъ въ Нижнеомовск. у.; оно находится въ 60 верстахъ отъ Пензы. Здѣсь проживаетъ богатый купецъ изъ мѣстныхъ крестьянъ Егоръ Савельевъ Чернышевъ. А в т.

— Черныша какъ не знать! Начитанная голова. И давно вы натрафились по этой дорогѣ?

— Съ годъ какъ вступили. Серегу девятипалаго, Гнидина,— знаешь? Въ полахъ теперъ сидитъ. Левашка Чернышъ, лохматый, изъ Ростовки—тоже по этой линіи пошелъ. Кошкина Федюху, изъ Царевщины-то—оболтали и его въ попы. Орудуютъ теперъ по всѣмъ вотчинамъ!

— И много васъ такихъ-то подѣлалось?

— Пока мало, Кузмичъ. Упорствуютъ все, а индѣ и смѣются. Безъ привычки, оно странно кажется другимъ, какъ это нашъ братъ, мужикъ, принялся поповствовать. Сколько годовъ прибавлялись все покупными попами, готовыхъ брали отъ Рассейской, а тутъ вдругъ нашъ лапотникъ залѣзъ въ ризы. Ну, и чудно для многихъ. Но Егоръ Савельичъ большую ревность полагаетъ на счетъ размноженія нашего сословія. Въ капиталахъ человѣкъ: гдѣ слово пустить, гдѣ деньгами пособить, кому языкъ прищемить, чтобы не болталъ лишнее, ну, и идетъ прибавка. Не вдругъ, конечно, а надо полагать всѣ перейдутъ къ намъ, бѣглопоповцы-то. Самъ знашь, каки у нихъ попы? Пьяницы и за деньги приходятъ къ старообрядцамъ. Нешто это истово? По нуждѣ, бывало, только приѣмлешь ихъ—дѣваться некуда. А то какое это благочестье.

— Что и говорить, Финогеичъ. Я хотя и въ сторонѣ отъ васъ состою по вѣрѣ-то, да многое слышу о дѣйствіяхъ этихъ поповъ. Блиско живу къ нимъ...

— Коли тебѣ не слыхать: Вольскъ-то наполненъ нашей братіей, *) и попы тамъ завсегда у Новикова **) не переводятся.

— Потому-то, Финогеичъ, я и отвращенъ отъ вашей братіи, что много наслышанъ о беззаконіяхъ вашихъ іереевъ. Самъ посуди, какой рассейскій попъ изъ хорошихъ людей пойдетъ въ старообрядцы? Родился онъ по никоновщинѣ, обряду нашего не знаетъ, нешто родня ему старообрядцы. Забулдыга какой, штрафной, никуда негодящій, вотъ кто лѣзетъ къ вамъ и околпачиваетъ честной народъ. Указать, къ примѣру, на

*) Вольскъ—уѣздный городъ Саратовской губ.

**) Новиковъ, купецъ бѣглопоповской секты, содержитъ моленницу и живетъ въ г. Вольскѣ.

попа Василя, — давно онъ у вашихъ торится — нешто это пастырѣ? Завсегда при водкѣ, при бабахъ... Всяко дѣйствіе заливаешь онъ водкой, наипаче крещеніе, вѣнчаніе.

— Правда, Кузмичъ, это правда. Потому и я вышелъ изъ этого общества, что довольно насмотрѣлся на все это безобразіе. Бывало, сюда привезуть, аль въ Вольскъ поѣдешь со свадьбой, первымъ дѣломъ начинается гульба, винопитіе. Потомъ почнутъ тебя осасывать деньгами: попу за вѣнецъ, уставщикамъ за глотку, купцу за моленную, что содержитъ попу и претерпѣваетъ за него отъ полиціи, другимъ, около его припѣвающимъ, и такъ тебя обчистятъ, что и выгнать не съ чѣмъ. Зато теперь у насъ порядокъ и во всемъ благочиніе. Теперь не токмо насъ обижать попу, иль прижимать деньгами, самъ услужай обществу и во всемъ ему уваженіе проявляй, а то и изъ поповъ долой. Не онъ, такъ другого можемъ на его мѣсто поставить. Желających ѣсть чужіе калачи, да копить деньги много найдется изъ нашихъ мужиковъ.

— Конечно. Мужикъ иная статья, чѣмъ поповское отродіе. Нашему брату сколько не дай за потребу, или богомоленье, онъ все приметъ и слова не скажетъ. Подначальный человѣкъ, да и живетъ по нашему обиходу. А такимъ-то попамъ давай, сколько онъ покажетъ.

— Переходи-ка, Кузмичъ, къ нашей братіи. По дружески, совѣтую. Человѣкъ ты письменный, на книгахъ состоишь, всяку грамоту разумѣть можешь—чего еще! Мы бы тебя сейчасъ въ дьяконы, а потомъ и во іереи. Чернышъ радъ бы былъ. Сейчасъ въ Москву и—готово.

— Кто же у васъ возсѣдаетъ тамъ во архіереяхъ?

— Мы владыки Іова придерживаемся, а Савватія не приедемъ, потому онъ окружное содержитъ, а мы это окружное посланіе ниспровергаемъ, какъ еретическое.

— Каки же ереси содержитъ это посланіе?

— Много тамъ написано. Сказываютъ, никоновцевъ во всемъ оправдываетъ... Я, признаться, до этого не дохожу, и самъ не читалъ этого уложенія.

— Которая же старше идетъ—ваша ли вѣра, или что Савватій содержитъ?

— Саватѣва вѣра, Кузмичъ, постарше будетъ, а наша вѣра объягнилась вовсе недавно. Какъ изложили это посланіе, сейчасъ и въ раздѣлку пошло. Мы своихъ архіереевъ завели, а тѣ своихъ содержать. И теперь никакого касательства не имѣемъ, потому мы никонову церковь полагаемъ съ антихристомъ пребывающей, а наши противники по другому имѣютъ сужденіе.

— Это, Финогеичъ, значитъ—вы на нашу линію вышли. Мы также, какъ и вы, теперь разсуждаете о Никоновой церкви, полагаемъ въ ней антихриста сидящаго. Одно мнѣ не въ домекъ теперь, какъ это вы еретика архіерея взяли и приставили къ своему христіанскому тѣлу. Кое общеніе свѣту со тьмою, Христу съ діаволомъ!

— По правиламъ свв. отецъ, Кузмичъ, сдѣлали все это. Не зря же обзаводили все это устройство! Тоже головы были, и книгъ вычитывали не мало. То возьми въ толкъ, коли у еретиковъ скверна, то у благочестивыхъ христіанъ освященіе. Тамъ замарался, огрязнился, а здѣсь очистился, освятился благодатію. А благодать—что огонь. Представь себѣ въ разумъ горшокъ изъ глины; онъ слѣпленъ, готовъ, но огнемъ не окаленъ и посему не годится къ употребленію. Такъ вотъ мы полагаемъ объ никоновскихъ полахъ и архіереяхъ: у нихъ нѣтъ огня, онъ у насъ только, и мы ихнее священство, по приходѣ къ намъ, на подобіе сосудовъ скудельничьихъ, подвергаемъ обожженію, и тогда они становятся годны къ употребленію. Понялъ, каково здѣсь богословіе?

Кузмичъ былъ озадаченъ такимъ доводомъ и умолкъ. Разговоръ оборвался.—„Ужъ и въ самомъ дѣлѣ не правы ли они!“—думалъ онъ. Кромѣ того его интересовала мысль пролѣзть въ попы раскольническіе, что такъ легко и свободно.

— Пойдемъ, Финогеичъ, — сказалъ онъ своему себе-сѣднику.

— И то застоялись,—согласился онъ.

Старообрядцы двинулись по ярмаркѣ. Толкотня, давка, шумъ на каждомъ шагу поражали ихъ.

— Вотъ гдѣ адъ-то, Финогеичъ!

— Это что, Кузмичъ. А вотъ посмотри дальше, какія тамъ разстановлены разныя финтифлюшки,—соблазнъ! Такъ и тянуть на грѣхъ родъ человѣческой.

— Опуталь, окаянный, весь міръ грѣховностью. На разныя манеры вывертывается, треклятый, чтобы уловить человѣка. И не вѣдаютъ люди, что за свои же деньги покупаютъ себѣ грѣхъ и погибель.

Старообрядцы подошли къ карусели, украшенной разными блестящими, фонарями, стаканчиками и разноцвѣтной матеріей. Наверху карусели вертѣлся деревянный болванчикъ; масса народа стояла вокругъ нея, шутила, смѣялась, глядя на катающихся. Шумъ, свистъ, визгъ, игра на музыкальныхъ инструментахъ заглушали разговоръ.

— Смотри, Финогеичъ, какое развращеніе на міру. Тутъ и мужескій полъ, и женскій, отроки и дѣвицы съ младенцы присутствуютъ. Чему поучаются? Такъ ли показано бысть христіанамъ? Развѣ „сопѣли и тимпаны“ писаніе поучаетъ слушать? О, времена языческія! Вотъ и вертятся и кружатся, да еще на показъ людямъ. И не стыдно, вѣдь! Ослѣпилъ сатана очи ихъ. Воистину гласитъ писаніе,—одебелѣ сердце людей сихъ.

— Совсѣмъ, Кузмичъ, свѣтъ измѣнился. Вотъ только мы, старообрядцы, и походимъ на истинныхъ христіанъ, а остальные народы такъ извратились, что и зракъ-то христіанскій утратили. Возьмемъ, къ примѣру, мужской образъ: голова обточена, что твой голый арбузъ; борода и усы или совсѣмъ подкошены, или же на половину поруганію преданы. Какой же это ликъ Божій! Развѣ Господь Богъ повелѣлъ мужескому полу оголять свою главу, брану и усъ и тѣмъ претворяти свое естество въ бабій зракъ. Такожде и одежда у нихъ срамная. Агаряне богопротивніи (Татары)—и тѣ носятъ длинныя одежды, прикрывающія все тѣло человѣка, а россияне уподобились фрягамъ и нѣмцамъ, облачили въ одежды краткія, что и срамота тѣлесная непокровена. О бабахъ ихъ я ужъ и говорить не желаю. Иную и не распознаешь отъ мужского образа. Власы острижены, яко у блудодѣицы, на главѣ шапка, одѣяніе какое-то скоморошеское, очи пушаетъ не долу, а горѣ, себя содержитъ не со смиреніемъ и кротостью, а борзо,

ристательнѣ, глаголетъ безъ стыда, предъ всѣми, на сопѣли своя уставляеть богопротивныя стекла. Нешто это христіанскій образъ? Развѣ это благочестивая жена, али дѣвица? Это скоморошницы, плясавицы Ирода треклятаго. Намедни пришелъ я у себя къ своей барынѣ — она сейчасъ стекло въ глаза и борзо ко мнѣ дерзаетъ: „ты, говорить, Кирилль, я вижу мужикъ съ разсудкомъ, съ тобой можно толкованіе имѣть. Я сама училась въ Питерѣ, прошла всякіе курсы по книгамъ, могу тебѣ совѣтовать и всякій толкъ предоставить, а ты разводи мужикамъ по своему говору“. Вижу, что барыня изъ лютыхъ, и языкъ, что твоя бритва изошрена. Я и говорю ей этакъ съ подходцемъ: „мы, молъ, сударыня, люди темные, а вы, извѣстно, ученныя и по книжкамъ всяку статью можете развести и намъ въ протоколъ дать“. Барыня усладила отъ моихъ словъ, а у самого точно кошки скребутся на нутрѣ. Противно, знаешь, съ бабой толковать, гдѣ для нея не положено. — „Да, подтверждаетъ она, — Кирилль, наука — свѣтъ, а неученье — тьма. Я нарочно училась, чтобы все знать и не ходить въ потьмахъ, какъ другіе“. Это, говорю ей, барыня, точно... Потомъ осмѣлился и запалилъ ей: вотъ, говорю, барыня, вы со многими науками свели знакомство, можете, по этому, соотвѣтствовать касательству моего вопроса. — Говори, отвѣчаетъ, смѣло. — Скажите мнѣ, говорю: который крестъ истовый — вашъ или нашъ? Мы, старообрядцы, крестимся двуперстнымъ Христовымъ знаменіемъ, а вы, церковные, по Никонову уложенію — щепотью. Которая изъ 2-хъ вещей — клята, и которая — свята? Что же? — Срѣзалъ ее, какъ пить далъ. Оскалила это зубы свои, точно ей про Бову Королевича говорю, а не Божье повелѣніе, засмѣялась, да и говорить мнѣ: это, Кирилль, поповское дѣло, а не наше. Статья, сирѣчь, до церкви касается. Такъ, отвѣчаю ей: значить вы до этой науки еще не дошли тамъ въ Питерѣ-то...

— И чудной же ты, Финогенчъ! Нешто съ бабой можно бесѣдовать о такихъ божественныхъ дѣлахъ. Чего она знаетъ, да еще барыня. Брюхо перетянуть, хвостъ отпустить, да лицо краской намазать — вотъ ихъ попеченіе! Развѣ тамъ ихъ учать божественнымъ наукамъ? Такъ себѣ... разнымъ человѣческимъ выдумкамъ, по стихіямъ міра. О божественныхъ дѣлахъ ты

хоть самого барина спросилъ бы, такъ и онъ ничего тебѣ не сказалъ бы, потому безсмысленный въ этой статьѣ.

— Да ужъ больно, Кузмичъ, захотѣлось обличить ея високоуміе. Говорить, что всѣ науки вкусила, а гдѣ же она вычитала въ писаніи такой указъ, чтобы баба смотрѣла на мужской ликъ чрезъ стекла? Или: гдѣ повелѣніе являть власы главы своея, да еще предъ мужчиной, открыто, безъ платка? Бабѣ сего не показано. Она должна содержать свою главу покровенною, во всемъ учиться у своего мужа, потому мужской ангель старше бабьяго полу. А она стекло наводитъ на его зракъ... Безбожники! Прямые никоновцы, еретики...

— Эти христіанскіе законы, Финогеичъ, для нихъ, еретиковъ, пребываютъ въ невѣдѣніи, и они ихъ не знаютъ, ибо слѣпи душевными очами. Ихъ дѣло—играло и скоморошество. Ишь, какъ потѣшаютъ діавола! Даже и на верхъ главы вознесли его, яко крестъ. Смотри!—ворочается треклятый. И такую срамоту и окаянство возвели окрестъ своей же церкви, на поруганіе креста Господня. И не вѣдаютъ люди, какъ дьяволъ уловляетъ ихъ въ свою погибельную сѣть. Такъ и лѣзутъ подъ его сѣнь—и старъ, и младъ. Тьфу! тьфу, проклятый!—плевалъ раздраженный старообрядецъ.—Пойдемъ, Финогеичъ. Душа моя изнемогаетъ видѣть такое безчинство и поруганіе благочестія. Согрѣшили мы съ тобою, глядя на ихъ беззаконія.

Старообрядцы пошли въ обходъ „бѣсовскихъ комедій“. Клоуны, стоя наружи, дѣлали разныя гримасы и остряли съ публикой. Народъ хохоталъ. Напачканныя лица, оригинальные шутовскіе костюмы на клоунахъ привлекали народъ въ балаганы. Старообрядцы сплюнули еще разъ и пошли вонъ съ ярмарки.

— Дѣла есть, Кузмичъ, аль нѣтъ?

— Каки мои дѣла, Финогеичъ! Есть разныя „Выписочки“ отъ Божественнаго писанія, древнія книги, иконы на мѣди и на краскахъ, лѣствицы разныя, ладонь, свѣчи—вотъ мое дѣло и товаръ. Не укажешь-ли людей изъ своей братіи? Лѣстовочки есть сафьянныя, чернаго ремня; есть расшитыя золотомъ, серебромъ, съ молитвой въ бубенцахъ; есть каноны всякіе по отдѣльности: св. Власію, св. Антипію и др. цѣлебни-

камъ отъ разныхъ напастей житія сего. А ты пошто прибылъ на ярмарку?

— Лошадей продавалъ, хлѣбецъ кое-какой грузилъ, да уже ослобонился. Пойдемъ на твою хату, посмотрю твое благо, авось и куплю отъ будущаго дьякона.

— Какой я дьяконъ, Финогоичъ! Большихъ разсужденіевъ не имѣю...

— Для насъ, Кузмичъ, ты былъ бы паче злата и сребра. Человѣкъ ты книжный, завсегда состоишь при Божьемъ словѣ, знаешь каждую строчку, какъ и куда ее приложить и толкованье дать, а такіе люди намъ нужны. Переходи-ка въ нашу братію! Ублажимъ тебя, какъ родного.

— Сомнительно, Финогоичъ. Какъ это еретическая голова, на христіанскомъ тѣлѣ...

— Брось сомнѣніе. Чернышъ 2 года спалъ на книгахъ и день, и ночь безъ разгибу, сколько начетниковъ пересилничалъ въ спорахъ, и вышла правда на его сторонѣ. Нельзя безъ архіерея. Што матка въ ульѣ пчель, то архіерей для церкви.

— Да это о благочестивыхъ сказано...

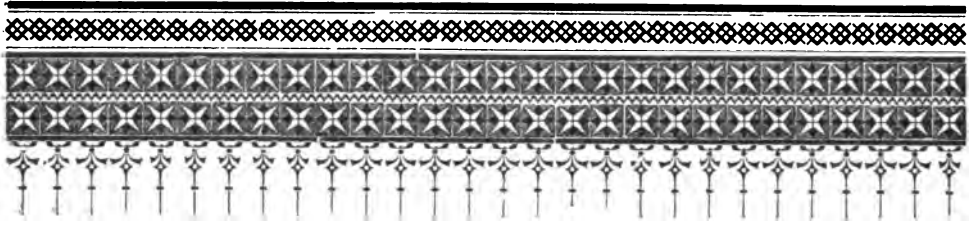
— Оно и есть благочестивое наше священство. Да ты вотъ что! У тебя побудемъ, а ужо съ поѣздомъ къ намъ въ Каменку. Тамъ и бесѣду учинимъ, и товаръ твой весь прикупимъ. Идетъ? Добра, вѣдь, желаю; кусокъ на вѣки будетъ у насъ и въ почетѣ.

— Я не знаю какъ, Финогоичъ.

— Я знаю, что хорошо будетъ. Прямо къ Чернышу— и дѣло устаканимъ живой рукой. Ёдемъ. Будетъ тебѣ болтаться-то среди безбожниковъ. Нешто у безпоповцевъ вѣра? Жиды они, а не христіане! Да еще хуже жидовъ-то...

Съ ночнымъ поѣздомъ Сызрано-Вяземской жел. дороги оба старообрядца катили въ село Каменку. Кузмичъ находился въ какомъ-то неопредѣленномъ, колебательномъ состояніи; другой, какъ бы загнипнотизировавъ его, командовалъ имъ и везъ его съ увѣренностью, какъ жертву своей пропаганды.

XII.

СТАРЫЙ ГРѢХОВОДНИКЪ.

I.

ука Панфи́лычъ и Акси́нья Захаровна Толстогубовы сидятъ и пьютъ чай съ разными приложеніями. Купецъ съ сильнѣйшаго похмѣлья, купчиха только что вернулась изъ моленной, отъ службы. Оба супруга принадлежали къ поморской безпоповской сектѣ.

— Да, и не видали, какъ постъ подѣвхаль, — сказалъ купецъ.

— Коли-бъ въ своей тарелкѣ быть, такъ увидалъ бы, а то... отозвалась купчина.

— Акси́нья! — рявкнулъ супругъ.

— Давно я Аксиньейо живу. Побылъ бы, вотъ, нынѣ въ моленной-то, да послушалъ, какое читали намъ нравоученіе, такъ, небось, перемѣнилъ бы свою жисть-то, не сталъ бы якшаться съ еретиками, да поганиться въ ихъ посудѣ

— На то они и поставлены, чтобы читать книги, да выкладывать вашей сестрѣ св. отецъ наказанія,—проговорилъ Толстогубовъ.

— Святые отцы не для насъ только писали свои книги, а про всѣхъ. Нечего отбояриваться-то отъ нихъ.

— Ну и слушай!.. Никто тебѣ запрету не кладетъ на твои уши.

— А ты по кіятрамъ будешь слушать, какъ разныя мамзели дурачатъ васъ, стариковъ.

— Это другая антимонія. Не твоему рылу пуцаться въ эту словесность.

— Безстыдникъ! Побойся Царя Небеснаго. Упри свои буркулы-то въ лампадку. Она съ вечера еще горитъ. Грѣховодникъ, право! Нынѣ, вѣдь, прощенный день, добрые люди смиренію предаются, да на каяніе прилаживаютъ себя, а ты еще выѣску свою не утрафишь, какъ слѣдуетъ.

— Замолчи, оглашенная!—зарычалъ Толстогубовъ.

— Не я попала въ оглашенные, а ты втюрился въ эту братію. Дѣтей не пустила на бѣсовское зрѣлище, а ты, старый грѣховодникъ, затесался. Забылъ, что настoitъ праздникъ Господень. Какими глазами будешь теперь покаянье приносить! Срамота, да и только! Опять на епитинье сведетъ тебя отецъ-то. И будешь каждый годъ двигаться по одной и той же дорогѣ. Прошлый годъ отмахивалъ по 1000 поклоновъ, ну и теперь весь постъ будешь замаливать свой кіатеръ-то.

— Тьфу!—плюнулъ раздосадованный супругъ и вышелъ изъ-за стола.

— Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!—сказала Толстогубова, смотря на дверь, за которой была произнесена эта молитва.

— Спаси Христось на аминь,—послышался за дверью тотъ же голосъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина, съ просѣдью въ длинной бородѣ, съ выстриженной

маковкою на головѣ и одѣтый въ черный, длинный халатъ. Это былъ наставникъ моленной Иванъ Федоровъ Мордоплюевъ, нарочно приглашенный купчихою послѣ службы на чай, съ цѣлью направить своего супруга на путь истинный.

Мордоплюевъ подошелъ ближе къ иконамъ положилъ 3 поклона и, обратившись, сдѣлалъ низкій поклонъ супругѣ Толстогубова, затѣмъ „самому“, проговоривъ: „простите, Христа-ради“.

— Богъ проститъ, отче! отвѣтила купчиха.

— Какъ живете-можете?

— Слава Богу! Вашими молитвами, отче, всѣ обрѣтаемся во здравіи тѣла. Душевно только недугуемъ...

— Со святымъ постомъ поздравляю васъ, христіяны! Дай Господи вамъ попоститься и очистить свою душу покаяніемъ, слезами и молитвою.

— Спаси Христось, отче, на пожеланіи! Присаживайтесь къ столу, гостемъ будете; слово доброе скажете, слушать будемъ. Въ мірѣ, что въ тинѣ грязной,

— Святую истину изрекли, кормилица, — отвѣтилъ наставникъ и сѣлъ на стулъ возлѣ стола. Купчиха придвинула къ нему чашку съ чаемъ, хлѣбъ, сласти и пр., проговоривъ: „питайтесь, отче, во славу Божию“.

— Спаси Христось, благодѣтельница! Всегда довольны твоею милостью. Не забываешь насъ, радѣтельница.

Наставникъ вынулъ платокъ изъ кармана, постлалъ его на колѣни себѣ, чтобы крошки отъ хлѣба не падали подъ ноги: „Божій хлѣбъ! Нельзя его сорить на полъ—грѣшно...“ Затѣмъ, перекрестившись 3 раза, онъ сталъ пить чай и ѣсть хлѣбъ и сласти.

— Вотъ и поста дождались, отче.

— Да, благодѣтельница, время течетъ, какъ бы на манеръ воды. Давно ли я какъ-будто при моленной, въ наставникахъ, анъ, уже пятнадцатый постъ подошелъ, какъ буду принимать на „каянье“. И сколько грѣховъ, кормилица, воспринялъ за это время на свои рамена. Чего-чего не наслушался.

— Кто былъ, отецъ, у службы-то нынѣ? — спросилъ „самъ“ съ цѣлью перемѣнить разговоръ, который началъ наставникъ и который ему не нравился. — Чать мало съ масленицы-

то пришло? Поди, у всѣхъ головы-то подъ туманомъ, аль въ темнотѣ.

— Вѣрно, благодѣтель, вѣрно. Изъ мужинскаго сорту совсѣмъ была малость, однѣ, почти, женщины посѣтили.

— Коли мужикамъ-то о Богѣ помнить! Имъ въ кіатрѣ надо служить,—злбно вставила купчиха.

Толстогобовъ свирѣпо взглянулъ на жену.

— Нынѣ, кормилецъ, и пѣвцы-то припоздали къ заутрени. Пришло время пѣнія: „На рѣцѣ вавилонстѣй, тамо сѣдохомо и плакахомо“..., а ихъ нѣтъ въ сборѣ. *) Посылали ужъ за ними.

— Вотъ мерзавцы-то!—вскричалъ Толстогобовъ.—На поклоны ихъ, аль подъ штрафъ поставить. Коли взялся за дѣло—правъ его, за то деньги платимъ. Да кто не пришелъ-то?

— Ванюшка не пришелъ, Петруха съ Ефимомъ, да Николай.

— Вотъ я имъ задамъ! Погоди я приду въ моленную...

— Будетъ болтать-то попусту. Коли сами столпы шатаются по кіатрамъ, такъ другимъ-то и подавно. Нечего грѣшить для поста...

— Аксинья! Ты все нутро просверлила мнѣ этимъ проклятымъ кіатромъ. И дернула меня нелегкая попасть туда!.. Такъ кто же, отче, безъ Ефима-то запѣвалъ „На рѣцѣ вавилонстѣй?..“

— Никто, кормилецъ; поджидали его къ этому. Безъ Ефима кто же имѣетъ такой гласъ, чтобы совершить такое красное пѣніе. Тутъ нужна высота гласа, могущество и умѣніе возвести его горѣ и паки низвести его долу. Всѣ другіе пѣвцы этого не могутъ.

— И долго они не являлись?

— Да съ часъ, коли не больше, поджидали ихъ. Прочли каѳизмы—нѣту ихъ. Ждемъ... Тутъ надоумился я послать Ванюшку за ними. ну и пришли...

— Стало быть, съ оттяжкой служба-то шла, съ роздыхомъ...

*) Такъ поютъ раскольники-безпоповцы, выбрасывая букву „ѣ“ и замѣняя её гласной „о“. Пѣніе называется „хомовое“.

— Роздыхъ вышелъ, точно, хорошій. Пока ходили, я прикурнулъ маленько за крылосомъ, старушки тоже, кто—на подручникъ, на полу, кто—на скамейкѣ... Кому какъ пришлось... Какъ пришли гѣвчіе, опять пошло служеніе.

— И такое время подошло нонѣ!—вздохнула купчиха. Бывало, когда я росла, изъ нашихъ христіанъ и думать не смѣли объ кіатрѣ,—капищемъ богомерзскимъ именовали его, плевали на одну тѣнь его, когда случалось проходить мимо, а нынѣ—на, сами христіане идутъ въ эту погань, да еще и деньги платятъ!

— Помѣшалась ты, Аксиныя, на этомъ кіатрѣ! Вотъ наказаніе-то! Ну, грѣхи...

— Зачѣмъ же грѣшилъ?

— Да ты спроси прежде: самъ я попалъ туда, или меня насильно притащили туда?

— Насильно никого не затащатъ, коли я самъ не захочу. Намедни звала меня Увариха, такъ слышалъ поди, какъ я отпѣла ей? При тебѣ это было? По нашей древлеистинной вѣрѣ, сказала я, смотрѣть разныя лицедѣйства въ кіатрахъ, да въ балаганахъ, грѣшно и Богу неприятно. Никогда я отъ роду не ходила, и дѣтей своихъ, пока жива, не пушу на это сатанинское ристалище. Съ тѣмъ и отошла отъ меня, не солоно хлѣбавши. А ты любодѣицъ голыхъ захотѣлъ посмотрѣть! Плясанье, кривлянье и разное подряганье ихъ! Постыдился бы, старый грѣховодникъ дѣтей-то, общества или св. иконъ. Вонъ они, угодники Божіи, смотрятъ на твое блудодѣяніе! Думаешь никто не видѣлъ тебя? Какъ же! Все общество узнаетъ о твоей срамотѣ. Да первые же пріятели твои разнесутъ, что затащили тебя въ кіатръ.

— Перестань ты, Аксиныя, мозолить мнѣ глаза этой дьявольщиной.

— Нечистаго еще произнесъ. Не знаешь, развѣ коли выругался, произнесъ имя врага Божія, то ангелъ Господень отступаетъ отъ того человѣка на 3 дня, а бѣсъ привитается къ сердцу.

— Ну, пошла... законница... Того не приметъ въ толкъ, что мое дѣло особъ статья... Ты можешь дома сидѣть и духовные законы совершать, какъ тебѣ влѣзетъ, а у меня—ко-

мерцыя, дѣла. Отъ людей не убѣжишь, особливо, когда идутъ разсчеты, барышь,—спокойно сказалъ Толстогубовъ, видимо убѣжденный доводами своей жены.

— Да кормилецъ, ваше дѣло на иномъ положеніи обстоитъ,—поддакнулъ наставникъ, лѣстя купцу.

— Какъ же, отче! Пришли купечество: Ливановъ, Ершовъ — бѣглопоповской надарживаются они — стали сводить счета по дѣламъ,—барышь хорошій, ну, и пошли промяться къ нѣмцу, въ ресторанъ. А онъ, треклятый, такую устроилъ „кану галилейскую“, что душѣ твоей угодно. Посидѣли у него, поговорили промежь себя, все такъ очесливо обстояло, богобоязно, и постъ вспоминали, и говѣнье, и о покаяньи держали рѣчь. Тутъ присталъ къ намъ еще Лепехинъ, Вавила Кандратъичъ—онъ по австрійской идетъ,—стали говорить о грѣхахъ; бѣглопоповскіе сказали, что они очищеніе будутъ имѣть въ Вольскѣ, гдѣ у нихъ попы прожительство имѣютъ, стало-быть, и причастіе содержать, а я подкозырнулъ ихъ на счетъ поповъ, обозвалъ ихъ „смердящими псами“, —сказалъ, что и безъ поповъ можно спасенье залучить, кому есть охота. Тѣ не выдержали, да меня въ некрещенаго татарина произвели, а самое крещеніе наше обозвали еретиковымъ. Поспорили сначала, каждый стоялъ за свою вѣру, а потомъ Ливановъ и ткнулъ меня въ рыло. Ну, тутъ я не вытерпѣлъ и звизданулъ его сначала бутылкою, а потомъ за волосы. И пошла катавасія. Австрійскій принялся разнимать насъ. Затѣмъ пошла мировая, и тутъ уже тянули какъ слѣдуетъ. Какъ они привезли меня въ кіятеръ, долго ли мы тамъ были, что тамъ было, теперь совсѣмъ не припомню.

— Ишь до чего допились! Христіане!..—вставила жена. Ей пріятно было, что мужъ, хотя и въ пьяномъ видѣ, но крѣпко стоялъ за свою вѣру. Разказъ его даже развеселилъ ее; у ней пропалъ гнѣвъ на него. То, что мужъ былъ въ театрѣ въ пьяномъ видѣ, а не трезвомъ, значительно успокоило ее. Аксинья Захаровна твердо держалась того мнѣнія, что пьяному человѣку законъ не писанъ. Тутъ не человѣкъ грѣшитъ, а вино. Посему и грѣхъ, въ пьяномъ видѣ содѣянный, принадлежитъ къ числу безсознательныхъ, извинительныхъ грѣховъ, заслуживающихъ прощенія.

— Ты какъ полагаешь, отче, на счетъ этого affrontу съ еретиками,—спросилъ Толстогобовъ.

— Что-же, Лука Панфиличъ! Не ты это производилъ, а вино, иже веселитъ сердце человѣка. Пьяный человѣкъ не управляетъ разумомъ.

— Конечно. Развѣ я въ прямомъ-то разсудкѣ полѣзъ бы въ эту погань. Да сохрани меня Господи и близко-то подойти къ этому окаянному калищу, а не только во чрево его войти. Это нарочно еретики затащили меня для посмѣянiя.

— Все-таки, Лука Панфиличъ, епитинье довлѣетъ понести. Какъ не какъ, а все-таки ты былъ въ кiатрѣ, осквернился отъ этого мѣста, ну, и у нѣмца-то тоже задѣлъ этой пакости.

— Это правда, отецъ. Лучше больше помолиться, чѣмъ не домолить. Лишнее не помѣшаетъ и за меня же пойдетъ.

— Справедливая рѣчь, Лука Панфиличъ. Житiе св. Петра поди читалъ, какъ у него одинъ только калачъ перетянулъ все количество грѣховъ. Умеръ онъ; окаянные стали говорить, что онъ—нашъ, а святiи ангели говорили, что онъ нашъ. Стали спорить, а потомъ рѣшили взвѣсить: сколько было у него грѣховъ и сколько добрыхъ дѣлъ. На одну сторону вѣсовъ положили грѣхи, на другую—добрыя дѣла. Вышло поровну: ни то не тянетъ, ни другое, а такъ стрѣлка на серединѣ. Наконецъ, ангелъ Божiй вспомнилъ, что у него имѣется еще одинъ калачъ, который онъ подалъ нищему передъ самой своей смертью. Положили его на вѣсы, и онъ перетянулъ всѣ грѣхи его. И понесли св. Петра ангелы Божiи, а бѣсы со срамомъ отступили.

— Объ этомъ и я говорю: пусть лишки будутъ, чѣмъ недостача. Какое-же, по твоему, епитинье слѣдуетъ? Высказывай.

— По правиламъ свв. отецъ довлѣетъ вамъ весь постъ соблюдать тысячное правило.

— Ужели каждый день.

— Да.

— Умалить невозможно?

— Лучше усугубить. Лука Панфиловичъ, чѣмъ умалить. Господь любитъ молитву.

— Это точно, только тѣлесамъ-то моимъ великое изможденіе. Ладно, принимаю на себя сей великій подвижъ.

— Вотъ и отлично; а я, кормилецъ, если тебѣ немощно и недосужно, могу воспринять на себя понести сію епитинію. Наше дѣло обычное, мы всегда при молитвѣ. Вамъ когда...

— А я думалъ старухамъ передать ихъ. А коли ты берешься—еще лучше.

— Что ты, родной, нешто у меня не будетъ времени для этого. Справлю въ акуратъ.

— Хорошо. Завтра же и начинай мое очищеніе, а на Страстной явлюсь къ покаянію.

— Спаси тебя милостивый Господи!—и наставникъ поклонился купцу.

Толстогобовъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ 5 красненькихъ бумажекъ и вручилъ ихъ наставнику. Наставникъ еще разъ поблагодарилъ купца.

— Масла, свѣчъ пришлю завтра. Масло пусть горитъ не угасаемо до Пасхи, а свѣчи сожигай при поклонахъ.

— Исполню, благодѣтель, все выполню.

Купецъ и наставникъ встали предъ иконами, помолились Богу и разстались.

„50 рублей сталъ кятерь-то!“—ворчалъ онъ. — „Вотъ, старый дуракъ, вдался въ обманъ. Ладно же! Всучу я это епитинье всѣмъ троицъ пріятелямъ, которые на смѣхъ затащили меня въ кятрь. Будутъ помнить и меня. Далъ слово Ливанову подождать протестомъ векселя, теперь завтра же подамъ его—на, сучій сынъ, помни и Толстогобова! Знай, какъ насмѣшки творить надъ нимъ. Заюлитъ, каналья; забудетъ тогда и Вольскъ съ своимъ поповскимъ очищеніемъ. Всучу и тѣмъ двумъ фитиля, что будутъ чихать и помнить, какъ разслабленнаго Толстогобова возить въ кятерь. Всѣхъ съѣмъ!“ грозно рычалъ Толстогобовъ, ходя по залу.

— Аксюша! собери-ка мнѣ цѣлебненькаго графинчикъ, да кое-чего прикусить при этомъ,—время и умъ освѣжить. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и дѣчься, говорятъ.

— Опять на вчерашнюю линію думаешь выѣхать!—замѣтила купчиха. — Точно упокойника внесли тебя твои пріатели-то ко мнѣ, да и ухмыляются при этомъ: „извините, говорятъ, Аксинья Захаровна, что позднеенько доставили вамъ супруга; загостились въ кіятрѣ, а потомъ ужинъ, ну, время то и зашло до 3-хъ часовъ ночи

— Нѣтъ, Аксюша, я только поправку учиню. Надо же ликъ свой поставить, какъ должно. Ну, и на нутрѣ-то точно на колесахъ разѣзжаютъ.

— Ужо вѣдь пѣвцы придутъ, постъ тебѣ пѣть...

— Знаю, Аксюша; приготовлюсь.

Толстогубовъ подошелъ къ столу, выпилъ одну, чтобъ здраву быть; выпилъ другую—веселу быть. Затѣмъ утроилъ,—умъ устроилъ. Сдѣлавшись на-веселѣ, онъ загѣлъ, „Помощнико и покровитело,“ такъ какъ держался въ поморщинѣ той партіи старообрядцевъ, которая поетъ по хомоніи, замѣняя буквы „ъ, ь“ на „о“. Смыслъ содержанія затемняется, даже извращается, но ревнители благочестія, отстаивая букву „о“, нисколько не обращаютъ вниманія на это безобразное пѣніе.

II.

У нѣкоторыхъ купцовъ въ старообрядчествѣ существуетъ обычай, чтобы пѣвцы моленной, наканунѣ Великаго поста являлись къ нимъ въ домъ и пѣли для нихъ покаянныя стихиры и ирмосы канона. Обычай этотъ возникъ потому, что службы великопостныя длинны, поясные поклоны замѣнены земными, говѣющій же долженъ еще нести тысячное правило, т. е. 1000 поклоновъ каждый день, во всю недѣлю (7 дней). Такъ это у поповцевъ и безпоповцевъ. Купцамъ лѣнь ходить за эти службы, и они обычно уклоняются отъ нихъ подъ предлогомъ своихъ коммерческихъ дѣлъ и занятій. На этомъ основаніи они и говѣютъ весьма рѣдко. У поповцевъ говѣютъ рѣдко еще и потому, что попы ихъ строго держатся извѣстнаго правила въ Номоканонѣ, по которому блудникъ отлучается на 7 лѣтъ отъ св. причащенія. А такъ какъ рѣдкій изъ купцовъ изъять отъ этого грѣха, то юны и не считаютъ

нужнымъ говѣть понапрасну или же причащаются „Богоявленской водою“, вмѣсто причащенія. Сначала купцы приглашали къ себѣ пѣвцовъ во всѣ воскресные дни Великаго поста, затѣмъ ревность упала, и дѣло свели къ тому, что пѣвцы стали ходить къ желающимъ въ одинъ только прощенный день. Образовалось это нѣчто въ видѣ великопостнаго славленія. Лука Панфиловичъ держался этого обычая. Какъ безпопонецъ, у которыхъ нѣтъ причащенія, онъ совсѣмъ считалъ говѣнье излишнимъ, безцѣльнымъ, и если несъ когда 1000 правило за свои выдающіяся прегрѣшенія, то несъ его у себя дома, а за службы въ моленную не ходилъ.

Въ 6 часовъ вечера къ Толстогубову явились пѣвцы. Въ числѣ ихъ были и проспавшіе заутреню: Ефимъ, Петръ, Николай и Иванъ—уставщики моленной. Зная, что Толстогубовъ разнесетъ ихъ за опущеніе по службѣ, они рѣшили начать свое пѣніе прямо съ ирмоса 7 пѣсни канона: „Согрѣшихомо, беззаконновахомо и не опровдохомося предо тобою, ниже соблюдохомо, якоже заповѣдало еси намо“... Пѣніе совершалось предъ иконами, стоя, какъ обычно совершается славленіе на Рождество или Пасху.

— Узнали разбойники, узнали! Ишь какой подходъ выдумали... Ирмосъ подыскали... ворчалъ Толстогубовъ въ своемъ кабинетѣ, выходящій въ зало.

Пѣвцы продолжали свое пѣніе дальше. Купчиха горячо молилась; самъ тоже выползъ и началъ подпѣвать пѣвцамъ.

— Со святымъ постомъ поздравляемъ васъ, Лука Панфиловичъ и Аксинья Захаровна! Дай Богъ соблюсти его въ святости, постъ и добрыхъ дѣлахъ.

— Спаси Христось!—сказала сама.—Милости прошу къ столу. Подходите.

— Погоди начинять-то ихъ! Спервоначала я вотъ ихъ допрошу, какъ они проспали заутреню.

Виновники вышли изъ толпы и бухнулись въ землю къ ногамъ Толстогубова.

— Вамъ жалованье платять, на васъ надежду имѣемъ, вы, господа, отлынивать отъ службы.

— Прости, Христа ради, Лука Панфиловичъ!—кланялись пѣвцы.—Поздненько легли, ну и проспали.

— А почему вы легли поздно? гдѣ были?—допрашивалъ Толстогобувъ.

— Дома были... гости тоже приходили... просидѣли.

— Гости!.. Подъ праздникъ то!.. Ахъ вы, ироды этакіе!.. Да нешто для того васъ содержатъ, чтобы вы, подъ праздникъ бражничанье устраивали? Васъ приставили къ Божьему дѣлу, и знай его, слѣди за нимъ, завсегда будь на своей точкѣ. Какъ свѣча гори предъ Господомъ, а не за бутылкой упражняйся. Всякому дѣлу свое время. Вы, не нашъ братъ; у васъ комерция не производится, одно дѣло—прославлять Господа Бога и за насъ молить его. А какіе же вы молитвословцы, когда отъ васъ, точно изъ винной бочки. Нешто такая молитва пріятна Богу.

— Больше не будемъ; простите Лука Панфи́лычь, — говорили пѣвцы и снова поклонились ему въ ноги.

— Не хорошо, богопротивно поступили вы, ребята. А еще Божьи дудки именуетесь! Въ церковной мусикии состоите! Нешто довлѣеть себя такъ держать? Мы всѣ на васъ смотримъ, къ примѣру, какъ на хрусталь, а вы — стекло, да еще запачканное. Чрезъ васъ и службу-то пришлось прекратить; остановъ вышеть, спанье, храпъ на мѣстѣ святѣ. Вотъ что вы устроили!

— Сознаемся, Лука Панфи́лычь, въ своемъ проступкѣ, простите, — вопили пѣвцы.

— Только для грядущаго Великаго поста прощаю васъ, потому дни-то наступили покаянные, да и нынѣ прощенный день у насъ. Въ слѣдующій разъ, если такая оказія повторится, милости отъ меня не ждите. У меня служить, такъ служить, чтобы покора на васъ ни отъ кого не было. Теперь присаживайтесь къ столу...

Пѣвцы робко подходили къ закускѣ и садились въ сторонѣ отъ грознаго хозяина. Онъ налилъ водки и пригласилъ ихъ выпить. Пѣвцы, посматривая одинъ на другого, отказывались.

— Когда я прошу, то у меня должны пить. За угли воздерживайтесь, а у меня вкушайте во славу Божию. Струны и органы—подходите!

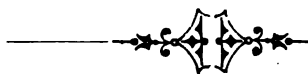
Пѣвцы выпили, закусили.

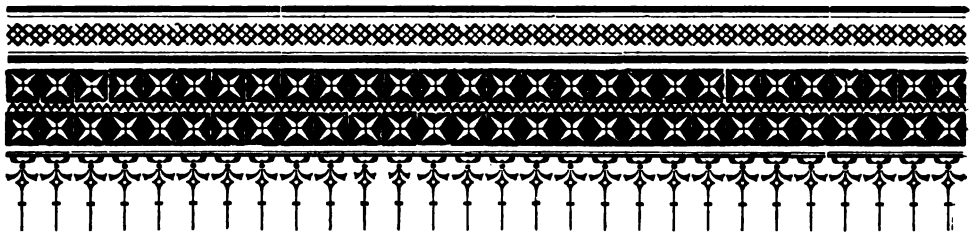
— Сказано: удвойте и удвоиша, утройте и утроиша. Приступите, громогласные кимвалы! — развеселившись, приглашалъ Толстогубовъ.

Пѣвцы еще и еще выпили. Всѣ стали на веселѣ, не исключая и хозяина. Началось пѣніе стихиръ, догматиковъ, ирмосовъ, словомъ, всего того, что хозяинъ или хозяйка приказывали имъ пропѣть.

— И какъ любо смотрѣть-то, когда вы такое провозженіе времени имѣете, — встала хозяйка. — И Богу пріятно, и душѣ полезно, и ни предъ кѣмъ не зазорно.

— Многая лѣта, Аксиньѣ Захаровнѣ! — командовалъ самъ. Питіе и пѣніе продолжалось до полночи.

Уставщица сбѣжала.

динъ за другимъ стекались богомольцы въ моленную станицу Х, Терской области, на Кавказѣ. Было 5 часовъ вечера; день зимній. Предстояло служить вечерню и всенощное. Старики и старухи, въ ожиданіи уставщицы, разсѣлись по лавочкамъ и вели между собою душеспасительный разговоръ. Молодежь почтительно стояла около стѣнки и слушала разговоры стариковъ. Нѣкоторые были на дворѣ около моленной и шутили съ богомолками.

— Долго что-то наша заправительница не показывается,— проговорилъ старикъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

— Да, пора бы и службу править,— отвѣтилъ другъ.

— Въ уставѣ, поди, роется,— смотреть, какъ службу влять нонѣ,— вставила сѣдая старуха.

— Чево ей, Ниловна, смотрѣть службу-то, когда уставъ сидитъ у нея въ головѣ. Что ни спрости, все зн...

на память. Экій разумъ Господь дароваль!—качая головою, закончилъ старикъ.

— Какого еще разума! Скрозь теѣперь иди по станицѣ, а такой уставщицы, какъ наша, не найдешь нигдѣ, — поддакнула Ниловна.

— А голосъ-то? Вѣдь, это прямо птица райская... На диво! Только бы и слушалъ ее, — вставила другая старуха.

— Голосъ-то такъ, Елизаровна, а вотъ, удержать въ памяти всю службу по уставу, когда, какъ и что гдѣ полагается сдѣлать, это — статья закомуристая, головоломная.

— Ей, вы, ребятишки! — раздувайте кадильницу, — чтобы готова была къ службѣ-то! — крикнулъ старикъ, состоящій при моленной въ качествѣ кадильника.

Мальчишки съ шумомъ кинулись съ клироса къ углямъ и стали приготавливать кадило.

На дворѣ около моленной, среди молодежи, шель свой разговоръ.

— Што, дѣвоньки; наставница наша не загуляла ли? — сказала бойкая Лукерья, читалка на клиросѣ.

— Съ Васькой, поди. Смиреница тоже... наставница... Знаемъ мы кое-что, — поддакнула Анисья, другая читалка.

— Нѣтъ, дѣвоньки, обѣ вы не туда попали, — замѣтила третья, Ефросинья.

— А что?

— Такъ... вижу, что вы ничего не знаете.

Въ это время одинъ парень подошелъ къ Лукерѣ и обнялъ ее.

— Уйди, безстыдникъ! — вырывалась Лукерья, — вишь, свѣтло еще на дворѣ-то...

— А уже выйдешь во время каѳизмъ?

— Выйду; уходи только, хочется послушать обѣ нашей игуменьѣ-то.

Парень отошелъ. Вокругъ Ефросиньи собрались кучкою талки.

— Скажи, скажи! — приставали къ ней.

— Незнаю, дѣвоньки, какъ и говорить... Думается мнѣ, го у насъ нонѣ служенья не будетъ. Видѣла я ее вчера, какъ повечеру, на гумнахъ: она остановилась и говорить мнѣ:

„ну, Фрося, жалко мнѣ васъ, да ничего не подѣлаешь; была я въ корню у васъ, а теперъ... завтра узнаешь все до ниточки.“
Заплакала, да и убѣжала отъ меня.

— Что же ты не спросила ее?

— Какъ вихрь умчалась отъ меня...

— Что же это такое? — удивленно смотрѣли читалки на Фросю.

— Да то случилось, что слюбилась съ кѣмъ-то, да и убѣжала.

— Ужли?!.. — испуганно вскричали всѣ дѣвицы.

— А, вѣдь, и замѣтнаго-то ничего въ ней не было, — сказала Лукерья.

— Смиреницей выглядывала! — поддакнула Анисья.

— Какъ же! Стоить, бывало, точно икона, не пошелокнется, не оглянется назадъ. Старики только и кололи намъ глаза ею. „Вотъ“, говорили, „берите съ кого примѣръ, какъ должно стоять въ моленной, со страхомъ и благочинно!“ злобно проговорила Фрося.

— Я, дѣвоньки, строго не сужу объ нашей уставщицѣ, — серьезно сказала одна изъ читалокъ, — главное, что она поступила по сердцу. Къ чему нашъ законъ полагаетъ запретъ жениться и за-мужъ выходить? Силой отъ этого удерживать нельзя! Кто хочетъ — выходи за-мужъ, женись, а кто не желаетъ — тотъ и безъ запрещенія будете жить одинъ.

— Чу, идетъ кто-то изъ моленной.

Дѣйствительно, изъ моленной вышелъ старикъ, посланный собравшимися богомольцами за уставщицей. Черезъ полчаса онъ вернулся, встревоженный и усталый.

— Что, Силантьичъ, какъ дѣла-то? — спросили его старики.

— Сбѣжала, старики! Убѣгла съ полюбовникомъ!..

— Какъ! Ужели?!..

— Вотъ вамъ Христоръ!.. Сейчасъ отецъ и мать ея придутъ и все расскажутъ.

Вошли родители сбѣжавшей уставщицы. У обоихъ лица были заплаканы.

— Что, Ѳома Пантелѣичъ, дочь-то, того... съ полюбовникомъ ушла? Какъ же ты не доглядѣлъ? Какъ теперъ м

будемъ службу править безъ нея? Вѣдь, она у насъ была въ корню по этому дѣлу!

— Простите, старики!—кланялись отецъ съ матерью,— Господь наказалъ такой срамотою....

— Рассказывайте, какъ все это случилось? Правду говорите.

— Ночью ушла. Прошлую ночь, такъ къ свѣту, проснулись мы со старухой, осмотрѣлись, глядимъ—нѣтъ нашей Дунюшки! Туда-сюда—нѣтъ! Сгибла...—съ плачемъ говорилъ отецъ.

— Съ кѣмъ же она бѣжала-то?

— Надо полагать, съ нашимъ писаремъ, потому его тоже не обрѣтается въ селѣ.

Старики и старухи застыли отъ ужаса. Лица ихъ изобразили знакъ удивленія. Писарь въ ихъ селѣ былъ православный, одинокій, трезвый и хорошо знавшій свое дѣло.

— И вы ничего до этого не замѣчали?—допытывались старики.

— Особеннаго ничего не примѣчали, старцы божіи. Видѣли только, что дѣвка балуется съ парнемъ, бѣгаетъ къ нему по ночамъ, свидается,—ну, думаемъ со старухой, побалуется дѣвка и броситъ. А чтобы приготовленіе какое на побѣгъ—ни-ни! Слова никогда не говорила и самимъ не въ примѣту.

— Да что же ей, дурѣ, нужно было бѣжать-то съ нимъ? Дѣвка она въ большомъ возрастѣ: коли полюбился ей писарь, ну и балуйся съ нимъ. Никто ей въ этомъ не мѣшалъ. А вотъ, старики, не задумала ли она свѣнчаться съ нимъ? Врагъ то, вѣдь, силенъ при такихъ божественныхъ людяхъ!—разсуждалъ старикъ-кадильникъ.

— Долго ли до грѣха!—вздыхая, говорили старухи.— Чего добраго, пожалуй, и свѣнчается на сторонѣ. Здѣсь мы помѣшались бы, а тамъ—некому.

— А вы что скажете?—пытали старики отца съ матерью.

— Точно, старички, былъ у нея такой лукавый замыселъ. Когда слюбилась она съ нимъ, онъ, писарь-то, сирѣчь, привали къ намъ въ домъ и говоритъ намъ со старухой въ прямки: „отдайте, говоритъ, свою Дуню за меня въ заму-

жество. Я ее люблю, она — меня. Ничего мы не просимъ, только благословите насъ“.

— Ахъ, паскудникъ, онъ этакій! — разомъ вскричали всѣ старики и старухи, качая головой. — До какого безстыдства дошелъ! Истинную христіанку еретическая скобленая морда пришелъ сватать. Полѣномъ бы его, негодника!... Да и ей то, блудницѣ....

— Вотъ мы со старухой, — продолжалъ отецъ, — и сказали ему, что по нашему христіанскому закону мы не можемъ благословить свою дочь на бракъ. Глядимъ — и Дунюшка выходитъ на середку, да бухъ мнѣ въ ноги, потомъ матери. Такъ и такъ говорить: „люблю я его! Благословите меня обратиться съ нимъ“. — „Что ты, говорю ей, доченька! Нешто ты сама не вѣдаешь, что нынѣ брака нѣтъ, потому съ Никона пошло царство антихриста, ересь, скверна возобладала, и всѣ должны жить дѣвственно, безъ брака. Ну, кто безъ грѣха, — коли кто падеть, на то есть покаянье. Она выслушала мое христіанское наставленіе, да и говорить: „есть ли онъ еще этотъ антихристъ-то, батюшка!? Мало ли чего говорятъ! Вѣдь, это старики все толкуютъ о немъ, они его и придумали для своего общества“....

— Ахъ она, сквернавка этакая! Богоотступница проклятая! — вскричали всѣмъ соборомъ старики и старухи. Писанье нашихъ отцовъ ниспровергаетъ. Нешто отцы-то наши даромъ написали его? Не съ вѣтру говорили они, когда узаконили: нѣтъ нынѣ брака. И кто осмѣлится изъ нашихъ христіанъ сына или дочь оброчить, то: такового продержателя и нарушителя отеческихъ постановленій довлѣетъ навсегда отлучить отъ нашего древлеистиннаго христіанскаго общества и имѣть его, яко еретика и хулителя св. Церкви. Такжеде и оброченныхъ имѣть въ отлученіи дондеже не разведутся съ женою, или же дадутъ обѣщаніе не родить дѣтей.

— Какой нонѣ бракъ, коли живемъ на послѣднемъ времени, — разсуждали старики.

— Сказано: семерыхъ роди, только за-мужъ не ходи, поддакнулъ старикъ-кадильникъ.

— Тутъ и считать нечего, потому на паденіе есть каеніе, а на ересь проклятіе. Отъ грѣха, всегда можно очиститься

предъ духовнымъ отцомъ и быть въ раю, а въ ересь кто подпадетъ—въ гееннѣ будетъ сожженъ. Проклятый тотъ человекъ, кто нарушаетъ законъ Христовъ,—вторилъ кадильнику другой сѣдобородый старикъ.

— Да грѣхи что считать? Писанье уложило: тайно содѣянное, тайно и осудится. А блудъ или свободное сожитіе съ дѣвицею и есть такой грѣхъ, иже въ тайнѣ содѣваемый,— философствовалъ третій.

— Конечно, такъ!—соглашались всѣ. — Что дѣлается втайнѣ, тому и наказаніе полагается сокровенное.

— Простите, старички и старушки! Выкладываю вамъ правду, не скрываючи. Мы съ старухою тутъ не причемъ,—клянялись родители.

— Говори, говори, что дальше у васъ было!...

— Такъ мы и отказали писарю и дочкѣ, и не благословили ихъ на брачное сожитіе.

— Это хорошо вы сдѣлали,—сказали старики.—Можно ли благословлять на поганскую жизнь! Законъ нашихъ отцовъ нужно блюсти наипаче, потому они писаны на нонѣшнее плачевное время.

— На еванделье ссылалась она мнѣ о бракѣ то,—несмѣло замѣтилъ отецъ уставщицы.

— Чего она понимаетъ въ евандельи-то!—вскричали старики со злобою.—Развѣ отцы наши не читали его?

— Получше ея, безстыдницы, знали они эту книгу-то. Объ еванделии нужно разумѣть, на какое время оно уложено! Коли нонѣ возсѣдаетъ антихристъ, можно ли итти по еванделью? Вонъ, молокоане взяли еванделіе-то, да и совратились съ истиннаго пути.

— На спинѣ бы ей еванделье-то расписать!—злбно проговорила сѣдая старушонка, стуча своимъ костылемъ.—Ишь явилась какая смутница. Мы-то ее честили да уважали, первымъ человекомъ держали, а она въ еванделье носъ тычетъ. Есть у насъ уставы, не хуже еванделья, вотъ и живи по нимъ. Что говорить дѣлать, то и слушай, а свой умъ не распушай, потому умнѣе не скажешь.

— Правда, Сергѣевна, правда!—одобрили старики.—Ты стоишь на крѣпкой, завалинѣ.

— Да что! Дѣвчонка какая-то указы намъ выдаетъ! Евандель! евандель! Не знали мы безъ нее-то эту книгу. Слава Богу! Кажду службу читаемъ изъ нея и слушаемъ,—ворчала старушонка.

— Ну, а ты, болѣзная, что не уронишь словечка?— обратились къ матери бѣжавшей уставщицы.— Повѣдай и ты свое горе. Мы все́мъ обществомъ утѣшимъ.

Мать бѣжавшей дочери плакала.

— Да что сказать-то, родимые!— произнесла она.— Какъ от-казали мы писарю-то, стала Дунюшка плакать, горевать, а потомъ и притихла было. Ночкомъ пропадетъ это коли, но мы радовались, что дѣвка стала забывать о поганскомъ бракѣ. Думаемъ съ старикомъ, потѣшится молодые годы, да и въ разумъ взойдетъ. Анъ, вотъ что произошло... Иду это я на зарѣ въ чуланъ къ ней—нѣтъ ее. Туды-сюды—нѣтъ. Пошла къ писарю, и его нѣтъ.

— Куда же это она дѣвалась съ нимъ?

— Ничевохоньки не знаю. Какъ въ воду канули.

— Безпремѣнно будутъ въ городѣ и тамъ свѣнчаются,— замѣтилъ кадилъникъ.

— Сохрани Господи и помилуй!—крестилась мать.— Пусть такъ погуляетъ съ нимъ, а то все́мъ убьетъ меня.

— Коли-бъ такъ хотѣла жить, не ушла бы отъ васъ,—говорилъ все тотъ же кадилъникъ.— А то по всему выходитъ, она умыслила еретическій вѣнецъ положить. Затѣмъ и скрылись.

— Ахъ, срамница этакая! Насъ-то теперь оставила безъ службы,—толковали старухи.

— Главное теперь—не допустить бы ее до повѣнчанья съ еретикомъ,—толковалъ кадилъникъ.

— Какого еще сраму! А какъ приотановишь? Какую препону поставить? Коли-бъ начальство вступилось за насъ, тогда... рассуждали старики.

— И не жилось ей по нашему, по христіански. Чего еще? Браченья захотѣла! Въ дьявольскіе когти попасть удумала. Вотъ помраченье-то! Въ нонѣшнее время вѣнецъ положить на голову, значить—сатанѣ подчиниться.

— Какіе вѣнцы!..—вторили старухи.

— Прочти-ка, Петровичъ, какое разсужденіе о нонѣшнемъ бракѣ положено.

Кадильникъ отыскалъ на полкѣ тетрадку и началъ читать слѣдующіе стихи:

Дѣвство каждый сохраняя,
Тайну брака не сознай;
Холостой не женися,
Староженъ воздержися;
Дѣвка замужъ не ходи,
Староженка не роди...

— Сократи, Петровичъ, чтеніе-то. Наслушались,—сказалъ тотъ же старикъ.

Кадильникъ положилъ тетрадку на свое мѣсто и сказалъ: „да, хорошо написано о бракѣ“.

— Какого еще разсужденія лучше! Нѣтъ священниковъ, значить угасла и тайна брака. Это всякій пойметъ,—разсуждали старики. Послѣ этого они обратились къ родителямъ уставщицы.

— Вотъ что, Гома, и ты, Дарья,—сказалъ отъ имени всѣхъ кадильникъ,—за то, что вы свято соблюли нашъ законъ и дѣвкѣ не дали благословенія на брачную жизнь, мы васъ за это восхваляемъ и наказанья за побѣгъ дочери не кладемъ: вы не виноваты; ходите, какъ и прежде, молитесь въ моленную. Согласны, старички и старушки, на это?

— Согласны! согласны! Они правильно поступили.

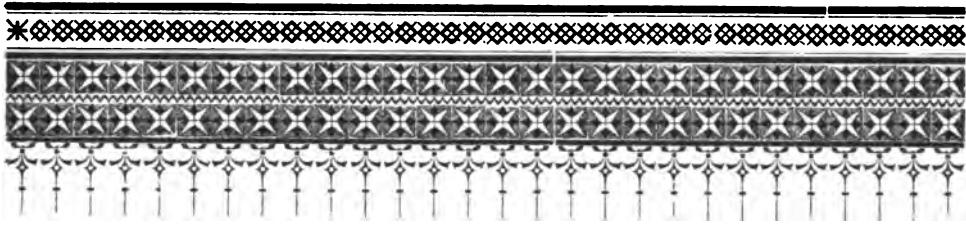
Отецъ и мать поклонились въ землю. Оба они крѣпко боялись того, какъ бы не отлучили ихъ отъ общественной молитвы.

— А*дочь свою ищите теперь,—продолжалъ кадильникъ—може она, на ваше счастье, и такъ еще путается съ нимъ, безъ вѣнчанія. А коли, она вѣнцы приметъ, тогда мы ее долой изъ общества. Оскверненную намъ не надо.

— Спаси Христось за наставленіе!—кланялись отецъ и мать. Всѣ разошлись. Моленная опустѣла.

А уставщица Авдотья Гоминошна, дѣйствительно, повѣнчалась съ увезшимъ ее писаремъ въ православной церкви. Расколъ опротивѣлъ ей до крайности. Глупое ученіе стариковъ о воцареніи антихриста, ихъ дикое понятіе о бракѣ она ни-

какъ не могла переварить своей головой и усвоить его. Она не могла признать благочестивой жизнью то, что въ существѣ дѣла было развратомъ, прикрытымъ религіознымъ ученіемъ. Ученіе отца, матери „побаловаться“ только съ парнемъ не привилось къ ней,—она искала семейной жизни, семейнаго очага, и нашла его. Когда отецъ и мать узнали о мѣстѣ ея жительства, узнали, что она вѣнчалась въ церкви и живетъ на правахъ законной жены, то отреклись отъ нея и лишили своего благословенія. Родовая связь была порвана; родная дочь стала чужой. Тотчасъ они донесли объ этомъ старикамъ, а послѣдніе, собравъ свой синедріонъ, предали ее анаемѣ и проклятію. По силѣ этого постановленія, основаннаго на правилахъ едосеевскаго ученія, родители не могли уже бывать въ домѣ своей дочери, не могли молиться на ея иконы, нянчить ея дѣтей, ѣсть изъ одной посуды съ нею и пр. и пр. И все это изъ-за того, что она вышла замужъ. Живи эта дѣвушка безъ вѣнчанія съ кѣмъ угодно, даже съ еретикомъ, мѣняй, любовниковъ, какъ перчатки, реди дѣтей, воспитывай или души ихъ, она, по ученію раскольниковъ, считалась бы истинной христіанкой и живущей благочестиво, а за то, что она повѣнчалась и живетъ съ мужемъ, она въ глазахъ ихъ, стала явной блудницей, еретичкой и отступницей отъ ихъ узаконеній. Таковы дикія понятія этой секты, извѣстной подъ именемъ браборцевъ Фодосіева согласія. И эти люди имѣютъ еще дерзость именовать себя истинными христіанами, а свое общество, — общество блудниковъ и прелюбодѣевъ, развращенныхъ до мозга костей, погрязшихъ въ развратѣ, — истинной Христовой церковію.

XLIV.

ДѢДУШКА ПАХОМЪ.

ромадная станица Прочноокопъ, Кубанской области, пріютившаяся на берегу рѣки Кубани, давно уже спитъ непробуднымъ сномъ. На колокольнѣ раскольнической церкви звучно пробилъ колоколь часы *). Было 10 часовъ вечера.

Вдали отъ центра станицы, въ улицѣ, гдѣ особымъ поселкомъ сгруппировался пришлый иногородній элементъ, принадлежащій, къ крестьянскому сословію разныхъ губерній, въ домикъ дяди Пахома ярко свѣтилъ огонекъ. Не спитъ онъ самъ, не спятъ и собравшіеся къ нему мужики и бабы, которыхъ набралось въ хату болѣе 100 человекъ. Не до сна имъ было: серьезнымъ дѣломъ заняты ихъ головы. Собрались они думу крѣпкую думать,—рѣшать вопросъ, требовавшій ума и соображенія многихъ головъ. Собрались они нарочно ночью порою, секретно,

*) На Кавказѣ у раскольниковъ имѣются публичные храмы и звонъ.   ▲ в т.

тихонько отъ постороннихъ людей, чтобы не вѣдали объ этомъ ни православные люди, ни австрійскіе, ни единовѣрцы.

Вся эта собравшаяся толпа людей, совокупно съ дядей Пахомомъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ составляетъ въ станицѣ Прочноокопской особую группу сектантовъ-безпоповцевъ. Они, хотя и зовутъ себя старообрядцами, но въ сущности, ученіе ихъ мало чѣмъ отличается отъ общества лютеранъ, молоканъ, штунды и др. подобныхъ вѣроученій. Отвергая нужду въ церковныхъ таинствахъ, не признавая священства, церкви, безпоповцы пользуются одной домашней молитвой, а дядя Пахомъ, какъ имѣющій солидный возрастъ, руководитъ кружкомъ своихъ единоплеменниковъ, какъ главарь и ихъ наставникъ. Онъ не то—атаманъ въ своемъ поселкѣ иногороднихъ лицъ, не то—попъ между ними, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ. Къ нему идутъ и съ религіозными дѣлами, и съ общежитейскими нуждами, гдѣ требуется совѣтъ, помощь, поддержка и нравственное руководство, и дядя Пахомъ во всемъ наставляетъ и удовлетворяетъ своихъ единовѣрцевъ. Конечно,—что грѣха таить, — все это дѣлается имъ не даромъ, но, вѣдь, дядя Пахомъ нѣ духъ, а человѣкъ во плоти, а послѣдняя требуетъ и пищи, и одежды, да мало ли что еще нужно для иной плоти! И вотъ, дядя Пахомъ, служа мужикамъ, не забываетъ, конечно, и свою грѣшную плоть, погрязшую въ „сластяхъ міра сего“. И стрижетъ онъ ихъ, стрижетъ обдуманно, съ расчетомъ, не задирая особенно, а такъ, слегка этакъ снимаетъ шерстку, чтобы оно не особенно было больно и чувствительно.

Безпоповцы собрались уже около часа, разсѣвшись по лавкамъ, разбившись на группы, и тихонько толковали между собою. Дядя Пахомъ еще не рѣшался открывать собраніе и медлилъ, хотя бабы, утомившіяся дневной работою, давно уже дремали, сопѣли, крестили свои рты, а нѣкоторыя всхрапывали во всѣ носовыя завертки.

— Возвѣщай, отецъ Пахомій, казію нашего сбора къ тебѣ!—проговорилъ одинъ изъ старообрядцевъ.

— Нерадостную вѣсть изложу я вамъ, братіе,—вздыхая, сказалъ Пахомъ.—Сами знаете, что бѣда стряслась надъ нами не маленькая. И какъ быть?

— Еще бы не знать!—отозвались въ толпѣ.—Вотъ и нужно посудить, какъ выйти намъ теперь изъ этого позора.

— Позоръ что! Это—плевать на него,—говорилъ Пахомъ.— Но какъ грѣхъ-то смыть? Вѣдь, мы жидами подѣлались. Шутка-ли: во второй разъ крестились...

— Это вѣрно, дядя Пахомъ,—поддакнули ему.

— И какъ это мы сглупили,—разсуждалъ онъ далѣе.— Жили доселѣ безпоповцами, всѣ держались одной вѣры, всѣ дѣла шли исправно, хорошо, а вдругъ... на вотъ! Пошли въ часовенные. Захотѣли, вишь, добыть истовое священство, думали, что часовенная вѣра самая настоящая, древняя вѣра,—притулились къ ней, да и выпачкались теперь, какъ нельзя хуже. Что теперь дѣлать? Опять назадъ? А какъ же крещеніе-то?

Бабы начали креститься, охать и вздыхать.

— Коли это крещенье не въ спасенье намъ, такъ не нужно его и въ резонъ брать,—сказала одна изъ грамотѣекъ, баба Акулина.

— Конечно, не во спасенье. Если-бы оно, тово, по писанію дѣвствовало,—поддакнулъ мужикъ Никита, носившій кличку Лохматаго.

— Какое это крещеніе!—продолжалъ Пахомъ.—Сами подумайте, старики. Кто насъ крестилъ? Какой-то проходимецъ, который выдалъ намъ себя за настоящаго попа, а онъ никогда и не былъ имъ. Можетъ, онъ еретикъ какой, а отъ еретика не подобаетъ крещеніе пріяти. Еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, наипаче—оскверненіе. Вотъ куда мы втюрились, старики. Перво-наперво зря крестились; второе, крестилъ насъ еретикъ, вмѣсто дѣйствительнаго, благочестиваго попа, въ третьихъ, мы теперь подѣлались наругателями перваго своего крещенья и вошли въ ересь. Мы—еретики. Да мало этого, по писанію св. отецъ, кто во второй разъ окрестится не по истовому уставу, тотъ къ жидамъ присовокупился.

— О Господи!—вздыхали слушатели.—Вотъ напасть-то!

— И какъ это мы тогда не утрафили на прямую-то линію вылѣзть,—сказала бойкая Акулина.

— Натрафили!—накинулся Лохматый на Акулину.—А кто загонялъ тогда въ Кубань ребятишекъ-то нашихъ, какъ не

ты? Ты, вѣдьма кievская, ужь больно усердствовала, да вездѣ юлила.

— Такъ я развѣ, Микита Павсикакичъ, со злости или съ подвоха какого это устраивала. Коли-бъ я знала, что наше крещенье въ разницу идетъ съ писаніемъ, то и не подумала бы мутить всѣхъ,—оправдывалась Акулина.

— Ты все орудовала, да Сиклетейка твоя. Вы крѣпче всѣхъ взялись розыскивать вѣру-то. Жили по одной вѣрѣ,—нѣтъ, въ другую захотѣлось окунуться, да вотъ и сѣли на куканъ,—разомъ кричали мужики, вслѣдъ за Никитою Лохматымъ.

— Да что вы на бабъ-то напали?—закричалъ чернобородый мужикъ Хуздазатъ.—Развѣ Кулина съ Сиклетеей сбили насъ всѣхъ съ панталыку? Да Филька первый спорилъ тогда и чуть не съ ножомъ къ горлу лѣзъ: „Креститься нужно! Наше безпоповское крещенье не истинное, а лядащее“.... Разя не онъ это выкладаль? А Спиритъ съ Дулой не за одно съ нимъ стояли? Всѣ тогда драли глотку за одно, за одинъ канатъ тянули: и Лапатъ Силычъ, и Кузьма Фирсычъ, до мало ли! Все общество, почесь, галдѣло тогда, точно комары, аль шершни.

Слова Хуздазата произвели отрезвляющее дѣйствіе на собраніе безпоповцевъ. Никита, а за нимъ и другіе мужики смолкли. Указанныя имъ лица: Асигкритъ, Дула, Лампадъ и др., что въ свое время дѣйствительно кричали больше всѣхъ, теперь притаились въ народѣ и ни слова больше. Акулина и Сиклетейка, напротивъ, ободрились этой защитою Хуздазата.— „Спаси тебя Христось, Казатъ, Митричъ“, проговорили онѣ, кланаясь ему въ поясъ.

— Будетъ кусаться-то промежду себя,—сказалъ Пахомъ.— Истиннымъ христіанамъ не довлѣетъ сіе. Всѣ мы повинны въ этомъ грѣхѣ. Казатъ Митричъ правду рѣшилъ, что все общество гуторило тогда, что наша безпоповская вѣра не настоящая, истовая вѣра, и что крещенье наше также не истовое, а облыжное. Ни Сиклетейка, ни Кулина тутъ не виноваты. Они только, яко жены мирносоицы, усердствовали паче другихъ и приготавливали насъ ко крещенію и что довлѣло къ сему. Мы нашли по книгамъ, что нужно священство, церква, таинства

и пр., а гдѣ ихъ взять? Повели глаза на „австрійское священство.“—видимъ, что у нихъ гнилое архіерейство: Анбросимъ ихъ, который развелъ имъ всю эту церкву съ попами, да архіереями, былъ незаконный архіерей, бѣглець, и теперешніе ихъ, примѣрно, Силуанъ, Титъ—тоже самозванные служители. Куда же еще? Къ російскимъ идти? Тамъ Никонъ все въ полонъ взялъ. Вотъ, мы и приклонились къ бѣгствующему священству, которое поставляется законными никоніанскими архіереями правильно; а что касается ереси ихъ, то она, по правиламъ „Кормчей“ книги, смывается съ нихъ по переходѣ ихъ изъ Рассейской церкви въ старообрядчество. И послали мы на Донъ, чтобы намъ выслали оттоль благочестиваго попа, чтобы присовокупилъ насъ къ себѣ, въ стадо.

— Такъ оно и было,—подтвердили голоса слушателей.— Это Лохматый зря на Кулину и Сиклетею набросился.

— Конечно, такъ было,—сказалъ Пахомъ.—А потомъ явился попъ.... Ну, и крестилъ всѣхъ насъ съ вами....

— Поморозилъ тогда порядкомъ на Кубани-то, — насмѣшливо сказали нѣкоторые.

— Еще бы, въ январѣ-то! У меня баба насилу тогда вылѣзла на берегъ. Подступило это ей подъ микитки—хоть што тутъ. Домна! говорю ей,—что съ тобою?—Подкатило, говорить, Емеличъ: такъ приперло къ сердцу, что всю стрѣляетъ и претъ. Долго мучилась этакъ-то, насилу раздышалась,—сказалъ Хуздазатъ.

— А я, парень такъ захлебнулся было. Толкнулъ кто-то меня.... Ночь, не видно, я и бултыхъ. Столь нахлебался Кубанки, инда горло придавило,—вставилъ другой старообрядецъ.

— А ребятъ-то сколь переморозили, да простудили съ этимъ непутевымъ крещеньемъ,—замѣтила Сигклитія.—Може отъ этого тогда и примерли кои.

— Такъ вотъ, и давайте судить теперь, старики, какъ намъ быть съ этимъ крещеніемъ; признавать ли его за дѣйствительную статью или отвергнуть?—говорилъ Пахомъ.—Признавать нельзя его,—оно было еретической руки. Попъ этотъ объявился потомъ какимъ-то бродягой, а не дѣйствительнымъ священникомъ. Не то онъ солдатъ, не то—сапожникъ, бумаги у

него нашли фальшивыя и разнаго сорту. Обманываль, значить, самовольно выдаваль себя попомъ.

— На какія дѣла пушаются люди... И терпитъ Царь Небесный!—разсуждала Акулина.

— Мало ли какихъ людей по свѣту!—вторила другая.—Не то что крестить, голову оторвутъ.

— Что же это за вѣра, когда въ ней сразу и лживость объявилась?—горячо возразилъ Хуздазатъ.—Къ такой вѣрѣ нечего и приставать. Жили по одной, такъ и нужно держаться этой линіи. Къ чему мѣнять-то, точно цыганъ лошадей!

— Я вамъ говорю о крещеніи,—поправилъ Пахомъ.

— Какое тамъ крещеніе!—рявкнулъ Никита Лохматый.— Не признаемъ его за истинное и—шабашъ. Я первый не сознаю ево за правильность: купались съ дуру въ Кубани, и только. Коли креститель объявился обманщикъ, острожникъ—нешто святъ духъ былъ въ этомъ дѣлѣ? Ни за што! Онъ и близко не подходилъ сюда, потому фальшь.

— Это и я сознаю также,—добавилъ Пахомъ.—Но вотъ о чемъ дѣло: какъ намъ смыть теперь эту скверну обманщика?

— Ни за что почитать крещеніе бродяги!—крикнули голоса.—По старому итти!...

— Напрасно и сворачивали съ дороги-то,—вторили другіе.

— Конечно. Спасенье не въ бревнахъ, а въ ребрахъ: церква не освятить, коли самъ то поганъ!.. кричали третьи.

— Такъ давайте сызнава по прежней вѣрѣ итти и стару вѣру соблюдать. Были безпоповцы, такъ и останемся ими,—говорилъ Пахомъ.

— А то чего же!—соглашались въ толпѣ.

— Въ такомъ разѣ нужно намъ эпитинье понести,—совѣтоваль дядя Пахомъ.—Помолимся 6 недѣль, попостимся по-строже, да правило по 1000 поклоновъ въ день понесемъ; вотъ и замажемъ свою проруху. И Господу-то будетъ пріятно, и намъ душеспасительно.

— Это ты, дядя Пахомъ, ужъ здорово больно накладаешь,—возразилъ Никита.—Пашня на дворѣ, когда же намъ возиться съ такимъ великимъ дѣломъ.

— Вѣстимо дѣло! Коли молиться, такъ молиться надо безоблыжно, все соблюсти. Кой-какъ нечего и братья,—под-

дакнулъ Хуздазатъ. — По моему надо сбавить. Куда такой постъ?

— Это для Бога, — замѣтилъ Пахомъ.

— Это мы, дядя Пахомъ. сознаемъ, что все пойдетъ для Бога и объ насъ, однако такая великая эпитинья будетъ намъ не въ терпежь, не подъ силу, — спорилъ Лохматый Никита. — И безъ того мы перехворали съ этимъ холоднымъ крещеньемъ, а теперь опять поститься, — ногъ таскать не будешь за сохой-то.... Пожалѣй, кормилецъ. Придумай что-нибудь такое, чтобы оно было не натужисто очень.

— Христа ради сжался, дѣдынька, — говорила Акулина. — Недѣлю, вонъ, постомъ-то помотаешься съ этимъ правиломъ, такъ и то лядвѣя-то сказываются, инда поджилки трясутся потомъ, дрожаніе въ колѣнкахъ...

— Шутка ли! А тутъ на весь постъ хочеть запереть на эту машину, — соглашались съ Акулиной.

— Какъ же быть, братіе! Нельзя, по правиламъ свв. отецъ, — отстаивалъ Пахомъ. — Ересъ довлѣеть смыть. Я объ васъ же попеченіе имѣю.

— За это благодаримъ, дѣдынька. Только мы и безъ того обмылись въ Кубани...

— Да еще за какія деньги!

— Мало-ли этотъ бродяга собралъ! Я сама, старики, дала ему золотой, — сказала Сиклитикія. — Сколько годомъ таила его, а тутъ выперла. Сдурилась точно... Мекала на саванъ и свѣчи по смерти, а тутъ расщедрилась.

— Не одна, Сиклитіюшка, постраждала ты, — пропищаль голосъ Митродоры. — Много и другихъ попались на этотъ ку-канъ, да еще больше; молчать только, потому — совѣстно.

— Нешто о такихъ дѣлахъ колоколятъ. И безъ того въ газетахъ то и дѣло печатавають объ насъ.

— При такихъ положеніяхъ всего лучше молчать, а то сейчасъ въ „Листочкѣ“ изобразять.

— Чать съ тысячу слимонилъ?..

— Да, Ярданъ вышла не дешевая.

— Зато ему гоже...

— Еще бы! Вотъ тебѣ и Расея: Капказъ обдурила! — разсуждали старообрядцы, смѣясь сами надъ собою.

— Какъ же на счетъ эпитиньи-то. — пыталъ Пахомъ.

— Не въ моготу она.

— Коли теперь возиться съ нею? Ни намъ, ни бабамъ некогда, — говорили въ толпѣ.

— Такъ я вотъ что предложу вамъ, почтенные старики и все благочестивое собраніе, — говорилъ Пахомъ. — Вы — народъ работный, завсегда при домашности, умаетесь, измучитесь, сердечные такъ, что коли тутъ на молитвѣ стоять предъ Богомъ. Я приму эту эпитинью на себя и буду одинъ за весь міръ. Мнѣ это дѣло знаемое, сподручное... Поставлю я дѣвокъ или женщинъ, кто поблагочестивѣе, читать псалтырь — это будетъ ваше покаянье предъ Богомъ; другихъ впрягу за канонъ: это пойдетъ въ умиловленіе Бога. Ну, а вы милостыню свою снесите ко мнѣ, чтобы было чѣмъ пропитывать молящуюся братію, — это будетъ и для Господа Бога пріятно, и вашей душѣ пользительно. Милостыня отъ всего избавляетъ. Изъ дна геенны вытаскиваетъ, а не только ересь обмоетъ.

— Вотъ это такъ! — согласились мужики. — Это ты, дѣдушка Пахомъ, больно хорошо удумалъ. Намъ гдѣ съ этимъ дѣломъ возиться, а тебѣ это подъ линію, потому ты и безъ того за-всегда при молитвѣ.

— Конечно, мнѣ это дѣло за обычай и въ привычку.

— Какъ же! Ты и самъ въ чистотѣ всегда, и мысли у тебя прилажены по молитвенному, и каждое слово знаешь, гдѣ вставить, чтобы оно было складно и по уставу свв. отецъ.

— Хорошо, старички; я беру на себя весь этотъ грѣхъ. Только не забывайте меня милостынькой.

— Спаси тебя Христочъ, дядюшка Пахомъ! — разомъ всѣ поклонились ему въ землю. — Отъ большой натуги избавляешь насъ. Всего тебѣ нанесемъ, только потрудишь за насъ, Христа ради, и отмой нашу скверную ересь.

— Деньжонокъ не забудьте! Кому — платокъ, кому — сарафанъ придется. Тоже, вѣдь, и тѣлу облаченіе довлѣетъ. Предъ Царемъ Небеснымъ придется стоять, нельзя же кой въ чемъ, али голому! Не угодно такъ-то...

— Всего тебѣ натащимъ, только справляй наше дѣло, — кричали всѣ. — По гробъ не забудемъ твоей милости!

Собрание закрылось, и мужики стали расходиться по домамъ, каждый благодаря Пахома, что выручилъ ихъ изъ великой бѣды.

— Безъ него—бѣда! Што бы мы сдѣлали?—разсуждали мужики и бабы.

— Умный человекъ! Сейчасъ нашель, какъ выпутаться и ослабу намъ сдѣлать.

— При книгахъ состоитъ. Ему видно, какъ и что нужно...

— Молиться за него надо, чтобы Господь продолжилъ его жизнь—заклучилъ Хуздазатъ Сидоровъ.

XLV.

АЛЕША ПРАВЕДНИКЪ.

нѣ было 16 — 17 лѣтъ, говорилъ мнѣ бывшій старообрядецъ австрійской секты. Я занимался иконописаніемъ, а въ праздничное время ходилъ въ моленную, находящуюся и по сіе время на Кузнечной улицѣ въ г. Саратовѣ, гдѣ я числился уставщикомъ и получалъ 40 р. въ мѣсяцъ. Попомъ у насъ былъ саратовскій мѣщанинъ Иванъ Тимоѣевъ Тумаковъ, дьякономъ—крестьянинъ с. Пяши, Сердоб. у. Павелъ Яковлевъ Комаровъ. Въ это время у австрійскихъ старообрядцевъ не было еще раздѣленія, какъ теперь, на 2 общества: всѣ они составляли одно общество и въ одну моленную ходили за службу. Раздѣленіе явилось потомъ, значительно позже, когда Уваровъ и Горинъ, богатые купцы саратовскіе, поссорились между собою, и каждому хотѣлось быть во главѣ общества и моленной. Слѣдствіемъ этого явилась другая моленная, построенная купцомъ Ефимомъ Яковлевымъ Горинымъ, и при

ней богадѣльня для старообрядцевъ, названная „Александровскою“ въ память Императора Александра II-го.

Одно время наканунѣ праздника шла всенощная, и къ намъ на клиросъ вошелъ молодой здоровый парень, назвавъ себя Алексѣемъ, пришедшимъ изъ с. Большихъ Копенъ, Аткарскаго уѣзда. Ему было на видъ не болѣе 20 лѣтъ. Въ то время у старообрядцевъ не было въ обычаѣ спрашивать паспортъ у приходившихъ на моленный дворъ и жившихъ здѣсь. Свой христіанинъ—и ладно. Безъ паспорта жила и „матушка Вѣра“ и „матушка Маргарита“ и „о. Силуанъ“ и др., именовавшіе себя монахами и жившіе на дворѣ, при моленной. Кто они были такіе, гдѣ и у кого получили свое постриженіе въ монашество, какъ попали въ Саратовъ—объ этомъ никто ихъ не спрашивалъ, да и не смѣли объ этомъ спрашивать ихъ: стѣснялись, какъ-то: Божьи люди! пришли, живутъ и хорошо. Такихъ лицъ любили, и ихъ много проживало при моленной, питаясь на общественный счетъ. Ангельскій образъ—монашество! Въ лицѣ ихъ видѣли украшеніе общественной молитвы, а самая молитва ихъ, какъ людей, всецѣло посвятившихъ себя Богу и жившихъ въ келіи, считалась цѣнной и богоугодной. Никто поэтому не спросилъ паспорта и у пришедшаго изъ с. Копенъ Алексѣя. Дали ему келью на дворѣ моленной, поселился онъ въ ней бобылемъ, одиноко, пристроили его къ клиросной службѣ, какъ умѣющаго читать, пѣть, и звали его обычно „Алешей“.

Алеша показалъ себя весьма религіознымъ человѣкомъ: любилъ читать „житія святыхъ“, водку не пилъ, чай пилъ только въ людяхъ, въ трактиръ не ходилъ, костюмъ носилъ—кафтанъ со сборками. Во время службы онъ никогда не выходилъ изъ моленной и выстаивалъ ее до конца. Это рѣзко бросалось всѣмъ въ глаза. У старообрядцевъ служба идетъ строго по уставу, но зато они и не выстаиваютъ ее. Во время каѳизмъ, чтенія канона, поученій, они уходятъ изъ моленной на дворъ: молодежь—парни и дѣвушки, пользуясь покровомъ ночи, разсыпаются по всему двору, прячутся по келіямъ и устраиваютъ свои свиданія „tête a tête“; уставщики одни—ужинаютъ, другіе—чай пьютъ въ это время и т. д. Во всемъ этомъ Алеша не участвовалъ, за что его прозвали „святошей“—„пра-

ведникомъ“ и, какъ никогда не выходившему отъ службы, уставщики обычно поручали ему читать поученія и пр. Вообще, Алеша былъ строгій молитвенникъ. За это его старики любили и чествовали.

Одно время я зашелъ къ Алешѣ въ келью. Разговорились. Алеша сталъ хвалить мнѣ Бѣлую-Креницу въ Австріи, говорилъ, что старообрядцы живутъ тамъ на свободѣ, а здѣсь— въ утѣсненіи отъ „Никоніанъ“. Тамъ и церкви построены у нихъ каменные, большія; звонять въ колокола; служба совершается открыто, крестные ходы бываютъ торжественные, архіереи и попы именуются въ своихъ санахъ, а не мѣщанами, крестьянами, какъ въ Россіи... Алеша съ такимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ все это, что я невольно былъ пораженъ его разказами. Нужно сказать, что до этого я совсѣмъ не имѣлъ никакого понятія о Бѣлой Креницѣ, о происхожденіи австрійскаго священства и вообще не былъ знакомъ съ своимъ религіознымъ вѣроученіемъ, которое по рожденію унаслѣдовалъ отъ отцовъ. Все, что говорилъ мнѣ Алеша, для меня была новость, и эта новость, въ картинной передачѣ Алеши, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Придя домой, я передалъ все это отцу. Въ это время мы жили на Пріютской улицѣ; во дворѣ съ нами жилъ одинъ чиновникъ, который получалъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ печатались статьи „Современныя движенія въ расколѣ“. Чиновникъ давалъ отцу читать эти книги, и посему онъ зналъ, что творилось въ расколѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Когда я передалъ ему свой разговоръ съ Алешкою, отецъ подтвердилъ его слова и только замѣтилъ, что люди набрались въ Бѣлую Креницу какіе-то малограмотные, плутъ-на плутѣ и производятъ тамъ одни раздоры. Я сообщилъ это Алешѣ, и онъ согласился со мною, присовокупивъ къ этому, что духовному дѣлу въ старообрядчествѣ служатъ большей частью плохіе люди; они не заботятся о развитіи благочестія между народомъ, распространеніи истинной вѣры между никоніанами и др. иновѣрцами, а только деньги наживаютъ.— „Пойдемъ туда!—сказалъ онъ мнѣ.— Тамъ мы скоро сдѣлаемся попами, потомъ будемъ архіереями, и тогда мы иначе поставимъ дѣло на счетъ распространенія нашей вѣры. Мы не дадимъ врагамъ нашимъ срамить ее, печатать о ней вся-

кое зло, а сами будемъ печатать противъ никоніанъ цѣлыя книги. Тамъ это можно дѣлать. Купцы наши поддержать насъ; они только не начитанные люди, заняты своей торговлей, а деньгами они подѣлятся на всякое доброе дѣло“. Алеша наэлектризовалъ меня, какъ нельзя больше, и мы, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшились съ нимъ вдвоемъ отправиться за границу и тамъ начать свое великое служеніе дѣлу раскола. Стали мы придумывать, какъ намъ выбраться изъ Саратова? Положили хранить свой уходъ въ секретъ, исподволь готовиться къ предстоящему путешествію и копить деньги. Мой Алеша, хотя и слылъ у насъ праведникомъ, никогда не сходящимъ со двора, оказался очень опытнымъ человѣкомъ и зналъ Саратовъ, какъ свои 5 пальцевъ. Однажды онъ спросилъ меня:

— Есть ли у тебя деньги?

Я отвѣтилъ, что есть.

— Дай мнѣ 25 рублей! Нужно заказать паспорта.

— Да, вѣдь, въ думѣ надо выправлять-то ихъ?—робко замѣтилъ я ему.

— Чудакъ! Нешто безъ отца дадутъ тебѣ тамъ паспортъ? А отецъ, конечно, тебя не пуститъ со мною, да и меня-то задержитъ тогда: у меня тоже, вѣдь, нѣтъ паспорта, а въ деревнѣ не дадутъ, потому—за мной солдатчина. Это дѣло надо повести иначе.

— Какъ же ты устроишь?

— Есть у меня тутъ въ Затонѣ секретный человѣчекъ, который такіе поспорты работаетъ, что не отличишь отъ настоящихъ. Куда хочешь ступай съ нимъ! Да, вѣдь, это такъ себѣ, на всякій случай, а дорогой-то мы будемъ держаться своихъ христіанъ: у нихъ и ночуемъ, и покормимся вплоть до границы. А границу перешелъ,—не надо и паспортовъ: тогда мы будемъ ужъ не русскіе, а тамошняго царя подданные.

Я выдалъ ему деньги, и онъ пошелъ отъ меня въ Затонъ заказывать паспорта. Когда Алеша повернулъ съ Приютской на Московскую улицу, я догналъ его около Киновійской церкви и говорю ему: „Алеша! свой ли христіанинъ будетъ дѣлать намъ паспорта? Какъ бы онъ не донесъ на насъ?“—„Не бойся,—сказалъ Алеша,—онъ тоже придерживается нашего благочестія. Нешто онъ будетъ доносить, чудакъ этакій!“

Дружба съ Алешей настолько стала у меня тѣсной, что мы постоянно были вмѣстѣ, каждый день видѣлись и всегда говорили наединѣ. Такъ продолжалось отъ Пасхи до сентября мѣсяца. За нами стали слѣдить, сближеніе наше и уединенные разговоры стали подозрительны. Тогда Алеша сказалъ: „надо собираться въ дорогу“. И велѣлъ мнѣ прійти къ нему вечеромъ. Прихожу. Онъ закрылъ ставни у окошекъ своей кельи, вынулъ изъ сундука листъ бумаги и сталъ показывать мнѣ маршрутъ будущаго путешествія.—Изъ Саратова мы на пароходѣ спустимся до Царицына,—говорилъ онъ. Отсюда переберемся на Донъ, въ Новочеркасскъ и проживемъ у казаковъ нашихъ. Народъ этотъ простой, добрый и хлѣбосольный. Пока въ Саратовѣ хватятся насъ, мы прикроемся у нихъ, проживемъ, наберемъ себѣ деньжонокъ на дорогу. Кстати, я размѣняю у нихъ и бумажки Затонскія.

— Какія бумажки?—спросилъ я.

— Чудакъ ты! Вотъ какія, смотри...

И подалъ мнѣ пачку денегъ, въ которой были бумажки 10, 5 и 3 р. достоинства. Бумажки были новенькія.

— Ужели это фальшивыя?

— А то какія же!

Я не зналъ толка въ бумажныхъ деньгахъ, потому что мало имѣлъ ихъ въ рукахъ. Жалованье попечитель моленной обычно платилъ мнѣ мѣдными и серебряными деньгами, доходъ отъ богомольцевъ шелъ тоже такой монетой: выше рублевой бумажки у меня и въ рукахъ никогда не бывало.

— Такъ вотъ эти деньги мы спустимъ на Дону,—казаки простоваты и своему христіанину повѣрятъ. Себѣ вымѣняемъ настоящихъ денегъ и тогда двинемся на Одессу, въ Кишиневъ и Измаилъ. Тутъ ночью свои же христіане переправятъ насъ по секрету за границу. Вотъ и вся исторія! Понялъ?

— Понялъ, говорю ему.

— Такъ не трусь. Паспорты готовы; завтра приходи ко мнѣ, мы сходимъ съ тобою и возьмемъ ихъ. Деньги есть?

— Есть.

— Сколько?

— Рублей полтораста.

— Отлично, и у меня рублей 100 есть своихъ настоящихъ, да бронзовыхъ рублей на 500.

На слѣдующій день мы отправились съ Алешей въ Затонъ. Погода стояла грязная; шелъ дождь. Мною овладѣла какая-то робость, и я пошелъ съ неохотою. Алеша замѣтилъ это.— „Да что ты трусишь-то? Чудакъ, право!—говорилъ онъ. Коли не хочешь итти къ нему, такъ я одинъ схожу, а ты подожди меня здѣсь“. Въ это время мы вошли на Казанскій мостъ. Я остановился и говорю: „ступай Алеша, одинъ: я не пойду дальше, боюсь... И остался ждать его на Казанскомъ мосту. Алеша зашагалъ по грязи набережной въ глубь затонскихъ строеній и скрылся. Долго я ждалъ его, стоя то на мосту, то прижавшись къ стѣнѣ дома купца Багаева. Почему я не убѣжалъ домой, не могу опредѣлить и по сіе время. Я былъ объятъ такимъ паническимъ страхомъ, что прикрикни на меня городской, возьми въ руки и допытайся, я непременно все рассказалъ бы ему и покаялся. Но показался Алеша, и я ободрился, сталъ смѣлѣе и значительно воспрянулъ духомъ.

— Что ты долго?—спросилъ я.

— Да угостилъ водочкой на прощаньи.

— А развѣ ты пьешь ее, Алеша?

— Пью.

Дѣйствительно, онъ былъ на-веселѣ и тотчасъ повелъ меня въ портерную лавку. За бутылкою пива я опять спросилъ его: почему же онъ не пилъ водки въ домахъ купцовъ?— Чудакъ! отвѣтилъ онъ. Тогда купцы иначе смотрѣли бы на меня, чѣмъ теперь. Твой отецъ пьетъ въ открытую, и его за это не любятъ. Надо по секрету все это дѣлать, чтобы не примѣчали.

Выпили мы съ Алешей 2 бутылки пива, и онъ вошелъ въ градусы.— „Эй, чертово рыло! Еще давай пива,— крикнулъ онъ на мальчика. Подали. Я до этого ничего не пилъ спиртного и потому отказался отъ компаніи.

— Пей, чортъ этакій! Будемъ кутить, а потомъ—и въ архіереи...— шумѣлъ онъ.

Пиво разобрало Алешу; ему стало жарко; онъ разстегнулъ свою бекешку, снялъ шарфъ, но ему и тутъ было душно. Я то и дѣло подливалъ Алешѣ пиво, чтобы поскорѣе кончить

и уйти домой. Не тутъ-то было! Алеша затынулъ пѣсню; „Среди долины ровныя“... У старообрядцевъ не принято пѣть пѣсни, и потому я ни одной не зналъ ихъ, даже не слышалъ ихъ въ домахъ старообрядцевъ. Нѣтъ въ обычаѣ и ругаться у нихъ. Можете послѣ этого представить себѣ, какъ я взглянулъ на Алешу, когда услышалъ отъ него слово „чортъ“ и потомъ пѣсни, которыя у старообрядцевъ называются бѣсовскими. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: бѣжать отъ него, или дожидаться? Разомъ порвалось во мнѣ всякое довѣріе къ нему и къ его замысламъ. Мой кумиръ, идеаль рушился и разбился въ дребезги. Исчезла и Бѣлая Криница, и архіерейство, и всякое служеніе расколу. Эхъ, Алеша, думалъ я: вонъ ты какой человѣкъ! Пожалуй, этакъ и свяжутъ съ тобой. Но мой Алеша, склонившись на руку, дралъ себѣ пѣсни. Вдругъ къ нашему столу подошла какая-то дѣвушка. Алеша кинулся къ ней, усадилъ ее съ собой за столъ, сталъ угощать пивомъ,— дѣвица не отказывалась. Я былъ пораженъ и удивленъ. Случайно-ли вошла эта фея, или Алеша нарочно посылалъ за нею тихонько отъ меня—не знаю. Я растерялся и не зналъ что дѣлать. Между тѣмъ Алеша потребовалъ еще пива, началъ обнимать дѣвицу, цѣловаться съ ней; я схватилъ фуражку и убѣжалъ изъ портерной. Алеша и дѣвка кинулись за мной, что-то кричали мнѣ вслѣдъ, но я, сломя голову, бѣжалъ по ввозу, пробираясь на Московскую улицу.

Черезъ день Алеша пришелъ ко мнѣ и, вызвавъ меня на улицу, повелъ въ городской садъ къ кафедральному собору. Здѣсь въ глухой аллеѣ онъ показалъ мнѣ 2 паспорта, написанныхъ на гербовой бумагѣ.—„Вотъ онѣ, вывѣски-то наши“—сказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на нихъ и прочиталъ: одинъ написанъ на имя Іліи Васильева Богородскаго, а другой—Петра Ѳедорова Кириллова.

— Это что же, Алеша?—спросилъ я.

— Паспорты!

— Чьи?

— Развѣ не видишь по годамъ-то? Ты—Петръ, а я Ілья.—

— Да зачѣмъ же это?

— А затѣмъ: коли искать насъ стануть, то не скоро доищутся: примѣты одни, а люди—другіе. Ищи въ полѣ вѣтра.

— Не хорошо это, Алеша. Все обманъ и ложь вездѣ—совѣстно какъ-то!

— Чудакъ же ты! Вѣдь это совѣстно предъ своими христіанами, а никоніанъ-то развѣ можно стыдиться? Они наше христіанство, аки жида, мучають, тираняють всячески, и мы же, по твоему, должны почитать ихъ и стѣсняться. Напрасно ты такъ думаешь. Впрочемъ, объ этомъ мы еще потолкуемъ, а теперь я пришелъ тебѣ сказать: завтра собирайся, приходи ко мнѣ, и мы уѣдемъ. Ничего не бери съ собою: ни подушки, ни одежды, чтобы дома не замѣтили. Возьми однѣ деньги, а паспорта я буду держать при себѣ.

— Боязно, Алеша, пускаться въ такую даль и страну, намъ невѣдомую,—замѣтилъ я. И мы разстались.

Несмотря на молодые годы, ночь эту я провелъ чрезвычайно тревожно. Я плакалъ и молился, прося Бога вразумить меня, какъ мнѣ поступить? Мнѣ жалко было покинуть родителей, родину—Саратовъ, изъ котораго доселѣ я отъ рожденія никуда еще не выѣзжалъ. Но прельщала и Бѣлая Криница, и будущее при ней или около нея служеніе дѣлу пропаганды. Страшила и дальняя дорога, и самъ Алеша, котораго, вмѣсто прежняго обожанія, я теперь сталъ бояться и видѣлъ въ немъ многое нехорошее. Завезеть, оберечь и бросить на чужой сторонѣ, думалъ я. Но не было силъ порвать съ нимъ свои связи. Алеша точно парализировалъ мою волю и дѣлалъ изъ меня, что хотѣлъ. Скажи я отцу объ этомъ, Алешу тотчасъ выгнали бы изъ дому; не приходи онъ самъ ко мнѣ, я тоже не пошелъ бы къ нему послѣ свиданія въ портерной. Но Алеша не отставалъ отъ меня и тащилъ за собою. Съ его приходомъ я измѣнялся, терялся и весь подчинялся его руководству. Я и боялся его, а силъ не имѣлъ отстать отъ него. И онъ, вѣроятно, хорошо зналъ это свое вліяніе на меня. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, я живо собрался и готовъ былъ къ уходу. Всѣ деньги, какія были скоплены у меня, находились въ серебряной монетѣ и лежали въ шкатулкѣ. Я позвалъ Алешу въ чуланчикъ, въ сѣни.—„Какъ же это? Такія деньги неудобно возить въ дорогѣ. Что ты не сказалъ раньше!“ сердился онъ. По совѣту

его, я бросилъ шкатулку и нагрузилъ деньгами всѣ карманы. Ни съ кѣмъ не прощаясь, вышли мы со двора и пошли по Царицынской улицѣ, спустились къ окружному суду и далѣе до Кузнечной, къ моленной австрійцевъ. Войдя въ келью, Алеша сшилъ мнѣ изъ носового платка мѣшочекъ, и я высыпалъ изъ кармановъ все свое серебро, котораго, какъ сейчасъ помню, насчиталъ 156 рублей. Послѣ этого мы помолились Богу, поцѣловались и дали слово не оставлять одинъ другого во всю жизнь. Затѣмъ пошли на пароходъ. Около почтовой конторы Алеша вдругъ остановился и говоритъ мнѣ: „а, вѣдь этакъ съ мѣшкомъ-то подозрительно будетъ. Надо серебро твое спустить къ черту и обмѣнять на бумажки. Поѣдемъ въ Затонъ, тамъ мой знакомый дастъ за нихъ 1000 рублей.“ Я отказался.

— Ну, давай мѣшокъ, я одинъ съѣзжу къ нему!

Я не далъ мѣшочка съ деньгами.

— Чортъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ! Идетъ на кандалы, а всего труситъ. Жди на берегу, у Самолета, я съѣзжу и его привезу сюда.

Не успѣлъ я сказать ему, что не надо и этого, какъ Алеша сѣлъ на извозчика и быстро укатилъ отъ меня.

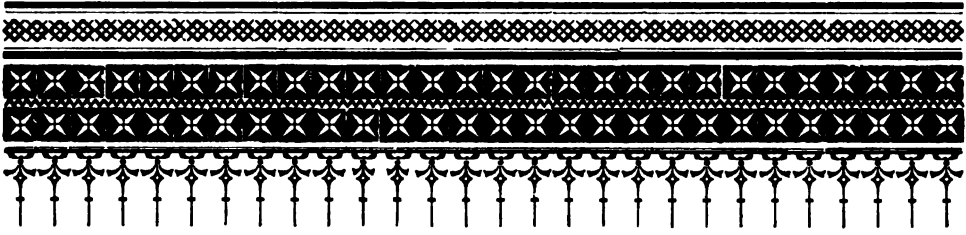
Я пошелъ было къ пристани, но раздумалъ, вошелъ въ „Собачьи лапки“, сѣлъ на скамейку и раздумался.—Ужели я и въ самомъ дѣлѣ на кандалы иду? Ужели вмѣсто Бѣлой Криницы придется сидѣть гдѣ-нибудь въ острогѣ? Морозъ пробѣжалъ по моей шкурѣ отъ одного этого слова. Я вздрогнулъ, поморщился... Острожниковъ я часто видѣлъ на улицѣ, скованныхъ цѣпями, бритыхъ и въ сѣрыхъ халатахъ, и они производили на меня сильное впечатлѣнiе. И я тогда буду гремѣть цѣпями, и также на посмѣшище людямъ шагать по улицамъ города! За что? Къ чему и для чего я иду? Кто такой этотъ Алеша, который такъ ловко свергѣлъ и уговорилъ меня итти съ собою? Считался у насъ „святошей“, „праведникомъ“, отъ дѣвокъ отплевывался, игры съ ними считалъ за великiй грѣхъ, насъ всегда ругалъ и осуждалъ за это, а теперь и водку пьетъ, и „чортомъ“ ругается, и отъ дѣвокъ не прочь, да еще какихъ?—самыхъ потаскушныхъ, еретичекъ, которыя и на христіанку не похожи. А Алеша цѣ-

ловаль еѣ, негодницу, блудницу... Ишь: и деньги фальшивыя разыскалъ, и паспорта добылъ... Ужь не острожникъ ли онъ самъ-то? Гдѣ онъ съ такими людьми познакомился? На кандалы! Это правда... Былъ въ одномъ имени, теперь поѣдешь по другому имени, какимъ-то Петромъ... Петромъ сталъ! Да какъ же безъ крещенья жить по другому имени? Не ладно что-то склеилось все это... Видно ты, Алеша, сорви-голова! Нѣтъ, не пойду я въ кандалы. Богъ съ тобой! Иди ты одинъ, а я тебѣ не товарищъ. Слезы потекли у меня изъ глазъ, я вскочилъ со скамейки и пустился бѣжать домой.

Алеша навсегда пропалъ изъ Саратова. На другой день, въ субботу, собрались ко всенощной, а Алеши нѣтъ. Доложили попечителю моленной.—Куда же онъ дѣвался?—спрашивалъ послѣдній у живущихъ на дворѣ. Никто не могъ отвѣтить ему.—А, вѣдь, я далъ ему 100 рублей впередъ для отсылки родителямъ его,—сказалъ попечитель. Написали въ Копены, къ своимъ христіанамъ, но оттуда сообщили, что никакого Алеши у нихъ нѣтъ, и никто изъ ихъ общества въ Саратовъ не уходилъ. Алеша оказался просто какимъ-то проходимцемъ, мошенникомъ, умѣющимъ, гдѣ нужно, выдавать себя за святошу-праведника. И онъ отлично сыгралъ эту роль между нашими старообрядцами. Ему ввѣрились, полюбили его, принимали въ свои дома, желая послушать отъ него назидательное слово. А Алеша былъ себѣ на умѣ: расточая свои душеспасительныя слова въ домахъ старообрядцевъ, онъ не забывалъ свести разговоръ на денежную помощь и выпрашивалъ, гдѣ въ долгъ, гдѣ просто безъ отдачи. И ему давали, какъ Божьему человѣку, праведнику, дѣвственнику, молящемуся за все общество и постоянно читающему слово Божіе. Когда вѣсть о побѣгѣ Алеши распространилась по всѣмъ старообрядцамъ, то выплыло наружу, что кое-кого онъ пообчистилъ-таки порядкомъ. Прежде всего онъ обобралъ старухъ во дворѣ моленной, зная, у которой 25 рублей, у иной 10 р.,—сколько удавалось гдѣ. Потомъ долги его оказались среди прихожанъ, гдѣ онъ менѣе стѣснялся и занималъ 50 и даже 100 рублей. Въ общемъ онъ набралъ болѣе тысячи рублей. Кредиторы, одни махнули рукой, другіе пошумѣли, обвиняли попечителя, что принимаетъ во дворъ моленной безъ разбора, безъ паспорта и не спросивъ

даже фамилии. Но тѣмъ дѣло и кончилось: Алеша пропалъ и канулъ въ вѣчность. Добрался ли онъ до Бѣлой Криницы, получилъ ли онъ тамъ архіерейство и вообще былъ ли онъ даже раскольникомъ, вопросы эти остались безъ отвѣта. Попечитель написалъ о немъ въ ближайшія общества: Царицынъ, Дубовку, Вольскъ, Хвалынкскъ, но нигдѣ Алеша не появлялся и его не видѣли.

XLVI.

СУМАСШЕДШІЙ ВАВИЛА.

ь сентябрѣ мѣсяцѣ 1892 года состоялось распоряженіе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о высылкѣ изъ г. Ставрополя на Кавказѣ въ Карскую область пропагандистовъ штунды, мѣщанъ: Бабіенко, Новосильцева, Голощاپова и др. Лица эти вполнѣ заслуживали этой высылки, какъ самые зловредные и отъявленные фанатики. Проживая въ Ставрополѣ, они безцеремонно ходили по дворамъ, собирали народъ и толковали свое еретическое ученіе. Въ то же время они ни за что не хотѣли бесѣдовать съ православными священниками, и, когда тѣ призывали ихъ на бесѣду, они отзывались то болѣзнью, то недосугомъ, то прямо говорили, что нечего имъ бесѣдовать съ попами, такъ какъ они, штундисты, содержатъ православную вѣру, а попы проповѣдуютъ въ церкви ересь.

Бабіенко—житель Кіевской губ.—былъ и сосланъ въ Ставрополь за пропаганду штунды. Мѣстное начальство, какъ свѣтское, такъ и духовное, долго недоумѣвало, почему Бабіенко сослали въ Ставрополь—городъ чисто православный. Если пребываніе его въ Кіевской губ. среди православныхъ людей

найденно было опаснымъ и вреднымъ, то какой же опасности подвергалось и мѣстное православное населеніе г. Ставрополя? Тамъ, у себя на родинѣ Бабіенко могъ только учить своему заблужденію, а здѣсь, озлобленный, лишенный родины, онъ, кромѣ того, выдавалъ себя страдальцемъ за вѣру, мученикомъ, поборникомъ истины и уже становился болѣе опаснымъ и вреднымъ церкви, чѣмъ онъ былъ въ Кіевѣ. Бабіенко былъ грубъ, дерзкій на слово, ругалъ и церковь, и духовенство, какъ творящихъ волю антихриста. Съ первыхъ же словъ бесѣды Бабіенко выходилъ изъ себя, тряся, точно въ лихорадкѣ, ругался и готовъ задушить своего оппонента. Все это побудило мѣстное начальство обратить свое вниманіе не еретика Бабіенко и его учениковъ и ходатайствовать предъ кѣмъ должно объ удаленіи ихъ изъ г. Ставрополя въ страну армянъ, черкесовъ и др. восточныхъ людей. Ходатайство это было уважено: Бабіенко и его помощники были арестованы и заключены въ тюрьму. Понятно, это встревожило сектантовъ, которыхъ онъ успѣлъ уже развести въ Ставрополѣ за 6 лѣтъ своей жизни, муравейникъ ихъ закопошился, и они стали думать,—что дѣлать? Послали гонцовъ по станицамъ, въ сектантскія общины, разбросанныя по всему Сѣверному и Южному Кавказу. Сектанты съѣхались въ г. Ставрополь, составили собраніе и начали толковать между собою. Одинъ изъ сектантовъ сказалъ: Братіе! когда апостола Петра язычники ввергли въ темницу, вся церковь христіанская стала молиться о немъ, чтобы Господь извелъ его изъ темницы. И молитва церкви спасла апостола Петра отъ узъ темничныхъ. Петръ былъ освобожденъ св. ангеломъ и поставленъ въ среду христіанъ. Такъ и мы теперь должны молиться о своихъ наставникахъ, которые право возвѣщали намъ слово Божіе и за это, заключены въ темницу. Много можетъ молитва праведнаго помочь нашимъ страдальцамъ“. Ораторъ смолкъ, слышались голоса: „Молиться надо! Постъ нужно понести!“ На этомъ собраніи рѣшило. Объявленъ былъ трехдневный постъ и постоянная молитва въ общемъ собраніи сектантовъ. 3 дня и 3 ночи молились сектанты о своихъ страдальцахъ, прося Бога, чтобы онъ внялъ ихъ молитвѣ и послалъ ангела вывести ихъ учителей изъ Ставропольскаго тюремнаго замка; 3 дня и 3 ночи они несли

строгий постъ, вкушая малость воды и сухого хлѣба, и то одинъ разъ въ день. Но увы! напрасно взывали сектанты: ангелъ не сошелъ съ неба и не освободилъ ихъ учителей изъ тюремнаго замка. Казалось, что сектанты должны бы вразумиться этимъ фактомъ, должны бы убѣдиться, что ересе-учители ихъ не святые апостолы, а такіе же заблуждавшіеся люди, какъ и сами они; но нѣтъ, сектанты такъ были увѣрены, что молитва ихъ достигнетъ своей цѣли, что, по прошествіи 3-хъ дней засѣли въ своей моленной и стали глядѣть въ окна, ожидая своихъ наставниковъ. Наставники не приходили. Прошелъ день; сектанты рѣшили, что ночью ангелъ непременно освободитъ ихъ изъ темницы, такъ какъ и апостоль Петръ былъ освобожденъ изъ темницы не днемъ, а ночью. Но прошла и ночь, а наставники сидятъ себѣ въ тюрьмѣ. Послали навести справку: дѣйствительно-ли іерархи ихъ сидятъ въ острогѣ? Посланный вернулся и, къ ужасу сектантовъ, сообщилъ, что учителей ихъ дѣйствительно вывели изъ темницы, только не ангелы, а солдаты, и вывели ихъ не затѣмъ, чтобы отпустить домой, а препроводить ихъ, согласно распоряженію правительства, въ Карскую область, этапнымъ порядкомъ. Мигомъ вскочили сектанты и побѣждали проводить своихъ наставниковъ и посмотрѣть на нихъ въ послѣдній разъ. Фактъ былъ налицо: сектантамъ пришлось только плакать и руками разводиться.

Проводивъ наставниковъ за городъ, сектанты собрались въ моленную и стали разсуждать: почему молитва ихъ оказалась безсильною и не произвела надлежащаго дѣйствія?— „Всѣ-ли мы, братіе, были въ чистотѣ во время молитвы?“—спросилъ одинъ сектантъ.—„Надо узнать“, раздались голоса. И стали сектанты шептаться и переглядываться между собою.—„Говорите, не скрываясь! Говорите по правдѣ!“—вставилъ старикъ.

— У меня въ животѣ хрюкало, на манеръ поросятъ... Больно было... часто выходилъ изъ собранія подъ сарай,—робко заявилъ одинъ сектантъ.

— Не это, братіе!—замѣтилъ старикъ.—Это по тѣлу недостатки, а укажите по духу. Духъ главное, а тѣло—персть и земля.

— Я, старики, молился не съ чистыми помыслами,—сказалъ другой сектантъ.—Я молился о нашихъ страдальцахъ, а

самъ думалъ о земномъ, думалъ: вотъ я провожу здѣсь время, а дома нужно хлѣбъ молотить и поскорѣе продать. Цѣна-то больно хороша. Давно ужъ мы не продавали за такую цѣну. Каюсь въ этомъ, старики. Можетъ этотъ грѣхъ и повредилъ нашей общей молитвѣ.

— Конечно онъ!—закричали сектанты.

— А я, братіе, думалъ о своей женѣ. Молился, а самъ думалъ, почему это Господь не обратитъ ее въ нашу вѣру? Сколько ни говорилъ я ей свои истины—упирается, какъ быкъ. Я и руки накладывалъ на нее, и голодомъ морилъ—ничего не беретъ,—сказалъ третій.

— Это тоже грѣховная препопа,—замѣтило собраніе.—Вотъ она и выясняется причина-то. А то какъ бы при нашей истинной вѣрѣ, да не исполниться нашему моленью. Трудились не мало, а вышло ничего.

— Простите, отцы и братіе, и у меня была нечистота въ помыслахъ,—выступилъ четвертый сектантъ.—Стоя на молитвѣ, я держалъ въ умѣ, какъ бы не украли у меня гнѣдого мерина. Разъ уже вводили...

— Нечего, братіе, и пытаться дальше,—авторитетно замѣтилъ старикъ.—Видно у многихъ изъ насъ нечистые помыслы были.

— Такъ видится, отцы,—вставили другіе.

— Вотъ что, братіе, скажу вамъ,—поднялся молчавшій доселѣ старикъ съ большой бородой.—Всѣхъ христіанъ подвести подъ одно правило нельзя и трудно, потому и молитва наша не утрафилась въ линію и вышла безъ толку. Я одинъ принимаю на себя трудъ молиться за нашихъ страдальцевъ, и молитва моя подѣйствуетъ. Нужды нѣтъ, что ихъ угнали теперь; Богъ восхититъ ихъ изъ рукъ враговъ въ дорогѣ. Я буду молиться 2 недѣли, буду поститься, и тогда увидите пользу.

— Будь отецъ родной! Прими на себя такой подвигъ! А то мы люди немощные... Вѣнецъ отъ Христа тебѣ за это!—кланялись сектанты старику.

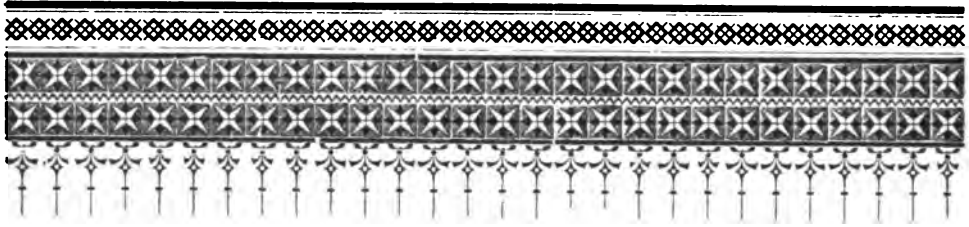
Прошла недѣля. Старикъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, и только молится. Сектанты смотрятъ на него съ умиленіемъ и благоговѣютъ. Старикъ даже заперся въ своей хатѣ. Придутъ

сектанты къ двери, постучать въ нее, спросятъ: „живъ-ли, старецъ Божій?“—„Живъ“, отвѣчаетъ онъ. И сектанты уходятъ. На слѣдующей недѣлѣ старикъ сталъ поражать своихъ посѣтителей: то онъ промолчитъ на ихъ вопросъ, то выругаетъ ихъ „чертями“, обзоветъ „антихристами“, или же скажетъ такое трехэтажное ругательное слово, что сектанты втупикъ стануть. Дивуются надъ богомольцемъ, понять не могутъ его странностей и соблазнительныхъ поступковъ. Наконецъ, старикъ отворилъ дверь и предсталъ предъ глазами сектантовъ. Видъ его былъ ужасенъ: глаза мутные, волосы всклоочены, одежда изорвана.—„Антихристы! Иродово племя! Черти оголтѣлые!“ кричалъ онъ на сектантовъ. И принялся лупить ихъ палкой направо и налево. Палку скоро вырвали у него; тогда онъ пустилъ въ ходъ кулаки и давалъ одному зуботычину, другому—дралъ волосы.—„Христось съ тобой! Что ты, Вавила Сидорычъ! Образумься...“ говорили потерпѣвшіе. Но обезумѣвшій Вавила ругался, какъ извозчикъ, лупилъ кулаками во что попало. Словомъ, старикъ буйствовалъ на пропалую. Ясно было, что старикъ перемѣнился и психически былъ разстроенъ. Послали за докторомъ, и послѣдній констатировалъ фактъ, что старикъ сошелъ съ ума. Вотъ тебѣ и богомольецъ! Запостившагося молитвенника докторъ приказалъ отправить въ Ставропольскій военный госпиталь, гдѣ мы его и видѣли.

Такъ кончились попытки сектантовъ возвратитъ къ себѣ начетника Бабіенко, возвратитъ его чудеснымъ образомъ, при помощи ангела и по повелѣнію Божію. Пропалъ и постъ, и молитва, пропали всѣ труды сектантовъ понапрасну.

XLVII.

КИМВАЛЫ ЗВЯЦАЮЩІЕ.

12 мая 1896 года, въ праздникъ св. Троицы, старообрядцы бѣглопоповской секты с. Казачьей Пелетьмы, Мокшанскаго у., Пензенской г., собравшись въ свою моленную, тихо, мирно совершали богослуженіе, состоявшее, вмѣсто литургіи, которую у нихъ некому было служить, изъ обѣдницы (часы съ чтеніемъ Апостола и Евангелія) и особаго молебна праздника св. Троицы, и разошлись по домамъ. Всѣ старообрядцы были спокойны, веселы и въ мирномъ настроеніи духа. Служба въ моленной прошла покойно, безъ всякихъ волненій, ругательствъ, остановокъ, что рѣдко бываетъ у старообрядцевъ. Уставщики не ссорились, не дрались книгами; чтецы читали громко и внятно и не врали слова, вмѣсто „отъ облистанія“, — „отъ обрестанія“ и пр. въ этомъ родѣ; пѣвцы пѣли стройно, дружно, всѣ тянули въ одинъ голосъ, а не сбивали одинъ другого; бого-

мольцы, если и выходили на дворъ моленной, то именно только затѣмъ, чтобы освѣжиться, отдохнуть отъ долгой службы, и никакихъ инцидентовъ съ дѣвицами и женщинами, подъ покровомъ ночи, и въ разныхъ углахъ двора не было, такъ что надсмотрщику за службою, никого не пришлось въ это время отхлестать своей толстой ременной лѣстовкой. Никто не спалъ во время „поученій“, и читальщику не пришлось прекращать чтеній и хлестать лѣстовкой дремавшихъ и спавшихъ во всѣ носовыя завертки богомольцевъ. Словомъ, все было чинно, по уставу, тихо и покойно. По этой причинѣ одинъ изъ богатыхъ богомольцевъ крестьянинъ Николай Беззатѣевъ рѣшилъ угостить своихъ пѣвцовъ и пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать.

— Милости прошу, духовныя птички, къ моему хлѣбу-соли, — привѣтствовалъ хозяинъ дома. — Воспойте, пока што бабы дадутъ.

Пѣвцы пропѣли: „Днесъ благодать св. Духа насъ собра“... и др. стихиры праздника

На столѣ явился графинъ съ водкой, закуска...

— А ну-ка, златострунные органы, приступите къ сему источнику, — пригласилъ хозяинъ, показывая на графинъ. — Труда ради бдѣннаго разрѣшается и сіе...

— Воистину тако! — отвѣтилъ пѣвецъ Лотаевъ. — Пей вино стомаха ради и недуговъ твоихъ, поучаетъ св. апостоль Павелъ Тимоѳея.

— Да, св. отцы не облыжно прорекли сіе, — замѣтилъ хозяинъ.

Пѣвцы выпили.

— Повторите, поющіе и вопіющіе гласомъ велимъ, — предлагалъ хозяинъ. — Самъ уставъ церковный повелѣваетъ нынѣ выпить по 2 чаши, а мы пьемъ рюмочками.

Пѣвцы вторую выпили.

— Усугубьте возліаніе...

— Спаси Христось, Николай Семенычъ, за твое христіанское добросердечіе, — отвѣчали пѣвцы и вплотную присѣли къ графину, который вскорѣ опустѣлъ.

Угостивъ пѣвцовъ, Беззатѣевъ пригласилъ ихъ къ обѣду. Обѣдъ затянулся на долгіе часы. Пѣвцы начали хвалиться

своими голосами и каждый выставлялъ свой голосъ сильнѣе другого. Чтобы отвлечь пѣвцовъ отъ спора, хозяинъ предложилъ имъ вопросъ: какъ нужно говорить предъ чтеніемъ апостола: „отъ дѣяній“ или же „отъ дѣянія“ св. апостолъ чтеніе? Возникъ споръ по поводу этого слова. Никто славянской грамматики не зналъ и не могъ рѣшить, какъ вѣрнѣе сказать это слово. Каждый говорилъ свое. Шумъ, споръ вышелъ не малый. Вожаки раскола оказались ниже курса своихъ знаній.— „Въ Никоновой церкви надо послушать это слово!“ — сказалъ одинъ пѣвецъ; но его тотчасъ осмѣяли и принялись грызть, позабывъ и самое спорное слово.— „Экое слово выпалилъ! Къ никоновцамъ итти!“ — говорили полупьяные уставщики. „Къ еретикамъ обращаться за совѣтомъ! Ай-ай-ай!“ — „Мы должны поучать ихъ христіанству, а не они насъ“, авторитетно поддакнулъ хозяинъ дома. Наконецъ, послѣднему надоѣлъ весь этотъ споръ и онъ, принявъ начальственный тонъ, сказалъ: „Кимвалы звяцающіе! Слушайте мои глаголы. Хорошо вы поете, да не хорошо то, что уходите изъ моленной во время службы. Начнетъ каѳизма, поученіе, канонъ,—смотришь, то одного пѣвца нѣтъ, то—другого. Одинъ въ кельи у Дарьи, другой съ Марьей. Нешто это служба Божія? Шуры-муры мѣшать съ дѣломъ Божиимъ не годится...

— Мы, Николай Семенычъ, не то што бы этакое, а такъ на счетъ роздыху...—оправдывались пѣвцы.

— Съ дѣвками-то! Да, съ ними отдыхъ хорошій. На што лучше! Не даромъ, Николай-то на Вознесенъе вышелъ въ каѳизму, а пришелъ на „Слава въ вышнихъ Богу“... Отдыхалъ видно?...

— Проспалъ! Такой грѣхъ со всякимъ можетъ случиться,—защищали уставщики своего собрата.

— И я тоже, громогласныя струны, говорю, что съ дѣвками куда какъ хорошо отдыхать. Не токма каѳизму, можно къ ряду 2 всенощныхъ проспять. Знаю я ваши подходы! Лѣвый клиросъ сильно притягиваетъ васъ. Не будь тамъ дѣвокъ, вы меньше глаза-то лупили бы туда. А то: „мене ждуть праведницы“, идя съ книгой кононаришить на лѣвый клиросъ, а самъ глазами мигаетъ, да улыбается кому-нибудь.

— Это вамъ кажется такъ,—защищались пѣвцы.

— Чего кажется! Нешто Федулычъ не разгонялъ уставщиковъ съ дѣвками? Нешто не онъ хлесталъ лѣстовкой Василю и Орину, Ивана и Акулину, которые во время каеизмъ забрались въ кельи, да и полеглись? Изъ вашей это стаи-то, изъ пѣвчей братіи.

— Если, Николай Семенычъ, все это выводить наружу, такъ и изъ вашего полу, изъ богомольцевъ сирѣчь, тоже такія оказіи происходили,—говорилъ пѣвецъ Жуковъ.—Служилъ я въ Саратовѣ, Самарѣ, Горбатовѣ (Нижегород. губ.), такъ видѣлъ всякія дѣла. Иной купецъ затѣмъ и ходитъ ко все-нощной, чтобы въ каеизмахъ побаловать съ дѣвками. Къ часамъ они рѣдко придутъ, потому дневная служба, а тутъ ночь....

— Это примѣръ не подходящій: мы, купцы, или просто богомольцы, стоимъ позади васъ, а не на клиросѣ. Мы—мирскіе люди, а вы—духовные. Вы стоите при св. книгахъ, слово Божіе возвѣщаете намъ,—какъ же вамъ грѣшить-то! Поганому человѣку при такомъ св. дѣлѣ состоять невозможно; нужна чистота и душевная и тѣлесная. А нашъ братъ, если и согрѣшитъ, съ него искать нечего. Уйдетъ изъ моленной и ладно. Безъ него служба останову не можетъ имѣть; а вотъ, ваше дѣло другое, и приравнивать къ намъ себя вы никакъ не можете.

— Это, конечно, Николай Семенычъ, мы—особь-статья; а все же и вамъ, богомольцамъ, не слѣдъ поганить св. мѣста,—стойко возражалъ пѣвецъ, служившій въ городахъ и хорошо знавшій продѣлки богомольцевъ.

— Для того и нанимаемъ васъ, чтобы вы объ насъ молились Богу и очищали нашу скверну. Если бы у меня было время, я самъ молился бы, а то мы при торговлѣ стоимъ, когда тутъ!...—отстаивалъ хозяинъ дома.

— Такъ и мы же люди съ плотью! Святые отцы падали въ грѣхъ, а мы и подавно. Прочтите въ житіяхъ-то ихъ, что было!—вставилъ другой пѣвецъ.

Беззатѣвъ осердился и вспылить.

— Вы—молокососы! Вы должны слушать старшихъ, что они говорятъ вамъ, а не прекословіе творить. Пожили въ городахъ-то, спознались, поди, съ трактирами, да разными тамъ

увеселеніями, вотъ и насобачились. Мнѣ ваше бреханье—плевать, а должны слушать мои слова и дѣлать. Баба моя и то ужъ замѣтила ваши продѣлки съ пѣвицами.

Уставщики струсили и примолкли, боясь, какъ бы ихъ не уволили отъ службы. Одинъ только Жуковъ не отставалъ и лѣзъ на задоръ.

— Когда я жилъ въ Саратовѣ, то у насъ купецъ Артамоновъ и въ трактирахъ бывалъ, и на билліардѣ игралъ, а неугасимыя въ домѣ стояли годовыя: выберетъ получше пѣвицъ, ну, и читаютъ ему псалтырь. А тамъ, глядишь, смѣна: то одну замѣнитъ, то—другую, потому ребенокъ скоро...

— Врешь!—рявкнулъ Беззатѣевъ.

— Ей Богу, такъ было! Да еще увозилъ читалокъ-то въ садъ, аль въ гостинницу, и бражничаютъ съ ними, точно султанъ турецкій.

— Языкъ твой—врагъ твой!—сердито сказалъ хозяинъ, и вылѣзъ изъ-за стола. Пѣвцы послѣдовали его примѣру и распростились.

— Вотъ такъ угостилъ... разсуждали они дорогою. Обѣдъ у богатаго мужика затянулся долго—время было службу начинать. Богомольцы давно уже собрались къ моленной и отъ нечего дѣлать пересуживали своихъ уставщиковъ. Старикамъ и старухамъ было досадно, что Беззатѣевъ не пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, а кормить однихъ пѣвцовъ.

— Вотъ и жди ихъ теперь... Небось, упились, точно свиньи, — сказалъ старикъ-кадильникъ, по фамиліи Крохинъ.

— Что же и дѣлаютъ доселѣ! Знамо, за водкой прокляжуются,—вставилъ другой наставникъ, Крупновъ.

— Пропадемъ, старики, съ такими молитвенниками! Какіе это уставщики! Нешто спасешься съ такими глотами.

— Гдѣ тутъ! Самъ Апостолъ лѣзетъ читать, или Евангеліе, а изо рта, точно изъ винной бочки. Чего ужъ хорошаго...

— Это правда, старики! Имъ не впереди стоять, а назадъ, — соглашались богомольцы.

— Такъ чего же мы ждемъ ихъ? Начинать надо! Дѣвки въ сборѣ, мы и съ ними справимъ службу.

Всѣ согласились, и служба началась.

Въ половинѣ службы въ моленную вошли опьянѣвшіе уставщики.

— Кто смѣлъ начать службу?—закричалъ одинъ.

— Нешто ваше дѣло мѣшаться въ книги?—говорилъ другой.

Служба прекратилась. Уставщики заплетающимися ногами прошли на клиросъ и начали выгонять дѣвокъ, отнимать у нихъ книги, аналой; дѣвки стали сопротивляться, поднялась ссора, ругань, шумъ.

— Безобразники вы этакіе!

— Креста на васъ нѣтъ, окаянные!

— Вонъ отсюда, оголтѣлые пьянюшки!—кричали богомольцы, сгруппировавшись всѣ въ кучу.

Пѣвцы начали отстаивать свое право и защищаться. Богомольцы подошли ближе, чтобы вытащить пѣвцовъ съ клироса. Но едва одного пѣвца схватили, какъ онъ далъ въ рыло богомольцу. За того вступились другіе богомольцы, уставщики ринулись защищать своего собрата. Завязалась драка, ругань; моленная сдѣлалась ареной кулачнаго побоища. Пошли въ ходъ кулаки; дрались за волосы, хлестались лѣстовками, подручниками; били книгами, свѣчами, подсвѣчниками. Уставщикамъ и др. лицамъ порвали кафтаны, халаты, бабамъ—сарафаны, платки. Слезы, крикъ, гамъ, шумъ. На полу валялись иконы, обломки свѣчей, лоскуты платья, разбитыя лампы и пр. и пр.—„За грѣхъ наказалъ насъ Господь такими супостатами!“ вопили старухи. Уставщики ругались непечатными словами. Въ концѣ-концовъ ихъ выгнали, кого таскомъ за волосы, кого въ шею, другихъ прямо вынесли на рукахъ и заперли моленную. Служба эта напоминала въ своемъ родѣ Сицилійскую вечерню на западѣ.

Наставники моленной, Крохинъ и Крупновъ, какъ болѣе другихъ питавшіе вражду къ уставщикамъ, торжествовали теперь. Правда, въ этомъ мордобитіи досталось и имъ порядкомъ, пострадали и ихъ бороды, и халаты, зато и они въ свою очередь не щадили уставщиковъ и колотили ихъ, какъ попало: у всѣхъ уставщиковъ были разбиты носы, фізіономіи ихъ украшены синебагровыми фонарями, платье изорвано въ клочья, лицо, руки въ крови...

Собрался соборъ старообрядцевъ судить уставщиковъ. Рѣшили: выгнать всѣхъ ихъ со службы и отлучить отъ общественной службы, съ наложеніемъ эпитиміи. На сцену выступилъ другой вопросъ: какъ быть безъ уставщиковъ? Оба наставника моленной — Крохинъ и Крупновъ были малограмотные люди, читали по складамъ и могли только крестить, исповѣдывать и причащать частицами сухой просфоры. За службою они кадили и давали возгласъ. Въ этомъ и состояла вся ихъ служба. Порядка службы они не знали. Угощавшій уставщиковъ богачъ-мужикъ Николай Беззатѣевъ всталъ со стула и сказалъ: „Братіе! До 1870 года мы управлялись дѣвицами; уставщиковъ у насъ не было; можно и паки сіе постановить. Отцы будутъ свое дѣло вести, а дѣвицы клиросомъ владѣть. Съ дѣвицами, я полагаю, у насъ складнѣе пойдетъ дѣло. Онѣ будутъ исправнѣе къ Божественному дѣлу, потому, водки онѣ не напиваются, пѣніе и уставъ службы знаютъ, а на счетъ почитанія общества, уваженія,—лучше и сыскать нельзя“. Слова богача-міроѣда поддержали оба наставника и многіе прихожане.

— На што лучше!

— Дѣвицамъ не въ примѣръ сподручнѣе...

— Еще бы! Онѣ и на клиросѣ, онѣ и по упокойнику могутъ псалтырь справить.

— Полы подмыть въ моленной, иконы почистить, подсвѣчники, все это бабѣ лучше, чѣмъ мужику.

— А неугасима? Мужикъ—лодырь! Онъ прочтетъ 3 часа и—Митькой его звали. Онъ скроется и раньше своихъ часовъ не придетъ уже. А ѣсть давай и плати какъ бы за день. А дѣвица прочтетъ свои часы, отдохнетъ и въ домѣ поможетъ.

— Какъ же! Все лишній работникъ при домѣ.

Такъ разсуждали старообрядцы, сведя вопросъ объ уставщикахъ моленной на практическую почву. На этомъ и рѣшили: все дѣло моленной они передали въ руки двухъ прожившихъ дѣвицъ, Степаниды Корнишиной и Агафьи Корешковой, обязавъ первую читать Апостолъ, а вторую Евангеліе. Онѣ должны мыть полъ въ моленной, содержать въ чистотѣ иконы и др. утварь, имѣть достаточное число чтницъ и пѣвицъ; жа-

лованье имъ не платить, а каждый изъ прихожанъ обязанъ доставлять имъ на пропитаніе натурой, у кого что есть, а на платье дарить деньгами. Корешкова и Корнишина были призваны въ моленную, выслушали предложеніе общества и выразили свое согласіе земнымъ поклономъ обществу. Такая почтительность дѣвицъ весьма понравилась старикамъ.

— Мы на васъ всю надежду полагаемъ,—говорило общество.

— Спаси Христось, старички!—кланялись дѣвы.— Постараемся заслужить вамъ и уваженіе воздать.

— Вы намъ уваженіе, а мы питать васъ обязуемся и всякое убогоствореніе.

— А ко мнѣ, Агафья и Степанида, придите на домъ,—сказалъ мироѣдъ Беззатѣевъ.— Я кое-что скажу вамъ, да и награжу по силѣ возможности.

Избранницы чувствовали себя на 7 небѣ.

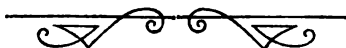
— Вотъ какой чести удостоились, голубыньки!—говорили старухи двумъ уставщицамъ.—Ему только угожденіе сдѣлайте, ужъ онъ засыпетъ васъ своей милостыней. Обстоятельный человекъ! Истовый христіанинъ!

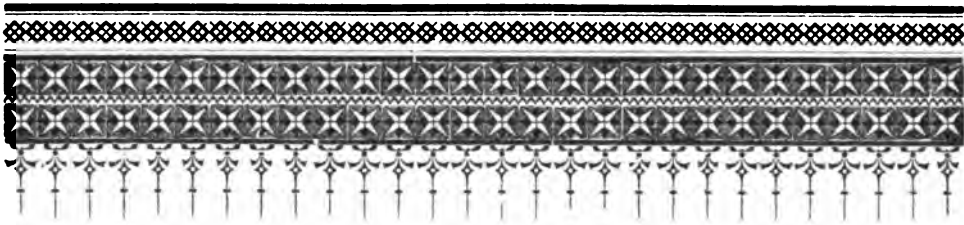
— Какого еще ревнителя по благочестію! Всегда при моленной... вторили другіе.

Соборъ полуграмотныхъ темныхъ мужиковъ разошелся. Уставшики не стали просить у общества прощенія и разбрелись на службу въ другія общества старообрядцевъ. „Кимвалы звяцающіе“,—„громогласные струны и органы“ у старообрядцевъ служатъ безразлично, кто и куда найметъ: сегодня въ бѣглополовской моленной, завтра онъ нанялся къ австрійцамъ, послѣ завтра, если дадутъ дороже, онъ перейдетъ въ третью секту и также будетъ „Божьей дудкой“. Для этихъ лицъ та вѣра бываетъ правой и истинной, гдѣ больше жалованія платять.

Спустя 2 недѣли богачъ Беззатѣвъ поставилъ у себя „неугасимую“. 3 молодыхъ читалки-дѣвушки, командированы были уставщицами читать псалтирь о здравіи раба Божія Беззатѣва. Чтеніе это бываетъ только днемъ, отъ 4-хъ утра и до 8 вечера. Каждая чтца читаетъ 3 часа и потомъ 6 часовъ отдыхаетъ. Беззатѣвъ былъ доволенъ и молитвой, и угожденіемъ читалокъ. Уставщицы и чтцы получали вознагражденіе щедрое.

XLVIII.

БѢГУНЫ ИЛИ СТРАННИКИ.

вана Назарова Васина выбрали старшиною въ своей волости. Онъ былъ богатый мужикъ и держался секты странниковъ—той половины сектантовъ, которая еще не приняла „истинное“ крещеніе, а жила въ міру, занимаясь обычными крестьянскими дѣлами и торговлей. „Истинный“ странникъ тотъ, кто свергнулъ съ себя еретическое крещеніе, вновь окрестился и новое имя воспринялъ и живетъ въ затворѣ, удаляясь соприкосновенія съ еретиками. Такой сектантъ именуется „чистый христіанинъ“, — „богоугодный человекъ“ — „истинный рабъ Іисуса Христа“. Скрываясь въ затворѣ, нося другое имя, онъ не признаетъ надъ собою никакой земной власти, не платитъ никакихъ повинностей, не беретъ паспорта, не работаетъ, и только странствуетъ изъ села въ село, гдѣ

есть его единовѣрцы, чтобы оправдать слово писанія: „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“. Другіе странники, которые еще не могутъ подвизаться такимъ подвигомъ, живутъ, какъ я сказалъ, въ мірѣ, именуются „боголюбцами“, — „угодниками святыхъ“ (т. е. странниковъ въ затворѣ) и кормятъ ихъ въ складчину. Къ числу такихъ-то „боголюбцевъ“ принадлежалъ и крестьянинъ Васинъ, житель с. Нижняго Шкафта, Городищенскаго у., Пензенской губ.

Выбранный на должность правителя цѣлой волости, Васинъ задумался. Онъ не зналъ, принять ему должность или отказаться. Служить царю-еретику, земскому, приставу, служить табашникамъ, бранобрійцамъ и усоѣдцамъ, и отъ нихъ выслушивать приказанія и повиноваться имъ, по странническому закону это было оскверненіемъ; самое зданіе волостного правленія, гдѣ онъ долженъ возсѣдать подъ портретомъ Государя Императора, подписывать и выдавать паспорта разнымъ лицамъ, представлялось ему мѣстомъ еретическаго капища, а паспорта съ орломъ—печатію антихриста. И все это онъ, Васинъ, истовый „боголюбецъ“, долженъ будетъ дѣлать и исполнять? Морозъ по кожѣ пробиралъ его при одномъ воспоминаніи объ этомъ грѣховномъ дѣлѣ.—„Надо будетъ съ стариками совѣтъ держать,—размышлялъ онъ, идя со схода домой. Какъ они порѣшатъ, такъ и будетъ. Тоже и отказаться... Како́й еще выберется! Навяжется,—какъ Митька косо́й, да почнетъ нашу христіанскую, безпаспортную братію ловить и выпроваживать по начальству, тогда будетъ посрамленіе нашей вѣры...

По данной повѣсткѣ, одинъ за другимъ, точно кроты изъ подземелья, выползали отшельники, истинные рабы Христовы, и собирались въ домъ Васина. На дворѣ стояла темная ночь. Окна дома закрыты были ставнями наглухо. Ворота на запоръ, чтобы никто не вошелъ къ нимъ въ распахъ. Кромѣ „чистыхъ“ христіанъ не мало собралось и „боголюбцевъ“. Соборъ вышелъ многолюдный.

— Повѣдай, рабъ Христовъ, почто сіе собраніе?—спросилъ одинъ изъ затворниковъ, старикъ, болѣе 20 лѣтъ уже бѣгающій отъ воображаемаго имъ антихриста, бросившій жену и дѣтей на произволь судьбы.

— Сокрушеніе моего сердца, старче Божій, проистекаетъ отъ собранія мірскихъ, т. е. никоніанъ, которые избрали меня на должность старшины. А вы вѣдаете, какова сія служба, — сказалъ Васинъ, стоя предъ соборомъ мужиковъ и бабъ. Всюду — ересь, скверна, со всякимъ придется бесѣду творить и свое время тратить каждый день по мірскому. Съ однимъ начальствомъ сколько грѣха примешь на свою душу. Порадѣйте, христолюбцы, моему горю! — кланялся Васинъ собору. — Обсудите по писанію, какъ надо поступить, чтобы не нарушить законъ христіанскій.

— Ну, садись, пока, а мы посудимъ, какъ довлѣетъ поступить, — сказалъ тотъ же старикъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана березовой ящикъ, досталъ изъ него очки, надѣлъ ихъ, вынулъ засаленную и загрязненную тетрадку, представлявшую выписку изъ старопечатныхъ книгъ, развернулъ ее, ознаменовалъ себя крестнымъ знаменіемъ, каковому примѣру послѣдовали и всѣ соборяне, и началъ читать.

— И будетъ во дни оны скорбь велія и сѣтованіе на земли и страхъ повсюду. Тогда сущіи да бѣгутъ въ горы. Горы же глаголю, не яже во Іудеи или Іерусалимѣ, иде же обрѣстися возможесть, но глаголю горы, иже Писаніе всякъ имать, тамо да сокровено будетъ твое сердце. Слышишь, Назарычъ!

— Какъ не слышать, родной, все слышу. Только, прости, никакъ не приведу слова-то въ голову. Мудрено что-то.

„Чистые“ христіане — мужики и бабы — покачали головой, заохали, выражая этимъ: прямые, молъ, вы мірскіе люди, вамъ и писаніе-то не идетъ въ голову; „боголюбцы“, напротивъ, сочувствовали своему собрату, какъ тоже ничего не понявшіе изъ прочитанной старикомъ тирады, и посему молчали, ограничиваясь однимъ только вздохомъ.

— Да, Назарычъ, тебѣ писаніе понять не легко. Да и всѣмъ вамъ „боголюбцамъ“, такожде понять трудно, понеже въ міру пребываете и о мірскомъ печетесе. А я прочиталъ изъ писанія то — какъ есть къ твоему сердцу, Назарычъ.

— Ты всегда, старче, на писаніи почиваешь и разумѣешь его, а мы, грѣшніи, въ суетахъ всегда.... Гдѣ намъ постигнуть написанную премудрость? — оправдывался Назарычъ.

— Извѣстно! Мы что — лѣсъ темный! — поддакнули другіе боголюбцы. — Намъ нуженъ протоколъ всякой строки.

— Воистину такъ. Вотъ ты, Назарычъ, повѣдалъ намъ свою скорбь, я и прочиталъ тебѣ отъ Св. Писанія, что скорбь эта и должна быть на землѣ. Нечего и смущаться отъ сего, поелику знаменіе сіе долженствуетъ быть въ человѣцѣхъ

— Какъ же! Время подошло ужъ такое... — поддакнулъ другой изъ странниковъ.

— Антихристово время! Онъ пакостникъ, и воюетъ теперь съ истинными христіанами и учиняетъ всякія козни, — встала здоровая женщина, тоже бѣжавшая отъ мужа и живущая въ затворѣ (что, однако, не мѣшало ей родить 2-хъ младенцевъ).

Старикъ продолжалъ: „Въ писаніи сказано: „да бѣгутъ въ горы.“ Вотъ мы и ушли и подвигаемся Господу Богу во спасеніе себѣ, наипаче же вамъ. Но всѣмъ бѣжать невозможно, нужно кому-нибудь и насъ пропитать. Посему писаніе и тако гласитъ: „искупующе время, яко дніе лукави суть“. Я знаю, что вамъ и это писаніе непонятно, посему наведу свой протолкъ. Писаніе гласитъ: „лукавое время мы живемъ, скорбь несемъ и утѣсеніе отъ антихриста. Испуйте же, братіе, это время.

— Какъ же это — испуйте? — спросилъ Васинъ.

— Искупующе, родимый, искупующе, — наставительно проговорила та же баба (родившая въ подпольѣ). Такъ писаніе глаголетъ: искупующе. Она какъ бы не замѣчала, что своимъ наставленіемъ идетъ въ разрѣзъ съ своимъ наставникомъ, который самъ перефразировалъ это слово.

— Что же откупиться мнѣ отъ сей службы? — спросилъ Васинъ.

— Нѣтъ, Иванушка, нѣтъ; не моги сего дѣла устроить. „Искупующе“ это значить все, что можно сдѣлать ради нашей св. Христовой вѣры. Вотъ, къ примѣру, еретикамъ мы правды не говоримъ, обманываемъ ихъ, что у насъ дѣлается, — это есть „искупующе“. А для чего мы это дѣлаемъ? Чтобы соблюсти своихъ агнцевъ и св. вѣру нашу расширить. Вотъ оно что значить „искупующе“. Теперь вторая статья: тебя избрали въ начальники — иди и служи. Мы за тебя этотъ грѣхъ

умолимъ, а ты будешь насъ защищать. Вотъ тебѣ и „искупуще“. Писаніе-то что глубина морская.

— Конечно, служить надо!—поддакнули всѣ затворники. — По одному поклону если положимъ за тебя, такъ и то вся ересь спадетъ. Зато вѣра Христова не дастся въ поруганье. Мало-ли, вонъ, въ другихъ вѣрахъ служатъ старообрядцы по разнымъ должностямъ, чего не испытываютъ отъ бритоусцевъ и ругателей нашего закона, а претерпѣваютъ. Молитва вѣрныхъ заглаживаетъ все...

— Коли благословляютъ старцы Божіи, служи, Иванъ Назарычъ,—поддакнули и боголюбцы.—Они сымаютъ твой грѣхъ на себя.

— Мірщить, старцы Божіи, придется посудой. Ино къ приставу зачѣмъ, ино—къ земскому, а у нихъ, извѣстно—какая посуда! Собачьи сосуды! Почитаютъ себя за благородныхъ, ученыхъ людей, а въ яденіи и питіи сопричислили себя къ безсловеснымъ животнымъ. Что—собака, что—самъ: все едино. Предложить тебѣ этакъ-то—какъ въ отказъ привести ихъ напитокъ!

— Да, братіе Христіане, Господь малымъ чимъ умалилъ человѣка отъ ангела, а еретики и образъ Божій исказили, и себя совокупили съ животными. Дѣйствуетъ въ нихъ нечестивый, якоже хочетъ,—сказалъ старикъ, главный бѣгунъ.

— Что ужъ объ еретикахъ и говорить-то—пропашій народъ!—подтвердили остальные бѣглецы.

— Скоти безсмысленніи! Образъ имущи человѣка, внутрь чертога сатаны,—сказала бѣгунка.

— За невѣрствіе ихъ Господь ослѣпилъ очеса ихъ. И видяще—не видятъ, и слышаще не разумѣютъ. Мнятся подобіе имѣти христіанъ, но не суще. Избави насъ, Господи, отъ мужей неправедныхъ и развращенныхъ,—заклучилъ старикъ и перекрестился.

Примѣру его послѣдовалъ весь соборъ бѣгуновъ, мнимыхъ странниковъ; всѣ, вздыхая, говорили: „слава тебѣ, Господи,

что ты наставилъ насъ по своей святой вѣрѣ. Сохрани и соблюди насъ отъ душепагубныхъ еретиковъ.

— Такъ благословяете, старцы, на службу выйти?— снова спросилъ Васинь.

— Христось тебя благословить и наставить на доброе дѣло. Беремъ твое заміршенъе на весь соборъ нашей братіи. Служи и не забывай нашей св. вѣры. Въ бесѣды о вѣрѣ не вдавайся ни съ кѣмъ, особенно съ попами,—заклучилъ старикъ. Тоже сказали и другіе соборяне.

Васинь сталъ служить старшиной въ селѣ Шкафтѣ. Слово „искупующе“ онъ хорошо усвоилъ и далъ ему широкое примѣненіе. Для него стало все позволительно: и лесть, и лукавство, и лицемѣріе. Предъ начальствомъ онъ изгибался, заискивалъ, исполнялъ всевозможныя порученія и дѣла по своей службѣ. Какъ старшина, онъ былъ по своей службѣ въ высшей степени аккуратнымъ, трезвымъ, ловкимъ, услужливымъ; надѣясь на молитвы своихъ бѣгуновъ, онъ не чуждался общенія съ еретической властью, а старался заслужить вниманіе съ ихъ стороны. Мѣстное начальство дивилось, что раскольникъ является такимъ общительнымъ человѣкомъ, выглядываетъ не дикаремъ и нерѣдко говорило ему: „Васинь, какъ же это ты держишься раскола? Мужикъ ты російскій, ничего не чуждаешься, бросилъ бы ты свое кулугурство!“ — „По привычкѣ, ваше благородіе, — уклончиво отвѣчалъ Васинь. — Съ измалства нахожусь при старой вѣрѣ, такъ и родители благословили меня“. — Мало ли что родители наговорили тебѣ, но ты самъ мужикъ разсудительный и можешь понимать, что—хорошо, что—ложно“. — „Въ книгахъ не силенъ я, ваше благородіе, а какъ родители, такъ и я. Къ тому же дурного мы ничего не дѣлаемъ—Богу молимся, книги божественныя читаемъ, живемъ трезвѣе, чѣмъ у васъ, на примѣръ“. Откуда мѣстное начальство выводило такое заключеніе, что Васинь является раскола единственно по своей слѣпой привычкѣ и по заученію своихъ родителей. Ничего онъ не знаетъ въ книгахъ, какъ его научили, такъ онъ по своей простотѣ и неуклюжести и слѣдуетъ. И, смотря на него, такое же выводили

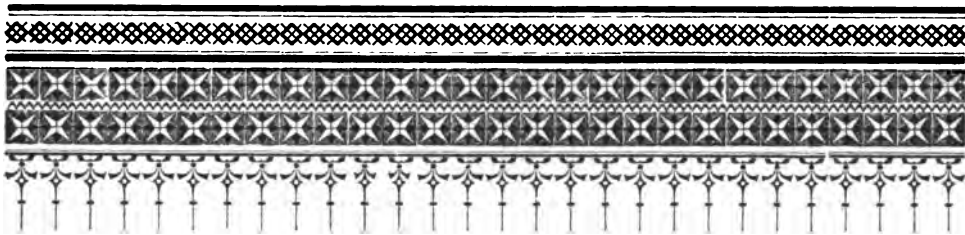
заключеніе и о вѣрѣ его, что и она, вѣра ихъ, ученіе ихъ такое же невѣжественное, безсистемное, и ограничивается одной только преданностью къ старопечатнымъ кожанымъ книгамъ съ мѣдными застежками и молитвой по своему—по четкамъ, двумя перстами и на подручникахъ. Никакого вреда государству отъ этой секты странниковъ или бѣгуновъ свѣтское начальство не усматривало, да едва ли усматриваетъ это и теперь, по крайней мѣрѣ въ своемъ большинствѣ. Довѣряясь словамъ Васина, начальство не полагало, что этотъ, повидимому, простой, безхитростный мужикъ, ничего не понимающій по книгамъ и незнающій—что такое расколъ, въ существѣ дѣла есть злостный раскольникъ, твердо убѣжденный въ правотѣ своего лжеученія, и только предъ ними нарочно прикидывающійся простачкомъ, ничего якобы на знающимъ. Оно не вникало въ сущность ученія Васина, не спрашивало его, въ чемъ именно состоитъ весь кругозоръ ученія его секты, и посему не знало, что Васинъ, на основаніи протолкованнаго ему бѣгунскими старцами слова „искупующе“, лукавитъ, хитритъ, обманываетъ свое начальство, предъ которымъ онъ сегодня изгибается и оказываетъ всякое послушаніе, а завтра въ кругу своихъ „чистыхъ христіанъ“ это же самое начальство онъ вмѣстѣ съ ними честитъ „слугами антихриста,“ — „сынами дьявола“ и, какъ за таковое, онъ не молится о немъ Богу, почему и самую молитву о царѣ „Спаси, Господи, люди твоя“ они передѣлали на свой ладъ и читаютъ, вмѣсто „побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя“ такъ: „побѣды православнымъ христіанамъ на сопротивныя даруя“. Такой двоедушный христіанинъ можетъ ли быть искреннимъ слугою государства? Если онъ измѣняетъ Богу, входитъ въ сдѣлку съ своей вѣрой, фальшивитъ, то правительству, которое онъ считаетъ силою антихриста, онъ и давно измѣнитъ.

Служа начальству и состоя у него въ довѣрїи и милости, Васинъ, въ свою очередь, и самъ начальникъ въ своей волости. Положеніе его даетъ ему смѣлость высказывать правоту своей вѣры тамъ, гдѣ онъ имѣетъ авторитетъ. Сектантамъ онъ покровительствуетъ, бѣглецы и безпаспортные раскольники находятъ у него теплый прїютъ, прибѣжище; онъ укрываетъ ихъ въ под-

польѣ, яко истинныхъ рабовъ Божіихъ, къ православнымъ же относится съ пренебреженіемъ. Раскольника, гдѣ нужно, онъ защититъ, укроетъ, а православнаго прижметъ и выдастъ. Само собою, что въ царскіе дни Васинъ никогда не бываетъ въ церкви на царскихъ молебнахъ; къ церкви, духовенству, къ пріѣзду миссіонеровъ въ село относится въ высшей степени враждебно и при случаѣ даже вредитъ и тормозитъ дѣлу религиозно-нравственнаго просвѣщенія.

Случайный спутник странникъ Максимъ.

очтовый поѣздъ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги прибылъ на станцію „Чаадаевка“, Кузнецкаго у., Саратовской губ. Я слѣзъ, сложилъ свои вещи и пошелъ посмотрѣть, кто бы довезъ меня до с. Уранки, Пензенской губ. Извозчиковъ не оказалось; дѣло было весною; я поручилъ свои вещи сторожу, а самъ рѣшилъ итти пѣшкомъ до названнаго селенія.

Станція „Чаадаевка“ находится въ лѣсу, и мнѣ предстояло итти все время густымъ лѣсомъ. Прелестный сосновый боръ! Тутъ же, у станціи, выломалъ я себѣ палку и пошелъ себѣ въ путь-дорогу. Погода стояла прелестная; воздухъ чудный. Прошелъ я версты 3, вижу, при дорогѣ, склонившись у одного дерева, лежитъ пожилой мужчина, повидимому, странникъ какой-то. Подойдя къ нему, я поздоровался и присѣлъ на лужайку зеленой травы. Мужчина оказался лѣтъ 50, съ густой окладистой бородой, длинными волосами, изрѣдка съ просѣдью;

на немъ былъ длинный кафтанъ. а возлѣ него стояла сумка и пр. дорожныя принадлежности.

— Далеко ли, старче, идешь?—спросилъ я.

— Въ Уранку двигаюсь, а тамъ въ Куракино пройду, *)— отвѣтилъ онъ.

— Отлично. Я тоже въ Уранку иду; пойдѣмъ вмѣстѣ.

— Чей самъ-то будешь?—спросилъ онъ меня.

— Изъ Пензы. А ты?

— Я-то? Незнай что и сказать тебѣ, милый человѣкъ. Родимецъ я куракинскій, съ измальства жилъ въ лѣсахъ, въ пещерахъ,—по расколу путался, розыскивалъ все истинную вѣру,—а потомъ бросилъ все и хожу по святымъ мѣстамъ молить Господа Бога о прощеніи своихъ грѣховъ.

— Значить, ты въ расколѣ былъ?

— Самый злой, заядлый хулитель былъ св. церкви. Бывало, не только мимо церкви пройти, въ тѣнь-то ея боишься попасть. Вотъ какъ умствовалъ! И сколько зла причинялъ я ей, матушкѣ-кормилицѣ, духовнымъ, да и вообще всѣмъ церковнымъ, на которыхъ я смотрѣлъ все едино, что на собакъ.

— Что же побудило тебя оставить расколъ?

— Много оказіевъ было, честной человѣкъ. Такой срамоты видѣлъ и слышалъ я среди нихъ, этихъ кулугурниковъ, что стыдно и вспомнить. Не дай Богъ попасть въ этотъ омутъ.

— Какъ же ты попалъ въ расколъ?

— Съ измальства, сердобольный касатикъ, по 16-му году попалъ я въ эту братію расколоторцевъ.

— Что же, родители у тебя были раскольники?

— Нѣтъ. Отецъ и мать были православные, даже ревнители къ св. церкви. Наслушался я о раскольникахъ съ измальства—въ нашихъ мѣстахъ ихъ много,—что они живутъ благочестно, богобоязненно, никого они не обижаютъ, живутъ по Божьи, все дѣлаютъ по правдѣ, вотъ я и рѣшилъ пристать къ нимъ. Сказалъ я отцу съ матерью объ этомъ, тѣ и слышать не хотятъ. Сталъ я прибѣгать къ раскольникамъ по тайности, чтобы родители не видѣли. Меня приняли ласково,

*) С. Куракино-Архангельское находится верстахъ въ 4-хъ отъ с. Уранки, Городецк. у.

такъ ласково, точно родные братья.—„Ты, говоритъ, Максимшка, отца съ матерью не слушай, потому они—еретики и ничего не знаютъ о нашей Христовой вѣрѣ. Ходи къ намъ по секрету, а имъ ничего не передавай. Вотъ я, милый человекъ, и натрафился ходить къ нимъ. Скажу дома, что я въ лѣсъ пошелъ, а самъ къ нимъ. Парнишка я былъ рослый, смышленный. Стали они учить меня грамотѣ, вижу,—штука хорошая и пользительная для меня. Но какъ заняться? Урывками, кое-какъ и тихонко отъ родителей нельзя постигнуть эту науку. Выказалъ я это раскольщикамъ, а они въ одно слово: мы, говоритъ, и сами примѣчаемъ, что такъ-то не ладно. И дали они мнѣ совѣтъ — покинуть родительскій домъ. Я расположился на ихъ волю и тихонько ночью сбѣжалъ отъ отца съ матерью. Раскольщики сейчасъ лошадь, да и отвезли меня въ лѣсъ, гдѣ у нихъ проживалъ какой-то о. Варлаамъ. Кто онъ такой былъ, этого я тебѣ не скажу, потому онъ держалъ себя въ сокрытіи отъ всѣхъ. Можетъ быть, другіе-то и знали его, откуда онъ объявился, да мнѣ-то это неизвѣстно. Ходилъ онъ въ длинной бѣлой холстовой рубашкѣ, жилъ въ землянкѣ, волосы не стригъ, звали его отецъ Варлаамъ. Привезли меня къ нему ночью и оставили. Этотъ-то отшельникъ и началъ меня обучать грамотѣ.

— Ужели онъ одинъ жилъ въ пещерѣ?

— Зачѣмъ одинъ! Сперва-то я, дѣйствительно, его одного видѣлъ, у него и притулился въ пещерѣ, а когда проснулся, увидѣлъ, что ихъ тутъ цѣлый таборъ. Сначала пришелъ отецъ Вассіанъ, потомъ о. Акакій — всѣ въ скуфьяхъ на головѣ, всѣ долговолосые и тоже въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. У каждаго, какъ я увидѣлъ потомъ, были свои землянки, да, вѣдь, какъ устроены-то! чисто, сухо, что любо глядѣть. Кто ихъ строилъ, я не знаю, только сдѣланы онѣ были старательно и убраны, что твоя богатая изба. Въ каждой пещерѣ былъ столъ, стулья, кровать, печка, одно окно. Всѣ пещеры соединялись между собою особымъ коридоромъ, а на случай бѣгства у отшельниковъ былъ вырытъ секретный проходъ, который велъ къ оврагу. Такъ все было подстроено, милый человекъ, что кинься ты, къ примѣру, изловить ихъ, сейчасъ же, точно рога-тые духи, спрячутся и убѣгутъ, невѣдомо куда. Ты ихъ пока

по пещерамъ будетъ сыскивать, а они давно уже бѣжали своимъ особымъ ходомъ въ оврагъ и скрылись въ лѣсу. Ловкимъ манеромъ одурачатъ тебя.

— Какой же секты придерживались всѣ эти отцы: Варлаамъ, Акакій и др.?

— По бѣглопоповству числились. Иноки они были, монахи сирѣчь.

— Зачѣмъ же они жили въ пещерахъ-то, въ лѣсу?

— Ради спасенія души уходили они отъ міра. Конечно, такъ они объявляли это, а по дѣламъ-то ихъ я усмотрѣлъ потомъ, что все это была прикраса одна, а попросту—обманъ простецовъ. Жили они пространно, грѣховно, безъ всякой заботы...

— Что же могло тамъ быть въ глухомъ лѣсу?

Странникъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Не знаешь ты, касатикъ, житія ихняго, потому и полагаешь такъ. Этакъ-то, какъ ты вотъ сейчасъ, и я полагалъ сначала. Спасаются, молъ, старцы, въ отшельничествѣ, Бога молятъ за грѣховный міръ людей, а на повѣрку вышла ложь. Охъ, и наглядѣлся я, кормилецъ, на всѣ ихъ притворства и грѣховность! Кандаловъ мало! Жили мы на всемъ готовомъ, и всякую пищу приносили намъ изъ селеній. Трудиться, работать, значить, было нечего. Кромѣ хлѣбнаго припасу тащили и деньги, свѣчи, чтобы мы читали неугасимыя—псалтырь и каноны. Все это Варлаамъ бралъ, какъ главный коноводъ всѣхъ пещерниковъ, и всѣмъ говорилъ, что мы и денно, и ночью стоимъ на моленьи, и молимся Богу за своихъ благодотворителей. Ну, и вѣрили ему. А какая молитва? Налой съ книгой, точно, завсегда стоялъ предъ иконами, лампадка теплилась также, ну, а моленье-то происходило только при людяхъ.

— Стало быть, къ вамъ часто приходили посѣтители?

— Какъ же?! Со многихъ деревень приходили, кто просто съ приносомъ, другой совѣтъ испросить, третій провѣдать насъ... Вотъ тутъ-то мы сейчасъ на молитву.

— Ужели такъ васъ никогда не застигали въ расплохъ?

— Гдѣ тутъ заставать! Завсегда стоялъ караульный; какъ усмотритъ идущаго, сейчасъ дастъ знать, мы и къ аналою. И тогда обойди всѣ пещеры—вездѣ молитва!

— Что же вы дѣлали безъ молитвы?

— Вотъ тутъ-то и закорючка, милый человѣкъ! Дѣлали мы то, за что насъ въ Сибирь надо бы выслать, да плетей по сту вложить въ cadaго, чтобы не баловались и народъ не смущали. Выучился я это читать, стали пристраивать меня къ писанію церковными буквами. Кромѣ меня и еще были ребята въ пещерахъ...

— Стало быть, васъ проживало много?

— Человѣкъ 9 было всего: 3 монаха, а остальные, какъ я, простецы, только взрослые парни.

— И долго прожили вы въ этомъ вертепѣ?

— Лѣтъ 5 грѣшилъ, а потомъ бѣжалъ. Не въ могуто стало... Купать, бывало, старопечатныхъ книгъ единовѣрческой печати, книги новенькія, дешевыя,—сейчасъ ихъ въ расшивъ; разобьютъ по листамъ, каждый листъ смочать въ отварѣ какой-то крушинниковой коры *), прокоптятъ потомъ дымомъ, выходной листъ книги выбросятъ, да и переплетутъ по своему въ черную кожу и доски. И выйдетъ таже книга, только съ желтыми темными листьями, на манеръ самой старинной, что 100 лѣтъ лежала. За такую старинную книгу и продавали ее и брали 50—100 р., смотря по содержанію книги. Такой же механикѣ подвергали и свое рукописаніе и тоже выдадутъ за старую книгу. Смотришь, бывало, и дивишься: книга была новенькая, чистенькая, а тутъ, точно больной изъ лазарета выйдетъ, потрепленная, мѣстами нарочно засалена или порвана и снова подклеена. И на этой работѣ сидѣли всѣ, потому сбытъ такой книги шелъ большой и цѣнный. Всякому раскольщику хотѣлось приобрѣсти древнюю книгу. Вотъ какими дѣлами занимались мы въ своихъ пещерахъ! Не молитва происходила на умѣ, а обманъ, надувательство темнаго народу.

— Ужели раскольники не догадывались о вашей фабрикаціи книгъ?

— Гдѣ тутъ, родной, догадываться имъ! Кулугурники, скажу тебѣ, что овцы неразумныя: кинетса одинъ, другіе лѣ-

*) Крушинникъ—небольшое древесное растеніе въ полѣ. Его ломаютъ и кипятятъ. Отваръ получается густой, желтый. Бѣлый листъ бумаги обмакнуть, просушить, и онъ получаетъ цвѣтъ старой лежалой бумаги.

А в т:

зуть за нимъ. Прославили насъ во святыхъ, ну, мы и состояли въ этомъ чинѣ. Во всемъ намъ вѣрили, все слушали и такъ поступали. Какое же тутъ можетъ прекословіе произойти? Никакого. Что сказалъ Варлаамъ или другіе изъ нашихъ пещерниковъ, то и свято. Наше дѣло только слово пустить по нихъ, а ужъ они цѣпляются за него и руками, и зубами. Догадываться?! Нешто это влѣзетъ въ голову раскольщика, когда онъ почитаетъ тебя святымъ? Да онъ смотритъ на тебя, что на угодника Божья на иконѣ? Ты ему говоришь, а онъ безъ шапки стоитъ, вздыхаетъ, иной даже плачетъ, крестится... Какъ же тутъ, при такой оказіи, не облапошить его! Да скажи ему, что не только 100 р. книга стоитъ, а 200 р., такъ и то выдастъ. Въ жилку вытянется, скотину продастъ, а деньги чистоганомъ выложить. Какая же тутъ ряда или торгъ? Да у раскольщиковъ и не полагается производить торгъ за книгу или за икону. Божья вещь! Нешто можно приравнивать ее къ товару: ее долѣветъ вымѣнять, а не купить.

— Да, вѣдь, вы же продавали свои книги за деньги.

— Конечно, не даромъ ихъ мытарили. А все же это считали мѣнкой, потому торговли не было. Скажемъ: такая-то книга тому-то равняется, ну, и даютъ деньги безъ прекословія.

— А если бы вамъ, вмѣсто денегъ, предложили корову или лошадь за книгу?

— Было и это. Только всякій же зналъ, что намъ, въ отшельничествѣ живущимъ, никакой такой скотины не требуется. А если паче всякаго чаянія кто изрекъ бы сіе, тому одинъ отвѣтъ: вымѣняй корову на деньги, а деньги на книгу.

— Разсужденіе странное, хотя съ вашей стороны оно было резонное.

— Мало ли что чудного живетъ у раскольщиковъ. Тебѣ кажется это зря, а у нихъ въ чину закона обстоитъ. Нельзя торговаться—и ладно. Мы этимъ и пользовались по всѣмъ статьямъ.

— А кромѣ книгъ еще ничѣмъ не занимались?

— Были и другія дѣла. Печатали вѣнчики для умершихъ, разрѣшительныя грамоты, а инымъ и паспорта сочиняли. Работали также лѣстовки раскольщикамъ. Этому товару цѣна

тоже была не малая. За вѣнчики брали 50 к., за молитву 1 р., лѣстовка, смотря изъ чего сдѣлана: изъ сафьяна или просто ремешка, съ вышитыми лопастями или просто? Если въ лѣстовкахъ содержалась молитва „Богородице, Дѣво радуйся“, то дороже платили за нее... рублей 5...

— Однако, промысель у васъ былъ не монашескій.

— Какое тамъ монашество! Просто бродяги жили, отъ работы отлынивали, да отъ рекрутчины укрывались.

— Какъ же полиція-то васъ не преслѣдовала?

— Полиція! А свои-то на что? Они въ селѣ живутъ; чуть что—сейчасъ и подмажутъ, гдѣ нужно. Взъерошится приставъ — тотчасъ подарокъ ему; рявкнетъ исправникъ, подлѣзутъ и къ нему. Этой братіи покажи только деньги, а тамъ, хоть сто пещеръ вырой, и живи себѣ.

— Кому же вы работали паспорта?

— Конечно, для своихъ больше. Никоніанамъ рѣдко служали, потому боялись ихъ. Православный могъ только чрезъ своего получить, и то не легко.

Ну, старовѣры! Это мошенники! Кто же у васъ собиралъ всѣ эти деньги. Вѣдь, въ годъ-то ихъ собиралось не малое число?

— Мало ли набирали! А все бралъ Варлаамъ. Онъ у насъ состоялъ коноводомъ; остальные слушались его.

— Ужели онъ не дѣлился ни съ кѣмъ?

— Давалъ и намъ частичку за труды; только разобрать-то ихъ, эту братію, было трудно. Когда я подъявился къ нимъ, они жили всѣ въ сборѣ и однимъ духомъ дышали. Потомъ слышу ропотъ, что о. Варлаамъ загребаетъ въ свои руки, а имъ подѣляется по малости. Я состоялъ у него прислужникомъ; услышу это и донесу. Варлаамъ промолчитъ при мнѣ, а потомъ соберетъ ихъ всѣхъ, усадитъ въ своей келіи и давай накачивать ихъ водкой.

— Да гдѣ же вы добывали ее?

— Въ городѣ. Городище-то всего было 15 верстъ! Какъ изсякнетъ кувшинчикъ, сейчасъ одного отряжаютъ туда и принесетъ. Водка содержалась безъ перевода. Всякія травныя настойки держались въ пещерахъ. Одна на шалфеѣ, другая на рябинѣ, третья на полыни, да мало ли ихъ было! По винной

части всё пещерники были молодцы. Какъ стемнѣтъ на дворѣ, знаютъ, что въ это время никто уже не придетъ, вотъ и начнутъ бражничать. Сначала каждый у себя начнетъ выпивать, потомъ пойдутъ по гостямъ одинъ къ другому, глядишь,—собрались всё въ кружокъ, вмѣстѣ. Ну, тутъ ужъ попойка пойдетъ за полночь.

— Ужели ничего этого раскольники не знали? Удивительно...

— Да кто же скажетъ имъ? Мы всё за одно, а остальные изъ раскольщиковъ и подумать этого не могутъ. Святые люди! Какъ же о святомъ человѣкѣ подумать этакое грѣховное дѣло? Раскинъ-ка умомъ-то, оно такъ и выйдетъ. Однажды я покучился одной женщинѣ, которая прибѣгала къ намъ, чтобы она выстирала мнѣ рубашку и др. нижнее бѣлье. Она и говоритъ мнѣ: „а можно мнѣ это сдѣлать для васъ? Я, вѣдь, замужняя“... Вотъ какое понятіе держали объ насъ ракольщики! Они считали себя недостойными мыть на насъ грязное бѣлье, а не токмо зазоръ имѣть о нашей жизни.

— Развѣ къ вамъ и женщины ходили?

— Женщины! Добро бы по одной на брата, а то на смѣнкахъ соблюдались. Нынѣ одна, завтра—другая. У самого Варлаама бабъ съ 5 было прилучено коренныхъ, да въ разброску сколько происходило. Объ остальной братіи и говорить нечего. Жили, скажу тебѣ, хуже всякой скотины.

— Ужели все это безобразіе творилось днемъ?

— Всяко приходилось — и днемъ, и ночью; но больше ночами происходили всякія беззаконства. Какъ стемнѣтъ, такъ и потянутся бабы лѣскомъ, точно перепелки. Одна юркнетъ въ одну пещеру, другая въ другую. Побезчинствуютъ въ одиночку, напьются и соберутся всё вмѣстѣ, бабъ въ нагишку, ну, и куражатся при этомъ занятіи. Скверныя дѣла продѣлывали!

— И часто такія оргіи происходили?

— Вотъ это-то и заставило меня бѣжать отъ нихъ. Водки я не пилъ, отъ бабъ соблюдалъ себя строго, хотя меня и соблазняли на все это. Вотъ и жилъ я точно на ножахъ. Сначала какъ-будто меньше я замѣчалъ этого безобразія, а потомъ,

чѣмъ ни дальше, тѣмъ—хуже. Вижу въ концѣ-концовъ, что спасеніе тутъ плохое...

— Все-таки вы прожили не мало въ этомъ развратѣ.

— Ничего, милый человѣкъ, не подѣлаешь. Молодъ былъ, отъ людей отсталъ, таился ихъ, чтобы какъ-нибудь родители не узнали, ну, и терпѣлъ. Да и не зналъ я тогда, что мнѣ дѣлать? Въ міръ идти не хотѣлось, другихъ мѣстовъ не зналъ, такъ и терся около нихъ, грѣховодниковъ.

— Ужели вы все время жили въ пещерѣ и никуда не выходили?

— За всѣ 5 лѣтъ своего житія ни шагу не дѣлалъ изъ этого проклятаго мѣста. Да и какъ бы я пошелъ? Сейчасъ меня узнали бы и схватили, пожалуй.

— Стало-быть, родители отыскивали васъ?

— Какъ же! Когда я бѣжалъ, они заявили въ волостную, ну, а тутъ, извѣстное дѣло, сейчасъ къ раскольникамъ,—нѣтъ-ли, молъ, у васъ такого-то? Раскольники, конечно, отказались; тѣмъ и покончилось дѣло. Не къ приставу же итти?

— И теперь существуютъ эти лѣсныя пещеры?

— Давно ужъ порушили это галчиное гнѣздо! Вскорѣ-же, какъ я ушелъ изъ него. Теперь, кажись, и слѣдовъ нѣтъ. Давно ужъ! Лѣтъ 20 прошло, какъ я гноился у этихъ отщепенцевъ. Слыхалъ потомъ, что Акакій Варлааму бороду вытербилъ изъ-за какой-то дѣвки, а потомъ укралъ у него деньги и бѣжалъ. Вассіанъ спился; другіе парни—кто гдѣ шатается по раскольщикамъ. Самъ Варлаамъ тоже вышелъ изъ пещеръ и ушелъ съ 3-мя дѣвицами. Куда онъ дѣлалъ свою переправу, не могу точно сказать, только его заарестовали въ Симбирской губерніи, гдѣ-то на постояломъ. Такъ притонъ и рушился.

— А какъ же вы сами-то ушли изъ этихъ пещеръ?

— Тошно стало, милый человѣкъ, не въ моготу, напротивъло мнѣ все это ихъ окаянное житіе. Вышелъ я какъ-то въ этомъ духѣ изъ своей пещеры, присѣлъ этакъ на травкѣ и гляжу себѣ на Божій міръ. Ночь была тихая, покойная, а темъ—зги не видно! На небѣ горять звѣздочки. Заглядѣлся я на нихъ.... Вдругъ слышу, мой учитель, Варлаамъ-то, тоже

вылѣзъ наружу, а съ нимъ молодая женщина, которую привезли къ нему для лѣченія.

— Развѣ онъ занимался лѣченіемъ?

— На всѣ руки былъ дока. Собиралъ разныя травы въ лѣсу и ими лѣчилъ раскольщиковъ. Помогали ли онѣ кому,— не знаю, только народъ валилъ къ нему за лѣкарствомъ. Ну, а при этомъ стали прибѣгать и въ другихъ случаяхъ: мужъ не любитъ—къ нему; дѣтей не родить—тоже; обокрали кого—опять идутъ и просятъ его помолиться. Варлаамъ за все брался, потому денежныя статьи, и отчитывалъ ихъ. Такъ и эту женщину привезъ мужъ и покинулъ ее у Варлаама, чтобы онъ молился объ ней, такъ какъ она не рожала дѣтей. Жила она у него дня 2 уже; баба молодая, красивая... Такъ вотъ съ ней-то самой вышелъ Варлаамъ и сѣлъ на скамеечку снаружи. Посмотрѣлъ онъ на небо, да и говоритъ ей: „вотъ, раба Христова, уподобься этой блестящей звѣздочкѣ на небѣ“.—„Какъ я, говорить могу ей уподобиться? Живу я въ міру, человѣкъ грѣшный...“ „Вашему полу, говорить, весьма возможно пріобрѣсти это блистаніе“.—„Я не знаю какъ, отче? Научи; я послушаю“.—„Возлюби Божьяго человѣка, слушай его, вотъ и будешь въ сіяніи, яко звѣзда на небеси“. Поняла ли женщина его слова, нѣтъ-ли—только и говоритъ ему: „я, отче, готова повиноваться такому Божьему человѣку и слушать его, да не знаю—гдѣ же онъ?“—„А я, къ примѣру? Развѣ я не завсегда предъ Богомъ состою? Чать слышишь отъ меня какое благовоніе! И сдѣлалъ дыханіе къ ея лицу. А нужно вамъ сказать, что Варлаамъ имѣлъ привычку жевать ладонь; много курилъ его въ своей кельѣ, такъ что дѣйствительно весь былъ проспиритованъ ладонемъ. Женщина, помолчавъ, сказала: „я, отче, желаю быть у тебя въ послушаніи“.—„Спасибо, голубушка, спасибо! говорить. Только при послушаніи нужно и сердце чистое, и любовь, и тогда получишь отъ меня освященіе“.—„Какая-же это любовь должна быть?“ спрашиваетъ его.—„Душевная и тѣлесная вкупѣ. Одно безъ другого не можетъ быть.“—„А нешто это не грѣхъ?“—„Съ простымъ, на міру живущимъ человѣкомъ, точно грѣхъ, нарушеніе мужу, а мы—Божьи люди, освященніи, отъ насъ диаволь стоитъ далече, посему и на грѣхъ навести ему насъ

невозможно. Не вѣришь? Сомнѣваешься? Я это провижу. Ты сейчасъ держишь на умѣ: а какъ же мужъ-то? Угадалъ я твои мысли?“ — „Угадалъ, отче“, отвѣтила жинщина. — „Мнѣ отъ Бога дано впередъ знать, что будетъ, и что человѣкъ помышляетъ,“ толковалъ Варлаамъ жинщинѣ. И понесъ ей такую околесину, столько наклалъ онъ ей въ уши всякихъ словъ, что жинщина совсѣмъ умолкла. „Мужъ, говорилъ онъ, данъ тебѣ для плотской любви, чтобы плоти утоленіе происходило, а ко мнѣ у тебя будетъ отъ сердца любовь, чистая, яко воскъ.“ И что ты думаешь? Улестилъ вѣдь жинщину! Такъ обманулъ бабенку, таки турусы на колесахъ наговорилъ онъ, что совсѣмъ сбиль ее съ толку. Наговорилъ ей, что у нея безпремѣнно родится мальчикъ, что сожитіе это будетъ состоять въ святости, безгрѣшно и пр. и пр. Подивился я такому мастерству Варлаама. Откуда взялись у него рѣчи такія; какую уйму однихъ словъ выпустилъ онъ предъ неразумной глупой бабой! Влѣзли они въ свою каморку, а я сижу себѣ и думаю: что же это такое? Какое же это благочестіе! Называетъ себя инокомъ, отъ міра скрывается, а самъ чужую жену улестилъ и совратилъ отъ мужа. Да и кромѣ нея много другихъ жинщинъ! Пьянствуютъ, безобразяютъ, обманываютъ людей книгами, словомъ облапошиваютъ темный народъ и всякими дѣйствіями, и ихъ же еще считаютъ святыми людьми. Нѣтъ, бѣжать надо отсюда. И засѣло это у меня гвоздемъ. Сталъ я готовить себѣ котомку для дороги, сухарей, сталъ я выпрашивать, есть-ли гдѣ проживающіе во благочестіи другіе люди и въ какихъ мѣстахъ? Мнѣ указали на Подлѣсное, что около Хвалынска, Саратовской губ.—деревня такая. И вотъ ночью я ушелъ отъ нихъ.

— Когда же ты перешелъ въ православіе?

— Не скоро я еще натрафился на этотъ истинный путь, а проблуждалъ послѣ этого не мало, пока не вошелъ я въ настоящій разумъ. Пожилъ я въ Подлѣсной деревнѣ, въ лѣсахъ тамошнихъ, сходилъ на Черемшанъ, къ австрійскимъ старикомъ, перебрался въ Сосновую Мазу—тоже по окрестности Хвалынска село, былъ и въ самомъ г. Хвалынскѣ и вездѣ, скажу тебѣ, одинъ расколъ, и одинъ у нихъ духъ во всѣхъ. Вездѣ лицемѣрство, обманъ, хвастливость и нажива денегъ.

О Богѣ, о старой вѣрѣ они говорятъ только для прикрытія себя, а сила-то состоитъ не въ этомъ,—а въ почести, деньгахъ, самолюбіи и нежеланіи нести тяжелый трудъ. На чужой-то счетъ, вѣдь, хорошо жить! А ты самъ поработай, самъ добудь себѣ хлѣбецъ-то въ потѣ лица. И сколько я ни видѣлъ раскольщиковъ, и лѣсныхъ, и городскихъ, потаенныхъ и явныхъ, всѣ на одинъ ладъ и одной скверной закваски. По наружности выказываютъ себя благочестивыми, а внутренно—обманщики, плуты, какихъ поискать. Пьянство у нихъ ни почемъ, развратъ на ряду съ этимъ. При мнѣ и родили въ этихъ скитахъ, и душили, и подкидывали несчастныхъ младенцевъ въ разные дома. Какое же это, милый человѣкъ, подвижничество? Въ постъ скоромное грѣхомъ почитаетъ, табакъ проклинаятъ, а человѣка обмануть, младенца бросить, или дѣвицу улестить,—и въ грѣхъ сего не ставятъ. И когда я насмотрѣлся на всѣ эти раскольническія беззаконства, то плюнулъ на нихъ, бросилъ свое скитаніе и перешелъ въ Православную церковь.

— Доброе дѣло вы сдѣлали!

— И такое-то доброе дѣло, что не знаю, какъ и выразить тебѣ.

Былъ я, точно оглашенный, чужакъ какой-то ото всѣхъ русскихъ людей, а теперь—едино. Бывало, точно волкъ лютый, оскаливъ зубы, смотрѣлъ я на православныхъ, ругалъ всячески, смѣялся надъ ними, почиталъ ихъ хуже татаръ или собакъ. а теперь точно переродился. Да, расколъ большое зло приносить темному народу! Онъ извращаетъ его, низводитъ на степень какъ бы чужеземца. Царь для раскольщика—еретикъ, поганецъ; церква въ ересяхъ и не годится. И, вѣдь, что чудно-то, такъ это то, что ни одинъ изъ нихъ не покажетъ по книгамъ свои ереси, а лопочетъ такъ себѣ. Наслушался я ихъ толкованьевъ! Одни раздоры, драки, каждый толкуетъ свое и другому кориться не хочетъ.

— Что же вы на родинѣ живете теперь?

— Нѣтъ; изрѣдка захожу провѣдать. Никого у меня на родинѣ не стало теперь: родители примерли, другіе подались въ расколъ и ужъ успѣли вывернуться на другой ладъ.

— Какъ это вывернуться?

— Очень просто. Сначала вдалились въ бѣглопоповщину, потомъ перешли въ австрію—вѣра такая. Чать слыхалъ о ней? По твоему дѣлу какъ не знать этой вѣры.

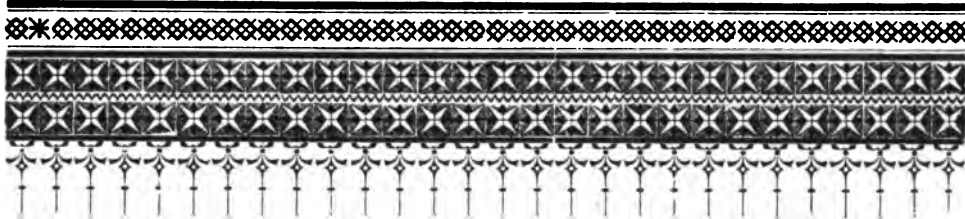
— Удивляюсь, что прельщаетъ народъ въ расколѣ?

— Какъ тебѣ разъяснить это! Одни разыскиваютъ правду Божію и попадаютъ въ эти тенета; другіе просто лодырничаютъ, работы избѣгаютъ; третьи ищутъ почета, чтобы другими повелѣвать; иные для поживы лѣзутъ въ расколъ, а все сообщая бѣгутъ отъ закона, отъ истины, ищутъ свободнаго житія, чтобы жить на своей волѣ. Вѣдь, у раскольниковъ всякій мужикъ, всякая баба, имѣетъ свой гласъ и право. У нихъ каждый на перечетѣ и живетъ какъ бы въ своей семьѣ. Много и у нихъ разнаго перкосердія между собою, злобы, плутовства, но все это они ловко прикрываютъ наружнымъ видомъ благочестія. Самъ грязнѣе сажу, а изъ себя выдѣлаетъ такого постника—прямо пиши на икону, да свѣчку прилѣпляй. Этой вотъ прикрасой и привлекаютъ они на свою сторону людей. А однажды залѣзъ къ раскольщикамъ, не скоро выпутаешься изъ ихняго болота. Еслибы вся жизнь-то ихъ была открыта людямъ, писанію предана, тогда не льнули бы къ нимъ такъ. А теперь, словно мухи на огонь, летятъ. Хитрые они! Простого человѣка имъ ничего не стоитъ сбить съ толку. Столько наговарятъ ему всякихъ словъ, такими прикинутся сердобольными, да любящими братьями, что растаешь сердцемъ. На што я—малый человѣкъ—и писанію не обыкъ, а и то сколько помутилъ народу въ своемъ странствіи! Бывало, устрашишь православнаго разными ересями, припугнешь проклятіемъ, анаѣмой, покажешь на сатану, дьяволовъ, какъ бы на братіевъ его по вѣрѣ, ну, и подался человѣкъ. Никому въ аду-то быть не хочется! А ты, вѣдь, такъ ему изобразишь этотъ самый адъ-то, геенну, огонь жупельный, точно самъ по недавности вылѣзъ оттуда. И его въ растопленье сердца приведешь, и самъ реवेशь съ нимъ, жалѣючи его. Откуда и слезы берутся и всякія слова. Много грѣшилъ я, любезный, по Божьему свѣту. Потому и подвигъ принялъ на себя молить Господа Бога въ святыхъ мѣстахъ о своихъ прегрѣшеніяхъ. Побуду въ Оптиной, иду къ Сергію, въ Саровъ и др. обители.. Хорошо и утѣшительно.

На этомъ рѣчь наша кончилась; мы поднялись и пошли въ свое мѣсто.

Годъ спустя, я получилъ свѣдѣнiе, что случайный мой спутникъ, странникъ Максимъ, скончался въ одной изъ православныхъ обителей Россiи, которая онъ любилъ, и въ которой онъ нашелъ себѣ упокоенiе.

Е.

Солдатъ Иванъ Пахомовъ, изгнанный раскольниками Федосѣевской секты.

I.

овно 20 лѣтъ отслужилъ Богу и Государю отставной воинъ Иванъ Сидоровъ Пахомовъ, бывшій крестьянинъ Саратовской губерніи, Царицынскаго уѣзда, деревни Песчанки. За это время онъ бывалъ въ разныхъ походахъ противъ различныхъ непріятелей, былъ раненъ и слегка контуженъ, рукавъ его украсился нѣсколькими нашивками, грудь—разными медалями и крестами, въ томъ числѣ и Георгіевскимъ, за храбрость; самый мундиръ Ивана Сидорыча, по произведеніи его въ чинъ старшаго унтеръ-офицера, окаймился золотыми шевронами, галунами. Словомъ, Иванъ Сидорычъ вышелъ изъ военной службы вполне заслуженнымъ солдатомъ, отмѣченнымъ за свои дѣла и способность изъ ряда прочихъ разными наградами,

установленными для нижних чиновъ. Онъ далеко вышелъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ до поступленія въ военную службу. Послѣдняя послужила для него чрезвычайно важной школою: она развила его способности, сдѣлала его человѣкомъ расторопнымъ, смѣлымъ и бойкимъ на слова. А что всего главнѣе и важнѣе было для него, такъ это то, что въ военной службѣ онъ научился читать и писать.

Выучившись этому, онъ сталъ самъ читать книги и вникать въ ихъ смыслъ. До этого онъ руководился только разсказами другихъ лицъ, слушалъ, что ему читали и толковали другіе, а тутъ онъ самъ сталъ вникать въ смыслъ писанія и самъ работалъ своей головою, постигая смыслъ писанія.

Заполучивъ отставку, протрившись съ своими товарищами по службѣ, Иванъ Сидорычъ бодро зашагалъ въ свою деревеньку, гдѣ у него остались и родные, и знакомые до службы, и съ которыми онъ не видѣлся ровно 26 лѣтъ. Письма получалъ онъ съ родины рѣдко, особенно когда отецъ и мать его померли, а братьевъ и сестеръ у него не было. Дальніе родственники не считали нужнымъ поддерживать съ нимъ корреспонденцію, тѣмъ болѣе, что и служба-то его шла въ разныхъ мѣстахъ Россіи: сначала—на Кавказѣ, потомъ—въ Варшавѣ и Петербургѣ. Сначала, когда Иванъ Сидорычъ выучился выводить буквы, слагать изъ нихъ рѣчь, а послѣдними выразить свою мысль, онъ частенько сталъ было писать письма на родину, сообщая имъ, что онъ видѣлъ и слышалъ около себя; но такъ какъ на его письма отвѣчали ему рѣдко, а у него, съ теченіемъ времени, упалъ интересъ къ процессу писанія и изложенія своихъ мыслей въ письмѣ, то онъ и замолкъ съ своей стороны и сталъ писать письма на родину рѣже. Послѣднее письмо на родину онъ написалъ лѣтъ 5 назадъ, на которое ему не было отвѣта, и онъ ничего не слышалъ, что творилось тамъ на его родной землѣ, которая живущему вдали обычно бываетъ особенно мила и дорога, и при разговорахъ о ней служить пріятнымъ воспоминаніемъ. Собственно говоря, Ивану Сидорычу нечего было и дѣлать на родинѣ; имущества у него тамъ не было никакого, и ему легко было остаться въ Петербургѣ, гдѣ онъ закончилъ свою службу; но его потянуло на свою родину, захотѣлось уви-

дѣтъ снова тѣ мѣста, гдѣ онъ родился, выросъ и жилъ вплоть до поступленія въ рекруты. И вотъ онъ зашагалъ изъ столицы въ деревню.

Долго шелъ Иванъ Сидорычъ до своей родины, глубокія воспоминанія носились въ его головѣ, припоминались ему мѣста дѣтства, лица, съ которыми онъ былъ знакомъ и былъ сверстникъ по лѣтамъ. Наконецъ, показалась его родная деревенька. День склонился уже къ вечеру; ложились сумерки.—„Дай попрошусь я ночевать къ кому-нибудь!“—разсуждалъ Иванъ. И подошелъ къ одной изъ крайнихъ избъ деревни.

— Хозявущка!—крикнулъ онъ, подойди къ окну и постучавъ въ него палкою.

Въ раскрытомъ окнѣ показалась женщина.

— Ты что?—обратилась она къ нему.

— Пусти, родная, переночевать.

— А ты откольный будешь?

— Я прохожій, иду домой.

— Гмъ...

— Это кто тамъ будетъ?—вскричалъ мужикъ, выглядывая изъ-за бабы.

— Салдаты какой-то: ночевать, байтъ, пустите,—объясняла баба мужику.

— Ишь ты... ночевать? Нѣтъ, мы такихъ не пуцаемъ. Иди дальше.

Пахомовъ пошагалъ дальше, ко второму дому, но и тутъ та же исторія. Его нигдѣ не пускали. „Что за притча!“ думалъ онъ. „Бывало, наши старики съ охотою пуцали къ себѣ странниковъ и всякихъ проходящихъ чрезъ деревню людей, а тутъ на—вотъ: солдата не пуцаютъ.“

Наконецъ, изъ 10—15 домовъ, въ которые онъ просился, въ одинъ его впустили переночевать, но съ условіемъ, чтобы онъ не курилъ у нихъ въ домѣ табаку.

Пахомовъ взошелъ, перекрестился, снялъ котомку съ плеча и положилъ ее на лавку. Затѣмъ онъ поздоровался съ хозяевами и вступилъ въ разговоръ.

— Далеко идешь?—спросилъ его мужикъ.

— Пробираюсь до дому.

— А кое мѣсто у те домъ-то?

— Въ Еремушкинѣ, что за Павловкою, — нарочно указалъ онъ дальнюю мѣстность, чтобы мужикъ не узналъ его.

— Въ Еремушкинѣ... не доводилось бывать въ той сторонѣ. Большая, поди, деревня-то?

— Большая.

— Ишь ты... большая. Давно этакъ-то пошелъ?

— Давно ужъ. Да вотъ сколько просился въ вашей сторонѣ переночевать — не пуцаютъ что-то.

— У насъ такъ — не пустуютъ.

— Почему же?

По старой вѣрѣ пошло наше селеніе-то, ну, и брезгуютъ всякимъ, кто не по ихъ согласу идетъ.

— Давно ли у васъ пошли по этой вѣрѣ?

— Да почесь лѣтъ десять, коли не больше.

— И много такъ-то придерживаются? — съ удивленіемъ спросилъ Пахомовъ.

— Да какъ-те, парень, сказать-то, почитай что вся деревня надарживается этого.

— Ай-ай-ай! — проговорилъ солдатъ, качая головою.

— А ты по російской будешь?

— Я православный.

— Значить, по церкви... Салдатъ, знамо, по церкви ужъ.

— А вы-то сами? — спросилъ Прохоровъ мужика.

— Мы-то? Мы тоже надарживаемся старой вѣры.

Пахомовъ понялъ теперь, что онъ попалъ къ раскольникамъ, понялъ и то, почему его такъ долго нигдѣ не пускали на ночевку. Находясь въ военной службѣ, онъ какъ-то не имѣлъ случая сталкиваться съ раскольниками и зналъ о нихъ только по наслышкѣ и по рассказамъ другихъ лицъ. А что это за люди, какое ихъ ученіе, и какъ далеко стоятъ они отъ православныхъ, — этого онъ не зналъ. Теперь онъ крайне заинтересовался всѣмъ этимъ сообщеніемъ и сталъ слѣдить за всѣмъ съ большимъ интересомъ и расспрашивать хозяевъ.

— Ты у насъ, служивый, не кури, я этотъ табачище треклятый страсть не люблю какъ, — еще разъ предупредилъ хозяинъ солдата.

— Я не курю его.

— Это хорошо ты дѣлаешь. А то нонѣ, почитай, что не ѣдятъ его.

— Возлюбили же погань эту,—поддакнула женщина, смотря на солдата изъ-за перегородки.

— А что же у васъ можно чего-нибудь поѣсть-то?—спросилъ солдатъ.

— Намъ кормить тебя изъ своей посуды не довлѣетъ. У тебя нѣтъ своей чашки?—спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ.

— Какъ же быть-то?

Въ это время смѣтливая баба подозвала мужика и что-то, пошептала съ нимъ. Мужикъ, махнувъ рукой, сказалъ: „такъ что-жъ!“ Баба, незамѣтно для солдата, взяла съ пола деревянную чашку, въ которую бросала всякій отбросъ для кошки, быстро вымыла ее и налила въ нее горячихъ щей.

— Поѣшь, служивый, попитайся Христа ради,—проговорила она, ставя чашку со щами на столъ. Солдатъ всталъ, хотѣлъ было помолиться Богу, но увидѣлъ, что иконы были задернуты красною занавѣскою.

— Это что у васъ иконы-то закрытыми стоятъ?

— Такъ требуется по нашему согласу. Тебѣ молиться на наши иконы не подобаетъ, потому ты россійской, а мы идемъ по древнему.

— Такъ иконы-то при чемъ же тутъ?

— Какъ же! Ты ихъ осквернишь своей молитвою.

Пахомовъ дивился, слушая розказни мужика. Была деревня православная, а теперь стала раскольнической. Смотритъ онъ на бабу, послѣдняя одѣта въ черный сарафанъ, у мужика прострижена на затылкѣ маковка, точно нарочно кто его замѣтилъ; оба они смотрятъ на него какъ-то угрюмо, непривѣтливо, точно на какого-нибудь страшнаго или зараженнаго опасной болѣзью человѣка. И мужикъ, и баба поминутно вздыхаютъ, нерѣдко шепчутъ про себя молитву; отъ него сторонятся, какъ-будто онъ не такой же человѣкъ и христіанинъ, какъ они сами. Кругомъ мрачно, уныло, точно въ по-

гребъ онъ попалъ, а не въ жилое помѣщеніе и не къ живымъ людямъ.

„Вотъ они какіе раскольники-то?“—думалъ онъ себѣ, совершая свой ужинъ.

— Спасибо, хозяйшкі, за хлѣбъ, за соль!—проговорилъ Пахомовъ, перекрестившись нѣсколько разъ.

Мужикъ поморщился.

— Бретическое слово ты произнесъ, служивый въ моемъ домѣ. Поэтому-то вотъ и не пуцаютъ васъ наша братія.

— Какое?—озадаченный, спросилъ Пахомовъ.

— Да ужъ не повторяй, Христа ради, его еще-то. Спаси Христось мы говоримъ завсегда, а у васъ, вмѣсто Христа Спасителя, поминается „бо“. Ты знаешь ли, что означаетъ это поганое слово „бо“?

— Не знаю.

— То-то вотъ и есть. „Бо“—это бѣсъ, сатана, его ты и благодарить, да и меня въ эту кашу вмѣшиваешь. Тѣфу!...

Мужикъ сталъ отплеиваться, солдатъ съ недоумѣньемъ смотрѣлъ на него. Послѣдній въ первый разъ въ своей жизни встрѣтилъ такое объясненіе слова „спасибо“ и потому не нашелся, что отвѣтить мужику. Ему только показалось все это страннымъ и дикимъ.

— Ложись-ка на полатяхъ поди. Пора ужъ на покой,—замѣтила женщина солдату.

Пахомовъ полѣзъ на полати.

— Чать въ службѣ-то завсегда скоромное?—пыталъ мужикъ.

— У насъ готовили скоромное, потому сытнѣе оно.

— Ай, воинство! Какъ же попы-то объ этомъ вамъ ничего не говорили? Посмотрѣли бы они въ Кирилловъ уставъ, аль Соловецкій, тамъ показано прямо, когда что нужно трапезовать.

— У насъ ротный командиръ распоряжается по всей статьѣ, а не попъ.

— Что же командиръ? А попъ все-таки долженъ сдѣлать ему наставленье, чтобы не смущалъ солдатъ, потому какъ же это въ постъ и скоромное.... Святые отцы, вѣдь, не даромъ писали уставы-то. Командиръ!

— Нельзя тамъ соблюсти всѣ эти уставы,— замѣтилъ Пахомовъ.

Разговоръ оборвался. Минуть чрезъ 10 огонь потухъ въ избѣ, и Пахомовъ, вмѣстѣ съ хозяевами, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

Рано утромъ Пахомовъ проснулся и слышитъ, что подъ его головою въ избѣ происходитъ торопливое шептанье молитвы, а въ воздухѣ носится обильный дымъ отъ ладона. Онъ осторожно поднялся, спустилъ голову съ полатей и увидалъ, что хозяйева—мужикъ и женщина—стоятъ на молитвѣ. Занавѣска отъ иконъ отдернута, 2—3 восковыхъ свѣчи стоятъ зажженыя предъ иконами, и тутъ же въ божницѣ курится, съ восьмиконечнымъ крестомъ, ручная кадильница, испуская дымъ по всей избѣ. Мужикъ съ бабою, стоя предъ иконами, держать въ рукахъ ременные лѣстовки (тоже, что четки) и, перебирая бубенчики ея, поспѣшно кладутъ одинъ за другимъ поясные поклоны. На каждомъ бубенчикѣ они шепчутъ молитву: „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. И шептанье, и поклоны совершались такъ быстро, скоро,—точь въ точь, какъ иногда мужики хлѣбъ молотятъ цѣпами и торопятся поскорѣе покончить молотьбу. Это хозяйева совершали обычную свою ежедневную утреннюю молитву. Они не вдумывались въ смыслъ молитвы, мало были ею настроены, а старались какъ-бы поскорѣе только исполнить положенное утреннее правило, въ извѣстномъ количествѣ поклоновъ, по лѣстовкѣ.

— Тебѣ не пора ли, Дарья, тово—печку затоплять?—пре-
рвавъ молитву, сказалъ мужикъ.

— Нѣтъ, Петровичъ, еще лѣстовку успѣю справить, а тогда ужъ... отвѣтила жена.

— Смотри. А то уже лучше домолишься.

— Ну; разя я не знаю время-то?

И снова началось быстрое, механическое отсчитыванье поклоновъ и шептанье молитвы.

Кончилась служба. Баба потушила свѣчи и кадильницу, задернула божницу занавѣскою и отошла къ печкѣ, чтобы готовить кушанье.

— Посмотри-ка, Петровичъ, въ уставѣ-то, чего нынѣ готовить въ пищу-то?—спросила жена.

Петровичъ полѣзъ въ божницу, досталъ изъ ящика небольшую книжечку, переплетенную въ кожу и доски и довольно засаленную. Оттуда же досталъ онъ очки, надѣлъ ихъ и, перекрестивъ себя, развернулъ книгу.

— „Соловецкій уставъ!—читалъ онъ, едва разбирая буквы: „на трапезѣ поставляемъ два яства: шти и лапша съ деревяннымъ масломъ. И пиемъ вино во утѣшеніе братіи, труда ради“.

— Какъ же это, Петровичъ, съ деревяннымъ-то масломъ варить? Ну-ка... Это и въ ротъ-то не протискаешь,—спросила жена.

— Дура ты, баба!—накинулся мужъ.—Святые отцы и не это еще ѣли. Почитай-ка житія-то!

— Конечно. Только я по себѣ-то...

— Нечего и разсуждать тутъ! Показано: „съ деревяннымъ масломъ“, значить, и ѣли съ нимъ. Книга не вретъ. Святымъ отцамъ все было можно ѣсть,—ихъ Духъ святой укрѣплялъ въ этомъ.

— Такой пищи не разѣвшься...

— Имъ это разѣданье-то и не нужно было. Они ѣли въ скудость, лишь бы только плоть поддержать.

— Такъ какъ же варить-то, Петровичъ?

— Погоди. Инъ уставъ, Кирилловъ: „Поставляемъ два брашна: рыбу сушеную и отъ плодовъ снѣдаемъ.“

— Это что же? Вобла, что-ли, или еще какая рыба? Тоже и плоды какіе-то показаны... Непонятно что-то.

Мужикъ сталъ въ тупикъ. Онъ не могъ объяснить женѣ, какую именно рыбу велѣно ѣсть въ сухомъ видѣ? Не могъ онъ объяснить и того, что такое разумѣется подъ словомъ „плоды“. Между тѣмъ жена приставала къ нему съ объясненіемъ, а это его сердило.

— Мало-ли въ священнхъ книгахъ чего написано непонятнаго,—огрызнулся онъ на жену.—Не такъ жили святые

отцы, какъ мы съ тобою; вотъ у нихъ и пища была другая. Они нашей-то пищи гнушались и бѣжали отъ нея. Поѣшь-ка ты ихней-то пищи недѣлку-другую,—небось, сарафанъ-то опустится. Наша пища производитъ чревобѣсіе, а ихняя ведетъ ко спасенью.

— Вотъ бы, Петровичъ, попитаться ихней пищей...

— А гдѣ ты ее возьмешь?

— Чать въ городѣ всякой всячины продають. Спроси-ка, коли будешь въ Царицынѣ-то.

— Стануть еретики держать святую пищу. Тоже доходу-то отъ нея имъ... Это кабы весь Саратовъ шелъ по нашему благочестію, аль вся Волга или Рассея, къ примѣру, тогда торговцы-то запаслись бы ею; а то они теперь держатъ пищу-то на утолщеніе нашей утробы, а не на изнуреніе. Они, вонъ, всю пищу-то по механикѣ теперь раскладываютъ, которая вкусна, а котора нѣтъ; отъ которой можно потолстѣть, и отъ которой можно захворать или быть безъ брюха, тощимъ человѣкомъ. Антихристъ-то на все научаетъ ихъ.

— Ну, кончай, Петровичъ. Пора затоплять.

— Погоди еще малость. Вотъ прочту уставъ изъ Іерусалима: „По отходѣ литургіи, вкушаютъ братія— финики, смокви и вино пьемъ по двѣ чаши.“

— Тутъ что-то все вино, да чашками, Петровичъ. Христіанскій-ли это уставъ-то ты добылъ?

— Сказала... Чать свой христіанинъ писалъ. 20 рублей выдалъ за него.

— Что же это винища-то въ немъ сколько?

— Стало быть, такъ надо! Съ тобой говорить-то...

— Не знай; что-то мудрено. Помолился, да и вино пей. Какъ-будто и несуразно это съ молитвою-то...

— Да ты думаешь какой чашкой пить-то его? Поняла видно... Тутъ показана чаша, а не чашка, въ которой мы, къ примѣру, щи хлебаемъ, или которой воду пьемъ. А эта чаша не больше, какъ съ косушку нашу.

— Все-таки... Хлобыстни-ка ты 2 косушки сразу!

— Ничего и не будетъ. Надо не сразу, а въ прокладку. Баба замолчала и стала припасать кое-что около печки.

— Такъ по какому же уставчику готовить мнѣ?—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вари щи, а потомъ—кашу съ нашимъ масломъ.

Печка затопилась. Солдаты рѣшили слѣзть на полъ.

— Какъ поспалось тебѣ, служивый?—спросила баба.

— Ничего, тетушка, было хорошо,

— Ты умываться-то иди на дворъ, я тѣ подамъ изъ кружки.

— А что-жъ изъ рукомойника?

— Нельзя за него тебѣ хвататься: ты—мірской, не по нашей вѣрѣ.

Солдаты, покачавъ головою, вышли на дворъ; баба подала ему воды изъ кружки и положила особый лоскутъ утереть лицо послѣ умыванья.

— Какъ же теперь я буду молиться на ваши иконы, когда онѣ занавѣшены?—спросилъ солдатъ, оправившись.

— Такъ и молись въ этотъ уголъ, иначе нельзя—ты осквернишь образа наши,—отвѣтилъ мужикъ.

— Чѣмъ же я ихъ оскверню? Развѣ молитвою можно осквернить святые иконы?

— А то какъ же? Наша молитва христіанская, а твоя... Да что и баить-то! Какая ваша молитва никонцевъ... Лучше такъ, не молись—меньше грѣха.

— Какъ никонцевъ?!—взъерошился солдатъ. !

— А то какъ же? Мы въ Ісуса Христа вѣруемъ и ему служимъ, а вы всѣ, церковники, по Никону идете,—толковалъ мужикъ.

— Что ты говоришь, дядя? Никакого Никона я не знаю и не слыхалъ, а вѣруемъ мы въ того же Ісуса Христа, какъ и вы, и Ему въ церквахъ мы ставимъ свѣчки и молебны служимъ,—резонно возразилъ Пахомовъ.

— Вотъ и нѣтъ. Это мы вѣруемъ въ истиннаго-то Ісуса Христа, а вы исповѣдуете другого бога, „Ісуса“, ему и служите.

— Э—э—э! Да ты зачѣмъ же, дядя, мѣняешь удареніе-то на словѣ? Такъ-то оно и выходитъ у тебя два Бога. Одно и то же имя Божіе называешь по разному: то—Ісусъ, а то—Іисусъ.

— А когда всё въ одного Бога вѣруете съ нами, такъ зачѣмъ же „иже“—то прибавили? Посмотри ты во всёхъ нашихъ отеческихъ книгахъ, и ни въ одной ты не увидишь, чтобы написано было такъ „Иисусъ“. У насъ во всёхъ старыхъ книгахъ одно „иже“ стоитъ.

— Хорошо. Я книгъ вашихъ не читалъ и не видалъ, и не знаю, какъ тамъ написано имя Божіе, но по твоему разговору—то вижу я теперь, что разница идетъ изъ-за буквы одной, а не изъ-за вѣры въ Бога. Богъ—то одинъ, выходитъ, и у насъ, и у васъ.

— Вы ижу прибавили, у васъ, поэтому, и Богъ другой.

— Ну, дядя, зашибся ты своимъ толкованіемъ. Ты изъ мухи слона дѣлаешь, по русской пословицѣ.

— Наша вѣра, служивый, самая истинная. Старики наши всегда толкуютъ о ней... А въ городѣ—то... развѣ мало купцовъ проживаетъ по нашей вѣрѣ?—вставила баба.

— Все это, можетъ быть, и такъ, только изъ одной ижи никакъ не выходитъ другой Богъ. Потому—то вы и переносите удареніе съ одного слова на другое, чтобы сдѣлать разницу.

Стоявшіе доселѣ—солдатъ и мужикъ—сѣли на лавку. Солдатъ не сталъ уже молиться на ихъ занавѣску и вступилъ съ мужикомъ въ серьезную бесѣду о вѣрѣ.

— Скажи—ка ты мнѣ, дядя, что это за вѣра ваша, и какъ она появилась у васъ въ селеніи?

— Это, служивый, давно было. Приѣхалъ къ намъ, какъ—то торговый человѣкъ, того—сего привезъ товарцу на продажу. Прожилъ онъ это денекъ и объявилъ намъ, что онъ идетъ по старой вѣрѣ. И сталъ онъ рассказывать намъ, какъ у нихъ въ городу чинно идетъ служба, да по уставу, какъ купцы радѣютъ объ моленной, украшаютъ ее всячески и живутъ всё они любовно и мирно между собою, другъ дружкѣ помогаютъ, заботятся о каждомъ изъ ихъ вѣры. Понравилось все это намъ. Сравнили мы это тогда съ своей вѣрой да съ попами, и видимъ, что старая вѣра лучше. Долго ѣздилъ къ намъ этотъ торговый человѣкъ, да толковалъ все о своей вѣрѣ: хвалилъ, знаешь, что все у нихъ хорошо и дѣлается по истовому. Только однажды приѣхалъ онъ къ намъ и привезъ съ собою человѣка, такого рѣчистаго, бойкаго... Какъ на—

чалъ онъ урѣзывать намъ все отъ книгъ, да отъ книгъ,—а книгъ онъ привезъ съ собою цѣлыхъ два мѣшка и все старья-престарья. Въ одной книгѣ почитаетъ, да въ другую перебросится; отъ этой въ третью, и все ведетъ съ толкованіями, что и къ чему прилаживаетъ. Смотрятъ старики и дивятся его уму-разуму. Ужъ больно ходокъ по книгамъ-то! Наконецъ, видимъ, что церковь нашу онъ совсѣмъ захулилъ: все нашель въ ней не правымъ, не истовымъ и богопротивнымъ. Потомъ и говоритъ намъ: „я, говоритъ, старики, жалѣючи васъ сюда пріѣхалъ, чтобы потолковать вамъ объ истинной вѣрѣ. Погибаете вы!“ Старики наши всѣ въ одинъ голосъ закричали: „благодаримъ! благодаримъ!“ Собрали съ каждой души по нѣсколько копѣекъ и дали ему 50 р., да отвезли на своихъ лошадяхъ прямо въ Саратовъ. Проводивши начетника, мы задумались, долго толковали между собою и натрафилась послать Никиту Сафронова въ Саратовъ, чтобы онъ осмотрѣлъ ихъ служеніе и всѣ порядки. Поѣхалъ Никита Сафроновъ, глянулъ тамъ и весь растаялъ. „Вотъ гдѣ, байтъ, старики, благочестіе-то!“—говорилъ онъ по пріѣздѣ въ деревню. Служать не торопясь, чинно, молятся всѣ въ разъ, какъ одинъ человекъ. Кажду вещь берутъ и дѣлаютъ съ молитвою. Книгу-ли возьметъ уставщикъ, прежде перекрестится, благословится, тогда ужъ и читать станеть. Не какъ, бывало, наши дьячки.

— Но, вѣдь, это все ты говоришь объ наружности, а нужно смотрѣть на главное—на вѣру.

— Вѣра-то, служивый, у насъ въ сердцѣ,—и что наружу выходитъ, то оттуда.... На чемъ, бишь, я остановился? Да. Вслѣдъ за Никитой пріѣхали къ намъ старики изъ Саратова, привезли наставника, уставщиковъ и стали показывать свою службу. А потомъ стали научать насъ, да толковать намъ о разныхъ вещахъ, чего попы наши никогда не говорили намъ, а по книгамъ-то выходитъ, что все нужно, и спасенья не будетъ безъ этого. Цѣлую недѣлю воловодились они съ нами и поучали насъ и день, и ночь; ну, и рѣшили мы перейти въ ихъ согласъ и „окреститься“.

— Какъ! Вы опять всѣ окрестились?

— Да. Ваше крещеніе объявилось не дѣйствительнымъ, еретическимъ.

— Ну, дѣла вы, дядя, затѣяли! Да нечто можно по два раза креститься?

— Еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе,—встала баба, стоя передъ печкою, опершись на ухватъ.

— Да кто же еретики-то?

— Вы,—отвѣтила баба.

— Нѣтъ, вы,—горячился солдатъ.— Два раза креститься въ жизни, на это нѣтъ закона въ книгахъ.

— Ты какъ крещенъ?—вступился мужикъ.

— Такъ же, какъ и ты въ первый разъ.

— Ты въ Исуса крещенъ?

— Значить, буква „и“ у тебя Богъ? Говори: Богъ или нѣтъ?

— Въ писаніи всяка заковычка имѣетъ свою силу.

— Я тебя не о ковычкѣ спрашиваю, а скажи: буква „и“ Богъ или нѣтъ?

— Она въ имени Божьемъ состоитъ, значить Богъ.

— Вотъ ты и неправду говоришь: ты-то и заблудился. Меня зовутъ „Иванъ“, а по святцамъ-то нужно звать „Іоаннъ“. Что же, по твоему, я другое лицо сталъ?

— Это ты къ примѣру не приводи. Ты—солдатъ, а тамъ—Божье имя. Да что намъ спорить съ тобою, иди ты своей дорогою, а я по своей пойду.

— Нѣтъ, дядя, заблудились вы, съ тракту сбились и пошли, не знай куда.

— Мы идемъ по истинной церкви...

— Гдѣ же ваша церковь?

— Церква у насъ внутри, а молимся мы вездѣ.

— Гдѣ же вы креститесь, вѣнчаетесь и сподобляетесь святаго причастія?

Старикъ смолкъ.

— Или у васъ этого ничего не имѣется?

— Крещеніе у насъ есть, а вѣнчаніе и причастіе у насъ не творится,—отвѣтилъ мужикъ.

— Какіе же вы послѣ этого христіане! Нечто такъ можно жить?

— Вѣнчанія у насъ нѣтъ потому, что мы придерживаемся безбрачнаго согласу. У насъ нѣтъ браковъ, мы всѣ живемъ по дѣвственному. И причастія совершать также некому, потому поповъ у насъ нѣтъ.

— Ну, вѣру добыли вы себѣ. Какъ же ты живешь теперь съ женою, коли у васъ всѣ состоятъ на дѣвственномъ положеніи?

— Это, по закону, мнѣ не жена, а стряпуха. Это только при васъ я называю ее этакъ, а она мнѣ не жена, а сестра по духу и стряпуха въ домашнемъ обиходѣ.

— А со стряпухою, по вашему согласу, можно жить?

— Можно; потому мы безъ вѣнца живемъ. А что безъ вѣнца творится, это есть грѣхъ, а не ересь. На грѣхъ у насъ есть „каянье“, а за ересь проклятіе.

— Вотъ такъ вѣра!—дивился Пахомовъ.

— Антихристово время теперь.

— Како ужъ теперь вѣнчанье, служивый,—вставила баба. Нынѣшній вѣкъ—послѣдній. Гдѣ истовыхъ-то поповъ найдешь!

— Ну, а если, къ примѣру, у васъ родятся дѣти, тогда что?

— Что же? Баба пойдетъ къ наставнику, скажетъ ему, что она согрѣшила, дьяволъ прельстилъ ее, дѣвицу, и онъ „окститъ“ его. Затѣмъ дастъ ей эпитимье за это...

— А ты-то какъ же? Вѣдь, она отъ тебя произвела его?

— Я что-же, я не мужъ ей.

— А ребенокъ?

— Ребенокъ ейный будетъ, а не мой.

— Да, вѣдь, ты отецъ ему?

— Я? Нѣтъ; я духовный братъ ей. Ты, служивый, судишь по плоти, а не по духу.

— Хорошъ братецъ, коли дѣтей родишь съ своей сестрой и потомъ своихъ же дѣтей бросаешь на ея руки.

— Такъ по закону нужно.

— Пропачій вашъ законъ. Бросьте вы его!

На этомъ Пахомовъ закончилъ бесѣду.

— Нельзя ли, тетушка, чайку напиться у васъ?—обратился онъ къ бабѣ.

— Не пьемъ мы, касатикъ, этого зелія и антихриста этого не держимъ въ дому.

Пахомовъ покачалъ головою и началъ собираться въ дорогу.

— Ну, прощай, дядя... Какъ тебя звать-то?

— По вашему—Софронъ, а по нашему, по христіански, Аеанасій.

— Это какъ же?

— Да такъ: при нашемъ крещеніи и первое имя мнѣ измѣнили.

— А тебя, тетушка, какъ именовать?

— И я, вѣдь, изъ вашихъ же! Раньше была Акулиной, а теперь живу въ Дарьяхъ,—отвѣтила баба.

— Оба двуименные, значитъ. Ну, прощай, дядя Софроній и Аеанасій! Спасибо и тебѣ, тетка Акулина и Дарья! Будьте здоровы.

— Прощай, служивый.

III.

Выйдя изъ избы, съ ночлега, Пахомовъ пошелъ вдоль улицы.

— Скажи, любезный, гдѣ проживаетъ тутъ Митрій Егорычъ Сосулинъ?—спросилъ онъ встрѣтившагося мужика.

— Сосулинъ! Да онъ, смотри, годовъ 5, какъ уже представился.

— Умеръ?—переспросилъ Пахомовъ.

— Да.

— Вотъ какъ. Жива ли баба его, Домна Викуловна?

— Эта жива. Вонъ ея хата-то!—И мужикъ указалъ по направлению ея избы.

Пахомовъ пошелъ дальше.

Хата была чистенькая, новенькая и вся сдѣлана изъ теса. Пахомовъ подивился этому обстоятельству. Покойнаго своего родственника и дядю по матери, Митрія Егорова, онъ зналъ какъ плохого семьянина и хозяина, и жилъ онъ въ нуждѣ и скудости, пропивая скудные свои заработки. Какъ же могъ

онъ нажить такую чистенькую хатку? Откуда взялись у него деньги? Была у него хата дырявая, плохая, когда онъ пошелъ на службу.

Пахомовъ вошелъ на дворъ указаннаго домика, смотритъ,— кругомъ все чистенько, опрятно и хозяйственно.

— Здравствуй, Домна Викульевна! Не узнала поди?— обратился онъ къ хозяйкѣ домика.

— Не знай, родимый, чей ты будешь.

— А помнишь Ивана Пахомова?

— Это сынка Сидора Герасимыча?

— Онъ самый.

— Какъ не знать, Ванюша! Какъ ты перемѣнился-то! Садись, голубчикъ. Давно-ли пришелъ-то?

— Вчера еще пришелъ я въ вашу деревню и ночевалъ у какихъ-то двуименныхъ: Софрона и Аванасія, Акулины и Дарьи.

— Это у Таранасовыхъ, значить. Какъ ты попалъ къ нимъ?

— Тебя я не хотѣлъ искать съ дороги, думалъ, переночую у кого-нибудь, а потомъ ужъ... А у васъ тутъ объявилась вся деревня въ кулугурахъ, нигдѣ не пущали меня и только Софронъ этотъ кое-какъ пустилъ меня на ночевку.

— Вонъ какъ. Да, у насъ деревня пошла теперь въ старую вѣру.

— Какая это старая вѣра! Софронъ говорилъ мнѣ такія статьи по своему закону, что онъ хуже татарскаго.

— Что ты, Ваня!

— Да что. Развѣ это старая вѣра? Нѣтъ у нихъ ни поповъ, ни причастья, ни вѣнчанья, ни церковей—ровно ничего. Это новая вѣра—такъ-то жить. Такъ живутъ у насъ кое-какія господа въ Петербургѣ.

— Мы желали бы, Ваня, все это имѣть, да время-то нынѣ антихристово—взять негдѣ.

— Развѣ и ты, тетка, пошла въ кулугуры?

— Да, Ваня, и я перешла изъ церковныхъ въ старую вѣру.

— Давно ли ты это зачумилась?

— Еще съ покойнымъ мы перешли. Онъ и умеръ по

этой вѣрѣ. И горенку намъ эту построили; и грамотѣ я выучилась; теперь читаю псалтирь по заказу, и этимъ живу.

— Ну, дѣла у васъ понастроились: А имя-то тебѣ не смѣнили? Иль ты не крестилась?

— Какъ же! Я теперь зовусь Анной между своими. И покойнику дали другое имя „Андрей“.

Пахомовъ качалъ головою и дивился.

— Хорошая вѣра наша, Ваня. И живутъ благочестиво всѣ, и молятся истово, и подолгу, и милостыню раздаютъ щедро. Переходи вотъ къ намъ, и тебѣ помогутъ всѣ. Будешь знаться съ купцами.

— Какая же это благочестность, когда у васъ дозволяется жить безъ вѣнчанія! Нечто въ старину-то такъ было?

— Ну, у насъ, Ваня, нѣтъ брака. Мы живемъ всѣ по иночески, дѣвственно.

— Откуда же у васъ дѣти-то берутся?

— Это, Ваня, ужъ грѣхъ cadaго, къ вѣрѣ онъ не относится и церковь нашу онъ нисколько не порочить. По нуждѣ вѣдь, и закону премѣненіе бываетъ, говорится въ писаніи.

— Значитъ, по твоему закону, родить дѣтей безъ вѣнчанія есть грѣхъ?

— Конечно, грѣхъ.

— Ну, а я грѣшить не хочу. Я думаю жениться, а у васъ этого нельзя. Стало быть, вѣра твоя для меня не подходящая статья.

— На грѣхъ, Ваня, у насъ покаянье есть. Согрешилъ и покался, вотъ ты и чистъ предъ Господомъ. Кто нынѣ безъ грѣха? Ни одинъ человѣкъ. А вѣнчаться въ Россійской церкви я тебѣ не советую—это ересь, за которую ты во адъ попадешь.

— А такъ жить лучше?

— Конечно лучше. Тутъ ты хотя и грѣшишь, по крайности ты не еретикъ и состоишь въ правой истинной вѣрѣ. Отъ еретика Господь отвращаетъ свое лицо, а отъ грѣшника нѣтъ, стало быть, ты будешь молиться ему прямо въ лицо. Въ писаньи-то еретики прямо проклинаются, а о грѣшникахъ сказано: что „придохъ призвати ихъ на покаяніе“. Къ тому же и грѣхъ-то творишь-по неволѣ...

— Ну, тетка, понятія у васъ перевернулись какъ есть вверхъ дномъ: что хорошо, то вы называете дурнымъ, ересью, что скверно, вы хвалите и называете благочестіемъ. Это чудеса для мена и каждаго. Вѣдь, это какъ есть скотинная жизнь. Роди и только.

— Съ тобою, Ваня, не сговоришь. Тутъ нужна вѣра. Повѣруй, вотъ и спасешься.

Разговоръ оборвался. Надоѣло Пахомову рыться въ грязи всего этого ученія мнимыхъ послѣдователей „старой вѣры“, и онъ замолкъ.

— Давай лучше [попьемъ чайку съ тобою,—предложила ему тетка.

— Развѣ можно?

— Тихонько я пью, а вѣявь—ни-ни!

Скоро узнали въ деревнѣ, что къ Аннѣ Сосулиной пришелъ родственникъ изъ военной службы и начали заявляться къ ней одинъ за другимъ. Послѣ обычныхъ при встрѣчѣ разговоровъ раскольники тотчасъ заводили рѣчь о вѣрѣ, хвалили расколъ и всячески поносили Православную Церковь. Пахомовъ, насколько могъ, защищалъ православіе и возражалъ раскольникамъ. Послѣднимъ весьма хотѣлось, чтобы Пахомовъ перешелъ въ ихъ секту, но онъ былъ твердъ въ православіи и, несмотря на всѣ ихъ уговоры и соблазны, не поддавался ихъ вліянію.

— Послушайся, Иванъ Сидорычъ, нашего совѣта—переходи въ нашу вѣру!—обратились къ нему однажды старики, послѣ двухнедѣльныхъ споровъ и толкованій съ нимъ.—Какъ бы мы любили тебя, и какъ бы тебѣ жилось въ нашей вѣрѣ хорошо.

— Нѣтъ, старики, не уговаривайте меня: вся видимость ваша доказываетъ, что вѣра ваша не настоящая древняя, а новая... Я родился православнымъ и въ вѣрѣ отцовъ своихъ и умру. Ничего дурного, кромѣ житія нѣкоторыхъ лицъ, вы не укажете мнѣ въ моей вѣрѣ, все въ ней соблюдается и творится по уставу св. отецъ. А жизнь-то ведется и у васъ не безъ укора. То же вѣдь: жить безъ вѣнца, родить, какъ животное, дѣтей съ одной, да другой, и бросать ихъ на руки матери—статья грѣховная, что и сами вы подтвердите.

— Что же ты все толкуешь о тѣлесномъ похотѣніи! Этотъ грѣхъ одноличный и подлежитъ покаянію. Объ этомъ и говорить-то не стоитъ. Ты вѣру ищи.

— Я уже имѣю ее, и по своей вѣрѣ и дѣла долженъ творить.

— То-то вотъ что не имѣешь, а блуждаешь во тьмѣ...

— Хорошо. Скажите мнѣ по совѣсти: вы вѣрите, что нынѣ долженъ быть бракъ для жизни человѣка?

Старики, подумавъ, отвѣчали:—нѣтъ, вѣнчанія и свадьбъ нынѣ не довлѣетъ быть. Послѣднее время...

— Значить; вѣры у васъ въ бракъ нѣтъ? Скажите: какъ же теперь жить безъ брака?

— По иночески...

— А кто не можетъ?

— Согрѣшить и покается.

— Вотъ и выходитъ, что у васъ и вѣры нѣтъ, и дѣловъ не имѣется. Вы—новые христіане! У васъ и вѣра, и дѣла грѣховныя, а у насъ въ церкви и вѣра, и дѣла по благочестію. Мы живемъ, какъ жили наши отцы и дѣды, какъ жили всѣ благочестивые христіане во все время. Наша церковь не учитъ грѣху, а вы разрѣшаете: согрѣши и покайся. Такое ученіе я слышу впервые.

— По твоему наша вѣра нехорошая?

— Не только не хорошая, а самая пагубная. Когда была бы хорошей вѣрой, то ученые люди приняли бы ее, а то—нѣтъ. Самъ Государь нашъ и всѣ князья царскаго дома держатся православной вѣры, ходятъ въ церковь, причащаются св. тайнъ и пр. А мы съ вами развѣ больше ихъ читали книгъ? Развѣ больше ихъ понимаемъ? Я когда былъ безграмотный, то всему вѣрилъ, что мнѣ говорили: а когда выучили вотъ грамотѣ, то могу самъ читать и видѣть. А кабы я еще больше поучился въ училищѣ, то еще больше сталъ бы знать. Поэтому много учившіеся, много и знаютъ, и лучше насъ разсуждаютъ и понимаютъ дѣла. Въ попы и въ архіереи у насъ также ставятъ ученыхъ людей, которые хорошо знаютъ и объ вѣрѣ, и о церкви, и обо всемъ духовномъ. Гдѣ-же тутъ утягаться въ познаніяхъ вашему наставнику или уставщику, которые только азбуку выучили, да псалтырь! Развѣ они мо-

гутъ столько понимать, сколько наше духовенство знаетъ? Никогда. Поэтому они и путаются въ своихъ толкованіяхъ, что не понимаютъ, къ чему и какъ написано въ книгахъ и какъ нужно разумѣть писаніе. И вотъ сами эти люди блуждаютъ въ расколѣ и васъ затанули въ свое заблужденіе.

— Послѣ этого, старики, намъ нечего толковать съ нимъ,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.—Старая вѣра, какъ видится, ему не по нутру, и онъ не можетъ въ ней бытъ. Ему любо никоніанство.

— Пометать болѣе бисеръ не довлѣетъ,—поддакнулъ другой.

— Это правда.

— А коли такъ, то и проживаться ему здѣсь не подобаетъ. Слышь, Анна! Еретика держать тебѣ въ дому невозможно, потому ты читаешь неугасимыя. Пусть его выходитъ изъ твоего дому.

— Супротивъ вашей воли я не отказываюсь. Хотя онъ мнѣ и племянникъ, а разумъ у него свой. Говорили ему о св. дѣлѣ, онъ не слушаетъ, значить, не желаетъ быть въ добрѣ. Иванъ! Понимаешь, что старики толкуютъ?

— Слышу,—отвѣтилъ Пахомовъ.

— Желаетъ перейти въ нашу св. вѣру?

— Нѣтъ.

— Такъ уходи отъ меня.

— И уйду.

— Уходи и изъ деревни вонъ, потому мы тебѣ не советники и не помогатели. Развратителя нашей вѣры мы не желаемъ содержать въ своей деревнѣ,—грозно изрекли старики.

— Какъ вы смѣете гнать меня изъ деревни, когда я состою въ этомъ обществѣ! Вотъ такъ старая вѣра! Вотъ оно благочестіе-то когда объявилось.

— Всѣмъ міромъ мы не желаемъ тебя имѣть въ обществѣ. Куда знаешь, туда и выходи.

— А буду жить и никуда не пойду.

— Къ становому сволокемъ тебя.

— Незачто!

— Міръ—великъ человѣкъ! Супротивничать ему трудно. Много видали мы такихъ бригоубцевъ...

И разсерженные старики вышли изъ горницы.

— Теперь, Ваня, ты освобождай мою келью, — сказала ему тетка. — Больше я держать тебя не могу. Живи гдѣ хочешь.

— Ну, въ благочестіе попала ты, тетка! Вотъ она какая старая вѣра-то.

И, простившись, Пахомовъ вышелъ изъ ея кельи.

Грозныя слова стариковъ Пахомовъ принялъ за шутку и вспыльчивость. Мало ли что, думалъ онъ, можно сказать въ пылу гнѣва и раздраженія? Не всякое же слово ставить въ строку, а они тѣмъ болѣе темные люди, не знающіе, и потому свободно могли наговорить всякой всячины. Вышло, однако, иначе. Пахомовъ отвыкъ отъ деревни и позабылъ мужиковъ. А послѣдніе, высказавъ ему въ глаза правду, именно рѣшили такъ, чтобы выжить его изъ деревни и не держать въ своемъ обществѣ. Когда, послѣ ухода стариковъ, онъ вышелъ изъ кельи тетки и направился вдоль села съ намѣреніемъ попроситься къ кому-нибудь на квартиру, то его рѣшительно никто не пустилъ въ свой домъ и отказался отъ всякой платы за постой. Даже Софронъ-Афанасій, у котораго онъ ночевалъ предъ этимъ, и къ которому сталъ онъ проситься на квартиру, хотя на время, отказалъ ему въ этомъ и безцеремонно отвернулся отъ него. Мало этого, прежняго ласковаго Софрона-Афанасія и добрую жену его Акулину-Дарью онъ совсѣмъ не узналъ: они перемѣнились, обошлись съ нимъ грубо, дерзко, какъ-будто видѣли предъ собою какого бродягу, или еще хуже — уголовного преступника. Пахомовъ недоумѣвалъ, дивился; онъ не думалъ, что отказъ его перейти въ расколъ встревожитъ весь раскольническій міръ и взбудоражитъ его отъ мала до велика, точно муравейникъ. Предложеніе мужиковъ онъ считалъ личнымъ дѣломъ ихъ однихъ, а не общества. Со стариками онъ и думалъ только считаться, а не со всѣмъ обществомъ. Онъ не зналъ силы стариковъ въ обществѣ, ихъ вліянія на другихъ, не зналъ раскольниковъ, которые, точно одинъ чловѣкъ, сплываются между собою и дружно ратуютъ за общіе интересы.

Рѣшительно ни одинъ чловѣкъ въ деревнѣ не осмѣлился возстановить противъ себя весь міръ и не пустилъ Пахомова на квартиру. Съ первой и до послѣдней избы, съ конца на

конецъ прошелъ онъ всю деревню и, какъ одинъ человекъ, всѣ говорили одно: „не пускамъ“. Понялъ тутъ Пахомовъ, что деревня стакнулась противъ него, что одинъ со всѣми онъ ничего не сдѣлаеть. Вотъ тебѣ родная сторонужка! думаль онъ. Ни зачто, ни прочто выгоняють тебя. Царю и отечеству служилъ, кровь проливалъ, а пришелъ на родину, тебя мужики гонять прочь. И какой это негодяй поселилъ здѣсь этотъ проклятый расколъ? Добрыхъ, общительныхъ и простодушныхъ мужиковъ, превратилъ въ какихъ-то фанатиковъ, звѣрей, ничего не признающихъ, кромѣ своихъ догматовъ!..

Между тѣмъ Пахомову предстояло серьезно подумать о будущемъ ночлегѣ. День клонился къ вечеру. Утромъ онъ только напился чаю, и теперь голодный остался ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Онъ завернулъ было къ теткѣ съ намѣреніемъ передать ей свое горе, закусить, еще разъ переночевать и уже рано по утру отправиться въ путь-дорогу; но расчеты его лопнули: тетка не отперла ему даже дверей дома, а, отворивъ окно, холодно выслушала его слова и сказала: „самъ виновать, родимый. Что посѣялъ, то и пожнешь. Иди теперь, куда знаешь, а не хопь идти, переходи въ нашу вѣру.“

— Будьте вы прокляты съ своей адской вѣрой!—гнѣвно вскричалъ Пахомовъ.

Окно захлопнулось у кельи, Пахомовъ озлобленно пошелъ улицею и вышелъ вонъ изъ деревни.

— Даже родство утратили, всякое чувство состраданія повыбросили изъ сердца,—разсуждалъ Пахомовъ, шагая за гумнами уже.—Экіе варвары! Насильно тащатъ въ свою ересь. И какъ этакъ темному мужику, живя въ одной деревнѣ съ ними, устоять противъ ихъ насилія? Ничего онъ не знаетъ, безграмотный, ну, и давятъ его. И онъ насильно, а идетъ въ расколъ. Что же сдѣлаешь съ этими олухами, когда сила на ихъ сторонѣ? Выгнали же вотъ меня! Изволь теперь идти въ чужую деревню. Чудеса творятся въ нашей Россіи. Вотъ кабы сюда нашего ротнаго командира, Николая Николаевича поставить на недѣльку! Ужъ и задалъ бы онъ перцу всѣмъ этимъ раскольникамъ!! Встряхнулъ бы онъ ихъ, какъ нельзя лучше. Небу было бы жарко! Больно не любить онъ это разновѣріе всякое. У него одно: знай церковь, а дальше своей тупой го-

ловой не смѣй разсуждать. Умный, ученый человекъ можетъ толковать и разсуждать о вѣрѣ, а безграмотный, слѣпой мужикъ—чего выдумаетъ, кромѣ глупости! Онъ землю-то хорошенько не умѣетъ вспахать, а туда же еще о вѣрѣ разсуждать.

Въ это время Пахомовъ подошелъ къ роднику, изъ котораго какая-то женщина достала два ведра воды, надѣла ихъ на коромысло, а послѣднее на плечи. Пахомовъ вспомнилъ объ этомъ родникѣ, вспомнилъ и о водѣ, которую онъ пилъ, и въ которой купался въ дѣтствѣ.

— Пойди, тетка!—крикнулъ Пахомовъ.—Дай мнѣ напиться! Угорѣлъ отъ жажды...

Баба, не обращая никакого вниманія на солдата, пошла въ деревню.

— Что тебѣ жалко, что-ли, воды-то?

— Нельзя: ведры осквернишь.

— Какъ оскверню! Что я собака что ли?..

— Не собака ты, а еретикъ, по нашему. Съ еретикомъ же ни пить, ни ѣсть, ни въ купѣ Богу молиться не довлѣетъ по христіанскому закону.

— Христа ради, тетюшка, дай напиться,—взмолился Пахомовъ.—Больно пить я хочу.

— Говорю, опоганишь ведра.

— Ну, христіане... а еще хвалитесь, что по старой вѣрѣ идете. Какая это вѣра, что напиться не даете!

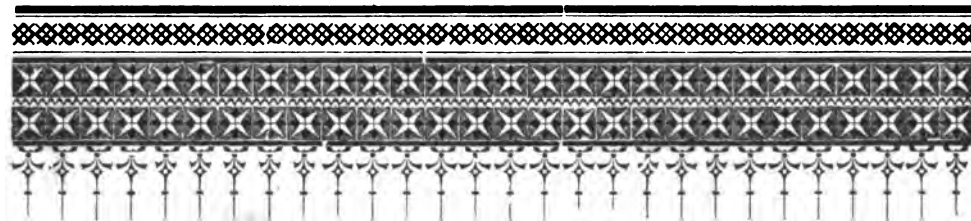
Но баба, не слушая разсужденій Пахомова, пошла въ деревню.

— Эхъ, дорогая ты моя родина!—глубоко вздохнувъ, проговорилъ Пахомовъ. Онъ обернулся назадъ, съ болью въ душѣ посмотрѣлъ на свою родимую деревеньку, изъ которой 20 лѣтъ тому назадъ его такъ радушно, сердечно провожали всѣмъ обществомъ на службу Богу и Государю, и которой теперь онъ совершенно не узналъ. вмѣсто любви къ нему проявили ненависть; вмѣсто радушія—полное презрѣніе; вмѣсто прежняго участія, теплаго и искренняго, глубокое отвращеніе, какъ къ зараженному ересью, отъ которой всѣ чураются, бѣгутъ и запираются въ своихъ домахъ, считая его страшнымъ лицомъ. Невольная слеза скатилась изъ его глазъ. Жаль ему было своей деревеньки. Жаль прежнихъ добрыхъ мужичковъ,

которыхъ не добрые расколо-учители довели до полного разобщенія съ другими людьми,—создали изъ нихъ какую-то особую корпорацію людей, съ особыми взглядами, понятіями и убѣжденіями. И, обернувшись, съ унылымъ видомъ зашагалъ Пахомовъ между полей и лѣсовъ дремучихъ.

Прости, деревня, прости, родная земля!

ЛІ.

НАЧЕТНИКЪ ПРИЊХАЛЪ...

I.

громное село Бакуры, Сердобскаго уѣзда, давно уже представляющее собою гнѣздо раскольничьихъ сектъ, пробудилось отъ сна и занялось своимъ хозяйствомъ: одинъ гналъ скотину на водопой, другой отправился за кормомъ на гумны, третій работалъ кое-что вокругъ дома. Разсвѣтъ дня былъ полный; солнце начинало восходить, но еще не давало обильныхъ, свѣтлыхъ лучей, какіе могутъ быть въ мартѣ мѣсяцѣ. Словомъ, стояло такое время утра, которое старообрядцы объясняютъ такъ, что солнышко не успѣло еще надѣть свою „огненную“ ризу, а только припасается еще къ одѣванію этой ризы. Ангелы держатъ эту ризу, свернутую на изнанку, а она, эта „огненная“ риза, нѣтъ-нѣтъ, да и развернется у нихъ и краемъ своей одежды блеснетъ на землю-матушку.

По улицѣ села, съ костьюлемъ въ рукахъ, поспѣшно то-ропясь, шла сѣдая, какъ лунь, старуха. Она ежеминутно озиралась кругомъ, какъ-будто боялась какой погони за нею, или же что вотъ-вотъ кто нибудь сцапаетъ ее и крикнетъ въ ея глухія уши: „что, молъ, попалась, старая карга! Я тебя...“

— Макарьевна, куда такъ рано бѣжишь!—спросилъ мужикъ, стоя у воротъ съ лопатою въ рукѣ.—Или какое дѣло попритчилось, что къ спѣху нужно?

Макарьевна остановилась, махнула своимъ костьюлемъ, и мужикъ поспѣшно подбѣжалъ къ ней.

— Али кто есть у насъ?—спросилъ онъ, близко наклонившись къ ней.

— Есть, Абрамушко; есть нужный человѣкъ...

— Говори: кто и откелева пріѣхалъ?

— Начетникъ пріѣхалъ, Абрамушко! Великій начетникъ заявился! Бѣгу, вотъ, оповѣстить Назаровыхъ, Акундиновыхъ, да Силантію сказать, чтобы всѣ шли къ Растягаеву,—у нихъ онъ остановился.

— Хорошій человѣкъ? Досужій ли въ книгахъ-то?—допытывался Абрамъ, рассуждая руками.

— Такой начетникъ, Абрамушко, такъ говоритъ эта онъ сладко, да и по книжному, что и не поймешь ничего. А книги-то такъ и швыряетъ одну за другой. Въ одной почитаетъ статью, въ другую кинется, отъ этой книги въ третью; да и сколько ихъ перечитаетъ заразъ и все это разведетъ, куда какая вещь принадлежит и о чемъ толкуетъ.

— Дѣляга, значитъ, пріѣхалъ; надо прійти послушать...

— Приходи, родной, приходи. Шепни и Васинымъ - то объ этомъ.

— Скажу. Давно ужъ у насъ не было такихъ лицъ.

— Есть чего послушать, Абрамушко. Ума — палата. А какъ учнетъ поучать-то—и то не такъ, и это не по его дѣлаютъ; за все ругаетъ страсть какъ! Вы, говоритъ, забыли христіанство-то, почитай, до корня; васъ съ изнова нужно на-трафлять на истинную дорогу. Вотъ что прорекъ Абрамушка. Инда слезамъ подобно...

— Конечно, живемъ безъ поученія, може что и вкривъ

дѣлаемъ; а кому натрафить, коли по окольной пошли.... резонно замѣтилъ Абрамъ.

— Истинно говоришь ты! Однако, я заговорила съ тобою; пора бѣжать къ Назаровымъ, они, вѣдь, еще ничего этого не знаютъ.

— Давай стафеть. Это интересно каждому.—И Макарьевна снова заковыляла вдоль села, опираясь на свой костыль.

II.

Гавриль Акиндиновъ Огольцевъ, житель села Покурлей, Хвалынскаго уѣзда, давно уже зарекомендовалъ себя между темными людьми, какъ начетникъ и вообще великаго ума человѣкъ. Онъ не зналъ грамоты, не умѣлъ и пера взять въ руки, но и безъ этого, благодаря одной своей природной смекалкѣ, онъ сумѣлъ сбросить съ себя тяжелое крестьянское ярмо труда и перешелъ на „легкіе хлѣба“, какъ говорятъ крестьяне вообще о такихъ людяхъ. Родившись въ большомъ семействѣ у своего отца, Гаврюшка съ каждымъ днемъ отбивался отъ черной работы: не по сердцу она была ему и не по нраву. За это не разъ доставались ему сильнѣйшія колотушки и головомойки отъ отца и братьевъ, но Гаврюшка, терпѣливо перенося ихъ, по прежнему льнулъ къ старымъ дѣвицамъ—читалкамъ, безъ каковыхъ лицъ ни одно село не бываетъ, не только раскольничье, но и чисто православное.—„Въ начетники, что ли, ты готовишь себя, подлець!“ говаривалъ отецъ Гаврюшки послѣ заданнаго ему трезвона. И, дѣйствительно, Гаврила готовилъ себя къ этой роли. Въ кельяхъ у дѣвокъ, въ домахъ, при проѣздѣ какого-нибудь наставника, Гаврила жадно вслушивался, о чемъ говорили и читали старообрядцы и старался запоминать все это. Отъ постоянного упражненія память его развилась въ сильнѣйшей степени, и вполнѣдствіи онъ сталъ читать на память цѣлыя страницы старопечатныхъ книгъ, читая ихъ буква въ букву. Безграмотный человѣкъ и съ такимъ твердымъ знаніемъ книгъ, онъ еще болѣе приводилъ въ удивленіе старообряд-

цевъ. Гаврила понялъ, что онъ дошелъ до точки опоры, той точки, на которой можно и деньгу зашибить, и себя прославить между темными людьми. Убѣдившись въ этомъ, Гаврила рѣшилъ оставить отцовскій домъ и одно время скрылся изъ села, увезя съ собой для компаніи одну изъ мѣстныхъ красивыхъ черничекъ. Въ иномъ уѣздѣ онъ объявилъ себя сторонникомъ Спасовой секты, какихъ только начетниковъ ему и приходилось до этого слушать, и выступилъ въ защиту этой секты противъ другихъ старообрядцевъ. Бесѣда его произвела фуроръ въ средѣ его братіи, которая тотчасъ-же дала ему титулъ начетника и всезнающаго человѣка. Деньги, хлѣбъ, холстъ и пр. вещи щедро пошли ему за трудъ. Гаврила или, какъ стали теперь величать его, Гавриль Акиндиновичъ, все бралъ и ни отъ чего не отказывался; онъ хорошо зналъ, что городъ приметъ всякій продуктъ крестьянина и за все уплатитъ наличными деньгами. Съ этого времени Гаврюшка и пошелъ въ ходъ между старообрядцами и сталъ совершать свои „странствія“ ежегодно, не стѣсняясь предѣлами не только одного какого-нибудь уѣзда, но даже и губерніи. Для него стало все равно, что быть въ Казани, Самарѣ, Нижнемъ, или Саратовѣ—своей родинѣ. Онъ познакомился со многими купцами въ Поволжьѣ, богатыми крестьянами въ селахъ, натолковался между такими же „дѣлягами“ своего ремесла и развилъ свою практику во многихъ селахъ различныхъ губерній. Приходъ свой онъ не могъ уже обѣзжать съ аккуратностью каждый годъ, и во многихъ селахъ сталъ бывать чрезъ два года въ третій. Но зная, насколько шатки и не прочны старообрядцы въ своихъ вѣрованіяхъ къ начетнику, онъ ввелъ въ своей практикѣ письменную переписку, для каковой работы сталъ держать при себѣ письмоводителя, ставшаго потомъ и помощникомъ ему по миссіи. По его указанію, писарь составлялъ и разсылалъ къ его христіанамъ разныя умилительныя посланія, въ которыхъ, кромѣ назидательности содержать неуклонно благочестіе „праотець и отецъ нашихъ“, обычно приписывалась просьба выслать „деньжонокъ на нужду“, за которыя онъ, Гаврила Огольцевъ, вѣчно будетъ Богу молиться и постоянно помнить своего щедраго благотворителя. И просьба эта не оставалась безъ удовлетворенія. Не ограни-

чиваясь этимъ, Огольцевъ внесъ въ практику своей дѣятельности и другую форму наживы: онъ сталъ при развѣздахъ продавать иконы, книги, свѣчи, ладонь, лѣстовки и пр., приготавливая то и другое самъ и самымъ хозяйственнымъ образомъ. Лѣстовки ему сотнями плетутъ чернички по самой дешевой цѣнѣ; иконы и книги прокоптить—пустое дѣло. Купилъ въ лавкѣ то и другое подходящее, вырвалъ изъ книги выходной листъ, чтобы она не свидѣтельствовала о недавней своей печати, вложилъ въ трубу,—и сажа съ дымомъ прокоптитъ ихъ въ нѣсколько дней. Тогда вмѣсто 3 рублей, смѣло проси 30—50 р., и охотники этого товара безъ торга купятъ ихъ. И какъ не купить такія вещи у такого свѣдущаго человѣка? Кому же, какъ не ему, и толкъ знать въ нихъ? А за хорошія вещи, къ тому же и божественныя, по старообрядчески, грѣшно и торговаться: давай сколько стоитъ вещь! И дадутъ темные люди...

Такимъ путемъ Гаврила нажился и зашибъ деньги. Авторитетъ его, какъ начетника выросъ значительно. Популярность его была далеко за предѣлами его родины. Изъ „подлеца Гаврюшки“, какъ величалъ его отецъ, онъ превратился въ Гаврилу Акиндиновича Огольцева. Семью отца онъ бросилъ; самъ остался бобылемъ, предпочитая лучше смѣнять черничекъ, чѣмъ связать себя брачными узами, хотя бы въ раскольническомъ духѣ, съ одной какой-нибудь представительницею потомства Еввы. И живетъ себѣ Гаврила Акиндиновичъ припѣваючи, точно у Христа за пазухою. Развѣзжаетъ онъ по своей епархіи, точно архіерей, получая почести, деньги и деньги...

III.

Поздними сумерками пришелъ поѣздъ Тамбово-Саратовской желѣзной дороги на сосѣднюю съ г. Аткарскомъ станцію Лопуховка. Гаврила Акиндиновичъ вошелъ въ вокзалъ, потребовалъ себѣ багажъ и, нанявъ лошадей, отправился въ путь-дорогу. Багажа у него было много; спутникомъ ему былъ неизмѣнный его писарь, давно уже сжившійся съ своею ролью и привыкшій къ своему патрону. Онъ также жилъ бобылемъ

и, находясь неотлучно при своемъ патронѣ, собиралъ себѣ частицы отъ роскошнаго пира, устраиваемаго старообрядцами его благодѣтелю. Эти крупицы, собираемыя имъ въ теченіе года, настолько значительны для его кармана, что онъ никогда не позволялъ себѣ заикаться о жалованьи. Огольцевъ это зналъ и потому ничего не платилъ ему. Даже содержаніе не всегда давалъ ему со своего стола, когда жилъ въ своей резиденціи. А потому спутникъ Огольцева обычно привиталъ въ келіяхъ черничекъ и по мѣрѣ надобности заявлялся къ нему въ домъ. Не любилъ Огольцевъ, чтобы постоянно торчалъ у него подъ носомъ чужой человѣкъ и потому еще, что онъ жилъ двойной жизнью: иною на приходѣ своемъ, и иною въ своей квартирѣ. И эту вторую жизнь свою онъ всячески скрывалъ отъ посторонняго глаза; даже не довѣрялся своему приближенному спутнику, опасаясь, какъ бы онъ не выдалъ его когда-либо.

— Давно уже я не былъ въ этомъ зимовьѣ,—заговорилъ Огольцевъ.— Народъ-то больно сквалыжникъ! При городѣ, да при желѣзной дорогѣ, нѣтъ хуже народишка. Хотятъ и благочестіе наше соблюдать, да и гроши свои уберечь. Жохи! Все норовятъ подешевле.

— Можно, дѣдушка, имъ сказать объ этомъ: тогда они исправятся,—замѣтилъ спутникъ Огольцева.

— Сказать! Развѣ можно это дѣлать? Тогда прямо укажутъ на никоніанцевъ; скажутъ, и ты такой же побиральщикъ и попрошайка, какъ и попы никоніанскіе. Это, братъ, дѣло серьезное.

— Такъ какъ же иначе-то, дѣдушка, поступить?—допытывался онъ.

— А это, товарищъ, нужно сдѣлать по-иному. Пускай они тоже дадутъ, да по другому способу. И мы будемъ довольны, и имъ не замѣтно, что много дали намъ. Такъ будетъ гораздо лучше и сытнѣе. Вотъ, къ примѣру, пріѣдемъ мы въ Бакуры-то, поведемъ тамъ толкованье съ кѣмъ нужно, а ты тамъ и скажешь въ народѣ-то, тихонько отъ меня: усталъ, молъ, дѣдушка-то, съ этимъ ученіемъ страхъ какъ! И не хотѣлъ было ѣхать къ вамъ, да пожалѣлъ васъ оставить въ этомъ посту безъ наученья. Ну, и еще этакое словечко поза-

нозистѣе, да позабористѣе вверни имъ, вотъ оно и подудить въ рифму.

Спутникъ мотнулъ головою, выразивъ этимъ свое согласіе. Начетникъ продолжалъ:

— Нельзя, милый человѣкъ, и объ этомъ не держать повѣди. Народъ—глупъ; онъ не понимаетъ, что для него вотъ мы трудимся и развѣждаемъ по дорогамъ. Онъ считаетъ только свой трудъ, а насъ готовъ держать только на одномъ хлѣбѣ. Поэтому-то и нужно легонько, да осторожно втолковывать ему и просвящать его темныя очи. Ну, да ты ужъ не первый годъ у меня служишь и знаешь, какъ и гдѣ нужно поступить.

Огольцевъ умолкъ; замолчалъ и спутникъ его. Дорога дальная; отъ Лопуховки до Бакуръ будетъ верстъ 40. Путешественники утомились и задремали.

Оставимъ ихъ въ сладостной дремотѣ продолжать свое путешествіе и займемся личностью помощника Огольцева.

Писарь и тѣлохранитель „Гаврика“, какъ величали его у себя на родинѣ мужики, гдѣ онъ, по извѣстному изрѣченію, не былъ пріятель въ своемъ отечествіи и не пользовался репутаціею строгаго начетника, давно уже находится въ этой своей роли; „Гаврикъ“ встрѣтилъ его въ одномъ раскольническомъ селѣ мальчуганомъ и, встрѣтивши, пріютилъ его и увезъ съ собою. Онъ былъ сынъ бѣдной вдовы, у которой, кромѣ него, было еще человѣкъ 5 дѣтей. Вдова съ удовольствіемъ отпустила своего 12-лѣтняго Максимку, ввѣривъ безконтрольно судьбу его въ руки Огольцева.—„Что ему болтаться-то на улицѣ! Пусть лучше состоитъ при хорошемъ человѣкѣ въ теплѣ и сытости,“ рѣшила вдова. Максимка учился нѣсколько въ сельской школѣ, хорошо читалъ и умѣлъ съ ошибками вкривъ и вкось выводить буквы на бумагѣ. Это-то и нужно было Огольцеву. Въ его практикѣ это было такое время, когда онъ долженъ былъ разсылать свои умиленные посланія по разнымъ христіанамъ, но писать которыя, по своему безграмотству, онъ не могъ. Максимка, какъ мальчишка, былъ для него подходящій человѣкъ. Ему не нужно было и жалованья платить, и содержать его можно „Христовымъ именемъ.“ На него, какъ на сироту, можно даже вы-

просить у тѣхъ же христіанцевъ лишній рубль и лишнюю мѣру ржи, пшеницы, и всякій дастъ это и даже поблагодарить Гаврилу Акиндинъча, что онъ по добротѣ своего сердца прирѣлъ около себя безпріютнаго сироту. Значить, съ приобрѣтеніемъ Максимки Огольцевъ получалъ еще новую выгоду и возможность откладывать въ свой карманъ выпрошенныя на него сиротскія деньги. А тамъ шить ему бекешку, рубаху, шубу, сапоги,—это отвѣтитъ тотъ же міръ людской, у котораго, по пословицѣ, по одной ниткѣ собирается голому рубаха.

Такъ росъ Максимка при Огольцевѣ, совершая вмѣстѣ съ нимъ странствія по градамъ и селамъ обширной Руси. Въ дорогѣ онъ былъ у него и посыльнымъ, и сторожемъ его товара, а когда по привычкѣ къ дѣлу, то сталъ и продавать съ „прижимочкою“ разныя вещи, чего самому Огольцеву дѣлать было невозможно.

— Дѣдушка! Нельзя, вѣдь, за эту цѣну уступить Николаю Христофорычу книгу-то? Ты самъ, я помню, дороже далъ ее въ Нижнемъ-то,—скажетъ иногда Максимъ, видя упорство мужика и обращаясь къ Огольцеву.

— Ну, Максимъ, мы чай съ тобой не взаправскіе торговцы, что барыши наживаютъ. Ты смотри на желаніе чловѣка, на внутренность его, а тамъ Христосъ съ нимъ! Зачѣмъ въ торги идти? Отдай Николаю Христофорычу, коли вещь эта ему приглянулась, а тамъ онъ овсеца, пшенички дастъ намъ при этомъ, вотъ оно дѣло-то и будетъ по христіански и съ любовью.

— Ужъ и добрый нашъ дѣдушка,—скажетъ на это Максимъ.—Готовъ за полцѣны отдать свою вещь, только бы чловѣку угодить.

Вещь переходитъ въ руки мужика, и послѣдній съ благодарностью передаетъ Огольцеву деньги, съ прибавленіемъ овса, пшеницы, ржи и пр. Огольцевъ рубль на рубль нажилъ въ деньгахъ, да къ этому получилъ еще продуктами съ мужика. Это, по выраженію Гаврилы Акиндинъча, „взять то же самое, да по другому способу“. Онъ и Максимкѣ потому только и сказалъ, чтобы онъ смотрѣлъ только „на внутренность чловѣка“, что онъ прямо и публично при народѣ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ, а самъ давно уже вы-

муштровалъ его и научилъ, какъ быть въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ, когда „внутренность“ мужика не согласуется съ желаніемъ Гаврилы Акиндиныча и предлагаетъ за вещь меньше цѣны, чѣмъ онъ самъ за нее назначилъ. Это, какъ говорятъ, былъ только фортель одинъ, или уловка Максима, заранѣе обусловленная между нимъ и его дѣдушкою.

Время шло своимъ чередомъ: Максимъ росъ и крѣпкъ силами, а Огольцевъ шелъ подъ гору и старился. Время, въ которое мы застаемъ того и другого, представляетъ Огольцева 50-лѣтнимъ мужчиною, а его спутника—браваго и дороднаго парня, лѣтъ 27—28 съ небольшимъ. Максимъ возмужалъ, натрѣлъ въ хитростяхъ своего дѣдушки, сталъ именоваться Максимомъ Никифоровичемъ Чернозубовымъ. У него завелись деньжонки,—и на сторонѣ давно имѣются разные Макридушки, Феклы и Дарьи чернички, которыхъ онъ преспокойно обираетъ одну за другой, а подвернется подъ руку, то и къ ряду вмѣстѣ. Изъ-за браваго молодца, дорогого для этихъ лицъ, потому что онъ „своего поля ягода“, многія чернички не разъ дрались и трепали другъ другу волосы, перекупали его деньгами, чтобы онъ плевалъ на другихъ соперницъ и вѣдалъ изъ нихъ одну только; но Максимъ держитъ себя въ этихъ случаяхъ ровненько и спокойно, обращая главное свое вниманіе къ той особѣ, откуда гуще и живѣе истекаетъ денежный ручеекъ.

Огольцева онъ звалъ дѣдушкою съ первыхъ дней своего появленія при его особѣ и по его наученію, хотя самъ Огольцевъ въ людяхъ прямо говорилъ про Максима, что онъ ему не внукъ и не родня, а просто найденный имъ на дорогѣ бездомный сирота, котораго изъ жалости пріютилъ при себѣ и потомъ вывелъ въ люди. Самъ Максимъ привыкъ видѣть въ Огольцевѣ отца родного, покровителя и раболѣпствовалъ предъ нимъ до-нельзя.

— Скоро Бакуры-то?—спросилъ Огольцевъ, очнувшись отъ дремоты и толкнувъ своего спутника.

— Скоро, дѣдушка; Екатериновку и Кручь уже проѣхали.

И дѣйствительно, вдали на широкой луговинѣ показалось большое село Бакуры. Бѣлѣлась огромная каменная церковь, масса крестьянскихъ домовъ, раскинутыхъ въ беспорядкѣ на

обширномъ пространствѣ. Черезъ нѣсколько минутъ они вѣхали въ село и скрылись въ разрисованныхъ воротахъ богатаго мужа Растягаева.

IV.

— Гаврила Акиндинъчъ! Добро пожаловать. Давно уже ты не бывалъ у насъ,—встрѣчалъ хозяинъ начетника.

— А ты открывай божницу-то. Нужно прежде лику Божию воздать почестъ, а потомъ ужъ хозяина привѣтствовать съ добрымъ здоровьемъ,—строго замѣтилъ Огольцевъ.

Хозяинъ кинулся къ переднему углу и отворилъ стеклянныя дверки, за которыми скрывался цѣлый иконостасъ разныхъ иконъ. Тамъ были: Гурій, Самонъ и Авивъ мученики, помогающіе мужу и женѣ жить въ любви между собою; священно-мученикъ Антипа, исцѣляющій зубную болѣзнь, преподобный Марой, помогающій отъ лихорадки; Фроль и Лавръ, сохраняющіе домашній скотъ отъ падежа и всякихъ болѣзней, семейные святыя, Николай Чудотворецъ и др. Около иконъ стояла мѣдная ручная кадила, увѣнчанная восьмиконечнымъ крестомъ, и рядомъ съ нею ладонка. Тутъ же хранились и восковыя свѣчи. Внизу божницы, въ особомъ ящикѣ, лежала іосифовская псалтырь, постоянная принадлежность старообрядческаго дома, и кромѣ ея часовникъ со святыми и другія книги. Безпоповскіе сектанты нарочито закрываютъ свои иконы рамами за стекломъ, боясь оскверненія ихъ отъ никоніанъ и другихъ сектантовъ, не согласныхъ съ ними въ вѣрѣ. Если никоніанинъ или старообрядецъ-иновѣрецъ помолится прямо на икону, то икона эта уже осквернилась и не годится для молитвы хозяину съ семьею. Можно-бы смыть эту скверность съ иконы святою водою, но у безпоповцевъ ея нѣтъ. Остается единственный исходъ—закрывать иконы стекломъ или, какъ дѣлаютъ бѣдняки, занавѣскою,—тогда, какъ ни молись иновѣрецъ, а молитва его будетъ ударяться въ стекло или занавѣску, а не прямо въ ликъ Божій.

Гаврила Акиндинъчъ снялъ съ себя полушубокъ, близко подошелъ къ божницѣ и положилъ предъ открытыми иконами

три истовыхъ, довольно низкихъ поклона, говоря при каждомъ ознаменованіи себя по слѣдующему стиху: „Боже милостивый буди мнѣ грѣшному (поклонъ!) Создавый мя, Господи, помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй мя и прости мя грѣшнаго!...“

— Добраго здоровья, хозяинъ съ хозяйшкою, — обратясь назадъ, сказалъ Огольцевъ, и поклонился имъ въ поясъ. — Какъ живете? Какъ можете въ благочестіи?

Во время молитвы Огольцева хозяинъ и хозяйка тихо стояли позади него и вздыхали. На сдѣланное имъ привѣтствіе они разомъ поклонились ему — хозяинъ въ поясъ, а женщина, особенно благоволившая къ Огольцеву, поклонилась ему въ землю.

— Спаси тебя милостивый Господи, что ты пріѣхалъ къ намъ! — сказали они при этомъ поклонѣ.

— Васъ да спасетъ Господь за привѣтствіе сирыхъ странниковъ, — отвѣтилъ Огольцевъ. И, пройдя къ столу, сѣлъ около него.

Рукопожатіе между многими безпоповскими сектами не позволяется и считается великимъ грѣхомъ. Гаврила же Акиндинычъ былъ особенный ревнитель этого запрещенія и никогда никому руки своей не подавалъ и другимъ строго запрещалъ это дѣлать. Гаврила Акиндинычъ прямо говорилъ, что это — языческій обычай, перенятый еретиками никоніанами, а отъ нихъ заразились этою ересью и многіе старообрядцы. Какъ на доказательство правоты своего ученія, начетникъ ссылался на 103-е слово, помѣщенное въ старопечатной книгѣ св. Ефрема Сирина, гдѣ сказано: „руку вражды не даждь ми.“ Гаврилъ Акиндинычу только и нужды были эти слова, а тамъ какой смыслъ они имѣютъ у св. Ефрема Сирина, ему до этого и надобности не было.

— Собирай-ка, баба, о. Гаврилу пообѣдать. Дорогого гостя нужно потчивать.

Послѣдователи Спасова согласія чуждаются чаепитія. Китайское зеліе, сахаръ — все это чужеземщина, скоромъ и грѣховное лакомство. Гаврилъ Акиндиновичъ секретно въ своемъ домѣ скоромился этою чужеземщиною, но когда былъ въ походѣ у своей братіи, чуждался чаепитія и проповѣдовалъ о

немъ, какъ о ереси. Тѣхъ преслушниковъ, котòрые такъ или иначе пили это зеліе, начетникъ бранилъ, и говорилъ, что они этимъ поклоняются китайскому змію, который на 10 мытарствѣ по смерти ихъ будетъ окачивать горячею водою.

Баба вынула изъ сундука чистый настольникъ, постлала его и стала подавать на столъ разныя кушанья.

Гаврила Акиндиновичъ всталъ, умылъ руки и снова сталъ предъ иконами на молитву; его помощникъ слѣдовалъ во всемъ его примѣру.

Молча потрапезовалъ начетникъ съ своимъ помощникамъ, и снова помолился на иконы.

— Спаси васъ, милостивый Господи, за хлѣбъ, за соль! Дай вамъ Господи добраго здоровья за это,—разомъ проговорили начетникъ съ помощникомъ.

— Не обезсудьте, родные, на нашемъ убожествѣ. Нечаянно застали насъ; нечѣмъ хорошенько и попитать-то васъ,—отвѣтила хозяйка.

Послѣ этого начетникъ внимательно окинулъ взоромъ избу и повелъ бесѣду съ домохозяйевами.

— Какой у васъ урожай нонѣ былъ?

— Слава тебѣ, милостивый Господи! Бога гнѣвить нечего,—уродилось довольно-таки всего: и у насъ, и у Арефьевыхъ, и Астафьевыхъ, да и у всѣхъ, почитай, хорошо.

— Слава Богу; это хорошо.—И начетникъ перекрестился.

— Какъ живете здѣсь, по благочестію-то? Молитесь-ли—когда? Не обасурманились-ли съ еретиками?

— Твоими молитвами, батюшка Гаврила Акиндинъ, дышемъ. Какая наша молитва и спасенье? Во грѣхъ да въ суетѣ живемъ съ утра до вечера. Неколи и предъ образомъ-то стать. Въ праздники-то собираемся къ Антону и молимся; а мѣрщитъ съ еретиками,—нѣтъ, батюшка, родной, не виноваты!

— Не притѣсняють-ли васъ здѣшніе попы?

— Это російскіе-то? Нѣтъ, родной, этого нѣтъ. Одна только вотъ досада намъ отъ нихъ, что молодежь сбиваютъ они,—такъ сбиваютъ, кормилецъ, что все село развратили. И толкуютъ это имъ, и толкуютъ....

— До какъ же они смѣютъ толковать-то имъ? И зачѣмъ вы пускаете ихъ къ нимъ?—вскипятился начетникъ.

— Вѣдь, они, родной, не то, что бы въ домъ ходили къ попу-то, — вмѣшалась женщина, — а завели у насъ вотъ толковать о вѣрахъ, ну, и зовутъ туда нашихъ - то, стариковъ - то сирѣчь, чтобы они отстаивали свою вѣру передъ попами. Ну, старики ходили толковать и много спорили и съ попомъ, — и съ здѣшнимъ, и съ заѣзжимъ какимъ-то, да ничего, — въ часъ молвить, — стоятъ по вѣрѣ твердо. А вотъ молодежь-то наслупалась поповскихъ рѣчей, да еще изъ Саратова какого-то... Не упомяну... Мудрено онъ какъ-то зовется! Да просто увѣщатель! Вотъ и начала она мутиться у насъ: вы, баить, не понимаете, что и про что вамъ говорятъ на преніи-то. Вамъ дають толкъ о сапогѣ, а вы объ вилахъ несете. Коли жъ этакъ столкуетесь?

— Ахъ, вы неразумные люди, темнѣющіе, вонъ они что надѣлали! Какое же у васъ теперь благочестіе, коли пошелъ расколъ между вами! Вѣдь, вы все христіанство перевернули теперь вверхъ ногами. Чуюль я сердцемъ, что не ладно встрѣчу здѣсь: такъ оно и сбылось.

— Такъ не гоже, родной, такъ не хорошо, что у самой сердце замираетъ. Жили хорошо, никакихъ сумнѣньевъ по вѣрѣ не было, все было тихо, спокойно по селу, а тутъ пошли эти смущенья, да толки: чья вѣра лучше: никоніанская или наша? Точно дымъ по селу пронесся, да и окуталъ всѣ избы наши, и ходимъ въ немъ, будто въ туманѣ какомъ...

— Чего добраго настряпали вы тутъ! Вы попа-то должны бы за версту обѣгать, а они съ нимъ въ толкованья взошли. Да чего вы знаете? Вѣдь, мнѣ только можно говорить - то съ ними, потому что сколько они ни толкуй мнѣ и такъ, и этакъ, это все равно къ стѣнѣ ихъ слова. А ужъ я-то ихъ урѣзалъ бы какъ слѣдуетъ. Я бы имъ, еретикамъ, показалъ всю истину: какъ они истинный крестъ прокляли, какъ они св. церковь бросили и ввели у себя мерзость заустѣнія и все досконально, прямо прочиталъ бы и показалъ все это на строкѣ. А вы что подѣлаете съ ними? Молчать будете, да себя конфузить предъ міромъ.

— Истинно, кормилецъ, говоришь, что конфузъ одинъ и молчанье, — продолжала трактовать баба, вмѣсто мужа, сидѣвшаго на скамейкѣ молча и повѣсивъ голову. — Натаскають это

наши книгъ-то цѣлую кучу, тамъ сдѣлають закладку, въ другомъ мѣстѣ вложить примѣтку, уладятся, натрафятся, какъ и съ какой стороны пушать подходъ; а какъ придуть туда, на пренье-то, какъ начнутъ ихъ никоніане-то бить своими рѣчами, да книгами, и они одно забудутъ прочесть, другое же и прочитають, да какъ-то выйдеть у нихъ словно не по статьѣ и не къ дѣлу... Просто срамъ одинъ! Видятъ наши-то, что дѣло ихъ не везеть, всѣ планы, заранѣе составленные, не сбываются, ну, и примутся ужъ отстаивать себя цѣлымъ міромъ. Поднимается шумъ, крикъ, наши кричатъ на никоніанъ; „вы еретики!“ а противъ ихъ поднимутся російскіе и тоже начнутъ тыкать имъ подъ носъ-то. Такъ и выйдеть, что конфузъ одинъ.

— Вѣдь, они, Прокофьевна, никоніане-то, стали нынче обращаться съ нами совсѣмъ по другому; бывало, кнутъ да жигулевка, а нынѣ, вишь, какъ антихристь-то подѣзжаетъ къ намъ! Наши книги взяли себѣ, да противъ насъ же и воюють. Вѣдь это чудеса. Гдѣ же вамъ сговорить съ ними! Съ ними драться-то нужно мудрѣющему человѣку. Ай-ай-ай! что вы надѣлали тутъ. И зачѣмъ это вы безъ меня-то совались въ такое дѣло? Къ чему не писали мнѣ?

Начетникъ притворно сталъ вздыхать, творилъ молитву шепотомъ и крестился. Ему на руку было такое извѣстіе, гдѣ онъ могъ развернуть свои силы и знаніе и получить хорошій заработокъ. Онъ нарочито старался раздуть это дѣло и представить въ ихъ глазахъ всю пагубность ихъ поступка.

— Надо собирать христіанъ-то, да я буду совершать имъ поученія,—сказалъ начетникъ.—Нельзя же бросить этого такъ себѣ!

— Ужъ такъ нужны теперь твои поученья, касатикъ, такъ нужны, что и сказать трудно. Распудились тутъ многіе, что овцы безъ пастуха. Одинъ такъ говоритъ, другой свое, особенно молодые-то. Есть у насъ тутъ одинъ изъ перешедшихъ въ никоніанство, Сидоромъ звать его, такъ онъ такъ, присталъ къ этому дѣлу, что по домамъ ходитъ и смущаетъ ребятъ нашихъ.

— А вы его метлой бы со двора, да за волосы, вотъ онъ и заворотилъ бы носъ-то свой. А то вечеркомъ этакъ подка-

раулили бы его гдѣ нибудь, да микитки-то и отмяли бы ему, небось, бросилъ бы свое увѣщательство. А то, вѣдь, вы больно падки на слухъ-то. Знаю я васъ всѣхъ доподлинно.

— Били его, родной, били, ничего не выходитъ. Самъ отецъ съ матерью колотилъ его, да такой ужъ не путящій, что ничто ему нейдетъ. Много вынесъ онъ патерьбы изъ-за этого никоніанства, и ничего. Сначала съ побоями выгнали его изъ дома, и онъ долго шлялся по работникамъ, потомъ приняли его, нельзя безъ работника-то! Но стали кормить изъ особой посуды, какъ собаку, и это не беретъ. Такъ и остался въ своемъ упорствѣ, и другихъ соблазняетъ себѣ.

— Ну, дѣла натворились у васъ,—покачавъ головою, сказалъ на это начетникъ.

V.

Село Бакуры, Сердобскаго уѣзда, между своимъ уѣзднымъ городомъ и станціей Лопуховка, Тамбово-Саратовской желѣзной дороги лежитъ въ равномъ разстояніи, верстъ около 40. Оно имѣетъ около 2000 жителей мужского пола. Четверть населенія принадлежитъ къ расколу, изъ коихъ болѣе половины слѣдуетъ ученію спасовцевъ, а остальные принадлежатъ къ австрійству, состоя неокружниками. Долго существовали обѣ секты, ссорясь, враждуя между собою и нисколько не вліяя одна на другую, каждая идя своимъ проложеннымъ путемъ ко спасенію. Наконецъ, партія неокружниковъ разбилась на двѣ половины, и виною раздѣленія ихъ была ссора архіереевъ ихъ: Іосифа съ Іовомъ. Московскій разладъ архіереевъ дошелъ до глухого села Бакуръ, и одни стали за Іова, а другіе—за Іосифа. Обѣ партіи, выбравъ изъ среды себя крестьянъ, поставили ихъ попами, такъ что у партіи Іосифцевъ имѣется нѣкто Исай Егоровъ, а у Іовцевъ—Макаръ Телятниковъ. У перваго имѣется полотняная церковь, а у втораго ея нѣтъ, и онъ служитъ только часы. Обѣ партіи имѣютъ молельни, простыя, невзрачныя избы, въ которыхъ и совершаютъ свои духовныя дѣла. Нерѣдко мужики и бабы составляютъ соборныя разсужденія и бесѣдуютъ, кто правъ изъ архіереевъ ихъ: Іовъ или Іосифъ?

Эти дебаты всегда кончаются полнѣйшей разладицей; старо-обрядцы ругаются между собою, даже дерутся, въ какомъ дѣлѣ принимаютъ участіе и бабы ихъ.

— Это ты за Іосифа-то меня саданула! За своего еретика-то! Такъ вотъ же тебѣ за это.

И ловкая пощечина іововской бабы летитъ въ поклонницу Іосифа. Послѣдняя уцѣпляется за ея повойникъ (головной уборъ крестьянокъ, носящійся подъ платкомъ), деретъ его съ головы, треплетъ; разъярившаяся противница, въ свою очередь, стащила съ нея платокъ, и лупцованье идетъ съ права на лѣво, съ разными взвизгиваніями и причитаніями. Въ такой непримиримой враждѣ, порожденной московскими раскольничьими архіереями безобразниками, продолжаютъ обѣ партіи неокружниковъ существовать и по сіе время. Смѣшно, конечно, это видѣть, но въ то же время и грустно: тамъ, въ Москвѣ дерутся купцы-толстосумы, честолюбивыя купчихи, ихъ архіереи, дерутся—знаютъ за что, а тутъ въ глуши задаютъ потасовки, не вѣдая и не понимая, за что они дерутся. У тѣхъ есть свой смыслъ въ потасовкѣ, а у этихъ лицъ нѣтъ его. Тѣ изъ своихъ видовъ объявили другъ друга еретиками, а тутъ въ простотѣ душевной да слѣпотѣ умственной приняли это за чистую монету и бичуютъ себя, во что попало.

Въ иныхъ условіяхъ стоитъ спасовщина въ Бакурахъ. Здѣсь не бьютъ другъ друга по фізіономіи, не уродуютъ образа и подобія Божія, а живутъ себѣ потихоньку, представляя собою жирненькихъ и послушненькихъ овечекъ, которыхъ—наступить время, пріѣдетъ Гаврила Акиндинычъ—и обстрижетъ ихъ, какъ и сколько ему нужно будетъ. Безъ шума, безъ драки, тихо, спокойно исполнить онъ эту свою операцію и уѣдетъ во свояси. И не заглянетъ онъ сюда до тѣхъ поръ, пока село это снова не войдетъ въ очередь его посѣщеній, къ каковому времени овечки его снова обрастутъ шерстью и молокомъ. Такъ стрижетъ ихъ Гаврила Акиндинычъ уже нѣсколько лѣтъ, и за эту стрижку его раскольники благодарятъ и величаютъ своимъ „ненагляднымъ батюшкою“. Со времени послѣдняго стриженія прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Гаврила Акиндинычъ не былъ въ Бакурахъ и не зналъ, что творилось въ немъ. Село это было у него на счету скупыхъ и нечтивыхъ дайте-

лей, а потому и не стремился онъ бывать здѣсь чаще. Онъ бывалъ здѣсь обычно заѣздомъ по дорогѣ изъ другихъ мѣстъ и прихватывалъ его, какъ говорится, къ линіи уже. Нарочно же, по приглашенію самихъ старообрядцевъ, онъ ни разу здѣсь не былъ, хотя посланія свои, съ просьбою о присылкѣ ему „милостыни“ и на воспитываемаго имъ сиротинку „Максимушку“ присылалъ въ Бакуры неоднократно. Бакурцы удовлетворяли своего учителя, а о томъ, что творилось у нихъ въ послѣднее время, они почему-то молчали, а, быть можетъ, Гаврила Акиндинъ и получалъ эти извѣстія, но такъ какъ лично его самого они мало интересовали, поэтому онъ рвалъ эти посланія и забывалъ ихъ писаніе. А между тѣмъ, за его отсутствіе, въ селѣ случилось очень многое такое, что грозило въ будущемъ прекращенію его визитовъ въ Бакуры и разсылкѣ своихъ писемъ. Такъ, село это посѣтилъ епархіальный миссіонеръ Саратовской губерніи, произвелъ въ немъ нѣсколько публичныхъ бесѣдъ съ сектантами, на которыя, какъ на новинку и на невиданное доселѣ, старообрядцы откликнулись весьма сочувственно. Бесѣды принесли хорошій результатъ: нѣсколько человѣкъ тутъ же присоединилось къ православію (15 человѣкъ), въ другихъ же онъ заронилъ сомнѣнія въ правильности своей секты. Мѣстный священникъ, по отъѣздѣ епархіальнаго миссіонера, также близко принялъ къ сердцу дѣло миссіи и, найдя изъ обращенныхъ раскольниковъ способнаго крестьянина, поручилъ ему „благовременно и безвременно“ вести, частнымъ образомъ, бесѣды съ сектантами. Такимъ образомъ дѣло миссіи пошло еще дальше. Черезъ нѣкоторое время принялъ православіе одинъ изъ молодыхъ начетниковъ и, несмотря на враждебныя дѣйствія раскольниковъ, горячо сталъ ратовать за православіе. За нимъ присоединилось еще нѣсколько состоятельныхъ человѣкъ, которые образовали собою вокругъ православнаго священника какъ бы нѣкую дружину, горящую единымъ духомъ и желаніемъ твердо стоять за православіе. Съ помощію этой дружины дѣйствіе на расколъ пошло еще благотворнѣе и успѣшнѣе. Состоятельные изъ обращенныхъ къ православію заняли мѣсто старшины, старосты, судей, чѣмъ остановили пропаганду раскола и стали вліять на населеніе. Православіе стало расти, укрѣ-

пляться. Съ каждымъ годомъ число исповѣдующихся и причащающихся Тѣла и Крови Спасителя стало умножаться. Внѣшность православнаго храма улучшилась. Существовавшая въ селѣ единовѣрческая молельня (храмъ сгорѣлъ давно уже) безъ прихожанъ также прибрѣла себѣ за это время болѣе 100 душъ прихожанъ. А главное, что расколъ потерялъ свою силу, привлекательность и носить въ себѣ зародышъ постепеннаго разложенія, идущаго въ пользу православія.

Въ такомъ положеніи засталъ Огольцевъ Бакуры.

VI.

Макарьевна давно уже обѣгала село и разблаговѣстила, кому нужно, о приѣздѣ къ нимъ начетника. Одинъ за другимъ, кто улицей, кто задворками, спѣшили старообрядцы въ домъ богатаго мужика Растягаева. Каждый входящій клалъ 3 поклона предъ иконами, затѣмъ особо кланялся начетнику и особо—окружающимъ его вокругъ стола и сидѣвшимъ на лавкахъ. Начетникъ зорко слѣдилъ за входящими въ домъ людьми, строго смотрѣлъ, кто и какъ креститъ свое лицо и дѣлаетъ поклоны, сопровождая свои наблюденія соотвѣтствующими распоряженіями.

— Зачѣмъ руку-то держишь подъ крестомъ! Ты клади ее отъ лѣваго плеча снова на пупъ, да и держи тутъ обѣ руцѣ, дондеже совершишь весь поклонъ. А то положить на голову, на пупъ, на правое плечо, а на лѣвомъ-то она точно и примерзнетъ, у него,—училъ Огольцевъ.

— Прости, Христа ради, Гаврила Акиндинычъ, по невѣдѣнію все это творилъ,—говорилъ нововошедшій мужикъ.

— Оно и все по невѣдѣнію творится у насъ, а каково это предъ Богомъ-то! Сказано въ писаніи: работайте Господеви со страхомъ и трепетомъ... А мы истово не можемъ и главы своей ознаменовать. Дай-ка сюда Кириллу Іерусалимскаго!—обратился Огольцевъ къ своему помощнику.

Тотъ подалъ ему поученія Кирилла Іерусалимскаго. Огольцевъ взялъ книгу, перекрестился и сталъ развертывать ее. Отыскавъ въ ней нужное мѣсто, онъ сказалъ: Слушайте:

„Когда придетъ ти лукавый помысль, прекрести лице свое и будешь правымъ истиннымъ христіаниномъ святыхъ соборныхъ апостольскихъ церкви“... Вотъ она, такая вещь-то! Вся сила состоитъ въ крестномъ знаменіи. Положилъ его истово, по христіански, будешь и самъ какъ есть истинный христіанинъ; а нѣтъ, такъ ты приложилъ на себя не Христову, а антихристову печать.

— Господи Ісусе Христе!—воскликнули слушатели съ ужасомъ.—И ничего-то мы не знаемъ въ Божественномъ дѣлѣ! Погибнешь совсѣмъ.

— Гдѣ намъ знать всю эту премудрость,—вздыхая, поддакнулъ другой мужикъ.

— Прочти-ка имъ, Максимъ, еще Ефрема, да Катехизисъ, какъ радуется сатана не истовому кресту.

Максимъ взялъ книги и сталъ рыться въ нихъ.

— Читай сначала Ефрема: 105-е слово, листъ 298 оборотъ, пятая строка съ верха.

Максимъ отыскалъ мѣсто въ книгѣ и сталъ читать слово св. Ефрема объ антихристѣ.

— Рѣже читай! Рѣже!—училъ Огольцевъ.—Нужно, чтобы всѣ слышали.

Максимъ сталъ выкладывать слово за словомъ, читая на распѣвъ, заунывнымъ голосомъ, точно по покойникѣ.

— Стой! Не такъ произнесъ одно слово.—И Огольцевъ поправилъ его.

— Этакую память Господь даровалъ,—вздыхая тихо шептались мужики.—Всѣ слова у него въ головѣ...

— На томъ ужъ стоитъ онъ, Савельичъ,—отвѣтилъ другой.—Онъ, я думаю, каждую книгу знаетъ отъ доски до доски.

— Пропитался божествомъ,—поддакнулъ третій.

Между тѣмъ Максимъ читалъ книгу самымъ пѣвучимъ голосомъ. Содержаніе читаемаго не относилось къ дѣлу, но Огольцевъ преслѣдовалъ иную цѣль: ему хотѣлось настрашать свою публику, запугать ее, чтобы у нея, по выраженію раскольническаго протопопа Аввакума,—„сердце озябло и ноги задрожали.“ Съ этою цѣлью онъ нарочно выбралъ такія мѣста въ книгахъ, гдѣ говорится о печати антихриста, и старался втолковать своимъ слушателямъ, что кто не кладетъ на

себѣ истово крестное знаменіе, тотъ дѣлаеть печать антихриста и становится слугою сатаны. А быть слугою сатаны, положить на себѣ печать антихриста, это такія страшныя, могучія слова для раскольника, которыхъ онъ боится всего хуже, а начетникъ пользуется этой его слабостью и работаетъ свое дѣло.

— Стой, Максимъ! Погоди немного; я наведу протолкъ — сказалъ Огольцевъ.

— Слышите, какъ учить писаніе-то? — закричалъ онъ, обратясь къ народу. — „Яко же бо свѣщникъ носить свѣщу свѣта знаменіе Спаса на высотѣ!..“ И потомъ, поднявъ руку съ двоеперстіемъ, сталъ ораторствовать: „это, вѣдь, объ этомъ крестѣ сказано тутъ. Какъ свѣчка горитъ въ шандалѣ, или, къ примѣру, лучина въ свѣтцѣ, такъ и этотъ крестъ. Огонь на верху бываетъ, и это знаменіе Спасителя на высотѣ показуется нами. Понимайте, что этотъ крестъ Спасовъ съ высоты намъ данъ. Что мы прежде всего дѣлаемъ? А вотъ сей крестъ показуемъ, на посрамленіе еретикамъ и врагамъ нашимъ. Такъ и мученики Христовы дѣлали. Имъ отрѣзали языки-то, нельзя было говорить, что они христіане, тогда они этотъ самый крестъ-то нашъ и возносили на высоту, вотъ какъ и я держу его предъ вами! И показывали его своему мучителю. Имъ, конечно, сейчасъ за это головы долой, а ручки-то ихъ, какъ были сложены, такъ пальчики-то и не разогнулись: замерли въ этомъ положеніи. Теперь всѣ мученики, всѣ апостолы,—да ни одного святого нѣтъ, у котораго былъ бы крестъ-то не по нашему! Всѣ молились нашимъ крестомъ. И какъ приняли его отъ Христа, такъ неизмѣнно и содержали до нашихъ дней. Поэтому мы и зовемъ „по старой вѣрѣ,“ а россійскіе— „по новой.“ У насъ и книги старыя, а у нихъ— новыя, Никономъ написанныя. По нашей вѣрѣ Христосъ шельсь апостолами, а по ихъ, россійской, Никонъ и попы теперешніе. И онъ имъ при смерти заклѣтье далъ, чтобы они не смѣняли его завѣту, а старую вѣру, нашу-то есть, проклинали. И попы россійскіе это соблюдаютъ по сіе время. Какъ приведутъ его на поповство, ему архіерей ихъ сейчасъ грамоту подъ носъ: клянись, говоритъ, въ присягѣ, что ты проклинаешь старый крестъ и всѣ книги пяти патріарховъ! Когда

скажетъ клятву, тогда и въ попы его пошлетъ. А безъ этого—ни за что! Поэтому-то, братцы, мы и отдаляемся отъ нихъ! Мы желали бы принять истиннаго священника и церковью мы не брезгуемъ, да нынѣ нигдѣ нѣтъ истиннаго-то священства,—все ересь возобладала, антихристъ обхватилъ всю вселенную. Вотъ мы и держимся теперь по святымъ мученикамъ, да апостоламъ Христовымъ: они не погибли и мы спасемся. А за кѣмъ лучше идти: за мучениками Христовыми или за никоніанами? Они угодники Божіи; они молятся за насъ; они вотъ какъ дорожили своей вѣрой и крестомъ, что кровь свою пролили, имѣнія не пожалѣли,—все отдали съ жизнью своею! А никоніане всѣ въ адъ пойдутъ, прямо къ сатанѣ.

Мужики вздыхали, бабы всхлипывали, слушая богословіе Огольцева.

— Читай, Максимъ, еще Ипполита. Гляди третье слово, 131 листь въ оборотѣ. Начинай съ 10 строки отъ верху.

Максимъ пріискалъ и началъ читать: „все тѣсноты ради пишныя къ нему пріидутъ и поклонятся ему и дасть имъ знаменіе на руцѣ деснѣй, и на челѣ, да никто же честный и животворящій крестъ сотворить десною своею рукою на челѣ, но связана рука его будетъ“...

— Погоди, Максимъ! Съ хлѣба начинаетъ окаянный антихристъ притѣснять истинныхъ христіанъ. Не дасть хлѣба имъ, ну, и поклонятся ему, а онъ имъ сейчасъ свою печать,— вотъ это самое!—Тутъ Огольцевъ сложилъ лѣвою рукою три перста, какъ молятся православные, и поднялъ ихъ кверху, показывая народу.—И вотъ коли эту мерзость воспримутъ, такъ такъ у нихъ рука-то, точно веревками, будетъ связана. Смотрите на російскихъ! У нихъ у всѣхъ она никогда не доходитъ до показанныхъ мѣстъ, какъ слѣдуетъ по писанію: на голову, животъ, на правое и лѣвое плечо; а такъ, помашетъ по груди, и ладно. Совсѣмъ опуталъ ихъ сатана. Пропашіе люди!..

— Читай еще, Максимъ! Чти съ остановки: „отъ толѣ...“—командовалъ Огольцевъ, снявъ отъ духоты бекешъ съ себя и оставшись въ одной бѣлаго холста сорочкѣ, длинной до колѣнъ.

Максимъ началъ... „и отъ толѣ власти не имать знаменати своя уды, но прелестнику приложатся и тому единому

послужать, понеже таковому покаянiя нѣсть, всяко убо явѣ яко погипе отъ Бога и отъ человѣкъ...“

— Будеть, Максимъ; скрой книгу. Видите, печатники антихриста не имѣютъ своей воли, а точно на уздѣ у него ходятъ,—куда повернетъ, туда они и пойдутъ. И только ему одному они и будутъ служить, а не Богу. Мы, напримѣръ, вѣруемъ Господу нашему Исусу Христу, а услужники антихриста вѣруютъ Исусу, другому Богу. Что Василій, что Яковъ—два имя! Такъ и тутъ два лица: Исусъ и Исусъ. Понимаете...

— Какъ не понять, кормилецъ, твои слова!—закричали мужики и бабы:—толкуешь, точно меду даешь въ ротъ.

— Напиталъ ты насъ, родной, точно обѣдомъ на поминкахъ,—слезно сказала старуха.

Огольцеву нравились эти похвалы, и онъ молчалъ, выслушивая ихъ.

— Теперь оборочусь къ вамъ, старики, по другой статьѣ,—продолжалъ начетникъ.—Изъ писанiя вы слышали, что російскiе совсѣмъ погибшіе люди, и намъ отъ нихъ довлѣеть быть какъ можно дальше. Въ писанiи-то даже такъ показано: если идетъ тебѣ на встрѣчу попъ, то такъ ринься лицомъ въ землю, да и лежи на ней, коли онъ пройдетъ. А не только бесѣды разводить съ нимъ. Мы только не правимъ всего писанiя-то, а идемъ, какъ придется, и себѣ же дѣлаемъ хуже.

— Когда не хуже! Не гоже, что и говорить,—поддакивалъ мужикъ въ толпѣ.

— Да чего намъ у него учиться-то?—говорилъ Огольцевъ.—Я теперь любого попа, да что попа! Давай самого архіерея, и то переговорю и закидаю его словами-то, такъ что онъ и не скажетъ ни слова. Знаю я ихъ хорошо, бывалъ и на бесѣдахъ съ коммисіонерами-то никоніанскими, такъ они у меня тише воды дѣлаются! Онъ слово, а я тридцать скажу. Онъ и такъ, и сякъ вертится, а я луплю ему, что онъ—еретикъ, погибшій человѣкъ... Наговорю ему этакъ всю правду-то, прокляю ему глаза-то при людяхъ, да и маршъ съ бесѣды: пусть помнитъ меня!

— Ужъ съ тобой, кормилецъ, гдѣ говорить никоніанамъ,—сказала женщина.—Ты говоришь, точно вонъ мы подсолнухи когда на зубахъ садимъ. Да и то чаще...

— Главная вещь—все въ памяти: безъ книгъ читаешь,— поддакнулъ старикъ.

Максимъ давно уже вылъзъ изъ-за стола и шнырялъ въ толпѣ, толкуя то съ мужикомъ, то съ бабою. Онъ дѣлалъ свое дѣло, чтобы трудъ его патрона не остался безъ вознагражденія.

— Отдохни, родной; усталъ, поди, съ поученіемъ-то— сказала баба.

— Это вѣрно: даже во рту все высохло. Пора закрыть бесѣду.

И Огольцевъ, перекрестивъ себя три раза, сталъ складывать книги къ мѣсту. На нѣкоторыя книги онъ надѣлъ холстовыя сорочки, чтобы не портился переплетъ ихъ.

— Гаврила Акиндинычъ! Ты ужь, Бога ради, не оставь посѣтить насъ въ жилищахъ,—просили мужики.

— А вы мѣрщитѣ? Къ мѣрщенымъ не пойду,—смѣясь, сказалъ онъ.—Можетъ быть и попы къ вамъ ходятъ? Въ такую избу—ни за что...

— Въ міру живемъ, Гаврила Акиндинычъ; всяко случается; бываетъ, что и мѣрщимъ съ еретиками. На всякъ часъ развѣ'убережешься. Бываетъ иногда въ дорогѣ... не все съ своей посудыной! А попы къ намъ не ходятъ,—отвѣтили мужики.

— Про поповъ я теперь сдѣлаю наказъ бабамъ, онѣ лучше упомянуть его и исполнять. Смотрите бабы, чтобы попы къ вамъ и дороги не знали. Въ праздникъ ли, еще когда-либо—запри горницу и не выходи. Пускай идетъ мимо. Не что можно привѣчать еретиковъ! Съ еретикомъ и самъ будешь еретикъ. Послушаешь его словъ, подумаешь,—вотъ и впалъ въ сомнѣніе! Пророкъ Давидъ поучаетъ: „съ преподобнымъ преподобенъ будешь, а съ еретикомъ развратишься“. Если бы не ходили къ нимъ вотъ на ихъ бесѣды-то, не было бы и разстройства въ вашемъ селѣ...

— Истинно говоришь, кормилецъ,—оживленно сказали женщины.—Какъ спознались мужики съ этимъ ихъ поученіемъ, такъ и пошла въ селѣ волна и раздоръ...

Мужики стали благодарить Огольцева за его поученія, просить въ гости наперерывъ одинъ другого и вслѣдъ за этимъ

расходились. Начетникъ благодарилъ и общался многихъ посѣтить.

— Умнѣющій человѣкъ!

— А языкомъ-то, точно цѣпомъ валяетъ!

— Голова съ мозгомъ. Безъ книгъ можетъ орудовать...

Такъ говорили слушатели, расходясь по домамъ, обольщенные проповѣдью Огольцева.

VII.

Желаніе многихъ своихъ слушателей Огольцевъ исполнилъ въ послѣдующіе дни. Разумѣется, быть у всѣхъ и каждаго Гаврила Акиндинычъ не могъ, да и не любилъ онъ безъ расчета дѣлать этихъ пустыхъ визитацій, чтобы у какого-нибудь бѣдняка и за какимъ-нибудь медомъ и кренделями просидѣть 2—3 часа времени съ разными наставленіями и поученіями его семьи. Онъ цѣнилъ себя и слова свои на вѣсъ золота. Поэтому, въ такихъ приглашеніяхъ мужиковъ онъ былъ очень и очень разборчивъ, и если шелъ къ кому изъ нихъ, то зналъ, что это слѣдуетъ сдѣлать, и посѣщеніе его не останется безплоднымъ въ смыслѣ матеріальнаго вознагражденія. Точно также Гаврила Акиндинычъ поступилъ и здѣсь: онъ обошелъ всѣ дома богатыхъ мужиковъ, у которыхъ можно было не только медку выпросить домой, но и иное что, болѣе увѣсистое и цѣнное. Низшій же слой народа онъ поручилъ посѣтить своему Максиму. Такимъ образомъ въ 2 руки и одновременно они прошли нѣсколько домовъ и всюду учили одно и то же самое, держась солидарности между собою. Такъ, обращая между прочимъ вниманіе на внѣшнюю обстановку дома, они замѣчали хозяйевамъ: „Божье-то милосердые не вполнѣ у васъ написано... Николы святителя нѣтъ; Георгія великомученика нѣтъ, а эти иконы нужны. Вы купите ихъ непременно“. И иконы эти покупались у того же Огольцева. Если видѣли, что нѣкоторыя иконы уже плохи и ветхи, предлагали замѣнить ихъ новыми, такъ какъ держать въ поруганіи ликъ Божій грѣшно. И старыя иконы отбирались, а новыя, вмѣсто ихъ, покупались у того же Огольцева. Кромѣ иконъ шли въ

продажу книги, пражда, единовѣрческой печати, но поддѣланныя такъ ловко подѣ старинныя, что не мужичьему уму разобратъ тонкость этой фальсификаціи. За книгами продавались кадилъницы ручныя—мѣдныя и глиняныя, лѣстовки, свѣчи восковыя, купленныя подешевле у черкасовъ, поминанья и пр. и пр., словомъ, все, что требуется для молитвы старообрядцу и что у Огольцева имѣлось подѣ руками, предлагалось желающимъ и бойко раскупалось ими...

Много вещей продалъ Гаврила Акиндинъ въ подолженіе недѣли въ селѣ, много собралъ за нихъ денегъ, равно какъ и самой „благодарности“, а все Огольцеву казалось мало и мало еще. Ужъ если стричь овецъ, такъ стричь ихъ какъ слѣдуетъ: было бы изъ-за чего прѣзжать такую даль. Таково было правило Огольцева, котораго онъ и держался всегда неуклонно. Между тѣмъ стрижка въ Бакурахъ закончилась, и результатомъ ея было всего на всего: 3 воза ржи, 2 воза пшеницы, 1 возъ овса, что въ совокупности составляло пудовъ 150 слишкомъ. Затѣмъ медку пуда 2, холста 2—3 катышка, приблизительно аршинъ 60—80, да чистою монетою рублей 80 собрано, не включая сюда разной прибыли, полученной на товарѣ. Были у Гаврилы Акиндинъ, кромѣ этого, еще 3-4 завѣтные старушечьи серебряныя крестовики-рубли, штуки 3 золотыхъ полуимперіаловъ, но это онъ не клалъ въ общій счетъ, такъ какъ деньги эти обычно пріобщались имъ къ подобнымъ же и составляли, по его выраженію, мертвый капиталъ, не приносящій ему ровно никакого дохода. Эти деньги лежали у него „на черный день“, если только онъ придетъ къ нему когда-либо. Всѣ же другіе рубли—„благодарныя, товарныя и барышныя“ были у него ходячей монетою и составляли такъ называемый прибыльный капиталъ. Капиталъ лежалъ себѣ фондомъ, а проценты на него текли и пріобщались къ капиталу. Грѣшилъ въ этомъ случаѣ, Гаврила Акиндинъ; самъ училъ другихъ любить безсребренничество, нестяженіе, жить вообще по десятому посланію патріарха Мелентія и раздавать свои достатки нищимъ и убогимъ, но самъ любилъ денежки и—охъ, какъ любилъ ихъ! и любя ихъ, заботился пріумножить количество ихъ большими и большими процентами. Въ частныя руки разныхъ купцовъ Гаврила Акиндинъ не давалъ свои день-

ги, во-первыхъ, чтобы не прослыть чрезъ это между старообрядцами—богачемъ, чего онъ особенно боялся и во-вторыхъ, считалъ это неблагонадежной операцію.—„Дай ему, мерзавцу, деньги-то, а онъ ихъ и улимонить въ свой карманъ. Ищи потомъ ихъ съ него“—говорилъ Огольцевъ. Нѣтъ, обходя купцовъ, которые не разъ заводили съ нимъ рѣчь на эту тему, онъ спокойно рѣшилъ вѣрить свое сокровище въ еретическій государственнй банкъ, чтобы оно было вѣрнѣе и благонадежнѣе. Это Гаврила Акиндинычъ дѣлалъ второй грѣхъ, послѣ грѣха „любостяжанія“, или „мшелоимства“, какъ называется у старообрядцевъ; но эти грѣхи были его личными грѣхами, которые онъ „яко зеницу ока“ тщательно хранилъ ото всѣхъ, чтобы, по слову св. апостола Павла, не соблазнить брата своего. Къ чему разглашать о своихъ сбереженіяхъ и недостаткахъ? Зачѣмъ кричать во всеуслышаніе о какихъ-то, скопившихся у него въ разные годы 10—12,000 рублей, когда это и не расчетливо, и можно сохранить въ секретѣ? Лучше молчать объ этомъ и попрежнему продолжать свое скопленіе вокругъ и около разныхъ христіанцевъ. Пословица русская не даромъ говоритъ: молчаніе—золото, а рѣчь серебро. Гаврила Акиндинычъ вполнѣ вѣрилъ этой святой для него истинѣ и строго держался ея въ жизни.

Не остался безъ мірской благодарности и Максимъ—помощникъ Огольцева. Давая должную дань благодарности его руководителю, мужики и бабы не забывали и его „соколика“.

Давать на „сиротинку“ Максима, когда послѣдній уже выросъ молодцомъ, обросъ бородой и усами, давать по прежнему въ руки Огольцева мужики и бабы считали какъ-то неудобнымъ. Огольцевъ, конечно, давно уже замѣтилъ, что Максимъ, какъ „сиротинка“, давно уже пересталъ быть для него доходной статьей и получалъ „благодарность“ въ собственныхъ руки, отдѣльно отъ него; но поправить этого было нельзя: бросить Максима, съ которымъ онъ уже сжился, привыкъ къ нему, и онъ былъ для него правой рукой во всякомъ дѣлѣ, бросить его и взять вмѣсто него снова „сиротинку“, для Огольцева было трудно и неудобно, даже вредно. Развѣ Максимъ, пользуясь знакомствомъ, не можетъ слѣдовать по той же дорогѣ, по которой шествуетъ десятки лѣтъ г. Огольцевъ?

Не такъ, конечно, пойдетъ онъ съ первоначала, и не вездѣ его примутъ съ такимъ почетомъ, какъ Огольцева, а все-таки неприятно, что явится лишнее звено въ окнѣ: больше свѣта, меньше тьмы. Поэтому Огольцевъ спокойно отнесся къ этой отдѣльной подачкѣ въ счетъ Максима: пускай, моль, наживается! молодой человѣкъ, ему тоже деньги нужны. Да и много-ли онъ возметъ у меня? ну, рублей 300—400 въ годъ и только.. Пушай его пользуется! И Максимъ пользовался. По примѣру своего учителя онъ также копилъ денежки и откладывалъ ихъ на свой „черный день“.

VIII.

Совсѣмъ уже снарядился въ путь-дорогу Гаврила Акиндинычъ: кони его стояли запряженными, Максимъ уклалъ въ повозку все, что должно идти при нихъ и оберегаться ихъ взоромъ. Набранный въ селѣ хлѣбецъ гуськомъ потянулся впередъ и выѣхалъ еще на разсвѣтѣ. Сердобольные мужички взялись „ради Христа“ услужить начетнику и довести его хлѣбецъ до сосѣдняго города Аткарска, гдѣ Гаврила Акиндинычъ рѣшилъ обмѣнить его на деньги. Не везти же ему въ хвалынскій уѣздъ на свою родину!

Гаврила Акиндинычъ давно уже позавтракалъ, насытился, какъ слѣдуетъ ѣдущему въ дорогу. Въ пору и Богу молиться, да хозяевъ благодарить за привѣтъ и радушіе, какъ дверь въ избу отворилась и въ нее спѣшно вошелъ мужикъ и повалился ему въ ноги.

— Отецъ родной! Помоги моему горю. Ты все можешь сдѣлать,—всхлипывая отъ слезъ, говорилъ мужикъ.

— Что приключилось у тебя? Говори, старикъ,—спросилъ начетникъ.

Старикъ всталъ и объяснилъ, что у него давно уже имѣется сынъ въ безпамятствѣ, и сколько не лѣчилъ его, ничто не помогаетъ.—„Хочу испробовать Божьяго лѣкарства, помоги!—заклучилъ расплакавшійся отецъ.

— Да что-же я могу подѣлать съ нимъ?—говорилъ Огольцевъ.

— Ты близкій человѣкъ къ Богу; твоя молитва дойдетъ къ нему—помолись, Бога ради! Я заплачу тебѣ... отецъ.

Такой случай былъ въ первые съ начетникомъ. Онъ не зналъ и затруднялся: какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ? Отказать—огорчить мужика; а взяться за лѣченье—рискованное дѣло.—„И съ чего это пришло ему въ голову обратиться ко мнѣ съ такимъ,—дѣломъ, думалъ Огольцевъ.

— Помолись за него, Гаврила Акиндинычъ, больно мужикъ-то хорошій,—вступились за него хозяева, толкая мужика и шепча ему что-то на ухо:

— Не покинь меня, несчастнаго; вотъ тебѣ 50 рублей сейчасъ, а остальные послѣ отдамъ.—И мужикъ, вынувъ деньги, положилъ ихъ предъ Огольцевымъ на столъ.

Соблазнъ былъ великій. Деньги просились въ карманъ начетника и соблазняли его до нельзя. Не выдержалъ онъ этого напора чувствъ и, быстро схвативъ деньги, положилъ ихъ въ карманъ своего полушубка...

Мужикъ обрадовался.

— Не привезти ли сюда больного?—спросилъ онъ.—Иль ко мнѣ, родной, пожалуешь?..

— Не надо,—отрѣзалъ Огольцевъ.

Тотчасъ, по приказанію начетника, подали ему огромную чашку съ водою, которую Огольцевъ поставилъ на столъ, круто насолилъ воду солью, прилѣпилъ къ ней 4 восковыхъ свѣчи, дунулъ въ нее три раза, перекрестилъ ее столько же разъ и сталъ читать псалмы царя Давида, извѣстныя ему на память. Послѣ этого онъ положилъ по лѣстовкѣ около 100 поклоновъ, поминая на переборѣ каждаго бубенчика лѣстовки имя страждущаго больного.

Кончивъ молитву, что продолжалось около часа времени, Огольцевъ потребовалъ большую бутылъ и слилъ въ нее на-соленную и оомолитвованную имъ воду.

— Неси ее къ себѣ домой—сказалъ Огольцевъ.

Мужикъ взялъ бутылъ и вмѣстѣ съ начетникомъ и въ сопровожденіи хозяевъ дома отправились къ нему въ жилище.

Больной лежалъ на кровати, когда вошелъ отецъ съ гостями и цѣлителемъ. Нѣкогда онъ былъ рѣзвый мальчикъ; но на 13 году его ушибло подъ сараемъ какъ-то слегаю, и онъ

слегъ въ постель. Ударъ былъ въ голову, и очень сильный. Мальчикъ долго былъ безъ памяти, въ бреду, его лѣчили разными травами, даваемыми и внутрь въ питьѣ, и наружно парили и мыли его ими. Мальчикъ не выздоравливалъ. Лѣченье пошло по другому способу при участіи тѣхъ же старухъ и бабокъ. Мальчикъ впалъ совершенно въ идиотство и несъ всякую чепуху.

Огольцевъ посмотрѣлъ на него, дунулъ ему по 3 раза въ ротъ, глаза, уши, перекрестилъ его и сталъ давать соленой воды деревянной ложкой. Больной закашлялся, заругался, какъ нельзя хуже, и плюнулъ въ лицо Огольцеву. Его стали уговаривать, но плевки его перешли и на совѣтниковъ съ такой же руганью.

— Въ немъ діаволь сидитъ,—изрекъ начетникъ.—Это онъ расслабляетъ его тѣло и помрачилъ въ немъ разумъ. Давай ему этой воды каждый день по 3 ложки, на-тощакъ, пока онъ не ѣлъ еще и предъ этимъ читай молитву: „Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его“... 3 раза. Когда выпоишь всю эту воду, напиши мнѣ объ этомъ, а я буду за него все время молиться, чтобы нечистый духъ оставилъ его тѣло.

— Будь заступникъ, кормилецъ, — повалились ему въ ноги отецъ съ матерью.

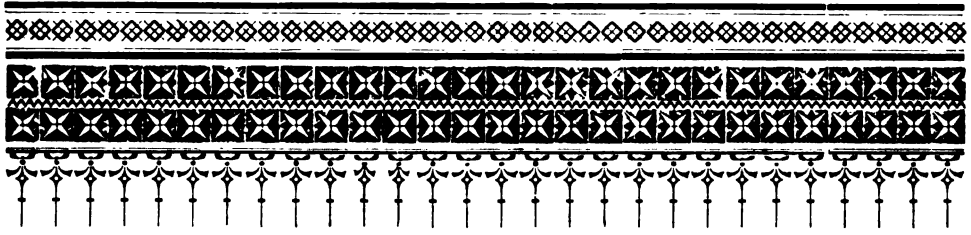
— Не кланяйтесь, въ немъ сидитъ злой и старый діаволь. Съ нимъ придется долго повозиться мнѣ, да ужъ одолѣемъ же его и выгонимъ.

Съ этими словами Огольцевъ вышелъ изъ избы, сѣлъ въ свою повозку и выѣхалъ изъ Бакуръ.

— Вотъ она какая штука-то—разсуждали родители:—мы думали простая въ немъ болѣзнь-то, такъ себѣ, съ ушиба, а вышло, что въ немъ лукавый засѣлъ. Охъ, грѣхи наши тяжкіе! И за что это наказанье? Мальчикъ былъ набожный, всегда ходилъ въ моленную, и вотъ... Оказія!...

— Хорошо еще, что Гаврила-то Акиндинычъ пріѣхалъ сюда и взялся вотъ, помочь ему, — замѣтила сердобольно женщина.

— Спаси его, милостивый Господи! Такое благодѣянье оказалъ намъ, что и высказать не можно,—отвѣтила мать больного.

ЛП.

ПРОПАГАНДИСТКИ РАСКОЛА.

І.

поллиарія Сергѣевна Стрѣльникова тяжко захворала и слегла въ постель. Дня 3 она кое-какъ перемогалась, думала, что она простудилась какъ-нибудь, и болѣзнь, какъ незначительная, пройдетъ и при домашнихъ средствахъ. Пила она деревянное масло съ солью, чтобы смягчило внутри; вспрыскивали ее и чрезъ березовый уголь, полагая, что это чей-нибудь дурной глазъ подействовалъ на Стрѣльникову—словомъ, перепробовала она многія домашнія лѣкарства при помощи окружавшихъ ее женщинъ, но толка отъ этого не было никакого. Болѣзнь не уменьшалась, а съ каждымъ днемъ развивалась все болѣе и болѣе, такъ что Стрѣльникова лишилась аппетита, вся ослабла, или, какъ говорятъ, развинтилась по всѣмъ суставамъ своего тѣла; ее бросало въ жаръ, и волей-неволей она должна была лечь въ постель.

— Доктора позвать бы... можетъ, полегчиль бы мнѣ... они знаютъ...—метаясь на кровати, говорила Стрѣльникова.

— Что ты, матушка, каки несуразны слова произносишь!— съ ужасомъ сказала находившаяся при ней женщина.—Нешто это можно... Нехристя-то позвать!

— Больно тошно...

— А ты молитву сотвори, вотъ оно и полегчаетъ. А то лѣкаря...—ворчала женщина.

— Вѣдь лѣчатся другіе...—слабо протестовала больная.

— Мало-ли что другіе-то дѣлаютъ!—ужь совсѣмъ разсерженно накинулась на больную женщина.—Другіе-то и людей, вонъ, убиваютъ, такъ и тебѣ за ними слѣдъ. Вотъ сказала словечко.

— Ой тошно! Жарко...

— Болѣзнь эта отъ Бога,—продолжала женщина, нисколько не обращая вниманія на больную. Онъ, Царь Небесный, все видитъ, что мы творимъ тутъ и какъ себя содержимъ. Къ примѣру, сколько вотъ разовъ мы говорили тебѣ и увѣщевали, чтобы ты бросила никоніанство и перешла въ нашу древлеистинную вѣру, такъ ты „кобенишься“ и знать ничего не хочешь. Понравилась тебѣ какая-то бѣсовщина, прости Господи! Тьфу!..

И женщина, перекрестившись, сплюнула въ сторону.

— И чего хорошаго въ этой никоновщинѣ! Живутъ, точно татары,—лба своего не умѣютъ перекрестить, какъ слѣдуетъ, по уставу св. отецъ. А служба-то... черезъ пятое на десятое попадаютъ. Одни лишь колокола разбиваютъ.

— Жарко, тетенька... испить бы...

— Постой кваску принесу.

Женщина отправилась въ кухню, послала кухарку въ погребъ нацѣдить холоднаго квасу и, наливъ его полную кружку, понесла къ больной.

— На-ка испей... Може и полегчаетъ.

Больная съ жадностью выпила всю кружку, женщина поставила кружку на столъ, а сама, занявъ мѣсто ближе къ больной, сѣла и стала продолжать свое назиданіе.

— Ты вотъ брыкалась за это время, а мы Царя Небеснаго просили о тебѣ, что бы онъ наставилъ тебя на путь истин-

ный. Вотъ и услышалъ онъ нашу грѣшную молитву. Съ чего тебѣ приключиться болѣзни-то? Въ горницахъ у насъ тепло, одежь всякихъ много. Нѣтъ, тутъ Божье изволенье. Онъ этой болѣзью хочеть ввести тебя въ истинное христіанство, вотъ ты и кайся теперъ. Будеть ужъ жить въ поганствѣ-то, пора и на истинный слѣдъ напасть.

Больная находилась въ страшномъ жару и металась по кровати. Назиданья тетки, ея толкованье о древлеистинной вѣрѣ, мало доходили до ея слуха; ей было невыносимо тяжело.

— Вотъ я тебѣ почитаю „Теодорино житіе“, а ты послушай, какъ тебя будутъ бѣси одолѣвать на мытарствахъ-то,— снова толковала женщина, доставъ книгу и положивъ ее себѣ на колѣни.—Это, вѣдь, не сказки какія-нибудь, а соборной апостольской церкви ученіе. Кто, вотъ, теперъ живетъ по нашей вѣрѣ и умретъ съ покаяньемъ, да святымъ сподобленьемъ, того эфіопы ни на одномъ мытарствѣ не остановятъ. А васъ, никоніанъ, какъ еретиковъ, что вы ни дѣлай теперъ, какъ только умеръ, сейчасъ эфіопы къ вамъ пристанутъ, и станутъ ласкать: „нашъ ты теперъ! нашъ! Иди къ Никону“... А ты знаешь, что это прямо во дно адово низвергнуть тебя?

— Бѣсы! бѣсы!... шептала больная.—Адъ... Никонъ...

Съ больной открылся бредъ, но женщина этого не поняла, думая, что она повторяетъ за нею слова для памяти, и опять пошла все толковать свою богословію.

— Плохо я по ночамъ читаю-то... Нѣтъ; не вижу ничего. Рябитъ глаза. Видно, такъ и быть ужъ,—разсуждала сама съ собою женщина.—Прочту завтра, а теперъ такъ поговорю съ тобой. Вѣдь, если бы мнѣ не жалко было тебя, такъ я и говорить-то съ тобою не стала бы. А то, вижу, ты погибаешь, въ муку вѣчную душеньку свою опредѣляешь... Ну, и родня также...

И женщина, находясь подъ впечатлѣньемъ своихъ словъ, расплакалась и стала утирать слезы.

— Бѣсы! Страшно... Вотъ бѣгутъ, бѣгутъ сюда... Возьмите тетку отъ меня!...

Женщина въ испугѣ вскочила и отошла отъ больной. Она стала всматриваться въ больную, но послѣдняя безсвязно произносила разныя слова.

— Господи!—крестилась женщина, да у нея умъ-то помрачился! Въ сумасшествіи говорить.— Она взяла спичку, обмакнула ее въ масло горячей лампадки и стала дѣлать ею кресты на всѣхъ окнахъ комнаты и на двери. Затѣмъ она сдѣлала такихъ же двѣнадцать масляныхъ крестовъ на больной, приговаривая: „Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его и да бѣжать отъ лица его вси ненавидящїи его“. Потомъ она раздула ручную кадилалицу, положила въ нее ладону и стала окуривать больную, говоря: „Изми, Господи, нечистаго духа отъ нея, соблюди ю здраву, сподоби быть истинной дочерью Господа Ісуса Христа“.

— Кажется, успокоилась...—сказала она, отставляя кадилалицу къ образамъ.

Больная, дѣйствительно, заснула.

— Ты, Агафья, посиди около нея, а я минутой сбѣгаю къ Авдотѣ Семеновнѣ. Надо повѣстить ее, а то, чего добраго, можетъ и умереть,—говорила она кухаркѣ.

И вышла со двора.

II.

Пока больная лежитъ въ забытіи, а хлопотавшая вокругъ нея женщина хлопочетъ по своему дѣлу, скажемъ о нихъ—кто онѣ такія?

Больная Стрѣльникова—купчиха г. Саратова. Лѣтъ 10 тому назадъ она овдовѣла, оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ. Мужъ ея велъ обширную торговлю въ г. Саратовѣ, но, потомъ, простудившись какъ-то, захворалъ и вскорѣ умеръ, не оставивъ никакого распоряженія въ своемъ капиталѣ. Но такъ какъ у него уже былъ наслѣдникъ—сынъ, и претендентовъ къ капиталу мужа не было, да и быть не могло, то 35-лѣтняя вдова, само собою, стала полною хозяйкою во всемъ оставшемся имуществѣ. Иными словами, она стала единственной опекушкой своего же сына. Такъ какъ продолжать торговлю за малолѣтствомъ сына она не желала, то она ликвидировала всѣ торговыя дѣла мужа, а собранныя деньги, каковыхъ оказалось въ наличности до 100,000 руб., положила

въ государственный банкъ, на сбереженіе. Когда потомъ мальчикъ подросъ, обучился грамотѣ, мать отдала его къ брату, мужа, торговавшему тѣмъ же товаромъ, какъ и покойный мужъ ея, чтобы онъ пріучился къ торговлѣ.

Аполлинарія Сергѣевна, равно какъ и мужъ ея, Наумъ Семенычъ, отъ рожденія принадлежали къ православной церкви и строго держались ея. Только братъ ея мужа, благодаря своей долгой холостецкой разгульной жизни, подбившись въ торговлѣ, женился на богатой дочери саратовскаго купца—раскольника еедосѣвской секты съ цѣлью поправить свои торговыя дѣла. Вслѣдствіе этого онъ перешелъ въ расколъ и держался его не потому, что былъ убѣжденъ въ правотѣ ученія своихъ сектантовъ, а просто смотрѣлъ на свою секту съ практической стороны, какъ на такую корпорацію людей, отъ которыхъ всегда можно было позаимствоваться деньгами, а въ деньгахъ, благодаря той же широкой жизни, онъ всегда нуждался, и къ тому же сектантство мало стѣсняло его образъ жизни. Еедосѣвство, напротивъ, давало ему широту жизни. Какъ женатый, онъ состоялъ подъ отлученіемъ отъ моленья съ сектантами и потому никогда не ходилъ къ своей службѣ. Наоборотъ, жена его была злая фанатичка и любила пропагандировать расколъ. Она старалась увлечь въ свой расколъ и мужа брата. Наума Семеныча, и Аполлинарію Сергѣевну, но послѣдніе не поддавались ея ученію. У нихъ въ этомъ случаѣ былъ одинъ отвѣтъ: „въ какой вѣрѣ мы родились, своихъ отцовъ похоронили, въ той и мы умремъ“. Но раскольница своими долгами и частыми толкованіями съ ними успѣла поселить въ нихъ холодность къ православной церкви и уваженіе къ своей вѣрѣ.—„Вы ужь если не хотите измѣнить родительскаго благословенія,—говорила имъ раскольница,—такъ, по крайней мѣрѣ, бросьте шататься въ церковь и по-пусту время проводить тамъ. Все-равно, молитва эта безъ толку и даже во грѣхъ себѣ. Молитесь лучше дома“... И Аполлинарія Сергѣевна съ мужемъ послушали этого опаснаго для нихъ совѣта и перестали ходить въ церковь, перестали исповѣдываться и причащаться, стали чуждаться принимать въ праздники православное духовенство и съ каждымъ годомъ становились

все холоднѣе и дальше отъ церкви. Быть можетъ, съ теченіемъ времени Стрѣльниковы и совсѣмъ измѣнились бы и поддались вліянію жены брата, если бы не случилось въ это время другое обстоятельство, которое окончательно измѣнило взглядъ ихъ на расколъ и укрѣпило ихъ отъ перехода въ оный. Родная сестра мужа Аполлинаріи Сергѣевны, Авдотья Семеновна, бывшая въ замужествѣ за купцомъ, вдругъ перешла въ расколъ австрійской секты. Сестра тотчасъ же явилась въ домъ къ брату пропагандировать свой расколъ. Стрѣльниковыхъ это озадачило; теперь религіозный напоръ на нихъ пошелъ съ двухъ сторонъ, и каждая сторона хвалила свою секту. Которая же изъ нихъ лучше?—думали они. Они свели двухъ родственницъ—Авдотью Семеновну и Ульяну Кирилловну—вмѣстѣ и предложили имъ разрѣшить ихъ недоумѣнный вопросъ. Родственницы сначала поставлены были въ тупикъ, но потомъ стали хвалить каждая свою секту и всячески ругать другую, вслѣдствіе чего онѣ перессорились между собою, переплевались и разбѣглись. Но этимъ дѣло не окончилось: и Авдотья Семеновна, и Ульяна Кирилловна рѣшили разсмотрѣть это дѣло соборнымъ образомъ, для чего предупредили своихъ начетниковъ.

Въ назначенное время каждая партія сектантовъ, забравъ свои книги и тетрадки, и подъ предводительствомъ представительницы своей секты вторглись въ домъ купца Наума Семеныча Стрѣльникова. Это было нѣчто въ родѣ облавы на Наума Семеныча съ Аполлинаріей Сергѣевной со стороны раскольниковъ. Каждой партіи хотѣлось увлечь это семейство въ свою секту, и каждая секта, поэтому, въ лицѣ своихъ начетниковъ, напрягла всѣ свои стремленія и силы, чтобы такъ или иначе доказать правоту своего ученія и спасительность своей вѣры. Упустить такой случай было жалко каждой сторонѣ сектантовъ. Наумъ Семенычъ—богатый человѣкъ, а отъ такого человѣка и моленной доходъ, и причту при оной пожива, и, кромѣ того, Наумъ Семенычъ, въ силу своего богатства и коммерческихъ дѣлъ, въ жизни самъ потомъ могъ вліять на другихъ лицъ и пропагандировать расколъ. Это не то, что бѣднякъ какой-нибудь, который самъ ищетъ наживы и пособія. Такихъ лицъ раскольники не особенно охотно принимаютъ въ свою

среду, и если не отказываютъ имъ въ пріемъ ихъ въ расколъ, то потому, что они сами идутъ къ нимъ и безъ труда пополняютъ количество послѣдователей ихъ вѣры. Не гнать же ихъ отъ себя, когда они и безъ того встрѣчаютъ много препятствій въ принятіи ихъ въ „старую вѣру“, и все-таки, терпя это, идутъ и идутъ къ нимъ. Стало-быть, люди убѣждены въ правотѣ ихъ вѣры. Итакъ, начетники расположились въ домѣ купца Стрѣльникова; каждая сторона обложилаь книгами и тетрадями, обособилась отъ другой, держалась въ группѣ своихъ послѣдователей. Съ начетниками пришли къ Стрѣльникову и многіе купцы и купчихи съ той и другой стороны, чтобы своимъ присутствіемъ и вліяніемъ, частью ободрить своихъ начетниковъ, а частью показать предъ Стрѣльниковымъ, что ихъ вѣра содержится не какими-нибудь худородными людьми, голью и перетыкою, какъ говорится. Открылась бесѣда. Пошли толкованья—чья вѣра лучше—австрійская или безпоповская? Сначала говорили и читали послѣдовательно въ одинъ голосъ уполномоченные отъ обѣихъ сектъ; но потомъ вмѣшались другіе, поднялся крикъ, шумъ, ругательство, и первые произвели эту будоражь сами купцы. Надоѣло имъ сидѣть молча и слушать книжныя разсужденія своихъ начетниковъ, и вотъ они сами вступали въ полемику.

— Да чего тамъ ужъ восхвалять свою австрію, когда все это пошло отъ нѣмецчины и обливанья, —рявкнулъ безпоповецъ.

— А ваше татарство хорошо?—не задумываясь, отвѣтилъ ему австріецъ.

— Какъ!.. Мы татары? Мы нехристь по вашему?—рявкнули другіе купцы-безпоповцы.

— Хуже тысячу разъ! У тѣхъ мулла есть, а у васъ нѣтъ ничего. Какіе же вы христіане?

— А вы—нѣмцы! Папы римскаго дѣтки..

— Жиды! Татары!—отвѣчали австрійцы. И пошла война.

Наумъ Семенычъ и Аполлинарія Сергѣевна только смотрѣли на всю эту сцену и дивились. Такія рѣзкія слова, какими сектанты обзывали другъ друга, его и коробили, и въ тоже время какъ нельзя лучше убѣждали, что обѣ стороны не правы въ своемъ ученіи, что въ обѣихъ вѣрахъ есть недо-

статки, и потому рѣшилъ онъ, —обѣ вѣры не годятся.— „Ни нѣмцемъ, ни жидомъ, ни татаринѣмъ я быть не хочу“.

Съ 2-хъ часовъ пополудни и далеко за полночь продолжалось соборное толкованье о вѣрѣ, въ перемѣшку съ руганью и отдыхомъ. Въ эти послѣдніе антракты купецъ Стрѣльниковъ угощалъ соборянъ чаемъ, водкою и сладостями. По окончаніи же собора радушный хозяинъ устроилъ генеральное угощеніе, во время котораго многіе безпоповцы смѣшались своими стаканчиками и пили изъ общихъ рюмокъ. На расходѣ каждый изъ сектантовъ, пожимая руку хозяина, говорилъ ему: „къ намъ переходитъ: наша вѣра истовѣе и спасительнѣе“.

Виновницы этого собора, Авдотья Семеновна и Ульяна Кирилловна подошли къ хозяину послѣ всѣхъ и одна послѣ другой.

— Ну, что, понялъ?—спросила Ульяна Кирилловна.

— Понялъ,—отвѣтилъ Стрѣльниковъ.

— Доказали тебѣ о нашей вѣрѣ,—спросила потомъ сестра, по уходѣ своей противницы.

— Доказали.

Рысаки развезли разодрѣтыхъ богачей соборянъ по домамъ. Начетники и купцы стали ждать, куда Стрѣльниковъ преклонится? Въ Австрію или безпоповщину? Но онъ ни туда, ни сюда не думалъ переходить и рѣшилъ твердо держаться родительскаго благословенія и умереть „по церкви.“— „Если же что и не такъ дѣлается попами въ церкви, думалъ онъ, такъ будемъ молитвѣсь дома себѣ, и ладно. А они за свои беззаконія тамъ пусть отвѣчаютъ.“

Такъ Наумъ Семенычъ и не пошелъ по „старой вѣрѣ“. Ни къ австріи, ни къ безпоповщинѣ онъ не присталъ, — онъ избралъ какую-то средину: ни туда, ни сюда, и былъ, какъ говорится, „ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ“. Ни раскольникъ, ни православный; но ближе къ расколу. Весь складъ раскольниковъ жизни, всѣ обычаи и порядки ихъ онъ принялъ и усвоилъ. Тѣ же лѣстовки, подручники, книги, кадильницу и пр. и пр. завелъ онъ въ своемъ домѣ и выполнялъ принятія у раскольниковъ молитвы ежедневно и въ праздникъ, по утрамъ. Конечно, подвернись въ это время Стрѣльникову знающій расколъ священникъ православной церкви или специально миссіонеръ,

онъ могъ бы еще съ успѣхомъ повліять на его умъ, но у насъ, въ православіи, къ сожалѣнію, такихъ лицъ не принято называть раскольниками, и разъ они не такіе, то не принято имѣть и надлежащее, особенное предъ православными попеченіе. У насъ раскольникъ тогда ужъ бываетъ раскольникъ, когда онъ, по выраженію раскольниковъ, начинаетъ „брыкаться“ съ православными священниками и миссіонерами, начнетъ честить ихъ „еретиками“ и въ три шеи гнать ихъ изъ своего дома, какъ какую-нибудь заразу, мерзость; тогда мы доносимъ о такихъ оффиціально, беремъ за миссію, а пока человекъ носитъ въ самомъ себѣ и своей семьѣ слѣды вполне подготовленной почвы для принятія раскольническаго вѣроученія, мы о такихъ людяхъ молчимъ, даже нарочно прикрываемъ ихъ своей священнической рясою, и говоримъ: „у меня нѣтъ раскольниковъ въ приходѣ“. А если бы, зная о такихъ лицахъ въ приходѣ, завернулъ сюда миссіонеръ, священникъ непременно постарается выпроводить его отъ себя по добру, по здорову, какъ не желательное для него лицо. Тогда какъ тутъ-то именно, въ этихъ случаяхъ и необходимы бесѣды миссіонера о раскольническихъ вѣроученіяхъ.

Положеніе Наума Семеныча „ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ“ сильно беспокоило его родственницъ—Ульяну Кирилловну и Авдотью Семеновну. По ихъ убѣжденію, это значило тоже, что онъ далъ имъ щелчекъ по носу. И онѣ, и сектанты страшно обидѣлись на этотъ его поступокъ.—„Развѣ мы ему не хорошо доказали? Все изложили до подробности—чья вѣра лучше?“—горячились раскольники обѣихъ сторонъ. Но Наумъ Семенычъ принялъ рѣшеніе безповоротно. Какъ ни тащили потомъ его родственницы каждая въ свою моленную посмотрѣть и послушать ихъ умиленную службу, онъ не пошелъ и жену не пустилъ. Единственно, чего могли добиться онѣ отъ него, послѣ всѣхъ своихъ усилій и стараній о его душѣ, это то, что онъ сталъ пускаться къ себѣ въ домъ „со славою“ уставщиковъ той и другой секты, давалъ денегъ на поминовеніе, на свѣчи, масло и проч. Повидимому, здѣсь купчихи какъ-будто ратовали уже о личныхъ интересахъ своего причта и молельни, но нѣтъ, тутъ скрывалась своего рода пропаганда, даже съ матеріальной выгодой, желаніе привязать Стрѣльникова къ своей сектѣ и такъ или

иначе по временамъ имѣть съ нимъ свиданіе и общеніе. Пѣтъ „славу“ на Рождество, Пасху и др. праздники посылались къ нему не просто уставщики, а нарочно отобранные люди, которые могли поговорить съ нимъ о вѣрѣ и могли вызвать его на это. Милостыню просить шли также не кое-кто, а тоже посылались своего рода „крючекъ“ и „зацѣпка“. Но всѣ эти „крючки“ не успѣли зацѣпиться за Стрѣльникова, такъ какъ онъ захворалъ и померъ, и жена похоронила его по „церкви“. Похороны были торжественны въ томъ смыслѣ, что много было лошадей, дорогой гробъ, толстый звонъ, масса свѣчей горѣла въ церкви, нищей братіи цѣлые пуды раздавались кренделей, калачей и вкусный, обильный обѣдъ въ заключеніе. Поминовеніе по умершемъ было отдано въ обѣ раскольническія молельни, и ни много, ни мало—женою умершаго было дано по 1000 р., тогда какъ православному духовенству уплачено за похороны съ выносомъ и проводами до кладбища всего 20 р. Никакого поминовенія „по церкви“ уже не было. Православное духовенство требовалось только для выполненія „родительскаго благословенія“, а, сдѣлавъ это, его тотчасъ же отодвинули въ сторону, какъ не нужное. Православный священникъ объяснилъ это скупостью купчихи, но отнюдь не расколомъ.

Похороны Наума Семеныча дали возможность сестрѣ его подмѣтить кое-какіе пропуски въ отпѣваніи и поднять объ этомъ толки и пересуды. Проповѣдь ея повліяла на тетку Аполлиаріи Сергѣевны—Неонилу Егоровну, съ которой потомъ Авдотья Семеновна ближе сошлась, убѣдила ее и перетащила въ свой расколъ. Дѣлала Авдотья Семеновна свои попытки и на Аполлиарію Сергѣевну, рассчитывая, что она, какъ одинокая вдова, скорѣе сдастся, чѣмъ мужъ ея; но расчеты оказались невѣрными: Аполлиарія Сергѣевна осталась вѣрною завѣтамъ мужа и въ расколъ не шла.

Аполлиарія Сергѣевна жила вдовою не скупю, но и не роскошно. Лишнихъ расходовъ, кромѣ содержанія себя и сына, она не имѣла. Раскольники, тѣ и другіе, увивались около нея, какъ богачки, но никакъ не могли увлечь ее въ свою секту, о чемъ и скорбѣли; тѣмъ не менѣе они постоянно держали себя на сторожѣ, готовые по первому зову одни—окрестить

ее (безпоповцы), а другіе—мѣромъ помазать (австрійцы), какъ рожденную въ православіи.

Въ послѣднее время Аполлинарія Сергѣевна взяла къ себѣ въ домъ тетку-раскольницу—Неонилу Егоровну, которая и заправляла всѣмъ ея домомъ, на правахъ экономки. Авдотья Семеновна имѣла въ ней вѣрнаго слугу по части пропаганды и постоянно шушукалась съ нею на этотъ счетъ.

— Дѣйствую, Дунюшка, кажинный день, да все не сдается,—говорила Неонила Егоровна Авдотѣ Семеновнѣ.

— Ты только аспидовъ-то тѣхъ не подпускай къ ней,—учила ее послѣдняя.—Ульяну, конечно, нельзя не пустить, потому сродственница, а остальныхъ всѣхъ, кто зайвится изъ ея поганой вѣры, гони вонъ въ шею.

— И то ужъ такъ дѣлаю, Дуня.

— Да чего же съ ними церемониться-то! Этотъ народъ хуже эфіоповъ.

И мы видѣли, что ревность Неонилы Егоровны была настоль велика, что при трудныхъ минутахъ болѣзни Аполлинарія Сергѣевны она продолжала увѣщевать ее перейти въ расколь.

III.

Неонила Егоровна, несмотря на свои 45 лѣтъ, бѣжала быстро и потому, когда вошла въ комнаты Авдотьи Семеновны, страшно устала, запыхалась и сѣла отдохнуть.

— Что случилось тамъ у васъ? Аль, несчастье съ Аполлинаруей Сергѣевной?

— Большое, Дунюшка, несчастье. Хвораеть сильно она, даже умъ помрачился.

— Уже-ли?!—испуганно вскрикнула Авдотья Семеновна.

— Да. Пошла къ тебѣ, она осталась въ безпамятствѣ, кричитъ, бѣсовъ все называетъ. Я оставила при ней Агафью, а сама той же минутой къ тебѣ.

— Что же, Нилушка, надо намъ какъ-нибудь принудить ее теперь. Може, теперь она подается на нашу сторону... Чай

у больной-то другіе глаза будутъ? А ужъ если по прежнему будеть „брыкаться“, такъ будемъ дѣлать, не спрося ее.

— Конечно!.. Коли человекъ умираеть, такъ тутъ нечего на него смотрѣть. Она сама не знаетъ, что дѣлаеть теперь.

— Истинно такъ. Тутъ и грѣха, по моему, нѣтъ, если обратить ее насильно въ нашу вѣру.

— Какой это грѣхъ!. Ей же въ спасеніе пойдеть.

— А ты давно говорила съ нею на счетъ этого?—спросила Авдотья Семеновна, послѣ нѣкотораго молчанья.

— Всегда я долбила это ей,—почти каждый день. И сейчасъ къ тебѣ идти—ту же рѣчь держала съ ней.

— Что же она?..

— Сначала молчала, а потомъ бѣсовъ стала призывать. Я, ну-ка, кадить ее, да мвроть—масломъ отъ св. иконы помазать ее...

— Ай-ай-ай!—качала головою Авдотья Семеновна.

— Передъ тѣмъ, какъ бѣсовъ-то стала называть, просила призвать цѣлителя. Насилу уговорила ее отъ этого грѣха...

— Вонъ што!.. Ахъ, грѣховодная.. Пойдемъ скорѣе къ ней... И Авдотья Семеновна, одѣвшись наскоро, вышла съ Неонилой Егоровной.

— Испить... Пересохло въ горлѣ...—слабо проговорила больная вскорѣ послѣ ухода Неонилы Егоровны.

Агафья тотчасъ поднесла ей кружку холоднаго кваса. Больная съ жадностью проглотила его и взглянула на Агафью.

— А гдѣ тетенька?—спросила она ее.

— Побѣжала къ Авдотѣ Васильевнѣ.

— Все хлопочуть... И что они надоѣдаютъ мнѣ своей вѣрою. Не хочу я къ нимъ идти...

— Никакъ пришли!—проговорила Агафья, слушая звонокъ.—Такъ и есть...

Агафья отперла дверь и впустила Авдотью Семеновну съ Неонилой Егоровной.

— Что Полюша?—спросили онѣ.

— Ничего; проснулась и лежить. Будто полегче...

— Славу Богу!—крестились обѣ.

И прошли къ ней въ спальню.

— Здравья принесла тебѣ, сестрица...—сказала Авдотья Семеновна, обратившись къ больной.

— Спаси Христось,—прошептала она.

— Надо бы исправить тебя въ болѣзни-то, сестрица? Ско- рѣе поправишься.

— Знаю.

— Такъ что же? Скажи, я позову батюшку, онъ испра- вить тебя, причастить, а захочешь, такъ и отсобируеть заодно.

— Позови благословенной церкви...

Этими словами больная, точно варомъ, обварила Авдотью Семеновну. Она съ минуту смотрѣла на больную, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, что она дѣйствительно слышала отъ нея эти, а не другія слова. Наконецъ, она очнулась и, все еще не вѣря себѣ, спросила ее:

— Да ты взаправду это хочешь?

— Хочу, Дуня, благословеннаго попа,—отвѣтила больная.

— Ты, я вижу, совсѣмъ съ ума свихнулась,—повысивъ интонацію голоса, строго и сурово сказала Авдотья Семеновна. Кто же тебѣ пойдетъ за твоимъ еретикомъ-то? Подумала-ли, оглашенная, какія слова ты произносишь? Благословеннаго!.. Вотъ она до чего додумалась! Нѣтъ, видно, еще не скрючила тебя болѣзнь-то, когда рѣшилась говорить объ ереси

— Дуня, за что ты ругаешь меня? Я такъ хочу...

— Мало-ли чего ты хочешь? Ты сама не знаешь, что хо- чешь дѣлать. Ты идешь во адъ, къ Іудѣ, а этого не помы- шляешь. Безразсудная! Сколько ни толкуй тебѣ, все, точно горохъ къ стѣнѣ. Вѣдь, подъ мукой мука вамъ, еретикамъ; подъ тартаромъ—тартаръ; подъ жупеломъ—жупель. Вотъ въ какое мѣсто пойдешь, по смерти-то.

— Замолчи, пожалуйста; мнѣ тошно и безъ этого.

— Не молчать нужно, а плакать о твоёмъ упорствѣ. Хри- стову вѣру отвергаешь, св. соборной апостольской церкви не хочешь познать, въ геенну идешь—какъ же молчать-то! Тутъ плача достойно. Какъ молиться за тебя при такой смерти?

— Ой, больно!..—стонала больная.

— Въ аду еще больнѣе будетъ. Вотъ, исправься по на- шей вѣрѣ, будешь чиста и безгрѣшна, тогда и бѣси нигдѣ не задержатъ тебя на мытарствахъ. А то повозишься съ ними.

— Дуня! Исполни мое желаніе... Можетъ это въ остальные... Хуже мнѣ.

— Это еретика-то призвать?

— Благословеннаго...

— Ни за что. Лучше такъ умирай, а грѣха на душу не возьму. Вотъ упорная-то! Ай-ай-ай! качала головою Авдотья Семеновна.

Къ ней подошла Неонила Егоровна.

— Я, Дунюшка, вотъ что думаю, это въ ней бѣсъ сидитъ, вотъ онъ и держитъ въ ней такое упорство къ нашей вѣрѣ. Нешто ему пріятно передать ее изъ ереси! Сама посуди, что ты ни говоришь ей, она и въ умъ не принимаетъ.

— Пожалуй, это и правда,—согласилась Авдотья Семеновна.

— Какже... Ты ей и такъ и этакъ, а она свое ведетъ. Вѣдь, до нынѣшняго раза она никогда и не поминала о благословенномъ попѣ. Кто-же вложилъ ей эту мысль, какъ не бѣсъ смердящій?...

— Э!... Теперь я, Ненилушка, поняла. Это вѣрно, что теперь бѣсъ возсѣлъ въ ней, яко въ жилищѣ своемъ. Онъ же и съ ума ее свелъ, такъ что она говорила не въ своемъ разсужденіи, а по безумію. Нечего съ ней теперь и толковаться—править ее надо скорѣе.

— Конечно..... Она теперь и не различитъ нашего попа отъ благословеннаго. Почему она знаетъ его? Въ лицо его она никогда не видала. Стоитъ сказать ей, что это благословенный попъ—и ладно.

— Да нечего теперь и спрашивать ее. Безумная!.. И какъ это я не догадалась сразу-то? Вотъ чудеса.....

— Развѣ, Дунюшка, безумныхъ-то скоро спознаешь?

— Сейчасъ побѣгу къ батюшкѣ, чтобы онъ слѣдомъ поѣхалъ исправлять ее по вѣрѣ. А ты, Ненилушка, приглядывай за нею и толкуй ей, если будетъ о чемъ тебя спрашивать. Я живо сбѣгаю.

И Авдотья Семеновна отправилась къ своему попу. Она рѣшила дѣйствовать, помимо воли и желанія больной, насильно, обманомъ или принужденіемъ, считая Аполлинарію Сергѣевну одержимой бѣсомъ невѣрія, и потому не требующей съ ея стороны воли и согласія.

IV.

Едва только вышла со двора пропагандистка раскола, какъ явилась другая—Ульяна Кирилловна. Она ничего не знала о болѣзни Аполлинаріи Сергѣевны, а шла просто навѣстить ее, такъ какъ по разнымъ дѣламъ она давно уже не была у нея.

— Хвораешь наша хозяйюшка,—встрѣтивъ, сказала Агафья.

— Что съ нею?

— Не знаю, какая болѣзнь приключилась, только сильно нездоровится ей.

— Лежить или ходить?

— Гдѣ ходить!... Наши-то все около увиваются, хочется имъ въ свою вѣру перетащить ее.

— Вонъ што.

Ульяна Кирилловна быстро раздѣлась и прошла къ больной.

— Ахъ, какая бѣда-то!... цѣлуя больную, проговорила она.

— Умираю, сестрица. Тяжело на сердцѣ.... Горить все нутро.

— И давно?

— Все перемогалась, а потомъ уже свалилась. Здоровъ-ли Петруша-то? Пришли его....

— Я лучше пошлю за нимъ Агафью.

И Ульяна Кирилловна вышла, чтобы распорядиться послать кучера къ себѣ въ домъ за сыномъ больной.

— Видно не поправишься, сестрица?—спросила она больную, возвратясь къ ней.

— Богъ знаетъ! Можетъ и помру....

— Исправить тебя надо,—смѣло и прямо приступила пропагандистка раскола къ больной.—Въ животъ и смерти Господь воленъ, умрешь, нельзя и Богу помолиться за тебя. Тогда покойникъ-то такъ зря „брыкался“,—не понялъ нашей вѣры...

Больная молчала. Ей слишкомъ тяжело было.

— Я, сестрица, сейчасъ поѣду къ наставнику, велю имъ сготовиться, и они сейчасъ-же окрестятъ тебя. Нашимъ креще-

ніемъ всѣ грѣхи твои смоются, и будешь ты, какъ голубь, чистая, непорочная..... А такой явиться къ Царю Небесному — хорошо. Что-же, согласна, сестрица?

— Нѣтъ, — тихо отвѣтила больная.

Ульяна Кирилловна ждала этого слова и потому не удивилась и ничѣмъ не выразила своего неудовольствія. Она хладнокровно стала излагать ученіе своей секты.

— Нѣтъ, сестрица, это ты зря упорствуешь. Ты теперь въ ереси находишься, жила доселѣ все равно, что ночью. Вѣдь, грѣховъ-то на тебѣ цѣлые воза. Чѣмъ ты смоешь ихъ. Никоніанскіе попы только загрязняютъ тебя еще больше. Развѣ это истинное священство? Нѣтъ его нынѣ. Антихристъ вездѣ и всюду заполонилъ людей, а въ этихъ церквахъ, что съ Никона пошли, онъ, треклятый, поставилъ свои престолы. Какое-же тамъ освященіе? Скверность одна, мерзость запустѣнія, по св. Ипполиту.

— Я благословеннаго, сестрица, хочу.

— Благословеннаго?... Это все едино, сестрица. Это унія, ловушка для насъ разставлена антихристомъ. Кто поглубже, тотъ и вваливается въ нее. Нешто мы не пошли бы въ благословенную-то, если бы она стояла на прямыхъ уставахъ! Въ томъ-то и дѣло, все это обманъ одинъ. Дали книги наши, лѣстовки, подручники, поповъ наставили изъ нашего сословія, а кто благословилъ-то на все это? Тотъ же никоніанскій архіерей. Значить, идти въ ловушку, все равно стать подъ руку никоніанскую, только не прямо, а сторонкою. Кто знаетъ это изъ нашихъ, тотъ не поддастся на эту удочку; а кто не понимаетъ, тотъ прельщается. Но этакихъ мало, очень мало..... Поэтому и церкви эти стоятъ въ запустѣніи, такъ събѣ..... Нѣтъ, въ благословенную ты и не думай, сестра.

— Дуня была, все толковала о своей вѣрѣ.... перевела разговоръ больная, не желая больше слушать ея доводовъ противъ „благословенной“ церкви.

— Вотъ еще вѣра-то! Да чѣмъ она отличается отъ Никона! Ничѣмъ. Тѣ же попы и такъ-же все дѣлаютъ по церковному, только мужики взяли за святое дѣло. Украли себѣ за деньги архіерея у грековъ, перемазали его въ нѣметчинѣ, да и хвалятся теперь своимъ священствомъ. Сейчасъ ты подъ

Никоновой рукой, а въ Австрію идти, — нужно стать подъ нѣмецкаго папу. Хороша вѣра!.. Развѣ это благочестіе? Та же ересь, да еще смердящій Никона. Ты бы ее съ своей вѣрой-то въ три шеи отсюда. Дегтярщикъ у нихъ—попомъ, обручникъ—дьякономъ. Священство!... Тоже прельщаютъ вѣдь...

Разговоръ оборвался.

— Такъ какъ же, сестрица? Я пойду хлопотать за тебя? Мнѣ жалко тебя, что ты умрешь въ ереси.

— Погоди, Ульяша. Я може поправлюсь.

— Чего дожидаться поправки! Окрестимъ, и дѣло къ сторонѣ. Развѣ худо будетъ, если потомъ выздоровѣешь? Дай Богъ! Сама благодарить тогда будешь меня. Ты думаешь, отчего захворала? Отъ грѣховъ своихъ. А когда окрестишься въ нашей св. купели, то они, какъ листья съ дерева, всѣ такъ и спадутъ съ тебя. И тебѣ будетъ легко-разлегко. Ты непременно выздоровѣешь послѣ этого.

— Все же погоди, сестрица. Второй разъ креститься я не хочу, боюсь... страшно...

— И не раздумывай! Первое твое крещеніе—еретическое, нѣсть крещеніе, а погубленіе. Теперь ты окрестишься истиннымъ крещеніемъ и выздоровѣешь послѣ этого,—вотъ тебѣ Св. Владычица порука, что я не лгу.—Ульяна Кирилловна показала рукой на образъ, стоявшій въ углу комнаты, и быстро вышла, оставивъ большую въ страшномъ недоумѣніи и еще въ большемъ огорченіи. Кричать она не могла; встать съ постели—тоже. Что дѣлать? Пріѣдутъ, насильно будутъ купать ее во второй разъ, точно младенца,—думала она. А этого поступка она страшно боялась и потому была въ отчаяніи. Ей хотѣлось именно „благословеннаго“ священника, т. е. единовѣрческаго, который хотя и подъ Никоновой рукою, но справляетъ все по старому, истово, по отеческимъ книгамъ. Этого священника она однажды видѣла у своей знакомой, которая придерживалась „благословенной“ церкви и которая совѣтовала и ей пристать къ этой же церкви. Съ мнѣніемъ своей знакомой Аполлинарія Сергѣевна вполнѣ согласилась, не разъ думала она съѣздить въ эту церковь къ службѣ и потомъ пристать къ ней настоящей прихожанкой; но боялась, что ее увидятъ тамъ, передадутъ ея роднѣ, а послѣдняя будетъ смѣяться надъ нею,

и потому она откладывала свою поѣздку въ единовѣрческую церковь съ праздника на праздникъ, изъ года въ годъ. Теперь, заболѣвъ, она вполне рѣшилась исповѣдаться и причаститься у „благословеннаго“ священника, только не знала, какъ это ей устроить. Ей хотѣлось сдѣлать такъ, чтобы священникъ пришелъ къ ней ночью, тихонько причастилъ ее, чтобы родня ничего этого не видала и не знала. Такова была сила лежавшаго въ ней ложнаго стыда. И мы увидимъ, что за этотъ ложный стыдъ она потомъ страшно поплатилась.

Ульяна Кирилловна своимъ неожиданнымъ набѣгомъ и оборотомъ дѣла сильно встревожила больную, еле дышавшую на своей постели. Она чувствовала, что довела себя до критическаго момента, и не знала теперь, какъ поступить, чтобы выйти изъ него. Съ отчаянья она стала метаться изъ стороны въ сторону. Грудь ей сдавило, дыханье затруднялось...

Въ это время къ ней вошелъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 13—14, и бросился къ ея кровати.

— Петя, бѣги скорѣе за благословеннымъ попомъ! Я умираю. Трудно.

Мальчикъ заплакалъ. Воспитанный вдали отъ церкви, видѣвшій священника въ своей жизни только одинъ разъ въ церкви, при похоронахъ своего отца, онъ не зналъ, о какомъ благословенномъ попѣ говорить она, и куда нужно бѣжать за нимъ.

— Скорѣе, Петя, бѣги...—шептала больная.

Мальчикъ выбѣжалъ въ зало заплаканный и столкнулся съ Неонилой Егоровной.

— Ты что, Петя?

— Мама велитъ бѣжать къ какому-то благословенному попу, а я не знаю его.

— погоди; я сейчасъ пошлю за нимъ, а ты побудь пока въ залѣ.

Мальчикъ согласился охотно.

V.

Авдотья Семеновна энергично дѣйствовала. Она знала, что у нея есть соперница, которая также не упуститъ случая завладѣть богатой Стрѣльниковой, какъ и она. И по-

тому сильно торопилась обдѣлать свое дѣльце какъ можно поскорѣе.

Выйдя на улицу, она взяла перваго извозчика и помчалась къ своему попу. Время было передъ сумерками, попа она не застала дома, — онъ ушелъ въ дѣвичій монастырь, съ настоятельницею котораго онъ былъ въ ближайшей дружбѣ и потому имѣлъ обычай пить вечерній чай всегда въ ея обители. Чай этотъ услащался ромомъ, сладостями, затѣмъ чай убирался со стола, и подавалась закуска съ приличной ихъ званію выпивкою. За этимъ столикомъ и просиживали „батюшка“ и „матушка“ иногда за полночь, бесѣдуя съ нею о разныхъ матеріяхъ, преимущественно же на счетъ „околпачиванья“ старообрядцевъ, такъ какъ положеніе и интересы того и другого были тождественны. Батюшка за матушку, а матушка за батюшку крѣпко стояли и одинъ другого выхваляли предъ старообрядцами. Въ монастырѣ у матушки батюшка правилъ и всѣ свои требы, какія приключались въ его приходѣ, исключая похоронъ. Онъ разъ навсегда назначилъ время своимъ прихожанамъ — 5 часовъ вечера и ежедневно приходилъ сюда. Будутъ ли требы въ этотъ день или нѣтъ, онъ обязательно шелъ къ матушкѣ, не взирая ни на какую погоду. Отъ требоисправленія, конечно, былъ доходъ, и матушка оставалась въ барышахъ. Кромѣ того, ей везли возами калачей, рыбы, давали деньги на устройства обѣдовъ для меньшей братіи по ея усмотрѣнію и пр. Сюда-то Авдотья Семеновна и заявила за батюшкою, не заставъ его дома.

— Скорѣе, батюшка, собирайтесь, — сказала она, запыхавшись, входя въ горницу.

— Что такое, Авдотья Семеновна?

— Стрѣльничиху нужно исправить и причастить.

— Развѣ согласилась?

-- Совсѣмъ!

— Слава тебѣ Господи! — проговорила матушка. — Одну овечку посѣтилъ Господь привести въ свое стадо.

Быстро собрался батюшка, быстро собрала матушка нужную для этого случая требу, а для исправленія при немъ должности псаломщика дала ему молодца лѣтъ 16—17, какихъ ребятъ при ея монастырѣ обычно проживало по нѣ-

сколько человекъ, для практическаго изученія церковной службы, пѣнія по крюкамъ и пр.

— Чай трудовъ-то сколько тебѣ, голубушка, было съ нею? — льстила матушка купчихѣ.

— И не говорите, матушка. Слушать не хотѣла на первыхъ порахъ! А потомъ... обошлась; больная теперь, — вотъ и рѣшилась.

— Золотой вѣнецъ, родимая, теперь ты уготовала себѣ этимъ. А грѣховъ-то сколько очистишь!

—хлопотъ было много...

Авдотья Семеновна сообщила матушкѣ о своей конкуренткѣ и пригласила ее ѣхать съ собою къ болящей. Последняя согласилась, и тотчасъ выѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Въ самый разъ, голубчики, вы приѣхали, — говорила Неонила Егоровна, радостно встрѣчая Авдотью Семеновну съ причтомъ. — Полчаса назадъ уѣхала отъ нея Ульяна Кирилловна и хочетъ крестить ее въ свою вѣру, а она, касатушка, испугалась и еще пуще занемогла теперь. Совсѣмъ умираетъ...

Тутъ Неонила Егоровна отвела Авдотью Семеновну въ сторону и тихонько сообщила ей о посылкѣ больною сына за „благословеннымъ“ попомъ, и какъ она придержала его въ залѣ, въ надеждѣ на нее, что скоро вернется съ батюшкою. Авдотья Семеновна позвала матушку и сообщила ей, что больная въ безпамятствѣ, что, въ отсутствіе ея, безпоповка Ульяна Кирилловна разстроила ее, хочетъ крестить по своему и теперь уѣхала за своимъ наставникомъ, такъ что того и гляди нагрянетъ, а больная боится второго крещенья и зоветъ уже, по безпамятству, благословеннаго попа.

— Чего же! Скорѣе нужно править ее!.. — сказала матушка.

— А если она спроситъ — какой этотъ попъ?

— Скажемъ, что благословенный отвѣтила, матушка. — Намъ только до тѣхъ изверговъ исправить-то ее по своему.

— Такъ идемте къ ней, — пригласила Авдотья Семеновна.

— Пойдите, — сказала игуменья. — Пошлите напередъ мальченку къ ней сказать, что благословенный священникъ пришелъ. Ему она лучше повѣритъ.

Неонила Егоровна кинулась въ зало и послала сына сказать больной, что пришелъ батюшка, котораго она просила. Мальчикъ пошелъ.

Между тѣмъ игуменья распорядилась, чтобы попъ облачился въ залѣ, взялъ крестъ въ руки и былъ наготовѣ. Этотъ маневръ сдѣланъ былъ для того, чтобы скрыть на попѣ поддевку, которая могла выдать его въ глазахъ больной и обличить, что онъ не единовѣрческій священникъ.

Больная лежала въ забытьѣ, когда вошелъ мальчикъ. Онъ не могъ пробудить ее и вышелъ.

— Что?—спросили его всѣ.

— Спать.

— Идемте,—скомандовала Авдотья Семеновна. Но, отворивъ дверь комнаты, она не вошла, а пропустила мимо себя попа въ облаченіи, игуменью, уставщика и стала въ дверяхъ позади всѣхъ.

Больная лежала въ забытьѣ.

— Начинайте, батюшка,—торопила Авдотья Семеновна.

— Какъ же ереси-то? За мной нужно говорить ей,—сказалъ попъ.

— Гдѣ ужъ ей повторять! Сами читайте.—Попъ сталъ въ тупикъ. Такого случая у него не было въ практикѣ. Обычно было, что онъ читалъ по тетрадкѣ проклятiе разныхъ ересей, а присоединяемый повторялъ за нимъ каждое слово. Теперь онъ не зналъ, какъ поступить. Больная была въ безсознательномъ состояніи, слѣдовательно, говорить за нимъ ничего не могла. „Что же, думалъ онъ, для кого я буду читать ихъ, эти ереси-то? Ей онѣ нужны, а не ему.“ Изъ этого положенія его вывела игуменья: она приказала ему читать ереси, а уставщику отъ имени болящей повторять за нимъ всѣ слова.

Попъ положилъ началъ, сдѣлалъ возгласъ, уставщикъ началъ читать начальныя молитвы. Послѣ молитвъ, попъ подошелъ къ постели больной и началъ читать: „Азъ многогрѣшная Аполлинарія, отъ никонiанскія ереси нынѣ прихожду ко св. соборнѣй апостольствѣй Христовой церкви“...

Въ это время больная открыла глаза. Она пристально посмотрѣла на попа, на окружающихъ... Силилась что-то сказать, но языкъ отказался служить ей. Она страшно замычала, заскрипѣла зубами, зрачки глазъ расширились, блеснули какъ-то дико, злобно и остановились. Съ больной началась предсмертная агонія.

— Скорѣе, батюшка, помазуйте ее св. муромъ, а то умреть.

Попъ бросилъ дочитывать ереси и, взявъ пузырекъ съ кисточкой, началъ помазывать больную по всѣмъ частямъ тѣла.

Больная дѣлала рѣдкіе глубокіе вздохи.

— Скорѣе, батюшка, причащайте ее! Скорѣе!—торопила Авдотья Семеновна.

Больная сдѣлала еще разъ глубокое дыханіе и скончалась.

Попъ подошелъ съ маленькимъ сосудомъ, прочиталъ молитвы ко св. причащенію и сталъ давать ей частицу изъ сосуда.

— Растопырьте ей ротъ-то!—сказалъ онъ.—Ишь, какъ сцѣпила крѣпко.

Женщины бросились прислуживать, разжали ротъ у трупа, и попъ вложилъ въ него частицу и 3 лжицы вина.

— Нейдетъ въ нутро-то. Смотри того... умерла,—разсуждалъ попъ. Дѣйствительно, вино пошло назадъ. Игуменья приложила ко рту шелковый платокъ и обтерла его. Ждали еще вздоха, думали, что больная еще не умерла, но напрасно: она была уже минуты двѣ трупомъ. Причащенье было совершенно послѣ смерти.

— Слава тебѣ, Господи!—крестилась всѣ.—Господь сподобилъ освятить ея душу и умереть христіанкой.

Авдотья Семеновна кинулась плакать надъ умершей. Въ это время къ парадному крыльцу съ шумомъ подъѣхали лошади, слышался стукъ въ парадное крыльцо дома, а затѣмъ шаги людей.

— Это она съ причтомъ!—вскочивъ отъ умершей, проговорила Авдотья Семеновна, обращаясь къ игуменѣ.

— Пускай ихъ оближутъ... Теперь все покончено,—отвѣтила игуменья.

Дѣйствительно, вскорѣ показались въ комнатѣ Ульяна Кирилловна, а за ней, робко шагая, шли старики, съ простриженными маковками и въ длинныхъ халатахъ.

Игуменья заранѣе распорядилась приготовить освященной воды и кропило и велѣла попу, какъ только заявятся безпоповцы, чтобы онъ кропилъ всѣ комнаты, умершую и еще больше самихъ безпоповцевъ. Игуменья знала, что этимъ способомъ

ихъ можно навсегда отстранить отъ умершей и даже выгнать изъ дома. Попъ такъ и сдѣлалъ. Едва только показались безпоповцы въ дверяхъ комнаты, какъ онъ махнулъ кропиломъ, обдалъ ихъ цѣлой струей воды, а затѣмъ еще, и еще... Безпоповцы шарахнулись въ сторону; Ульяна Кирилловна, утираясь платкомъ, грозно спросила: „что это значитъ?“

— Преставилась наша сестрица по нашей христіанской вѣрѣ,—отвѣтила Авдотья Семеновна.

— Вѣдьма кіевская!..—злобно прошептала Ульяна Кирилловна. И кинувшись къ тѣлу умершей, она стала причитать: „Погу... били те... бя мою ми... лую...“

— Батюшка! Покропите еще здѣсь въ комнатѣ, да и умершую,—учила игуменья.

Попъ махнулъ кропиломъ и пустилъ большую струю воды и на умершую, и на стоявшую надъ ней съ причитаньемъ Ульяну Кирилловну.

— Что вы поганите меня своей водой-то?—злобно крикнула она на попа.—Иль у васъ ея много? Еретики треклятые!..

— Отъ такой слышимъ,—отвѣтила Авдотья Семеновна.

— Просмердили умершую-то...

— Если бы въ вашу окаянную вѣру угодила, это вѣрно.

— Вы окаянному-то служите!

— Нѣтъ—вы!

И при одрѣ умершей двѣ родственницы и двѣ злыя пропагандистки раскола сцѣпились ругаться между собою.

— Вѣдьма!

— Эхидна!

— Затычка адская!

— Дьявольская дочь!

Родственницы стали плевать другъ на друга.

— Хорони теперь ее, какъ знаешь, а я сюда ни ногой.

— Убирайся; схоронимъ и безъ тебя.

И Ульяна Кирилловна, съ шумомъ и руганью, вышла, сѣла на лошадь и покатила домой.

VI.

Авдотья Семеновна осталась хозяйкою въ домѣ. Тотчасъ распорядилась она послать Неонилу Егоровну на свой молитвенный дворъ и привести старухъ для омыванья умершей, чтенія псалтыри, пригласить уставщиковъ къ паннихидѣ. Все это было дѣломъ одной минуты, и всѣ эти лица, точно грачи, почуявъ добычу, быстро явились къ трупу умершей и принялись хозяйничать. Одѣли купчиху въ сарафанъ, покрыли платкомъ и начали служить по ней паннихиду. Послѣ этого три черноризицы опредѣлены были читать псалтырь надъ гробомъ покойной, попу приказано ежедневно пѣть двѣ паннихиды, утромъ и вечеромъ, надъ гробомъ покойной и кромѣ того начать сорокоустъ служенія литургій. Отъ сундуковъ покойной отысканы были ключи, пересмотрѣно ея имѣнье, въ числѣ котораго оказалось лежащими 10,000 р. денегъ. Послѣднія Авдотья Семеновна взяла къ себѣ, чтобы они цѣлѣе были, а остальное заперла и припрятала къ себѣ ключъ.

Маѣушка игуменья не упустила случая порекомендовать купчихѣ изъ своего монастыря поварицу и даже прислать кое-кого для прислуги въ это время. Послѣдняя съ удовольствіемъ приняла ея предложеніе.

Два дня лежала Стрѣльникова, и эти два дня она служила предметомъ спора и раздора своихъ родственницъ. Ульяна Кирилловна, вернувшись домой, одумалась, сознала, что она нѣсколько погорячилась, и что бросать ей Стрѣльникову во всецѣлое пользованіе Авдотьи Семеновны не годится, что нужно и ей показать себя при этомъ, хотя бы только для оппозиціи своей противницѣ.

— И какъ-было я настроила это покойницу, что она совсѣмъ готова была перейти въ наше христіанство,—разсуждала Ульяна Кирилловна.—Не приспѣй эти изверги къ ней раньше, она была бы окрещена. И какъ, проклятые, ловко и скоро ворвались-то къ ней!..

— Старики пришли, Ульяна Кирилловна, — доложила прислуга.

— Какіе старики?

— Изъ моленной...

— Да... Зови ихъ сюда.

Въ зало вошли три старика: настоятель моленной Иванъ Ивановъ Пузаненковъ, и его помощникъ Григорій Неотесовъ и уставщикъ Федоръ Половинкинъ. Они помолились на иконы и, обращаясь къ хозяйкѣ, отвѣсили ей земной поклонъ.

— Доброго здоровья, матушка Ульяна Кирилловна!

— Здравствуйте, старички! Что скажете?—ласково отвѣтила она, пригласивъ ихъ сѣсть на стулъ.

Мужики сѣли.

— Къ тебѣ, питательница наша, пришли для совѣту...— тихо проговорилъ наставникъ, теребя широкую бороду.

— Что за дѣло у васъ?

— Какъ же теперь, матушка, на счетъ Стрѣльничихи-то? Ужели такъ теперь австріяки и завладѣютъ ей одни, а мы будемъ на манеръ оплеванныхъ?

— Къ нимъ она перешла... По ихъ вѣрѣ умерла. Чего же?

— Перетащили, матушка, ее насильно. Больной человѣкъ былъ, лежалъ пластомъ, нагрязнули, и точно волки, загрызли сердечную.

— Конечно, такъ. Тутъ добраго согласья, аль желанья самой ни на каплю не было,—поддакнули другіе старики.

— Гдѣ тамъ согласье! Она къ намъ хотѣла въ вѣру...— сказала купчиха.

— Въ этомъ-то и дѣло! Мы замѣшкались малость, а эти волки-то ускорили.

— Погубили, проклятые, душеньку ея.

— Нѣтъ, кормилица, если ея согласу не было въ этомъ дѣлѣ, такъ она въ духѣ осталась нашей христіанской. Малоли что они дѣлали надъ ней насильно-то! Ей, умершей, это не поставится предъ Царемъ небеснымъ во грѣхъ и осужденіе. Потому: безъ произволенья.... Это разбой учинили надъ ней!

— Это вѣрно,—согласилась купчиха.

— Вотъ теперь и посуди, питательница наша, что намъ за нее молиться-то можно не прямо этакъ именемъ, а стороною.

— Это, отче, ты дѣльно разсудилъ,—оживилась купчиха.— А, вѣдь, я совсѣмъ сбилась съ тракта, по милости этихъ еретиковъ. Надо будетъ ихъ отогнать отъ покойницы и похоронить по своему обряду. Чего на нихъ, окаянныхъ смотрѣть-то!....

— Нѣтъ, кормилица, отпѣвать-то ее намъ теперъ не довлѣетъ: потому все-таки тѣло-то ея осквернили треклятые австрияки. Какъ-же надъ нечистымъ-то покойникомъ службу править? Не годится это. Пускай ихъ ужъ орудуютъ по своему окаянству!... А мы можемъ за нее молиться такъ: по лѣстовочкѣ съ іусовой молитвой, псалтырь справить въ неугасимой, или въ моленной отстоять службу Успенію Пресвятыя Богородицы, или Миколѣ милостивому, все это ей, умершей, пойдетъ во спасенье. Вѣдь, духъ-то ея ужъ склонился на нашу сторону? Не пришлось только ей святое крещенье принять, да войти въ ликъ истинныхъ христіанъ. Ну, это ужъ произошло не отъ нея....

— Зачѣмъ же я и пріѣхала за вами!—Согласилась было....— сказала Ульяна Кирилловна.

— Ну вотъ! Мысли-то ея, значить, были въ нашей моленной.

— Ахъ, треклятые! Что они надѣлали-то съ нею!—кипятилась купчиха, всплескивая руками.

— Вонъ какъ махалъ водой-то, оглашенный, что и насъ всѣхъ помочилъ. Теперъ куда дѣвать халаты-то?

— Вѣстимо, пропали,—поддакнули старики.—Нешто носить ихъ будешь послѣ такого оскверненья!

— Съ радости.—сказала купчиха.—Радъ, что погубилъ одну овцу, вотъ и давай мочить весь домъ. Думаетъ, анаеема, что и на самомъ дѣлѣ освящаетъ домъ истовой водой.

— Какъ-же! Точно настоящій попъ разодрался въ ризы-то,—смѣялись старики.—Торговаль—торговаль дегтемъ-то, да въ попы угодилъ. И вѣрятъ, вѣдь, этому....

Пауза.

— Халаты-то вы порвите, аль—въ огонь бросьте: я вамъ новые сошью,—сказала Ульяна Кирилловна послѣ нѣкотораго молчанья.—А то, въ самомъ дѣлѣ, не въ нихъ-же идти въ моленную на службу.

— Спаси тебя Христось, милостивица!—благодарили старики, кланаясь купчихѣ до земли.

— Значить, старички, нужно будетъ молиться за покойницу-то, и обѣдъ готовить?

— Какъ-же, кормилица.... Милостыня наипаче при этомъ. Пообѣдаемъ, помолимся, все это за ея душу пойдетъ.

— Ну, спаси Христось, что надоумили меня на это! А то я совсѣмъ думала отступиться отъ умершей.

— Что ты! Нешто можно имъ бросать покойную сродственницу....

— Обидно больно....

— Все надо честь воздать душѣ. Обѣдъ и милостыню все время довлѣетъ справлять, потому душа ея теперь будетъ находиться въ мытарствахъ.

— На какомъ ее мытарствѣ будутъ держать по вѣрѣ-то? Наставникъ не зналъ этого; не могли и старики подсказать ему этого. Но чтобы не сконфузить себя предъ купчихою и не показать ей свое незнанье, онъ, подумавъ, сказалъ:

— Для нея, голубушка, всѣ мытарства теперь будутъ тяжелыя. Вездѣ будутъ злые эфіопы зацѣплять ее, потому душа не правовѣрная. Поэтому, милостыня-то и нужна по ней, чтобы ангель Господень могъ выкупить ее у бѣсовъ. А то бѣсы-то положить на вѣсы ея грѣховныя дѣла, кои по мытарству-то записаны тамъ, а у ангела-то и нѣтъ въ записяхъ никакой милостыни. Ну, бѣсы и потянутъ къ себѣ душу.....

— Его взяла,—поддакнули старики.

— О-хо-хо-хо! Живи вотъ тутъ съ грѣхами-то, а тамъ тебя и прицѣпятъ,—со вздохомъ сказала купчиха.

— Ты, матушка, иное дѣло. Ты—истовая христіанка. За тебя вся моленная молится. Нешто тебя можно равнять съ другими лицами,—льстили старики.

И, простившись, вышли отъ нея.

УШ.

Старики дѣйствительно настроили Ульяну Кирилловну. Мы видѣли, что она совсѣмъ отказалась отъ покойницы и предоставила хоронить ее всецѣло въ распоряженіе Авдотьи

Семеновны и, если потомъ, сидя въ своихъ комнатахъ, она одумалась и рѣшила вмѣшаться въ похороны Стрѣльниковой, то единственно затѣмъ лишь, чтобы устроить Авдотью Семеновну какую-нибудь пакость. Ульянѣ Кирилловнѣ страшно было досадно, что умершая Стрѣльникова ускользнула изъ ея рукъ. Это щекотало и раздражало ея самолюбіе. Теперь, повидѣвшись со своими стариками, которые были привезены ею для исправы больной, но будучи окроплены потомъ дегтярникомъ водою, поспѣшно бѣжали изъ дома Стрѣльниковой, она пришла къ иному рѣшенію. Отбивать покойницу, какъ оскверненную, она не имѣла намѣренія; но прикарманить оставшееся послѣ нея имѣнье и деньги она рѣшила.—„Пусть, мерзавка, хоронитъ ее на свои деньги, а я изъ ея денегъ ни гроша ей не дамъ“,—толковала Ульяна Кирилловна. Но, рассуждая такъ послѣ ухода стариковъ и на другой день послѣ смерти Стрѣльниковой, она упустила изъ виду, что Авдотья Семеновна давнымъ-давно обдѣлала свое дѣло.

Разсерженная и раздосадованная, Ульяна Кирилловна, быстро собралась и поѣхала въ домъ къ умершей.

Войдя въ домъ, она не обратила вниманія на умершую, а прямо прошла въ другія комнаты и потребовала къ себѣ злую противницу—Авдотью Семеновну.

— Гдѣ ключи отъ сундуковъ?—Грубо спросила она ее.

— На что тебѣ.

— Это не твое дѣло. Я такая же родственница.

— Нѣтъ,—мое. Когда я хороню, и умершая по нашей вѣрѣ, то я хозяйка здѣсь, а не ты.

— Врешь! Вы насильно втащили ее въ свою вѣру, а она желала перейти въ нашу вѣру.

— Теперь можно говорить, что угодно—мертвая не встанетъ,—спокойно отвѣтила Авдотья Семеновна.

— Ключи отъ сундуковъ?—настаивала Ульяна Кирилловна.

— Чего тамъ смотрѣть тебѣ? Погоди; схоронимъ, тогда покажемъ, что у нея осталось.

— Я сейчасъ хочу видѣть.

— А я не хочу этого дѣлать.

— Я хочу помянуть ее по своей вѣрѣ.

— Поминай, сколько хочешь. Причем же туть сундуки-то?

Ульяну Кирилловну передернуло отъ этой настойчивости; она вспыхнула до ушей, озлилась еще больше, но злоба ея была безсильна. Нашла коса на камень. Авдотья Семеновна также не намѣрена была дѣлать уступки своей родственницѣ. Она хорошо видѣла, что хотѣлась ей взять изъ сундуковъ и на какой предметъ.— „Для своихъ мужиковъ, думала она, хочешь строить обѣды, да неугасимыя ставить—дѣлай на свои деньги“. Мысли, тѣ-же самыя, что и Ульяна Кирилловна думала передъ своей поѣзкой сюда.

— Я полицію кликну...—погрозила Ульяна Кирилловна, выйдя изъ себя и хорошенько не понимая, что она говорить.

— Что же!.. зови ступай! Наставники-то, поди, благословили тебя на это. Вотъ такъ христіанка. Конвой хочетъ представить къ умершей... Еретиковъ впустить въ домъ... Опомнись, безумная, чего ты говоришь-то?

— У меня наслѣдникъ ея въ рукахъ,—прошипѣла Ульяна Кирилловна и опустила на стулъ.

— Что-же, мы воры, по твоему? Вотъ они ключи! Ступай, кричи еретиковъ, я имъ и ключи выдамъ, а они все опечатаютъ, взволнованно проговорила Авдотья Семеновна и вышла изъ комнаты.

Ульяна Кирилловна осталась одна въ комнатѣ и осталась какъ-бы оплеванной, опозоренной. Она хотѣла только пристрашать Авдотью Семеновну полиціей, а сама и въ мысляхъ не держала, чтобы пригласить этихъ еретиковъ, или, какъ она называла вообще служащихъ по полицейской службѣ, „антихристовыхъ блюдолизовъ“, боясь и страшась всякаго съ ними сообщенія и разговора; но Авдотья Семеновна была не изъ робкихъ женщинъ и къ тому же смотрѣла на полицію, не какъ на „антихристовыхъ блюдолизовъ“, а просто какъ на власть и такихъ же людей, какъ и всѣ другіе, только обремененныхъ извѣстной властью, и потому ни сколько не струсила этой угрозы. Ульяна Кирилловна забыла въ этомъ случаѣ разницу своихъ сектъ и убѣжденій. Но что для нея самой и ея сектантовъ было страшно и грозно, то въ глазахъ ея родственницы вовсе было и не страшно, и не грозно. Авдотья

Семеновна не разъ видѣла въ своей молельнѣ за службою полицію, да не простого какого-нибудь полицейскаго солдата, а полиційместера, пристава, даже губернаторъ былъ въ ихъ молельной, приходя къ нимъ изъ любопытства, и она, какъ женщина смѣлая, не застѣнчивая, вступала съ ними въ разговоръ, докладывая всѣмъ имъ правоту своей вѣры, за что всѣ эти лица, уходя изъ молельной, благодарили ее за бесѣду съ ними. Пѣвцы же ихъ молельной обычно ходили на праздники „со славою“ и къ полиціймейстеру, и приставу того участка, въ районѣ котораго находилась ихъ молельня. Для Ульяны Кирилловны и ея сектантовъ—Ѳедосѣевцевъ такія дѣйствія „австрійковъ“, конечно, были—ужасъ, ересь и оскверненіе себя и моленной, но иное дѣло—безпоповцы, и иное—австрійцы.

Ульяна Кирилловна сидѣла, задумавшись. До слуха ея то и дѣло доносились слова псалмовъ, произносимыя читалкой надъ гробомъ умершей. Она читала на-распѣвъ, заунывно, по мѣстамъ выводила такія рулады, и такъ заливалась своимъ тоненькимъ голоскомъ, что Ульяна Кирилловна невольно заслушалась ея чтенія и медлила своимъ отъѣздомъ.

— Воа...дѣ кто испо...вѣсться те...бѣ, Го...споди,—читала чтица.

— Да, погибла душенька Поли,—вздыхала Ульяна Кирилловна.—Въ аду будетъ, въ тартарѣ геенскомъ... О-хо-хо-хо! А какъ была близка къ истинной вѣрѣ...

И вспомнилось ей, какъ она торопилась прошлый день, разъѣзжая по домишкамъ своихъ стариковъ и собирая ихъ одного за другимъ. Ей показалось теперь, что старики собирались медленно, прокладно. Застала она ихъ всѣхъ спавшими, и потому скоро не достучалась къ нимъ въ окно: засвѣтили огонь, одѣлись въ свои халаты, расчесали свои бороды, а время все шло и шло. И отчего это стариковъ не помѣстятъ всѣхъ на моленномъ дворѣ?—пришла ей мысль. Тогда сразу можно всѣхъ разбудить и увезти. Непремѣнно это нужно устроить. Построить имъ келіи, и пусть живутъ всѣ вмѣстѣ. Пустяки все это стоитъ,—разсуждала Ульяна Кирилловна.

Наконецъ, она встала и крикнула себѣ Авдотью Семеновну.

— Вотъ что, Дуня,— сказала она.— Я погорячилась... Давай объѣдь-то вмѣстѣ устраивать. И мои тутъ покормятся, и помолются въ поминку.

— Такъ что же! Дѣлай для своихъ.

— Только какъ же устроить-то?— Для нашихъ нужно отдѣльно, въ особой комнатѣ, и чтобы посуда была не мѣшечная вашими.

— Ну, за это я не берусь, Уляша. Возись съ этимъ какъ сама знашь: я буду смотрѣть за своими христіанами, а о твоихъ и радѣнья прикладывать не стану.

— Хорошо. Кухни у насъ двѣ. Посуду и прислужниковъ я пришлю своихъ. Поварицу—также. Только скажи своимъ-то, чтобы они не мѣшались къ нашимъ.

— Нешто, matka, удержу я всѣхъ. Кто послушаетъ меня, а кто—нѣтъ.

Ульяна Кирилловна уѣхала.

VIII.

Погребеніе надъ Стрѣльниковой было совершено ночью, и за этой службой были только одни австріяки, которыхъ, собралось почти все общество. Были купцы, купчихи а, мелкота и жаждущіе поживы, одинъ по одному давая извѣстіе, собрались буквально въ полномъ своемъ составѣ. Богачи были на погребеніи для того, чтобы своимъ присутствіемъ показать, такъ сказать, авторитетность своей вѣры, мелкота шла по ихъ слѣдамъ, чтобы быть на глазахъ у купцовъ, а жаждущіе поживы само-собою слетались ко гробу умершей съ цѣлью пообѣдать, получить за молитву деньги и какой-нибудь подарокъ, что въ обычаѣ раздавать у старообрядцевъ. Поэтому чтецовъ и пѣвцовъ за погребеніемъ было множество. Пѣли и читали протяжно, рѣдко и не торопясь. Погребеніе шло часа четыре къ ряду, такъ что въ концѣ службы всѣ утомились и задремали. Послѣ погребенія былъ чай и закуска, а „немощи ради“ для попа, уставщиковъ и нѣкоторыхъ другихъ избранныхъ въ секретной комнатѣ была устроена и выпивка.

На слѣдующій день часовъ въ 10 утра въ томъ же количествѣ собрались раскольники на выносъ гроба умершей. Пропѣта была краткая литія, и умершую вынесли изъ дома. Кorteжъ съ гробомъ направился на единовѣрческое кладбище, на которомъ, кромѣ единовѣрцевъ, хоронятъ своихъ умершихъ и всѣ поповщинскія секты въ Саратовѣ.

Едва только вынесли умершую, какъ началось другое служеніе въ домѣ. Въ особой комнатѣ дома собрались еще до выноса умершей безпоповцы и ждали только, когда вынесутъ тѣло умершей, чтобы начать служеніе паннихиды. И теперь, когда гробъ былъ вынесенъ изъ дома, оставшись на просторѣ, они запѣли паннихиду по умершей, причемъ имя ея въ положенныхъ мѣстахъ службы не поминались, какъ умершей въ ереси, а поминалось просто: „покой, Господи, усопшую рабу твою“. И только.

Окончивъ службу и накадивъ ладона цѣлыя облака, безпоповцы тутъ же посѣлись за столъ обѣдать. Ульяна Кирилловна, несмотря на близость родства къ умершей, не поѣхала проводить ее до могилы, а осталась въ домѣ слушать паннихиду и кормить свою братію.

Какъ ни торопились старики окончить свой обѣдъ до пріѣзда австрійцевъ съ кладбища, но никакъ не успѣли: австрія накрыла изъ за столомъ. Авдотья Семеновна тотчасъ приготовила секретную закусочку для своего причта, такъ какъ хотя не считала грѣхомъ подавать вино за горячимъ столомъ, но и не желала соблазнять другихъ лицъ. Причтъ изрядно выпилъ, закусилъ и потомъ вмѣстѣ съ другими засѣлъ за столъ обѣдать.

— Жиды-то кончаютъ, что-ли обѣдать то?—спросилъ попъ Авдотью Семеновну про безпоповцевъ.

— Сейчасъ выльзутъ.

— Къ чему приволоклись! Лѣзутъ не въ свое стадо...

— Ульяна все... Давеча прислуги перемѣшали тарелки ихъ съ нашими, такъ столько скандала было, что не дай Богъ. Полотенцы тоже перепутали.

— Тоже чистоту ведутъ надъ чашками...

— Нешто. Кушайте батюшка! — предложила Авдотья Семеновна.

Началась ѣда около сотни ртовъ сразу. Ёли кутью, блины, щи, лапшу, пирогъ, жаркое, опять пирогъ, только со сластью, кисель и фрукты. Ёли молитвенники безоблыжно, сколько хотѣлось, брали порціи, не стѣснясь, и остатки клали въ карманъ или завязывали въ носовые платки. Такимъ образомъ, всѣ объдавшіе не только наѣлись, но и заготовили фуражъ на слѣдующій день.—Послѣ фруктовъ Авдотья Семеновна всѣхъ одѣлила по рублю серебромъ. Богомольцы встали и заплѣли: „Достойно есть“... Затѣмъ другую стихиру: „Содѣтелю и Творче... „За этимъ слѣдовали 12 поклоновъ въ поясъ, благодарность хозяйевамъ за хлѣбъ и соль и опять молитва объ умершей.

Богомольцы стали расходиться, но причтъ былъ оставленъ Авдотьей Семеновной. Ей нужно было расплатиться за похороны. Первымъ дѣломъ она дала попу 50 р. за погребеніе, паннихиды, проводы и литію; дьякону 25 р., уставщикамъ по 10 р., ихъ помощникамъ по 5 р., пѣвчимъ кому 3 р., кому 2 и 1. За служеніе объденъ она обѣщалась уплатить потомъ. Помимо этого Авдотья Семеновна сдѣлала подарки причту и бѣднѣйшимъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Послѣднимъ дано было ситцу на рубахи и сарафаны, а причту на поддевки. Матерія каждаго отличалась сообразно положенію въ причтѣ. Попу дано сукна, другимъ трико, нанбукъ и т. д. Всѣ брали, кланялись и благодарили Авдотью Семеновну, и каждый зналъ, что эта подачка и питаніе не послѣднее, что за этимъ будетъ еще въ 9-й, 20-й и 40-й дни такое же кормленіе и такія же подачки. Дни эти у бѣдняковъ были на счету, и они сторожили ихъ.

— Молитесь за Полинку, — говорила Авдотья Семеновна, давая каждому подарокъ.

— Молимся, кормилица, молимся! Каждый день бываемъ у службы, — отвѣчали ей.

Ульяна Кирилловна тоже дѣлала на своей половинѣ. Она также раздавала деньги и подарки причту, старикамъ и старухамъ, только не такъ щедро, какъ это сдѣлала Авдотья Семеновна. Конечно, и труды ихъ были малые, сравнительно съ австрійцами: обѣдъ и паннихида. Если судить здраво, то за паннихиду богомольцы получали уже сытый обѣдъ. Но у

старообрядцевъ не принято отпускать съ похороннаго обѣда, который именуется „горячимъ обѣдомъ“ и въ дѣлѣ спасенія души умершей имѣеть большее значеніе, чѣмъ всѣ послѣдующіе обѣды, — отпускать, не одѣливъ обѣдавшихъ деньгами и подарками. Деньги само собою, а подарокъ — особо. Эти два пункта при обѣдѣ у старообрядцевъ необходимы. Иначе и обѣдъ не въ обѣдъ и цѣны надлежащей предъ Богомъ онъ не имѣеть. При бѣдности, по платку, наконецъ, по ложкѣ деревянной, а дать необходимо каждому. Первымъ дѣломъ на мытарствахъ бѣсы предъявляютъ умершей книгу, въ которой написано: „алчущаго не накормила, страннаго не одѣла“... Кормя и одѣвая свою братію послѣ умершаго, старообрядцы этимъ торопятся послать выкупъ на мытарствахъ умершей, по которымъ она пойдетъ въ 4-й день послѣ своей смерти. До этого же времени, т. е. въ первые три дня, она бываетъ около своего гроба, все видитъ, слышитъ, даже участвуетъ при обѣдѣ богомольцевъ. Поэтому и обѣдъ этотъ называется „горячимъ“, что сама душа умершаго здѣсь присутствуетъ; послѣ же этого времени душа улетаетъ на небо и болѣе не спускается на землю. И дальнѣйшее поминовеніе ея братією будетъ холоднымъ поминовеніемъ и на столько различнымъ, что мѣдная монета, поданная въ день горячаго обѣда, равняется золотой монетѣ, и наоборотъ, — если дается впослѣдствіи, если дается спустя 3 дня послѣ смерти.

IX.

Исполнивъ всѣ поминальные столы въ должномъ порядкѣ, выпроводивъ всѣхъ накормленныхъ со двора, Авдотья Семеновна пригласила Неонилу Егоровну и матушку-игуменью на совѣтъ, въ особую комнату.

Въ комнатѣ былъ приготовленъ чай.

— Садитесь-ка; попьемъ чайку, да побесѣдуемъ, какъ теперь намъ вести свои дѣла дальше, — сказала Авдотья Семеновна.

— Чего же разсуждать-то! Ты теперь полная хозяйка въ этомъ дому, — отвѣтила игуменья.

— А Ульяна Кирилловна? Погодите-ка, какъ она зайвится съ разными требованіями.

— По моему, Авдотья Семеновна, ей теперь тутъ и дѣлать нечего. Не ея вѣра въ дѣйствѣ, нечего ей и мѣшаться тутъ съ нами,—вставила Неонила Егоровна.

— Что ты! Она давно уже теребила меня выдать ей ключи отъ сундуковъ, да я не выдала.

— И не слѣдуетъ. Пускай ее, коли хочеть, поминаеть по своему.

— Полиціей грозила...

— О, Господи Ісусе Христе!..—вскрикнули обѣ слушательницы.

— На другой же день смерти покойной пришла и—съ ножемъ къ горлу: дай, да выложь!

— Вотъ-те христіане!—вздыхала Неонила Егоровна.

— Нужно, Авдотья Семеновна, такъ устроить теперь,—совѣтовала игуменья,—перво-на-перво ты Петюшу оставь здѣсь, въ домѣ, и къ ней его не пушай. Онъ, вѣдь, одинъ наслѣдникъ всего имущества. А коли онъ тутъ будетъ, тогда ей и подступиться нельзя будетъ. А потомъ... потомъ и то взять на умъ, что она можетъ соблазнить его въ свою вѣру.

— Спаси Христось, матушка! У меня это и изъ головы вонъ.

— Нѣтъ, это надо держать на примѣтѣ. Ужъ коли она за покойницей такъ ходила, а мальчишку сбить ей ничего не стоитъ. Собьютъ, окрестятъ его, да и женятъ еще.

— Это правда,—согласилась Авдотья Семеновна.

— А когда женятъ его, тогда, мать моя, трудно будетъ что-нибудь сдѣлать. Они безпремѣнно, вѣдь, отыщутъ безповку, а это такой народецъ, что во сто разъ хуже никоніанъ.

— Правда, правда...

— На себѣ испытала все... Я три раза была за-мужемъ: въ первый разъ за никоніаниномъ, во второй за безповцемъ, третій вышла за нашей вѣры. Такъ видѣла этихъ безповцевъ-то много, и хорошо ихъ знаю. Такіе треклятые...

— Какъ же, матушка, они могутъ женить-то его, вѣдь, у нихъ нѣтъ брака?

— Это ничего не значить. Они только языкомъ проповѣдуютъ свое окаянское безбрачіе, а на самомъ дѣлѣ всѣ съ бабами живутъ, да и не одну еще имѣютъ ихъ. Знаю я ихъ дѣвство, какъ свои 5 пальцевъ на рукѣ. Бывало, придутъ къ мужу и начнутъ его точить: ты, говоритъ, погибъ въ своемъ поморствѣ; иди въ нашу вѣру, у насъ всѣ живутъ по ангельски, дѣвство блюдутъ, а вы что... И ужъ этакія срамныя слова начнетъ говорить о бракѣ, что женщинѣ и слушать непристойно. Картинки, бывало, принесетъ съ собою, а на нихъ дьяволъ изображенъ и онъ въ когтяхъ своихъ несетъ душу и вкладываетъ ее въ чрево матери. Вотъ, говоритъ, какое ваше рожденіе-то нынѣ. Отъ дьявола проистекаетъ оно. Этакіе срамники и хульники...

— Чего же начальство-то держитъ ихъ? — возмутилась Авдотья Семеновна. Чѣмъ насъ тѣснить, они бы ихъ лучше сокращали.

— Начальство что... Даютъ деньги, вотъ и прикрываютъ ихъ. Да предъ нимъ-то они выдаютъ себя иначе. Каждый, вѣдь изъ нихъ живетъ съ бабою, и дѣтей имѣетъ, хотя по своему и не считаетъ ихъ за жену и дѣтей, а прозываетъ стряпухой. Вотъ, и прикрываются этими стряпухами! Мы, говоритъ, такъ же живемъ по брачному, какъ и другіе; а что говорить о насъ, такъ это не правда.

— Ну, дѣла... дивилась Авдотья Семеновна.— Это, выходитъ, самая пасквильная вѣра.

— На что еще хуже. Только книги-то старыя зря при-своили себѣ, да кличку нашу взяли себѣ. А какіе ужъ старообрядцы? Грѣховодники!

Игуменья смолка, стала пить чай. Молчали и другіе.

— Авдотья Семеновна, неугасимую-то по умершей благоволи поставить мнѣ? — сказала игуменья, допивъ чашку.

— Я и забыла, матушка. Сдѣлайте милость, читайте.

— Я четырехъ поставлю, потому тремъ дѣвицамъ трудновато читать всѣ 6 недѣль. А четыремъ-то полегче будетъ.

— Конечно.

— Такъ нынѣ же въ ночь я и поставлю, Авдотья Семеновна.

— Ставьте, матушка, ставьте. Свѣчь, ладону, масла я пришлю вамъ завтра.

— Хорошо.

Снова пошло чаепитіе. Игуменья занята была мыслью, что вопросъ „объ неугасимой“ прошелъ такъ легко и скоро. Это радовало ее. Подъ видомъ печали и соболѣзнованія о смерти Стрѣльниковой, она, собственно, для того и осталась послѣ обѣда, чтобы переговорить съ Авдотьей Семеновной на счетъ постановки, „неугасимой“ въ ея обители. Такихъ неугасимыхъ у нея читалось много, и они шли непрерывно круглый годъ. Читали неугасимыя нераздѣльно о каждомъ умершемъ, и за всѣхъ вмѣстѣ, однѣ и тѣ же дѣвицы. Для игуменьи это была чрезвычайно важная статья дохода. Одинъ заказывалъ неугасимую на годъ, другой—полугодовую, третій на 6 недѣль и такъ далѣе, игуменья брала отъ заказчиковъ записки, кого именно слѣдуетъ поминать на неугасимой, и всѣ эти записки поминались или прочитывались дѣвицами на одной псалтири. Это было секретомъ игуменьи. Заказчикамъ же она обычно говорила, что каждая неугасимая читается отдѣльно и, отдѣльными лицами, вслѣдствіе чего и деньги брали на каждое читающее лицо. И если бы кто захотѣлъ провѣрить ее, то во всякое время онъ могъ найти подтвержденіе ея словомъ. Матушка игуменья такъ вела свое дѣло тонко и аккуратно, что иголочку подпустить подъ нее было нельзя. У нея всегда лежали на аналояхъ псалтири раскрытыми въ моленной, на чердакѣ, въ комнатѣ, столовой и такъ далѣе. Любому посѣтителю она могла сказать и показать, что по этой псалтири читается, примѣрно, неугасимая по „Уваровѣ“, по другой о „Горинѣ“, за третьей стоять по „Кузминѣ“ и далѣе. Дѣвицъ у нея проживало цѣлые десятки и, при ревизіи, она всегда могла поставить за „псалтирь“ разныхъ лицъ. Нужно было только явиться къ ней посѣтителю, а тамъ у нея такъ было подстроено, что дѣло дѣлалось само собою, помимо ея приказанія. „Наперсница“ матушки-игуменьи обычно встрѣчала посѣтителей, докладывала ей о нихъ, прислуживала при угощеніи ихъ и потому слышала, зачѣмъ пришелъ посѣтитель и что ему нужно. По ея мановенію, извѣстныя дѣвицы тотчасъ бросали шитье, вязанье, вышивку и пр. дѣла и становились за псалтири. Такое дѣйствіе матушки-игуменьи, точнѣе говоря, было обманомъ и надувательствомъ своихъ

единовѣрцевъ. Но она не считала это грѣхомъ, даже не признавала этотъ обманъ—обманомъ. Поминались же всѣ принятые ею на поминаеніе имена усопшихъ на одной псалтири, такъ чего же еще? А что это поминаеніе шло въ кучѣ, за одно и обще со всѣми именами, такъ въ этомъ никакого грѣха она не видала. Если въ чемъ она и признавала себя, — и то немножечко признавала это, — виновною предъ своими единовѣрцами завѣдомымъ, такъ сказать, надувательствомъ ихъ, такъ это въ томъ, что она обычно стремилась ставить неугасимую изъ четверыхъ лицъ. Въ душѣ она была убѣждена, что „стоять“ неугасимую легко и свободно могутъ три лица, но четвертое лицо она вставляла просто ужъ для наживы себѣ. Отчего не взять лишнихъ 40—60 р?! Люди богатые, расположены помянуть, такъ чего же стоитъ имъ переплатить лишніе десятки рублей. Все это пойдетъ къ Богу и за тѣхъ же поминаемыхъ. Поэтому грѣхъ этотъ она считала маленькимъ грѣхомъ, и при томъ такимъ, который дѣлался ею для пользы самихъ умершихъ. Что же подѣлаешь, когда люди такъ скупы на раздаеніе своихъ денегъ, и въ этомъ раздаеніи не видятъ своей пользы. Иногда и ложь бываетъ во спасеніе—разсуждала игуменья.

Что же касается общаго поминанія ею всѣхъ именъ, заказанныхъ ей на неугасимыя, вмѣсто раздѣльныхъ, единичныхъ, то матушка-игуменья потому не видѣла въ этомъ грѣха, что считала это дѣло однозначимымъ: что въ розницу молиться за cadaго, что сразу за всѣхъ—одна молитва и одна ей цѣна предъ Богомъ. Только нельзя было сказать ей этого прямо, по совѣсти, своимъ единовѣрцамъ, такъ какъ, по своему невѣжеству, они не повѣрили бы этому, да и не выгодно было для нея самой распространять эту мысль. Къ чему? Пусть идетъ такъ, какъ установилось и вошло въ обычай. Нужно ставить неугасимую, нужно для этого 4 человекъ, и за каждое лицо плати 40—60 р. деньгами, корми ихъ всѣ 6 недѣль, а по окончаніи срока чтанія подари платокъ, сарафанъ, обувь и еще, что хочешь, дай. А тамъ, вмѣстѣ или въ розницу будутъ помянуть усопшаго, это не ихъ дѣло. Въ этомъ случаѣ матушка-игуменья считала себя полновластной хозяй-

кой. Ей только бы деньги дали, а тамъ она знаетъ какъ распорядиться.

Я сказалъ, что неугасимыя въ обители матушки игуменьи составляли для нея доходную статью. Именно такъ. Всѣ деньги за неугасимыя матушка брала себѣ, а читалки пользовались только подарками и содержаніемъ отъ нея. Всѣ дѣвицы набраны были у нея—круглыя сироты, которымъ некуда было пристать и пріютиться. Такихъ дѣвочекъ она нарочно собирала, воспитывала въ своей обители и обращала ихъ на службу своихъ интересовъ. Дѣвочки были послушными ея рабами. Онѣ заикнуться не могли о платѣ за свой трудъ, даже передать кому-либо о томъ, что ихъ трудовыя деньги отъ нихъ отбираются. Онѣ жили молча, исполняли, что прикажутъ имъ.

— Вы что-то задумались, матушка?—спросила Авдотья Семеновна, послѣ долгаго молчанья.

— Да.... Такъ что-то.... встрепенулась игуменья.

— По моему, Дуня, Петъ-то невѣсту пріискать изъ своихъ,—сказала Неонила Егоровна.

— Что вы, тетенька! Вѣдь, онъ еще молодъ.

— Такъ что-же изъ этого?

— Это, Авдотья Семеновна, больно было-бы хорошо,—вставила игуменья.—Заранѣе подыскать оно лучше. Сколько ему лѣтъ?

— Пятнадцатый пошелъ....

— Самая пора. Подыщете, познакомите его съ нею, а тамъ и повѣнчать можно. По святому древнему закону велѣно вѣнчать: 14 лѣтъ жениху и 12 невѣстѣ. Это ужъ потомъ измѣну, сдѣлали въ годахъ-то.

— Да вѣдь, это ребятишки будутъ въ этихъ годахъ-то!

— Ничего не значить. Я сама выходила на пятнадцатомъ году. И его: повѣнчаєте, а тамъ вырастутъ, жить будутъ самымъ лучшимъ образомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Тогда Ульянъ-то нашей сразу придется свое рыло въ сторону своротить.

— Еще-бы! Къ чему она пристанетъ. Самъ хозяинъ и наследникъ. А главное, женимъ-то мы его на своей христианкѣ! А она уже не дастъ ему свернуться ни въ какую вѣру.

Шалишь. Наша сестра держитъ законъ-то крѣпче, чѣмъ мужики.

— Что и говорить, матушка. Вотъ у меня мужъ наслушается отъ разныхъ людей разныхъ разностей объ нашей вѣрѣ и начнетъ мутиться въ домѣ-то.... Въ пору переходить въ церковь! Я какъ начну его пропекать: кого онъ слушаетъ, и чего онъ знаетъ, и всѣ говорильщики-то его,—ну, мужикъ и остепенится.

— А у меня, Авдотья Семеновна, есть хорошая невѣста на примѣтѣ. Оедула Силантьича Мещерякова дочка—Груня. Словомъ барышня! Завсегда у матери на глазахъ.

— Знаю я Груню.....

— Богомольница. Читаетъ божественныя книги....

— Сколько ей будетъ лѣтъ?

— Невѣста ужъ! Кажись, семнадцатый въ исходѣ.

— Пора.

— Возьмите: охулки не будетъ. Петя у нея будетъ все равно что подъ крылышкомъ. И самъ-то Оедуль Силантьичъ за мѣсто отца роднаго ему будетъ. Въ обиду не дастъ его.

— А, вѣдь, это хорошо будетъ,—торжествовала Авдотья Семеновна.

— Какъ-же! Надъ непорочнымъ отрокомъ совершимъ св. таинство.

— Спаси, Христось, матушка! Это больно понравилось мнѣ.

— Это всенепремѣнно надо устроить.

— Чего-же! На этихъ дняхъ и нужно начать,—вставила Неонила Егоровна.

— Возьми и то еще, Авдотья Семеновна, въ умъ. Оедуль Силантьичъ по вѣрѣ—ой, какъ крѣпокъ! У него Петя, прямо въ рукахъ будетъ. Онъ не то, что про церковь, ни про какія вѣры и слышать не хочетъ. Изобьетъ, если кто осмѣлится сказать ему, что вѣра его нехорошая или неправая. Къ нему однажды россійскій попъ пришелъ было славить Христа, такъ онъ его чуть-чуть не исколотилъ. И крестъ его никоніанскій совсѣмъ было переломилъ.

— Вонъ какой ревнитель!

— Страсть радѣльщикъ какой объ нашей вѣрѣ. Нашъ батюшка завсегда у него въ гостяхъ..... Любитъ потолковать о святомъ дѣлѣ.

— Хорошій человѣкъ.

— Рѣдкій, можно сказать.

X.

Ульяна Кирилловна, откормивъ свою братію, не стала мѣшкать въ домѣ Стрѣльниковой и уѣхала домой. Сынъ умершей, Петя, не поѣхалъ съ ней, такъ былъ еще не объдавши, и она приказала ему придти ночевать къ ней.

— Пообѣдаешь и приходи. Чего тебѣ съ бабами-то тутъ мѣшаться, — сказала она.

Мужъ Ульяны Кирилловны былъ дома. Онъ былъ только на проводахъ покойной, обѣдать въ домъ не пошелъ и прямо съ кладбища проѣхалъ въ лавку. Въ религіозныя дѣла жены онъ положительно не вмѣшивался. Никакихъ сношеній съ наставниками онъ не любилъ, и не любилъ видѣть ихъ въ своемъ домѣ. Вообще, онъ занятъ былъ своей торговлей, а по вечерамъ бывалъ, то въ клубѣ, сражаясь въ карты, то въ гостиницѣ, за билліардомъ или просто кутилъ съ пріятелями.

— Что, мадамъ, какъ твои дѣла?—шутливо спросилъ мужъ.

— Смѣхъ тебѣ, безпутному. Чѣмъ-бы заступиться за жену-то, а онъ зубы скалитъ.

— Кто-же тебя обижаетъ?

— Твоя родня. Дунюшка-то....

— Понимаемъ. Значитъ дѣло поѣхало по вѣрамъ.

— Для тебя, знать, все равно, что татаринѡмъ быть, что христіаниномъ, — огрызнулась Ульяна Кирилловна.

Мужъ замолчалъ.

— Ты бы хоть о племянникѣ-то позаботился.

— Что-же о немъ заботиться?

— Да то, что мы съ тобою тамъ вовсе не хозяйева, а твоя сестрица, какъ знаетъ, такъ и распоряжается во всемъ.

— О Петѣ заботы малыя: деньги у него есть, вырастетъ, посадимъ его за торговлю и ладно,—серьезно сказалъ мужъ.

— Только-то!

— А чего же тебѣ еще?

— А если она его въ свою вѣру перетащить?

— Опять за вѣры! Куда ни кинь, все вѣра. Тебѣ какое дѣло до этого? Что ты суешься вездѣ и всюду.

— Не могу я видѣть этого еретичества...

— Охъ, ты наставница моя! Крестить бы тебѣ, да купать людей въ свою вѣру.

— А тебѣ, видно, кто какъ ни вѣруй—все едино.

— По мнѣ такъ, кто чего не хочетъ, тому и не навязывай своего. Ну, съ чего ты вздумала крестить Петю въ свою вѣру? Что онъ татаринъ, что ли, по твоему?

— Хуже татарина.

— Вотъ-какъ...

Разговоръ оборвался; мужъ ушелъ въ свою комнату, Уляна Кирилловна осталась одна.

— Въ самомъ дѣлѣ,—думала она,—обратить надо Петю въ свою вѣру! Мальчишка еще молодой, матери нѣтъ, теперь онъ послушаетъ меня. Вырастетъ, я возьму ему у Золотарева дѣвку, и заживетъ онъ съ нею. Дѣвка богобоязная, отецъ истовый ревнитель нашей вѣры,—чего же еще? Тогда и Дунькѣ пристать будетъ не къ чему. Золотаревъ такъ спровадитъ ее, что пятки засверкаютъ.

Мысль эта родилась у Уляны Кирилловны сразу, подъ вліяніемъ разговора съ мужемъ. Ъхавши домой, она вовсе не думала объ этомъ, и сиротка Петя даже совсѣмъ не лежалъ въ ея головѣ. Ей было только досадно на Авдотью Семеновну, что она сумѣла такъ поставить дѣло, что вела себя точно хозяйка въ домѣ. А что же она то? И она такая же ближайшая родственница умершей, какъ и Авдотья Семеновна! А между тѣмъ ее отжали, отгѣснили совсѣмъ точно чужую какую-нибудь.

— Погоди же, Дуня, устрою я тебѣ штуку, что будешь и меня помнить,—горячилась Уляна Кирилловна.—Непремѣнно Петра окрещу въ свою вѣру, и тогда, посмотримъ, какъ ты будешь заявляться къ намъ.

Между тѣмъ Авдотья Семеновна оставила Петю ночевать въ домѣ матери. Она вычитала Петѣ мораль, что онъ теперь полный хозяинъ всего оставшагося послѣ отца и матери имущества, жить ему въ чужихъ людяхъ непристойно, и онъ долженъ быть дома. Петѣ это понравилось. Ему надоѣло уже ходить въ лавку и торчать тамъ съ утра до вечера за прилавкомъ, не имѣя возможности никуда отлучиться; надоѣли и выговоры дяди и особенно тетки, сопровождавшіеся подчасъ затрепинами по затылку. Поэтому жить дома и на полной свободѣ ему показалось какъ нельзя лучше.

Петѣ шелъ пятнадцатый годъ. Онъ выученъ былъ читать по славянски, писать кое-какъ, да счисленію на счетахъ. Этимъ и кончилось его научное образованіе. Никакихъ книгъ онъ не читалъ, ничего не зналъ, да и не интересовался знать книжныя познанія. Книги были ему противны. Въ лавкѣ, правда, читалъ онъ мѣстную газету „Саратовскій Листокъ“ и то въ такое время, когда нечего было дѣлать, читалъ отъ скуки, но и тутъ онъ интересовался одной хроникой, обращая свое вниманіе въ этомъ отдѣлѣ на тѣ сообщенія, гдѣ, кто и кому морду разбилъ, кто кого ограбилъ, кто какую дебошь учинилъ и пр. Эти извѣстія приводили Петю въ восторгъ.—„Вотъ-такъ удружилъ! Вотъ это залихватски!“ вскрикивалъ онъ при чтеніи. Дома, у приказчиковъ, онъ находилъ и другую литературу: это произведенія г.г. Манухиныхъ и К°. Тутъ встрѣчалъ онъ книжки: „Любовь кухарки“,—„Отчаянный грабитель“,—„Прикащикъ—пятакъ въ ящикъ, а рубль за сапогъ“ и пр. въ этомъ родѣ, но Петя мало интересовался этой литературой, и хотя иной разъ и брался читать ту или другую книжку, но одолѣть ее до конца не могъ и бросалъ. Быть можетъ, это было потому, что Петя учился по славянской псалтыри и могъ читать только одни каѣзмы: русскую же грамоту читалъ плохо, съ искаженіемъ смысла, такъ какъ не имѣлъ понятія о грамматическихъ знакахъ препинанія.

За время службы у дяди Петя выучился играть на биллиардѣ. Игра эта чрезвычайно понравилась ему. Игрѣ этой научилъ его самъ же дядя, который таскалъ его иногда съ собою въ гостиницу. Но Ульяна Кирилловна какъ-то провѣдала объ этомъ, сдѣлала мужу сцену, и онъ пересталъ его

братъ съ собою въ гостиницу. Это его злило, и онъ изыскивалъ всевозможные способы удовлетворить свое желаніе. Приходилось прибѣгать къ обманамъ тетки, кол-жи, красть деньги... Приказчики, скрывая это, сами настаивали его на дурные поступки, уводили съ собою въ трактиръ и таскали его по такимъ вертепамъ, гдѣ они всего менѣе могли попасться на глаза хозяину и знакомыхъ. Въ этихъ мѣстахъ съ приказчиками Петя наслушался и насмотрѣлся всякой мерзости, всякой гадости, научился ругаться скверными словами... Такимъ образомъ, не имѣя за собою надлежащаго надзора, Петя росъ и развивался съ дурными наклонностями, развращался и умственно, и нравственно, и физически. Ульяна Кирилловна не могла вложить ему сѣмянъ добра и благочестія, не могла научить его истинамъ православія и добродѣтели, такъ какъ, во-первыхъ сама имѣла обо всемъ этомъ превратныя понятія, а во-вторыхъ смотрѣла на Петю, какъ на Никоніанца. И прошло все его дѣтство безъ всякихъ назидательныхъ уроковъ и примѣровъ христіанской жизни. Видѣлъ онъ и у матери, и у тетки однѣ только лампадки, подручники да лѣстовки со старыми иконами,—видѣлъ, такъ сказать, какъ бы одну только вывѣску внѣшняго благочестія безъ всякаго приложенія къ дѣлу, къ жизни... Была только вѣра, но безъ дѣлъ. Но и эта вѣра и матери, и тетки—формулировалась какъ-то не ясно, спутанно, сбивчиво, проявлялась къ однимъ только видимымъ предметамъ, въ нихъ однихъ только и состояла. Тетка, какъ Ѳедосіянка, жившая на яву съ мужемъ, по Ѳедосьевскимъ законамъ, находилась за это свое сожитіе въ отлученіи у своего общества и потому молиться съ другими своими единовѣрцами въ моленной не могла. Она могла только стоять позади всѣхъ въ моленной и плакать о своемъ преступленіи, т. е. о брачной жизни. Но плакать и вообще разыгрывать собою роль какой-то оглашенной въ своей моленной она не желала и потому никогда не ѣздила въ моленную за службу. Она молилась дома, по лѣстовкѣ. Мать же Пети, разбитая раскольниками, совращенная изъ православія, была ни то, ни се: ни раскольница, ни православная. Она и въ церковь православную не ходила, и въ моленной не бывала, такъ какъ формально ни къ какой сектѣ не принадлежала.

Посему Петѣ не у кого было научиться добрымъ дѣламъ, не у кого было узнать, во что онъ долженъ вѣровать, какъ христіанинъ, что онъ долженъ дѣлать, какъ христіанинъ, и пр. И росъ онъ,—не то какъ христіанскій мальчикъ, не то—татарскій. Росъ такъ, какъ вообще растутъ и вырастаютъ большинство богатыхъ старообрядческихъ дѣтей, и потомъ, благодаря своимъ лѣтамъ, невѣжеству, тупости, связямъ и торговлѣ, дѣлающихся упорными раскольниками, а по капиталу—столпами той или другой секты раскола.

Напрасно Ульяна Кирилловна прождала Петю на другой и третій день послѣ похоронъ его матери: онъ не пришелъ. На четвертый день Ульяна Кирилловна сама поѣхала за нимъ.

Ее встрѣтила Неонила Егоровна.

— Что это, Петя-то, у васъ тутъ зажился? Кажись, ему тутъ и дѣловъ никакихъ нѣтъ.

— Гдѣ же, matka, хозяину жить, какъ не въ своемъ домѣ,—сурово отвѣтила Неонила Егоровна.—Не по чужимъ же людямъ ему ходить! Пора и домъ свой знать.

— Вотъ-какъ.. Чего же онъ тутъ будетъ дѣлать?

— У хозяина найдутся дѣла.

— Да какой онъ хозяинъ!—Мальчишка..

— Что же изъ этого?

Ульяну Кирилловну передернуло отъ этого разговора. Она поняла, что тутъ кроется злой замыселъ, явно идущій противъ ея личныхъ стремленій и цѣли.

— Позовите-ка его ко мнѣ?

— Нѣту его дома.

— Куда же онъ ушелъ?

— Не знаю.

Ульяну Кирилловну взорвало отъ такой холодности приѣма.

— Это все ваши, съ Авдотьей, продѣлки!—запальчиво произнесла она.—Вы все мутите тутъ... Вы разстраиваете...

Неонила Егоровна строго посмотрѣла на нее, нахмурила брови и сказала: „Я съ тобою и говорить не хочу. Тьфу!.. Вотъ пристала, точно листъ въ банѣ“.

Неонила Егоровна плюнула и вышла изъ комнаты.

— Ахъ ты, еретица треклятая! Вонъ она какъ носъ-то вздернула... Да я сама расхаркаю и плюну на тебя. Будьте

вы трижды прокляты и со всѣмъ домомъ своихъ! Одну увлекли въ свой адъ, теперь другого тащите... Поганцы этакіе! Тоже, по старой вѣрѣ зовутся... Въ Сибирь бы васъ всѣхъ и съ архіереями-то вашими! А то расхвалились больно церковью-то... Фальшивое все! Обманъ! Надуваете простой народъ. Дегтярникъ вашъ попъ-то—вотъ кто! Деготь развозилъ-развозилъ, да потомъ въ ризы залѣзъ. А вы-то ему кланяетесь... Эхъ вы! Безмозглые... Право безмозглые. Самихъ-то васъ еще нужно наставить на путь истинный, а то другихъ съ свою вѣру... Но что это за вѣра? Нѣмцы вамъ дали ее! Правительство-то, не знай, чего смотреть на васъ, мошенниковъ.... Тьфу!..

Ульяна Кирилловна проговорила все это съ запальчивостью, азартно, точно изъ ружья стрѣляла она своими рѣзкими словами. Она стояла одна въ залѣ, всѣ двери были затворены, но она говорила по направленію къ той двери, въ которую скрылась Неонила Егоровна. Послѣдняя, стоя за дверью, конечно, все слышала, но не вышла къ ней и не сцѣпилась съ нею, „зубъ-за-зуб“.

Изливъ всю желчь, наговоривъ массу колкостей по адресу Авдотьи Семеновны и Неонилы Егоровны, Ульяна Кирилловна вышла на крыльцо, сѣла на лошадь и уѣхала домой. Она рѣшила болѣе не заглядывать сюда въ этотъ домъ. гдѣ такъ искусно составляютъ противъ нея заговоры и дѣйствуютъ энергично, пропагандируя свой расколъ. Ульяна Кирилловна убѣдилась, что тутъ она ничего не подѣлаетъ, что всѣ старанія, всѣ хлопоты ея пропадаютъ даромъ, а сама она съ каждымъ разомъ подвергается все болѣе и болѣе разнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ.

Порвавъ съ досады перчатки на рукахъ, бросивъ зонтикъ на полъ, Ульяна Кирилловна прошла въ свою комнату.

— Есть кто у насъ?—грозно сверкнула она глазами на прислугу.

— Точно такъ. Сами дома и купецъ Золотаревъ въ гостяхъ.

— Что они дѣлаютъ?

— Чай кушаютъ и прочее все такое...

— Ступай.

XII.

Золотаревъ, Урванъ Пигасичъ и Лукьянъ Семенычъ (такъ звали мужа Ульяны Кирилловны), дѣйствительно, давно уже сидѣли и баловались чайкомъ, съ различнымъ прикладцемъ къ оному. Золотаревъ пришелъ къ Стрѣльникову по дѣлу: поговорить съ нимъ о полученіи денегъ по векселямъ, которымъ истекалъ срокъ, а Стрѣльниковъ, зная цѣль его посѣщенія и, желая получить отъ него отсрочку въ платежѣ денегъ, принялъ гостя съ большимъ почетомъ и уваженіемъ. Немедленно онъ усадилъ его за столъ и принялся подчивать пріятеля чаемъ, водкой и закусками.

— Ну, я чай—тово... не стану пить. У тебя посуда-то, поди, вся замірщенная? Гдѣ хозяйка-то?

— Она ушла.

— Куда?

— Въ братнинъ домъ.

— Къ еретикамъ, значить. Ну, а безъ нея на прислугъ-то полагаться тоже... опасно. Прислуга изъ всякой посуды накормить тебя.

— У насъ прислуга вся нашей вѣры.

— По какой же это: по твоей, или жениной?

— Жены.

— То-то. Тебя-то я знаю: ты ѣшь и пьешь совсѣмъ безъ разбора. Для тебя все едино, что нашъ братъ истовый христіанинъ или никоніанинъ. Тебя не знай къ какой вѣрѣ и причислить. Ты, не то нашъ, не то никоновъ сынъ. Кто тебя разбереть!..

— Я, Урванъ Пигасичъ, по совѣсти скажу, что ничего въ этихъ вѣрахъ не понимаю. У меня жена по этой части настоящая законница. Она любитъ толковаться съ стариками, да выкладки производить—чья вѣра лучше и которая прямо ведетъ во врата райскія, и которая прямо низводитъ въ адъ и тартаръ. А я самъ—ни-ни! И въ голову не лѣзетъ вся эта премудрость! По моему: Богъ одинъ вездѣ, только по разному.

— Вотъ и нѣтъ! Развѣ что у насъ, что у никоновцевъ одинъ Богъ?

— Такъ какъ же?! По моему, все равно, Урванъ Пигасичъ.

— Врешь! Это ты заврался. Мы вѣруемъ въ настоящаго Исуса Христа, который родился въ 5500 году отъ Пресвятой Богородицы дѣвы Маріи, а никоновцы нашли себѣ другого Бога, Исуса, который родился у нихъ въ 5508 году—восемь лѣтъ спустя, значить, послѣ нашего Господа истиннаго и едиnorodнаго,—азартно проговорилъ купецъ.

— Съ вами, Урванъ Пигасичъ, говорить мнѣ трудно-вато.

— Потому что ты не читаешь священнаго писанія. Углубись-ка въ него, тогда и ты познаешь истину. Вѣдь, такихъ-то вотъ, какъ ты, и сбиваютъ никоновцы въ свою ересь. Вы ничего не знаете, вамъ что скажутъ, тому вы и вѣрите. Ну-ка меня вотъ попробуй они сбить съ толку! Да мнѣ любого архіерея давай изъ никоновцевъ, такъ я его забросаю словами-то.

Стрѣльниковъ удивленно посмотрѣлъ на Золотарева. Онъ и вѣрилъ, и нѣтъ словамъ коммерсанта.

— Ну-ка давай хлобыстнемъ по единой, для смѣлости.

— Пожалуйте, Урванъ Пигасичъ,—пригласилъ хозяинъ. И началъ наливать рюмки.

— погоди,—остановилъ онъ его.—Не этакъ нужно по христіански. Сперва нужна 3 поклона положить предъ образами, тогда ужъ и за пищу браться. Сейчасъ видно, что ты малымъ, чѣмъ отошелъ отъ никоновыхъ учениковъ.

— Да, вѣдь, это не обѣдъ, а закуска.

— Все-равно Бога благодарить нужно, что предъ малымъ, что предъ великимъ обѣдомъ. А такъ какъ у тебя не заправскій обѣдъ, то мы и не будемъ читать: „Отче нашъ“... Теперь это будетъ не по уставу. Ты, небось, никогда не читалъ эти молитвы-то?

— То-то и есть. Какой же ты христіанинъ послѣ этого! Ты долженъ каждый день предъ обѣдомъ прочитать „Отче нашъ“... послѣ обѣда „Достойно есть“..., предъ ужиномъ „Ядятъ нищии и насытятся“..., а въ концѣ трапезы „Бысть чрево твое святая трапеза“... и „Возвеселилъ мя еси, Господи...“ Такъ, братъ, установили святые отцы, и нарушать этотъ по-

рядокъ не годится. Кабы не дѣлали этого святые отцы, небось, въ рай-то не попали-бы.

— Хорошо вы все это знаете, Урванъ Пигасичъ, — оправдывался Стрѣльниковъ.

— А тебѣ кто не велить?! Лѣнь? Почему ты не ходишь за службу въ моленную?

— Да, вѣдь, я подь отлученьемъ состою, знаете...

— Это ничего не значить. Ты только вмѣстѣ молиться съ нами не можешь, а стоять и слушать позади всѣхъ христіанъ чистаго дѣвства, Божіе писаніе никогда тебѣ не воспрещаетъ. Приди, стой, слушай и умиляйся душою.

— Да что же я буду остолопомъ-то стоять среди другихъ! Совѣстно этакъ-то.

— Совѣстно... Вотъ что выдумалъ. А съ бабой жить въ услажденіи не совѣстно? Самъ виновать.

— Такъ это по закону, Урванъ Пигасичъ!

— Опять врешь! По нашему христіанскому закону нѣтъ брака нынѣ. Антихристъ заполонилъ всю землю и осквернилъ ее вездѣ и всюду. Какой-же бракъ можетъ быть нынѣ!

— Съ вами не сговоришь! Давай-те лучше выпьемъ, — пригласилъ Стрѣльниковъ, наливая рюмки.

— Постой! Я не стану пить изъ твоей рюмки. Она навѣрняка миршеная. Лей въ мою красоулю.

Золотаревъ вынулъ изъ бокового кармана серебряную вызолоченную вещь и подставилъ ее Стрѣльникову. Послѣдній удивленно посмотрѣлъ на Золотарева и, попятившись назадъ, поставилъ графинъ съ водкою на столъ.

— Такъ и думалъ, Урванъ Пигасичъ, что это у васъ или папиросница, или же сигарница.

— Это я никоніанъ обманываю, пояснилъ Золотаревъ. Нельзя. Гласнымъ вѣдь состою въ городѣ. Бываютъ пиры разные, на которыхъ со всякимъ еретикомъ приходится вѣдаться. Волей-не-волей надо съ нимъ пить. Свою рюмку носить въ карманѣ неудобно; пить изъ ихъ еретической посуды—грѣшно, по нашему закону, да и смѣяться стануть, проклятые, когда будешь вытаскивать изъ брюкъ свою рюмку. Вотъ я и придумалъ сдѣлать сосудъ по своему фасону, чтобы его можно было носить въ боковомъ карманѣ. Сунулся я въ магазинъ къ

Квасникову, Алпатовой, Яковлеву—нѣтъ подходящаго сосуда. Наконецъ, жидъ одинъ устаканилъ мнѣ эту штуку. Въ самую рифму, бестія попалъ! Съ виду якобы сигары лежатъ тамъ, и на самомъ дѣлѣ, откроешь крышку, выходитъ преизрядная монастырская красоуля.

— Я тоже думалъ, что папиросы торчатъ въ ней. Господи! думаю,—ужели, Урванъ Пигасичъ, курить?

— И всѣ такъ думаютъ, смотря на нее. Думаютъ, что я заправскій курильщикъ. Иной подлетитъ и папиросу тебѣ предложить, а я всѣмъ говорю: сигары, молъ, курю и притомъ привыкъ курить одной фабрики.

— Находчиво.

— Съ волками, братъ, жить, по волчьи нужно и быть. Нука наливай; а то ужъ заговорились.

— Это правда.

— Перву пить—здраву быть,—проговорилъ Золотаревъ, крестясь предъ выпивкою своей рюмки. Чокнулись и выпили.

— При первой не закусываютъ,—замѣтилъ Стрѣльниковъ,

— Истинно. Вторую пить—умъ веселить. Выпили. Затѣмъ удвоили и утроили. Оба купца стали на веселѣ, языки развязались, разговоръ пошелъ свободнѣе и откровеннѣе.

— Нѣтъ, Лукьянъ Семенычъ, ты къ нашей вѣрѣ приставай хорошенько, а то ты все апплике живешь. Вокругъ, да около ходишь нашей вѣры. Тогда дѣло-то складнѣе будетъ. По нашей вѣрѣ живутъ Морозовы, Першины и др., а они все люди съ милліонами, не кое-кто съ моста, а фамильные купцы, имѣютъ свои фабрики, отъ нихъ мы кредитомъ, не въ примѣръ прочимъ торговцамъ, можемъ пользоваться. А для нашего брата, торговца, кредитъ и такая поддержка съ ихъ стороны самая важная статья въ жизни. Безъ кредита и поддержки—трынь трава вся торговля.

— Мнѣ это и жена постоянно твердитъ, Урванъ Пигасичъ.

— А что-же?! Она правду говоритъ тебѣ. Отчего же ты не слушаешься ее. Наши жены, братъ, больше насъ читаютъ, да богомольемъ занимаются.

— Это вѣрно.

— Да чего вѣрно, это истинно такъ. Возьми хоть мою бабу: я когда-то еще встану и помолюсь съ грѣхомъ пополамъ, а то и совсѣмъ позабудешь псалтырь или каноникъ въ руки взять, а она ужъ каждое утро торчитъ предъ свѣчкой и образами. Или я, когда съ покупателями зашлаюсь по ночамъ, оскоромишься и осквернишься, прости Господи, ну и башка трещить по утру, а она ужъ неизмѣнно: встанетъ, прочтетъ дванадесять псалмовъ преподобнаго Пахомія, ихъ же вручи ему ангель Господень, прочтетъ канонъ о „здравіи“ всего нашего дома, а потомъ и за всѣхъ „умершихъ“. Ну-ка!..

— Тоже самое и моя жена раздѣльваетъ.

— Вотъ тебѣ и истина. Она въ натурѣ передъ нами идетъ. Однако я заговорился съ тобою о божествѣ-то, пора и домой шагать.

Купецъ сталъ подниматься изъ-за стола.

— Такъ когда же ты, Лукьянъ Семенычъ соберешься съ деньгами-то, мнѣ самому тоже предстоитъ платежъ въ банкъ, а тамъ народъ строгій.

— Уплачу, Урванъ Пигасичъ, скоро. А въ банкѣ-то подождутъ: тамъ наши люди сидятъ у денегъ-то.

— Это правда. Небудь ихъ тамъ, иная тогда бы была бы статья. А то другъ другу по вѣрѣ-то уважаемъ. Будька ты вотъ никоновецъ сейчасъ, развѣ Пантелѣй Никифоровъ сталъ бы снисхожденіе оказывать тебѣ въ деньгахъ. Ни за что! Помнишь, какъ мы Ваньку-то Абачина отдѣляли.

— Еще бы! Это который въ никонианы пошелъ?

— Ну да; онъ самый, только онъ присталъ къ Никоновой церкви, причастіе ихъ принялъ, въ газетахъ опубликовали объ этомъ, чтобы намъ конфузѣе стало: вотъ, молъ, человекъ-то, одной вѣры съ вами былъ, а теперь позналъ истинну въ никоновой церкви, а васъ созналъ за ересь. Ладно. Сошлись мы этто тогда всѣмъ обществомъ нашимъ, тутъ же и Пантелѣй Никифоровъ, и заговорили, что сдѣлать этому отступнику, чтобы онъ помнилъ во всю жизнь, какъ надругаться надъ старой вѣрой. Пантелѣй Никифоровъ и подаль голосъ намъ: ущемить его, говорить надоть на торговлѣ, да и приконопатить лавку-то на глухую. Это будетъ сильнѣй всего. Никоновцы-то не больно щедры на подаванье и помощь

другимъ. Какъ хватимъ, такъ и останется навсегда. Чего лучше—закричали мы всѣ. Ванька, тоже, какъ, и всѣ, вертѣлся на кредитѣ. Мнѣ былъ долженъ, другому, третьему... Свои долгишки были. Дали мы это малость ему вздохнуть по его новой вѣрѣ, а потомъ какъ шаркнемъ сразу всѣ его векселя ко взысканію. Пожалуйте денежки... Ванька туда-сюда, по никоновцамъ, а ему—шишь горячій! А Пантѣлей Никифоровичъ съ каждымъ днемъ все нахлобучиваетъ его. Видъ показываетъ ему яко бы сожалѣетъ его положенье, а самъ вездѣ и всюду взбаломутилъ противъ него купцовъ и нашихъ, и никоновыхъ. Ну, потомъ веревочку на дверь, да сургучемъ и пригвоздили. Съ молоточка все продали, и мы же купили все по дешевой цѣнѣ. Послѣ этого Ванька нашъ сталъ ни „въ тѣхъ, ни въ всѣхъ“, ни хозяинъ, ни приказчикъ. Попадется, бывало, гдѣ либо на улицѣ, остановишь его и спросишь: „ну, какъ, Иванъ, поживаешь въ своей новой истовой вѣрѣ?“ Часто ли причастье принимаешь? „Чать, полонъ напился отъ своихъ поповъ благодати-то? А онъ, какъ дикарь, посмотритъ на тебя, да злобно этакъ выскажетъ: „кощунники, говорить, вы! изверги! кровопійцы!“ Плюнешь на него, на лѣшаго, да и пойдешь своей дорогой.

— Развѣ, Урванъ Пигасичъ, легко было перенести ему это положенье? Тоже вѣдь ударъ не малый.

— Объ этомъ и говорить нечего, что онъ пострадалъ здорово. А кто виновенъ въ этомъ? Кто заставлялъ его измѣнять вѣру? Онъ надругался надъ нами, опозорилъ насъ на весь Саратовъ, вотъ мы ему и приподнесли долю. Пусть кушаетъ... Лучше помнить будетъ, да и другимъ изъ нашихъ это пойдетъ въ науку и предостереженье. Ну, прощай!

— До свиданья, Урванъ Пигасичъ.

Разговоръ Золотарева, яраго раскольника, крѣпко подѣйствовалъ на Стрѣльникова. Золотаревъ не понравился ему, даже опротивѣлъ. Особенно поразился Стрѣльниковъ разсказами о мстительности раскольниковъ купцу Абачину за то лишь, что онъ оставилъ расколъ и принялъ православіе. Ну, вѣра вѣрою, думалъ Стрѣльниковъ, а зачѣмъ-же мстить-то и губить человѣка? И съ какой холодностью разсуждаетъ онъ объ этомъ. Какъ-будто они сдѣлали человѣку не пакость и

мерзость, а доброе дѣло. Ну, раскольники!.. Изъ одной рюмки пить не хочеть, молитвамъ вздумалъ учить меня, кресты разводить предъ каждой рюмкой чуть не по сажени, а самъ человѣка сгубиль—это ничего. Хорошъ законъ! Этакъ они, чего добраго, и надо мной могутъ учинить такую же пакость. Теплые молитвенники? Святоши по виду-то, а внутри—отхожая яма.

ХІІІ.

Золотаревъ Урванъ Пигасичъ былъ суровая личность, типъ завзятаго, злого раскольника-буквоѣда. Онъ владѣлъ большимъ капиталомъ, торговалъ хлѣбомъ, содержалъ маслобойное заведеніе за чертою г. Саратова, на которомъ десятки и сотни копошились за работою оборванныхъ „галаховцевъ“ разнаго званія и происхожденія, которыхъ Урванъ Пигасичъ любилъ держать въ своемъ заведеніи. Люди эти были невзыскательны на пищу, кормить ихъ можно было чѣмъ угодно, а трудъ ихъ оплачивался крайне дешево: 2—3 р. въ мѣсяцъ, да и эти деньги выдавались имъ не сразу, а копѣйками, и не болѣе рубля. Золотаревъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на погибшее отребье міра, не считалъ ихъ и людьми. Его любимая лошадь, которая обычно возила его въ лавку, въ гости и въ моленную, гораздо лучше содержалась и холилась, чѣмъ эти работники. „Галаховцы“ спали на голыхъ нарахъ, въ грязной избѣ, въ пищу имъ шла тухлая солонина, рыба съ душкомъ, каша и ржаной, плохо выпеченный, хлѣбъ. Урванъ Пигасичъ такъ и звалъ галаховцевъ скотами.

— „Ты у меня скотамъ-то, смотри, Василій, чтобы масла ни-ни съ заводу. Не бары! Полакають и то, что подадутъ имъ“... обычно повторялъ онъ своему приказчику изъ раскольниковъ. И скоты, дѣйствительно, питались скверно, содержались грязно, черно и отвратительно.

Золотаревъ былъ воспитанъ родителями чисто въ раскольничьемъ духѣ. Въ смыслѣ ихъ понятій онъ былъ образованный человѣкъ и даже начитанный. Старая дѣвка научила его

читать по псалтырю, указала по семидесятому „каноннику“¹⁾, какъ читать каноны разнымъ святымъ; научила порядку церковной службы, какъ она совершается въ разные праздники у безпоповцевъ. Затѣмъ научила его, какъ править домашнюю службу по „лѣстовкѣ“²⁾ и дала толкованіе о значеніи самой лѣстовки для истиннаго христіанина. 4 „лапостка“ лѣстовки означаютъ 4-хъ евангелистовъ. Красная обшивка ихъ—евангельское и апостольское ученіе. Такъ какъ лапостки лѣстовки расположены парами и одни надъ другими, то нижнія лапостки имѣютъ на своемъ ремнѣ 7 бубенчиковъ, означающіе 7 вселенскихъ соборовъ. Выше лапостей идутъ 100 равныхъ бубенчиковъ, раздѣляемые послѣ 12, 40 и 33 крупными бубенцами. Раскольничье толкованье гласитъ, что 12 бубенчиковъ означаетъ 12 апостоловъ; 40—это 40 дней Господь постился въ пустынѣ, 33—это 33 года Господь прожилъ на землѣ. Остальныя 15 бубенцовъ въ ряду лѣстовки означаютъ число дней Успенскаго поста.³⁾ 3 крупныхъ бубенца—лица св. Троицы, а въ совокупности съ имѣющимися 6-ю бубенцами, расположенными на перевязи лѣстовки между 4 лопостями и 100 бубенцовъ, значать 9 помѣстныхъ соборовъ. Мы оказались бы въ высшей степени непослѣдовательны, если бы допустили сказать, что предварительно всей этой науки старая дѣва научила „Урвашу“, какъ звали Золотарева въ малолѣтствѣ, слагать персты для крестнаго знаменія такъ: великій перстъ и 2 послѣднихъ соединять равно, т. е., чтобы всѣ 3 пальца ногтями сходились вмѣстѣ, а не накладывать конецъ большого 1-го пальца на 2 послѣднихъ, какъ это онъ дѣлалъ, до этого, по наученію своихъ родителей. Кромѣ этого, при знаменованіи себя крестнымъ знаменіемъ, она велѣла ему вести руку отъ праваго плеча къ лѣвому не по груди, а мимо рта, чтобы поперечная линія креста шла именно мимо устъ—вратъ душевныхъ и освящала этотъ проходъ животворящимъ крестомъ.

1) Книга, въ которой собрано 70 каноновъ разнымъ святымъ.

2) Ременная лѣстовка, обычная принадлежность всѣхъ вообще раскольниковъ. Это похоже на наши монашескія четки. По ней малограмотные сектанты правятъ службу въ своихъ домахъ и обычно держатъ въ рукахъ въ моленной, за службою. А в т.

3) Другіе раскольники даютъ этимъ бубенцамъ другое значеніе, о чемъ въ свое время былъ споръ у раскольниковъ. А в т.

Старая дѣва основывала въ этомъ случаѣ свое ученіе, на слѣдующихъ словахъ Кирилловой книги: „аще кто кровію сына Божія праговъ усть дома своего не помажетъ, душа его первородная жива быти не можетъ“. (л. 34 об.). Слова эти говорятъ о св. причащеніи, но такъ какъ у безпоповцевъ за „разсыпаніемъ руки людей освященныхъ“, этого таинства не имѣется, то старая дѣва, по примѣру своихъ начетниковъ, такъ толковала эти слова: „гдѣ крестъ, тамъ и Христосъ пролилъ свою кровь на крестѣ, мы этимъ крестомъ осѣняемъ себя; стало быть, когда его изображаемъ на себѣ, мы въ это же время помазуемъ свои уста и кровію Ісуса Христа.“ Втолковавъ все это въ голову мальченки Урваши, и обучивъ другому, она сдала его родителямъ и получила за свой трудъ богатое вознагражденіе и подарки.

Мѣсто старой дѣвы теперь занялъ другой педагогъ—уставщикъ моленной. Онъ научилъ Урвашу, какъ читать за службою поученія на „распѣвъ“, гдѣ понизить голосъ, гдѣ повысить его и пр. Научилъ его писать церковными буквами, такъ что Золотаревъ могъ потомъ любую книгу написать по славянски и украсить заглавныя буквы различными вензетками изъ красной киноvari. Концомъ образованія Урваши было изученіе церковнаго пѣнія на „гласы“ по „крюкамъ“—„столповое“ и „демественное“. Не мало Урванъ Пигасичъ испыталъ на себѣ линейку, отъ строгаго учителя, пока изучилъ это пѣніе. Уставщикъ былъ суровый человекъ, а Урвана отдали въ полное его распоряженіе и онъ стремился во что бы то ни стало вложить въ его голову все свое знаніе. И Урванъ дѣйствительно воспринялъ его и постигъ всю мудрость этого искусства. Онъ твердо изучилъ всѣ названія крюковъ и въ точности зналъ, который крюкъ называется „паукомъ“, который „голубчикъ“,—„сорочья ножка“ и т. д., зналъ и ихъ тоны и количество нотъ въ каждомъ крюкѣ. Хорошо изучилъ онъ содержаніе и названіе разныхъ „фитовъ“, такъ что могъ пѣть ихъ въ сокращенномъ указаніи крюковъ и просто по одному названію той или другой фиты. Скажетъ, бывало, ему учитель: Урванъ! Пропой мнѣ наизусть фиту „Дуда“. И Урванъ поетъ ее. Онъ зналъ сколько и какія ноты въ ней полагаются на память. Смѣнить эту фиту, скажетъ, пропой мнѣ

„Нѣмку“ или „Свѣтлую“, — „Тихую“ и др., и Урванъ, нисколько не запинаясь, поетъ ихъ одна за другой. И это знаніе „крюковъ“ и „фитовъ“ такъ въ ѣлось и усѣлось въ его голову, что впослѣдствіи онъ и приказчиковъ своихъ называлъ именами крюковъ, и самъ на досугъ любилъ распѣвать „Дуду“ и „Нѣмку“.

Писать скоростью Урванъ Пигасичъ не умѣлъ. Этой премудрости уставщикъ не могъ научить его, такъ какъ самъ не зналъ этого письма и писалъ только по славянски. Урванъ Пигасичъ научился этому кое-какъ потомъ, въ лавкѣ между дѣлъ, и конечно писалъ малограмотно, съ ошибками, но большаго родителя и не желали. Умѣеть подписать свое имя и ладно—говорили они. Не писаремъ ему быть то, а купцомъ.

Съ такимъ запасомъ свѣдѣній выступилъ Урванъ Пигасичъ на свое жизненное поприще. Онъ могъ быть хорошимъ уставщикомъ или пѣвцомъ въ раскольнической моленной, но онъ былъ сынъ богатыхъ родителей и потому должность эта для него была излишней и не нужной. Родители его тотчасъ опредѣлили въ лавку подъ надзоръ главнаго приказчика лавки, который въ свою очередь обучилъ Урвана Пигасича торговому краснорѣчію и посвятилъ во всѣ правила торговыхъ плутней и наживы. Эта наука Урвану Пигасичу очень понравилась. Обмѣривать, обвѣшивать, сбыть плохой товаръ за хорошую цѣну покупателю, это какъ то было ему и по характеру и доставляло большое удовольствіе, не только ему лично, но и его родителямъ. Молодецъ, Урваша! Вижу, парень ты, по торговлѣ, будешь не промахъ—хвалилъ отецъ.

Вскорѣ Урвана Пигасича женили на богатой раскольнической дочери, съ такимъ же закаломъ и развитіемъ, какъ и самъ онъ. Нарочно родители подобрали ему пару и не ошиблись въ богоданной дочкѣ. Она оказалась достойной супругою своего мужа.

Золотаревы держались еедосѣевской секты издавна и были ярыми защитниками ея ученія. Такъ какъ по ученію этой, вреднѣйшей въ расколѣ секты въ настоящее время не существуетъ законнаго брака и всѣ должны жить безбрачно, на правахъ пустынниковъ, то никакого вѣнчанія и не было. Родители Урвана Пигасича даже неблагословили его, когда онъ

поѣхалъ за невѣстою въ домъ будущаго своего тестя, такъ какъ благословеніе ихъ было бы явнымъ потворствомъ и соглашеніемъ съ ихъ стороны на брачную жизнь сына, за что еедосѣвцы могли бы отлучить отца и мать отъ общественной молитвы. Теперь же родители могли имѣть такую отговорку или оправданіе предъ кагаломъ еедосѣвщины, что сынъ уже въ возрастѣ лѣтъ и воленъ дѣлать что угодно, благословенія же ему на этотъ бракъ они не давали. Это, конечно, ничто иное, какъ хитрая раскольническая увертка, иначе сказать обманъ самихъ себя или же сдѣлка съ совѣстью и долгомъ. И сдѣлалось все это для того только, чтобы и законъ своей секты соблюсти ненарушимо и свое дѣло сдѣлать. И раскольническій когаль также хорошо зналъ, что сынъ женится не иначе, какъ съ согласія и дозволенія своего отца, но законъ соблюденъ съ формальной стороны и дѣлу конецъ. Такъ уже принято у нихъ и такой порядокъ издавна заведенъ и какъ-бы освятился уже давностью лѣтъ. Въ строгомъ смыслѣ это является ничто иное, какъ сводничество однихъ и незаконное сожитіе—у другихъ.

Урванъ Пигасичъ взялъ съ собою невѣсту, разодѣтую какъ слѣдуетъ, проѣхался съ нею по улицамъ Саратова и вернулся въ свой домъ. Здѣсь его поздравили, какъ должно, и онъ зажилъ себѣ спокойно. На первомъ же году у него родилась дочь, которую окрестили и назвали Фекой. За это рожденіе ребенка ихъ отлучили отъ моленной и наложили на нихъ эпитимію полагать въ теченіи 6 недѣль по 1,000 поклоновъ на день.

Теперь мы застаемъ Урвана Пигачича и его дражайшую половину значительно уже по жившими людьми и пообтершимися въ жизни. Родители его умерли и оставили ему богатое наслѣдство, на которое онъ расширилъ свою торговлю и сталъ богачемъ въ городѣ. Онъ теперь существуетъ уже „его степенствомъ“, крупной силой въ средѣ коммерсантовъ своего торговаго круга. Дочка его, Фека Урвановна, уже дѣвица на возрастѣ; ей 17—18 лѣтъ. Невѣста, хотя, по еедосѣвскимъ законамъ, ихъ и не должно бы быть въ этой сектѣ. Но что подѣлаешь съ естественными законами и условіями окружающей жизни!..

Эту то Оеклу Урвановну и намѣтила Ульяна Кирилловна взять за Петю и женить его на ней.

XIV.

Ульяна Кирилловна! Какими судьбами забрались въ наши предѣлы? Давно не были—встрѣтилъ Золотаревъ.

— По дѣлу, Урванъ Пигасичъ. По большому дѣлу пріѣхала я переговорить съ тобою.

— Садись; дорогая гостья будешь.

— Спаси Христось!

— Жена! Оеклуша! давайте сюда чаю? Гости!..

— Не беспокойтесь: я пила уже.

— Чай на чай не бѣда, Ульяна Кирилловна? Что новаго?

— Новостей и хлопотъ у меня много. Пришла посовѣтоваться съ вами.

— Что такое?

— Вѣдь Петю то у меня отбиваютъ! Въ Австрію хотятъ перетащить его.

— Кто же это совершаетъ такое покушеніе на него?

— Кому же, какъ не сестрицѣ моей заниматься этимъ дѣломъ! Она ужъ больно радѣльна къ австрійству-то.

— Такъ, Авдотья Семеновна, значить, продѣлываетъ всѣ эти исторіи. Шустрая видно баба.

— Надо бы лучше такой еще змѣи, да не отыщешь.

— Такъ что-же, Ульяна Кирилловна, мы можемъ подѣлать-то съ нею? Она какъ я вижу, хитрѣ васъ оказалась и дѣйствуетъ самостоятельно, идетъ прямо на проломъ.

— Я вотъ что думаю, Урванъ Пигасичъ, взять бы отъ нее Петю то, да и женить на нашей то христіанкѣ. Вотъ тогда дѣло вышло бы складнѣе.

— Это, конечно, хорошо было бы, но какъ это сдѣлать? Начинайте! Вамъ это лучше...

— Нѣтъ, я хотѣла бы вмѣстѣ съ вами это сдѣлать. Петя молоденькій мальчикъ, богатый, у васъ есть дочка, вотъ бы мы ихъ и соединили. Хорошо вышло бы.

— Понимаю... Но вѣдь Петя еще никоніанецъ?

— Да.

— Значить его нужно еще крестить?

— Да.

— Такъ... Что же, выдать за Петю свою Оеклу я не прочь, если только онъ желаетъ окреститься въ нашей вѣрѣ.

— Похлопатать только, Урванъ Пигасичъ, а то дѣло это можно устроить.

— Вы какъ, давно видѣли Авдотью Семеновну и вообще знаете, что у нихъ тамъ творится?

— Я ее давно ужъ не видѣла, и Петю они прячутъ отъ меня; думаю, что они замышляютъ сдѣлать съ нимъ то же, что и мы теперь.

— Женить?! Вотъ-какъ... У кого же они намѣтили это? Купечество то ихъ я знаю на перечесть: Осиповы, Уваровы, Горинь!.. Э!.. Смотри у Мещерякова надумали они взять! Есть у него дочка, точно. Только по капиталамъ то они будутъ не дюже сочноваты.

— Може, Авдотья нарочно такъ и дѣлаетъ.

— Народъ ишь куда подбиваются! Нужны деньжонки-то вотъ и стряпаютъ дѣла. Это нужно разузнать. Давно я добиралось до этого Оедула, да все какъ то ускользалъ онъ отъ моихъ рукъ.

— Такъ что же, Урванъ Пигасичъ, какъ мы рѣшимъ свое дѣло? Нужно дѣйствовать намъ сообща.

— Я во всемъ согласенъ, Ульяна Кирилловна. Прежде всего пристроить Оеклушу къ мѣсту, за Петра я не прочь. Парень онъ хотя и жидковатъ, не по ней, да ничего: бабье сословіе скорѣе упадаетъ въ своей лѣпотѣ, чѣмъ мужчина. Во-вторыхъ и дѣйствовать съ вами не отказываюсь. Давайте орудовать, чтобы Авдотья осталась съ носомъ.

— Намъ только бы Петра выручить отъ нее, а тамъ наше дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Окрестимъ его, женимъ, и будетъ онъ подъ вашей рукою ходить.

— Да я его и выдѣлять не стану отъ своей семьи. Дочь у меня всего единственная—пусть у меня и живутъ въ домѣ. За одно будемъ торговать то.

— И отлично. Я объ этомъ-то и забочусь.

Въ это время вошли жена и дочь Золоторева. Началось чаепитіе. Золотаревъ ни слова не сказалъ женѣ о сватовствѣ дочери, промолчалъ, и повелъ разговоръ о другомъ.

— Вы, Ульяна Кирилловна, кажись праздника два не были уже въ моленной?—спросилъ Золотаревъ.

— Грѣшница, Урванъ Пигасичъ! Поссорилась съ своимъ муженькомъ, да ужъ въ грѣхъ-то и не пошла за службу.

— То-то смотрю я по моленной, вижу всѣ стоятъ, а Ульяны Кирилловны что-то нѣтъ у службы. Впрочемъ еще Злобина не была, а то всѣ наши христіане были на лицо.

— Какъ же не бывать у службы-то! Для того и праздникъ данъ Господомъ, чтобы молиться Ему, писаніе слушать, да и грѣхи замаливать.

— Конечно. Не басурманы же... А что-то нашъ „отецъ“ начинаетъ „гордыбачить“ по моленной. „Книжные“ тоже жалуются на него.

— Что ему не живется какъ слѣдуетъ? Заѣлся видно нашихъ булокъ-то.

— Должно быть. Намедни какъ-то я поругалъ его, и вотъ онъ дуется, кажись. Посмотрѣлъ я на него въ прошлое воскресенье, кричитъ на „книжныхъ“, что скоро поють,—а его-ли дѣло соваться въ это дѣло! Его дѣло стоять около клироса, „замолитвы“ дѣлать, да кадильницей крестить молящихся, а „книжные“ знаютъ свое дѣло: что и какъ пропѣть или прочесть по уставу.

— Разумѣется.

— Посмотрю пока еще на него, а то можно будетъ и отставку дать ему отъ „отечества“. На это мѣсто будутъ охотники изъ нашей братіи.

— Съ удовольствіемъ пойдутъ.

— Вѣдь, этакая мужиковина, когда выбираютъ въ „отцы“, такъ агнцемъ притворится, и все готовъ исполнять и слушаться; а какъ обживется малость, заведетъ, вмѣсто нанковыхъ халатовъ—суконные, да и денегъ понабьетъ въ карманъ, ну и носъ кверху задереть. Думаетъ, что онъ архіерей какой и всѣ должны его слушать и уважать. Не зря, однажды на Преображенскомъ, въ Москвѣ, сказали мнѣ: „вы, говорить, своихъ „отцовъ“ сами себѣ портите“. Кормите

ихъ сладко, денегъ даете за службы по многу, вотъ они и жирѣютъ и зазнаются. И вѣрно. Котораго ужъ наставника Богъ приводитъ выталкивать въ зашей? Никакъ пятаго, если не шестого. И все отъ гордости ихъ предъ обществомъ и попечителями.

Стрѣльникова не стала больше поддерживать разговора и распрощалась съ семьей Золотарева.

По уходѣ ея онъ сообщилъ женѣ и дочери о цѣли ея прихода.

— Смотри, если хорошо будетъ, такъ нужно устраивать это дѣло. Тебѣ это виднѣе,—отвѣтила жена.

— Да вотъ-какъ это будетъ хорошо, что лучшаго и желать не нужно. Парнишка молодой, неопытный, богатый, я такъ подведу его подъ свой „норовъ“, что онъ выйдетъ у меня самымъ хорошимъ зятемъ. Капиталы его мы приобщимъ и дѣло поведемъ на чистую. Надо только изловить его шельму, забрать его въ свои руки, а то этотъ „бранхлысть-то,“ чего добраго, оженить его на своей дочери.

— Да, это больно хорошо будетъ,—потирая жирныя руки, разсуждалъ Золотаревъ, хотя одинъ по комнатѣ.—Федулкѣ Мещерякову я поставлю теперь такую яму, что онъ увязнетъ у меня по самыя уши. Я покажу ему теперь, какъ отбивать у меня товаръ, и какъ конфузить меня изъ-за вѣры. Онъ говорить мастеръ, по книгамъ ходокъ, но я привинчу его, какъ слѣдуетъ. Я покажу ему антихриста-то въ банкѣ, да по векселямъ. Онъ, видите, еще не пришелъ у него, не воцарился какъ слѣдуетъ въ мѣръ, онъ дожидаетъ его, дожидайся голубчикъ, дожидайся; онъ скоро теперь придетъ къ тебѣ, что и глаза вытаращишь предъ нимъ. Я сумѣю устроить это тебѣ. Поправиться захотѣлъ на мальчишкѣ... Нѣтъ, не туда поѣхалъ. Высоко больно понесся. Спустись малость. Ужъ и ожгу же я его! Вымещу свою обиду на его еретической спинѣ. Перво теперь Петра на цугундеръ притяну къ себѣ, что бы не зарился на его деньги-то; постомъ въ банкѣ шпигеръ ему воткну, чтобы ни коими зубами не вытацилъ его; а потомъ векселечки въ ходъ. И затрещитъ моя Австрія по всѣмъ швамъ своего худого кафтана. Ужъ сдѣлаю дѣло. Удружу пріятелю, что во вѣки вѣковъ будетъ помнить меня.

XV.

Федуль Силантычъ Мещеряковъ, на котораго такъ сильно точить свои зубы купецъ Золотаревъ, былъ личность совершенно противоположная послѣднему. Насколько Золотаревъ былъ золь, мстителенъ, безсердеченъ къ постороннимъ лицамъ, настолько Мещеряковъ былъ добръ, ласковъ и отзывчивъ къ нуждамъ человѣка. Мещеряковъ сначала держался бѣглопоповской секты, но потомъ измѣнилъ свои убѣжденія и перешелъ къ австрійцамъ. Ему не понравилась бѣглопоповщина исключительно изъ-за поповъ ихъ. Видя ихъ постоянно пьяными, небрежно исполняющими свои пастырскія обязанности, живущими соблазнительно и ставящими на первомъ планѣ деньги и деньги, Мещеряковъ возненавидѣлъ ихъ, усумнился въ пользѣ исполняемаго ими для старообрядцевъ священнодѣйствія и охладѣлъ къ бѣглопоповщинѣ. Объ этомъ узнали австрійцы и съ помощью своихъ начетниковъ убѣдили Мещерякова перейти въ ихъ секту. Мещеряковъ перешелъ. Онъ недоискивался до самаго корня основанія австрійской секты, а рѣшилъ это по своему: если можно принимать отъ ереси поповъ, то почему же нельзя принять отъ нихъ архіереевъ? Ставъ на эту точку, онъ призналъ, что австрійское священство есть законное священство, а общество ихъ составляетъ истинную Христову церковь. Попы и архіереи ихъ не кое-кто, а люди, извѣстные по своей жизни и не купленные за деньги, какъ это у бѣглопоповцевъ практикуется. Къ тому же, думалъ онъ, если что, такъ всѣхъ этихъ лицъ можно и смѣнить и отставить отъ дѣла, и на ихъ мѣсто поставить другихъ. Тутъ порядокъ, чиноначаліе, а у бѣглопоповцевъ ничего этого нѣтъ.

Мещеряковъ мало былъ начитанъ въ книгахъ и довѣрялся въ дѣлахъ вѣры своимъ начетчикамъ. Они ужъ постоянно, сидятъ при книгахъ, разсуждалъ онъ, имъ и время есть разсматривать всѣ эти законы, а мнѣ когда? Въ пору слѣдить за торговыми дѣлами, да и въ праздникъ сходить за службу. Такимъ образомъ, погрузившись въ торговые дѣла, и отдавши себя во власть начетниковъ, Мещеряковъ крѣпко держался своей

секты, строго исполняя всѣ ея обычаи и любилъ приглашать въ праздники попа, діакона, уставщиковъ и начетчиковъ, которыхъ и чествовалъ на славу. Уставщики пѣли ему разныя стихиры, что услаждало душу Мещерякова; начетки толковали ему, насколько всѣ секты заблудились отъ истиннаго пути и стоятъ вдали: и отъ св. писанія, и отъ возможности получить по смерти царство небесное. Мещеряковъ слушалъ и то и другое и глубоко умилялся, и въ то же время еще крѣпче утверждался въ истинности догматовъ своего вѣроученія.

Все-таки, какъ не занять былъ торговлю Мещеряковъ, но при случаѣ, между дѣль, онъ не прочь былъ и пропагандировать свое священство. Одно время столкнулся онъ съ Золотаревымъ и, поговоривъ о дѣлахъ торговли, перешелъ и къ разновѣрью между старообрядцами.

— Удивлюсь я, Урванъ Пигасичъ, какъ это вы, безпоповцы, непоймете, что безъ священства спастись нельзя, — сказалъ Мещеряковъ. Люди вы какъ будто разумные, а глупость дѣлаете по вѣрѣ такую, что и понять васъ не знай какъ.

— Ужъ не ваше ли священство истинное? — откликнулся Золотаревъ, задѣтый за живое.

— А какъ же? Наше священство истинное благочестивое и спасительное.

— Нѣмецкое обливанское ваше священство! — выпалилъ Золотаревъ. А то хвалится... Молчалъ бы лучше!

— Дуракъ ты, я вижу, Золотаревъ, во всю свою голову.

— Антихристъ ты поганый!

— У васъ антихристъ-то въ моленной сидитъ, а не у насъ. Вы уничтожили Христовы жертвенники, вы подѣлались его работниками, а по нашей вѣрѣ онъ еще не пришелъ и нѣтъ его въ мірѣ.

— Ваши попы антихристы и самъ ты прислужникъ ему. Всѣ вы заражены его скверною, поганцы, хуже всѣхъ другихъ еретиковъ на свѣтѣ.

Бесѣда эта происходила въ гостинницѣ Бѣлозерцева, за открытымъ столикомъ, при публикѣ, которая, слышавъ крупный разговоръ двухъ купцовъ, обратила свое вниманіе. Въ свою очередь и лакеи гостинницы сгруппировались около двухъ рьяныхъ собесѣдниковъ, чтобы при случаѣ мордобитія

можно было разнять ихъ. И не будь Мещеряковъ хладнокровнымъ человѣкомъ, дѣло неизбѣжно кончилось бы дракою, что обычно происходитъ у мнимыхъ старообрядцевъ въ таковыхъ случаяхъ; но Мещеряковъ сохранилъ свое спокойствіе, заплатилъ деньги за угощеніе и поспѣшно вышелъ изъ гостиницы, не простившись съ Золотаревымъ. Послѣдній же настолько озлился непрошеннымъ увѣщаніемъ его стороны Мещерякова, что въ догонку сталъ кричать ему: Еретикъ! обливанецъ! Затѣмъ, обратившись къ публикѣ, Золотаревъ сталъ толковать ей, насколько австрійское священство незаконное, проклятое и безблагодатное. Чтобы доказать справедливость своихъ словъ, Золотаревъ досталъ изъ бокового кармана небольшую книжку, составлявшую выдержки изъ разныхъ книгъ, и сталъ читать изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Съ этой бесѣды оба купца стали непримѣримыми врагами. Ни тотъ ни другой не кланялись между собою и не бывали въ домѣ другъ у друга. Вскорѣ послѣ этого Мещерякову представился случай отомстить Золотареву: послѣдній сторговалъ партію хлѣба за дешевую цѣну; Мещеряковъ далъ копѣйкой дороже, выговорилъ уплату денегъ въ 2 срока, и хлѣбъ остался за нимъ. Золотарева это такъ взбѣсило, что онъ готовъ былъ разорвать Мещерякова. И сталъ онъ такъ или иначе вредить ему по торговлѣ.

Мещеряковъ не обладалъ такимъ огромнымъ капиталомъ, какой имѣлъ Золотаревъ; но фирма его стояла на счету другихъ купцовъ и имѣла большой кредитъ. Мещеряковъ занимался специально одной только хлѣбной торговлей: дѣлалъ огромныя закупки и доставлялъ хлѣбъ въ Петербургъ, а отсюда спроваживалъ его за границу.

Семейство Федула Силантича было небольшое: жена и дочь Груня, дѣвушка лѣтъ 18, составлявшая предметъ особенной заботливости своихъ родителей. 10-ти лѣтъ ее отдали на воспитаніе въ обитель матушки Ираиды, той самой игуменьи, которая такъ дѣятельно принимала участіе въ обращеніи Стрѣльниковой въ расколъ австрійской секты. Груня прожила въ обители матушки Ираиды 7 лѣтъ, выучилась у нея грамотѣ, хозяйству, домашнему руководѣлю, церковному пѣнію и научилась отправлять церковную службу. Послѣ этого родители взяли

ее въ домъ и стали готовить для нея приданое и подыскивать подходящаго ей жениха. Мещерякову хотѣлось выдать Груню за купца, разумѣется, по своей же вѣрѣ, но за такого купца, который бы вошелъ къ нему въ домъ и жилъ у него, вмѣсто сына. Такого жениха въ средѣ своихъ сектантовъ Мещеряковъ не находилъ: то были бѣдняки, мелкіе торговцы, съ которыми совѣстно было ему, богатому купцу, родниться, или же служащіе люди—прикащики, за которыхъ онъ выдать свою дочь также не желалъ. Ему хотѣлось, чтобы зять его былъ не голышъ, чтобы своимъ капиталомъ онъ усилилъ и развилъ торговлю его фирмы. Прочность основательность фирмы для Ѳедула Силантича были одной изъ самыхъ важныхъ его заботъ и постоянныхъ мечтаній. И вотъ, когда Аполлинарія Сергѣевна Стрѣльникова скончалась, оставивъ Петю сиротою, Ѳедулъ Силантычъ, точно ястребъ, впился въ него глазами, въ головѣ его зароились сотни плановъ, различныхъ соображеній и надеждъ. Въ лицѣ Пети, Мещеряковъ увидѣлъ именно то самое лицо, которое требовалось ему въ мужа его дочери. Для него онъ былъ самый подходящій человѣкъ, какого только онъ желалъ и искалъ. Отъ радости что искомая находка, наконецъ, нашлась, Ѳедулъ Силантычъ даже не выдержалъ и проговорился объ этомъ матушкѣ Ираидѣ во время похоронъ Стрѣльниковой, идя вмѣстѣ съ нею на кладбище. Та одобрила его мысль, а Мещеряковъ, недолго думая, тутъ же сталъ просить ее посодействовать ему въ этомъ дѣлѣ, обѣщая, въ случаѣ благополучнаго исхода дѣла, щедро наградить ее лично и самую обитель.

— Хорошо, родимый, похлопочу, — закончила матушка Ираида. — Кому же и послужить, какъ не своему христіанину и питателю нашей обители. Твоя милостыня постоянно навѣщаетъ нашу св. обитель. Это дѣло больно хорошее будетъ, если только совершить его.

— Я, матушка, потому хлопочу больше всего, что онъ — сирота, а мнѣ такой человѣкъ и нуженъ для дома.

Говоря это, Мещеряковъ нѣсколько лукавилъ: онъ хорошо зналъ, что этотъ сирота, о которомъ онъ такъ заботился, обладаетъ солидными средствами послѣ отца, накоторыя можно кое-что сдѣлать солидное въ дѣлахъ торговли.

Читатель помнитъ, что матушка Ираида тотчасъ же послѣ похороннаго обѣда у Стрѣльниковой завела рѣчь съ Авдотьей Семеновной на счетъ будущаго положенія Пети. Она слегка, между толкованіями „о неугасимой“, но искусно указала ей на дочь Ѳедула Силантыча—Груню, какъ самую лучшую и подходящую для него невѣсту. И Авдотья Семеновна вполне согласилась съ ея мнѣніемъ. Позднѣе матушка Ираида свезла ее съ Петей въ домъ Мещерякова, гдѣ они были приняты съ большимъ почетомъ и радушіемъ. Авдотья Семеновнѣ Груня показала какъ нельзя лучше: она очаровала ее своими познаніями, начитанностью и опытностью въ хозяйствѣ. А Петя, какъ 15-лѣтній мальчикъ, вполне слушалъ свою тетку. Ему нравилось, что онъ живетъ на свободѣ, что его балуютъ, угощаютъ разными сластями и вообще исполняютъ все его прихоти. А Авдотья Семеновна, посовѣтовавшись наединѣ съ матушкой Ираидою, которая всячески расхвалила ей семейство Мещеряковыхъ, рѣшила женить Петю на Грунѣ Мещеряковой. И чтобы не откладывать этого дѣла на долгій срокъ, обѣ старухи рѣшили сейчасъ же сдѣлать Петѣ „исправу“, а затѣмъ повѣнчать его съ Груней.

— Это самое лучшее Авдотья Семеновна, — трактовала игуменья. — Чего затягивать дѣло? Пока Ульяна-то баламутится мы свое дѣло обдѣлаемъ какъ нельзя лучше. Кто знаетъ, какіе у ней тамъ замыслы!

— Вѣрно, матушка. Ужъ недаромъ она пріѣзжала и спрашивала Петю. Что нибудь, да замыслили она съ своими еретиками.

XVI.

Въ то время какъ Ульяна Кирилловна сидѣла у Золотарева и вела съ нимъ рѣчь о совращеніи Пети въ безпоповскую секту, о его крещеніи и женитьбѣ Пети на дочери Золотарева „Ѳеклушѣ“, посмотримъ, что творилось въ этотъ вечеръ въ домѣ купца Мещерякова.

Большой верхъ двухъ этажнаго дома купца Мещерякова ярко былъ освѣщенъ множествомъ огней. Множество гостей

сѣхалось къ Мещерякову, и всѣ они были единовѣрцы, одного и того же „упованія между собою. Сѣхались они къ Мещерякову, по его приглашенію, присутствовать на свадьбѣ выдаваемой имъ дочери за несовѣршеннолѣтняго купеческаго сына Петра Стрѣльникова. Молодой 15-лѣтній мальчикъ, наконецъ, сталъ женихомъ 18 лѣтней дѣвушки— Груни, дочери купца Мещерякова. Всѣ хлопоты и старанія по устройству этого брака теперь окончились, и Мещеряковъ, достигнувъ цѣли теперь искренно торжествовалъ. Лицо его сіяло, самъ онъ находился въ радостномъ настроеніи и привѣтливо встрѣчалъ пріѣзжихъ гостей. Матушка Ираида, начало и конецъ этого дѣла, суетилась около невѣсты, одѣвая ее въ сарафанъ и причесывая ей голову. По обычаю старообрядцевъ, невѣста должна вѣнчаться въ томъ же русскомъ христіанскомъ костюмѣ, въ какомъ вообще принято у нихъ женщинамъ являться въ моленную за службу, именно: въ сарафанъ, бѣлыхъ рукавахъ и съ платкомъ на головѣ. Цвѣты, вуаль, длинныя платья, все это еретическое нововведеніе, и молиться Богу въ такомъ костюмѣ грѣшно и неприлично, по ихъ понятію. Послѣ вѣнчанія можно надѣть и платье, и украсить голову цвѣтами, но это для пира, для гостей и веселья, Ѳедулъ Силантычъ, какъ я уже говорилъ, былъ ревнитель старообрядческихъ обычаевъ и потому приказалъ матушкѣ Ираидѣ строго слѣдовать въ данномъ случаѣ своимъ обычаямъ и не нарушать ихъ.

Невѣста была готова. Ѳедулъ Силантычъ съ женою благословилъ ее, и она поѣхала въ моленную. Нѣкоторые изъ гостей отправились посмотреть вѣнчаніе, другіе остались, такъ какъ родители жениха и невѣсты не должны присутствовать при вѣнчаніи своихъ дѣтей. Грѣшно и не въ обычаѣ это у старообрядцевъ. Они должны быть дома въ это время, и Ѳедулъ Силантычъ соблюдалъ и этотъ обычай.

Сопровождать невѣсту въ моленную поѣхали родственники ея, а главнымъ лицомъ сама игуменья. Когда они пріѣхали, въ моленной только что начался обрядъ „исправы“ Пети, очищеніе его отъ ереси. Раскольничій попъ поставилъ Петю среди моленной, предъ купелью съ водою; на шеѣ у него былъ „Синдонъ“, сдѣланный изъ куска шерстяной матеріи, которой было взято столько, чтобы изъ него вышла поддевка попу.

Концы этой матеріи связали и надѣли на шею Пети. Попъ сталъ читать, „проклиналникъ“, т. е. проклятіе разныхъ ересей, въ томъ числѣ и церкви православной, а Петя долженъ былъ повторять за нимъ каждое слово. Послѣ этого его по мазали міромъ, прочитали апостолъ, евангеліе, постригли волосы на головѣ, надѣли на голову его „куколь незлобія“¹⁾ и три раза обвели вокругъ купели „по солнцу“. Этимъ и окончилась „исправа“ его. Всѣ единовѣрцы послѣ этого кинулись поздравлять Петю, приговаривая: „съ принятіемъ христіанства Петръ Наумычъ! Дай Богъ укрѣпиться въ немъ“.....

Вслѣдъ за „исправою“ началось вѣнчаніе Пети съ Груней. Обручивъ ихъ кольцами, попъ прочелъ молитву „во еже одѣяти главу новобрачнѣй“, благословилъ рукою лежавшій передъ нимъ на евангеліи „волосникъ“,²⁾ затѣмъ благословилъ и саму невѣсту и отдалъ его въ руки ей. Матушка Ираида тотъ часъ отвела невѣсту въ сторону и служба прекратилась. Въ это время она сняла платокъ съ невѣсты, расплела ей косу, раздѣлила волосы на двѣ пряди и сплела изъ нихъ двѣ косы. Этими двумя косами она обвила ей голову, надѣла „волосникъ“, укрѣпивъ его тесемками. Послѣ этого она покрыла ей голову платкомъ и снова подвела къ аналою, гдѣ стоялъ все это время женихъ. Попъ продолжалъ вѣнчаніе. Надѣвъ вѣнцы, онъ сталъ поить ихъ краснымъ виномъ, давая каждому отпить по 3 раза, и въ заключеніе снова жениху, чтобы онъ выпилъ остатки и разбилъ стаканчикъ, изъ котораго совершалось винопитіе. Петя разбилъ стаканчикъ молоточкомъ и отдалъ осколки уставщику, который завернулъ ихъ въ бумажку и вышелъ изъ моленной, чтобы закопать ихъ въ землю. Послѣ этого совершилось троекратное хожденіе вокругъ анаоя „по солнцу“, сняли вѣнцы, а затѣмъ, обратившись къ нимъ лицомъ, попъ прочиталъ имъ поученіе изъ Требника, какъ они должны жить между собою. Заключительнымъ актомъ вѣнчанія было: семипоклонный началъ, а потомъ, обратившись къ жениху, попъ спросилъ его: „скажи, муже, какъ будешь звать

¹⁾ Куколь подобіе скуфьи священнической.

²⁾ Волосникъ въ другихъ мѣстахъ называется „повойникомъ“. Онъ имѣетъ форму шапочки, съ прорѣзкою въ срединѣ, и носится женщинами подъ платкомъ А в т.

свою жену?" Матушка Ираида подсказала ему, и онъ чуть слышно отвѣтилъ: „Графена Оедуловна“.—„Кланяйся ей въ поясъ“,—сказалъ попъ. Петя поклонился.—„Ниже! ниже“—кричала матушка Ираида. Присутствовавшіе улыбались. Затѣмъ, обратясь къ невѣстѣ, попъ также спросилъ: „А ты, жена, какъ будешь звать своего мужа?“—„Петръ Наумычъ“,—отвѣтила она.—„Кланяйся ему въ ноги!“ приказалъ попъ. Груня поклонилась.—„Теперь поцѣлуйтесь 3 раза“—добавилъ попъ.

Вѣнчаніе кончилось. Всѣ стали подходить къ новобрачнымъ и поздравлять ихъ „съ законнымъ бракомъ“. Матушка Ираида расцѣловала обоихъ, равно и Авдотья Семеновна.

Весь причтъ моленной отправился на свадьбу. Мещеряковъ усадилъ попа на самое почетное мѣсто; уставщики стали пѣть „догматики“ на 8 голосовъ и разныя другія стихиры. Музыки и пѣсней не было; танцевъ также. Зато угощеніе шло обильное: вино и водка лились черезъ край, такъ что къ концу пира нужно было развозить гостей и причтъ моленной, такъ какъ сами они не въ состояніи были дойти до дома.

Такимъ образомъ Мещеряковъ устроилъ свое дѣло и Груню выдалъ замужъ, за кого ему хотѣлось. Правда, и Петя и Груня представляли между собою огромную разницу, хотя бы въ физическомъ развитіи: Петя былъ худенькій, блѣдненькій мальчикъ, еще далеко не сложившійся и не развившійся въ организмъ, тогда какъ Груня была здоровая дѣвушка и цвѣла здоровьемъ. Но для Мещерякова и матушки Ираиды это немѣло никакого значенія: они знали, что въ „Кормчей“ книгѣ св. отцами повелѣно вѣнчать: отрока 14-ти лѣтъ, а дѣвицу 12-ти. Чего же еще разсуждать? Когда такъ написано въ старыхъ книгахъ, значитъ, такъ и должно быть. Святые отцы не хуже насъ были и знали, что писали для насъ. Впрочемъ о лѣтахъ и развитіи новобрачныхъ наши дѣльцы мало и разсуждали; для нихъ это были второстепенныя вещи, мало имѣющія значенія. У нихъ были свои особыя соображенія: Мещерякову хотѣлось заполучить богатаго зятя; матушкѣ Ираидѣ—получить хорошее вознагражденіе за свое сватовство,

что она и получила съ Мещерякова въ количествѣ 1000 руб.; Авдотѣ Семеновнѣ желалось насолить Ульянѣ Кирилловнѣ и она достигла своей цѣли. Всѣ трое были въ выигрышѣ и остались довольны.

XVII.

Крѣпко спала Ульяна Кирилловна послѣ визита къ Урвану Пигасичу Золотареву. Дѣло свое она сдѣлала, думалось ей, какъ нельзя лучше. Золотаревъ—сила; онъ сумѣетъ устроить и повести дѣло такъ, что и замыслы Авдотьи Семеновны разлетятся въ пухъ и прахъ, и Петя будетъ въ его рукахъ. Она не знала, что Авдотья Семеновна давно уже обошла ее и рѣшила дѣло по своему, какъ ей хотѣлось.

— Не зналъ этого и самъ Золотаревъ. Только на другой день столкнувшись съ однимъ знакомымъ ему купцомъ на биржѣ, онъ узналъ отъ него, что Мещеряковъ гуляетъ на свадьбѣ.

— На какой? у кого?—встрепенулся Золотаревъ.

— Не знаю хорошенько я: не то дочь повѣнчалъ, не то сына женилъ. Что-то въ этомъ родѣ.

Извѣстіе это порядкомъ озадачило Золотарева. Онъ навелъ болѣе точныя справки и узналъ, что дѣйствительно Мещеряковъ ловко обошелъ Авдотью Семеновну и обдѣлалъ дѣльце начистую, такъ что ему, Урвану Пигасичу, не пришлось и начать его.—Экій мерзавецъ!—подумалъ онъ. И съ досадой въ душѣ онъ покатилъ къ Ульянѣ Кирилловнѣ Стрѣльниковой.

— Что, голубушка, проспали мы съ тобой?—раздраженно говорилъ Золотаревъ, входя въ залу и крестясь на иконы.

— Что такое, Урванъ Пигасичъ?—встревоженно спросила Стрѣльникова.

— Да то случилось, Ульяна Кирилловна, чего мы и не ждали еще. Мы думали, что они въ кулакъ шептаться будутъ, да антимонію свою разводять, пока не выйдетъ 6-ти недѣль послѣ покойницы, а вышло, что они пустились вскачь на тройкѣ и дѣльце свое обдѣлали,

— Ужели они окрестили его въ свою вѣру?

— Хватилась!... Не только окрестили, но и повѣнчали его на Мешеряковой.

— Господи Ісусе Христе!... - крестилась Ульяна Кирилловна. Что же это они дѣлають то?

— Да то сдѣлали уже, что мы съ тобою, на манеръ котовъ теперь, будемъ облизываться.

— Да вѣдь матери то не вышло 6-ти недѣль со дня смерти, а они свадьбу...

— Ну, они эти недѣли-то не стали считать, потому смекнули, что такія дѣла дѣлаются не въ прокладку да съ оттяжкой, а хватилъ сразу и готово. Молодцы! люблю за удалъ.

— Что вы, Урванъ Пигасичъ!—удивленно проговорила Стрѣльникова.—Что тутъ хорошаго...

— Да то хорошо, Ульяна Кирилловна, что сейчасъ видно, что тутъ работали головы съ мозгами. Мы еще собирались только, да проводили толки, а они уже прихлопнули самое дѣло. Погляди теперь на нихъ.

— Ужели все это они сдѣлали законно и нельзя никакъ разрушить.

— Тамъ разрушай, поди, хлопочи, а они уже сдѣлали свое дѣло.

— Не ожидала я этого отъ своей сестрицы...

— Въ этомъ-то и заключается вся исторія ошибки.

— Не будь этого, дѣло могло бы совершиться иначе. А то сестрица ваша оказалась изъ дальноркихъ, а вы-то того этакъ...

— Никакъ не полагала я этого, Урванъ Пигасичъ, что она такъ скоро окрутитъ Петрушку. Можно ли полагать этого! Это все напустили ее мать Ираида, да и Мешеряковъ тоже.

— Какая Ираида?

— Игуменья изъ монастыря.

— Это, что въ Казачьей улицѣ-то? Тамъ, кажись, монастырь-то.

— Да.

— Значить, и эта баба—держи ухо.

— Какъ же! Такая законница, что и сговорить трудно.

Тогда покойную-то она главнымъ образомъ усердствовала сбить въ свою вѣру.

Золотаревъ промолчалъ. Онъ задумался надъ сообщеніями Стрѣльниковой и соображалъ, что теперь дѣлать и какъ поступить. По мнѣнію его, дѣло было плохо: мальчишка обращенъ въ австрійскую вѣру; повѣнчанъ и живетъ въ рукахъ тестя. Вырвать его изъ рукъ Мещерякова теперь было трудно-вато. Да еслибы и удалось вырвать его, увезти домой, что же изъ этого выйдетъ? Объявить бракъ Петра съ Груней незаконнымъ, недѣйствительнымъ по случаю его несовършеннолѣтія? Но тогда нельзя будетъ женить его и на своей дочери, а безъ этого на что онъ ему. Одна связя и скандалъ въ средѣ купцовъ. Если, не смотря ни на что это, окрестить и женить на своей дочери, тогда Мещеряковъ произведетъ булгу противъ него, пожалуй, въ судъ подастъ для конфуза и будетъ вездѣ и всюду волочить его имя, какъ отбившаго мужа отъ жены, ради своей дочери. Пожалуй и въ газетахъ это напечатаютъ! Да непременно. А что у него дочь развѣ безприданница? Развѣ она такъ плохо вела себя, что имя ея будутъ трепать по городу? Иное дѣло было бы выдать ее за Петра раньше, когда еще Мещеряковъ только скалилъ на него свои зубы, тогда вышла бы иная статья: онъ какъ говорится, изъ подъ носа укралъ бы у него жениха и тѣмъ лишилъ бы его лакомаго кусочка. А теперь ему, богатому купцу, приходится бѣжать въ догонку и изъ рукъ Мещерякова выдергивать то, что онъ уже получилъ, добылъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи, а это, по мнѣнію Золотарева, былъ совсѣмъ не тотъ фасонъ. Теперь остается одно: бросить Петра и мстить Мещерякову, мстить всячески съ полной силой злобой и только. А что же выйдетъ въ результатъ всего этого мщенія? Ничего, кромѣ одного мщенія. Выигрышъ мщенія уже улетѣлъ: онъ находится въ рукахъ противника.

Пока Золотаревъ соображалъ все это и думалъ, Ульяна Кирилловна приготовила чай и пригласила его къ столу.

— Пожалуйте, Урванъ Пигасичъ! Скажите:, что намъ теперь дѣлать?

— И не знаю, голубушка, на чемъ остановиться. Донести полиціи, за это повѣнчаніе? Прижать ихъ, беззаконниковъ,

за это дѣло хорошенько, чтобы они помнили впередъ какъ вѣнчать несовершеннолѣтнихъ.

— Да, вѣдь какое же это вѣнчаніе! Мужикъ одѣвался въ ризы и вѣнчалъ ихъ. Начальство не признаетъ этого брака.

— Это правда, Ульяна Кирилловна.

— Такъ чего-же! Донести полиціи, и она разведетъ Петю съ Мещеряковой.

— А дальше?

— А потомъ мы обдѣлаемъ свое дѣло.

— Этого-то вотъ намъ и не придется сдѣлать. И Золотаревъ сообщилъ ей въ подробностяхъ, почему нельзя будетъ сдѣлать того, о чемъ она говорила съ нимъ раньше.

Выслушавъ все это, Ульяна Кирилловна опечалилась. Ужели всѣ мои труды пропадутъ понапрасну?—говорила она. Такъ я суетилась, старалась, усердствовала...

— Опоздали вы, голубушка. Вы не поняли, съ какой женщиной вамъ пришлось имѣть дѣло. Отомстить Мещерякову, насолить, это я ему устрою какъ нельзя лучше; но выдать свою Оеклушу за Петю теперь немогу. Я плюю на этотъ ихъ бракъ, но и марать себя въ этомъ дѣлѣ по-пусту не желаю. Мы пропустили время, когда нужно было дѣлать. А Мещерякову? Этому антихристу? О, я покажу какъ шутить со мною! Онъ навѣки не забудетъ меня. Ну, прости, Христа ради!

Золотаревъ сталъ прощаться съ Стрѣльниковой.

— Какъ же рѣшили-то?—спросила она.

— Я донесу полиціи, а потомъ и еще кое-что по своему сдѣлаю.

— Пожалуйста, Урванъ Пигасичъ!

— Сдѣлаю; а вы слѣдите за ними, что тамъ творится.

— Непремѣнно. Ахъ, нечестивцы! И на свадьбу-то не пригласили оглашенные—тараторила Стрѣльникова.

— А на что вы имъ?

— Вѣстимо.

— Прямая бабы!—бурчалъ Золотаревъ себѣ подъ носъ, спускаясь съ лѣстницы дома. Тутъ главное-то вывернулось изъ рукъ, а она о свадьбѣ... Ну, Авдотья съ Ираидой! Разу-

важили, нечего сказать. И какъ онѣ это скоро спроворили! Сейчасъ видно, что люди со смекалкой, и въ обиду себя не дадутъ. Люблю я такихъ. Знай я ихъ норовъ раньше, да скажи мнѣ эта запоздалая хлопотунья поскорѣе, я ни за что не допустилъ бы этой свадьбы. Скверно!

XVIII.

Золотаревъ приказалъ кучеру везти себя въ домъ частнаго пристава, въ участкѣ котораго онъ жилъ и съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Приставъ оказался дома и велѣлъ просить Золотарева къ себѣ въ кабинетъ.

— Давно уже не видѣлъ я васъ Урванъ Пигасичъ, встрѣтилъ пристава Золотарева.

— Да все дѣло и суета; вездѣ одинъ верчусь. Вотъ и къ тебѣ, Михаилъ Петровичъ, тоже по важному дѣлу.

— Садитесь. Что у васъ тамъ такое? Не рабочіе ли что?

— Нѣтъ; на этотъ счетъ у меня все обстоитъ благополучно; дѣло совсѣмъ другого сорта.

— И Золотаревъ рассказалъ приставу о повѣнчаніи австрійцами несовершеннолѣтняго Пети.

— Такъ, что же я могу сдѣлать въ этомъ случаѣ? Бракъ ихъ, какъ извѣстно, не признается закономъ.

— Знаю. А самоволіе и нарушеніе закона признается закономъ.

Приставъ внимательно взглянулъ на Золотарева. Нужно замѣтить, что приставъ былъ изъ военныхъ, служилъ сравнительно недолго на полицейской службѣ и всей тонкости этой службы не зналъ еще. Кромѣ того онъ смотрѣлъ на раскольниковъ, какъ другіе, какъ на доходную статью, которыхъ можно обирать сколько угодно и въ тоже время потворствовать имъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ.

— А то самое, Михаилъ Петровичъ, что австрійцы повѣнчали свадьбу безъ закона, за это ихъ нужно притянуть на цугундеръ.

— Да и весь раскол дѣйствуетъ не по закону! Что же вы указываете только на одну секту. Развѣ она составляетъ исключеніе изъ ряда другихъ сектъ? По моему все одно: что та секта, что другая.

— Вотъ и нѣтъ. Погоди я тебѣ расскажу свой смыслъ. Мы, безпоповцы, живемъ по-просту; нѣтъ у насъ: ни священства, ни причастья—ничего этого мы не творимъ, потому некому и людей такихъ мы не видимъ нынѣ. Истиннаго священства мы не усматриваемъ на землѣ, простому же человѣку взяться за архіерейское или поповское дѣло признаемъ беззаконіемъ. И молимся мы себѣ попростецки, на манеръ, келейной службы. Австрійцы же развели теперь свою новую основу вѣры: подѣлали разныхъ калачниковъ, да сапожниковъ архіереями и попами и орудуютъ себѣ, какъ бы настоящіе архіереи и попы. Развѣ это не безчиніе? Скажи, если я, къ примѣру надѣну твой мундиръ съ эпагетами, пристегну пашку съ боку и буду козырять по городу, какъ настоящій приставъ—это законно будетъ? Ты меня въ кутузку не засадишь за это?

— Это иное дѣло! Это будетъ ужъ самозванство.

— А австрицкіе архіереи развѣ не самозванцы?

— Вѣрно; и законъ не признаетъ ихъ архіерейства, но они всѣ дѣла свои дѣлаютъ не публично, а скрытно.

— Господь съ тобой! Да развѣ теперь свадьбу-то они сдѣлали скрытно? Весь городъ говоритъ! Куда ни поди—всѣ говорятъ: мальчишку обвѣнчали на взрослой дѣвкѣ. Вотъ такъ законъ! Нѣтъ, Михайлъ Петровичъ, ты это дѣло раздуи какъ слѣдуетъ. Нечего имъ потворствовать-то. Вы на нихъ слабже смотрите, чѣмъ на насъ. Съ попами, молъ, какъ и мы—пуцай ихъ. А они и орудуютъ во всѣ лопатки.

— Надо полиціймейстеру доложить объ этомъ,—сдался приставъ.

— Что тебѣ полиціймейстеръ! Знаю я его. Къ нему австрійцы прошлое Рождество „Христа славить“ ходили. Развѣ потянетъ онъ не ихъ руку.

— А я то какъ же сдѣлаю? Самъ я не рѣшусь.

— Ты прежде всего можешь моленную ихъ припереть, потому она построена на „воздушъхъ“, безъ всякихъ бумагъ отъ начальства...

— Ну это докапываться, такъ тутъ придется всѣ ихъ закрыть въ Саратовѣ.

— Да ты не всѣ, а хотъ одну-то уважь для меня. Больно ужъ насолилъ мнѣ этотъ Мещеряковъ, анаеема, по совѣсти выскажу!

— Такъ... Значить, у васъ свои личные счета идутъ. Понимаю теперь.

— Понялъ! Вотъ и отлично. Теперь орудой, катай ихъ по всѣмъ ногамъ.

— Лично не могу, я...

— Да ты не лично самъ, а солдатъ пригласи съ собою, да и обшарь ее по всѣмъ закоулкамъ. Гвоздя не оставляй безъ тревоги, потому у нихъ есть фальшивые они! А тронъ его и доска вывалится и церква ихъ сейчасъ къ тебѣ на показъ выйдетъ. Лукавые люди!

Приставъ улыбнулся. Онъ хорошо понялъ, что тутъ купецъ на купца возсталъ и идетъ просто мщеніе одного другому.

— Такъ какъ же, Михаилъ Петровичъ? Удружишь? Я все сдѣлаю для тебя, только ты уважь меня въ этомъ.

— Не могу. Доложить по начальству...

— Да что мнѣ твое начальство! Ты самъ...

— Не могу. Сдѣлаю докладъ по начальству и что прикажутъ сдѣлать мнѣ, то и безъ просьбы сдѣлаю.

— Я же тебѣ представляю свадьбу ихъ. Развѣ это не придирка къ ихъ сословію? Да я бы ихъ на твоёмъ мѣстѣ...

— Придраться, Урванъ Пигасичъ, ни къ вамъ, ни къ кому бы то ни было я не желаю и не могу по совѣсти. Что можно сдѣлать по закону—сдѣлаю.

— Впервой встрѣчаю того человѣка! съ досадою проговорилъ Золотаревъ.

— Таковъ есть.

— И свадьбу эту не разведешь?

— Какая тамъ свадьба? Законъ не признаетъ этихъ вашихъ свадьбъ. Одинъ ли ты живешь, взялъ ли ты къ себѣ

на сожителство какую нибудь дѣвицу—все равно: сожителство это ни во что не считается. Дѣти будутъ отъ такого сожителства, они считаются не законными. Теперь толкуютъ объ этомъ въ высшихъ сферахъ, чтобы завести для раскольниковъ метрическія книги при полиціяхъ и волостныхъ правленійхъ, въ которыя книги они должны будутъ записывать свои браки, рожденіе дѣтей и скрѣплять эти статьи своей подписью, равно какъ и мы должны будемъ это сдѣлать. Тогда будетъ порядокъ. А теперь что? не знай что идетъ.

— Это что же вы, на манеръ архіереевъ или поповъ будете въ нашихъ духовныхъ дѣлахъ?

— Пожалуй, что и такъ. Отъ поповъ нашихъ вы отказываетесь, такъ надо же порядокъ какой нибудь завести для васъ! Развѣ мало суду приходится разбираться съ вашими браками. Одна поживетъ—ее выгонять: она лѣзетъ въ судъ и проситъ дать ей на содержаніе, какъ женѣ. Или же останется вдовой, съ дѣтьми, ей тоже послѣ мужа ничего не дадутъ родные. Вотъ тутъ и разбирайся: жена ли она въ томъ или другомъ случаѣ или нѣтъ? Законна ли ея просьба или нѣтъ? А тогда будетъ порядокъ: у нея будетъ документъ, изъ котораго будетъ видно, что она тогда то вступила въ сожителство съ тѣмъ то и имѣетъ отъ него такихъ то дѣтей.

— Да вѣдь вѣнчанья то не будетъ.

— Конечно, не будетъ. Не могу же я въ своемъ мундирѣ вѣнчать васъ. По крайней мѣрѣ запись будетъ такихъ браковъ на бумагѣ, запись формальная...

— Значитъ, бумагой замѣнится вѣнчаніе? Ну бракъ... Такого брака ни въ какой старопечатной книгѣ не отыщешь. Какъ же онъ будетъ законнымъ-то?

— Гражданскій это будетъ бракъ, а не церковный. По гражданскому онъ и будетъ законнымъ.

— Ни одинъ изъ старообрядцевъ не пойдетъ къ вамъ записывать въ эти книги свой бракъ.

— Тѣмъ хуже для нихъ.

— Хуже ли, лучше ли, а будутъ дѣйствовать по прежнему, по своему обряду, а не по вашему.

— Приставъ посмотрѣлъ на Золотарева и объявилъ, что ему продолжать далѣе разговоръ некогда, и онъ выѣзжаетъ.

— Какъ же. Доложу, буду у начальства.

Золотаревъ, скрѣпивъ свой гнѣвъ, вышелъ глубоко разсерженный на пристава. Ему хотѣлось, чтобы приставъ моленную австрійцевъ запечаталъ и свадьбу Мещерякова разстроилъ. И это сейчасъ, не откладывая въ долгій ящикъ.—Погоди же, грозилъ онъ приставу, я покажу тебѣ свой идравъ! Будешь помнить и меня, Золотарева, кто я такой въ городѣ. Не уважилъ меня, такъ я разужаю твое благородіе. Отолью пулю.

— Станный субъектъ! разсуждалъ въ свою очередь приставъ по уходѣ Золотарева.—Дѣлай ему то, что онъ хочетъ. Озлился за что то на Мещерякова и вотъ придумалъ мщеніе. А еще старовѣры! Все таки доложу полиціймейстеру. Да нѣтъ, не стоитъ беспокоить изъ за пустяковъ. Пусть заводитъ дѣло, войдетъ бумагою, тогда иная статья. А то изволь по словесному заявленію его впутываться въ какую-то свадьбу раскольниковъ. Не все ли равно: что Мещеряковъ сейчасъ свелъ свою дочь, или чрезъ годъ потомъ сведетъ ее. Да и не въ моемъ участкѣ живетъ этотъ Мещеряковъ! И просить сдуру, самъ не зная хорошенько дѣло. Дурачье, набитое соломой! Время только отнялъ...

Такъ и не доложилъ приставъ „по начальству“ о незаконной свадьбѣ купца Мещерякова, не вмѣшался онъ въ это дѣло, а Золотаревъ не возбудилъ о ней бумажнымъ порядкомъ, рѣшивъ отомстить своему недругу въ дѣлахъ торговли, при участіи всесильнаго купца Пантелея Никифоровича. Последнее ему удалось: свой братъ оказался болѣе отзывчивымъ, чѣмъ приставъ. Пантелей Никифоровичъ, точно паукъ, тотчасъ сталъ распускать свои нити и ткать тенета, чтобы опутать ими Мещерякова.

XIX.

Ульяна Кирилловна, проводивъ Золотарева, тотчасъ поѣхала въ домъ Стрѣльниковыхъ. Она рѣшила сама разузнать о Петинѣй свадьбѣ и убѣдиться воочію совершившагося факта. Въ душѣ ея клокотала злоба и она едва могла сдерживать себя.

Авдотья Семеновна пила чай. Въ гостяхъ у нея сидѣла матушка Ираида и тараторила безъ умолку сообщая хозяйкѣ разнаго рода приключенія изъ собственной жизни и изъ жизни ея обители.

— Много вѣдь хлопотъ, Авдотья Семеновна, по монастырю-то—повѣствовала игуменья. Сама посуди: сто слишкомъ душъ у меня ихъ приютилось и все подборыши, голь, сироты, свезены—кто откуда! Всѣхъ ихъ нужно напитать, одѣть и каждую пристроить къ дѣлу.

— Что и говорить, матушка! А какой глазъ-то нужно за ними, особенно за взрослыми дѣвками.

— И не говори. Такъ стерегу ихъ, такъ соблюдаю, что постоянно держу ворота на замкѣ. Зря никуда непускаю ихъ однѣхъ. Если на панихиду просятъ, или покойничка маленькаго отпѣть, всегда пускаю съ дѣдушкой Прокофьемъ. Знаешь старичка-то? Давно ужъ онъ живетъ у меня и за молитвуетъ при каждой службѣ. Вотъ съ нимъ и отпускаю пѣвиць-то. Такъ и то, плутовки, обманываютъ меня и проказать.

— Развѣ не сдѣлають... Нынѣ народъ то, матушка, съ каждымъ годомъ родится все слабосильнѣе и на глуposti падкѣй.

— Истинно такъ. Жила у меня какъ то одна дѣвица, Настасьей звали ее. Хорошая читалка была, пѣвица такая, точно соловей, бывало, разливаается. Такой голосъ былъ у нея, что заслушаешься. И любила я ее за это. Вотъ и заставила я ее какъ то читать неугасимую въ залѣ. Дѣло было о лѣтнюю пору, окна на улицу. Читаетъ она какъ-то послѣ обѣда—вечерніе часы были у нея—а я за стѣнкою отдыхаю. Только проснулись, я и лежу себѣ на кровати задумавшись. Потомъ слышу, что кто то въ залѣ шепчется и нѣтъ—нѣтъ да тихонько и за смѣется. Что за оказія! думаю. Кому бы это у меня въ такое время таиться да шептанье производить. Да что же чтеніе то псалтири смолкло! разсуждаю. Встала я тихонько, да и приглядываю сквозь щелки. Что же оказалось, Авдотья Семеновна? Наталья моя стоитъ у окна, да съ какимъ то солдатомъ и разговариваетъ. Онъ ей что то шепнетъ, а она ему скажетъ, и оба таки родостны стоятъ и смѣются. Солдатина бравый такой, на плечахъ такъ и горятъ золотыя „па-

леты“, а оружіемъ съ боку нѣтъ-нѣтъ да и стукнетъ по землѣ. Не стерпѣла я, грѣшница, какъ выскочила въ зало, уцѣпила Настасью за волосы, да и давай ей вкладывать.— Не грѣши! говорю, не грѣши! Ты у святаго дѣла стоишь, сквернавка.— И наклала ей порядкомъ.

Игуменя съ такимъ увлеченіемъ передавала этотъ разсказъ, что задохнулась и остановилась. Она была настолько тучной особой, что едва могла ходить по комнатѣ.

— За такія продѣлки и слѣдовало поучить хорошенько— вставила хозяйка дома. Что же; поди, образумилась?

— Нѣтъ, Авдотья Семеновна, сгубилась окончательно.

— Ужели?!

— Какъ Богъ святъ! Перевела я ее послѣ этой оказіи на чердакъ—пустъ, молъ, тамъ читаетъ. Читала она у меня тамъ, кажись, съ недѣлю. Затѣмъ я перевела ее опять въ зало— больно, мерзавка, хорошо читала!—и приказала ставить ее на ночные часы. Проходитъ этакъ день, два—ничего: читаетъ только на третій то день—и скрылась.

— Вотъ негодница-то.....

— Да еще какая! Поставили ее на полунощные часы, послѣ 12. Она стала читать; всѣ вышли изъ залы, оставили ее, по обычаю, какъ и всѣхъ чтиць неугасимой, одну въ залѣ, она и сбѣжала за эту ночь.

— Куда же она бѣжала-то?

— Въ окошко вылѣзла и убѣжала. Псалтырь скрыла, лѣстовку на него положила, свѣчку погасила, да и сбѣгла. Утромъ моя Дуня пошла посмотрѣть—кто читаетъ! глядитъ— темно въ залѣ. Она зажгла огонь—никого нѣтъ въ залѣ. Дуня побѣжала въ кухню, разбудила дежурную читалку, другихъ дѣвокъ и всѣмъ собраніемъ пошли въ зало. Оглядѣли кругомъ комнату—Настасья нигдѣ нѣтъ. Кинулись къ окошку, а оно чуть только притворена и не заперто крючками. Какъ воры не забрались, милая!...

— Такъ и не слыхала о ней ничего?

— Нѣтъ, говорили потомъ сосѣди, что она съ тѣмъ же солдатомъ, котораго видѣли около окошекъ, когда онъ стоялъ съ нею, сбѣжала и загуляла съ нимъ.

— Ай-ай-ай! Вотъ и содержи ихъ, негодницъ. А не слышали потомъ: соблюла она вѣру-то или объеретичилась ужъ?

— Заходила она какъ-то безъ меня, и говорила, что она вѣру нашу блюдетъ не поколебимо и что самый солдатъ то нисколько не притѣсняетъ ее къ никоніанству.

— Ну, это слава Богу!—И Авдотья Семеновна перекресталась. Лишь бы душу-то не сгубила только, а тѣлесные-то грѣхи всё амоются покаяніемъ. Конечно, оно, какъ читалкѣ-то вотъ, при писаніи состоящей, не слѣдовало бы дѣлать ихъ; ну да кто же не грѣшенъ въ этихъ дѣлахъ.

— Конечно.

— Кушайте, матушка, чай то, а то мы заговорились—потчивала хозяйка.

— Спаси Христось, Авдотья Семеновна!

— Все таки хлопотлива ваша жизнь, матушка. Всѣмъ вы добро дѣлаете, а за это получаете одно огорченіе.

— И, Авдотья Семеновна, я привыкла ужъ къ этому. Да по обители-то все еще туда—сюда терпѣть, а вотъ какъ по начальству-то, да въ полицію, бывало, таскали и не приведи, Господи! Одинъ разъ такой смѣшной случай вышелъ—вась еще не было тогда въ Саратовѣ!...

— Я въ Вольскѣ жила съ мужемъ.

— Ну вотъ. Строгости въ ту пору отъ начальства были сильныя. Хотя и дарили кого нужно было, а все таки молиться-то велѣли намъ по ночамъ. Ну, и собирались мы къ обѣднѣ съ вечера: отмолимся всенощную, а вслѣдъ за этимъ и обѣдню начинаемъ, такъ что съ разсвѣтомъ вся служба кончилась. Напекли у меня просвирь для обѣдни, я велѣла накласть ихъ въ картонку отъ женской шляпы и послала ихъ въ моленную съ кривой Дуней. Знаете?

— Еще бы!

— Наказала я ей: смотри, если дорогой окликнетъ тебя кто—караульщикъ или еще кто—что несешь? скажи, что мастерица только что сготовила нарядъ барынѣ и послала меня отнести его. Такъ, молъ, барыня наказывала: нуженъ ей этотъ нарядъ непременно сейчасъ. Вотъ пошла моя дѣвка съ картонкой просвирь. А вѣдь сама знаешь законъ-то, что нельзя служить обѣдню на черствыхъ просвирахъ, а нужно, чтобы

онѣ были мягкія и теплыя. И мы утрафляли такъ: въ 11-тъ или 12-тъ ночи кончится всенощная, часъ простоятъ въ церкви, а потомъ и обѣдня начнется. Къ этому времени у насъ и просвиры были готовы: укутаемъ ихъ прямо изъ печки, горяченькія, чтобы не остыли, да и несемъ пораньше въ моленную, чтобы не попасться съ ношей полиціи. Въ этотъ разъ мы припоздали съ просвирами и понесли ихъ гораздо позже. Идетъ моя Дуня съ картонкой, вдругъ караульщикъ какъ крикнетъ на нее: стой! что несешь? Этимъ онъ какъ будто память вышибъ изъ ея головы. Ей нужно бы отвѣтить, какъ я ее учила, а она пустилась бѣжать. Караульщикъ почелъ ее за воровку, засвисталъ, и самъ побѣжалъ догонять ее. Сцапали ее рабу Божію и повели въ полицію. Что ты несешь? Наряды, отвѣчала она. И говоритъ, какъ я ее учила. А они открыли картонку, посмотрѣли въ ней, да и говорятъ: „этакіе у тебя наряды-то? Въ холодную запереть ее! Это воровка! Дуня плакать, а ее потащили въ холодную и заперли. Въ моленной ждали-ждали просвирь, послали узнать ко мнѣ и когда узнали, что дѣвка съ просвирами пропала, струхнули и тотчасъ убрали церковь и сами разошлись. Утромъ вывели дѣвку мою къ допросу; она показала на меня. Вытребовали меня въ полицію. Твои это просвиры? спрашиваютъ меня. Какъ отказаться? Мои, говорю.—Куда ты посылала ихъ съ дѣвкой!—По своимъ христіанамъ, отвѣчаю, дала я ей разнести.—Отчего же ночью?—Попалась, думаю. Что скажу на это? Но Святой Духъ научилъ меня, что сказать нечестивцамъ. Потому, ваше благородіе, велѣла я разнести эти просвиры, что по нашему закону нужно ѣсть ихъ утромъ прежде всякой пищи и даже не пивши чаю; а такъ какъ просвирь я дала ей много, то ей въ пору было бы разнести ихъ все до самаго утра. Мы живемъ не въ одномъ мѣстѣ, а по всему Саратову.—„Врешь ты, баба! кричитъ на меня приставъ. Скажи лучше, что ты послала ихъ къ своему попу для обѣдни.“—Нѣтъ, говорю, родимый, у насъ попа нѣтъ; сами молимся одни.—„А для чего же вамъ просвиры-то? Развѣ ты попомъ служишь у своихъ сектантовъ?—Гдѣ же женщины бываютъ попами? отвѣчаю я ему. А такъ вотъ помолимся мы одни, поплачемъ, что у насъ нѣтъ обѣдни, да и вкусимъ этихъ

просвинокъ-то. Только и всего. — „Врешь, врешь ты, баба! кричи на меня приставъ. Въ холодную тащите ее!“ И посадили меня. Сижу я, сидитъ и Дуня моя. Посадили насъ въ розницу, точно преступниковъ какихъ. Но недолго продержали насъ и выпустили. Дорого тогда обошлись мнѣ эти просвирки: 500 рублей содрали съ меня за нихъ. Да это хорошо: а то хотѣли произвести обыскъ въ домѣ. Послѣ напечатали въ листочкахъ, что открыли новую вѣру, гдѣ баба служить попомъ, совершаетъ обѣдню и каждого изъ своихъ единовѣрцевъ одѣляетъ особой просвиною. Была, голубушка, во всякихъ передѣлкахъ.

— Помози вамъ Господи, матушка! Вѣнецъ мученическій получить за страданіе Христовой вѣры.

— Хоть бы грѣховъ Господь избавилъ и то хорошо, — самодовольно отвѣтила игуменья.

— Ульяна Кирилловна пріѣхала, — доложила прислуга.

Игуменья переглянулась съ хозяйкою.

— Что же, пушай идетъ къ намъ, — отвѣтила хозяйка. — Да вотъ она и сама приближается. Жалуйте...

Ульяна Кирилловна кивнула головою обѣимъ и сѣла на стуль.

— Я пріѣхала повидаться съ Петей; позовите-ка его ко мнѣ, — проговорила она.

— Его нѣтъ здѣсь, — отвѣтила Авдотья Семеновна.

— Да куда онъ у васъ дѣвается? Раньше этого была — не застала, и теперь нѣтъ его.

— Съ молодой женой теперь поживаетъ, около нея и находится.

— Какъ съ молодой женой?!

— Такъ; оженили мы его.

— Да какъ же вы это осмѣлились сдѣлать безъ всякаго совѣта съ его родными?

— Родные и женили его.

— Да я то, по вашему, родная ему или нѣтъ?

— Вы родная по плоти, а по духовному-то далеко отъ него стоите.

— Но вы женили его не по духовному, а по плоти, по этому съ плотскими родными и должны были совѣтъ держать. Какъ же вы это одни-то?

— Очень просто: женили и конецъ. Теперь онъ и жена-тый, и христіанинъ нашей вѣры.

— Еретической-то! Антихристовой!..

— А ты не больно ругайся, а поглаже толкуй. Мы думаемъ, что ты-то и есть въ антихристовой вѣрѣ.

— „Внемли мерзость запустѣнія, яко еретики жертвенниковъ не имуть... А яко предатели суть антихристу иже строятся безкровную жертву помрачити...“—проговорила игуменья.— У васъ нѣтъ жертвы, вы и антихристы и горше самыхъ бѣсовъ еретики.

— Я съ вами не желаю говорить,—отрѣзала безпоповка. Это прочтите своимъ попамъ, да архіереямъ, а не мнѣ. Я состою въ истинной вѣрѣ.

— А ты не огрызайся въ чужомъ домѣ,—увѣщевала хозяйка.—Неравно и дворникъ взойдетъ...

— Еретики вы этакіе! Обливанцы! Сгубили вы мою родственницу, да и сына-то туда же втащили въ погибель. Анафемы вы!

— И что ты расхарахорилась. Погань ты этакая! Жиды вы!..

— Молчи!

— Сама прикуси языкъ!

— Такъ вотъ же тебѣ за это!

Быстрѣе молніи Ульяна Кирилловна схватила чайную чашку и бросила ее въ Авдотью Семеновну. Чашка отлетѣла въ окно, разбила стекло рамы и вылетѣла на дворъ.

— Этакъ-то! По нашему не такъ.—Съ этимъ словомъ Авдотья Семеновна бросилась на Стрѣльникову и начала рвать на ней платокъ, платье, и хлестать по щекамъ. Въ свою очередь вцѣпилась и Ульяна Кирилловна и съ яростью бросилась на Авдотью Семеновну, и пошла у нихъ взаимная драка. Игуменья, не ожидавши этого, испугалась, вскочила изъ-за стола и кинулась было разнимать разозлившихся женщинъ, хлеставшихъ другъ друга во что попало. Ульяна Кирилловна, будучи зла и на игуменью, ударила и ее по головѣ и также стала рвать на ней одѣяніе.

— Ахъ ты разбойница этакая! Ты апостольникъ мой изорвала, мантию... Инокиню дерзнула ударить и обнажить!— кричала матушка Ираида, бѣгая по комнатѣ и защищаясь отъ Ульяны Кирилловны.—Безбожница ты этакая! Антихристово отродье!

— Ты и матушку задѣла! Вотъ же тебѣ! Вотъ!—приговаривала Авдотья Семеновна, нанося удары своей противницѣ и въ клочки изрывая на ней дорогое платье.

— Кровь мою пила доселѣ!—кричала Ульяна Кирилловна, отплачивая хозяйкѣ той же монетою.—Издѣвалась надо мной! Пакости дѣлала на каждомъ шагу! Вотъ же тебѣ! На! Помни, еретица проклятая!

Наконецъ обѣ женщины упали на полъ и съ яростью терзали одна другую. Волосы ихъ были распущены, одежда изорвана, лица поцарапаны.

— Ай, батюши! Загрызутся... Ѳедотъ! дворникъ! Помогите рознять... кричала игуменья, бѣгая изъ одной комнаты въ другую и тоже въ растерзанномъ видѣ.

Дворнику давно уже сообщила кухарка объ этой баталіи, и онъ стоялъ въ кухнѣ и дивился надъ дракой купчихъ.— „Вотъ гдѣ кулачки-то идутъ,“ разсуждалъ онъ съ кухаркою.

Дворникъ вошелъ въ комнату и сталъ разнимать обозлившихся купчихъ, которыя успѣли уже и покусаться, и окровавить одна другую. Съ трудомъ онъ рознялъ ихъ и вытащилъ свою хозяйку въ кухню, гдѣ она грохнулась на полъ и начала кричать и метаться въ истерическомъ припадкѣ. Дурно сдѣлалось и съ Стрѣльниковой, но кухарка смочила ей голову и она очнулась. Тотчасъ она встала, оправилась, надѣла верхній костюмъ и, окутавъ попавшимся подъ руку платкомъ голову, вышла, произнося проклятіе по адресу Авдотьи Семеновны.

— Вотъ извергъ-то! Вотъ Иродово потомство!—кипятилась игуменья, приводя въ порядокъ свой костюмъ.—Ангельскую одежду не пощадила!

Скоро оправилась и хозяйка дома.

— Матушка! Я вамъ за все заплачу, только не уходите отъ меня. Погодите!..

— Развѣ я брошу тебя. Что ты!

Такъ угостили одна другую двѣ злыя пропагандистки раскола. Одна другой не хотѣла уступить, одна другую преслѣдовали своими домогательствами и цѣлями. И изъ-за чего? Читатель видитъ, на какой почвѣ сошлись эти двѣ противницы, что онѣ преслѣдовали, что домогались сдѣлать, и какой драмой закончилось послѣднее дѣйствіе ихъ представленія въ жизни. Главнымъ рычагомъ служила не вѣра, а деньги и деньги. Вѣра была только ширмой, скрывавшей настоящую причину дѣла.

Ярый безпоповецъ федосѣевского толка купецъ Золотаревъ сильно отплатилъ Мещерякову за безчестіе своей дочери—Θеклуши, которую онъ совсѣмъ рѣшилъ было выдать за малолѣтняго Петю, и котораго такъ безцеремонно Мещеряковъ привлекъ къ себѣ и женилъ его, при помощи двухъ женщинъ—Авдотьи Семеновны и матушки Ираиды—на своей дочери.— При содѣйствіи всесильнаго воротилы—Пантелея Никифоровича, онъ дѣйствительно поставилъ ему въ томъ банкѣ, гдѣ возсѣдалъ и орудовалъ послѣдній, огромный винтъ, который вонзился въ самое сердце торговой фирмы купца Мещерякова. Ему отказали въ кредитѣ банка и отказали въ такое время, когда онъ особенно нуждался въ деньгахъ. Незадолго передъ этимъ у Мещерякова затонули три баржи съ огромной партией хлѣба, который онъ взялся поставить въ Рыбинскъ. Поставка была срочная, а баржа съ хлѣбомъ, какъ нарочно, дойдя до Казани, затонула, хлѣбъ подмочился, и Мещеряковъ потерпѣлъ большіе убытки. За этой неудачей вскорѣ пришла другая, по пословицѣ: „одна бѣда родитъ другую“. Такъ вышло и у Мещерякова. Не успѣлъ онъ оправиться отъ одной потери, какъ у него лопнуло фотонафтильное дѣло, которое онъ велъ съ однимъ купцомъ, искусно подсунутымъ ему Золотаревымъ и Пантелеемъ Никифоровичемъ. Отъ этого дѣла Мещеряковъ думалъ нажить чуть не золотыя горы, въ компанію онъ ввѣрился какъ нельзя лучше, и такъ какъ фотонафтильное дѣло велось у нихъ въ Баку, то компаніонъ Мещерякова тамъ жилъ у него постоянно и завѣдывалъ всѣми дѣлами по этой операци. Дѣло шло по отчетамъ и оборотамъ капитала прекрасно, Мещеряковъ радовался и потиралъ руки отъ удовольствія. Но вдругъ... компаніонъ сбѣжалъ, пропалъ безъ вѣсти,

и съ его бѣгствомъ пассивъ оказался болѣе чѣмъ на 600,000 р. Мещеряковъ потерялъ голову отъ этого удара. Онъ рвался и метался, точно угорѣлый. Онъ искалъ помощи, сочувствія у друзей, но всѣ друзья и пріятели оказались только до чернаго дня. Никто изъ нихъ не хотѣлъ принять участія въ его горѣ, никто не помогъ ему; напротивъ, они поспѣшили отшатнуться отъ него и отойти въ сторону. Тутъ-то и придавили его Пантелей Никифоровичъ съ Золотаревымъ, да такъ придавили и притиснули его, что торговая фирма Мещерякова, о которой онъ такъ старательно заботился всѣ годы своей жизни, лопнула и расползлась по всѣмъ своимъ швамъ. Въ горѣ и отчаяніи Мещеряковъ кинулся къ Пантелею Никифоровичу; послѣдній окинулъ его взглядомъ Юпитера и отвернулся. Мещеряковъ понялъ, что ждать милости нечего, и дѣло его проиграно въ конецъ. Или смерть или острогъ—одинъ исходъ. Онъ направился къ выходу.

— Θεодуль Силантичъ!—окликнулъ его Юпитерь. Послѣдній остановился.

— Зайдите ко мнѣ вечеркомъ, я потолкую съ вами на досугѣ.

— Хорошо.

Слабый лучъ надежды на лучшей исходъ дѣла блеснулъ въ головѣ Мещерякова.

Въ 8 часовъ вечера Мещеряковъ вошелъ въ комнату Пантелея Никифоровича.

— Добро пожаловать, Θεодуль Силантичъ!—привѣтствовалъ хозяинъ Мещерякова.—Садись будешь гостемъ.

— Спаси Христокъ, Пантелей Никифоровичъ. А! Урванъ Пигасичъ! И вы здѣсь...

— Какъ же! Пришелъ посмотрѣть на тебя, какъ ты разживаешься съ богатымъ зятемъ. Поди, барыши-то лопатой загребаете?

Мещерякова покорило отъ этихъ словъ. Не будь онъ въ такомъ упадкѣ, какъ сейчасъ, онъ не стрепѣлъ бы этого замѣчанія и въ свою очередь обрѣзалъ бы Золотарева; но теперь роли ихъ измѣнились.

— Вамъ, Урванъ Пигасичъ, хорошо извѣстно мое теперешнее положеніе; слышали, полагаю, какъ я живу.

— Какъ не слыхать! Весь городъ говорить, что ты лопнулъ, какъ мыльный пузырь.

— Мыльнымъ пузыремъ я не былъ, а то пришлось лопнуть, дѣйствительно это такъ. Человѣкъ подвелъ, какъ и не ожидалъ я.

— Что, пришелъ антихристъ-то или ждешь еще?

— Къ чему, Урванъ Пигасичъ, затрогивать религіозные вопросы: вы идете своей вѣрой, а я—своей шестую.

— Другое заговорилъ теперь. А помнишь, какъ ты разуживилъ въ гостиницѣ-то у Бѣлозерцева? Ты какъ тогда насъ всѣхъ честилъ? Проклятыми назвалъ насъ!..

— Что вы, Урванъ Пигасичъ! встревожился Пантелей Никифоровичъ.—Ужели Ѳедуль Силангичъ такъ отзывался объ нашей вѣрѣ? Я что то не вѣрю этому.

— Не вѣрять... Хуже еще! Онъ такъ честилъ меня Пантелей Никифоровичъ, при цѣлой публикѣ, что и вспомнить совѣстно теперь.

— Да вѣдь, Урванъ Пигасичъ, не оставались въ долгу и вы тоже...

— Не оправдывайся, пожалуйста! Знаемъ мы васъ всѣхъ австріяховъ... такіе поганцы .. перебилъ Золотаревъ.

— Ну, если вы ужъ такого крутого нрава и такъ обижаете нашу вѣру, то я, Ѳедуль Силангичъ, извините, не хочу и вникать послѣ этого въ ваши торговые дѣла. Богъ съ вами! Какъ хотите, такъ и живите себѣ.

Мещеряковъ точно съ неба упалъ на землю.

— Ужели за этимъ вы просили меня прійти къ вамъ, тихо спросилъ Мещеряковъ.

— Я обо всемъ хотѣлъ поговорить съ вами, но теперь, — спасибо Урвану Пигасичу!—я вижу, что вы человѣкъ того... кляузный.

— Еретика всегда такіе—вставилъ Золотаревъ. Сами въ ересяхъ, точно свиньи въ репьяхъ, а на другихъ кричать, что они неправые.

— Это вѣрно, Урванъ Пигасичъ. Антихристъ такъ обогрелъ ихъ, что они дальше своего носа ничего не видятъ,— подтвердилъ хозяинъ.

Только тутъ Мещеряковъ прозрѣлъ и увидѣлъ, что надъ нимъ играютъ комедію, что Пантелей Никифоровъ для того и зазвалъ его къ себѣ въ домъ и съ тою же цѣлью нарочно пригласилъ и его врага—Золотарева, чтобы обоимъ вмѣстѣ поглумиться надъ нимъ и позлорадствовать надъ его несчастьемъ. Эта мысль, точно огнемъ, опалила его и вскопятила.

— Вы смѣяться вздумали надо мною! крикнулъ Мещеряковъ, вскочивъ со стула.

— А ты небось съ карманомъ шелъ, чтобы денегъ насыпать здѣсь?—ядовито замѣтилъ Золотаревъ.

— Да кто же это припасъ ихъ тутъ?—поддакнулъ хозяинъ. Иное дѣло еще помочь своему христіанину, а то—еретику!

— Ахъ вы лицемѣры! фари́сеи смердящіе!—не вытерпѣвъ, разразился Мещеряковъ. Какъ будто вы имѣете когда либо жалость къ человѣку. Скареды! ироды! эфіопы! Будте прокляты вы и съ деньгами!

— Вонъ отсюда, острожникъ!—рявкнулъ хозяинъ. Завтра же тебя спровадятъ въ острогъ, на хлѣбъ, да на воду.

— Антихристово—сѣмя! шипѣлъ Золотаревъ, сжимая кулаки.

Но Мещеряковъ уже вышелъ и шагаль по улицѣ. Горе и злоба душили Мещерякова. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, и какъ перенести этотъ ударъ. Онъ Мещеряковъ,—банкротъ! Въ перспективѣ позоръ, стыдъ. Ему представился и тюремный замокъ, куда его уже намѣтили его недоброжелатели, и секвестръ, который не нынѣ—завтра будетъ наложенъ на все его имущество и товаръ. Боже мой! Ужели я погибъ и пропалъ безслѣдно? Нѣтъ, я не перенесу гибели своей фирмы. Я самъ умру съ ней. О злодѣи! Кровопійцы!

Дѣйствительно, Мещеряковъ не перенесъ тяжести своего положенія: съ нимъ сдѣлался параличъ, превратившій половину его организма въ безжизненный трупъ. Въ такомъ положеніи засталъ его приговоръ суда, которымъ онъ былъ объявленъ не состоятельнымъ должникомъ, банкротомъ, имущество его арестовано и описано. Такимъ образомъ, торговая фирма Мещерякова, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пала и исчезла съ лица земли.

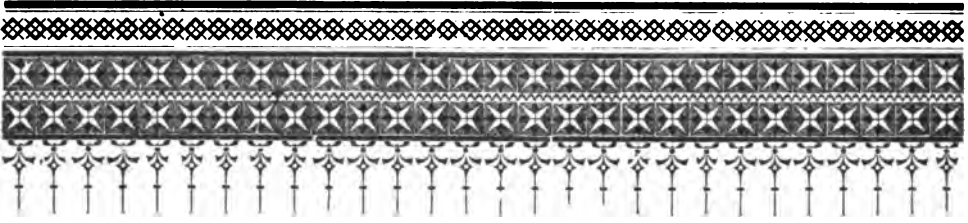
Исчезъ и компаніонъ Мещерякова по фотонафтильному дѣлу. Куда онъ дѣлся? никто не зналъ этого доподлинно. Говорили какъ-то, что онъ бѣжалъ за границу, въ Бѣлую Криницу, гдѣ и скрывался долгое время; но это была только молва.

Золотаревъ и Стрѣльникова торжествовали паденіе Мещерякова. Въ паденіи его они видѣли перстъ Божій, покаравшій Мещерякова яко бы за обиду ихъ: Самъ Богъ за насъ,—говорила Ульяна Кирилловна,—наказываетъ его, еретика.

За то матушка Ираида и Авдотья Семеновна душевно плакали надъ великимъ несчастіемъ Мещерякова. Игуменья даже поставила „неугасимую“ въ своей обители о здравіи болящаго раба Божія Θεодула и искренно желала, чтобы Мещеряковъ выздоровѣлъ и поправился дѣлами.

Жизнь Пети съ Груней не была счастливою. Золотаревъ съ Стрѣльниковой, своими интригами, разбили ихъ счастье, и бѣдной Грушѣ много пришлось вынести чрезъ нихъ страданій и огорченій въ жизни.

ЛШ.

Водяники и Сухарники *).

(Очеркъ изъ быта старообрядцевъ Саратовской губ.)

1.

ильные трескучіе морозы стояли въ началѣ 1883 года. Былъ праздникъ Богоявленія Господня. Въ обществѣ сектантовъ „водяниковъ“ готовились совершать богослуженіе—„часы съ молебномъ“, замѣняющіе у беспоповцевъ православную литургію. Глава этой секты—Саратовскій купецъ Иванъ Макаровъ Калининъ рѣшилъ въ этотъ разъ совершить самымъ торжественнымъ образомъ освященіе воды.—„Нужды ради“, говорилъ онъ—можно святить воду и самимъ. Въ этихъ видахъ онъ велѣлъ поставить среди моленной большой столъ, а на него поставить ведро

Секта „водяниковъ“ иначе называется „старопоповщиною“. Священниковъ отъ Православной церкви они не имѣютъ потому, что добровольно къ нимъ въ расколъ, никто изъ нихъ не переходитъ, а сманивать ихъ за деньги, раскольники считаютъ это грѣхомъ. Такъ и остаются они безъ поповъ, управляясь въ духовныхъ дѣлахъ стариками, выбранными обществомъ.

съ водою. Къ ведру съ водою, по указанію Ивана Макарова, наставникъ моленной Сергѣй Леонтьевъ прилѣпилъ 4 восковыхъ свѣчи, одну противъ другой. Всѣ богомольцы смотрѣли на это съ удивленіемъ. Никогда ничего подобнаго у нихъ въ обществѣ не бывало. Не было у нихъ поповъ и архіереевъ, не было никакого и освященія воды: такъ твердо они вѣрили, что антихристъ давно уже истребилъ всѣхъ истинныхъ іереевъ, на землѣ, а тѣ, которые существуютъ нынѣ — неистинные учителя, а ложные, слуги антихристова воинства!

Пробило 8 часовъ. Богомольцевъ набралось достаточно и всѣ они сидѣли въ моленной, кто на лавкахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ внутри зданія, другіе, за недостаткомъ лавокъ помѣстились просто на полу. Богомольцы, разбившись на партіи, вели тихонько между собою разговоръ — кто о чемъ: одни о религіозныхъ дѣлахъ, другіе о торговлѣ, третьи просто судили кого нибудь изъ своихъ прихожанъ и сплетничали одинъ на другаго. Какъ мужчины, такъ и женщины, всѣ одѣты были въ „христіанскій“ костюмъ: первые въ кафтанѣ со сбориками изъ черной матеріи, вторые въ русскій сарафанъ съ пуговицами на передней сторонѣ, бѣлые рукава и шелковымъ платкомъ на головѣ. Самъ глава секты купецъ Калининъ сидѣлъ впереди всѣхъ на стулѣ и важно смотрѣлъ на толпу богомольцевъ. Изрѣдка оборачивался онъ въ ту сторону, гдѣ группа молодыхъ ребятъ и дѣвокъ, ведя разговоръ между собою, смѣялись, и тогда онъ грозилъ имъ ременной лѣстовкой. Ребята и дѣвки тотчасъ примолкали и сидѣли точно мертвые; каждый изъ нихъ хорошо зналъ и на себѣ испыталъ силу и дѣйствіе показываемой имъ ременной лѣстовки. Но вотъ Иванъ Макаровъ всталъ со стула, подальъ рукою знакъ наставнику, и сказалъ: „пора начинать службу!“ Всѣ богомольцы мигомъ поднялись на ноги, оправились, вынули изъ кармановъ свои лѣстовки, а у кого не было, брали съ гвоздя общественные. Затѣмъ каждый взялъ въ руки „подручникъ“ для земныхъ поклоновъ и также, кто имѣлъ свой, „подручникъ“, разшитый по бархату золотомъ или шелками, другіе, побѣднѣе, пользовались общественными. *) При готовившись

*) „Подручникъ“ — не большая подушка, на которую старообрядцы кладутъ руки во время земныхъ поклоновъ.

такимъ образомъ, мужчины всѣ выстроились рядами впередъ ближе къ иконамъ, а женщины, построившись такими же рядами, стали позади мужчинъ. *) Всѣ ждали, чтобы положить общій „началь“ къ службѣ. Между тѣмъ одинъ изъ мальчиковъ взялъ въ руки не большой огарокъ восковой свѣчи, зажегъ его отъ огня лампадки, вышелъ на средину моленной, положилъ 3 поклона предъ иконами и громко сказалъ: „благословите, отцы святїи, свѣщи возжеть!“ „Богъ благословить!“ сказалъ наставникъ въ отвѣтъ. „Аминь“—заклучилъ мальчикъ. И пошелъ зажигать разставленныя у иконъ свѣчи. Совершивъ освѣщеніе моленной, раскольники положили „началь“, сдѣлавъ его разомъ въ одинъ махъ и тактъ. Началь этотъ состоялъ изъ 6 поклоновъ поясныхъ и 2-хъ земныхъ, дѣлаемыхъ съ извѣстными молитвенными причитаніями на каждомъ поклонѣ. Этотъ началь—Альфа и Омега во всемъ расколѣ; великій догматъ, правило, безъ исполненія котораго ни одна служба не начинается и не кончается. **) Всѣ секты раскола чтуть этотъ „началь“ какъ святыню, какъ таинство, да что таинство, о которомъ все сектанты не имѣютъ никакого понятія, они чтуть свой „началь“ выше святаго Евангелія, выше словъ самого Бога. Евангеліе они никогда не читаютъ, и обычая у нихъ нѣтъ держать его въ домѣ, а „началь“ исполняетъ раскольникъ ежедневно и утромъ, и вечеромъ, и мнитъ, что онъ творитъ великое дѣло Божіе. Не кладущій этотъ „началь“, по ученію старообрядцевъ, есть отверженникъ Бога, пропащій человекъ, сынъ діавола. Есть секты въ расколѣ, гдѣ остался единственно только этотъ „началь“, которыми и думаютъ спастись раскольники. ***).

*) Адамъ прежде сотворенъ и потомъ Евва. Посему Адамъ старше Еввы. Отсюда у старообрядцевъ такой выводъ: не должно женскому лику, какъ младшему, стоять выше мужчинъ.

**) При „началѣ“ раскольники говорятъ слѣдующія молитвы: 1, Боже милостивый буди мнѣ грѣшному; 2, Создавый мя, Господи, помилуй мя; 3, Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя грѣшнаго. На каждомъ произношеніи кладется поясной поклонъ. Затѣмъ читается „Достойно есть яко воистину“... молитва Божіей матери и кладется земной поклонъ. Послѣ этого: Слава Отцу и Сыну“ св. Духу—поклонъ; нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ—поклонъ, оба поясные. Слѣдуетъ отпустить и опять поклонъ въ землю. Этому „началу“ раскольники учатъ дѣтей съ малолѣтства и употребляютъ его ежедневно.

***) Напримѣръ секта „Спасовцевъ-Нѣтовцевъ“, „Странники“ и др.

— Долго продолжалось служеніе „часовъ“ и „молебна“, читали рѣдко, протяжно; пѣли еще медленнѣе и заунывно, точно служили по покойникѣ. Тѣ, кто зналъ порядокъ службы, подпѣваль пѣвчимъ, безграмотные шепотомъ творили молитву: „Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“ и перебирали бубенчики лѣстовки, дѣлая счетъ произнесеннымъ молитвамъ. Для чего велся этотъ счетъ, на это никто не отвѣтилъ бы кромѣ словъ: „такъ положено по нашему обиходу.“ А между тѣмъ каждый изъ такихъ богомольцевъ, перебралъ съ перваго до послѣдняго бубенчика всю лѣстовку, имѣющую въ себѣ 100 бубенчиковъ, снова принимался перебирать ее и такъ всю службу. У этихъ лицъ выходила своя молитва; то что читали, пѣли въ моленной до нихъ какъ бы вовсе не касалось. Единственно что сливало всѣхъ какъ бы въ общую молитву это поклоны. Послѣдніе полагались всеми сразу и въ извѣстное время и опредѣленное количество. Лишняго поклона никто не смѣлъ сдѣлать. Точно также, если бы кто задремалъ и забылся и не положилъ нужнаго въ порядкѣ службы поклона, такого богомольца сейчасъ же сосѣди толкнули бы въ бокъ и заставили сдѣлать поклонъ. Такимъ образомъ молитва выходила по командѣ, соблюдалась извѣстнаго рода дисциплина, порядокъ, нарушить который никто не смѣлъ.

Сдѣлавъ отпустъ молебна, наставникъ Сергѣй Леонтьевъ подошелъ къ ведру съ водою, дунулъ на воду 3 раза крестообразно т. е. провелъ дуновеніемъ одну линію прямо, а потомъ, зайдя въ сторону, сдѣлалъ такую же линію поперекъ. Затѣмъ, взявъ въ руки подобіе архіерейскаго трикирія, сдѣланнаго изъ 3-хъ восковыхъ свѣчей, сплетенныхъ внизу, началъ ими благословлять воду въ ведрѣ, погашая при каждомъ дѣланіи креста одну свѣчу въ налитомъ ведрѣ воды. Кончивъ это, наставникъ взялъ изъ рукъ купца Калинина бутылку съ водою и сталъ крестообразно поливать изъ нее въ ведро воды, припѣвая тропарь празднику: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“.... Поливаніе воды и пѣніе тропаря происходило 3 раза; а затѣмъ наставникъ почерпнулъ въ серебряный ковшикъ воды и приподнесъ ее для питья главѣ секты купцу Ивану Макарову. Послѣдній, осѣнивъ себя крестомъ, выпилъ ее и

передалъ ковшъ наставнику, который снова почерпнулъ имъ воды и самъ выпилъ ее.

Народъ стоялъ все время въ недоуѣмѣи и не трогался съ мѣста.

— Берите святую воду!—сказалъ Калининъ, обращаясь къ народу.—Пейте ее и черпайте въ сосуды домой для хранения во весь годъ.

Богомольцы молчали, они какъ бы поражены были этимъ фактомъ, который видѣли всего въ первый разъ. Они привыкли брать себѣ воду въ полночь наканунѣ этого праздника изъ Волги, вѣруя, что въ это время сходитъ съ небесъ ангель и освящаетъ ее. Теперь Калининъ предлагалъ имъ свою воду, и своего освященія. Что же дѣлать: брать ее или нѣтъ? Видя въ такомъ затруднительномъ положеніи общество богомольцевъ, купецъ Еремѣй Трушининъ сказалъ:

— Да ни что это святая вода, Иванъ Макарычъ! Гдѣ это нашелъ ты у св. отецъ такое правило, чтобы поить насъ такой водою? По какому уставу учинилъ ты это свое освященіе? Выкажь это по книгѣ? А не то мы причисляемъ это къ самочинію.

Калинина передернуло отъ этихъ словъ своего собрата. Онъ грозно сверкнулъ глазами на своего противника, осмѣливагося возвысить противъ него свой голосъ.

— Какъ! Я самочинникъ по твоему?—вскричалъ разсерженный Калининъ. Ты полагаешь, что я меньше твоего знаю писанье-то св. отецъ. Врешь ты, суконное рыло! Въ аршинѣ у тебя познанье-то, а не въ книгахъ.

Послѣднія слова относились къ Еремѣю Трушину, какъ торговцу мануфактурнымъ товаромъ.

— А коли такъ, то мы твое поило за святую воду не почитаемъ. Лей ее за заборъ или самъ выпивай... Не больно, тоже, выгибай рыло-то. Не обязаны вѣдь!—запальчиво произнесъ Еремѣй Трушининъ.

— Конечно! По что серчать-то? Святые воды было не по уставу св. и богоносныхъ отецъ. Еремѣй Силычъ правду высказалъ, потому что ни въ одной книгѣ, и самой древнѣйшей, не показано, чтобы простецъ и воду поливалъ, и свѣчи га-

силъ. Это поповское рукомерло,—азартно проговорилъ, выступивъ изъ толпы, мужикъ начетникъ.

— Сторожъ! Гони всѣхъ въ шею! Они не хотятъ воды нашей пить, не почитаютъ ее за святую, такъ я имъ покажу ихъ святость, которую они достаютъ по ночамъ въ Волгѣ. Моя моленная! Я хозяинъ въ этомъ домѣ, а вы—вонъ отсюда всѣ!—командовалъ Калининъ, махая руками и лѣстовкой.

Калининъ былъ сильно раздраженъ на упорство своихъ противниковъ и въ частности на торговца Еремѣя Трушина, отъ котораго онъ никакъ не ожидалъ такого смѣлаго возраженія, сдѣланнаго публично въ его же моленной. Калининъ привыкъ господствовать въ обществѣ своихъ единовѣрцевъ, привыкъ повелѣвать ими и абсолютно изрекать свои непогрѣшимыя глаголы и распоряженія. Дѣло остальныхъ—слушать его, вѣрить ему и во всемъ подчиняться его распоряженіямъ. Теперь, въ пылу своей злобы, онъ готовъ былъ передушить ихъ всѣхъ, начиная съ перваго купца Еремѣя Силова.

Между тѣмъ, въ средѣ богомольцевъ поднялся въ свою очередь ропотъ и неудовольствіе на Калинина за то, что онъ ввелъ новшество. Одинъ за другимъ, столпившись въ кучку, они возвышали свой голосъ и толковали объ измѣнѣ святоотеческихъ преданій.

— Какая это святость! Одно оскверненное—говорили богомольцы.

— Пусть выкажетъ въ староотеческой книгѣ, откуда онъ взялъ сей чинъ просвѣщенія воды?—поддакнулъ другой.

— А то какъ же! Воду пить всегда можно, но какая она? Это довлѣетъ разсмотрѣть по уставу св. богоносныхъ отецъ. Можетъ въ ей святости ни на грошъ, а къ примѣру, какую купаемся, така и эта. Вотъ гдѣ оказія-то!

— Закорючку вставилъ великую, прахъ его возьми, вмѣшался какой-то старикъ. Кабы совѣтъ держаль? А то самъ...

— Станетъ, такой гордецъ, совѣтаться. Онъ по своей головѣ идетъ. Ему общество то—плевокъ.

— А коли такъ, выкажи свое дѣйствіе на строкѣ. Гдѣ написано такъ святить воду? Оправдай эту статью!

— Конечно, надо истребовать отъ него, что предлежитъ закону. Безъ этого и выходить изъ моленной не надо разсуждали между собою богомольцы.

Показать этого въ книгѣ купецъ Калининъ не могъ, конечно, да онъ и не желалъ этого дѣлать предъ толпой простыхъ богомольцевъ, на которыхъ смотрѣлъ свысока и разумѣлъ объ нихъ, какъ о стадѣ овецъ. Онъ сдѣлалъ освященіе воды исключительно по собственному соображенію и жаланію. Онъ зналъ, что у нѣкоторыхъ бѣглопоповцевъ, въ случаѣ отсутствія священника, старикъ простолюдинъ совершаетъ освященіе воды, причемъ онъ беретъ даже крестъ въ руки, держитъ его надъ водою, а изъ чашки поливаетъ его водою, освященной ранѣе священникомъ. Присутствіе креста въ рукахъ простолюдина Калининъ счелъ неумѣстнымъ, а поливаніе его водою казалось ему что-то въ родѣ поливательнаго крещенія, которое какъ и всѣ вообще старообрядцы считаютъ еретическимъ, а посему оба эти дѣйствія онъ вычеркнулъ изъ своего чина, какъ лишнія и неправильныя. Единственно, что онъ счелъ возможнымъ сдѣлать простолюдину—это то, что мы сказали уже. Почему онъ нашелъ это возможнымъ сдѣлать мірянину, гдѣ и въ какой книгѣ онъ вычиталъ это, этого Калининъ не могъ показать въ книгахъ, такъ какъ все его чинодѣйствіе произошло не по книжному сказанію, а по собственному его умозаключенію. Дѣлаютъ подобное другіе старообрядцы, даже больше сего дѣлаютъ, такъ отчего же, Ивану Макарычу Калининъ, богатому купцу, котораго раскольничій міръ доселѣ слушалъ, почиталъ, вѣрилъ ему и въ большинствѣ бѣдняковъ кланялся ему въ ноги, за его подачки, — такъ отчего же, говорю, и ему не сдѣлать было этого! И вотъ, онъ, рассчитывая на себя, какъ на авторитетъ, на великаго столпа въ своемъ мірѣ сдѣлалъ это свое новое чинодѣйствіе и полагалъ, что оно пройдетъ безъ всякаго шума и волненія въ обществѣ. Никакой оппозиціи или противорѣчія со стороны своихъ богомольцевъ онъ не ожидалъ и совсѣмъ даже не предполагалъ встрѣтить ее отъ нихъ. Вопреки всего дѣйствіе вышло обратное. Праздникъ Крещенія Господня неожиданно превратился въ крещеніе анаеемою и проклятіемъ другъ друга. Богомольцы, поддерживаемые Тру-

пинымъ, который сначала было убѣжалъ изъ моленной, но потомъ вернулся, чтобы постоять за „древнее благочестіе“ приступили къ Калинину, требуя показать имъ основаніе своему чинодѣйствию, показать это въ книгахъ, а не на словахъ, чего Калининъ сдѣлать не могъ.

— Оголтѣлые вы, бараны! — кричалъ и кипятился Калининъ. — Вы на перво докажете, что я сдѣлалъ еретическаго?

— Не по писанію идущій — еретикъ — учить Теофилактъ въ Благовѣстникъ, — сказалъ одинъ богомолецъ.

— Еретикъ! Еретикъ! — вторили другіе.

— Вы еретики безсмысленные! Вы дерете глотку по напрасну! Вы! Вы анаемы! — отвѣчалъ Калининъ.

— Тебя надо отлучить подъ проклятье, а не насъ. Ты развратитель Христовой церкви. Мы по старому закону идемъ, а ты новый нашель. Еретикъ ты! Сочинитель нововодства! Ты сквернѣе Никона...

— Вонъ всѣ отсюда, а то я кликну полицію и васъ, оглашенныхъ, по моему приказу, заберутъ всѣхъ въ клоповку, за буянство.

— Ты грозись! Полицію!.. Врешь, иродь! Ты собиралъ на моленную деньги отъ насъ, выкажь, — куда ты ихъ подѣвалъ? приставалъ. Трушинъ.

— Я хозяинъ здѣсь! Моя моленная...

— Мы соучастники въ ней! Наша лепта тутъ.

— Алтынники вы этакіе; на ваши деньги хлѣва коровѣ не выстроишь, не точію Божьяго дома.

И долго-долго раздавалась подобная руготня подъ сводами моленной, въ чаду ладана, при угасшихъ уже свѣчахъ предъ иконами. Сторожъ сначала поддерживалъ горѣніе свѣчъ предъ иконами, вѣроятно думалъ, что руготня эта служить продолженіемъ службы и посему нельзя гасить свѣчей у иконъ, но когда ругань затянулась на долгіе часы, а свѣчи одна за другой догарали, то онъ постепенно гасилъ ихъ, не замѣняя новыми свѣчами. Всѣ кричали, шумѣли, толкали другъ друга, бѣгали по моленной, точно угорѣлые. Говорящихъ было много, но слушавшихъ мало. Страсти разгорѣлись до высшей точки кипѣнія. Кричали мужчины, имъ вторили женщины. Калининъ отгрызался одинъ отъ всѣхъ.

— Вы, чернохвостницы, куда лѣзете!—кричалъ Калининъ на женщинъ.—Ваше дѣло лѣстовка да подручникъ. Тоже разсуждать о богословіи...

— И у насъ душа, а не тряпка. Намъ тоже спасенье-то нужно... Предатель!—отвѣтили женщины.

Въ защиту Калинина выступилъ сторожъ моленной.

— Коли не хотите воду почитать, почто же облай держать на Ивана Макарыча? Идите въ мирѣ и ладно. Чать наутѣшились...

— Молчи, наемная душа! разомъ опрокинулась вся толпа на сторожа. Твое дѣло свѣчки ставить, да моленную мести. Ишь какой защитникъ выискался! Носомъ видно разумѣешь писаніе-то, а не глазами. Сторожъ ступевался, но взамѣнъ его вмѣшался наставникъ Сергѣй Леонтьевъ и сказалъ:

— Если, братіе, наша вода не въ угоду вамъ, такъ отложимъ ее. А то праздникъ развратили, службы Божіей не прикончили, предались сварамъ, начали единъ другому стропотно стужати—нешто это богоугодно? Довлѣетъ сложитися, да не борзо, не ротитися и не быть ругателемъ.

— А кто же и развратилъ праздникъ Господень, какъ не вы съ Калининымъ!—крикнулъ Трушинъ. Законникъ! По книжному, тоже, ведетъ рѣчь, а самъ и смуто-то учинилъ. Коли въ головѣ держишь Божіе писаніе, зачемъ ты учинилъ свое нововводство? Ты поручатель закона Христова! Ты отметникъ истинной вѣры! Выкажь на книгѣ о своихъ дѣлахъ? Не можешь? А еще отецъ! Какой ты учитель! Тебя Калининъ на уздѣ держитъ. Ну и пей съ нимъ свою воду. Отступникъ ты теперь, а не отецъ!

— Кому же и хлебать какъ не имъ, затѣйщикамъ, поддакнули другіе. Нешто мы прикоснемся до нея.

Наставникъ смолкъ.

Не принимали участіе въ спорѣ изъ за воды только молодые парни и дѣвушки, которые, какъ только почували руготню своихъ стариковъ, смигнулись и тотчасъ вышли изъ моленной на дворъ. Они разбрелись—кто куда! Одни ушли въ келіи богомолокъ, другіе разсыпались по двору моленной, выбирая болѣе скрытыя мѣста. У ребятъ съ дѣвками—своя бесѣда и шла она гораздо покойнѣе, мирнѣе, чѣмъ это было

въ моленной. Для послѣднихъ и долгая служба, во время которой принято въ старообрядчествѣ уходить изъ моленной для отдыха, и разные споры о вѣрѣ, были на руку,—они давали возможность видѣться съ дѣвушками, бесѣдовать на единѣ и пр. пр., каковыя поступки молодыхъ людей не считаются въ расколѣ предосудительными.

Въ разгаръ спора въ моленную вошла купчиха Елизавета Михайлова Губина.

— Будетъ вамъ, старики, лаяться-то между собою!—сказала она.—Чать натѣшились уже. Который часъ ведете эту канитель! Не пригодна вода, не вышла по правилу, по христіански, ну и въ отставку ее, а потомъ посовѣтовали промежь себя, да соборнѣ уложили какъ сдѣлать другую, чтобы она вышла настоящей святой водой. А то и чешутъ языки. Пора на разговѣнье держать ноги, а вы все толкуетесь.

— Правду, матушка Елизавета Михайловна, рекла.—сказалъ наставникъ.—Святое слово положила въ нашу бурную храмину.

— Да право! Ишь распѣтушились для праздника-то Господня. Инда потъ со всѣхъ!.. Умаялись, сердечные

Слова Губиной—точно ушатъ холодной воды. Всѣ какъ-то смолкли, притихли на время, какъ бы оцепенѣли и изобразили собою знакъ удивленія. Купецъ Трушинъ первый вывелъ изъ этого неловкаго положенія собравшееся общество: онъ тотчасъ положилъ 3 поклона и вышелъ изъ моленной; за нимъ пошли и другіе. Остались Калининъ и Губина. Слова послѣдней „не пригодна вода—въ отставку ее“ крѣпко не понравились ему. Отступить отъ своей воды для него было тяжело.

— Тебя еще недостовало тутъ! съ досадою сказалъ онъ и вышелъ изъ моленной.

— Его же выручила, а онъ на меня рычить. Ахъ ты, оглашенный, самолюбя! Мало тебя, видно, чесали старики то! и поплелась за нимъ въ догонку.

II.

Собрался соборъ старообрядцевъ. Въ той же моленной собрались разсуждать и чинить судъ и расправу надъ своимъ главою, купцомъ Калининымъ, обвиняя его въ ново-вводной

ереси. Всѣ успѣлись чинно и строго въ порядкѣ старшинства и матеріальнаго довольства. Меньшій купецъ сидѣлъ дальше отъ стола, состоящій при большомъ капиталѣ—ближе къ столу и руководителю. Наставникъ моленной Сергѣй Леонтьевъ уклонился отъ участія въ засѣданіи; онъ вѣрилъ въ могущество Калинина и не допускалъ мысли, чтобы всѣ эти соборяне могли сломить его силу. Купецъ Трушинъ—виновникъ этого собранія, сѣлъ на предсѣдательское мѣсто и открылъ засѣданіе. Вдругъ въ моленную вошелъ Калининъ. Никто не зналъ его пріѣзда; всѣхъ смутило его появленіе. Калининъ помолился Богу, прошелъ впередъ и, никому не поклонившись, запальчиво крикнулъ:

— Что, ироды вифліемскіе! Судить меня слетѣлись? Пустошная думаете трезвонить въ семь св. храмѣ. Не что для того я строилъ его, чтобы ваше богомерзкое собраніе сквернило его.—„Домъ мой, домъ молитвы наречется“, сказалъ Ісусъ Христосъ. А вы для чего собрались? Читать путемъ не умѣете, а лѣзете разсуждать о дѣлахъ духовныхъ. Алтынныя благочестники! Туда же соборъ строить, проклятіе выводить...

— Да ты, что рычишь то? Подданные, что ли мы тебѣ? Срамникъ этакій! Совѣсти то въ тебѣ не завѣталось, возразилъ Трушинъ.

— Есть предъ кѣмъ совѣсть высказывать. Чести много. Вонъ отсюда! Вонъ пока цѣлы.

— Самъ убирайся отъ судова! Мы собрались для дѣла и тебя не звали. Зачѣмъ пришелъ?

— Я хозяинъ здѣсь. Убирайтесь пока цѣлы, а то сейчасъ полиція придетъ и васъ, еретиковъ, всѣхъ до одного перевяжутъ. Я ужъ былъ въ части и говорилъ о вашемъ сборищѣ.

При словѣ „полиція“ у соборянъ затряслись ноги, съежились фізіономіи и всѣ какъ то „заерзали“ на своихъ мѣстахъ. Никто изъ нихъ не ожидалъ такого поступка со стороны Калинина. Они хотѣли по христіански, по Кормчей книгѣ судить его за новшества, а онъ, извольте видѣть, полицію пригласилъ въ моленную, и, быть можетъ, наговорилъ ей объ нихъ, Богъ вѣсть что. Быть можетъ, выдалъ ихъ какими нибудь зловредными людьми и ихъ въ самомъ дѣлѣ аресту-

ютъ. Богъ съ нимъ и съ соборомъ! Не до суда ужъ надъ Калининымъ! думали соборяне. И точно варомъ обваренные, мигомъ вскочили они съ своихъ мѣстъ, переглянулись, пошептались и разомъ крикнули: „Будь ты, Иванъ, отнынѣ трижды анаѣема проклять! Богомерзкая и вода твоя! Пей ее самъ во всю свою утробу, а мы плюемъ на нее“...

Одинъ за другимъ соборяне вышли изъ моленной. Всталъ предсѣдатель собора, купецъ Еремѣй Силычъ Трушинъ, и, помолвившись предъ иконами, плюнулъ на землю 3 раза и сказалъ:

— Больше я не ходокъ сюда въ моленную. Молись Калина одинъ, а мы будемъ собирать свое собраніе. Только знай, что ты проклять и анаѣемская вода твоя признана нами за ничто. Плевокъ ей! Пей ее самъ...

И Трушинъ еще разъ плюнулъ на землю и ушелъ изъ моленной.

— Подлая душонка! ворчалъ Калининъ.—Въ люди лѣзетъ тоже! Начальствовать хочется, вотъ и давай мутить людей, а они, точно бараны какіе, и полѣзли за нимъ. Скоты безрогіе! Скажи только: ересь проявилась! новшество! ну и повалять за тобою. Благочестники, раздуй васъ горою... Кнутомъ бы васъ всѣхъ перепоротъ.

Долго разговаривалъ самъ съ собою купецъ Калининъ, ходя по моленной, глубоко разстроенный. Онъ выкинуть изъ общества, какъ зараженный членъ, выброшенъ за бортъ съ позоромъ и посмѣяніемъ. Злоба давила его сердце.

— Что, Серега, мы одни съ тобою? обратился онъ къ наставнику, стоявшему въ молчаніи.

— Одни, Иванъ Макарычъ,—отвѣчалъ наставникъ.

— Пойдемъ домой, тамъ мы обсудимъ какъ должно,—сказалъ Калининъ.

Наставникъ взялъ ключи отъ моленной, передалъ ихъ Калинину и вмѣстѣ съ нимъ отправились обсуждать свое изолированное положеніе,

III.

Калининъ богачъ, содержатель маслобойныхъ заведеній въ г. Саратовѣ. Мальчишкой отдала его мать къ купцу Черно-

рылову въ услуженіе, у котораго онъ и прошелъ суровую школу, научившись обсчитывать мужиковъ, обманывать ихъ въ приѣмкѣ сѣмянъ и пр. и пр., что онъ видѣлъ подъ рукою своего хозяина и его приказчиковъ. Мальчишка онъ былъ шустрый, бойкій и быстро воспринималъ и усваивалъ все видѣнное имъ. За это онъ приглянулся купцу Чернорылову и сталъ ему по душѣ. Не долго думая, купецъ призвалъ однажды Ванюшку въ свой кабинетъ и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Вотъ что, Иванъ, говорилъ Чернорыловъ, ты ужъ сталъ взрослый парень; по дѣлу выравниваешься и дѣлаешь все такъ, какъ я люблю. Надо по этому и жизнь начинать какъ слѣдуетъ.

Ванюшка стоялъ и хлопалъ глазами, не понимая, чего хочетъ отъ него хозяинъ. Въ данную минуту его занимала обстановка богатаго дома Чернорылова.—И живутъ же люди! думалъ онъ. На полу чисто, мягко,—хоть спи безъ всего! Стѣны гладки, узорчатые и всѣ увѣшанныя дорогими картинами. Въ углахъ всѣхъ комнатъ „святые“ стоятъ,—что солнце блистаетъ! А какая ѣдба готовится на хозяйской кухнѣ! Всего много и въ разныхъ видахъ стряпаетъ Кузминишна. Умирать не надо въ такой жизни!

— Ты по какой вѣрѣ-то состоишь? спросилъ Чернорыловъ Ванюшку, выводя его изъ области зародившихся мечтаній: какъ бы попасть на такую линію жизни.

— Я ваше степенство, дяденька, не знаю этого.

— Вонъ—какъ! Даже своей вѣры не знаешь! Хорошо. Что же ты—татаринъ, аль къ Христу малость прикасаешься?

Ванюшка понялъ.—„Мы, дяденька, по російской вѣрѣ состоимъ, отвѣчалъ онъ. У насъ все село такой вѣры придерживается, и другой нѣтъ.

— Значитъ по Никоновой церкви идешь?

— По російской. А попомъ у насъ о. Василій; онъ и церкву строилъ въ нашемъ селѣ. Давно ужъ живетъ!

— Не понимаешь, о чемъ я говорю тебѣ. Слушай больше, что говорятъ тебѣ знающіе. Я самъ былъ этакой то, никоновецъ, какъ ты, и также шатался въ російскую церкву; да усмотрѣлъ, что никакого толку въ этомъ нѣтъ—ересь одна!

Оскверненье принесъ въ нее Никонъ, ну и заразилъ всѣхъ. А такимъ нечестивцамъ Богъ не помогаетъ въ жизни; всегда они будутъ скитаться между другихъ людей, да нищенствовать.

Ванька не зналъ — о какомъ Никонѣ говорить ему хозяинъ, когда у нихъ въ селѣ состоитъ попомъ о. Василій? Онъ и церковь строилъ у нихъ, онъ и крестилъ его, въ его церкву съ мальчишками онъ бѣгалъ иногда къ службѣ, правда, рѣдко это бывало, потому что Ванюшка росъ сиротою, при одной матери, жилъ съ нею „проголодь“, а одѣться было не во что. Зимой онъ сидѣлъ на печкѣ, а по лѣтамъ его нанимали пасти свиней. Все же доходъ матери! Поэтому онъ выросъ безъ грамоты, между скотами и такими же невѣжественными, полными всякихъ суевѣрій, людьми, какъ и самъ былъ.

— Такъ вотъ, жалѣючи тебя, малаго, къ тому же ты сирота, безродный, значить, я и говорю тебѣ: брось ты эту окаяннщину, что Никонъ выдумалъ. Никакихъ толковъ у тебя съ этой вѣрой не выйдетъ. Былъ нищимъ, нищимъ и останешься навсегда, убѣждалъ Чернорыловъ.

— Я, дяденька, ничего не знаю поэтому, робко сказалъ Иванъ.

— Знаю! Потому то и говорю тебѣ, что ты ни белмѣса еще не понимаешь, гдѣ есть истинная вѣра, а гдѣ облыжная, такъ себѣ, одна прикраса. Я теперь въ истинной вѣрѣ пребываю, вотъ и присоединяйся къ нашему стаду. Ты будешь тогда настоящій истинный христіанинъ, и душѣ будетъ спасительно и пользительно, да и жить то будешь, какъ настоящій человекъ. Никоновцы что? такъ себѣ мотылятся въ свѣтѣ, какъ оглашенные. Я на нихъ и смотрю то, не какъ на людей, а такъ себѣ, въ родѣ безчувственной, не понимающей коровы. Чего они знаютъ? ничего. Они и своего то обряду не придерживаются. Мало чѣмъ отъ скотины рознятся. Такъ согласишься къ намъ приобщиться?

— Надо, дяденька, мамкѣ написать, какое слово будетъ отъ нея?

— Мать твоя столько же знаетъ, сколько и ты. Раздумывать тутъ нечего—переходи и ладно. Сейчасъ я перевожу тебя на свою кухню, питаться ты будешь съ нашими христіанами, чтобы отъ никоновцевъ особо. Приказчики у меня, знаешь, всѣ

по моей вѣрѣ; страпуха—тоже; по горницѣ всякій услужающій—свой человекъ. Жалованье положу, тоже, не какъ никоновцу. Во всемъ будешь улагодворенъ! Брюки, сюртукъ, что къ износу, все тебѣ пойдетъ тогда. Въ моленную поѣду, завсегда со мной. Ты еще не знаешь нашей службы,—растаешь, когда увидишь.

Иванъ все слушалъ, слушалъ и только и понялъ одно, что хозяинъ предлагаетъ ему перейти въ его вѣру и общаетъ осыпать его за это великими милостями. Тутъ и жалованье пойдетъ больше, и кормить будутъ лучше, почетъ дають предъ всѣми другими людьми, которые идутъ не по хозяйской вѣрѣ. Чего же думать? За что держаться? Чего отстаивать? Какая вѣра и въ чемъ она состоитъ? ничего этого онъ не зналъ. Онъ видѣлъ только пользу, выгоду, удобства въ жизни. Все это ему предлагаютъ—отчего же не согласиться на это? Какія препятствія къ этому? нѣтъ ихъ. И Иванъ бухнулся въ ноги хозяину, проговоривъ:

— Пожалѣйте меня, дяденька! Я ничего не знаю.

— Согласенъ?

— Изъ воли вашей не выйду.

— Вотъ это молодецъ! Клади теперь „началь“ по христіански. Не знаешь? По этому то никоновцы и пропащіе люди, что ничего въ нихъ нѣтъ христіанскаго. Точно басурманы! Ни лба не умѣютъ окрестить, ни молитву произнести, ни поклона сдѣлать—ничего. На вотъ тебѣ „подручникъ“, „лѣстовку“, становись лицомъ къ Богу—училъ Ивана Чернорыловъ. Ноги то сдвинь вмѣстѣ! Что ты раздвинулъ ихъ точно ворота. Дьяволу проходъ учиняешь. Одну руку, лѣвую, клади на животъ, а не въ растяжку; другой складывай крестъ по христіански, а не по Никонову уже узаконенію. Чернорыловъ сложилъ Ивану персты. Клади теперь 2 перста на лобъ, потомъ на пупокъ, на правое плечо и потомъ на лѣвое. Говори за мною: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Кланяйся. Не такъ Ниже кланяйся, что бы хребетъ чувствовалъ. Такъ, никоновцы только киваютъ, а у христіанина поклонъ долженъ быть наравнѣ съ поясомъ.

Иванъ кое какъ съ трудомъ положилъ „началь“ предъ иконами, снова поклонился хозяину въ ноги, за что послѣдній поцѣловалъ его.

— Теперь ты нашъ, сказалъ Чернорыловъ. А по времени мы сдѣлаемъ тебѣ исправу. Затѣмъ онъ крикнулъ жену и представилъ ей Ивана, какъ своего христіанина.

— Порадуйся, Андревна; Иванъ пошелъ по нашей вѣрѣ.

— Уже ли? крикнула она, обрадовавшись и сіяя лицомъ.

— Сейчасъ „началь“ положилъ, отвѣтилъ Чернорыловъ.

— Ахъ, Ваня, какъ это хорошо ты сдѣлалъ. Теперь ты нашъ, свой человѣкъ. Теперь мы тебя таитья не будемъ. Есть ли у тебя рубашки-то? На чемъ ты спишь?

— Ну объ этомъ послѣ, прервалъ Чернорыловъ затараторившую было жену.

Иванъ сдѣлался старообрядцемъ и всецѣло воспринялъ вѣру и всѣ обычаи своего хозяина. Его стали звать Иванъ Макарычъ; хозяинъ приблизилъ его къ себѣ и сталъ относиться съ большимъ довѣріемъ. Ему поручалась уплата денегъ, продажа товара, его посылали на разныя закупки. Иванъ пользуется хозяйскимъ столомъ, живетъ при комнатахъ „самого“, вмѣстѣ съ нимъ ѣздитъ въ моленную, на биржу въ среду купцовъ. Вскорѣ Чернорыловъ нашелъ для него невѣсту, свою богатую племянницу Оевронью Андреевну, женилъ его и, какъ бездѣтный, прилучилъ ихъ къ своему семейству. Иванъ сталъ какъ бы сыномъ хозяина. Приданое Ивана приобщилось къ капиталу Чернорылова и оборотъ торговли усилился.

Чернорыловъ держался секты бѣглопоповцевъ, но поповъ не имѣлъ. Секта эта иначе называется старопоповщиною. Поповъ у нихъ нѣтъ потому, что послѣдніе идутъ въ расколъ за деньги, а не по убѣжденію, а они такихъ не желали имѣть. А такъ какъ по убѣжденію къ нимъ никто никогда не приходилъ, то они превратились какъ бы въ безпоповцевъ и службу правили по чину этой секты. Отъ послѣднихъ они отличались только тѣмъ, что вѣрили въ священство и причащались водою, за что ихъ звали еще „водяниками“. Въ моленной Чернорыловъ былъ „столпъ“ и утвержденіе секты. Онъ вѣдалъ всѣми дѣлами моленной, обстраивалъ ее, украшалъ и распоряжался въ ней какъ у себя въ домѣ. Калининъ и здѣсь сталъ у него правой рукой. Однажды Чернорыловъ плотно пообѣдалъ, пошелъ въ кабинетъ, закурилъ сигару (тихонько отъ своихъ онъ баловался этимъ новшествомъ и не считалъ

это грѣхомъ), пыхнулъ раза три—четыре, вдругъ повалился на спинку кресла, да такъ и умеръ отъ паралича, сидя въ креслѣ. Увидѣли его позднею уже, сигару кое какъ вытащили изъ рукъ мертвеца, но пальцы такъ уже окоченѣли, что сложить изъ нихъ крестное знаменіе не могли. Конечно о сигарѣ молчокъ, о скоростижной смерти тоже, докторовъ совсѣмъ не приглашали и Чернорылова похоронили со славою и честью, яко истиннаго христіанина. Калининъ воздалъ Чернорылову подобающую сыновнюю честь: онъ поставилъ 3 неугасимыя псалтыри въ домѣ—одну въ его кабинетѣ, другую въ его спальнѣ, третью для парада въ залѣ. Въ моленной 40 дней служили всенощныя „Успенію Бож. матери“ и панихиды. Обѣды, раздача денегъ производились ежедневно. За то и капиталъ Чернорылова во всей цѣлости перешелъ въ карманъ Калинина.—„Сынъ такъ не будетъ убиваться; а это чужой человѣкъ и вдругъ такое соболѣзнованіе о почившемъ“, говорили раскольники про Калинина, видя его хлопоты на поминкахъ Чернорылова.—„Хорошій человѣкъ! Истинный христіанинъ!“ А Калининъ былъ себѣ на умѣ; ему хотѣлось показать себя предъ раскольниками, овладѣть ихъ довѣріемъ и стать на мѣсто умершаго купца Чернорылова. И онъ легко достигъ этого. Онъ сталъ руководить обществомъ раскольниковъ, конечно, не забывая своихъ интересовъ. Чернорыловъ много тратилъ своихъ денегъ на содержаніе моленной и ея богомольцевъ, а Калининъ сумѣлъ такъ поставить дѣло, что изъ самой моленной извлекалъ для себя доходы, и содержать ее ему ничего не стоило. Конечно, это былъ его секретъ, но не всѣ же въ составѣ общины были настолько наивны, что не могли этого видѣть. Прежде всего усмотрѣла эту тайну Калинина хозяйка мѣста, на которомъ стояла моленная, купчиха Елизавета Губина, сообщила объ этомъ Трушину Ермилу Силычу и вотъ затлилась малая искорка вражды и зависти къ Калинину, раздуваясь при благоприятномъ случаѣ въ настоящій пожаръ. Говорятъ, отъ восковой свѣчи Москва сгорѣла. Такъ и здѣсь малая искорка произвела пожаръ въ умахъ раскольниковъ.

IV.

Прійдя домой, Калининъ приказалъ Андревнѣ подать въ кабинетъ графинъ живительной влаги. Здѣсь, усѣвшись съ наставникомъ, онъ налилъ 2 рюмки водки и сказалъ:

— Благослови, отецъ!

— Христось благословить насъ съ тобою—отвѣтилъ наставникъ. Но руки не поднялъ и креста не сдѣлалъ.

Выпили, повторили разъ, другой, третій...

— Ахъ, оглашенные, ругался Калининъ. И все это Еремейка Трушинъ. У него всегда былъ зубъ на меня.

— Конечно. Кабы не онъ сунулся первый съ словомъ, кто бы рѣшился препону дѣлать. Его уста открылись, а потомъ ужики его *) за нимъ и другіе знаеміи.

И насолю же я ему, мерзавцу! Я покажу какъ идти поперекъ дороги Калинина.

— И довлѣтъ восхитити его.**) Почто онъ яко вранъ похищаетъ достояніе наше?

— Не будь я Калининъ, если я не оторву оба крыла у этой вороны. Помнить будетъ меня. Выпьемъ отъ тоски душевныя.

— Вино веселитъ сердце человѣческое, выпивая поддакнулъ наставникъ.

— Знаю. Но какъ мы теперь будемъ дѣйствовать съ тобою?

— Будемъ службу Божію совершать отдѣльно...

— Не въ этомъ сила, отецъ. Молитву устроить не долго, а нужно поставить дѣло такъ, что мы правы и въ истинной вѣрѣ пребываемъ, а они—лжецы и въ ереси обрѣтаются.— Понялъ?

— Невмѣстительно что-то.

— Ну и не вмѣшай: самъ обдѣлаю все. Слушай только.

— Могу ли не слушать своего милостивца. Каждое слово соблюду въ сердцѣ и дѣяніяхъ.

*) Славян. „ужикъ“—сродникъ, родственникъ.

***) Восхитити—поймать, схватить, отнять, присвоить...

— Они отвергли нашу священную воду, подумавъ, заговорилъ Калининъ. Они сочли и самое священье наше за ересь. А лучше ли та, что они берутъ прямо изъ Волги ночью? Кто тамъ святить ее? Если, къ примѣру, я возьму воды, потомъ татаринъ со мною возьметъ ее въ это время, значить у обоихъ насъ святая вода? А тако ли ихъ ученіе? Они поучаютъ, что единственно святая вода существуетъ только у нихъ, какъ истинныхъ христіанъ, у прочихъ же не бываетъ ее, какъ иновѣрныхъ лицъ. А гдѣ такой сказъ положенъ въ книгахъ? Пусть отыщутъ его намъ! Помнишь Ефимку сторожа?

— Какъ же! Дуракъ былъ превеликій. Бывало только и смотреть на молящихся; чуть кто не донесъ руку съ крестнымъ знаменіемъ до пупа, онъ ужъ тутъ.— „На пупокъ клади! На пупокъ, родимый! учить онъ. А самъ ищетъ его по животу, да и тычетъ въ него. Съ мужчинами-то еще ничего, а дочерямъ Еввы много надоѣдалъ и конфузиль ихъ предъ народомъ. Сколько жалобъ было! Но покойникъ,—царство ему небесное!—вашъ богоданный родитель, защищалъ его и покровъ держалъ надъ нимъ. Скажутъ ему, что онъ женщину посрамляетъ, ища у нихъ „пупъ“, а онъ таково милостиво и улыбаючись, отвѣтствуетъ: не утащить вѣдь онъ его, пупокъ-то сиречь? На мѣстѣ держится? Ну и Богъ съ нимъ! Что съ юродиваго взять! Юродивые люди Богу любезные. Такъ все и сходило.

— Такъ вотъ этотъ же самый Ефимка и принесъ воды изъ Волги подъ крещеніе и поставилъ ее въ сѣняхъ моленной. Подошла корова и давай ее локать. Отогналъ ее Ефимка, но объ этомъ причащеніи коровы никому ни слова. Такъ и разобрали ее по домамъ. Теперь ты какъ судишь объ этомъ: какая это была вода? Сначала корова пила, а потомъ—люди.

— Какая ужъ святая!

— Коровья это святыня-то, вотъ что! Нашу воду похулили, а такую воду одобряютъ. Мы надъ своей-то служили, слова Божіи произносили и она, по ихъ, негодной стала; а у нихъ въ рѣкѣ-то кто святить. Скотина или никоновцы! Тутъ имъ и оправданья ни на полушку. Куда ни повернись—тѣсно и обрывъ надъ пропастью.

На этомъ собесѣдники и вершители дѣлъ раскола кончили свой уединенный разговоръ. Да и пора уже было! графинь былъ пусть, головы у обоихъ шумѣли угаромъ, языкъ плохо шевелился, а ноги едва дотащили ихъ брѣнное тѣло до постели. Ни „начала“, ни вечернихъ молитвъ, такъ обычныхъ въ старосбрядчествѣ, читать не пришлось обоимъ. Едва только они дотронулись до подушки, какъ сонъ смежилъ ихъ очи и они захрапѣли во всѣ свои носовыя завертки. Но все это было тихо, секретно, вдали отъ людей, а наступившая ночь покрыла густымъ покровомъ какъ нашихъ ратоборцевъ, такъ и давно уже спавшій, обширный г. Саратовъ.

V.

Прошло 2 недѣли. Калининъ забралъ изъ моленной всѣ свои вещи и перевезъ ихъ домой. Книги, иконы, утварь, мебель и пр. все было забрано и расположено въ особыхъ комнатахъ, отвѣденныхъ подъ моленную. Прежняя моленная опустѣла. Всѣ жертвы прихожанъ пропали безслѣдно. Ограбленіе моленной Калининъ сдѣлалъ сразу, неожиданно и, нагрузивъ воза, онъ помолился, плюнулъ и произнесъ проклятіе на Трушина. Тотъ же наставникъ Сергѣй Леонтьевъ сталъ „отечествовать“ у него и тѣже самые уставщики повели у него службу. Явились и прихожане. Въ первую же службу къ нему явилось нѣсколько старухъ и стариковъ, которыхъ Калининъ ласково принялъ и одѣлилъ деньгами, прося ихъ привлекать въ его моленную и другихъ лицъ. Въ слѣдующій разъ число богомольцевъ увеличилось. Старушенція, какъ живая реклама, пропагандировала о немъ и молельнѣ всюду, зазывая къ нему прежнихъ прихожанъ. Самъ Калининъ всячески старался обставить свою молельню, какъ можно лучше. Онъ накупилъ новыхъ крупныхъ подсвѣчниковъ, подвѣсилъ паникадило, увеличилъ число пѣвцовъ на клиросѣ, устраивалъ обѣды, подачки и число его прихожанъ росло съ каждымъ праздникомъ. Нѣкоторымъ изъ денежныхъ старухъ Калининъ предложилъ выстроить во дворѣ у него кельи, чтобы ближе ходить къ службѣ, а деньги передать ему на храненіе, за что обѣщаль кормить

ихъ даромъ, пока онѣ живы. Статья эта въ расколѣ очень доходная. Построить старикъ или старуха себѣ келью, живетъ милостыней, деньжонки копить и остаются они въ полное распоряженіе „милостивца“ — содержателя моленной. Словомъ, Калининъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы моленная его получила прочное существованіе и давала ему денежный доходъ во всѣхъ частяхъ: въ продажѣ свѣчъ, ладана, масла и разныхъ сборахъ на моленную, разумѣя въ этомъ числѣ и ублаженіе полици. Что касается богоявленской воды, то онъ утратилъ всякую вѣру въ эту воду и рѣшилъ не совершать больше никакого освященія воды, найдя его совершенно излишнимъ. вмѣсто воды Калининъ нашелъ другое освященіе вѣрующимъ, именно: онъ объявилъ своимъ послѣдователямъ, что добылъ съ Иргиза частицы отъ запаснаго агнца, которыя и будетъ раздавать чрезъ наставника на случай смерти или тяжелой болѣзни. Ему повѣрили: богоявленская вода была оставлена, а сухари просфорные, подъ именемъ древняго агнца, пошли въ ходъ. Такъ создалась секта „сухарниковъ“, виновникомъ которой явился Калининъ. Гдѣ и какъ отыскалъ онъ эти древнія частицы запаснаго агнца, это остается тайною самого именитаго купца Ивана Макарова Калинина и его собесѣдника, наставника Сергѣя Леонтьева. Зародышъ этой тайны образовался въ указномъ кабинетѣ Калинина при условіяхъ далеко не религіознаго характера. Изъ предшествовавшей главы читатель видѣлъ причину зарожденія этой мысли Калинина: она имѣетъ почву ненависти, злобы, а согрѣта и вырощена нашей всероссійской влагой.

VI.

Между тѣмъ, какъ Калининъ дѣйствовалъ съ наставникомъ, стараясь по прежнему упрочить свое положеніе въ расколѣ, купецъ Еремѣй Силычъ Трушинъ работалъ въ свою пользу. Прежнюю молельню, отъ которой отказался Калининъ, онъ оставилъ за собою, т. е. помѣщеніе это онъ заарендовалъ у Елизаветы Губиной по той же цѣнѣ, какую платилъ ей Калининъ. Книгъ, иконъ, утвари, все это онъ накупилъ на

свои деньги. Единственно, въ чемъ перехитрилъ его Калининъ, это въ томъ, что переманилъ къ себѣ наставника, пѣвцовъ, которыхъ по скорости онъ не могъ добыть. Моленная была готова, но править уставъ службы было некому, тогда какъ въ моленной Калинина служба шла своимъ чередомъ. Это былъ дорогой моментъ, котораго по неопытности своей, купецъ Еремѣй Трушинъ не предвидѣлъ. Та часть общества, которую увлекъ въ это время Калининъ къ себѣ, именно обязана была этому обстоятельству. Черезъ 3 мѣсяца слишнимъ Трушинъ нашелъ себѣ 2-хъ уставщиковъ и служба пошла своимъ чередомъ; но наставника онъ долго не могъ отыскать для своей моленной. А когда и образовался весь этотъ комплектъ, все же это были люди новые и въ городѣ, и въ обществѣ, находились первое время точно въ лѣсу и посему не могли быть надежными помощниками Трушина. Они никого не знали, и ихъ никто не вѣдалъ. Но Трушинъ не унывалъ; онъ достигнулъ своей главной цѣли и, хотъ въ маломъ обществѣ, сталъ первымъ и на виду у всѣхъ. По примѣру Калинина онъ также сталъ продавать церковныя вещи и собирать пожертвованія на нужды и украшеніе моленной. Его уже не волнуетъ болѣе, не душитъ злоба и ненависть на Калинина— онъ самъ теперь такой же глава и руководитель своего общества, самъ—Альфа и Омега, какъ и Калининъ. Стоя на почетномъ мѣстѣ въ моленной, встрѣчая поклоны отъ всѣхъ, онъ таетъ въ душѣ, радуется, что сломилъ-таки своего врага. Не молитвою умъ его занять, а собственнымъ честолюбивымъ положеніемъ въ обществѣ. Давно онъ домогался этого положенія, давно стремился къ этой почести и слегка подтачивалъ кое-гдѣ опоры Калинина, но именно слегка, потому что иначе нельзя было дѣйствовать. Требовалась и осторожность, и тактика, и благоразуміе. Къ тому же, онъ Ерема Трушинъ недавно еще вышелъ въ крупные купцы, а до этого онъ состоялъ при маленькомъ капиталѣ. Ну, а маленькому человѣку бороться съ великаномъ и трудно, и смѣшно. Подошла сила, почувствовалъ человѣкъ себя въ равной степени и цѣнности съ Калининымъ—отчего и не лягнуть. И адская работа забила ключомъ. А тутъ представился и моментъ, удобный моментъ, котораго надо ждать годами и то не скоро дождешься:

Калининъ вводитъ новшество въ обществѣ древнихъ христіанъ. Чего лучше! Стоитъ только шепнуть въ народѣ: ересь, моль, братцы, заводится у насъ. Кабы душу не погубить. И готово. Ересь для темнаго человѣка, да еще старообрядца, страшное слово. Оно напоминаетъ эпидемію въ родѣ чумы, холеры и т. д. Подъ вліяніемъ этого слова, человѣкъ готовъ лѣзть на ножи, готовъ изорвать въ клочки нововводителя ереси. Изъ быта раскольничей жизни мы видимъ, что на своихъ соборахъ старообрядцы рвутъ бороды, вышибаютъ одинъ у другого зубы, дерутся книгами, восковыми свѣчами, чтобы отстоять иной разъ не только какую-нибудь мысль въ ученіи вѣры или обряда, а просто понравившуюся букву или слогъ письма. Одни поютъ и читаютъ, произнося слово „Христось“, другіе выкинули букву „ъ“ и произносятъ это же слово „Христосо“. Однимъ нравится буква „ъ“, другимъ—„о“. И изъ этого 2 вѣры существуютъ, 2 отдѣльныхъ общества, которыми руководятъ такіе же грамотѣи, которые дальше указанныхъ буквъ „ъ“ и „о“ ничего не знаютъ и не понимаютъ. Этою-то темною силою народа и этимъ-то страшнымъ словомъ и воспользовался купецъ Еремѣй Трушинъ въ борьбѣ съ своимъ врагомъ Калининымъ. И ударъ вышелъ мѣткій и вѣрный.

VII.

Прошло 2 года—время постоянной и неутомимой борьбы Калинина съ Трушинымъ. За это время не мало честили они другъ друга разными укорительными именами. Слова „водяникъ“ и „сухарникъ“ сразу какъ-то всплыли наружу и прочно установились за той и другой стороной партизановъ. Кто первый пустилъ эти слова на свѣтъ Божій, кто родилъ ихъ и отгѣнилъ ими характерныя черты двухъ враждующихъ обществъ, бывшихъ когда-то вмѣстѣ и составлявшихъ одно цѣлое, а теперь, благодаря столкновенію 2-хъ купцовъ—Калинина и Трушина, преслѣдовавшихъ свои личныя корыстныя расчеты, расколовшихся на 2 половины, этого доискаться было трудно и невозможно. Насмѣшки, остроты, колкости сыпались обоюдно и беспощадно. Однажды купецъ Калининъ налилъ въ пузырекъ воды и отослалъ его

къ Трушину въ лавку при слѣдующемъ сообщеніи: „у тебя, кажись, все вышло причастье-то, а Волга обмелѣла, посылаю тебѣ изъ своего колодца, надѣюсь, что останешься доволенъ моей водицей. Не много сдохнула она, ну, да для твоихъ-то прихожанъ сойдетъ. Да и то сказать: по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. На эту выходку Калинина Трушинъ не остался въ долгу: разбивъ присланный ему пузырекъ съ водою, онъ купилъ въ портерной лавкѣ сухарей, подаваемыхъ посѣтителемъ при пивѣ, и, запечатавъ ихъ въ пакетъ, отправилъ къ Калинину съ слѣдующей надписью на пакетѣ: „Съ Иргиза вывезъ тебѣ, по пріятельски, древнихъ даровъ, прими и причащайся; не много они, кажется, солоноваты, да ничего, попьешь лучше и здравіе получишь“. Такое кощунство и глумленіе другъ надъ другомъ и надъ тѣмъ, во что, какъ святыню, вѣрятъ сами старообрядцы, долго забавляло и смѣшило обѣ стороны раскольниковъ. Никто не находилъ этой выходки дикой, странной и неприличной для такихъ солидныхъ и по возрасту, и по положенію двухъ богатыхъ купцовъ. Всѣ сочли это какъ простое обыденное явленіе, которое, правду сказать, дѣйстви-тельно обыденное явленіе въ быту старообрядцевъ всѣхъ толковъ и согласій. Въ разгарѣ злобы и вражды, при ссорахъ одной секты съ другою, раскольники отмачиваютъ такія вещи, что „сухарики“ и „пузырекъ съ водицей“ кажутся мизернымъ явленіемъ. Но Калининъ придумалъ еще новую шутку, которую Еремѣй Трушинъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ такомъ видѣ. Камень былъ брошенъ именно съ той стороны, откуда не чаялъ встрѣтить его купецъ Трушинъ, и который такъ крѣпко попалъ въ него, что совершенно вышибъ его съ позиціи и взрылъ подъ нимъ самую почву земли. Шутка заключалась въ слѣдующемъ. Владѣтельница мѣста купчиха Елизавета Губина имѣла при себѣ внука — человѣка, который былъ внѣ раскола и смотрѣлъ на него болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ жилъ при Губиной, безъ всякаго дѣла, а сама она, 75 лѣтъ старуха, была уже и безтолковая и не дальновидная. Трушинъ, заарендовавъ у ней моленную, въ послѣдствіи сталъ убѣждать Губину пожертвовать, въ случаѣ своей смерти, всѣ свои постройки и мѣсто, стоившее въ сложности около 15000 рублей, обществу старообрядцевъ, съ тѣмъ, чтобы послѣд-

нее всегда имѣло здѣсь свою общественную моленную, а около нея построила келіи для желающихъ одинокихъ старообрядцевъ. Губина согласилась; мысль эта приплась ей какъ разъ по сердцу. „Чего лучше! думала она, умру,—останется вѣчный памятникъ по мнѣ. Постоянно будутъ поминать меня, молиться“... Но памятнику этому не суждено было устроиться, онъ былъ разбитъ въ самомъ своемъ проектѣ, и такъ разбитъ, какъ этого никто не ожидалъ, тѣмъ менѣе—сама купчиха Губина... Дѣло въ томъ, что Губина, рѣшивъ отдать все свое помѣстье въ вѣдѣніе старообрядческаго общества, подъ попечительствомъ купца Трушина, откладывала со дня на день совершеніе документовъ на передачу своего имущества, а тутъ и явился къ ней Калининъ и убѣдилъ старуху, что она неразумно дѣлаетъ, отказывая свое имущество обществу, которое, подъ вліяніемъ ли Трушина, или еще кого-нибудь можетъ измѣнить свои убѣжденія и перейти въ иную вѣру, на примѣръ — австрійскую и т. д. Какая же тебѣ будетъ польза отъ ихъ молитвы? говорилъ Калининъ. И нуждаешься ли ты въ ихъ еретической молитвѣ, когда она не освящаетъ человѣка, а еще больше оскверняетъ его?—„На что мнѣ такая молитва ихъ! Не дай Богъ и помыслить объ этомъ. Они кости мои будутъ тревожить,“ шумѣла старуха.—„Такъ подумай сіе, сказалъ Калининъ и въ обманъ Трушину не поддавайся.

Подготовивъ такимъ образомъ старуху, Калининъ обратилъ вниманіе на внука. Послѣднему онъ передалъ, что Трушинъ хочетъ обобратъ Губину и пустить ее по міру. А ея несчастье, ваша погибель. Чего вы смотрите! Открывайте торговлю, ведите коммерцію, а мы васъ поддержимъ и научимъ. Чего капиталу то лежать даромъ! Дѣло пойдетъ блестяще. Подогрѣтый словами Калинина, внукъ Губиной, послѣ долгихъ упрасиваній вымолилъ у старухи порядочную сумму денегъ, открылъ галантерейную торговлю, въ которой онъ ровно ничего не понималъ, да мало и интересовался дѣлами, полагаясь во всемъ на приказчиковъ. Въ торговлѣ не замедлила выйти заминка; внукъ подсунулъ старухѣ подписать, вмѣсто письма къ родственницѣ, денежный документъ, который онъ заложилъ, въ срокъ его не оплатилъ и домъ купчихи Губиной съ „молоточка“ былъ проданъ въ чужія руки, да еще и не старообрядцу.

Новый владѣлецъ не пожелалъ, чтобы на дворѣ у него была моленная старообрядцевъ и Трушину пришлось увы! тащить свое добро въ свою кладовую. Домъ у него былъ тѣсный, устроенъ только для семьи, другое зданіе найти было не легко и служба стала: существовавшая десятки лѣтъ въ этомъ мѣстѣ моленная прекратила свое существованіе. Обширное зданіе моленной новый владѣлецъ тотчасъ приспособилъ подъ квартиру и сдалъ его квартирантамъ. Какъ на зло Трушину и его братіи новые и первые жильцы были актеры саратовскаго театра. „На мѣстѣ святѣ“, вмѣсто пѣнія слова Божія, открылась музыка, пѣкіе пѣсенъ, пошли танцы, ночныя попойки съ дамами; вмѣсто ладана, закурились сигары, папирсы. Сжалось печалью сердце Трушина, а Калининъ торжествовалъ и чувствовалъ себя какъ бы на седьмомъ небѣ своего блаженства. Онъ съѣлъ своего врага, уничтожилъ его въ конецъ, такъ подстроилъ все дѣло, что у Трушина улетучилась и моленная, и 15000 р., къ которымъ онъ такъ ловко подбирался, подъ видомъ благочестія. Для послѣдняго это было величайшее горе, такое событіе, котораго онъ никакъ не могъ забыть и простить этого Калинину. И если послѣдній питалъ къ Трушину сильную злобу и ненависть, прійскивалъ случай такъ или иначе „подкузмитъ“ Трушина, своего врага, то Трушинъ отъ нынѣ сталъ мстить Калинину, воздавая ему „око за око, и зубъ за зубъ“.

VIII.

Безъ денегъ, безъ угла жилища осталась престарѣлая старуха Губина. Легкомысленное отношеніе къ дѣлу внука ея, козни Калининна совершенно разбили ни въ чемъ неповинную старуху. На ней, какъ нельзя лучше исполнилась пословица: „паны дерутся, у хлопцевъ чубы трещать“. Стояла она всторонѣ, купцы Калининъ и Трушинъ дрались между собою и одинъ другого допекали, то насмѣшками, то переманиваньемъ прихожанъ, и въ концѣ концовъ ей же пришлось вынести всю эту распрю на своихъ плечахъ. Ее оставили и безъ денегъ, и безъ жилища, и совершенно безъ куска хлѣба.

И что замѣчательно, оба эти купца нисколько не помогли ей въ критическую минуту ея жизни. Тотъ и другой спокойно отошли себѣ въ сторону, и горѣ старухи нисколько не расположило ихъ сердце помочь ей своимъ участіемъ. Калининъ считалъ себя правымъ и винилъ Губину, зачѣмъ она пустила хозяйствовать въ своей моленной его врага Трушина, а послѣдній сердился на Губину за то, почему она не сдѣлала документа на пожертваніе своего имущества въ вѣчное владѣніе его общества. Оба считали себя вправѣ сердиться на Губину и злорадствовать надъ ея горемъ издали, со стороны...

Находясь въ безвыходномъ положеніи, старуха Губина обратилась къ покровительству богатой купчихи Агафьи Калистратовой Горинной. Послѣдняя, какъ единовѣрка, помогла ей и приняла въ ней горячее участіе. Но это же самое несчастное положеніе старухи навело на мысль Горину—построить свою моленную въ городѣ. Дѣло было кстати и вызывалось необходимостью. Не къ Калинину же было имъ идти? Его моленная находилась въ концѣ города, вблизи кладбища, а кромѣ того онъ измѣнилъ свою вѣру, завелъ какіе то „сухарики“ и этимъ впалъ въ еретичество. Проданная съ аукціона моленная Губиной погибла на вѣки, превратилась въ жилище лицедѣевъ, осквернена и табачнымъ зеліемъ, и скоморошествомъ и играніемъ въ сопѣли и гусли. 'Объ ней приходилось только плакать старообрядцамъ, видя, какъ святое мѣсто ихъ предается поруганію. И они дѣйствительно плакали, какъ плакали жиды о разрушеніи своего іерусалимскаго города и храма. Теперь если бы даромъ отдали имъ эту моленную, они все равно не взяли бы ее, потому что она осквернена уже, а освятить ее отъ скверны у нихъ, по отсутствію священства, никакихъ средствъ къ этому нѣтъ. Вновь построенную они могли бы еще покропить своей „богоявленной“ водой, освятить службою въ ней, ладаномъ, но то—новое зданіе, чистое, не оскверненное жизнью еретика, а здѣсь иная статья. Лѣсъ, камень—твореніе Божіе и посему чистое; а если зданіе и освящается, то потому, что въ постройкѣ его участвовали еретическія руки, которыя своимъ прикосновеніемъ къ божьему творенію осквернили его. Въ силу такихъ соображеній молен-

ную Губиной старообрядцы считали уже погибшей на вѣки. Отъ нея чурались и бѣгали, какъ отъ очага скверны. Ожидать отъ Трушина, когда онъ построить новую моленную, было трудно. Покрайней мѣрѣ въ скоромъ времени ждать этого было нельзя. Да и какая надобность ждать этого и быть въ подчиненіи у Трушина. Купчиха Горина сама имѣетъ средства, — отчего не бросить десятокъ тысячъ на святое дѣло. Остановившись на этой мысли, Горина сообщила ее другимъ своимъ приближеннымъ купчихамъ: Аннѣ Ивановнѣ Дружининой, Пелагеѣ Карповнѣ Виртуозовой и др., всѣ одобрили ея мысль и просили поскорѣе осуществить ее на дѣлѣ.

— Что намъ изъ мужичьихъ то рукъ смотрѣть! Своя моленная свободнѣе: какъ хотимъ, такъ и поставимъ порядокъ въ ней, тараторили купчихи.

— Конечно, согласилась Горина. Своя моленная на что прокладнѣе: сами хозяйева.

Тотчасъ же Горина поручила своему мужу приискать подходящее мѣсто для устройства моленной. Такое мѣсто нашлось на углу Сѣверной и Сервской улицъ — мѣсто въ глухихъ переулкахъ, не дорогое, домъ въ 2 этажа, каменный, дворъ большой и удобный для постройки моленной. Мужъ купилъ это мѣсто и зданіе и подарилъ его женѣ, въ день ея именинъ. А такъ какъ онъ содержалъ свою вѣру особо, чѣмъ жена, то онъ не преминулъ сказать ей при этомъ:

— Хорошо бы, Гаша, принять тебѣ наше древлеистинное священство, да и другихъ своихъ единовѣрковъ уговорить къ этому. А то что вы живете? Ни безпоповцы, ни бѣглоповцы, такъ, ни то ни се.

— Австрію то вашу! злобно огрызнулась жена къ мужу. Откуда это оно стало древлеистиннымъ священствомъ! Отъ Амвросія вышло, а попало въ древнія? Самъ то ужъ путайся въ немъ, а мнѣ этого твоего священства, что бѣглый грекъ сподобилъ васъ, обливанецъ, запрещенникъ, и даромъ не надо. Мы держимся стараго закона. Не соблазняй, не поддамся.

— Съ тобой нельзя бесѣдовать, ты всегда раздражаешься, кричишь, а дѣла не понимаешь.

— Я то понимаю свою вѣру, а ты ровно ни аза не знаешь. Тебѣ что наговорили твои самозванцы, ты и вѣришь во все. Въ шею бы ихъ, треклятыхъ...

— Зачѣмъ же ругаться то. Я твоихъ стариковъ не ругаю, принимаю ихъ въ твою угодую, а ты моихъ отцовъ всегда лаешь. Эхъ, Гаша...

— Стоють того! Мои старики ризъ не надѣвають, обѣдню не служатъ, рукой не благословляютъ, а твои все это дѣлають и величаются попами и архіереями, какъ будто они настоящіе святители. Ты только лижешь имъ руки, и вѣруешь имъ, а другіе то не больно почитаютъ ихъ. Возьми вонъ: Бондина, Фомина, Артамонова и др. нашихъ—не больно идутъ въ вашу ересь.

— Съ тобою никакъ нельзя говорить.

— Напрасно и увѣщевать, я свою вѣру ни за что не промѣняю. Родилась въ ней, и умру въ томъ же.

Осмотрѣвъ мѣсто, купчиха Горина нашла его весьма прекраснымъ и удобнымъ. На дворѣ она построила моленную, сдѣлала въ ней золотой рѣзной иконостасъ, повѣсила паникадило, устроила клироса, не было только алтаря, но для ихъ службы онъ и не требовался. Въ каменномъ домѣ она сдѣлала богадѣльню для желающихъ жить при моленной богомольцевъ и квартиры для уставщиковъ и настоятеля. Долго искала она человѣка, который, по ея усмотрѣнію, долженъ быть достоинъ настоятельствова въ ея моленной. Окрестныхъ „отцовъ“ она всѣхъ забраквала, новыхъ не находила и моленная долго стояла безъ службы и освященія. Наконецъ она снарядила своего уставщика Алексѣя Егорова Лобанова, дала ему денегъ и отправила его искать по всѣмъ обществамъ нужнаго ей человѣка, который долженъ быть при слѣдующихъ качествахъ: смиренный, кроткій, послушный, богобоязный, несребролюбивый, одинокій, вино не пить и пр.—словомъ ангель во плоти. Лобановъ долго искалъ и разъѣзжалъ по Волгѣ, спрашивая старообрядцевъ о нужномъ человѣкѣ; не малую сумму прожилъ онъ денегъ въ поискѣ и въ дорогѣ за этимъ. Наконецъ въ деревнѣ Пузанихъ, Николаеву. Самар. губ. Лобановъ нашель соотвѣтствующее лицо и привезъ его въ Саратовъ. Это былъ Илья Вавилинъ, простой малограмотный крестьянинъ. Понравился онъ купчихѣ; поиспытала она его кое въ чемъ и утвердила его въ званіи „отца“ и настоятеля своей моленной. Вавилинъ совер-

шилъ освященіе моленной и открылъ богослуженіе. Прихожане Еремѣя Трушина перешли къ этой моленной. Купчиха Горина была въ восторгѣ; она была попечительницею моленной и богадѣльни и стояла во главѣ общества. Она и ректоръ и инспекторъ своего заведенія. Для надзора за живущими Горина поставила надзирательницею дома старую дѣвицу Ѳеклу Никанорову, которая ежедневно должна была доносить своей патронессѣ о жизни и благосостояніи обитателей. Строгость установлена чисто монастырская. Надзирательница Ѳекла Никанорова то и дѣло шмыгала по кельямъ и квартирамъ, наводила справки, кто что ѣсть, чѣмъ занимается, куда отлучается, и по какой надобности и обо всемъ доносила Гориной. Открылись сплетни, ябедничество, доносы; купчиха то и дѣло пріѣзжала въ свое заведеніе, то мирить кого либо, то дѣлать выговоръ или просто выгнать живущаго изъ заведенія. Дѣла оказалось у Гориной много и вся пустота ея времени уходила на эти мелочи и дразги своихъ питомцевъ. Будучи истовой старообрядкой, малограмотной, грубой, но богатой, она чуждалась свѣтской жизни и ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ старообрядокъ, она не водила дружбы и совѣмъ не была знакома. На театръ она смотрѣла какъ на бѣсовское капище, скверну, развратъ для людей. Ни на какіе вечера къ своимъ старообрядцамъ она тоже не ѣздила. Она жила замкнуто. Домъ и заведеніе—вотъ были ея жизнью. Съ мужемъ она жила на разныхъ половинахъ дома. У ней своя была кухня, стряпуха, прислуга и все это по своей вѣрѣ. Съ мужемъ, какъ еретикомъ, она никогда не обѣдала, нигдѣ и ни въ чемъ никогда не участвовала. Онъ также жилъ отдѣльно, какъ и она. Особо готовили ему на его кухнѣ, особая прислуга держалась имъ для себя, но уже изъ своихъ христіанъ, по австрійской сектѣ. Разница между супругами была въ томъ лишь, что мужъ держалъ свою прислугу свободно, а жена слишкомъ строго, вслѣдствіе чего у нея мало уживались и ей приходилось то и дѣло мѣнять то одно, то другое лицо изъ своей прислуги. Купчиха Горина почему то не терпѣла брачной жизни и, живя сама вдали и въ разрывѣ съ своимъ мужемъ, она того же требовала и отъ своей прислуги. Нанимая преимущественно вдовъ, дѣвицъ, она зорко слѣдила за ними и всячески

изолировала ихъ отъ мужской прислуги. Естественно, что такой же чистой жизни она требовала и въ своемъ „богоугодномъ“ заведеніи и всякое поползновеніе, тѣмъ паче нарушеніе такого основного ея правила жизни, влекло къ неизбѣжному изгнанію виновника изъ учрежденнаго ею дома. Въ этомъ случаѣ купчиха Горина, какъ дома, такъ и въ заведеніи, была безпощадна и неумолима.

IX.

Скучно и грустно стало старой дѣвицѣ Елизаветѣ Михайловнѣ, когда она увидѣла, что моленная ея, благодаря борьбѣ двухъ купцовъ—Калинина и Трушина, рухнула и прекратила свое существованіе, а самый домъ ея проданъ съ публичнаго торга и святое молитвенное мѣсто попало въ руки христораспинателей какихъ то пріѣзжихъ, не то—жидовъ, не то—еретиковъ. Съ прикрытіемъ моленной она почувствовала себя какъ бы въ за штатѣ, стала въ забытіи у общества, въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, словомъ, отодвинутой отъ всего, чѣмъ она жила доселѣ, ей пришлось смотрѣть чрезъ руки другихъ и, по ея словамъ, казнить, смотря, какъ другіе люди распоряжаются въ моленной и повелѣваютъ по своему. Не привыкла она къ такой скромной роли—роли простой безправной прихожанки, чтобы придти въ моленную къ службѣ, помолиться, да и съ Богомъ—возвращайся обратно домой; нѣтъ, въ своей моленной, и при Калининѣ, и при Трушинѣ, она составляла важное лицо, была своего рода начальницей и заправительницей существовавшихъ при ней порядковъ и обычаевъ. Правда и Калининъ и Трушинъ стояли во главѣ всего общества и отъ нихъ истекали главнѣйшія распоряженія по моленной и въ дѣлахъ общества, а богослужебный порядокъ? инспекція надъ служащими въ моленной и живущими при оной? Эта область хозяйства всецѣло была предоставлена Елизаветѣ Михайловнѣ. Оба они были люди торговые, каждый праздникъ у службы бывать не могли и, слѣдовательно, знать и видѣть до мельчайшей подробности, что творится на дворѣ и въ моленной во время службы, и что нужно сдѣлать, они не могли. Не могли они установить и порядокъ службы на празд-

никъ; не могли знать, какъ живутъ уставщики, богомолки при моленной, которые зорко стерегутся раскольниками, какъ живущіе на ихъ счетъ. Все это вѣдала Губина, какъ жившая около моленной. У нея же находились и ключи отъ моленной. Приходить праздникъ, наставникъ Сергѣй Леонтьевъ идетъ къ Елизаветѣ Михайловнѣ за распоряженіемъ, она выдаетъ ключъ отъ моленной, указываетъ сторожу какія свѣчи зажечь, а ему лично даетъ распоряженіе, какую службу править: „поліосную“ или простую *).

— Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ! громко говоритъ наставникъ, стоя предъ дверью комнаты дѣвицы Губиной.

— Аминь—отвѣчаетъ она.

— Спаси Христось на аминь. Благослови, Елизавета Михайловна, войти къ тебѣ.

— Богъ благословить; войди сюда.

Наставникъ входитъ.

— Это ты, Сергѣюшка, за началомъ пришелъ, касатикъ.

— Да, кормилица, время подошло святую службу справлять.

— О хо-хо-хо! Вотъ ужъ и праздникъ подошелъ. Такъ и жизнь наша вся пройдетъ, яко день единъ.

— Истинно такъ.

Между тѣмъ Губина надѣла очки, взяла святцы и стала рыться въ нихъ.

— Какое завтра число-то наступаетъ?

— Наставникъ отвѣчаетъ.

— Вонъ что, Сергѣюшка. Завтра на выказѣ стоятъ трое святыхъ-то: одинъ „четверичный“, другой „шестеричный“, а третій „поліосный“. Кого же намъ пустить въ службу-то?

— Кого прикажешь, матушка, тому и справлять будемъ.

— „Поліосному“ надо бы править, потому онъ старшій между святыми, да [имячко то его, Христось съ нимъ, не нравится мнѣ.

— Другому можно справить, а этого оставь.

*) „Поліосную“ отъ слова „поліелей“. Простой службой старообрядцы разумѣютъ святыхъ, которымъ не положено пѣть поліелей. Такіе святые именуется „четверичными“ и „шестеричными“. Первымъ словомъ святой называется такъ потому, что въ мѣсячной минеѣ онъ имѣетъ 3 стихиры, а 2-й 4 стихиры. Первому канонъ читается на 4, а 2-му на 6. Отсюда и названіе ихъ идетъ.

— Правьте лучше „четверичному“ святому, а этого я до поста оставлю, тогда и намъ выйднѣе будетъ.

— Конечно, улыбнулся наставникъ и добавилъ:

— Больше ничего! Благослови насъ святую службу править. Пора. Ждутъ кое кто.

— Господь благословить, Сергѣюшка! Правьте службу то, какъ я указала. Сама я приду къ „Хвалите имя Господне“, а, можетъ быть, и къ „экса—псалмамъ“ (шестопсалміе)—нездоровится, Сергѣюшка, что-то: попью вотъ чайку-то, може распарюсь внутри-то. Плохо мое здоровье. Да скажи, Леонтьичъ, чтобы „кануны-то“ читалъ самъ уставщикъ, Иванъ, да порѣже читалъ ихъ, а то онъ все торопится, точно на пожаръ гонюють его. Ну а каѳизмы-то дайте моей Лукерьюшкѣ прочесть—она хорошо читаетъ. Поученіе на каѳизмахъ ни за что не давайте читать „Ивану безъ четверти“, или „Феклисту стеленному“—пусть его читаетъ Феклуша; я люблю ея чтеніе: она и голосомъ выводитъ заунывно и слова выкладываетъ хорошо, ясно, чисто. А у тѣхъ бормотанье только выходитъ—точно собаки мурзятся. Прологъ еще... ну житіе изъ пролога я сама, пожалуй, прочту какъ-нибудь. Ткнись тогда ко мнѣ. Если я уйду изъ моленной почему-либо, сюда приди. И то давно уже не читала ничего отъ святыхъ-то. Такъ иди съ Богомъ: начинайте; да свѣчи-то на каѳизмахъ и канунѣ не забывайте тушить; пусть Дарья слѣдитъ по строже.

Наставникъ выходитъ отъ настоятельницы моленной и при участіи уставщиковъ и разныхъ Дарьевъ, Лукерьевъ, Феклушъ и др. начинаетъ службу.

Въ половинѣ службы изволить шествовать въ моленную сама Елизавета Михайловна съ полнымъ сознаниемъ своего величія и власти. Ей стелютъ подъ ноги коверъ, ставятъ кресло, десятки дѣвокъ суетятся около нея, желая услужить ей чѣмъ-либо, а она только окидываетъ все и вся своимъ взоромъ и повелѣваетъ. И если въ моленной нѣтъ Калинина или Трушина она въ это время полная власть, ея распоряженія идутъ громко, шумно, никого и ничѣмъ не стѣсняясь.

— Анисья!—скажи поди уставщику, чтобы антифоны-то онъ пропѣлъ по крюкамъ, да по протяжнѣе, а мнѣ придвинь креслице-то, я посижу, командуетъ Губина.

Анисья передаетъ уставщику волю своей госпожи, уставщикъ тянетъ антифоны, выдерживая всѣ статьи крюковъ и исполняя разныя „фиты“ и разводы на нотахъ, а настоятельница сидитъ въ креслахъ: временами она дремлетъ и клюетъ носомъ, временами зѣваетъ и креститъ ротъ. Захочетъ пить 2—3 дѣвки кинутся за кружкой съ квасомъ и напоятъ ее; захочетъ освѣжиться, — ее, точно архіерея, подъ руки ведутъ наружу.

Такъ было это при Калининѣ и при Трушинѣ. И вдругъ послѣ такой жизни и дѣятельности старая дѣва Губина, привыкшая уже къ почестямъ и власти, осталась ни при чемъ, должна сама стать въ разрядъ обычныхъ безгласныхъ богомольцевъ и вмѣстѣ съ ними смиренно стоять, а не сидѣть, предъ иконами и слушать команду другой женщины, купчихи Гориной. Для Губиной это была не молитва, а одинъ только грѣхъ. Подобное положеніе она считала для себя унижительнымъ и оскорбительнымъ. Каждое слово, каждое дѣйствіе Гориной въ моленной кололо и уязвляло ея сердце. Посему, хотя купчиха Агафья Каллистратьевна Горина и приняла теплое участіе въ судьбѣ обобранной и разоренной дѣвицы Губиной, хотя она и благодѣтельствовала ей матеріальнымъ пособіемъ, но ходить въ моленную, а тѣмъ болѣе жить при ней, въ богадѣльнѣ, гордая дѣвица Губина на отрѣзъ отказалась. Она предпочла жить на сторонѣ, вдали отъ всѣхъ, въ особомъ домѣ, и въ послѣдующей главѣ читатель увидитъ, какія замыслы родились въ головѣ властолюбивой дѣвы Елизаветы Губиной. За добро Гориной она отплатила ей зломъ.

Х.

— Здравствуй, Анна Ивановна, здравствуй, голубушка!— проговорила Губина, помолившись на иконы и обращаясь къ хозяйкѣ дома.

— Милости просимъ, Елизавета Михайловна! Какъ поживаешь нынѣ?—ласково привѣтствовала гостью хозяйка.

— Плохо, Аннушка. Въ землю гляжу, того и гляди, что умру.

— Что ты, мать моя, каки не суразныя слова несешь. Съ чего это ты? Подумай-ка.

— Чувствую, родная, себя, чувствую. Не жилецъ я на семь свѣтѣ; видно, сколько ни живи, а придется идти на отвѣтъ къ Царю Небесному.

— А ты успокойся лучше, помолись Богу, вотъ думу-то какъ рукою сниметь. А то умирать...

— Ежечасно молюсь, Аннушка, ежечасно каюсь въ грѣхахъ, все сердце и тоскуеть. Вотъ и надумалась къ тебѣ прибрести и повѣдать свою сокровенную тайну...

Хозяйка насторожила уши.

— Есть у меня, Аннушка, давнишнія, старинныя тайны, отъ покойнаго батюшки Михаила Андронича достались мнѣ по наслѣдству, а ему вручилъ ихъ благочестивый инокъ Прохоръ, который по разореніи Израильскихъ монастырей изгнанъ на Кавказъ, гдѣ и преставился въ животѣ своемъ. Гнали его сердечнаго чрезъ Саратовъ; мой родитель удосуужился сръсть его и лицомъ къ лицу бесѣдовать съ нимъ. Вотъ, на прощаньи-то онъ и далъ ему это причастье: на, говорить, рабъ Божій Михаилъ, я самъ служилъ и совершилъ сіе причащеніе, имѣй его на случай смерти въ своемъ родѣ и спасешься ты и весь домъ твой. Будеть время скудное и многіе возжелаютъ сего имѣть, но не откуда взять. Такъ и было у насъ въ роду, родная. Въ болѣзни и при смерти по немногу дерзали принимать его. Теперь чувствую и свой конецъ жизни и тоже желаю этого вкусить. Смертній часъ никому вѣдь неизвѣстенъ, а когда приспѣеть, родная, Богомъ прошу, возьми его послѣ меня въ свой родъ и храни яко зеницу ока. У меня некому передать ихъ: всѣ померли. Племянникъ, сама знаешь: латрыга, смотритъ въ никоніанство, окаянную соску изъ роту не выпускаетъ. Съ утра до вечера топить свой ротъ, оглашенный. Ему ли довѣрить причастье!.. Одно поруганье.

Слова эти, точно ушатъ холодной воды, были на хозяйку дома: такъ они были новы, неожиданны и такъ ошеломительно подѣйствовали на купчиху, что она положительно растерялась и не знала, что ей дѣлать: благодарить ли Губину за такую милость, или отказаться отъ нея? Доселѣ она и всѣ ея единовѣрцы причащались водою отъ праздника Богоявленія, и въ ней одной видѣли настоящее истовое причащеніе, а тутъ яв-

ляется еще другое причастіе. Которое же вѣрнѣе и святѣе, вода ли ихъ, или причастіе Губиной? Купчихъ Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось и тайны взять и въ то же время она боялась осквернить себя, если эти тайны со временемъ окажутся фальшивыми.

— Какъ же ты Лизанька, до сихъ поръ ничего не говорила? Вотъ скрытница-то! Не думала я этого, упрекнула хозяйка гостью.

— Нешто, Аннушка, о такихъ вещахъ болтають. Къ тому же у меня и наказъ былъ отъ родителя: молчи, говорилъ онъ, и не обнаруживай своей тайны. Освящай себя при болѣзни, а другимъ давай только по вѣрѣ и желанію, и то секретно. Я и тебѣ умолчала бы, да чувствую конецъ и говорю это, чтобы ты сего не разглашала до моей смерти.

— Зачѣмъ же зря говорить кому не слѣдуетъ.

— Никому, Аннушка, дондеже преставлюся.

— Каки же тайны, Иванъ Макарычъ привезъ съ Иргиза? спросила хозяйка дома.

— Не вѣрь ему, оглашенному ироду, Аннушка. Обманъ одинъ, прелесть, сѣнь немощная. Кто это далъ ихъ? Полыгаеть и только, кипятилась Губина.

— Гдѣ же соблюдаешь ты свои св. тайны?

— Храню ихъ, Аннушка, въ шелковомъ мѣшечкѣ, а онъ лежитъ въ маленькой шкатулочкѣ у меня.

— И много его у тебя?

— Теперь съ куриное яйцо осталось, а раньше, при родителѣ, оно было больше. Дробили все, ну и уменьшилось. Покойный папенька былъ добрый...

Перешли къ чаепитію и другимъ разговорамъ.

— И что ты, Лиза, не пріѣдешь въ моленную; какъ убрали ее; кака святость въ ней. Чудо просто! Агафья Калистратевна такъ заботится о ней...

— Нездоровится, Аннушка; болѣю,—уклончиво отвѣтила Губина и, поднявшись, начала прощаться:

— Такъ молчи же, Аннушка, я тебѣ по надежности обнаружила свой секретъ.

— И что ты, Лизанька, просишь; нешто про святыя вещи всякому говорить.

XI

Каждое событіе, если оно передается по секрету и подъ условіемъ молчать о немъ, быстрѣе разносится по домамъ и дѣлается достояніемъ общей молвы. Такъ было и здѣсь. Не успѣла Губина еще дойти до своего дома, какъ сообщенное ею по секрету перешло къ другому лицу, а отъ него къ третьему, четвертому и затѣмъ стало извѣстно всѣмъ и каждому въ средѣ того кружка лицъ, къ которому принадлежала Губина.

Первымъ узналъ секретъ Губиной мужъ Анны Ивановны купецъ Иванъ Федоровъ Дружининъ, человѣкъ, давно потерявшій всякую вѣру въ истинность старообрядчества, его правоту, сознавшій его ложь и надувательство простаковъ. Дружининъ держался раскола только потому, что жена его закоренѣлая раскольница, дочь богатыхъ родителей, тоже раскольниковъ и торговля его тѣсно связана съ расколомъ, такъ что вылѣзти изъ него онъ никакъ не могъ. Прійдя изъ лавки, онъ тотчасъ узналъ о бытности въ домѣ Елизаветы Губиной и поинтересовался узнать о цѣли ея прихода къ нимъ.

— Дѣло было ко мнѣ, отвѣтила жена.

— Воображаю! Какое можетъ быть у тебя дѣло съ нею? Пустые толки, да пересуды о комъ нибудь.

Жену кольнуло это.

— Если бы ты зналъ, что она сказала мнѣ, тогда иначе судилъ бы. Но ты не знаешь, потому что сказано по секрету.

— Даже секретъ! Врала поди, а ты не мѣшала полыгать ей--вотъ и секретъ вашъ.

— А я тебѣ говорю, что нѣтъ! вспылила жена.

— Докажи.

— Говорить нельзя.

— Правду отчего не сказать! Ложь та боится свѣта и гласности.

Купчиха помялась, подумала и передала мужу весь свой разговоръ съ Губиной.

— Значитъ теперь у васъ третье причастіе нашлось: Горина водой поить, Калининъ сухарями угощаетъ, а Губина чѣмъ еще будетъ подчивать?

— Ты Ваня смѣешься надъ святынею, упрекнула жена.

— Да кто ее далъ вамъ святыню то? Откуда вы получили ее? Мужики да бабы собрались и выдумали каждый свою святыню.

— Елизавета Михайловна говоритъ, что у нея причастье отъ инока Прохора идетъ.

— Это она говоритъ, а вѣрно ли это? Быть можетъ, вмѣсто Прохора какой нибудь Сидоръ сготовилъ ихъ. Устроилъ же вонъ Калининъ у себя сухари и причащаетъ людей! Такъ и тутъ.... Все это, голубушка, темная исторія, которой вѣрить трудно. Я не знаю писанія, конечно, но здраво судить...

— Уже-ли ты не вѣришь Елизаветѣ Михайловнѣ, она женщина богобоязная, очесливая, развѣ станетъ она обманывать, къ тому же передъ смертью. И какой интересъ ей въ этомъ! Вѣдь она и говорила то мнѣ объ этомъ по секрету, душевно, что бы другимъ значить ни-ни; а я вотъ проболталась тебѣ.

— Положимъ она сама не виновата, но могли обмануть отца ея. Вообще Анюта въ это причастье ваше я не вѣрю. Нѣтъ у насъ поповъ и архіереевъ, не нужно заводить и причастья; а то одно оставили, бросили, а другое изобрѣли. Нескладно какъ то выходитъ.

— Это вотъ ты разныхъ еретиковъ наслушался, такъ тебѣ и кажется все обманъ и ложь. Развѣ наши христіане могутъ обманывать, да еще въ святыни.

— Э, голубушка, мало ты еще знаешь ихъ, нашихъ древлеблагочестивцевъ то. Поторгуй-ка съ ними, какъ я вотъ веду дѣло съ ними нѣсколько лѣтъ уже, тогда увидишь, какъ они окалпачиваютъ одинъ другого. Тутъ вѣра въ сторону, а деньги и выгода прежде всего. Будь ты хоть свой человѣкъ, хоть татаринъ, спуску не дадутъ. Помнишь, какъ меня Мичуринъ на Нижегородской ярмаркѣ облапошилъ. Сначала пѣли стихиры по крюкамъ, о Божіемъ словѣ рѣчь держали, а потомъ и накрылъ меня: и товаръ то взялъ у меня чуть не за полцѣны, и деньги пришлось получать съ него чуть не грошами. А благочестникъ! Я до этого вѣрилъ своей братіи, считалъ ихъ по правдѣ живущими, а потомъ, какъ увидѣлъ хорошенько, такъ иные хуже никоніанъ.

— Ну это ваше торговое дѣло; тамъ нельзя безъ обмана; а здѣсь — святое дѣло, да и Елизавета Михайловна не торговка какая.

— А Калининъ! Изобрѣлъ же онъ свое причастіе!...

— Нечего, Ваня, и о Калининѣ грѣшить. Не возьметъ же онъ грѣха на душу, чтобы обманывать народъ. Стало быть добылъ же онъ какія-нибудь тайны съ Иргиза, когда такъ смѣло держитъ о нихъ проповѣдь. Почему ты знаешь? Грѣхъ такъ то судить.

— Мало ли подобныхъ надувательствъ бываетъ. Почитай-ка газеты-то.

— Поэтому ты и ослабѣлъ къ своей вѣрѣ, что началъ читать и вѣрить всеѣмъ этимъ листочкамъ. Да еще меня соблазняешь читать ихъ. Нѣтъ, я ничему не повѣрю, и своего благочестія не перемѣню — какъ была, такъ и останусь.

— Съ тобой, Анюта, говорить, что воду варить. Сколько ни кипятить ее, все вода будетъ. Разница будетъ въ одномъ: одна вода холодная, другая горячая.

Анна Ивановна оказалась вскипяченной водою. Слова мужа сильно взбудоражили ее: кончивъ разговоръ съ нимъ, она тотчасъ поѣхала къ Гориной, чтобы сообщить ей величайшую новость и посовѣтоваться на этотъ счетъ.

ХІІ.

Агафья Калистратьевна Горина занимаетъ роскошный, огромный домъ въ Саратовѣ. Мужъ ея Ефимъ Яковлевичъ Горинъ — богатый рыбакъ, торгуетъ на большую ногу. Баржи, пароходы бѣгаютъ у него по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани. Большимъ богатствомъ наградила его Господь; нѣтъ у него только дѣтей.

Супруги Горины держатся разныхъ вѣръ: мужъ по австрійскому согласію, жена идетъ по бѣглопоповскому согласію. Тотъ и другой крѣпко стоятъ за свою вѣру и при случаѣ спорятъ, ссорятся изъ-за разныхъ взглядовъ на религіозныя вещи и расходятся на разныя половины дома. Эти споры оставляютъ такой осадокъ горечи у обоихъ супруговъ, что они стараются рѣже видѣть одинъ другого и бесѣдовать о дѣлахъ вѣры.

Живя на разныхъ половинахъ дома, супруги живутъ каждый своей особой жизнью. У каждаго своя прислуга и по своей вѣрѣ, своя кухня, свое меню обѣда, свои приемы, выѣзды, свои интересы въ жизни и дѣло. Другъ другу не мѣшаютъ и одинъ о другомъ мало справляются, какъ онъ живетъ, дома ли онъ и пр. Супружество ихъ только внѣшнее, официальное; внутренняго союза ни въ чемъ и никакого. Это два посторонніе человѣка, которые поселились въ одномъ домѣ, посмотрѣли одинъ на другого, поговорили между собою, не сошлись, поругались и разошлись въ разные углы дома, чтобы больше не сходиться.

Глава дома любитъ пожить, общителенъ, бываетъ въ людяхъ; не прочь и щегольнуть, для чего прячетъ свою длинную бороду подъ воротъ рубашки. Жена напротивъ: въ домѣ у нея пахнетъ монастыремъ, сама придерживается аскетизма и живетъ уединенно. Улыбки на ея лицѣ, легкаго, веселаго слова не бываетъ: постоянно вздохъ, молитва, суровый видъ лица, молчаніе. Слово говорится только по необходимости, когда нужно сказать что прислугѣ. И только.

Каждый изъ супруговъ въ праздничное время ѣдетъ въ свою моленную, молится, раздаетъ пятаки и возвращается домой.

Дальнѣйшія подробности мало интересны.

Часовъ въ 12 утра, въ простой будничнй день, къ дому подъѣхала щегольская коляска и изъ нея вышла молодая дама, прилично и со вкусомъ одѣтая—это была Анна Ивановна Дружинина. Она знала, что у Гориной существуетъ свой особый звонокъ отъ мужа, дернула его, и на зовъ его не замедлила выйти прислуга, впустила ее и заперла дверь.

— Какое дѣло-то, Гашенька! Ни за что не угадаешь! щебетала Дружинина, снимая шляпку и перчатки съ рукъ,

— Образамъ-то честь воздай,—сурово замѣтила Горина.

— Сію минуту, Гашенька, помолюсь.

Дружинина вошла въ богатый будуаръ Гориной и, сложивъ 2 перста, отчетливо и размашисто положила 3 раза крестъ, сопровождая его низкимъ поклономъ.

— Здравствуй, Гаша!

— Теперь здравствуй, Анюта.

Объ женщины поцѣловались.

— Садись-ка вотъ сюда; на диванъ и повѣстуй: что у тебя за важное дѣло?—проговорила Горина.

— Такое дѣло, Гашенька, что ты и подумать не можешь объ этомъ. У Губихи-то, у Лизаньки нашей, объявились истовыя иргизскія тайны.

— Что ты?!— съ удивленіемъ сказала Горина.

— Ей Богу! Сама приходила ко мнѣ и говорила объ нихъ: возьми, говорить, себѣ, когда я умру.

И Дружинина дословно передала весь разговоръ свой съ Губиною, добавивъ къ этому и разсужденія своего мужа.

— Ну ты, мужа-то оставь, подумавши сказала Горина. Я его давно ужъ не почитаю за настоящаго христіанина, а такъ себѣ, на манеръ моего мужа. Касательно же Елизаветы Михайловны скажу: она не лгунья, а обстоятельная женщина. Нужно только попытать ее хорошенько, да предложить ей— пусть она выдастъ намъ свое древнее причастіе на общество.

— Ни за что. Она и мнѣ-то по секрету открыла объ этомъ.

— Такъ обществу-то лучше передать его, нежели она одна будетъ пользоваться имъ. А эта мысль и подавно не годится, чтобы тебѣ одной вручить его, и ты одна будешь пользоваться имъ. Надо заботиться обо всѣхъ. Для чего же я моленную-то созидила?

— Она не согласится на это, Гаша.

— Уговорить ее надо. Обществу пріятно имѣть такую святыню. Тогда и Калининъ прикусилъ бы языкъ. А то хвалится вездѣ и смуты дѣлаетъ въ людяхъ. Нѣтъ, Аннушка, объ этомъ надо попеченіе приложить, чтобы Лиза выдала намъ свое причастіе, тогда у насъ и вода святая и причастіе. Калину мы сломимъ тогда.

— Такъ-то такъ, Гашенька, но какъ сдѣлать-то! Я, скажетъ, тебѣ по секрету, а ты всѣмъ разнесла.

— Ради св. Христовой церкви надо постараться. Тогда къ намъ и остальные всѣ примкнуть. Къ чему таить святыню!

— Ты, Гашенька, сама похлопочи объ этомъ у нея, а я не могу: не ловко какъ-то выдавать секретъ-то ея.

— Горина подумала и сказала: хорошо; я устрою это дѣло сама.

Дружинина простилась и уѣхала.

— А что, если мнѣ самой обдѣлать эти дѣла, да хорошенько, умѣючи, тогда вѣдь и я не хуже Гашки Гориной могу править дѣлами-то. Заведу свою моленную, свое общество, мужа притяну къ этому дѣлу, а то онъ совсѣмъ развинтился у меня и совсѣмъ не похожъ на старообрядца. Говорить все несуразное; высказываетъ разныя сомнѣнія... Да, такъ и нужно сдѣлать, думала Дружинина, возвращаясь отъ пріятельницы Гориной. Мысль эта какъ-то неожиданно блеснула у нея во время дороги и пока она ѣхала къ дому она крѣпче и крѣпче входила въ ея голову и гвоздемъ за-сѣла въ ней.

ХІІІ.

На слѣдующій же день Анна Ивановна отправилась къ старой дѣвѣ Губиной, чтобы поиспытать почву и насколько возможно разрыхлить ее въ свою пользу.

— Какъ поживаешь, дорогая?—помолившись на иконы, привѣтствовала Дружинина хозяйку дома.

— Слава Богу, Аннушка. Чувствую какъ бы лучше себя. Истинно: въ животѣ и смерти Господь воленъ. Совсѣмъ было разнедужилась, а теперь... отвѣтила Губина.

Анна Ивановна нѣсколько замаялась, смолчала, но потомъ пошла на проломъ.

— А я, Лизанька, прости Христа ради, не утерпѣла, сказала о твоей святыни Гашѣ Гориной. Руками индо всплеснула отъ радости. Какъ выслушала меня, сейчасъ же рѣшила просить тебя, чтобы ты выдала ей свое святые на общество. Къ чему говорить, такую великую святыню она содержитъ у себя въ прикровеніи, не знаемо отъ людей. Нужно въ церкви блюсти ихъ, да чтобы всѣ и каждый пользованіе имѣли.

— Да съ чего она взяла, что я выдамъ ей свою святыню. Ни за что. Пока жива—не разстанусь. Буду пользо-

ваться имъ, а кому желательно причаститься, нешто я сама не могу дать такому человѣку. Пусть приходятъ.

Дружинина остолбенѣла отъ этихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, думала она, чѣмъ передавать ей свое причащеніе Гориной, она, Губина, сама можетъ распорядиться имъ, когда ей угодно. Но тогда это будетъ расколъ въ ихъ обществѣ; еще составитя особое общество и, чего добраго, Лизавета откроетъ въ своемъ домѣ особую моленную. А какъ же тогда ея собственные замыслы?! Какъ исполнится ея претензія стать въ такое же положеніе, какъ стоитъ теперь Горина? Отъ одного слова Губиной всѣ планы Анны Ивановны разлетѣлись въ мелкія клочья.

— Лиза! ты говоришь это зря. Если ты откажешь Горихѣ выдать причастіе, тогда ты расколъ учинишь въ нашемъ обществѣ и св. соборную церковь раздерешь на двое.

— Никакого раскола вашего я не знаю, и знать не хочу; буду жить по своему, а вы какъ хотите, такъ и молитесь съ своей Гориной и ея наперсницей Наташкой. Они теперь задаютъ команду-то вамъ.

— Что ты, Лиза! Наталья только надзираетъ за порядкомъ въ моленной и живущими, а сама Горина много усердствуетъ о храмѣ Божиѣмъ. Рѣдкій день не пріѣдетъ посмотрѣть, что и какъ.

— Знаю я все, Аннущка, и вижу, какъ они гнутъ всѣхъ въ дугу, чтобы ихъ только видѣли и почитали, а другіе какъ хотятъ. Сама была на этомъ конѣ. Вы то молоденькія, съ вами Гориной хорошо управляться; ну а я то, старуха уже — обѣзженный конь, не скоро меня проманешь и улестишь.

— Лиза, выдай мнѣ свое причастіе! Я сберегу его и никому не покажу даже—робко сказала Дружинина.

— Ни за что, Аннущка. Я сказала тебѣ, что послѣ смерти моей получи въ свой родъ, а теперь, пока жива, ни подъ какимъ предлогомъ.

— Ну иди ко мнѣ жить; я буду капиталить тебя во всемъ.

— Спаси Христось, моя милая! Мнѣ и такъ хорошо. Проживу какъ-нибудь. Не много остается ужъ жизни-то; надо о вѣчной домовинѣ думать.

— А Горина вытащить у тебя святыню. Ей она нужна.

— Насильно не выкрадетъ, а сама не отдамъ. Мало ли чего ей нужно!..

Затаивъ злобу и въ страшной досадѣ купчиха простилась и ретировалась домой.

— Вотъ дурищи то! Вотъ оглашенные! На-ка выложь имъ свое добро, а они будутъ распоряжаться, да величаться предъ народомъ,—кипяtilась старуха Губина по уходѣ Дружининой. Я такъ и знала, что эта бабенка сейчасъ же побѣжитъ къ Горихѣ и сообщитъ ей обо всемъ, а та, какъ гусыня, такъ поди и разгагакалась. Какъ же, держи карманъ то: такъ и довѣрюсь тебѣ. А отлично облапошила я ихъ обѣихъ! Пусть ихъ посвистуть теперь. Будутъ проминать своихъ лошадей, шушукаться, придумывать, какъ обобратъ меня, а я заведу свое богомолье и буду сама распоряжаться по прежнему. Мнѣ этого-то и нужно было, чтобы только бросить къ нимъ словечко, а они ужъ сами разнесутъ и разболтаютъ обо мнѣ. Гдѣ имъ тягаться со мною! Молоды еще; не доросли; носы коротки, а въ головѣ песокъ. А то надѣнуть шелковые сарафаны съ длинными хвостами, выставятъ свои золотыя лѣстовки, да и величаются по моленной-то. Нѣтъ, красавицы, узнаете еще старушенку Губину. Сама была купчихою, сама любила показать себя какъ слѣдуетъ, только внучекъ вотъ разубожилъ меня, да Иванъ Макарычъ съ Еремѣемъ Силычемъ подвезли тоже. Ну, да что прошло,—нечего вспоминать. Не воротись прежняго. А вотъ теперь что выйдетъ—посмотримъ.

Совсѣмъ другое разсуждала въ это время купчиха Анна Ивановна Дружинина, возвратившись отъ Губиной и сидя въ своемъ будуарѣ, осматривая свою прическу въ изящномъ туалетномъ зеркалѣ.

— Хитрая старушенка. Ни зачто не выманишь у нея причастія. Настойтъ на своемъ. Восхититъ мое дѣло. А думалось мнѣ... Впрочемъ, это отчасти хорошо, пусть тогда Гашуха останется съ своей Наташкой. И язву отыскала! Не даромъ Губиха ткнула мнѣ ей, а при чемъ я тутъ? Гориха во всемъ. Когда строила моленную во всемъ совѣтъ держала съ нами, а теперь всѣхъ всторону, сама забрала весь порядокъ по моленной въ свои руки, а Наташку держать въ родѣ фискалы,

чтобы уставщики и другіе ни чаю, ни водки не пили, постоянно молились, никуда со двора не ходили. Точно монастырь завела. И ни слова ей поперекъ! Что хочетъ, то и орудуетъ.— Вы, говорить, барыньки мои, еще молоденькія, и нуждненькія, въ цвѣту еще, вамъ повеселиться еще нужно, а я ужъ устарѣла и не нуждаюсь въ этомъ. Ну и идетъ передомъ. Какъ будто мы вертопрашки какія! Выпалила, тоже. Не все же мы о нарядахъ заботимся, да и о шляпкахъ толкуемъ. Хватило бы время и на божественное дѣло. Гусынина и Дегтярева тоже обидѣлись на Гориху, а я сдѣлала видъ будто не понимаю комедіи Гориной. Еще бы! Сама же, подлая душа ея, говорила тогда всѣмъ намъ: вы, барыньки, хорошенькія, помогайте мнѣ въ постройкѣ моленной. Еретикъ мужъ-то; отъ него не много выпросишь на это. На свою моленную и на своихъ поповъ онъ тратитъ безъ счѣта, а мнѣ копѣйки жаль. Что псу, говорить, подъ хвостъ плюнуть, такъ на твое еретическое богомолье деньги бросить. Вотъ какія слова встрѣчаю! Со псомъ сравнялъ нашу моленную. А все врала подлая тварь. Не такой мужъ ея; я его знаю. Это вотъ мой Ваня, такъ крѣпышъ; отъ него алтына не выпросишь на нашу братію. Пойдетъ канючить, да жаться... Плюнешь, да своими и распорядишься. Нешто отъ невольника милостыня? Богу угодна жертва добрая, по всей охотѣ, отъ чистаго сердца, а выколоченная ни къ чему. А мужъ Горихи добрый, расположенный на всякое добро. У него милостыня безъ разбора, кому ни то! и своему христіанину, и чужому, и иконовцу бросить. Такой ужъ человѣкъ зародился. Нешто мой Ваня подарилъ бы мнѣ за свои деньги такое мѣсто и домъ для моленной, какъ это сдѣлалъ Ефимъ Яковличъ! Ни за что. А ей одну моленную пришлось выстроить и то заканючила, притворилась неимущей, къ намъ за помощью прибѣгла, ну и помогали ей, кто сколько далъ. Скаредъ анаѣемскій! Онъ чужой, и то, кажись, 20000 р. отвалилъ за это мѣсто и домъ, а она въ складчину заиграла. Да ужъ не величались бы при этомъ! Мы ей помогали и деньгами, и народъ всячески улещали и привлекали къ ея моленной, чтобы не расточился, или не ушелъ къ Калинину, а она и позабыла все это. Говорила раньше: своя будетъ моленная, всѣ мы будемъ за одно

дѣйствовать, сообщая, по совѣту и согласію, а теперь вышло: мы въ хвостѣ, а она передомъ. Ловкая баба! Погоди же ты, умница, я сострою тебѣ такую яму, что ты не выльзешь изъ нея. Не смотри, что я молодая, да угодливая, я подберусь къ тебѣ незамѣтно. Будешь каяться потомъ, да уже поздно. А Губиху я заберу въ свои руки. Эту старушенку непременно надо забуксирить. Не будь я, чтобы не вытащила у ней иргизскаго причастья. Это обязательно будетъ мое, мое. Сама не сумѣю, другими достану ихъ.

XIV.

Проводивъ купчиху Дружинину, Горина предалась мечтамъ и размышленію, какъ лучше и удобнѣе выманить у старухи Губиной сохранившееся у нея древнее причастье съ Иргиза. Мысль о плутовствѣ Губиной ей не приходила и на разумъ. Она считала ее старухой глубоко религіозной, преданной старообрядчеству и обычаямъ своей секты. Если она сказала, что у нея сохранилось древнее причастье, значить это вѣрно и сомнѣваться въ этомъ нечего. Да ее собственно и не занималъ этотъ вопросъ: каковы эти тайны? когда и какъ достались они ей въ руки и отъ кого именно? Почему, наконецъ, она молчала о нихъ доселѣ? и пр. Важнымъ вопросомъ для Гориной стоялъ одинъ: какъ умудриться ей выхватить причастье изъ рукъ старухи Губиной и присвоить его своему обществу, чтобы этимъ, какъ думала она, заградить самохвальство купца Калинина. Въ простотѣ души своей и подъ вліяніемъ одной этой мысли купчиха Горина даже не предполагала, что Калининъ свободно можетъ отвергнуть это новое причастіе ея, какъ нѣкогда отвергнулъ онъ ихъ причащеніе водою. Купчихѣ Гориной хотѣлось только показать, что у Калинина есть причащеніе запаснымъ агньцемъ, тоже самое имѣется и у нея въ моленной. Чего же, молъ, искать еще у Калинина? Зачѣмъ идти въ его моленную и дробиться на 2 общества? Все что у него имѣется для спасенія души, тоже самое есть и у нея въ моленной.

Какъ же теперь заручить эти тайны отъ старухи Губиной? Купчиха Горина думала о семъ и такъ и этакъ, ходя

по своему будуару и все-таки мысли ея на этотъ счетъ были и то и се, неопредѣленны. Ей хотѣлось самой съѣздить къ Губиной и переговорить съ нею о ея причастіи, чтобы она безпрекословно вручила его ей для пользованія всему обществу ея, но она не была увѣрена въ своемъ вліяніи на старуху Губину. А что, если она на отрѣзъ откажетъ въ моей просьбѣ, а пожалуй совсѣмъ отопрется отъ своихъ словъ съ Дружининой, скажетъ, у меня нѣтъ ничего, тогда она, Горина, останется сконфуженной, а этого ей не хотѣлось встрѣтить. Лучше всего, думала Горина, составить соборъ, пригласить ее въ собраніе и пусть она предъ всѣми сознается и выскажетъ всю правду. Общество не одинъ человѣкъ; примемъ просить ее, молить, и старуха навѣрное не устоитъ предъ общественной мольбой, растаетъ сердцемъ и согласится на ихъ просьбу. Такъ будетъ лучше. Если же она откажется, тогда и тутъ выйдетъ польза: все общество услышитъ изъ ея устъ, что у ней нѣтъ никакого причастія. Тогда, послѣ такого публичнаго заявленія ея предъ обществомъ, Губиной нельзя будетъ разстраивать общество Горинной и смущать его причастіемъ съ Иргиза. Всякій слышалъ своими ушами отказъ Губиной. На этомъ и остановилась Горина, будучи убѣждена, что старуха Губина сдѣлаетъ изъ двухъ одно: или выдастъ ей древнее причастіе, или публично заявить всему ея обществу, что ничего подобнаго у нея нѣтъ.

Въ слѣдующій праздникъ, какъ только окончилась служба въ моленной, купчиха Горина заявила собравшимся богомольцамъ, что нынѣшній вечеръ въ ея домѣ будетъ соборъ для разсужденія о дѣлахъ св. церкви, на который она и приглашаетъ пожаловать всѣхъ и cadaго.

Пробило 7 часовъ. Собраніе было въ полномъ сборѣ. Шло чаепитіе.

— Я собрала васъ христіане для того, чтобы повѣдать вамъ сокровенную тайну, заговорила Горина.

Всѣ насторожили уши.

— Елизавета Михайловна объявила Аннѣ Ивановнѣ, конечно, по секрету, что у нея соблюдаютъ отъ древнихъ временъ св. тайны, перешедшія къ ней отъ отца ея, а ему вручилъ ихъ благочестивый инокъ Прохоръ, страдалецъ за вѣру

Христову на Иргизѣ, потерпѣвшій заточеніе отъ мучителей никоніанъ.

— Это вѣрно, подтвердила Дружинина. Потомъ я говорила Елизаветѣ Михайловнѣ, чтобы она передала ихъ въ наше христіанское общество, но она отказалась.

— Вотъ я и думаю, христіане, пригласить ее теперь въ наше благочестивое собраніе, да и попросить ее о семъ соборне и поусерднѣе. Миръ не одинъ челоуѣкъ. Какъ вы полагаете?

— Что же, это хорошо будетъ, Агафья Калистратьевна— сказало нѣсколько челоуѣкъ.

— Такъ давайте пока чай пить, а я пошлю за ней.

Посланы были лошади. Черезъ часъ Губина явилась въ собраніе, кивнула головою и грузно опустилась на диванъ. Она держала себя солидно, съ достоинствомъ и мало говорила.

— Вотъ, Елизаветушка, мы соборне пригласили тебя при-
быть къ намъ въ засѣданіе нашей св. Христовой Церкви и просимъ тебя повѣдать намъ о своей сокровенной тайнѣ,— дѣйствительно ли у тебя имѣется св. причастіе съ Иргиза?— сказала Горина.

— Да; у меня есть оно. Говорю это не облыжно, какъ старица, памятуя часъ смертный. И передала ту же самую сказку съ подробностями, что она говорила уже Дружининой.

Всѣ были увлечены ея разговоромъ и удивлены, что между ними соблюдается такая великая святыня.

— Лизанька, нашему обществу желательно просить тебя, чтобы ты свои святые дары препоручила въ нашу моленную. Къ чему тебѣ хранить ихъ и держать въ сокрытіи отъ людей?— сказала Горина.

— Желаемъ, Лизавета Михайловна! Желаемъ!—кричали соборяне, поддерживая свою патронессу.

— Мало ли чего вы желаете, да я то не могу этого сдѣлать. Родительское благословеніе я не нарушу. Мнѣ оно дано, я и должна пользоваться имъ.

— Не прокинь нашего моленья, Елизавета Михайловна!—молило нѣсколько голосовъ. Слезно просимъ объ этомъ.

— Пожалѣй нашу скудость, прохрипѣлъ какой-то старикъ.

— Ножки твои разцѣлуемъ, сказала богадѣлка.

— Молитва за тебя непрестанно будетъ возноситься, чтобы душенькѣ твоей на томъ свѣтѣ хорошо было, говорили другіе.

— Не собирайте, въ саванъ-то, сами скорѣе вытянетесь, чѣмъ я, грубо замѣтила Губина.

— Зачѣмъ умирать! Дай Богъ тебѣ еще столько годовъ прожить, сколько прожила,—сказаль кто-то въ толпѣ.

— Ты у меня на крестинахъ вино не пилъ, стало быть и не знаешь, сколько я живу. Не мели тамъ по пусты-то.

— Отчего же, Лизанька, тебѣ не довѣрять нашему обществу свою святыню,—сказала Горина, чтобы прервать возникшую распрю. Видишь какая у насъ смута происходитъ: Калининъ устроилъ свое согласіе, съ нами не совокупляется во едино, а точно драконъ въ Апокалипсисѣ разодраль ризу Христову на двѣ половины и ликуеть себѣ. Завель въ своей моленной какіе-то сухари для причастья и прельщаетъ народъ, точно Арій богоотступникъ или злобожный Никонъ, развратитель св. церкви. Нашей богоявленской водою Калининъ уже брезгуеть и поруганію предаеть. Настоящее Антихристово время. Всюду шныряеть лжеучительство. Бѣда и скорби отовсюду обстоять. Ты своимъ даромъ могла бы это уничтожить... Подумай-ка о семь премудрой главою.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Меня самое кругомъ обобрали и разорили эти ваши Ироды. Сколько годовъ стояла моленная, одна была для всѣхъ и они это святое мѣсто предали поруганію и поношенію. Никто изъ христіанъ не захотѣлъ тогда выкупить ее. Въ наживу пошли! Деньги стало жаль! Жидамъ, хриstopродавцамъ досталась моя моленная и теперь тамъ всякое козлогласованіе слышится, бѣсовская мусикія играетъ ежечасно, безстудные глаголы поють. Не больно это моему сердцу?! А кто изъ васъ протянулъ мнѣ руку? Ни единъ даже перстомъ не двинулъ. Продали мою голубушку, точно баню какую. На лицедѣйство повернули. А теперь меня молитте и просите. Сказала: не могу дать.

— Помоги, родная!—говорили соборяне. Предоставь...

— Не помощница я вамъ.

— Жестокое слово изрыгнула!—замѣтила наперсница Горинной Наталья Оадѣвна. Не довлѣеть...

Молніей загорѣлись глаза старухи Губиной отъ этихъ словъ, сказанныхъ къ тому же нелюбимой ею Наташкой, наперсницей Горихи.

— Это ты осмѣлилась подать свой голосъ!—злобно уставила Губина свои глаза на наперсницу.—Это ты пѣяешь меня! Да какъ ты осмѣлилась на это? Не я ли тебя вспоила и вскормила? Не я ли колотила тебя своими руками, научая уму-разуму? Велика теперь стала! Въ любимицы попала! Моленной командуетъ! Богопротивная тварь... Аспидъ египетскій! Крокодилъ фараонскій!..

— Наталья!—крикнула Горина.—Уйди отсюда.

— Мало этого, совсѣмъ прогони ее, мерзавку, чтобы она знала свое мѣсто. Фря какая...—раздраженно говорила Губина, поднимаясь съ мѣста.

— Какъ же, Лизанька, на счетъ причастія-то? Согласись, милая, передать его въ мою моленную,—еще разъ сказала Горина.

— Сказала не дамъ, и не приставай больше. Одну стихиру не поють 20 разъ. Будеть; пора и домой.

— Такой отвѣтъ страшно озлобилъ Горину и задѣлъ ея самолюбіе. Она не ожидала этого отъ Губиной. А тутъ вышелъ отказъ, и отказъ грубый, гордый, задиристый, озлобленный и оскорбительный. И все это публично, предъ соборомъ людей. Горина вышла изъ себя.

— Я тебя содержала доселѣ, домикъ купила тебѣ, помогала въ твоей нуждѣ и ты все это попраля своими ногами. Безчувственная! Неблагодарная ты, старуха... — шипѣла Горина.

— Не хочу, и не сдѣлаю. А милостыней не кори: она Божья, — злобно огрызалась Губина. Въ носъ шелкнула?... Такъ то.

— Завтра же выгоню тебя изъ дома!—неестественно крикнула Горина.—Наталья!

Что?! Попробуй. Есть у тебя документы на мой домъ? Я хозяйка и у меня бумаги на него. Ты по себѣ живешь, а я сама себѣ госпожа. Вотъ буду молиться у себя въ домѣ, а къ тебѣ съ Наташкой и ноги не закину. У меня есть древнее причастіе и кто будетъ приходить ко мнѣ, всякому дамъ.

Ходите христіане ко мнѣ, а у Горихи съ Наташкой нечего вамъ дѣлать. Золотой иконостасъ ея не спасетъ васъ.

— Наталья!

— Держи совѣтъ съ нею, а я домой иду. Прощайте.

— Вонъ отсюда! кричала Горина.

— Сама ухожу и отрясаю прахъ отъ ногъ своихъ. Больше здѣсь не увидимся.

— Смутительница ты этакая! Развратница Христова стада! кинулась Наталья въ догонку за Губиной.

— Что?! остановилась Губина, выпрямляя свой станъ и злобно поводя глазами на стоявшую предъ нею наперсницу Гориной Наталью Фадѣеву.—Такъ вотъ же тебѣ, мерзавка, за это! Вотъ! Я такъ плачу своимъ бывшимъ неблагодарнымъ дѣвкамъ. И двѣ звонкія пощечины раздались въ залѣ Гориной. Сначала Губина ударила Наталью по одной щекѣ, затѣмъ по другой и покойно вышла за дверь. Все это было такъ не ожиданно, не предусмотрѣно, что и потерпѣвшая Наталья, и гости, и сама хозяйка дома совершенно растерялись, пришли въ изумленіе отъ такого поступка Губиной, а пока очнулись и стали обсуждать это, Губина была уже далеко.

— Ну, старуха, толковали соборяне.

— Аспидъ, а не христіанка, говорила плакавшая Наталья. Въ дѣвушкахъ то измывалась надъ нами, да и теперь...

Глубоко взволнованная такимъ инцидентомъ купчиха Горина удалилась въ свои покои, соборяне стали расходиться, Наталья пошла къ Гориной. Всѣ были какъ то разстроены, обезкуражены, печальны... Одна только Анна Ивановна Дружинина съ самодовольнымъ видомъ и сердцемъ катила домой, хохоча дорогой, вспоминая поступокъ озлившейся Губиной.— „Ловко же она покрасила щеки Наташки“, смѣясь и торжествуя говорила сама съ собой купчиха Дружинина.— Вотъ такъ старуха! И какъ неожиданно...

— Долго затянулся соборъ то, сказалъ мужъ Дружининой, встрѣчая ее на звонокъ. Должно быть много важныхъ дѣлъ накопилось. Давно уже полночь.

— Ахъ, Ваня, очень, очень интересно было. Зря ты не поѣхалъ.

— Что же, стихиры, что ли пѣли?

— Какое тутъ пѣніе! До этого и не касались,

— Да чего же вы толковали столько времени? Если бы по столько сидѣли въ нашихъ думахъ, то городскія дѣла давно бы были подѣланы.

— Что намъ ваша дума; у насъ свое было засѣданіе по интереснѣе.

— По лицу вижу, что ты очень довольна и весела. Не думаешь, что ты хорошій выигрышъ привезла.

— Какой еще выигрышъ-то, котораго я и не ожидала. Да и Гориной сюрпризъ влетѣлъ сразу.

— Рассказывай, что у васъ тамъ было.

И Дружиниха передала мужу все, что у нихъ произошло на соборѣ.

— Не правда ли? Вѣдь весело было?

— Да, Анюта, съ одной стороны было весело, даже забавно, пожалуй, такъ что хохотать было можно, сколько угодно, но съ другой очень и очень печально. Подумай только объ одномъ: настроили вы моленныя, тащите народъ каждый къ себѣ, а сами только еще ищете причастья, безъ котораго, по вашему же дѣйствію выходить, нельзя получить человѣку спасенія души. Зачѣмъ же въ такомъ разѣ мутить народъ и соблазнять его? А вы именно это самое дѣлаете. Если нѣтъ у васъ освященія, такъ и говорите это прямо всѣмъ и каждому, а не сбивайте людей съ толка. Молись каждый за себя и объ себѣ. Одинъ грѣхъ, одинъ и отвѣтъ предъ Богомъ. А вѣдь вы съ Гориной общество собрали, Калининъ—тоже, Губина очевидно тоже замышляетъ сдѣлать съ своимъ причастьемъ, кто же будетъ отвѣчать за всѣхъ этихъ поколебленныхъ и съ толку сбитыхъ лицъ? Конечно—вы. Значить, за мѣсто одного грѣха, вамъ придется отвѣчать предъ Богомъ за многіе.

— Какой же это грѣхъ наставить человѣка въ правую вѣру! Что ты мелешь, Ваня. Тутъ спасенье, а не гибель.

— Да почему ты знаешь, что ты сама-то состоишь въ правой вѣрѣ?

— А то какъ-же! Конечно, въ истинной вѣрѣ.

— Это всѣ говорятъ, кого ни спроси: и ты, и Калининъ, и другіе старообрядцы, что насъ считаютъ хуже еретиковъ.

Всѣ говорятъ: мы въ правой вѣрѣ стоимъ. А если, такъ, зачѣмъ же вы дѣлитесь между собою? зачѣмъ ищете еще какого то особаго освященья, кто—воду, кто—сухари? Довольно одной вѣры. Какая то путаница у васъ!

— Нельзя и безъ причастья...

— Вотъ ты и договорилась. А у васъ его нѣтъ, а народъ тащите къ себѣ.

— Что же, по твоему, погибать чтоли народу то?

— Какое тебѣ дѣло до всего народа! Ты—не начальникъ; никто тебя не поставилъ спасать и учить этотъ народъ. Спасай себя, молись Богу, а другихъ не трогай; грѣха на душу не бери. Вотъ мое размышленіе, Анюта. Я не знаю писанія, но умомъ своимъ такъ держусь.

— Это все еретики настроили тебя! Они тебя смущаютъ. Не хочу и слышать твоихъ оловъ. Прощай! Уши затыкаю.

— И Дружиниха убѣждала на свою половину.

— Всегда вотъ такъ, разсуждалъ Дружининъ. Начнешь добираться до сути дѣла и выходятъ прорѣхи. Вообразили, что они какіе то начальники народа, кто то поставилъ ихъ учить и спасать его, строятъ для него моленныя, тащатъ каждый къ себѣ, а сами хорошенько не пріискали еще, чѣмъ освящать его, этотъ народъ-то. Одинъ водой поить, другой сухарями угощаетъ. Грѣховодники, право!

XV.

Послѣ радостнаго настроенія, въ которомъ Анна Ивановна Дружинина вернулась отъ купчихи Горинной, она разстроилась и облачко печали легло на ея лицо. Придя въ свои комнаты, она скинула съ себя модное платье, надѣла блузу и предалась размышленіямъ.

— И всегда онъ меня разстроитъ своими дурацкими словами. Хоть бы писанье зналъ, что ли, а то наслушается отъ никоновцевъ всякой болтовни, да и хочетъ обморочить меня. Какъ же; послушаю я! Надо будетъ папѣ съ мамой сказать, что-бы они поначалили его за его разстройство. Они съумѣютъ какъ. Папа богаче его и его вездѣ послушаютъ. А слав-

но Лизавета отдѣлала Горину! вдругъ перенеслась Дружинина своею мыслью къ собору. Такъ смазала ее предъ цѣломъ соборомъ, что затряслась инда и поблѣднѣла. Не вкусно пришлось. Молодецъ, старуха! Я, положимъ, ждала отъ нее этого, но думала, что съ Гориною то она будетъ какъ нибудь полегче, чѣмъ со мною тогда, а она, подлая старушенція, все едино. Даже рѣзче отчитала ее, чѣмъ меня. Ну, баба.

Дружинина задумалась и смолкла. Предъ ея глазами носился образъ упорной старухи Губиной. Что теперь дѣлать? Если она, подлая душенка, не согласилась выдать свое сокровище Гориной, которая дѣлала для нея добро, то ей, Дружининой, и подавно нечего рассчитывать на то, чтобы получить отъ нея причастіе въ свои руки. Послѣ смерти, сказала... да вретъ, не сдѣлаетъ этого. Да и когда это будетъ! А ей хотѣлось бы имѣть это сейчасъ. Злоба на Горину, злоба на ея выдающееся видное положеніе въ обществѣ и въ моленной душила ее и бѣсила. Бѣсенокъ самолюбія и честолюбія разжигалъ ея сердце и толкалъ ее впередъ, представляя то одинъ, то другой планъ дѣйствія. Анна Ивановна все упиралась, мысленно боролась сама съ собою, опасаясь, какъ-бы не скомпрометировать себя въ глазахъ людей и не быть посмѣшищемъ въ обществѣ. Вдругъ ей пришла счастливая мысль. Лицо ея озарилось улыбкою, довольствомъ, она вскочила съ оттоманки, потеряла себѣ лобъ, разсмѣялась и вслухъ проговорила: „Такъ и нужно сдѣлать. Чего же я трачу время то. Вотъ дура то. Ломаю голову надъ пустяками. Завтра же и начинать надо съ этого.“

Остановившись на этой, неизвѣстной еще читателю мысли о будущихъ своихъ дѣйствіяхъ, Анна Ивановна успокоилась и пошла изъ будуара въ спальную. Потягиваясь и позѣвывая она подошла къ образу, вынула изъ подъ иконы бисерную лѣстовку и стала на молитву.

— Молитвы на сонъ грядущій прочитать бы, да устала и поздно уже — помолюсь по лѣстовкѣ: это скорѣе, проговорила она.

Анна Ивановна стала класть поклоны, считая количество ихъ бубенчиками лѣстовки. 10 поклоновъ положила она съ „Исусовой“ молитвой; 10 съ краткой молитвой Божіей Матери;

10 — ангелу хранителю, чтобы онъ отгонялъ вражія навожденія во время сна; 10 — тезоименитой ей св. Аннѣ пророчицѣ — всего 40 поклоновъ положила она въ поясъ, такъ какъ время стояло не постное и земныхъ поклоновъ въ это время не полагалось.

— Нѣтъ; будетъ, смѣхъ душитъ, бросая лѣстовку и хоча отъ всей души, бѣгала по комнатѣ Дружинина. Какъ она хлобыстнула Наташку-то. Та индо глаза вытаращила. А она ее по другой щекѣ... Ха-ха-ха!

Оставимъ купчиху Дружинину мирно почивать на мягкомъ своемъ ложѣ и посмотримъ, что говорила старуха Губина, вернувшись съ собора отъ купчихи Гориной.

Послѣдняя далеко была отъ сна. Озлобленная, разстроенная, вернувшись съ собора, старуха Губина долго не могла успокоиться и прійти въ себя. Раздѣвшись, она сѣла на диванъ и пустилась въ разсужденія и ругань.

— Ишь какая злючка: дѣлай, какъ ей хочется. Какъ же! Поклонись еще и мнѣ, да какъ просить то станешь. А то дай ей... Держи лапу то, оглашенная: такъ и ввалю тебѣ. Все-таки я высказала всѣмъ имъ про свою моленную. И не моргнули, скареды, точно воды набрали въ ротъ. Стыдно рожамъ-то. Алтынники гороховые! А Наташкѣ досталось... Учила, кормила ее и противъ меня пошла. Треклятая душенка! Будешь теперь помнить свою питательницу, какъ я тебя приняла. Чуть не въ пеленкахъ, и потомъ заботилась.

Ни отца, ни матери, пригульной любви рожденье, а то же носъ къверху подняла: жестоко слово сіе! мурлычить. Ну и получи 2 пощечины и помни „развратницу“. Да, надѣлала я теперь вамъ хлопотъ, хлебайте, какъ знаете. Өекла!

— Стану теперь приголубивать народъ къ себѣ, а ты, фря денежная, оставайся съ своимъ золотымъ иконостасомъ, продолжала Губина. А народъ пойдетъ. Прицѣпка сдѣлана. Өекла! Дрыхнетъ, точно извозчикъ, оглашенная.

Вышла полусонная дѣвка.

Подай мнѣ шкатулку изъ сундука, я посмотрю на нее. На вотъ ключи!

Дѣвка отперла сундукъ, достала шкатулку и подала ее Губиной.

— Это единственное теперь мое сокровище и сила. Помучаю я васъ, треклятые. Надѣлаю вамъ зла своими сухарями. Бога буду молить за сей грѣхъ, а вамъ, иродіадамъ, отплачу за все. Въ ротъ вѣхала оглашеннымъ, а они и не чувствуютъ. Ну да пусть знаютъ Елизавету Губину.

Старуха отперла шкатулку, осмотрѣла мѣшечекъ съ туго набитыми сухарями и половинкою просфоры и, полюбовавшись имъ, снова положила на свое мѣсто.

— Будемъ теперь причащать приходящихъ. Губиной повѣрять. Я не Дружиниха, трещотка. Не сама трезвонила объ этомъ по обществу, а сами, простоволосые, разнесли эту вѣсть въ народъ; да еще соборъ созвали для этого... Ну и вините себя...

Запереть что ли ее опять въ сундукъ; нѣтъ, поставлю лучше подъ божницу, тутъ ей и приличествуетъ быть. Ино кто взойдетъ, всякъ видитъ, что святыня у святыхъ иконъ стоять, разсуждала старуха.

— Оекла! Опять дрыхнетъ. Придется самой поставить...

Старуха встала съ дивана, поставила шкатулку на маленькомъ угольномъ столикѣ подъ иконами, заперла сундукъ и улеглась на покой.

XVI.

Сдѣлаемъ біографическій очеркъ почивающимъ двумъ женщинамъ—Дружининой и Губиной.

Анна Ивановна Дружинина въ моментъ нашего разсказа представляетъ собою особу лѣтъ 35, миловидной наружности и любящую рядиться въ современное платье французскаго покроя. За это ее звали въ обществѣ „Водяниковъ“ и „Сухарниковъ“ барынею, хотя, по своему происхожденію, она не была таковою и принадлежала къ самой низшей средѣ крестьянскаго населенія. Родители ея, голь и перетька, какъ говорится, перебивались кое-какъ въ своемъ существованіи; отецъ ея былъ стекольщикомъ, съ утра до вечера мѣрилъ Саратовъ съ одного конца въ другой, заглядывая въ дома обывателей и ища, нѣтъ ли гдѣ разбитаго стекла въ рамѣ, чтобы предложить свои услуги

замѣнить его новымъ звеномъ. Въ этомъ и состоялъ весь его заработокъ, едва хватавшій на покупку стеколъ и содержаніе себя съ женою и единственной дочерью—Анюткой. Родившійся въ раскольническомъ селѣ Копенахъ, Аткарскаго у., Саратов. г., онъ, хотя и придерживался раскольническихъ обычаевъ, но числился все-таки по церкви православной и обязательныя требы исполнялъ въ ней, хотя ни разу не былъ у исповѣди и св. причастія, слѣдуя въ этомъ случаѣ общему порядку крестьянъ, проживающихъ въ раскольническихъ приходахъ. Затѣмъ, ища работы, онъ переселился въ г. Саратовъ и жилъ себѣ, зная только свой алмазъ и стекло съ линейкою, по которой отрѣзаль стекла алмазомъ. Такъ пробивался онъ лѣтъ 5; нужда давила его со всѣхъ сторонъ и сказывалась по всѣмъ швамъ его нехитростнаго житья-бытья. Дырявая бекешка на самомъ, рваныя платья на женѣ и тряпицы на босоногой дѣвченкѣ—дочери доказывали, что заработокъ его плохъ и недостаточенъ для исправленія или замѣны ветхой одежды новою. Случилось, что однажды онъ забрелъ въ домъ богатаго раскольника-купца, гдѣ удалось ему вставить 3—4 разбитыхъ стекла въ конюшнѣ новыми звенами. Купецъ вышелъ, посмотрѣлъ на работу и на работника и заговорилъ съ нимъ.

— Какъ звать-то тебя?

— Ивановъ, ваше степенство, низко кланяясь, отвѣтилъ онъ.

— Давно орудуешь этимъ ремесломъ?

— Съ измальства, ваше степенство.

Тихая рѣчь, низкій поклонъ, и прибавленіе къ отвѣту „ваше степенство“ понравились купцу-раскольнику.

— Чать работишки маловато?

— Какая работа, ваше степенство! На хлѣбъ, да на воду проколачиваемся.

— Парень ты, я вижу, покорный и хорошій. Есть у меня еще работа, да не знаю, какъ довѣрить ее.

— Сдѣлайте милость, ваше степенство, — вѣкъ Богу молиться буду за васъ.

— Ну это какая молитва: православнаго такъ въ линію, а еретическая, какъ твоя, такъ тащи въ сторону — отрѣзаль купецъ.

Мужикъ не понялъ.

— Ты по какой вѣрѣ?

— Россейской держимся, ваше степенство.

— Стало быть за Никономъ идешь? Ну съ этой своей молитвой отъ меня, братъ, дальше проваливай: это все одно, что ты грязью польешь на меня, такъ и молитва твоя будетъ для меня.

— Вѣстимо, ваше степенство, чего мы знаемъ! Родились только по церкви, ну и придерживаемся, какъ бы по родителямъ; а то люди темные, не письменные.., Вамъ эта статья доскональнѣе видна, чѣмъ нашему брату, безъ лести, исключительно по простотѣ своей, сказалъ Иванъ, но этими словами онъ еще болѣе расположилъ къ себѣ купца-раскольника.

— Это правду сказалъ ты, Иванъ. Молодецъ, что признаешь свою слѣпоту. Это я хвалю. Другой пустится церкву защищать, свою вѣру оправдывать, а нашу корить, а ты—хорошій паренъ. Ты какимъ крестомъ молишься?

— Мы, ваше степенство, всѣмъ родомъ содержимъ старый крестъ. Вотъ такъ.

Мужикъ сложилъ и показалъ купцу двуперстіе.

— И это хорошо. Только по кресту то тебѣ надо идти не за Никономъ, а по нашему старообрядчеству. Никонъ проклялъ этотъ святой крестъ, а установилъ свою треклятую щепоть. Ты не слыхалъ, поди, какъ поучаютъ объ этомъ наши древнія святоотеческія книги...

— Гдѣ намъ ваше степенство, доведется послушать этого; люди мы маленькіе, живемъ при бѣдности, — кому до насъ нужда учить-то.

Эти слова Ивана опять были пріятнымъ елеемъ для купца-раскольника.

— Вотъ что, Иванъ, приходи ко мнѣ завтра сюда, я потолкую съ тобою хорошенько объ этомъ и кстати о работѣ-то поладимъ съ тобою. У меня работа будетъ большая для тебя; и если сдѣлаешься по нашей вѣрѣ, такъ всѣ наши христіане за тебя уцѣплятся.

— Спаси Христось, ваше степенство! Приду. Отчего не придти, кланаясь купцу, говорилъ Иванъ.

На слѣдующій день Иванъ дѣйствительно явился въ домъ купца, привлеченный общаніемъ большой работы и интересомъ, какъ и что будетъ говорить о вѣрѣ богатый купецъ. Его радовало и ободряло, что богатый купецъ не побрезговалъ говорить съ нимъ, и такъ любезно, ласково и доброжелательно пригласилъ его къ себѣ въ домъ, какъ будто онъ мужикъ, стекольщикъ, какаянибудь важная персона. И когда онъ, придя отъ купца, сообщилъ своей женѣ все, говоренное ему купцомъ, то послѣдняя съ ранняго утра стала гнать его, чтобы онъ шелъ къ нему и слушалъ, что ему тамъ будутъ говорить. — Не все бѣдствовать, да нужду терпѣть, говорила убитая горемъ и нуждою женщина: можетъ онъ и на ноги поставить тебя. Результатомъ второго свиданія Ивана съ купцомъ было то, что послѣдній уговорилъ Ивана „оставить Никона“ и перейти въ ихъ „древлеправославную вѣру“ - бѣглопоповство, гдѣ онъ и душу спасетъ и работы завсегда будетъ имѣть много. Иванъ, по совѣщаніи съ женою, согласился на это и сталъ жить уже „не по церкви“, а по бѣглопоповской, но не имѣющей у себя поповъ, сектѣ. Работы у него дѣйствительно стало много; заработокъ сталъ хорошій; семья обрядилась и вышла изъ рваныхъ тряпокъ. Они стали ходить къ службѣ въ моленную, гдѣ ему и женѣ его съ дочерью, какъ бѣднымъ людямъ, давали подачки, приглашали въ богатые дома на обѣдъ, гдѣ, послѣ обильнаго питанія, дарили еще ситцами и готовымъ платьемъ. Въ моленной Иванъ удостоивался даже говорить съ купцами и высказывать свое мнѣніе. Его называли по имени и отчеству: Иванъ Самсонычъ. Оправившись хозяйствомъ, Иванъ рѣшилъ отдать свою дѣвченку для обученія грамотѣ. Раскольничья начетчица обучила ее читать, лѣтъ по крюкамъ, научила какъ править службу и пр. Звонкій голосъ дѣвочки, выразительное чтеніе ея въ моленной радовало и сердце родителей, и молящихся, и ее то и дѣло дарили подарками. Когда Анюта выровнялась въ стройную взрослую дѣвушку, тотъ же купецъ — благодѣтель, по совѣту жены своей, взялъ ее къ себѣ въ домъ, не какъ простую прислугу, а просто для компаніи къ женѣ своей; и для совершенія службы въ домъ, когда его степенству не желательно будетъ ѣхать въ моленную. Такъ и жила Анюта въ домѣ купца бѣлоручкою, любимой наперсницей

своей хозяйки, свыкнувшись и вполне изучивши порядки купеческой жизни, и жила до того времени, пока благодѣтели ея не выдали ее замужъ за мелкаго въ то время торговца Ивана Ѳедорова Дружинина. Не хотѣлось было Анютѣ идти за Дружинина, человѣка значительно старше ея лѣтами, но ея воли и желанія не спрашивали; благодѣтели сдѣлали дѣло по старинному: пригласили жениха, показали ему Анюту, которая свѣжестью и миловидностью своею плѣнила сердце торговаго человѣка и ее просватали. Жениху пріятно было породниться съ такимъ богатымъ домомъ, а Анюту благодѣтелямъ хотѣлось пристроить къ мѣсту. И пристроили. Анюта стала Анной Ивановной Дружининой и зажила собственной жизнью, въ своемъ домѣ. Поплакала было она сначала о неравенствѣ лѣтъ своего мужа, но потомъ освоилась, привыкла къ мужу и стала рядить себя въ платья новѣйшаго покроя и фасона, находя въ этомъ утѣшеніе и довольство своего сердца. Мужъ не противорѣчилъ прихотямъ жены.

Родители Анны Ивановны не дожили до радостнаго времени, когда Анюта ихъ стала купчихою и полновластной хозяйкой въ домѣ. Отецъ умеръ скоропостижно не задолго предъ свадьбою дочери, а мать годомъ раньше. Такимъ образомъ она осталась одна, безъ родныхъ и на полной волѣ. На первыхъ порахъ замужества мужъ вывозилъ ее въ театръ, на публичныя гулянья, но Аннѣ Ивановнѣ скоро надоскучило все это и она бросила посѣщать бѣсовское зрѣлище — театръ и пр. увеселенія, не находя въ этомъ никакого толка и удовольствія. Не понравились они ей по своей грандіозности и шуму, гдѣ Анна Ивановна какъ то терялась и не знала, какъ держать себя и о чемъ говорить. Она привыкла въ домѣ своихъ благодѣтелей жить тихой, скромной и исключительно религіозной жизнью, а тутъ шумъ, крикъ, хлопанье въ ладоши, открытое пьянство, слишкомъ открытые костюмы дамъ, свободное обращеніе послѣднихъ съ мужчинами, особый разговоръ, все это было для нея и дико, и странно, и непривычно.

Поэтому, бросивъ посѣщать публичныя зрѣлища, какъ не свойственныя и чуждыя ея характеру и привычкамъ, она принялась за домашнее хозяйство; но такъ какъ свободнаго времени у нея находилось и въ этомъ случаѣ много и занять

его было нѣчемъ, то Анна Ивановна принялась повторять чтеніе Пролога, Четьи-минеи, Златоуста, Маргарита и др. назидательныхъ въ раскольнической литературѣ старопечатныхъ книгъ, нѣкоторыя мѣста въ нихъ заучила на память, хотя особенно твердой памятью, она и не обладала. Скоро и это прискучило ей, надоѣло читать „священные“ книги, другой же свѣтской литературы книгъ она боялась читать, да и плохо она разбирала гражданскую печать, тогда какъ церковную печать, даже подъ титлами, читала хорошо и бѣгло. Тогда Анна Ивановна стала знакомиться съ купчихами своего общества и не смотря на разницу своихъ лѣтъ съ ними нашла общность интересовъ и стала жить той же жизнью, какъ и онѣ. Пошли толки объ уставщикахъ, богомолкахъ, о наставникахъ и пр. въ этомъ родѣ; Анна Ивановна вошла во вкусъ этого дѣла, стала интересоваться духовными дѣлами своей общины и по примѣру другихъ купчихъ стала ѣздить каждый праздникъ въ моленную, гдѣ молилась, раздавала мѣдяки нищей братіи, за что послѣднія услужали ей, подавая то — подручникъ, то — лѣстовку, то стулъ для сидѣнія и пр. и пр. Аннѣ Ивановнѣ все это нравилось, интересовало ее, льстило ея самолюбію; она стала приглашать къ себѣ въ домъ уставщиковъ, богомолкъ и др. на чаепитіе, къ обѣду и проводила съ ними время въ „душеспасительныхъ“ бесѣдахъ, разумѣя это слово въ раскольническомъ смыслѣ. Армія всякихъ старухъ, богомолкъ, уставщиковъ, иже ни сѣютъ, ни жнутъ, но собираютъ сокровище въ житницы своя, ключемъ потекли въ домъ купца Дружинина, гдѣ и скрывались на половинѣ Анны Ивановны. Отъ арміи этихъ прихлѣбателей Анна Ивановна узнала, какая купчиха какъ живетъ съ своимъ мужемъ, хорошо или дурно, которая какого уставщика любитъ, какія богомолки шьютъ на нее, когда и у кого общественныя кормежки бываютъ, когда служатся въ домахъ всеошныя, панихиды, какимъ любимымъ святымъ празднуютъ и пр. и пр., словомъ оффиціальную и интимную сторону жизни своихъ купцовъ и купчихъ единовѣрцевъ Анна Ивановна узнала вполне отъ этой живой почты, и отъ этой же почты она потомъ получала и другія извѣстія о разныхъ произшествіяхъ въ ихъ обществѣ. Затѣмъ Анна Ивановна выбрала себѣ осо-

бую дѣвку—читалку и помѣстила ее въ своемъ домѣ. Съ нею она стала выѣзжать въ моленную къ службѣ; съ нею иногда она отправляла вдвоемъ утреннее и вечернее правило въ домѣ въ будни; съ нею она проводила время въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ о разныхъ мелочахъ въ жизни, давала ей порученія, довѣрялась во всемъ и сдѣлала ее своею любимой наперсницей. Купчихи скоро приблизили къ себѣ Анну Ивановну, стали совѣтоваться съ нею, что и какъ лучше сдѣлать въ моленной касательно ея благоукрашенія и так. обр. Анна Ивановна вошла въ роль передовыхъ женщинъ раскольничьяго общества, стала главнымъ въ числѣ другихъ звеньевъ общества, такъ что Калининъ, а потомъ Трушинъ косились на нее, называя ее „мироносицею“, вмѣшивающеюся не въ свое дѣло.

Иной портретъ представляла собою Елизавета Губина. Богатаго рода, дочь купца, она воспиталась въ довольствѣ, роскоши и нѣгѣ. Уставщикъ моленной рано выучилъ ее читать, писать по церковному и пѣть по крюкамъ. Лиза стала ходить на клиросъ и упражнялась въ своихъ познаніяхъ, довершивъ ихъ съ теченіемъ времени изученіе церковнаго устава во всѣхъ его подробностяхъ. Въ 18 лѣтъ Лиза была что твой уставщикъ и твердо знала на память (а это въ старообрядчествѣ главное), когда и какъ какую службу править.

— Ну-ка, Лиза, скажи мнѣ, какъ нужно править службу на Благовѣщеніе, если оно придется въ четвергъ на Страстной недѣлѣ? Экзаменовалъ отецъ—богачъ, свою дочку.

— Тогда, батюшка, нужно будетъ такъ дѣлать, отвѣтитъ дочь. И начнетъ рассказывать ему порядокъ службы: сколько стихирь должно быть празднику, дню, чья стихира на славникѣ и какой стихирю покрывается славникъ. Далѣе: какъ читать тропари по шестопсалміи, канонъ, евангелія и пр. и пр. Все это Лиза, стоя предъ отцемъ, съ точностью выкладываетъ ему, точно по книгѣ читаетъ.

— Молодецъ, Лиза, похвалить ее отецъ, Умница ты у меня. Хорошо уставъ службы Божіей знаешь. Далъ тебѣ Гос-

подъ талантъ особенный. А скажи: въ какой праздникъ и когда читають на утрени 2 евангелія?

— На благовѣщеніе, батюшка, если оно прилучится въ Великую субботу, на утрени бываетъ 2 евангелія: одно—дню, другое—празднику.

— Когда читаются на литургіи 2 евангелія и одинъ апостоль?

— Тоже на Благовѣщеніе, если оно случится на Страстной седмицѣ.

— Есть ли праздникъ безъ предпразднества, съ однимъ только попразднествомъ?

— Преполовеніе, батюшка. У него не имѣется предпразднества.

— Отлично, дочка! Ну а покажи: какой праздникъ предпразднество имѣетъ, а попразднества нѣтъ?

— Происхожденіе честныхъ древъ Креста Господня августа 1-го. У него нѣтъ попразднества.

— Когда бываетъ вечерня безъ прокимна?

— Въ Великую субботу.

— Бываетъ ли молебенъ безъ евангелія?

— Бываетъ, батюшка: въ пятницу на 1-й недѣлѣ св. Вел. поста поется канонъ св. Фодору Тирону безъ евангелія

— Памятлива, дочка, памятьлива. Расскажи теперь вотъ что: когда и какому двенадцатому празднику служба правится раньше, нежели праздникъ придетъ?

— Срѣтенію Господню. Если онъ прилучится въ понедѣльникъ 1-й недѣли Вел. поста, тогда служба ему отправляется наканунѣ въ воскресенье Сырной седмицы.

— Поется ли поліелей безъ паремій?

— Поется, батюшка: въ недѣлю Антипасхи это бываетъ.

— А когда поется за „Достойникъ“ не Богородицѣ?

— На вербное и въ Четвергъ великій.

— Скажи мнѣ еще, когда бываетъ память священно-мученика Власія?

— Февраля 11 дня.

— А въ какомъ числѣ и мѣсяцѣ обрѣтаются свв. мученики Флоръ и Лавръ?

— 18 августа, батюшка.

— Какая служба имъ положена по мѣсячной минеи?

— Четверичная, батюшка.

— Ну-ка расскажи мнѣ, доченька, о страданіяхъ св. мученика Евстратія, въ Златоустѣ? нарочно путаешь отецъ Лизу.

— Въ Златоустѣ, батюшка, нѣтъ этого, а написано это въ Четьи—минеи, 13 декабря.

Такіе экзамены у отца съ дочерью были не рѣдко и онъ гордился ею. Онъ считалъ ее вполне образованной, ученой и равной ей не находилъ ни въ своемъ обществѣ, ни въ никоніанскомъ. Впрочемъ, послѣднихъ онъ причислялъ прямо къ невѣждамъ и темнымъ людямъ и въ этомъ убѣждался на праздникахъ Рождества и Пасхи, когда принималъ къ себѣ православное духовенство съ крестомъ. Какъ только причтъ пропоетъ „славу“, отецъ Лизы, любезно пригласитъ ихъ къ столу съ закуской и тотчасъ предложитъ одинъ изъ указанныхъ выше вопросовъ изъ церковнаго устава. Причтъ станетъ въ тупикъ, а отецъ вызоветъ Лизу, дастъ ей вопросъ и она тотчасъ отвѣтитъ ему.— „Вотъ у насъ какъ учатъ, отцы, дѣтей то!“ Хвалился отецъ Лизы предъ причтомъ и внутренно ликовалъ и смѣялся надъ ними.

Случилось, что какъ то проѣздомъ чрезъ Саратовъ явился въ ихъ моленную уставщикъ. Помолился онъ, рассказалъ всѣмъ, кто онъ, и куда ѣдетъ. Михаилъ Гурьичъ, отецъ Лизы, пригласилъ его къ себѣ чайку попить и отобѣдать. Послѣ обѣда Губинъ повелъ его въ гостинную и сталъ экзаменовать его познанія. Уставщикъ оказался слабъ.

— Лиза! поди-ка сюда!—крикнулъ Губинъ.

Явилась Лиза и отецъ, въ присутствіи уставщика, проэкзаменовалъ ее по всѣмъ статьямъ ея знанія.

Уставщику стало неловко и стыдно. Но, не желая уронить себя въ глазахъ Губина, онъ рѣшилъ выставить свое знаніе и ученость въ другомъ дѣлѣ.

— А позвольте мнѣ, Михаилъ Гурычъ, спросить вашу дочку о рукѣ св. Іоанна Дамаскина?—обратился уставщикъ къ Губину.

Губинъ не сразу понялъ уставщика.

— Я о пасхальной рукѣ св. Іоанна Дамаскина хочу спросить ее—пояснилъ уставщикъ.

Губинъ и тутъ не понялъ, потому что въ первые слышалъ объ этой рукѣ.

Уставщикъ торжествовалъ.

— Это что же за рука такая?—спросилъ его Губинъ.

Уставщикъ потребовалъ „Слѣдованную“ псалтырь патриарха Іосифа, гдѣ нарисованы 2 руки и всѣ унизаны цифрами и разными условными буквами славянской азбуки. Развернувъ на этомъ мѣстѣ псалтырь, уставщикъ сказалъ: вотъ это и есть рука св. Іоанна Дамаскина, по которой можно всю Пасхалію развести.

— А, ну-ка, выполнь.. заинтересовался купецъ Губинъ.

Уставщикъ самодовольно протянулъ правую руку и началъ читать по суставамъ пальцевъ: азъ, буки, вѣди, глаголь и пр., произнося каждую букву на суставѣ пальца.

Купецъ дивился премудрости уставщика.

Кончивъ азбуку, уставщикъ началъ высчитывать года отъ Рождества Христова, а затѣмъ, остановившись на извѣстномъ годѣ, сталъ дѣлать, по тѣмъ же суставамъ, вычисления о времени празднованія св. Пасхи, Благовѣщенія, количества недѣль мясоѣда и пр. Купецъ слѣдилъ за правильностью вычисления его по пасхальной таблицѣ, находилъ его ручную выкладку вѣрною и удивлялся. Авторитетъ уставщика поднялся на нѣсколько градусовъ выше.

— Такъ вотъ тебѣ рѣшеніе: научи этому мою Лизу; у насъ этой мудрости въ Саратовѣ никто еще и не слышалъ, —проговорилъ Губинъ.

Уставщикъ сталъ отпѣкиваться, говоря, что ему некогда и нужно торопиться ѣхать дальше.

— Ни за что не выпущу тебя теперъ, настаивалъ Губинъ, дондеже ты обучишь мою Лизу разбирать св. руку преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина. Возьми деньги за это, а науку не скрывай отъ другихъ.

Уставщикъ исполнилъ желаніе Губина и Лиза въ совершенствѣ выучилась читать по суставамъ пальцевъ своей руки азбуку и разбирать пасхалію.

При такомъ познаніи дѣвушки и богатствѣ отца ея не всякій рѣшался посватать у него его дочку. Всякій считалъ ее не по себѣ и по уму, и по капиталу ея. Между тѣмъ годы

шли все впередъ и впередъ. Лизѣ стукнуло 25 лѣтъ, а жениховъ все нѣтъ и нѣтъ. Тѣ, которые были раньше, поженились уже и жили семьями; которые остались холостяками, за нихъ сама Лиза не хотѣла идти, считая себя выше ихъ. Такъ дожила она до 30 лѣтъ въ дѣвахъ—время, когда дѣвушка считается уже „Христовой“ невѣстой. Тутъ скончался отецъ ея, а вскорѣ за нимъ сошла въ могилу и мать ея. Почувствовавъ себя на свободѣ и устроивши свою жизнь по своему, какъ ей хотѣлось, Лиза навсегда бросила мысль о замужествѣ и осталась заматорѣвшею дѣвой. По прежнему жила она въ домѣ своего отца, жила скромно, уединенно, ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ единовѣрцевъ, знакомства не водила, и ни къ кому кромѣ ихъ не выѣзжала. Купцы и купчихи, зная

къ Лизѣ, какъ начетницѣ, много читавшей разныхъ душе-спасительныхъ книгъ и помнившей все, стали обращаться къ ней за совѣтами отъ писанія и она, не замѣтно какъ то для себя самой превратилась въ учителя и наставника многихъ старообрядцевъ. Съ теченіемъ времени она такъ освоилась съ этой ролью учительницы, что иначе она и думать о себѣ не могла.

Капиталь послѣ родителей остался у Елизаветы Губиной не малый, она держала его при себѣ на рукахъ, такъ какъ никакимъ банкамъ не довѣряла его, боясь въ этомъ случаѣ грѣха и частью пропажи его. Но ему не суждено было лежать въ сундукѣ у нея: явились единовѣрные купцы и выманили его: кто—10, кто—20000 р., брали по христіански безъ всякихъ векселей и обязательствъ, на „честное“ христіанское слово, обѣщая отдать съ лихвою. Но увы! расхищенные деньги не возвратились больше въ сундукъ Елизаветы Губиной, такъ какъ одни изъ „честныхъ христіанъ“ обанкротились, другіе умерли, а съ этимъ актомъ умерло и честное слово старообрядца. Были и такіе, которые прямо-таки прикарманили взятые деньги и избѣгали видѣться съ нею. Отъ многочисленнаго капитала старика Губина, благодаря довѣрчивости Елизаветы Михайловны, осталось въ концѣ концовъ 20—30 тысячъ, на которыя и жила потомъ старая дѣва. Но явился внучекъ, выманилъ у нея эти остатки и совершенно разорилъ ее. Губина осталась не причемъ, почти нищая, кругомъ обездо-

ленная. Понятно теперь ея озлобленіе на старообрядцевъ, въ которыхъ до этого она видѣла честныхъ и правдивыхъ людей и вѣрила имъ на слово.

Какимъ образомъ у Губиной явился потомъ внукъ, котораго она такъ крѣпко любила, что не пожалѣла дать ему остатки своихъ средствъ, объ этомъ, читатель, говорили различно и большинство относило рожденіе внука дѣвицы Губиной ко временамъ первыхъ дней ея свободной, независимой жизни, по смерти родителей. Авторъ не ручается за вѣрность этихъ свѣдѣній, но знавшіе близко Елизавету Михайловну „во время оны“ утверждаютъ это положительнымъ образомъ. Въ виду этого авторъ склоненъ продолжить рѣчь объ этомъ внучкѣ Елизаветы Михайловны, чѣмъ раскрывать-то, что и безъ того уже понятно.

Внукъ Губиной—Александръ Васильевъ, темная личность и оказался неудачникомъ. Сколько бабушка не пристраивала его къ дѣламъ моленной, слово Божіе далеко отъ него бѣжало и было ему не по сердцу. Выучившись читать и кое-какъ писать скорописью, онъ дальше не пошелъ ни въ какихъ наукахъ. Служить въ людяхъ и быть въ подчиненіи у хозяевъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты; вести свою торговлю онъ не имѣлъ ни навыка, ни способности, ни даже желанія. Быть можетъ, все это вытекало изъ того, разъ навсегда принятаго имъ правила, что жить, это значить жуировать и веселиться. Правила этого онъ всегда держался и, при возможности, развивалъ его въ жизни и осуществлялъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Попадались ему въ руки деньги, онъ кутилъ; нѣтъ, онъ питался крупичами, падавшими со стола сердобольной бабушки. Разоривъ бабушку, онъ бросилъ ее и ушелъ шататься по городу Саратову, пребывалъ въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, гдѣ рабъ и владыка, бывшій прокуроръ и нищій, бывшій священникъ и сапожникъ пребываютъ въ равномъ достоинствѣ и положеніи, питаются кое-чѣмъ, грѣются кое-какъ и спятъ въ повалку вездѣ и всюду. Временами онъ посѣщалъ и бабушку и другихъ ея единовѣрцевъ, но съ единственной цѣлью выпросить у нихъ подачку, которая, въ большей части шла у него не на хлѣбъ, а въ кабачекъ за водку-

XVII.

Полагаемъ, пока мы вели этотъ разсказъ, героини наши успѣли уже выспаться и подкрѣпить себя сномъ къ дальнѣйшей своей жизни и дѣятельности.

— Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!— проговорила Анна Ивановна, вскочивъ съ постели. Что это я какъ заспалась?! Вотъ сумасшедшая-то! И никто не разбудить, точно и дѣла имъ нѣтъ. Варя! Варя! — звала она свою наперсницу и уставщицу.

Варя вошла и привѣтствовала хозяйку съ добрымъ утромъ. Это была дѣвушка, лѣтъ 25, вывезенная изъ деревни, сирота и совращенная въ расколъ, гдѣ научили ее премудростямъ раскола и этимъ дали кусокъ къ жизни.

— Вотъ что, Варинька, подай мнѣ одѣться, умыться, а потомъ иди въ образную, прочитай тамъ полунощницу, а къ канону-то святому я сама приду—распорядилась Анна Ивановна.

— Слушаю-съ!

— Зажги нынѣ Свѣчки: Спасителю, Божіей Матери и Ангелу Хранителю. Лампаду передвинь къ образу „Всѣхъ святыхъ“.

— Хорошо.

— Да скажи: давно у насъ былъ Сашка Губихинъ?

— Давно уже, Анна Ивановна; скоро поди опять зайвится за подачкою.

— Нужно-бы мнѣ повидать его.

— Я доложу вамъ, когда онъ зайвится къ намъ.

— Пожалуйста, Варя, не забудь это сдѣлать.

— Слушаю-съ!

Одѣвъ хозяйку, уставщица пошла читать полунощницу для своей госпожи. Послѣдняя стояла предъ туалетомъ, опра-влялась (свѣтскаго моднаго платья она еще не надѣвала, такъ какъ молиться въ немъ считала грѣховнымъ дѣломъ), а уставщица полушепотомъ, наскоро читала полунощницу съ 17 кафизмою. Кончивъ ее, она сдѣлала начало къ канону и

остановилась, поджидая хозяйку. Въ это время она раздула кадьлицу.

Вошла Анна Ивановна.

Уставщица тотчас вручила ей подручникъ и лѣстовку, шитую золотомъ. Дружиниха положила семипоклонный началъ и объявила, что она не будетъ читать канонъ святому.

Уставщица стала сама читать его.

Кончивъ канонъ, уставщица стала класть поклоны о здравіи рабовъ Божіихъ Іоанна и Анны, при особой молитвѣ, имѣющейся у старообрядцевъ.

Послѣ службы уставщица заперла образную на ключъ. Анна Ивановна сѣла за чай.

— Давно ушелъ Иванъ Ѳедоровичъ въ лавку? освѣдомилась она о мужѣ.

— Какъ и всегда!

— Спасибо хоть мы съ тобою, Варя, молимся за него, а то вскочить, какъ угорѣлый, да и бѣжить, въ лавку, не окстивши лба. Вотъ суета-то мірская.

— Нынѣ постный день, кажется.

— Среда, Анна Ивановна.

— Надо распорядиться выдать рыбы кухаркѣ. На-ко-тебѣ ключи и возьми тамъ.

Анна Ивановна дала ключи Варѣ и объяснила, что нужно взять изъ кладовой и выдать кухаркѣ.

Въ домахъ раскольническихъ обычно подбирается весь штатъ прислуги изъ своихъ единовѣрцевъ. То-же самое было и у Дружининой. Она не терпѣла прислуги изъ никоніанъ и не нанимала ея.

— Велѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ приносить ему въ лавку? спросила она возвратившуюся съ ключами уставщицу.

— Нѣтъ; не приказывали.

— Такъ и знала я. Какъ постный день, такъ и въ гостиницу селянки скоромныя ѣсть. Экій слабый народъ пошелъ нынѣ. Да и наши то нынѣ... бывало отлучали за это отъ обществъ, а нынѣ слабо стали смотрѣть за этимъ. Вонъ, у безпоповцевъ, это правило и сейчасъ лежитъ въ ходу— разсуждала купчиха.

Вошла кухарка за приказаніемъ, что готовить нынѣшній день.

Анна Ивановна подробно рассказала ей, что и какъ готовить и въ какомъ количествѣ кушаній.

Сквалыжникъ-то, Губихинъ, дожидается у меня на кухнѣ подачи отъ васъ—доложила въ заключеніе кухарка.

— Позови его сюда, Аксиныюшка, мнѣ нужно его спросить кое о чемъ.

Вошелъ сквалыжникъ Губихинъ.

— Садись, Александрюшка, выпей чайку со мною.

— Александръ низко поклонился, поблагодарилъ и сѣлъ на стулъ. Физиономія его была опухшая отъ пьянства, одежда на немъ была грязная, рваная и сидѣла, точно на вѣшалкѣ. На ногахъ были рваные сапоги и такіе же брюки неопредѣленнаго цвѣта.

— Какъ ты плохо живешь-то Александрюшка, выразила сожалѣніе Дружиниха. И что-бы тебѣ остепениться-то, да жить по доброму.

— Фатумъ преслѣдуетъ меня по пятамъ моихъ ногъ,— хрипло пробасилъ Александръ, въ отвѣтъ хозяйкѣ.

Александръ любилъ вставлять въ свою рѣчь иностранныя слова, употребляя ихъ иногда совсѣмъ не къ смыслу и не къ дѣлу. Навыкъ къ этому онъ приобрѣлъ уже потершись въ арміи „Золотой“ роты.

— Ну, а ты со мною по ученому-то не больно толкуй, я этихъ словъ твоихъ вовсе не понимаю,—возразила Анна Ивановна.

— Фантомъ надъ каждымъ человѣкомъ имѣется и фанфаронъ выходитъ тотъ, кто отрицаетъ его надъ собою. Я не дѣлаю фикціи, не представляю вамъ, Анна Ивановна, какойнибудь миражъ или въ родѣ этого, но говорю вамъ сущую правду. Мои фонды упали; мнѣ нуженъ теперь субъектъ, который-бы меня привелъ къ нормальности. Безъ этого я—пасъ.

— Вотъ и толкуй съ тобой. Чего ты нагородилъ мнѣ? Не знай по-нѣмецки говорилъ,—не знай еще какъ.

— Цивилизація сохранилась и въ убожествѣ моемъ; иначе не могу, Анна Ивановна! Въ какой-бы ситуаціи я ни на-

ходился, я все-таки—синьоръ. Сарказмы преслѣдуютъ меня отъ бывшихъ друзей, но я мужественно переношу ихъ въ своей изнывающей груди.

— Нѣтъ, Богъ съ тобой, и съ разговоромъ этимъ. Скажи ты лучше вотъ что, Александрюшка: есть-ли доподлинно у твоей бабушки древнее, съ Иргиза, причастіе или нѣтъ?

— Это что-же, бабушка моя изволила объявить вамъ такую декларацию, или это со стороны вашей, Анна Ивановна, только одна гипотеза.

— Да брось ты свои окаянскія слова, которыхъ я не понимаю. Всѣ уши просверлилъ мнѣ ими. Говори со мною какъ слѣдуетъ,—вскипятилась Дружиниха.

— Слушаю, медамъ.

— Во все я не мадама, а купчиха и христіанка.

— Это аллегорія съ моей стороны. Ассимилировать васъ, Анна Ивановна, я не желаю и не въ правѣ.

— Вотъ и разговаривай тутъ съ нимъ: я ему русскимъ языкомъ говорю, а онъ по собачьи мнѣ отвѣчаетъ.

— Мои слова имѣютъ аналогію съ вашими.

— Да скажи ты мнѣ, Христа-ради, о чемъ я тебя по-русски-то спрашиваю.

— Александръ согласился оставить иностранщину, но пытливо сталъ всматриваться въ Дружинину, не понимая, чего собственно хочется достигнуть ей: отрицательнаго или положительнаго отвѣта? Ему хотѣлось попасть въ тактъ и чрезъ это получить свою выгоду.

— Полагаю, Анна Ивановна, если бабушка открыла вамъ свой секретъ объ имѣющемся у нея древнемъ причастіи съ Иргиза, то это вѣрно. Лгать и обманывать старухъ не годится.

— А вы-то сами когда-нибудь слыхали отъ нея объ этомъ?

— Я вѣдь до этихъ дѣло въ недоходилъ, Анна Ивановна, по этому ничего не могу сказать.

— Гдѣ-же и въ чемъ она хранить эти дары?

— Вѣроятно, гдѣнибудь въ сундукѣ, на донышкѣ, чтобы не украли.

— А вотъ-бы въ самомъ дѣлѣ унести ихъ у нея, воспользовалась словомъ купчиха. Вотъ-бы хватилась-то ихъ.

Александръ прищурилъ глаза на купчиху и понялъ, чего ей хочется.

— Невозможнаго ничего нѣтъ на землѣ,—съ растяжкою промычалъ онъ, какъ бы нехотя.

— Сдѣлай-ка это, Александрюшка; я бы за это тебя отблагодарила. А то признаться сказать тебѣ, она разстроитъ этимъ наше общество. Она ужъ вѣдь прямо заявила намъ всѣмъ, что у нея есть дары съ Иргиза. Мы просили у нея ихъ въ общество, она не выдала: сама, говоритъ, могу распорядиться своимъ добромъ. Чего съ нею подѣлаешь теперь! И будетъ распоряжаться и отвлекать народъ отъ моленной. Старуха ужъ—изъ ума выживаетъ.

Александръ молчалъ.

— Сдѣлаешь?

— Зондировка нужна.

— Опять ты за еретическія слова. Говори толкомъ.

— Нужно навести справку: какъ, что и гдѣ существуетъ.

— Если сдѣлаешь и достанешь мнѣ отъ нея причастья во всей цѣлости, я дамъ тебѣ 25 руб. за это.

— Прибавь, осмѣлился Александръ.

— Много, Александрюшка.

— Уступлю; прибавь, Анна Ивановна.

Порѣшили на 40 рубляхъ.

Александръ далъ слово Дружинихѣ, что много чрезъ недѣлю онъ доставитъ ей желаемое.

Половину выговоренной суммы денегъ онъ взялъ впередъ.

— Адье, синьорина!—простился Александръ.

— Съ Богомъ; да не болтай ты мнѣ этакихъ окаянскихъ словъ,—отвѣтила Дружиниха.

— А хорошо бы было, если бы онъ доставилъ мнѣ отъ этой старушенки ея причастіе. То-то бы она позлилась, — думала купчиха.

XVIII.

Елизавета Михайловна проснулась очень поздно. Первымъ дѣломъ она сотворила на себѣ крестное знаменіе и проговорила: „слава Тебѣ, Господи, что сподобилъ меня еще возстать отъ ложа своего!“

— Оекла!—крикнула она дѣвкѣ.

Вошла Оекла и стала убирать ее. Затѣмъ она также совершила свою молитву, какъ и Дружиниха, только болѣе медленно и продолжительнѣе. За молитвою послѣдовалъ чай. Но не успѣла она съ своей наперсницей окончить чаепитіе, какъ въ келью вошелъ ея внукъ.

— Здравствуйте, бабушка!—привѣтствовалъ онъ ее.

— Съ лохмотникомъ и здороваться не хочу. Затѣмъ пришелъ ко мнѣ наводить горе. Кто тебя просилъ являться-то? Сколько разъ я просила и молила тебя, чтобы ты не шествовалъ ко мнѣ, а живи себѣ какъ знаешь; такъ нѣтъ—претъ и лѣзетъ по своему.

— Вы, бабушка, весьма огорчаете меня этими словами—замѣтилъ внукъ.

— А ты не огорчилъ меня! Ты не осрамилъ мои лѣта!—накинулась она на него.—Кто отобралъ у меня деньги? Кто заставилъ меня выйти изъ своего дома и жить въ такой кельѣ. Ты все надѣлалъ это, разбойникъ. Ты заставилъ меня скитаться по такимъ угламъ.

— Это вы напрасно на меня одного все валите. А другіе-то развѣ не расхитили ваши деньги?—возразилъ внукъ.

— Другіе! До другихъ-то ты рыломъ не вышелъ. Другіе взяли, такъ по крайней мѣрѣ молятся за меня, а когда умру, такъ и помянутъ. А ты что? Ты — галахъ. Оскверненная душенька. Ишь въ какомъ одѣяніи заявился; радуйся, бабушка, глядячи на внука. Хорошъ!

— Что же дѣлать, когда такъ пришлось жить.

— По пьянству, да по распутству твоему пришлось такъ-то жить. Будь ты постепеннѣе, да поочесливѣе, не дошелъ бы до этого срама.

— Судьба не равняетъ всѣхъ: кого наградить богатствомъ, а иного отъ роду дѣлаетъ голякомъ.

— Мозгу нѣтъ въ головѣ, разума, вотъ и голашество происходитъ.

— Каковъ есть ужъ, бабушка.

— Дуракъ ты безпутный, вотъ и все. Убирайся съ моихъ глазъ, чтобы я не казнилась, глядя на твою пьяную рожу.

— Нѣтъ ли, бабушка, сколько нибудь на хлѣбъ мнѣ, да на одежду?

— Ни алтына тебѣ не дамъ, уходи въ свою камеру, откуда ты заявился.

— Жестоко сіе будетъ съ вашей стороны.

— Ну это мое дѣло; тебѣ меня не учить.

— Хоть сколько нибудь дайте мнѣ?

— Сказала ничего не дамъ и иди съ Богомъ. Все-равно пропьешь.

Богъ вамъ судья, бабушка!—жалобно проговорилъ внукъ ея. Все-таки я вамъ не чужой.

И сталъ толкаться въ дверь, чтобы выйти изъ кельи.

— Ну вотъ что: оставайся у меня обѣдать, накормлю тебя и иди тогда съ Богомъ.

Александръ присѣлъ на стулъ.

Старуха вышла изъ кельи на дворъ; походила нѣсколько минутъ, прошла въ кухню къ Ѳеклѣ и велѣла ей готовить обѣдъ.

Между тѣмъ Александръ ходилъ по комнатѣ и точно волкъ озирался кругомъ. Замѣтивъ подъ образами шкатулку, онъ быстро отворилъ ее вынулъ оттуда свертокъ въ бумагѣ и также проворно засовалъ его въ карманъ своихъ разорванныхъ брюкъ.

Подали обѣдъ.

Старуха Губина ѣла изъ своей посуды, а внукъ ея, сидя въ концѣ стола, ѣлъ изъ другой.

— Поди давно не обѣдалъ такъ-то?—спросила она.

— Не часто приходится.

— Не часто! Говори правду, что рѣдко. А все окаянное пьянство виновно.

Внукъ молчалъ и съ аппетитомъ оплеталъ одно блюдо за другимъ. Старуха, точно котъ надъ масломъ, сидѣла и ворчала, дѣлая назиданія внуку, для котораго слова ея мало имѣли значенія.

Кончилась трапеза, старуха встала и помолилась на иконы, оговорившись предъ этимъ, что бы онъ не сквернилъ ее своей молитвой.

— Чай и Богу-то молиться разучился—сказала она, кончивъ свою молитву.

Александръ ничего не отвѣтилъ на это и, простившись съ бабушкой издали, поспѣшно вышелъ изъ ея кельи.

— Пропащая башка! — ворчала она сама съ собою. А сколько я хлопотала съ нимъ, сколько пристраивала его, чтобы онъ вышелъ въ люди, нѣтъ: изгибъ, парнишка, совсѣмъ...

— Оекла!

Послѣдняя явилась предъ ея очи.

— Я лягу вздохнуть немножко послѣ трапезы-то, а ты запри вездѣ двери и не безпокой меня пока я сосну, распорядилась Губина. Дай-ко мнѣ лѣстовку...

Старуха взяла лѣстовку въ руки и, лежа на постели, стала перебирать ея бубенчики, читая тихонько на каждомъ изъ нихъ исусову молитву. На 30 бубенчикѣ лѣстовка выпала изъ ея рукъ и она заснула.

XIX.

Время сказать доподлинно, что это за причастіе хранилось у старухи Елизаветы Губиной. Дѣйствительно, умирая, родители ея передали ей частицу яко-бы отъ запаснаго агнца, данную имъ когда-то инокомъ Прохоромъ съ Иргиза. Отъ этой частицы родители ея причащались, но только въ моменты болѣзни своей. Въ другое же время они, на ряду съ прочими своими сектами, причащались водою. Эту частицу Елизавета Губина и берегла яко зеницу ока. Отъ нея она только разъ въ жизни, во время бывшей съ нею сильной болѣзни, отдѣлила нѣсколько крупинокъ и причастилась ими. Болѣе этого раза она къ ней не прикасалась, да и не имѣла къ этому надобности, такъ какъ послѣ этого случая она пользовалась все время цвѣтущимъ здоровьемъ. Затѣмъ, она приобрѣла отъ одной инокини съ Кавказа, гдѣ, по словамъ путешественницы, христіане проживаютъ одного съ ними согласія, имѣютъ у себя истинныхъ священниковъ и служатъ тамъ литургію, просфору, о которой монахиня сказала, что она можетъ причащаться отъ нея во время болѣзни. — „Это тоже такое причастіе“ — сказала монахиня. Елизавета Губина вѣрила этимъ словамъ проходящей монахини и также

свято цѣнила эту просфору, какъ и доставшееся ей отъ родителей—подлинное причастіе. Удѣлять отъ родительскаго причастія другимъ лицамъ она не могла потому, что оно было цѣннымъ для нея, какъ родительское благословеніе во-первыхъ, а во-вторыхъ и потому, что частица была очень мала. Отъ просфорки-же монахини Елизавета Губина давала раза 3—4 кое-кому изъ своихъ единовѣрцевъ, и то подъ секретомъ, чтобы они объ этомъ не говорили никому. Губина справедливо опасалась, что разнесется молва въ обществѣ и станутъ одна или одинъ за другимъ обременять ее своими просьбами удѣлить и имъ на приобщеніе частицу отъ имѣющейся у нея святыни. А какъ больному человѣку отказать? А не отказывать, просфорка могла-бы скоро израсходоваться, чего ей не хотѣлось. За нее она заплатила монахинѣ 50 р., да не въ цѣнѣ было дѣло, а главное хотѣлось ей имѣть у себя въ запасъ побольше святыни. Поэтому, удовлетворивъ только желаніе 4-хъ ближайшихъ къ себѣ лицъ (2-хъ бывшихъ при ней дѣвушекъ, отчаянно хворавшихъ, и еще одного мужчину и женщину, бывшихъ у нея своими людьми), она болѣе никому не давала своей просфоры и тщательно даже молчала о семъ. Ни Горина, ни Дружинина, какъ ни были они близки къ ней, не знали о существованіи у нея такой святыни. И объявить о ней она, какъ видитъ читатель, рѣшилась уже въ самую критическую минуту, когда увидѣла, что положеніе ея въ обществѣ, ея авторитетъ, благодаря ея легкомысленному довѣрію къ внуку, сильно пошатнулся; о ней позабыли, а ея пріятельницы пошли въ гору. Досадно стало ей, что совѣтовъ отъ нея больше не требуютъ, къ себѣ не приглашаютъ, мало этого,—даже третируютъ ее свысока. Не стерпѣло этого самолюбивое сердце постарѣвшей дѣвы, и вотъ, чтобы поднять фонды своего значенія, доказать обществу своихъ христіанъ, что Елизавета Губина еще не угасла и не утратила среди нихъ своего значенія, она и рѣшилась, какъ говорится, поставить единственную карту въ своей жизни, и объявила о хранящейся у нея святынѣ. Но она объявила это не публично, не прямо всѣмъ и каждому въ молельнѣ, а нарочно одной купчихѣ Дружининой, которую она хорошо знала, что та не утерпитъ и, по пословицѣ, передастъ борову, а по-

слѣдній разгласить всему городу. Этотъ путь и форму объявленія она избрала потому, что опасалась объявить о семь, сразу и всѣмъ публично, опасалась, что ей не повѣрятъ въ обществѣ и сочтутъ ее обманщицей, такъ какъ прежній авторитетъ ея уже палъ и рушился. Будь она въ капиталѣ, на прежнемъ основаніи, тогда иное дѣло было-бы. Но теперь она жила въ убожествѣ, и ей нужно было дѣйствовать осторожно, чтобы не остаться въ дуракахъ и въ посмѣяніи. И расчетъ ея оказался какъ нельзя вѣрнѣе. Секретно, на случай смерти, сообщенное одному лицу извѣстіе и распоряженіе имѣло смыслъ исключительно одного своего личного желанія, но никакъ не пропаганды. Если же это дѣло огласилось потомъ въ обществѣ, то это не отъ нея зависѣло, а отъ другихъ лицъ. Ея тутъ личного желанія и дѣйствія не было.

Сознавала, конечно, престарѣлая дѣва, что, совершая это разстройство въ своемъ обществѣ, она дѣлаетъ не хорошо. Но я уже говорилъ, что самолюбивая старуха была озлоблена, возбуждена киченіемъ купчихъ Гориной и Дружининой и потому дѣйствовала въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ сильно охватившей ее злобы на своихъ соперницъ. А извѣстно, что озлобившійся человѣкъ готовъ на ножи идти. И Губина, объятая жаромъ зла, знала, что дѣлаетъ грѣхъ, но взялась умолить его предъ Богомъ, а иродіадамъ такъ или иначе все таки насолить, чтобы помнили о ней. Къ этому нужно добавить, что въ понятіи Губиной грѣхъ этотъ былъ не изъ самыхъ важныхъ и великихъ, а такъ себѣ обыденный грѣшокъ, въ которомъ, какъ убѣждена была она, всегда можно покаяться и замолить его. Что-же! разсуждала она, раздери только общество, разстрою его нѣсколько, за то я даю имъ то, чего они не имѣли доселѣ и что должны будутъ цѣнить, дорожить и благодарить ее, какъ благодѣтельницу!

XX.

Разсужденія старухи Губиной были точны и справедливы. Общество своихъ христіанъ она знала хорошо и вѣрно, и по сему своими дѣйствіями попала какъ разъ въ цѣль, а враги ея—Горина и Дружинина даже оказали ей услугу въ этомъ.

Послѣ соборнаго разглагольствія въ домѣ Гориной, старики и старухи, узнавъ, что у Елизаветы Михайловны соблюдается настоящее древнее причастіе, тотчасъ стали прибѣгать къ ней съ доукою. Первою явилась къ ней, спустя недѣли двѣ послѣ собора, купчиха Матрена Гавриловна и стала просить у нея удѣлить ей частицу отъ своей святыни для умирающаго у нея сына. Губина выслушала горе купчихи и полѣзла въ шкатулку за святынею; но каково-же было ея изумленіе, когда въ шкатулкѣ не оказалось свертка съ святынею и она была пустою. Ужасъ охватилъ ее и пронизалъ все ея существо. Когда и какъ могла быть похищена ея святыня! Кто виновникъ этого? На дѣвку свою Ѳеклу она надѣялась какъ на себя, о визитѣ къ ней внука она позабыла и потому терялась въ догадкахъ. Губина было сырая, тучная и полнокровная старуха, такъ что съ трудомъ передвигала ноги по комнатѣ, а ходить далѣе совсѣмъ задыхалась. Теперь событіе это такъ встревожило ее, взволновало, что вся кровь бросилась къ головѣ, въ глазахъ потемнѣло и она, бросивъ на скоро завѣтную свою шкатулку, повалилась на близъ стоявшую кровать.

— Послѣ, Матреша, — послѣ пришло; промычала она какъ-то неестественно.

Матрена перепугалась и пустилась бѣжать. Видѣ Губиной былъ страшень; глаза налились кровью, лицо стало какое-то синебагровое, губы тряслись, но никакихъ словъ болѣе не выпускали. Ѳекла также перепугалась и кинулась догонять Матрену.

— Сиди, Ѳеклуша, около нея, а я сейчасъ оповѣщу, сказала послѣдняя прислугѣ Губиной.

Дѣвка вернулась и застала свою хозяйку какъ бы во снѣ, но умирающей, съ хрипотою въ горлѣ и съ пѣною у рта.

— Голубушка ты моя, касатикъ ты прясный, заголосила она, стоя передъ кроватью.

Между тѣмъ купчиха Матрена Гавриловна, взявъ извозчика, отправилась въ моленную сообщить о болѣзни Губиной. Здѣсь око купчихи Гориной, смотрительница богадѣльни Наталья Ѳадѣевна, тоже престарѣлая дѣва, выслушавъ эту печальную новость отъ Гавриловой, кинулась въ свою очередь

сообщить о семъ своей патронессѣ—Гориной. Послѣдняя, какъ ни зла была на Губину послѣ собора, однако приказала заложить пару лошадей и отправилась навѣстить Губину.

— Что съ нею? Когда и какъ сдѣлалось? спросила Горина прислуживавшую въ послѣднее время у Губиной дѣвку Оеклу.

Послѣдняя не могла сообщить причины внезапной болѣзни Губиной, такъ какъ была въ кухнѣ, когда Губина разговаривала съ Матреной Гавриловной. За-то послѣдняя подробно передала Гориной, когда, и какъ, и при какихъ условіяхъ заболѣла Губина.

— Полѣзла это она въ шкатулочку, чтобы достать мнѣ частицу отъ св. даровъ, открыла ее, посмотрѣла, вдругъ какъ ее хватить, точно обухомъ по головѣ, она скорѣе на кровать. Съ тѣхъ поръ вотъ и лежитъ, точно мертвая, говорила Матрена Гавриловна.

Въ комнату вошла Дружиниха.

— Вотъ несчастіе-то! проговорила она, смотря на Губину, лежавшую пластомъ безъ памяти. Надо за лѣкаремъ послать.

— А ты не еретичествой, строго замѣтила на это Горина. Христіанскую душу сквернить лѣкарствами не подобаетъ. Божье наказанье! Господь наказалъ, онъ и помилуетъ. Лѣкаръ тутъ не при чемъ и онъ выше царя небеснаго не будетъ.

— Истинную правду говоришь, кормилица, поддакнули другія женщины. И молодому-то человѣку не хорошо приглашать нечестивцевъ въ свой домъ, а древнему человѣку и по-давно не слѣдуетъ.

— Вонъ онъ лѣкаръ-то у насъ! Онъ все вѣдаетъ, что дѣлаетъ съ нашими тѣлесами, вторили другія.

— О хо-хо-хо! Вотъ жизнь-то наша, точно цвѣтъ увядаетъ и яко сонъ мимо грядетъ.

— Былъ человѣкъ и нѣтъ его. Сказано — отъ земли взять и въ землю пойдеша.

— Оекла! крикнула Горина. Ты покрой ее покуда бѣленькимъ платочкомъ, авось Господь дастъ и пройдетъ съ нею припадокъ-то.

— Оекла исполнила распоряженіе Гориной и покрыла лицо Губиной бѣлымъ платочкомъ.

— Не вспрыснуть ли ликъ то ея св. водою — посовѣтовала Гориной присутствовавшая женщина.

— Зачѣмъ. Если-бы это было съ глазу, тогда такъ, возразила Горина.

— Бываетъ, что и тутъ помогаетъ. Святая вода. Она цѣлебную силу имѣетъ.

— Лучше въ уста ей дать; все таки нутро освятится, а не наружность, — толковали другіе.

— Тогда нужно за старикомъ послать, согласилась Горина.

— Конечно нужно послать, — отвѣтили ей.

— Оекла! бѣги на мой дворъ къ Власьичу, скажи, чтобы шель сейчасъ же сюда исправлять Елизавету Михайловну, распорядилась Горина.

Оекла побѣжала за наставникомъ.

Въ это время Дружинина прошла впередъ, взяла со стола шкатулку; но едва лишь она сдѣлала это, какъ Горина вырвала у нея шкатулку изъ рукъ и сказала: „Ты, голубушка, не больно пускайся здѣсь хозяйствовать-то! Знай свой шестокъ“...

Дружиниха фыркнула, осердилась и стала собираться домой.

— И ты хозяйка-то здѣсь такая-же, какъ и я, рѣзко замѣтила она ей.

— Врешь! Она въ моей кельѣ проживаетъ.

— Что-же изъ этого! Такъ ты теперь и вправѣ своевольничать здѣсь. Хороша же милостыня твоя.

— Не тебѣ меня учить! Ты передо мною дѣвчонка еще! Мразь этакая...

— Отъ мрази дряхлой слышу.

— Вонъ отсюда!

— Не больно, оѣта великая, распорядиться то. Ступай въ своей моленной повелѣвай, а я тебѣ не прислуга. На-ко расходилась какъ...

Отпоръ Дружининой страшно взбѣсилъ богатую купчиху Горину. Она поблѣднѣла; губы дрожали у нея и отъ охватившаго ее волненія она не могла больше говорить. Присутствовавшія при семъ женщины принялись уговаривать разсорившихся купчихъ.

— Ни за что я не покорюсь ей! кричала Дружиниха. Много чести будетъ! Ишь фря какая.

Сказавъ это, Дружинина хлопнула дверью и уѣхала отъ больной.

— И за что она избидѣла меня? заплакала Горина. Что я поперекъ дороги ей стала. Негодная бабенка!..

Женщины стали утѣшать купчиху.

— Матреша, давай отыщемъ у больной святыню-то? успокоившись, проговорила Горина. А то неравно внучекъ то прослышитъ о болѣзни ея, ничего не дастъ намъ.

Всѣ женщины согласились съ мнѣніемъ Гориной и рѣшили произвести сейчасъ же обыскъ въ кельѣ Губиной и взять отъ нея святыню. Шкатулка, къ которой подходила Губина при Матренѣ Гавриловой, оказалась пустою. Начались разсужденія у женщинъ: дѣйствительно ли хранилась святыня у нея въ этой шкатулкѣ и такъ открыто, свободно, на виду у всѣхъ, или она спрятана гдѣ нибудь въ сундукахъ у нея? Сказать доподлинно этого никто не могъ. Матрена Гавриловна утверждала только одно, что Губина хотѣла дать ей святыню и носила ее въ шкатулкѣ, но была ли тамъ въ это время святыня, она не знаетъ, такъ какъ съ больной сдѣлался ударъ болѣзни, а она испугалась и убѣжала изъ кельи.

— Если-бы, матушка моя, была тогда у нея святыня въ этой самой шкатулкѣ, то куда же ей дѣваться? Не выкралъ же кто ихъ! сказала Горина.

— Можетъ быть у нея только ключи лежали въ этой шкатулкѣ, замѣтила Матрена Гаврилова.

— И ключей не обрѣтается здѣсь. Куда же ключи-то дѣвались? разсуждала Горина.

Стали искать у больной ключи отъ ея сундуковъ. Наконецъ ключи найдены и женщины стали рыться въ сундукахъ; но нигдѣ святыни не оказалось.

— Сама она говорила всѣмъ, помните, что у нея есть древнее причащеніе и вдругъ теперь его не оказывается, траговала Горина. Не лгала же она это. Старуха была изъ праведныхъ и словъ своихъ на вѣтеръ не пушала.

— Можно ли подумать это, благодѣтельница, на нее, отозвались присутствующіе.

— Въ келью вошелъ Власьичъ наставникъ, въ сопровожденіи Ѳеклы.

— Запирайте-ка пока все; послѣ поговоримъ объ этомъ и еще пошаримъ кое-гдѣ, а ключи-то я себѣ возьму—рѣшила Горина.

— Причасти, Власьичъ, больную-то, распорядилась Горина. Она должно быть не жилецъ на семь свѣтѣ.

Власьичъ вынулъ изъ кармана лѣстовку, нашелъ подручникъ и сталъ полагать началъ. Ѳекла принесла ему въ бутылкѣ освященную воду, чайную чашку съ серебряной ложечкою и все это поставила предъ нимъ. Власьичъ прочиталъ начальныя молитвы, затѣмъ тропари: „Помилуй насъ Господи, помилуй насъ...; псаломъ: „Помилуй мя Боже“... Символь вѣры. Затѣмъ, взявъ чайную чашку съ налитой водою, онъ подошелъ причащать больную. Горина сдернула платокъ съ лица Губиной. Власьичъ, почерпнувъ ложечкой воды, сталъ вливать въ уста безъ чувствъ лежащей больной. Вода не проглатывалась ею и потекла обратно.

— Преставляется совсѣмъ,—проговорила Горина.

— Умираетъ,—поддакнули женщины.

— Канунъ-бы надо... посовѣтовала одна изъ женщинъ.

— Это вѣрно, согласилась Горина. Власьичъ! читай-ка канунъ на исходъ души и тѣла.

Власьичъ спросилъ псалтирь и началъ читать начало молебна. Прочитавъ 1 ирмосъ канона Власьичъ сталъ: онъ не зналъ, какой запѣвъ дѣлать ему къ стихамъ канона.

— Агафья Каллистратовна! Какой же припѣвъ-то дѣлать кануну? спросилъ Власьичъ, обратившись къ купчихѣ.

Вопросъ этотъ озадачилъ купчиху и другихъ женщинъ. Всѣ знали канонъ, „на исходъ души отъ тѣла“, положенный въ псалтири, но какой припѣвъ къ тропарямъ канона, никто этого не зналъ и не слыхалъ никогда. Самъ Власьичъ тоже читалъ этотъ канонъ первый разъ въ жизни.

— О болящей надо молиться, посовѣтовала одна изъ женщинъ.

— Что ты matka. Какая она болящая, коли совсѣмъ на исходъ! возразила ей другая.

— Истинно такъ. Преставленье ужъ ..

— Чуть-чуть душа имѣется... Какая тамъ болящая!..

— Молись, Власычъ, за упокой ея души, рѣшила Горина. Оживетъ—грѣха не будетъ въ этомъ: вѣдь мы о душѣ молимся-то, а не о тѣлѣ. А душѣ всегда пріятно быть въ раю.

Власычъ сталъ дѣлать припѣвъ къ тропарямъ канона: „Покой, Господи, душу усопшія рабы твоея Елизаветы“.

XXI.

Елизавету Губину сильно расшибъ параличъ. Упавъ на кровать, она какъ пластъ лежала на ней и хрипѣла. Быть можетъ, если бы медицинская помощь дана была ей своевременно, она и поправилась бы нѣсколько, но собравшіяся купчихи рѣшили, что призывать лѣкаря къ старухѣ грѣшно и не нужно. Причащеніе водицей, канонъ на исходъ души не принесли ей облегченія и даже не привели ея въ чувство. Едва успѣли послѣ канона развѣхаться и разойтись по домамъ единовѣрцы ея, какъ старуха Губина, съ пѣной у перекошеннаго рта, съ хрипотою въ горлѣ, скончалась и стала бездыханнымъ трупомъ. Ѳекла донесла объ этомъ Гориной, а послѣдняя сдѣлала распоряженіе убрать покойницу и начать чтеніе псалтыря и пѣнія панихидъ. Спустя нѣкоторое время въ келью покойной явилась и сама купчиха Горина и снова начала обшаривать ея сундуки, отыскивая въ нихъ нужную ей святыню.

— Скажи, Ѳеклуша, не говорила ли тебѣ когда нибудь Елизавета Михайловна, что у ней имѣется св. причастіе? — спрашивала Горина прислугу.

— Прямо не говорила этого, Агафья Каллистратовна, а стороною знаю, что у нея было это — отвѣтила Ѳекла.

— Гдѣ же оно у нея?

— Не знаю.

— Не выкралъ ли кто его у нея?

— Кому же взять-то...

— И дивное дѣло, куда оно дѣлось..., разсуждала Горина, сидя у раскрытаго сундука и перебирая въ немъ всѣ свертки и разные узелки.

Въ это время, какъ снѣгъ на голову, вошелъ внукъ умершей, Александръ. Онъ былъ на-веселѣ и уже зналъ о ея смерти.

— Кто позволилъ основаться здѣсь автономіи, когда въ наличности имѣется сей адресатъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ Гориной и указывая на себя.

Горина нѣсколько струсилла.

— Рцы глаголь свой, грозно зарычалъ онъ.

— А ты будешь, Александрушко, кричать-то: покойница вѣдь,—замѣтила Горина, оправившись отъ смущенія и стараясь быть ласковѣе съ нимъ.

— Мертвый во гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій — продекламировалъ онъ.

— А ты будешь балагурить-то, Саша: тутъ плачу достойно, а онъ—шутки пушаетъ.

— Плачу и рыдаю въ утробѣ своей, но видимо ликую. Ключи Милитриса Ухватовна. Ключи единственному законному наслѣднику.

— А ты, Саша, не куражься. Поганымъ-то именемъ не величай меня, — я имѣю себѣ святое имя мученицы Агафьи.

— Что мнѣ въ имени твоёмъ! Ключи сюда...

— На что тебѣ ихъ?

— Довлѣетъ законному наслѣднику все благопріобрѣтенное подвергнуть тщательной ревизіи.

— Платки, сарафаны старушичьи, а денегъ ни алтына.

— Не имѣемъ вѣры сему. Аномалія преподносится.

— Вотъ тебѣ Христось, коли не вѣришь словамъ, — божилась Горина.

— Христось на небѣ, а люди на землѣ.

— Какъ же теперь тебя увѣрить-то?

— Сказано: ищите и обрящете. Сему и послѣдую.

— Ты вотъ что, Саша, если хочешь сколько на выпивку, такъ возьми и иди отсюда. Покойницу надо вѣдь похоронить по христіански, а ты мѣшаешь.

— Я мѣшаю. Да я сейчасъ весь клиръ созову къ ней. Самого протопопа представляю.

— Кого это?!—встревожилась Горина.

— Отъ Никона, мадамъ

— Господи Ісусе Христе! — въ ужасѣ вскричала купчиха — Кости то умершей тревожить. Огорошилъ, нечего сказать.

— По христіански, мадамъ, сдѣлаю, со всей торжественностью...

— Голубушка ты наша, Елизавета Михайловна! — заголосили присутствующія женщины, — въ жизни своей ты никогда не видала поповъ, а теперь, въ умерствіи твоёмъ, хотятъ осквернить твое тѣло.

— Магдалины! Прекратите свой плачь и стenanія.

— Вотъ что, Саша, не мучай ты насъ уже, не клади позора на наше общество, а говори, сколько тебѣ дать, да и оставь насъ въ покоѣ, — сказала Горина.

— Сколько осталось у бабушки денегъ?

— Ничего нѣтъ у нея, вотъ тебѣ Христосъ, — божилась еще разъ Горина.

— Ключи отъ сокровищницы!

— Я дамъ тебѣ 50 р. и ты иди съ Богомъ.

— Тю-тю-тю! Это, мадамъ, долго торговаться мы будемъ. Лучше сюда — ключи, и я направлю стопы своя къ Никону...

Ключи и Никонъ были для Гориной то-же, что ножъ по сердцу. Выдать ему ключи отъ сундуковъ ей не хотѣлось, потому-что отложенныя старухою деньжонки на похороны лежали еще тамъ, а вслѣдствіе этого не хотѣлось ей отдавать старуху хоронить по православному, какъ грозилъ это сдѣлать внукъ умершей. Съ его стороны это послѣднее было ничто иное, какъ одна лишь угроза, съ цѣлью выманить побольше денегъ отъ Гориной.

Между Гориной и внукомъ умершей начался торгъ: онъ просилъ 1000 р., купчиха понемногу прибавляла, а онъ уступалъ. Наконецъ, сошлись на 500 р., которые она полностью и вручила ему тутъ же.

— Ну, бабуся, прощай покуда. Милитриса Ухватовна! Когда хоронить-то ее думаете?

— Дня черезъ два, Александръ Васильевичъ, — отвѣтила Горина.

— Ладно. Явлюсь лицомъ къ лицу. А пока адье, магдалины. Надо-бы бабуся взрѣзать, да посмотрѣть въ ея нутрѣ, —

коихъ ради причинъ она скончалася? Ну, да дѣлайте ужъ какъ хотите.

— Что-ты, Александръ Васильевичъ, какія слова говоришь! разомъ вскричали женщины. Старуху рѣзать... Да есть ли на тебѣ крестъ-то!...

Но Александръ, не выслушавъ, вышелъ на дворъ и зашагалъ по улицѣ.

Проводивъ его, Горина тутъ-же распорядилась, чтобы схоронить старуху завтра.

— Нечего блюсти ее при такомъ срамникѣ. Изрѣжетъ ее, бѣдную, и поповъ назоветъ, отъ него это все станетъ. Пропалъ человѣкъ! Ему теперь все ни по чемъ,—говорила Горина.

— Экій забулдыга-то сталъ,—разсуждали женщины. Родную бабушку, что воспитала его, окаяннаго, съ малолѣтства, изрѣзать хочеть, точно мясо. Ахъ, оглашенный! Вотъ уже не путемъ зарожденный-то. Идолъ, прости Господи! И гдѣ научился, непутевый, говорить по окаянски-то? Такъ и сыпить слова-то, что твой жуликъ.

— Да; покойница молчала, а грѣшокъ-то у всѣхъ на виду, сказала Горина. Замѣтили! Сашка-то вылитый, точно покойница.

— И то, Агафья Калистратьевна! обрадовавшись новѣйшей темѣ разговора, оживились женщины. И у гроба покойной началось злословіе. Горина вымещала свою злобу надъ покойной, а другія, чтобы польстить и услужить богатой купчихѣ, вторили ей, и наперерывъ сказывали все то, что онѣ, или слышали, или просто приходило имъ въ голову.

— Давно, родимая, слышали, что сынокъ ей, Сашка то, проговорила одна изъ богомолокъ.

— Какъ же! Святошей выставлялась только, а сама, не хуже другихъ, держала хвостъ-то, ораторствовала Горина. Смотрѣла въ книгу, а видѣла фігу. А хитра была, покойница! Нашла сыночка, да и на сторону его пока, а потомъ во внучка произвела, его, да и носилась, точно съ писаной торбой. Не потерпѣлъ Господь,—ишь, какое дѣтище! И отъ вѣры отступникъ, и живетъ не по христіански, и говорить то разучился по благочестію.

— Съ кѣмъ поживешь, Агафья Калистратьевна, того и наберешься. Со избраннымъ избранъ будеши, а со строптивымъ развратишься, поддакнула другая.

На другой же день покойная снесена была на кладбище и зарыта. Внукъ ея больше не видѣлъ своей бабушки.

Оставшееся послѣ умершей Губиной разное платье Горина раздала читалкамъ и своимъ богадѣлкамъ, а лучшія вещи, напимѣръ, мѣховыя, золотыя, книги, иконы забрала къ себѣ, изъ коихъ частью подарила своей напереницѣ Наталіи Ѳадѣевой, и частью раздала другимъ знакомымъ ей, бѣднымъ женщинамъ. Денегъ у Губиной осталось всего 1200 рублей, оставленные ею на гробъ и саванъ и поминовение. Что роздано въ долги—христіане прикарманили. Келья Губиной тоже была продана Гориной, и всѣ деньги въ полномъ количествѣ она взяла себѣ. Изъ нихъ Горина раздавала потомъ своимъ молитвенникамъ пяточки и гривеннички, чтобы молились за нее, Агафью Калистратьевну, какъ благотворительницу и питательницу сирыхъ и убогихъ. Но все это не удовлетворило купчиху Горину: не оказалось въ имуществѣ Губиной самаго главнаго—святыни, древняго причастія, о которомъ говорила старуха на соборѣ, и которое, какъ увидитъ читатель изъ послѣдующей главы, попало въ руки другой особы. Послѣднее такъ обозлило купчиху Горину, что она постоянно проклинала ее и, вмѣсто молитвы, ругала ее на всѣ корки.

XXII.

Выкравъ у старухи Губиной свертокъ съ завѣтной для нея святыней, внукъ ея, Александръ, тутъ же и представилъ его купчихѣ Дружининой.

— Что, Александрешко, съ какою вѣстью идешь? встрѣтила его купчиха.

— Самой возвышенной и превеликой, мадамъ. Успѣхъ необычайный. Святыня въ моихъ нѣдрахъ, отвѣтилъ галахъ.

— Уже ли?! обрадовалась Дружинина.

— Ликуй и радуйся дщи Сіона. Дѣло въ шляпѣ.

— Слава Богу! крестилась Дружинина. Какъ это тебѣ удалось, да такъ скоро?.. Я не ожидала.

— Слово Александра должно быть точно. Бабуся и шка-тулку-то не заперла.

— Спасибо тебѣ, Александрюшка. Показывай.

— Вотъ святилище!—торжественно потрясалъ онъ свертокъ.

— Давай въ руки-то. Надо разсмотрѣть..

— Остальные франки въ десницу, мадамъ. Скорбь претерпѣваю безъ нихъ.

— Знаю, знаю. Развѣ я обману тебя. Что опредѣлила, то и выдамъ. Въ этомъ не опасайся.

— Все-таки благонадежныѣ, когда персты осязательно воспримуть реконпансъ.

— А можетъ быть ты что-нибудь другое принесъ?

— Нонъ, мадамъ. Что потребно, сіе и вручается. Же ву при, бель фамъ.

И онъ вручилъ свертокъ Дружининой.

Послѣдняя взяла его съ благоговѣніемъ, предварительно перекрестившись, смотря на иконы. Свертокъ былъ перевязанъ шелковой красной ленточкой въ бѣлой толстой бумагѣ. Дружинина развязала ленточку, раскрыла бумагу и увидѣла шелковый мѣшечекъ, стянутый шелковымъ снуркомъ. Изъ мѣшка она опять вынула свертокъ въ бумагѣ, развернула его и гла-замъ ея предстала святыня: обломанная и уже засохшая просфора, нѣсколько надробленныхъ частицъ и особо лежалъ еще большой кусочекъ, отдѣльно завернутый въ бумажку.

— Спасибо тебѣ, Александрюшка, спасибо. Возьми вотъ за свой трудъ и умѣнье.

И Дружинина вручила ему остальную часть денегъ.

— Грань мерси, мадамъ. За ваше древнее благочестіе дерзну усладить себя красоулей очищеннаго, всероссійскаго произведенія.

— Ахъ, Александрюшка! Какой ты... Дружинина запну-лась и не знала, что сказать. У нее вертѣлось слово „пьяница“, но она стѣснялась сказать его, а замѣнить его другимъ сло-вомъ она не нашлась. Въ приливѣ радости ей жалко стало за-булдыгу и она рѣшила побесѣдовать съ нимъ.—„Брось ты

пить эту окаянную водку! Ну что ты нашелъ въ ней хорошаго? Посмотри, какъ ты измѣнился: и лицо, и одежда твоя...

— Напрасно, мадамъ, слова расточаешь. Вино веселитъ сердце человѣка. Плоть моя изнеможе и яко разслабленъ пребываю.

— Надо укрѣпиться, Александрюшка. Помолись, попустишь...

— Я, мадамъ и безъ того голодомъ одержимъ. Теперь, конечно, напитаю себя и другихъ страстотерпцевъ со мною, которые также пребываютъ въ гладъ, нази, не имуще брачной одежды, якоже и азъ. А то постъ? Онъ у насъ всегда, мадамъ, этотъ постъ-то въ желудкѣ.

— Ну попроси Бога избавить тебя отъ лютыя страсти. Помолись св. мученику Вонифантію, онъ испѣляетъ запойныхъ-то? Не хочешь? Жалко на тебя глядѣть-то... Да ты, Александрюшка, не ходишь въ Никонову-то церкву?

— Всегда грѣмся въ ней отъ морозовъ.

— Ну а вѣру-то ты содержишь въ Никона? Молишься съ никоніанами, сирѣчь?

— Наша молитва, мадамъ и къ Никону и ко всякому Тихону, лишь бы выпросить на пропитаніе немощной плоти. Поэтому мы всегда абонируемъ мѣста около двери церкви, да видимы будемъ предъ человѣки.

— Ты мнѣ все околесную несешь, Александрюшка. Я тебя спрашиваю: какъ ты думаешь спастись? По Никоновой вѣрѣ погибель, а не спасеніе.

— Когда я жилъ у бабушки, то въ ея апартаментахъ спасался; и когда она изволила чести каноны и поученія въ моленной, я пространныя бесѣды велъ съ ея наперсницами, тщательно укрываясь отъ ея бдительнаго, строгаго ока. И все же иногда попадалъ въ просакъ, доставалось и мнѣ, и дѣвцамъ... А теперь спасаюсь въ ночлежномъ, у Архипа Сидорыча — смотритель нашего дома! Зѣло строгій управитель: безъ паспорта, безъ денегъ не терпитъ нашей братіи. Иного спасенія не имамы.

— Съ тобой нельзя говорить: тебѣ держишь рѣчь о дѣлѣ, а ты говоришь пустяки, — обидчиво сказала Дружинина.

— Ревуаръ, мадамъ баранесъ!—расшаркался Александръ. Желая питать свою душу святынею, о Господѣ пребывать, и насъ сирыхъ подачками не забывать.

— Вотъ языкъ-то! И мелеть, и мелеть что попадетъ. Пропащій человекъ.

Александръ ушелъ, а Дружинина, взявъ свою святыню, отправилась въ моленную комнату и заперла ее въ ящикъ, подъ иконою.

— Пусть теперь толкуютъ и Горина и Губина о причасти: оно здѣсь вотъ, разсуждала купчиха. Но разсуждать имъ послѣ собора на эту тему не пришлось больше: старуху Губину хватилъ параличъ, и купчиха Горина пріѣхала къ ней, когда она стала уже живымъ трупомъ. Вѣсть о сильной болѣзни старухи дошла и до купчихи Дружининой и она также поѣхала навѣстить ее. При видѣ больной старухи и тѣхъ разсказовъ, какіе сообщила Матрона Гавриловна, Дружинина хладнокровно сидѣла и ни чѣмъ не выдала себя: ни раскаянія, ни сожалѣнія къ больной и своимъ интригамъ, ничего этого не было; напротивъ, ее все время преслѣдовалъ одинъ интересъ и любопытство, какъ бы взглянуть въ стоявшую на столикѣ шкатулку и убѣдиться, что пьянюга Сашка дѣйствительно укралъ изъ нея святыню и передалъ ее ей. Не обманулъ ли онъ ее? вотъ вопросъ, который вертѣлся въ головѣ Дружининой и не давалъ ей покоя. И она не вытерпѣла: улучивъ минутку, она прошла впередъ, взяла шкатулку и начала рыться въ ней. Горина крикнула на Дружинину, сказала ей дерзость, отняла у нея шкатулку, но Дружининой ничего больше не нужно было, она уже убѣдилась въ похищеніи святыни, а святыня лежала именно въ этой шкатулкѣ, а не другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Убѣдившись въ этомъ, она дала сдачи Горинной, наговорила ей въ свою очередь дерзостей и разсерженная уѣхала домой.

Раздѣвшись, Анна Ивановна тотчасъ послала дворника разыскать Александра и сообщить ему о болѣзни бабушки. Его нашли и Дружинина нашколила его, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

— Ты, Александрюшка, одинъ наслѣдникъ всего ея имущества, ты и распорядься тамъ. Къ чему Гориха-то лѣзетъ! Гони въ шею ее.

Но Александръ не послѣдовалъ ея совѣту и наставленію. Онъ, какъ видѣлъ это читатель, находясь подъ вліяніемъ Бахуса, только куражился предъ Гориною и въ концѣ концовъ уступилъ ей и похороны умершей, и имущество ея, за самую небольшую часть денегъ. Онъ не захотѣлъ вѣдаться съ тряпьемъ умершей бабушки, о деньгахъ же у нея онъ совсѣмъ не зналъ и потому радъ былъ, когда Горина безъ всякихъ хлопотъ сразу вручила ему солидную сумму денегъ. Съ ними онъ отправился къ друзьямъ — пріятелямъ и закутилъ во всю ширь и мочь русской природы, испытывая удовольствія жизни. Когда недѣли 2 спустя Александръ явился на пепелище бабушки, имѣя въ виду еще сорвать кое что изъ оставшагося послѣ нея имущества, то въ кельѣ ея нашелъ другихъ хозяевъ. Онъ пошелъ къ Гориной, но та не приняла его и приказала дворнику не впускать его болѣе во дворъ къ ней. Выйдя на улицу, Александръ грозно махалъ рванымъ картузомъ и ругалъ Горину, какъ воровку, обворовавшую его кругомъ и угрожалъ привлечь ее къ суду, за самовольную продажу имущества умершей его бабушки; но это была безсильная злоба потеряннаго и промотавшагося человѣка. Даже звукъ его хриплаго голоса не дошелъ до ушей богатой купчихи, замкнувшей въ своихъ роскошныхъ апарта-ментахъ.

— Треклятые кулугурники! Иродово племя! Мошенники 96-й пробы! Тоже святыню ищутъ, а сами въ карманъ къ убогому человѣку лапу запускаютъ, кричалъ Александръ, идя по улицѣ, по направленію къ братіи золотой роты.

Прохожіе только посмѣивались надъ нимъ. Знакомые раскольники останавливались и тогда, выпросивъ пятакъ, Александръ пускался въ откровенности и рассказывалъ всѣ дѣла раскола. Авторъ сего разсказа многимъ обязанъ Александру, котораго зналъ, и получилъ отъ него свѣдѣнія изъ жизни „благочестивыхъ“ христіанъ, именующихъ себя старо-обрядцами.

XXIII.

Дружинина перестала ѣздить въ моленную къ купчихѣ Гориной и завела особое богослуженіе въ своемъ домѣ. Она взяла къ себѣ еще 3-хъ дѣвокъ—пѣвицъ, отвела имъ на жительство чердакъ въ своемъ домѣ, кормила и одѣвала ихъ, за что въ свободное время отъ службы, онѣ работали на нее. И церковь и штатъ при ней сформировался быстро и дѣло пошло ходомъ. Сначала богослуженіе совершалось дѣвицами въ образной комнатѣ купчихи Дружининой, а потомъ она уговорила мужа сдѣлать во дворѣ пристройку и для моленной сдѣлано особое помѣщеніе. Для кажденія и замолитвования во время службы, Анна Ивановна прискала себѣ старика и онъ сталъ настоятельствовать въ моленной. Старикъ едва умѣлъ читать, но Анна Ивановна этимъ не стѣснялась, она приказала читать евангеліе одной дѣвушкѣ, а старикъ такъ и остался при своей ручной кадильницѣ; въ свое время онъ раздувалъ въ ней жаръ, кадилъ иконы, людей и дѣлалъ возгласы за службу. Возгласы состояли изъ одной „Исусовой“ молитвы, такъ какъ пѣвцамъ требовалось слово „аминь“. Въ этомъ и состояло все настоятельство старика—настоятельство надъ кадильницей, которую онъ берегъ, чистилъ къ празднику и заботился еще о ладанѣ—простомъ и росномъ, чтобы того и другого было вдоволь и онъ былъ чистый, просѣянный.

Во всемъ остальномъ завѣдывала сама Анна Ивановна, за что мужъ ея прозвалъ ее игуменьей. Она заботилась о чистотѣ моленной, ея благоуукрашеніи, порядкѣ службы и пр. и пр. Предъ праздниками эти же дѣвки — уставщицы, по ея приказанію, вымоютъ полъ въ моленной, перечистятъ съ старикомъ всѣ ризы на иконахъ, всѣ металлическія вещи, какъ то: лампадки, подсвѣчники и пр. и пр., — разставятъ свѣчи, гдѣ нужно, и по ея слову, начинается служба. Послѣ службы, она всегда удостоивала старика и дѣвокъ приглашеніемъ къ чаю, который пила вмѣстѣ съ ними; нерѣдко оставляла и обѣдать. Для послѣднихъ

это была великая честь и они дорожили ею крѣпко, и потому всякое распоряженіе, всякое слово купчихи они исполняли. За такую услугу ихъ, она дарили ихъ деньгами, давала обноски изъ одежды съ себя и мужа, покупала новой матеріи, словомъ не забывала ихъ своимъ подаяніемъ. И живетъ этимъ 4-мъ голубицамъ на чердакѣ у купчихи Дружининой тепло и пріятно, какъ у Христа за пазухою. Сытно и старику Кондратычу около той же купчихи. Бѣдные, ничтожные люди, — гдѣ бы ни питаться, да не умереть съ голода. А тутъ при всемъ этомъ и почестъ маленькая. Въ хорошемъ богатомъ дому, при хорошихъ людяхъ состоятъ и вмѣстѣ съ ними кушаютъ одну трапезу. Не сухая корка, не поденная работа, не сырой уголь жилья. Мало ли подобныхъ имъ лицъ, которыя завидуютъ ихъ житью безъ труда и работы, въ теплѣ и довольствѣ.

Прихожанъ около Анны Ивановны сгруппировалось немало: всего около 60 лицъ. Но довольно для нея и этого: не пустая моленная и ладно. Не одна она молится въ ней, а съ ликомъ народа, съ причтомъ и настоятелемъ впереди. Душѣ Анны Ивановны пріятно и усладительно все это видѣть. Фиміамъ курится предъ нею обильно; молитва за нее возносится многими устами публично во всеуслышаніе; почестъ, угожденіе на каждомъ шагу. Чего же еще желать ея грѣшной душѣ! И это не всякій можетъ видѣть. Разъ — два, да и обчелся.

Стоитъ Анна Ивановна въ моленной на особомъ возвышеніи, на дорогихъ коврахъ, и зорко смотритъ за всѣмъ, что дѣлается вокругъ нея. Устанетъ, опустится на кресло и отдохнетъ. Утомится тѣмъ и другимъ, выйдетъ вонъ изъ моленной, пройдетъ на свою половину дома и приляжетъ на кушетку отдохнуть, подумать о чемъ либо, или просто полежать въ иной сферѣ, да наконецъ хоть потолковать съ кѣмъ либо изъ молящихся. Задумаетъ она выйти изъ моленной, посмотритъ на женщинъ, намѣтитъ кого ей нужно, позоветъ къ себѣ и скажетъ: „ну-ко, бабочки, проводите меня домой. Утомилась что то... А бабочки ужъ безъ всякой просьбы съ ея стороны берутъ ее подъ руки и ведутъ точно архіерея, вполнѣ довольныя, что онѣ, а не кто-нибудь другой удостоился вести

ее въ ея апартаменты. А такихъ другихъ, желающихъ побыть въ домѣ купчихи, посидѣть и побесѣдовать съ нею наединѣ, интимно, вся моленная. Еще бы! Такая честь хотъ кому пріятна. Ну и приведутъ они Анну Ивановну, посадутся около нея, точно вороны надъ добычею, и начнется карканье со всѣхъ сторонъ. Чего-чего не скажутъ ей эти вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Сплетни, пересуды, сужденья пойдутъ неударжимымъ потокомъ, только слушай Анна Ивановна. А послѣдняя еще поощряетъ ихъ къ этому словоизліянію, выслушиваетъ все, что ей говорятъ, и потомъ разбирается въ этомъ сыромъ многочисленномъ матеріалѣ всего высказаннаго. Если приведшія въ комнату Анны Ивановны принадлежатъ къ числу общипанныхъ воронъ въ жизни, онѣ не преминутъ въ концѣ концовъ высказать ей о своихъ нуждахъ, расплачутся при этомъ и Анна Ивановна сжалится, сунетъ ей рубликъ, другой, или дастъ какой нибудь обносокъ изъ одежды, или пообѣщаетъ ей купить что нужно. Вороны кинутся клевать ей руки, стукнуть раза 2, 3 въ ножки ей и выйдеть, что и воронамъ было хорошо, и Анна Ивановна отдохнула за ихъ разговорами. Иногда такіе разговоры затягивались такъ долго, что догадливая уставщица приходила доложить Аннѣ Ивановнѣ, что служба приближается къ концу. И если разговоры были интересны, Анна Ивановна увлеклась сообщаемымъ ей матеріаломъ, она обычно говорила: „ну, Оксиньюшка, или Дарьюшка, молитесь себѣ тамъ... Если же свѣдѣнія были не интересны, то Дружинина вставала и снова шла въ молѣнную. А здѣсь любопытныя богомолки успѣли уже остановить шедшую впереди уставщицу и распросить ее: что она слышала тамъ? о чемъ говорила Анна Ивановна съ ушедшими женщинами? Служба идетъ своимъ чередомъ, а у порога моленной цѣлый базаръ. Обернется старикъ-кадильникъ, слышавъ разговоръ въ толпѣ женщинъ и также подойдетъ къ нимъ и приметъ участіе въ разговорѣ. Толковня идетъ оживленная; одинъ другого перебиваетъ, разводитъ руками, причемъ лѣстовки болтаются изъ стороны въ сторону. И не мудрено: 5—6 часовъ службы безъ перерыва, утомительно дѣйствуютъ на молящихся, которые въ вытяжку стоятъ, не принимая никакого участія въ совершеніи службы.

Но вотъ слышится шумъ, отворяется дверь въ моленную и вдали показывается шестіе настоятельницы и попечительницы общества купчихи Анны Ивановны. Изъ группы говорящихъ быстро выскальзываетъ уставщица и бѣжитъ на клиросъ, гдѣ она должна пѣть и помогать другимъ товаркамъ, боясь получить выговоръ отъ купчихи, выговоръ не за то, что своимъ разговоромъ съ богомолками она произвела безчиніе въ моленной, нѣтъ, разговоры въ старообрядческихъ моленныхъ во время службы вообще допускаются и существуютъ рѣшительно вездѣ и всюду какъ бы на законномъ основаніи, и какъ бы это такъ и должно быть и безъ чего дѣйствительно ни одна моленная не существуетъ въ расколѣ, а за то боялась уставщица получить выговоръ, что нужно было пѣть на клиросѣ, а она воловодится съ бабами. Касательно же разговоровъ въ моленной, Анна Ивановна ничего не имѣла противъ этого, да и не могла имѣть ихъ, какъ истовая старообрядка, отъ костей до мозга пропитанная всѣми обычаями и порядками раскола. Напротивъ, подобные разговоры ея людей нравились ей, потому что она хорошо знала, что всѣ эти разговоры сосредоточивались главнымъ образомъ на ея особѣ. А кому же изъ насъ не пріятно быть предметомъ всеобщаго вниманія, разговора о насъ и нашихъ дѣйствіяхъ, особенно когда они восхваляются, одобряются и ублажаются! Анна Ивановна была изъ самолюбивыхъ женщинъ; ей нравилось видѣть и слышать кажденіе своей особѣ. Поэтому, войдя въ моленную, среди разступившейся и раболѣпно державшей себя толпы богомольцевъ, она милостиво и съ улыбкою посмотрѣла на народъ и стала на свое мѣсто. Бисерная лѣстовка, съ шитыми золотомъ лопостями была у нея на рукѣ; на самой шелковый голубой сарафанъ, отдѣланный позументомъ и 40 пуговицами, вызолоченными, на переди. Ноги были обуты въ мягкія туфли, на головѣ шелковый платокъ и бѣлые прозрачныя рукава сорочки, сквозь кружева которой ясно виднѣлись ея бѣлыя холенныя руки съ частью спины и груди. На подобіе директорши какого-нибудь учебнаго заведенія, стояла Анна Ивановна на своемъ мѣстѣ и отдавала приказанія двумъ дѣвушкамъ, безотлучно состоявшимъ при ея особѣ, въ качествѣ ея адъютантовъ.

Да, завидное положеніе заняла Анна Ивановна въ расколѣ и не даромъ увлекаются имъ подобныя ей купчихи, отказываясь отъ шума, веселья и жизни въ свѣтѣ. Великимъ столпомъ служить она въ расколѣ и нѣсколько десятковъ лицъ привязаны къ ней и руководятся ея мнѣніемъ и совѣтами. Только мужъ Анны Ивановны скептически относится ко всѣмъ ея поступкамъ и дѣйствіямъ, шутливо называя ее игуменькою. Онъ предоставилъ Аннѣ Ивановнѣ половину дома, гдѣ она, по его выраженію, и чудодѣйствовала со своей братіей. Онъ изолировалъ себя на своей половинѣ и жилъ вдали отъ жены. Анюта! скажетъ онъ женѣ: ты свою половину-то обратила, не то въ монастырь, не то въ ковчегъ Ноя. И кого только у тебя не бываетъ! Ужели все это тебѣ интересно? Это волновало Анну Ивановну и она тотчасъ скрывалась на свою половину и дулась на него въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Дѣтей у Дружининыхъ не было. И съ тѣхъ поръ, какъ Анна Ивановна стала изображать собою игуменью въ своей общинѣ, она перестала быть и женою Дружинина.

XXIV.

Давно уже мы оставили Ивана Макарова Калинина при его моленной, какъ не принимавшаго никакого участія въ спорахъ и раздорахъ обрисованныхъ нами купчихъ: Губиной, Гориной и Дружининой. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ этого бабья и все время дѣйствовалъ, какъ хотѣлъ. Составленная имъ партія крѣпко привязалась къ нему и его моленной и онъ вершилъ дѣла по своему усмотрѣнію. Уничтоженный имъ врагъ его, купецъ Трушинъ, болѣе не вступалъ въ борьбу съ Калининымъ. Послѣ того, какъ моленную Губиной продали съ молоточка, купецъ Трушинъ проектировалъ было выстроить новую, но потомъ онъ столкнулся съ Иваномъ Федорычемъ Дружининымъ, передалъ ему свою скорбь, а послѣдній, расхотавшись, сказалъ: „Плюнь ты, Еремѣй Силычъ, на всю эту возню съ уставщиками и богомолками. Что тебѣ за охота разыгрывать роль гороховаго царя среди глупцовъ! Удивляюсь право... Веди свое прямое дѣло, — торговлю, а лампадные и

восковыя дѣла съ уставщиками предоставь нашимъ бабамъ, — пусть ихъ возятся!

Трушинъ былъ ошеломленъ такой рѣчью своего собрата-единовѣрца. Онъ никакъ не ожидалъ слышать такое слово отъ своего единовѣрца и полагалъ, что онъ дѣлаеть такое великое дѣло, за которое его должны только хвалить.

— Ужели, Иванъ Ѳедорычъ, я дѣлалъ все это зря? Кажись, дѣло Божіе.

— Дѣло-то Божье, дружище, да взялись-то вы за него не по праву. Ну, суди самъ: кто тебѣ препоручилъ устраивать моленныя, собирать уставщиковъ, народъ привлекать къ себѣ и пр. Никто вѣдь тебѣ этого не приказывалъ?

— Конечно; но какое же тутъ должно быть приказанье?

— Да какъ же, другъ мой! Вотъ теперь у насъ съ тобою лавки, ты—по желѣзу, я—съ кожами возусь. Кто у насъ законы издаеть? Деньги мнѣ Богъ далъ; а я на нихъ основалъ торговлю, людей приспособилъ къ своему дѣлу и веду его. Такъ и ты. Значить хозяева въ лавкахъ — мы, а не кто нибудь другой. Не можемъ же мы съ тобою, къ примѣру, прійти къ Алексѣю Павлычу въ лавку, и распорядиться у него?

— Это, конечно, Иванъ Ѳедорычъ, такъ; но вѣдь дѣло Божье особъ статья. Одно съ другимъ мѣшать не довлѣеть.

— Я и не мѣшаю, дружище, а только представляю тебѣ начало всякаго дѣла. Ты самъ сказалъ, что это дѣло Божіе, такъ Богъ то приказалъ тебѣ строить моленную и собирать народъ въ учебу?

Трушинъ заерзалъ на стулѣ, не зная, что отвѣтить Дружинину на этотъ вопросъ. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Это такъ; но какъ же Богъ-то прикажетъ? Христіане должны пещись о христіанствѣ и распространять его.

— Вотъ тутъ-то и ошибка, милый другъ! Если ты христіанинъ, то и соблюдай его, свое христіанство-то; а другихъ людей не трогай, потому тебѣ никто ихъ не препоручилъ. У Бога свои распоряженія: сначала онъ апостоловъ приставилъ къ церкви, потомъ отъ нихъ другіе стали продолжать ихъ службу.

— Это попы-то?! Да всѣ архіереи и попы нынѣ подѣлались еретиками! Нешто ихъ можно слушать и почитать за святителей? Отъ нихъ, точно отъ заразы, должно бѣгать.

— Я не знаю; можетъ быть и дѣйствительно все священство заразилось нынѣ какими-то ересями, но вижу и то, что и у насъ большой непорядокъ. Моя жена завела свою церкву, Калининъ открылъ другую, тамъ Горина основала третью, ты вотъ еще думаешь создать церковь, — которая же лучше и справедливѣе.

— Да вѣдь у насъ служба-то все едино.

— А если едино, зачѣмъ колотьяся! Въ томъ-то вотъ и штука, что захотѣлъ ктонибудь, то и орудуетъ. Разругалась моя жена съ Гориною и свою церковь создала. Нечто это Богъ приказалъ. У тебя съ Калининымъ тоже самое...

— Чудно ты, Иванъ Ѳедорычъ, разсуждаешь! Такихъ мыслей я еще не встрѣчалъ въ своихъ христіанахъ.

— Потому и чудно тебѣ кажется, что всѣ наши старообрядцы, по большей части, самолюбцы, гордецы, воображаютъ себя, особенно нашъ братъ, купецъ, что онъ и въ дѣлахъ Божіихъ понимаетъ столько же, сколько и въ торговлѣ. Вотъ и путается. А затѣмъ: мѣшаетъ дѣло Божіе съ торговлею, и себя приспособливаетъ въ непрошенные помощники къ Божьему дѣлу.

— Даже и вмѣстить сего не могу, Иванъ Ѳедорычъ, что ты говоришь мнѣ.

— А моленную хочешь строить? Въ попы лѣзешь? Какой же ты учитель? Ты заботишься о приказчикахъ, что бы они были сыты, въ жалованьи соблюдаешь исправность и пр., такъ и народъ собрать... Скажу одно братъ: такъ ли я вѣрую, нѣтъ ли, за себя одного и отвѣтъ буду держать предъ Богомъ. А вотъ ты, жена моя, Калининъ и др. будете отвѣчать еще за каждую душу, приставшую къ вамъ, и за моленную, и за все, все...

Такой бесѣдою Дружининъ сильно повліялъ на купца Еремѣя Трушина, такъ что о постройкѣ моленной онъ забылъ и думать. А тутъ вскорѣ онъ овдовѣлъ; новая невѣста нашла ему въ другой сектѣ; Трушинъ сталъ въ тупикъ: что

дѣлать? За разрѣшеніемъ этого вопроса Трушинъ обратился къ тому же Дружинину.

— Богъ одинъ, дружище, и старообрядцы одни и тѣже, сказалъ Дружининъ Трушину. Разница между ними, по моему мнѣнію, самая пустая: одни—ризы надѣли и служатъ, другіе халатниковъ держать на манеръ поповъ. Искать правду между ними—трудно. Съ деньгами что ли невѣста-то?

— Въ томъ-то и дѣло, что обстоятельная невѣста. Такихъ-то и въ своей вѣрѣ много, а тутъ, для нашего брата, расчетъ большой.

— Такъ и съ Богомъ! Женись; раздумывать нечего. Правду, по моему мнѣнію, надо искать не у старообрядцевъ, а въ Киновіи¹⁾.

— Что ты, Иванъ Ѳедорычъ!? Въ своемъ ли ты умѣ?

— Я то въ своемъ, а тебѣ совѣтую когда нибудь зайти туда и послушать. Вѣдь не былъ, поди?

— Нешто можно еретиковъ слушать?

— Слушать всякаго можно, что онъ говоритъ, а выбирать нужно только то, что правильно и основательно.

Такимъ то образомъ Калининъ навсегда лишился своего соперника по моленной: съ новой женидбою Трушинъ сталъ жить и по другой вѣрѣ. Онъ перешель въ австрійскую секту и въ угоду молодой женѣ пожертвовалъ всѣ свои церковныя вещи, которыя находились въ моленной Губиной, какъ то: книги, иконы, разную утварь и пр. „Обстоятельная“ жена тотчасъ ввела купца Трушина въ свой богатый кружокъ купцовъ и онъ сталъ въ моленной въ числѣ первыхъ людей общества. Совѣтъ Дружинина—побывать въ Киновіи и послушать бесѣды православныхъ миссіонеровъ съ раскольниками, онъ, конечно, давнымъ давно позабылъ, да и не могъ его сдѣлать, если бы и хотѣлъ, потомучто „обстоятельная“ супруга Еремѣя Силыча имѣла не менѣе того „обстоятельныхъ“ родителей, которые твердо держались своей секты, были богаты, видные люди и поблажки зятю не дали бы. Такіе люди, при упорствѣ и настойчивости зятя, скорѣе дочь возьмутъ назадъ, разорятъ его

¹⁾ Такъ называется церковь, гдѣ ведутся публичныя бесѣды съ раскольниками въ г. Саратовѣ. Церковь составляетъ подворье архіерейскаго дома.

по торговлѣ, нежели дозволять своей христіанской дочери жить совокупно съ еретикомъ. „Никоніанинъ“ и старообрядка это рѣдкіе супруги въ расколѣ, особенно въ купеческомъ быту; бѣглопоповецъ и безпоповецъ, или другихъ раскольническихъ сектъ, это возможно, потому что обрядъ одинъ и одно крестное знаменіе, и одно отчужденіе и ругань патріарха Никона, отождествляемаго раскольниками съ Православною церковью. Что Никонъ, что Грекороссійская церковь, у нихъ почитается за одинъ предметъ, и ругая Никона, они вмѣстѣ съ тѣмъ ругаютъ и самую св. церковь.

XXV.

Слабо мерцаетъ огонекъ въ лампадкѣ предъ иконой въ кельѣ наставника моленной купца Калинина, Сергѣя Леонтьева.

Старикъ-наставникъ лежитъ больной, переживая послѣднія минуты. Доложили Калинину.

— Плохъ?

— Чуть дышитъ, Иванъ Макарычъ. Страсть плохъ!

— Сейчасъ приду.

Посланный ушелъ.

Калининъ задумался. — А сколько у старикашки денегъ! разсуждалъ онъ. А деньги должны быть не малыя: тысячь пятокъ, полагаю, наколотилъ. Не много, а все же приобщить ихъ къ торговымъ дѣламъ не мѣшаетъ. Ему на что! Правда, родные... ну, да вѣдь наживалъ то онъ, а не они, да и наживалъ то при мнѣ. Не присовокупи я его въ настоятели, не было бы и денегъ у него. Значить, и деньги должны быть мои, потому и поминъ - то дѣлать по немъ я долженъ, а не другіе. И Калининъ, точно ястребъ, давно уже слѣдилъ и стерегъ свою добычу, приготавливаясь скушать ее, какъ только можетъ кушать въ подобныхъ случаяхъ сытый и обстоятельный купецъ земли русской. Жалко, Серегу, ну а что же подѣлаешь? Не докторовъ же еще тревожить? это по нашему закону и грѣшно, да и чего они знаютъ?!

Калининъ всталъ и отправился въ келію наставника.

— Что Сергѣй! Умираешь, али отдышишься?

— Умираю, Иванъ Макарычъ, — полупшепотомъ говорилъ больной.

— Мало же ты нажилъ на моемъ дворѣ...

— Что подѣлаешь.

— Теперь тебѣ надо въ порядокъ все произвестъ: деньги, келью и все такое, надо пригнать къ рукамъ, что бы неприятностейъ, Сергѣй, не вышло. Ты знаешь, какъ я тебя любилъ, и уважалъ, и потому, вслучаѣ чего родные твои могутъ въ препентъ войти на меня, а я этого не хочу.

— Роднымъ приставать ко мнѣ не для чего, шепталъ больной. Ихняго у меня ничего, все Божье и къ нему оно должно пойти за мою грѣшную душу.

— Конечно, Сергѣй; это ты какъ есть правильно судишь. Родные и знаеміи сами по себѣ, а тебѣ нужна молитва предъ Царемъ небеснымъ. Объ этомъ ты не пекись, я все сдѣлаю: въ синодикъ твое имя всего напервіе, потомъ неугасимыя, всенощныя, панихиды — это ужъ завсегда съ моей стороны. Другіе забудутъ, а я на памяти буду держать.

— Спаси Христосъ, родимый...

— Нельзя: все же ты настоятель, служилъ у меня сколько лѣтъ. А потомъ и писаніе гласитъ: другъ за друга молитесь. Сколько Господь благословилъ на поминъ то?

— Не много, Калинычъ; такъ себѣ...

— Однако надо въ извѣстіе привестъ, что бы безгрѣшно было и твоя душенька не тревожилась на томъ свѣтѣ.

— Давно не считалъ я ихъ: думаю, за четыре то много.

— Красныхъ четыре, аль еще какъ...

— Красненькихъ прикопилъ было... закашлялся больной. Думалъ на всякій случай... долго жить придется. Охъ грѣхи наши!...

— Ничего, Сергѣй; это не грѣховно, а пользительно для души. И Калининъ, точно котъ около мыши, самодовольно облизнулся и вздохнулъ.

— На вотъ ключъ-то... Пошарь тамъ въ укладкѣ: они по листамъ книги уложены и все сотенныя.

— Зачѣмъ же, Сергѣй, теперь?! отстраняя руку больного съ ключемъ. Это послѣ, послѣ...

— Неравно ночью преставишься, такъ все можетъ быть...
Сторожь, старухи придуть...

— Это ты вѣрно, Сергѣй: отъ грѣха приберечь слѣдуетъ людей. Намъ же отвѣчать за этотъ грѣхъ придется;—соблазнъ..

— То-то и есть.

И Калининъ взявъ ключъ, выдвинулъ изъ подъ кровати умирающаго наставника небольшой крашенный сундучекъ, отперъ его, вынулъ изъ него толстую книгу, по листамъ которой были вложены бумажки, каждая въ 100 руб. Калининъ, съ затаенной радостью, вытаскивалъ ихъ одну за другой, клалъ на столъ въ кучку и снова листовалъ книгу. Вытащивъ всѣ деньги, онъ еще разъ тщательно просмотрѣлъ книгу, положилъ ее въ сундукъ и задвинулъ его подъ постель. Денегъ оказалось 4896 рублей.

— Куда же ихъ, Сергѣй?

— На поминъ моей души.

— Это всеконечно такъ будетъ, но теперъ-то? Я такъ полагаю: пока что они будутъ храниться у меня, а когда Господь дастъ оздравіи быть, такъ ужъ, братъ, самъ, какъ знаешь, устрой ихъ. Мнѣ твоего ничего не надо. Я по моленной пекусь; вонъ, васъ, молитвенниковъ, призираю, а чужое мнѣ не надо.

— Не жилецъ я, Иванъ Макарычъ. Говорить-то трудно. Пожалуй ночью и преставлюсь.

— Ну объ этомъ нельзя рѣшать: въ животѣ и смерти единъ Господь воленъ. Ему, Царю небесному, вѣдома только наша жизнь. Поправляйся, Сергѣй, а утромъ я зайду къ тебѣ. Если хуже будетъ, присылай ко мнѣ.

— Не оставь, кормилецъ, помяни... просилъ больной.

— Объ этомъ и не проси, говорилъ Калининъ, пряча деньги въ карманъ. Если бы и совсѣмъ у тебя ничего не было, и тогда я обязанъ.

— Не забудь...

— Что это ты не суразное говоришь, Сергѣй. Нешто это забываютъ? Нешто ты меня еще не знаешь? Ты вотъ скажи на счетъ кельи то какъ...

— Твоя и келья.

— Ладно.

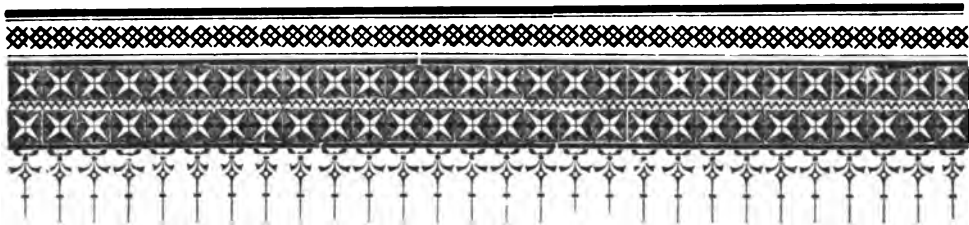
Ночью наставникъ умеръ.

Калининъ купилъ на базарѣ черный гробъ, уставщики отпѣли своего наставника, зарыли, пообѣдали. Послѣ обѣда Калининъ роздалъ старухамъ платки, ситецъ на сарафанъ и по 20 к. денегъ, мужчинамъ на халаты, уставщикамъ по 1 р. и кафтану. Тѣмъ дѣло и кончилось. Живущимъ въ кельяхъ при моленной Калининъ велѣлъ стоять неугасимыя по умершемъ наставникѣ, а уставщикамъ пѣть панихиды въ продолженіи 40 дней. Всѣ эти расходы стоили ему не болѣе 200 р., остальное пошло въ карманъ благодѣтеля Ивана Макарыча Калинина.

Новый наставникъ занялъ мѣсто умершаго. На этотъ разъ Калининъ постарался приобрести себѣ совсѣмъ безроднаго старика, благо недостатка въ этихъ людяхъ въ расколѣ нѣтъ. Не въ нихъ приходится нуждаться, а скорѣе отбавлять ихъ, или мѣнять почаще, что и дѣлаютъ нѣкоторые главари раскола, чтобы старики ихъ, или, какъ тамъ величаютъ ихъ, „отцы“ и „наставники“, попавши, какъ говорятъ, изъ грязи въ князи, не заѣдались и носъ къверху не драли, а чтобы всегда во христіанскомъ смиреніи пребывали, а наипаче уста свои держали въ молчаніи и ихъ степенствамъ всякое почтеніе и благопокореніе воздавали. Новый наставникъ помѣстился въ кельѣ своего предмѣстника, въ сосѣдствѣ тѣхъ же богомолокъ, при которыхъ жилъ и покойный. Они такія же одинокія особы, какъ и наставникъ, также питаются милостынею, привозимою старообрядцами, также ни сѣютъ, ни жнутъ, а собираютъ въ кошницы свои рубли и гривны, которыя потомъ обмѣниваются на сотни, а эти послѣднія, по ихъ смерти, всецѣло пойдутъ въ карманъ главы и попечителя моленной Ивана Макарыча Калинина. Выходить: и волки сыты, и овцы цѣлы. И выгодно, и самолюбіе удовлетворяется.

Такова исторія происхожденія 2-хъ сектъ „Водяниковъ“ и „Сухарниковъ“, причащающихся первые водою, а послѣдніе сухарями отъ просфорки.

LIV.

ТРУПЫ ЧЕРКЕСОВЪ.

тревожился и закопошился раскольнической муравейникъ. Поднялся шумъ, крикъ въ Москвѣ, Петербургѣ, въ провинціяхъ и даже за границей, въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ возсѣдаетъ корень австрійской іерархіи, именуемый митрополитъ Анастасій, третій со дня рожденія названной іерархіи (28 октября 1846 г.), въ предѣлахъ Австрійской имперіи. Шумъ этотъ поднялъ „свой же христіанинъ“, нѣкто Анастасій, именующій себя въ расколѣ епископомъ измаильскимъ. И какой шумъ?! Стыдъ и позоръ предъ цѣлымъ свѣтомъ! То, что доселѣ у старообрядцевъ по австрійскому священству было тихо-крыто, дѣлалось раскольничьими главарями въ тихомолку отъ всѣхъ, даже своей братіи, Анастасій раскрылъ и заставилъ говорить и волноваться весь старообрядческій міръ на Руси. Узнали о семъ враги австрійцевъ—бѣглоповцы, безповцы и другіе, разбившіеся на разные толки старообрядцы и стали укорять

ихъ, колотъ и стыдитъ предъ всѣми. Но въ чемъ же дѣло? Раскольническій епископъ—Анастасій написалъ письмо къ своему собрату на Кавказѣ лже—архіерею Силуану, которымъ обвиняетъ послѣдняго за то, что онъ почитаетъ некрещенныя татарскія тѣла и выдаетъ ихъ между старообрядцами за дѣйствительныя мощи св. угодниковъ божіихъ. Другими словами Анастасій обвинялъ Силуана въ поддѣлкѣ св. мощей и въ обманѣ простого народа. Вотъ до чего доходятъ и на что рѣшаются раскольническіе коноводы, лишь бы только удержать простой народъ въ темномъ царствѣ раскола и управлять имъ! Это письмо Анастасія и встревожило всѣхъ раскольниковъ, и заставило ихъ говорить теперь и объ Анастасіи и о тѣлахъ татарскихъ, доседѣ почитавшихся раскольниками за св. мощи. Письмо Анастасія къ Силуану было написано 25-го августа 1893 года, но оно лежало подъ спудомъ и извѣстно было только одному Силуану. 14-го февраля 1894 г., когда Силуанъ захваченъ въ расплохъ, вывезенъ изъ своего монастыря, а архивъ его раскольническихъ дѣяній, вѣсомъ въ полтора пуда, былъ взятъ и доставленъ въ г. Ставрополь на Кавказѣ, на архіерейскій дворъ. Здѣсь, между бумагами Силуана, письмо Анастасія было найдено и напечатано въ № 5 „Епархіальн. Вѣдомостей“ и кромѣ того оттиснуто нѣсколько сотенъ отдѣльныхъ листковъ. Позорный листокъ раскольническихъ дѣяній пошелъ по рукамъ раскольниковъ, съ него стали списывать копіи и разсылать по другимъ раскольническимъ селеніямъ. Читая его, раскольники приходили въ ужасъ, да и было чѣмъ поражаться. Кошунство являлось поразительнымъ. Дерзость раскольническихъ заправителей была на лицо и подтверждалась актомъ ихъ же архіерея. Раскольническіе попы на Кавказѣ: Колышкинъ (въ станицѣ Кавказской) и Прудниковъ (стан. Вознесенской, Кубанской области), когда прочитали эти листки, тотчасъ отправились къ своему архіерею Силуану, допросили его: какія мощи положилъ онъ въ антиминсъ и подъ престолъ церкви (на Кавказѣ раскольники имѣютъ публичные храмы), при которыхъ они служатъ? Силуанъ сознался, что онъ положилъ частицы отъ новоявленныхъ мощей на Кавказѣ, каковыя мощи взяты въ Москву, а оттуда покойный Антоній, именуемый

архіепіскопъ московскій, выслалъ ему до 600 частиць для освященія церквей и раздачи ихъ благочестивымъ христіанамъ.—„Это татары, а не св. угодники!“ говорили попы. И вручивъ Силуану свои ставленныя грамоты, они заявили, что больше поповствать они не желаютъ, а церкви старообрядческія считаютъ оскверненными. Послѣ этого они присоединились къ православной церкви. Объ этихъ мощахъ и своемъ дѣйствиі попы Прудниковъ и Колышкинъ телеграфировали въ Москву къ Савватію, именуемому архіепіскопу у раскольниковъ въ Москвѣ. 1-го октября въ Бѣлой Криницѣ былъ престольный праздникъ, послѣ литургіи ходили вокругъ церкви съ крестнымъ ходомъ и вмѣстѣ со св. иконами, крестами и евангеліемъ, носили ковчегъ съ мощами, а на другой день въ Бѣлую Криницу прислана была копія съ письма Анастасія съ добавленіемъ, что находящійся у нихъ ковчегъ съ мощами имѣетъ ту же часть отъ татарскихъ труповъ. Праздникъ въ Бѣлой Криницѣ превратился въ ревъ, плачь и негодованіе. Плакали въ монастырѣ, по селамъ, ругали Анастасія, поднявшаго всю эту булгу, ругали и того, кто прислалъ имъ въ Бѣлую Криницу эти татарскія мощи, которыя нѣсколько лѣтъ они чествовали, лобызали, кланялись предъ ними и служили молебны, а теперь вышло, что они осквернили и себя, и свой храмъ. Такія волненія раскольниковъ, не только на окраинахъ Россіи, но и за границею, волненія, повлекшія за собою выходъ изъ раскола нѣсколькихъ лицъ, конечно, не могли не отразиться и въ самомъ сердцѣ Россіи—Москвѣ и др. внутреннихъ губерніяхъ. Прежде всего, какъ и должно ожидать, возмущился всей этой исторіей самъ глава раскольниковъ австрійской секты—Савватій, котораго, какъ мы говорили, лично извѣстили кавказскіе попы—Прудниковъ и Колышкинъ, за нимъ члены его совѣта, купцы, начетчики и др. радѣтели раскола, которые намѣренно отвертываются отъ истины; но возмущеніе ихъ было иного рода, далеко несогласное съ чувствами остальныхъ благонамѣренныхъ старообрядцевъ. Послѣдніе возмущались кощунствомъ подобной вещи, находили въ этомъ ужасную дерзость и профанацію святыни, съ плачемъ и трепетомъ сердца разсуждали о своемъ оскверненіи отъ прикосновенія къ татарскимъ тѣламъ, а

московскіе купцы съ плеядою радѣтелей раскола и со владыкою Савватіемъ во главѣ возмущались не этимъ обстоятельствомъ, а тѣмъ, какъ осмѣлился Анастасій писать въ своемъ письмѣ Силуану объ этихъ мощахъ и этимъ опорочилъ теперь все ихъ возлюбленное старообрядчество. Они смотрѣли не на самый фактъ кощунства, а на указаніе его существованія въ расколѣ Анастасіемъ. О фальшивыхъ мощахъ, хотя бы это были и татарскіе трупы, московскіе раскольники—главари меньше всего думали; ихъ занималъ, главнымъ образомъ, скандалъ, шумъ и говоръ между раскольниками, по поводу этихъ тѣлъ, возникшій благодаря неосмотрительности Анастасія. Молчи онъ, не напиши онъ этого письма Силуану, никакого скандала не вышло бы; въ газетахъ о семъ ничего бы не написали и раскольники такъ и находились бы въ невѣдѣніи и по прежнему чтили бы себѣ эти некрещенные трупы татаръ, яко святыхъ мощи. Что за бѣда, что это были не мощи св. угодниковъ, по вѣрѣ—де вѣрующаго христіанина все дается, и простой не священный предметъ дѣлается какъ бы священнымъ и приносить великую пользу для вѣрующаго ума и сердца. На этотъ случай у раскольниковъ имѣется даже и доказательство, какъ одна христіанка дала денегъ другому, идущему въ Іерусалимъ, чтобы онъ взнесъ ихъ тамъ куда слѣдуетъ и выпросилъ ей часть отъ древа Креста Господня. Послѣдній деньги присвоилъ, а просительницѣ принесъ просто щепку отъ дерева. Женщина съ вѣрой приняла ее, почитала ее, молилась предъ нею и Господь Богъ прославилъ эту щепку даромъ чудесъ, такъ что прикасавшіеся къ ней стали исцѣляться отъ разныхъ болѣзней. Вотъ что значитъ вѣра человѣка. По мнѣнію московскихъ воротилъ, то же самое могло быть и съ татарскими некрещеными тѣлами, какъ со щепкою, не смотря на то, что почитаемые трупы были не православныхъ христіанъ, а татаръ. Откуда и какъ слагалось у раскольниковъ такое странное ученіе, гдѣ было написано и о „щепкѣ“, и „о некрещеныхъ трупахъ“, которые якобы могутъ быть чудотворными, исцѣляющими больныхъ, объ этомъ трудно сказать: съ увѣренностью можно сказать только то, что ни на одну старопечатную книгу раскольники не сдѣлали бы въ этомъ случаѣ ссылку, не указали бы ни на „Пате-

рикъ“, ни на „Златоструй“ и др., а говорили это просто по преданію, когда то и кѣмъ то выдуманному и пущенному во весь раскольническій міръ. И вдругъ Анастасій, очевидно никакого значенія не придававшій такому преданію въ расколѣ, поднялъ изъ за мощей цѣлую булгу и оскандалилъ все ихъ старообрядчество предъ цѣлымъ свѣтомъ. Тысячи ругательствъ посыпались на Анастасія со стороны велемудрыхъ московскихъ заправителей. Къ нему послали грозный запросъ: на какомъ основаніи онъ написалъ Силуану письмо и тѣмъ оконфузилъ все ихъ древлеправославное христіанство, а нѣкоторыхъ изъ нихъ ввелъ въ сомнѣніе объ ихъ христіанствѣ и угналъ въ „ніконіанство“, т. е. въ православную церковь?

Но что же это за письмо, которое такъ сильно взволновало старообрядческій міръ по австрійскому священству, всколыхнуло и др. секты, а заправителей раскола привело въ ярость и бѣшенство? Время сказать и о немъ, а для лучшей убѣдительности мы приведемъ это письмо подлинникомъ.

Ваше Преосвященство,

Возлюбленный о Христѣ братъ и юзникъ Христовъ епископъ Силуанъ.

Миръ и благословеніе Божіе да умножится въ васъ богато. Слышавши ваше искушеніе ¹⁾, почли какъ собственно нашимъ, — оно и дѣйствительно наше, потому что всѣ братія о Христѣ. ²⁾ Я очень болю о томъ, что васъ подобное искуше-

¹⁾ Въ 1893 г. Силуанъ за пропаганду раскола Екатеринодарскимъ окружнымъ судомъ былъ осужденъ въ ссылку въ Сибирь, почему Анастасій и называетъ его „юзникъ Христовъ“. Но у Силуана были и др. „искушенія“: въ 1836 и 1890 году прихожане Кавказской епархіи доносили въ Московскій духовный совѣтъ, что владыка Силуанъ, „забывъ Бога и совѣсть“, пьянствуетъ безъ мѣры и держитъ при себѣ любовницъ, которыхъ мѣняетъ „точно цыганъ лошадьми“. По первому донесенію, или, выражаясь по раскольнически „искушенію“, Силуанъ былъ даже запрещенъ въ священнослуженіи, во второмъ „искушеніи“ его отстояли „друзья-пріатели“. См. подлинныя акты въ изданной мною книги: „Архивъ раскол. архіерея Амвросія“, Авт.

²⁾ Нужно добавитъ: и одного поля ягоды и по происхожденію, и по ученію. Силуанъ, бывшій донской казакъ, со службы бѣжалъ за границу, гдѣ сдѣлался архіереємъ. Съ турецкимъ паспортомъ онъ выдаетъ себя теперь за иностраннаго человѣка. Развѣ это не обманъ русскаго правительства? Броситъ военную службу, измѣнитъ вѣроподанничеству, развѣ это не преступленіе?

ніе постигло, ¹⁾ но утѣшающаго въ человѣцѣхъ нѣсть: архіепископъ ²⁾ къ подобнымъ идеямъ мертвъ, духовный совѣтъ торжествуетъ, что его соперники страждутъ ³⁾ и имъ нѣсть до того дѣла, дабы только безумная воля взяла верхъ ⁴⁾ Я пріѣзжалъ на Кавказъ по порученію архіепископа Савватія для изслѣдованія о мощахъ, ⁵⁾ которыя въ вашей епархіи обрѣтены въ станицѣ Алханъ-Юртѣ, объ которыхъ вамъ слѣдовало бы болѣе безпокоиться и точнѣй справки взять. ⁶⁾ Вы подумайте хорошенько, что на этихъ неизвѣстныхъ трупахъ освящаются церкви и

¹⁾ Господствующая въ Россіи церковь—Православная и только она одна вправѣ распространять свое ученіе между другими лицами. Такъ говоритъ основной законъ русскій. Посему ни Силуанъ и никто другой не вправѣ пропагандировать свое ученіе и совращать другихъ въ расколъ. Силуанъ это сдѣлалъ: онъ совратилъ въ расколъ одну женщину, а въ другой семьѣ, тихонокъ отъ мужа, окрестилъ его ребенка. За это и постигло его „искушеніе“. Замѣчательно, что объ этомъ преступленіи Силуана донесли суду сами же старообрядцы.

²⁾ Разумѣется Савватій въ Москвѣ, который, по тупости своей, состоялъ въ рукахъ московскихъ заправителей раскола. Нынѣ умеръ и его мѣсто занялъ донской казакъ Іустинъ Каргушинъ, переименованный въ Іоанна.

³⁾ По отношенію къ Силуану это невѣрно. Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что Силуанъ для московскаго совѣта всегда былъ золотымъ мѣшкомъ. Въ декабрѣ 1886 г. Силуанъ былъ запрещенъ совѣтомъ въ священнодѣйствіи, въ сентябрѣ 1887 г. разрѣшенъ. И это, разрѣшеніе стоило ему ровно 1000 рублей. Деньги возилъ въ Москву урядникъ Маркель Коноваловъ, бывший секретарь его, а потомъ присоединенный къ православію. Затѣмъ Силуанъ поставленъ во епископа Виссаріономъ единолично, безъ согласія др. раскольнич. архіереевъ. Въ іюль (15) 1887 г. Савватій, Пафнутій и Алексѣй, наряду съ другими считавшіе Силуана, какъ поставленнаго вопреки 1 правилу св. апостолъ, незаконнымъ епископомъ, признали поставленіе его законнымъ и стали именовать его „боголюбезнымъ собратомъ во Христѣ“. Но эти „боголюбезные собратья о Христѣ“ стоили ему также не дешево. А потомъ другой доносъ въ 1890 году, гдѣ подвиги Силуана изображены въ 40 пунктахъ, гдѣ: пьянство, любовницы, пляска и пр. росписаны самыми яркими красками и которое „друзья-пріятели Силуана также сумѣли потушить, „вземше сребреники довольны“.

⁴⁾ Не этой ли „безумной“ волѣ московскихъ заправилъ и обязано появленіе въ расколѣ мощей, въ видѣ некрещеныхъ татарскихъ труповъ.

⁵⁾ Изслѣдованія о „мощахъ“ надо было сдѣлать раньше, прежде, чѣмъ стали почитать ихъ „святыми“.

⁶⁾ Значитъ самъ Анастасій, исполнявшій порученіе московскаго Савватія, не сдѣлалъ точныхъ справокъ о татарскихъ трупахъ и совѣтуетъ „болѣе безпокоиться“ о семь своему собрату—Силуану. Но вѣдь не Силуанъ открылъ эти трупы татаръ, не онъ и канонизовалъ ихъ подъ именемъ святыхъ мучениковъ въ Персіи, а предмѣстникъ Савватія, московскій Антоній Шутовъ, который по раздробленіи этихъ труповъ на части, выслалъ Силуану мелкія частицы. Почему же Силуанъ долженъ „болѣе безпокоиться“, чѣмъ остальные всѣ „боголюбезные собратья“ о Христѣ, именуемые въ расколѣ архіереи: Савватій, Алексѣй, Пафнутій и тотъ же Анастасій и др.

сотни антиминосъ въ запасъ освящены, ¹⁾ я не могу понять какъ это отъ вашей проницательности ускользнулъ таковой важнѣйшій актъ,—дѣйствительно неизвѣстныя трупя, лежавшія въ склепѣ безъ всякаго христіанскаго признака, вдругъ признать за Саворія царя Перскаго дѣтей—Дадю, Гаведдая и Гаргила, и Каздою ²⁾. Эти мученики, какъ пострадали вотъ уже 1,200 лѣтъ; не имѣя на это никакихъ данныхъ, ни чудесъ, ни историческихъ свидѣтельствъ, нужно было отцу Стефану, этому отчаянному священнику, сфабриковать такое странное дѣло; ³⁾ прошу и умоляю ваше преосвященство обратить на это серьезное вниманіе, разслѣдовать это дѣло въ самомъ тщательномъ и безукоризненномъ порядкѣ. ⁴⁾ Намъ и вамъ жить еще немного осталось, ⁵⁾ а пожалуй этотъ вопросъ по смерти вашей останется нетронутымъ и такъ далѣе будутъ церкви старообрядческія освящаться вмѣсто мученическихъ—на трупахъ не крещеныхъ черкесъ, ⁶⁾ неотложно возьмитесь и возьми-

¹⁾ Когда Силуана увезли изъ Никольско-Обвальскаго монастыря, при Кавказской станицѣ, Кубанской области, въ монастырѣ была найдена икона, стоявшая въ алтарѣ, въ церкви, на которой были написаны святыя мученики: Дада, Гавердай, Горгилль и Каздоя. Внизу сей иконы вѣзанъ ящикъ, въ которомъ найдено около 300 раздробленныхъ мелкихъ частицъ мнимыхъ мощей, завернутыхъ въ бѣлую бумажку. Изъ этихъ частей отъ татарскихъ труповъ Силуанъ положилъ части во всѣ церкви и антиминосъ вѣренной ему епархіи. Епархія Силуана состояла изъ 4-хъ областей: Екатеринославской, Донской, Кубанской и Терской и всего Кавказа. Всѣхъ церквей у него было 42. Если считать по 2 части на церковь, такъ какъ онъ самъ освящалъ ихъ и тогда выйдетъ, что Силуанъ много роздалъ частицъ „боголюбивымъ христіанамъ“ на руки, которые также, вѣроятно, вѣзали ихъ въ икону и свято соблюдаютъ ихъ доселѣ яко святыню:

²⁾ Дѣйствительно странно. Незвѣстныя трупы черкесовъ признали за мощи св. мучениковъ. Поразительное кощунство.

³⁾ Мало этого „странное“—страшное дѣло! И однако отчаянный попъ Стефанъ сфабриковалъ это дѣло, вытащилъ трупы черкесовъ изъ пещеры и отправилъ ихъ въ Москву. И раскольники доселѣ чествуютъ ихъ „яко святыню“. Какая темнота и невѣжество. И какъ много зависитъ простой довѣрчивый народъ отъ такихъ руководителей, какъ „отчаянный“ отецъ Стефанъ!

⁴⁾ Разслѣдованіе этого страшнаго и кощунственнаго дѣла должно озаботить не одного Силуана, а и московскій совѣтъ съ его дѣльцами. Мощи эти почитаются не имъ однимъ, а и другими лже-епископами и даже именуемымъ митрополитомъ въ Бѣлой Криницѣ, въ монастырѣ котораго находится ковчегъ, якобы съ мощами св. Гаведдая.

⁵⁾ Силуанъ родился въ 1829 году.; Анастасій, какъ выходець изъ заграницы, однихъ съ нимъ и лѣтъ, и такой же бродяга.

⁶⁾ Увы! не въ интересахъ раскольничьихъ заправиль уничтожить эти татарскія мощи. Сознать свои ошибки не въ обычаѣ у нихъ. Принятыя и почитаемые за св. мощи черкесскіе трупы такъ и остаются въ расколѣ и будутъ чествоваться ими „яко св. мощи“.

тесъ съ юношескимъ духомъ это нечестіе исторгнуть отъ церкви Божіихъ,¹⁾—еще эта зараза не весь нашъ районъ старообрядческаго міра охватила.²⁾ Прося вашихъ святыхъ молитвъ,—искренно уважающій васъ Анастасій, епископъ Измаила. 25 августа³⁾.

Не правда ли, письмо Силуана очень и очень важное для истории раскола. Мнимыя святые раскольниковъ доселѣ чествовались втихомолку, о фальшивости ихъ говорили только главари раскола и то по секрету и между собою, а теперь раскольнической архіерей Анастасій письменно во всеуслышаніе заявилъ, что почитаемыя ими, старообрядцами, мощи есть ни что иное какъ „трупы некрещеныхъ черкесъ“, которыя „сфабриковалъ отчаянный попъ Стефанъ“, найдя ихъ „въ пещерѣ въ станицѣ Алханъ-Юртъ“, что трупы эти признаны святыми, не имѣя на это никакихъ данныхъ, ни чудесъ, ни историческихъ свидѣтельствъ“, что „неизвѣстныя трупья лежали въ склепѣ безъ всякаго признака христіанства“, и тѣмъ не менѣе раскольники почитали ихъ, яко святыя мощи мучениковъ: Дады, Гаведдая, Гаргила и сестры ихъ Каздой, дробили эти трупы на части и части эти разсылали по всѣмъ мѣстамъ старообрядцевъ, въ томъ числѣ и въ Бѣлую Криницу въ Австріи,

¹⁾ И опять это должно служить заботою не одного Силуана, который можетъ исторгнуть „это нечестіе“ только въ своей епархіи. Ужели Анастасій не знаетъ, что по правиламъ св. церкви епископъ ничего не можетъ совершать въ области другого епископа? Какъ можетъ Силуанъ искоренить нечестіе въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ возстаютъ самъ глава этой епархіи, митрополитъ Аванасій? Или: какъ можетъ искоренить это нечестіе Силуанъ въ самихъ заправителяхъ раскола, въ Москвѣ, когда онъ самъ зависитъ отъ нихъ и имъ преподноситъ свои дары? Отчего же другіе владыки не рѣшаются исторгнуть это нечестіе въ своихъ епархіяхъ? Нужно дивиться—какой смыслъ имѣло дознаніе Анастасія о „мощахъ“, когда они остались въ расколѣ и господствуютъ въ немъ доселѣ.

²⁾ Если антиминсы заготовлялись на этихъ трупахъ сотнями и самъ Анастасій вынужденъ былъ писать настоящее письмо Силуану, то надо полагать, что почитаніе труповъ татаръ, яко святыя мощи, „охватило“ не малый районъ старообрядческаго міра.

³⁾ Дѣло Силуана разсматривалось въ Екатеринодарскомъ окружномъ судѣ съ 23 апрѣля по 25 число 1893 г. и онъ былъ заключенъ въ острогъ. Тифлисская судебн. палата, куда Силуанъ перенесъ свое дѣло, оправдала его. Въ половинѣ сентября—Силуанъ былъ уже на свободѣ, такъ какъ 1-го октябрия мы видѣли его служеніе въ церкви станицы Кавказской, Кубан. обл., и это было первое его служеніе по выходѣ изъ острога. Значитъ Анастасій писалъ Силуану письмо, когда онъ былъ еще „юзникъ Христовъ“, сидѣлъ въ тюрьмѣ, именно 25 августа 1893 г., хотя почему то Анастасій и не выставилъ года написанія своего посланія къ Силуану.

зашивали эти части въ „сотни антиминовъ“ и на нихъ же освящались церкви! Трупы эти Анастасій призналъ нечестіемъ и молитъ Силуана исторгнуть сію заразу „отъ церковей Божиихъ“. Понятно, что такой сильный документъ долженъ былъ привести въ крайнее раздраженіе и Савватія и др. его пособниковъ, всячески стремящихся выставить расколъ съ австрійской іерархіей истинной Христовой церковью, нисколько не заботясь объ истинѣ. Документъ сей раскрылъ глаза многимъ старообрядцамъ и ясно показалъ, какія безобразія кроются въ старообрядчествѣ. Чествуются трупы черкесовъ, магометанъ, яко святыя мощи, чествуются уже нѣсколько лѣтъ, и это въ такомъ обществѣ старообрядцевъ, представители котораго нерѣдко представляются депутаціею къ Государю, съ выраженіемъ своихъ чувствъ, и защитники каковой секты говорятъ вездѣ, и всюду о близости своей къ православію и претендуютъ о предоставленіи гражданскихъ правъ своему духовенству. И вдругъ у такихъ-то ревнителей древняго благочестія оказываются фальшивыя мощи, обманнымъ образомъ выдаются „трупы некрещеныхъ черкесъ“ за святыя мощи мучениковъ за Христа, на погибель цѣлыхъ тысячъ душъ, довѣрчиво идущихъ за своими путеводителями и слушающихъ ихъ. Не стыдъ ли это? Не позоръ ли? Что скажутъ теперь о нихъ и православные, и раскольники другихъ сектъ, когда прочтутъ о чествованіи ими татарскихъ труповъ? Отказаться отъ этого письма Анастасія, признать его подложнымъ, сочиненнымъ „никоіанами“ на посмѣяніе раскола, нельзя: письмо писано собственноручно Анастасіемъ и въ подлинникѣ хранится въ архивѣ отобранныхъ у Силуана бумагъ и разныхъ дѣлъ, начавшихся еще при Іовѣ, предмѣстникѣ Силуана, и накопившихся въ большомъ количествѣ. Положеніе главарей раскола оказалось незавидное. Благочестіе ихъ вѣры, ихъ непогрѣшимость, мнимая правота и твердое слѣдованіе священному и святоотеческому писанію сильно рухнули, подъ знаменемъ ихъ дуперстія оказалось великое нечестіе, которымъ общество ихъ пристыжено и опозорено какъ нельзя хуже. Отказаться отъ этихъ татарскихъ труповъ, свалить всю вину ихъ добытія и прославленія на одного Силуана, за единичныя распоряженія котораго ихъ общество—церковь не отвѣчаетъ и не подлежитъ

за это нареканію, опять невозможно: письмо Анастасія обличаетъ Савватія, который зналъ объ этихъ тѣпахъ, зналъ, что ихъ почитаютъ, яко святыя мощи, самъ назначалъ Анастасія изслѣдовать о нихъ на Кавказѣ, такъ какъ, будучи преемникомъ Антонія Шутова въ Москвѣ, получилъ отъ него по наслѣдству и части этихъ мощей. Отказаться было нельзя, а вывертываться изъ этого затруднительнаго положенія было не легко не только одному Савватію, но и всему состоящему при немъ его синедріону—дѣльцовъ на пользу и защиту раскола.

Разскажемъ теперь, когда, гдѣ и какъ добыты эти тѣла татарь, кѣмъ они признаны святыми и какъ расходоуались они потомъ. Исторія съ этими тѣлами довольно сложная, пространная и очень давняя.

Въ 3-хъ верстахъ отъ станицы Карабулакской, Терской области, на Кавказѣ, на пригоркѣ стоитъ татарскій минаретъ, построенный изъ камня, на подобіе башни. Минаретъ поставленъ въ видѣ памятника надъ могилою черкесскаго князька Ислама, его подруги и прислуги ихъ. Внизу подъ минаретомъ вырыта пещера глубиною 3 $\frac{1}{2}$ аршина, шириною — 3; полъ этой пещеры выстланъ досками, отъ времени сгнившими. На полу этой пещеры съ давняго времени лежали 3 высохшихъ человѣческихъ тѣла, кожа которыхъ по мѣстамъ отстала; тутъ же около стѣны лежали трупы зайца и собаки. На самомъ минаретѣ арабскими буквами сдѣлана надпись, которая въ переводѣ на русскій языкъ значить: Исламъ и Фатима. Входъ въ пещеру, гдѣ находились трупы Ислама и Фатимы, оставленъ открытымъ, очевидно для той цѣли, чтобы потомки ихъ могли поклоняться праху почившихъ магометанъ.

Мѣстное преданіе говоритъ объ этомъ слѣдующее*): во времена, когда русское владычество не распространялось еще

*) Посѣтивъ Карабулакскую станицу, минаретъ, пещеру, гдѣ лежали трупы, мы имѣли разговоръ съ стариками станицы. Кромѣ того мы прочли рукопись г. владикавказскаго доктора—Головинскаго, составленную имъ въ 1840-хъ годахъ, со словъ стариковъ—туземцевъ (ингушей) и вполне подтверждающую мѣстное устное преданіе о минаретѣ и тѣпахъ въ немъ. Рукопись эта находится у вдовы священника Бекаревича. О четвертомъ трупѣ, который упоминаетъ лже-епископъ Анастасій, мы ничего не слышали.

на Сѣверный Кавказъ, за рѣкой Кубанью жили 2 князя, изъ коихъ у одного была дочь, славившаяся красотою, а у другого—сынъ, къ удивленію всѣхъ горскихъ черкесовъ, отличавшійся миролюбіемъ вопреки воинственному характеру своего отца и родственниковъ, проводившихъ все время въ постоянныхъ набѣгахъ и грабежахъ. Оба князя были магометане, черкесы. Молодые люди, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ, полюбили другъ друга и пожелали сочетаться бракомъ; но отецъ невѣсты считалъ за безчестіе для себя и своего рода имѣть зятемъ человѣка, который, по его понятіямъ, былъ трусъ и не иначе соглашался выдать за него свою дочь, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ, вмѣсто выкупа или калыма, доставилъ ему 10 головъ убитыхъ имъ гяуровъ. На это условіе женихъ не согласился и подговорилъ дѣвушку на побѣгъ съ нимъ въ отдаленныя мѣста Кавказа. Взявъ съ собою вѣрнаго слугу и собаку, женихъ и невѣста, тайкомъ отъ родителей, бѣжали. Скоро отецъ хватился дочери и тотчасъ отправилъ вѣрныхъ слугъ въ погоню за бѣглецами, но безуспѣшно: молодые люди благополучно прибыли въ Терскую область и поселились не подалеку отъ нынѣшняго укрѣпленія Назрань. Вскорѣ къ новобрачнымъ пристало еще нѣсколько семействъ горцевъ и так. обр. образовался аулъ горцевъ.

Однажды, въ отсутствіе Ислама, непріатели напали на аулъ, разграбили его, а Фатиму увезли съ собою. Исламъ собралъ храбрецовъ и бросился въ погоню за непріателями, которыхъ онъ нагналъ и разбилъ, и жену свою отнял у нихъ обратно; но въ сраженіи съ врагами Исламъ получилъ смертельную рану отъ которой и умеръ. Прощаясь съ нимъ, Фатима заколола себя кинжаломъ и, какъ вѣрная любящая жена похоронена рядомъ съ мужемъ. Умершій потомъ слуга ихъ, Ахметъ или Абдуль какой нибудь, завѣщалъ похоронить себя вблизи своихъ господъ. Жители аула воздвигли памятникъ надъ могилой вѣрныхъ супруговъ и основателей аула. Что касается животныхъ—собаки и зайца, то послѣднія попали въ пещеру совершенно случайно, и такъ какъ входъ въ пещеру былъ узкій, то естественно что они не могли вырваться оттуда и околѣли съ голода.

Докторъ Головинскій, описавшій все это, осмотрѣвъ эти трупы, отрѣзалъ руку у одного трупа и отослалъ ее въ Петербургъ для изслѣдованія.

Въ 1876 году мнимый протопопъ станицы Алханъ-Бртговской Стефанъ Загородновъ¹⁾, находясь въ Москвѣ, сообщилъ Антонію, именуемому архіепископу, объ этихъ трупахъ и послѣдній поручилъ Загороднову отрѣзать у одного изъ тѣлъ часть ноги и прислать ему въ Москву для опредѣленія того, святая-ли это мощи или нѣтъ. Загородновъ исполнилъ желаніе Антонія Шутова: ночью, взявъ съ собою іеродьякона Ивана Рогожина, уставщика казака Горячева У. и атамана станицы Алханъ-Юргъ, Загородновъ вошелъ съ ними въ пещеру подъ минаретомъ и отрѣзалъ у одного тѣла лапу ноги по самую лодыжку. Часть эту онъ отослалъ Антонію въ Москву. Что дѣлалъ Антоній со ступнею отрѣзанной ноги, какое испытаніе производилъ онъ надъ нею, чтобы узнать святая она или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ; только спустя нѣкоторое время Антоній прислалъ Загороднову письмо и просилъ его немедленно выслать ему означенныя 3 трупа въ Москву. Съ тѣми же лицами Загородновъ снова проникъ въ пещеру татарскаго минарета, облачилъ трупы въ парчевыя одежды, закупорилъ ихъ въ ящикъ и послалъ ихъ по желѣзной дорогѣ, багажомъ, въ сопровожденіи казака Кирилла²⁾. Антоній съ радостью принялъ багажъ съ трупами, щедро одарилъ Кирилла деньгами и поставилъ его попомъ въ станицу Ищерскую, Терской области. Посовѣтовавшись съ своими книжниками, Антоній рѣшилъ, что трупы эти принадлежатъ мученикамъ: Дадѣ,

1) Степанъ Загородновъ дѣйствительно былъ „отчаянный священникъ“, какъ сказали о немъ Анастасій. Другіе старообрядцы: Ласкинъ, Рогожинъ, хорошо знавшіе его, говорили мнѣ, что Загородновъ съ женою не жилъ, постоянно пьянствовалъ и держалъ себя очень не хорошо. За деньги онъ готовъ былъ на все.

2) О кражѣ татарскихъ тѣлъ изъ пещеры Швецовъ такъ передаетъ: однажды пришелъ ко мнѣ Загородновъ и говоритъ: „Ну, братъ, въ этотъ разъ мы очень испугались. Мѣстные черкесы узнали, что кѣмъ то берутся неглѣбныя тѣла изъ пещеры, и стали караулить. Поэтому я вынудился побольше взять охраны съ собою и теперь сразу взялъ оба тѣла.—А сколько ихъ было всѣхъ? спросилъ Швецовъ Загороднова.—„Четыре“.—„А первыя 2 тѣла брали по одному?“—„Да“.—„Какимъ же образомъ вы доставляли ихъ по желѣзной дорогѣ?“—„Уложи въ долгія укладочки багажомъ“. Слѣдовало-бы Швецову еще спросить Загороднова: подъ названіемъ какого товара шель у него багажъ съ тѣлами и сколько было въса въ этомъ товарѣ?

Гаведдаю и Каздои, пострадавшимъ за Христа 1500 лѣтъ тому назадъ. Съ этого времени трупы черкесовъ Измаила, Фатимы и слуги ихъ, какого нибудь Абдула или Ахмета, стали святынею у раскольниковъ австрійской секты; Антоній канонизовалъ ихъ собственной единичной властью раскольническаго архіерея, объявилъ святыми нетлѣнными мощами, намазалъ душистыми маслами и духами и сталъ дробить на части и раздавать эти части набожнымъ старообрядцамъ*). Привезенные по желѣзно-дорожному тарифу, наравнѣ съ прочимъ багажомъ, трупы татаръ стали безцѣннымъ даромъ; лежавшія нѣсколько лѣтъ безъ призора, наряду съ собакой и зайцемъ, трупы стали предметомъ почтенія, поклоненія и цѣлованія между старообрядцами съ новой іерархіей. Истовые ревнители раскола, говорящіе, что съ еретикомъ ни ѣсть, ни пить, ни вкупѣ Богу молитися не довлѣетъ, теперь некрещенымъ тѣламъ стали поклоняться и цѣловать ихъ, какъ святыню. Странно все это, но нужно знать, что такое былъ Антоній Шутовъ. Это былъ фанатикъ раскола. Для развитія и укрѣпленія раскола онъ считалъ всѣ средства позволительными и спасительными.—Была бы цѣль добрая, христіанская, говорилъ онъ, а тамъ Господь проститъ, если что и не такъ сдѣлается. По этому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на пользу и процвѣтаніе раскола, онъ держался іезуитскаго правила „цѣль оправдываетъ средства“. Антоній былъ закаленный раскольникъ, пропитанный отъ костей до мозга, то же, что Илья Ковылинъ, Павелъ Бѣло-криницкій и др., которые никакихъ доводовъ противъ раскола не могли и слушать. Не удивительно поэтому, что онъ канонизовалъ три татарскіе трупа подъ чужими именами святыхъ. Антоній сдѣлалъ это во-славу старообрядчества и съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ. Онъ глубоко убѣжденъ былъ, что дѣлаетъ хорошее дѣло. Это былъ религіозный самообманъ. Ему нужны были мощи для положенія частей отъ нихъ въ антиминсы, подъ престолъ, когда освящается церковь архіереемъ, а ихъ не было,

*) Антоній просто рубилъ тѣла и разсылалъ куда нужно, 2 главы и 2 ступни ногъ Гаведдая и Каздои отослалъ въ Бѣлую Кривицу; въ Яссы, Батажены: руки по кисти; въ Славу: главу Дады и 2 стопы ноги и т. д. Но интересно-то: какъ Антоній могъ знать, которое изъ тѣлъ—мощи Дады, а не Гаведдая?

онъ находился въ затрудненіи, искалъ выхода изъ этого неловкаго положенія и вотъ черкесскіе трупы, сразу толкнули его на мысль — не сохранились ли это тѣла древнихъ мучениковъ за Христа! Мало ли было войнъ на Кавказѣ! Сотни вѣковъ несчастную Грузію терзали персы, турки, истребляя христіанство и насильно обращая грузинъ въ магометанство. Мало ли въ это время пострадало за Христа, приняли вѣнецъ мученической и тѣла которыхъ не найдены, остались въ неизвѣстности. Тѣ же самые мученики: Дада, Гаведдай и сестра ихъ Каздоя, пострадавшіе во времена персидскаго царя Хозроя, остались въ неизвѣстности и тѣла ихъ не найдены и не открыты. Почему знать, что это не дѣйствительныя тѣла св. мучениковъ? Если тѣла эти найдены подъ татарскимъ минаретомъ, при обстановкѣ не соответствующей святынѣ, такъ Господь, ради грѣховъ людей, ничего не щадить: ни церквей, ни святыни, ни самаго христіанства, все предастъ поруганію и поношенію. Такъ думалъ невѣжественный фанатикъ Антоній и этою мыслью увлекся, на ней остановился и подъ вліяніемъ ея призналъ трупы „черкесь“ за святыя мощи. А разъ въ этомъ онъ убѣдился, то разубѣдить его было невозможно. Такіе люди, какъ Антоній, Ковылинъ и др., не признаютъ за собою погрѣшности.

Признавъ черкесскіе трупы тѣлами св. мучениковъ, Антоній, изъ понятнаго чувства осторожности, не счелъ нужнымъ объявить объ этомъ всенародно, публично, а держалъ въ секретѣ ¹⁾. Онъ даже не всѣмъ архіереямъ сказалъ объ этихъ мощахъ. Клеветы его — попъ Кириллъ и протопопъ Загородновъ, щедро награжденные, также молчали и когда ихъ спрашивали, что сдѣлалъ Антоній съ татарскими трупами, послѣдніе, напротивъ, говорили, что архіепископъ Антоній не почелъ эти тѣла за святыя мощи. Такъ постепенно и заглохъ слухъ объ этихъ мощахъ.

Въ 1880 году изъ монастыря при станицѣ Калиновской, Терской области, монахиня Максимилла отправилась въ Мо-

¹⁾ Антоній архіепископъ, говоритъ Швецовъ, считалъ за нужное въ свое время имѣть это въ секретѣ, въ который не могъ посвятить меня. Причина секрета — боязнь, какъ бы отъ правительства не могло возбудиться о семъ уголовное преслѣдованіе. Швецовъ служилъ при Антоніѣ и былъ ближайшимъ къ нему человекомъ.

скву, гдѣ свидѣлась съ московской монахиней Таисіей. Последняя предложила ей поклониться мощамъ новоявленныхъ угодниковъ божіихъ.

— „Какія же это мощи?“ спросила Максимилла. — „Я не знаю“, наивно отвѣтила Таисія. Владыка Антоній по секрету добылъ ихъ съ Кавказа и поэтому не всякому кажетъ ихъ, а только понадежиѣе кто изъ нашихъ. — „Ужъ это не тѣ ли, что нашъ Степка Загородный досталъ ему въ пещерѣ?!“ съ удивленіемъ сказала Максимилла. Вѣдь это турки, головорѣзы! Ужели онъ возвелъ ихъ во святые?“ — „Не хочешь, не ходи, Максимилушка; владыка Антоній сомнительныхъ людей не долюбиваетъ и не пушаетъ къ цѣлованію“, отвѣтила Таисія. На этомъ разговоръ кончился. Максимилла уѣхала изъ Москвы и по дорогѣ изъ Ростова во Владикавказъ завернула къ своему епархіальному начальнику — Силуану, проживавшему въ монастырѣ при Кавказской станицѣ, Кубанской области, и сообщила ему о словахъ монахини Таисіи. Силуанъ отвѣтилъ: да; владыка Антоній и мнѣ прислалъ частицы отъ этихъ новоявленныхъ мощей и велѣлъ полагать ихъ въ антиминсы и раздавать христіанамъ.

— Владыко святой! Вѣдь это Степкины мощи! Онъ, пьянюга, добылъ ихъ въ татарской мечети и подсунулъ Антонію, а тотъ вотъ куда поворачиваетъ ихъ. Нешто это можно! говорила Максимилла.

— Я тутъ не причемъ, Максимилушка, возразилъ Силуанъ. Пускай этотъ грѣхъ лежитъ на Антоніи, а мнѣ прекосердить ему и противоборствовать не приходится.

Максимилла вернулась въ свой монастырь и передала всѣмъ сестрамъ, говоря, что Антоній и Силуанъ—безбожники, дѣйствуютъ сообща, что они губятъ старообрядчество, вводятъ въ него ересь и оскверняютъ людей татарской поганью. Слухъ этотъ дошелъ до Рогожина, который, вмѣстѣ съ Степаномъ Загородновымъ, 2 раза былъ въ мечети и запаковывалъ самыя трупы; онъ явился къ Максимиллѣ и сказалъ: „мнѣ, матушка, Степка сказалъ, что Антоній не почелъ эти тѣла за святые. Какъ же это?“—„Вретъ онъ, пьянюга! отвѣтила Максимилла. Антоній давно уже почитаетъ ихъ за святиню“. Рогожинъ кинулся къ протопопу, чтобы привести его къ Макси-

миллѣ, но послѣдній наотрѣвъ отказался. — „Какое мнѣ дѣло! сказалъ Степаѣъ Рогожину. Антоній просилъ представить ему эти тѣла, я и выслалъ. Я за него не въ отвѣтъ! Что хочеть, то и дѣлаеть“.

— „Но, вѣдь ты знаешь, какія это тѣла, возразилъ Рогожинъ. Ты здѣсь жилъ, слышалъ о нихъ, видѣлъ, что трупы всегда посѣщались татарами, а не христіанами; что все время какъ они лежали въ пещерѣ, никогда никакихъ чудесъ отъ нихъ не было, да и не могло ихъ быть отъ невѣрныхъ некрещенныхъ тѣлъ, сохранившихся цѣлыми только потому, что они высохли, а не разложились. Такихъ тѣловъ въ Египтѣ найдешь много. Почему же ты все это не высказалъ Антонію, быть можетъ, онъ и поостерегся бы принимать ихъ за святыню“? — „Не мое дѣло учить другихъ. Не хочешь и не признавай ихъ за мощи—вотъ и все!“¹⁾

Между тѣмъ толки Максимиллы и ея сестеръ не замедлили проникнуть въ народъ и отъ одного къ другому распространились по всему Кавказу. Татарскіе трупы снова стали предметомъ всеобщаго разговора. Терскіе старообрядцы, какъ ближе всего знакомые съ ними, съ омерзѣніемъ отшлеивались, говоря о нихъ. Къ Силуану стали поступать: то — запросы, то — донесенія, то просто прошенія „вывести отъ нихъ татарскую нечисть, скверну“ и пр. Силуанъ сначала отмалчивался на всѣ эти бумаги, но, когда дѣло приняло серьезный оборотъ и молчаніемъ отдѣлываться стало невозможно, Силуанъ, чтобы не поставить себя въ противорѣчіе съ Антоніемъ, своимъ благодѣтелемъ²⁾, снесся съ послѣднимъ, и просилъ его совѣта, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ. Антоній не замедлилъ дать Силуану подробнѣйшую инструкцію, поступить такъ, чтобы и „волки были сыты и овцы цѣлы“. Такъ и сдѣлалось, какъ желалъ этого Антоній. Силуанъ со-

¹⁾ Для характеристики попа Загороднова слѣдуетъ сказать: когда Антоній наградилъ Загороднова за доставленныя ему тѣла татаръ большой суммой денегъ, то послѣдній цѣлый мѣсяцъ пьянствовалъ въ трактирахъ, въ Москвѣ, такъ что Антоній вынужденъ былъ послать изъ своей канцеляріи 2-хъ писцовъ: Егора Антонова и Леонтія Трофимова, чтобы они разыскали гуляку и выпроводили его изъ Москвы. Такъ и сдѣлали: купили ему билетъ, усадили въ вагонъ и отправили на Кавказъ.

²⁾ Силуанъ поставленъ во архіереи по личному приказанію Антонія — Виссариономъ. Другіе лже-епископы за это сторонились отъ него и не признавали его за собрата. Антоній Шутовъ благоволилъ къ нему.

бралъ соборъ изъ своего духовенства, на которомъ, послѣ недолгихъ дебатовъ, постановили: не признавать святыми мощами найденныя въ Терской области тѣла неизвѣстныхъ лицъ и молчать о нихъ, не возбуждая никакого разговора. Всѣ остались довольны, радостны. Силуанъ приказалъ всѣмъ попамъ объявить о семъ постановленіи въ своихъ приходахъ, стараясь однако дѣлать такъ, чтобы вышло не особенно гласно и объ этомъ не узнали бы внѣшніе враги ихъ, т. е. никониане. А чтобы не оставить и самаго слѣда толкованій на соборѣ объ этихъ трупяхъ, Силуанъ не приказалъ и писать этого на бумагѣ.— „Не для чего, отцы, писать наши разговоры на бумагу. Всѣ знаютъ какъ мы рѣшили, передадутъ другимъ и-молчокъ. На бумагу же выводить это не годится. Зачѣмъ себя конфузить! Соборъ согласился и на это. Такъ постановленіе собора о татарскихъ трупахъ и осталось не занесеннымъ въ акты раскольническаго собранія и если мы передаемъ это, то говоримъ это со словъ лицъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, въ качествѣ членовъ этого собора. Соборъ этотъ происходилъ въ монастырѣ Силуана, въ Обвалахъ, при Кавказской станицѣ, въ 1885 году, въ маѣ мѣсяцѣ. ¹⁾

Антоній остался вполне доволенъ поступками Силуана: соборъ произошелъ на словахъ, постановленія его остались въ воздухѣ и Антоній, по прежнему, свободно могъ распоряжаться татарскими трупами. Нужно было успокоить только народъ, не въ мѣру проявившій свою ревность о чистотѣ старообрядчества и вмѣшавшійся не въ свое дѣло. Антоній не любилъ вмѣшательства мирянъ въ церковно-іерархическія дѣла и, по возможности, держалъ себя самостоятельно. Но толки о „мощахъ“ не скоро улеглись; обманъ Силуана не вполне удался; многіе изъ старообрядцевъ, выслушавъ своихъ поповъ, сказали: „чего же молчать-то! Скверну татарскую надо выводить изъ нашего христіанства. Какой же соборъ сдѣлали, когда ничего не записали! На словахъ, что на водѣ вилами писать.

¹⁾ 9 мая—Николинъ день, Силуанъ обычно праздновалъ съ торжествомъ. Это былъ престольный праздникъ въ его монастырѣ. Народъ съѣзжался къ этому дню со всего Кавказа. собиралось иногда до 2000 душъ. Силуанъ получалъ массу приношеній въ это время. Этимъ-то праздникомъ и воспользовался Силуанъ, собравши поповъ на соборъ.

Мало ли что говорятъ на сходѣ, а выполняютъ то, что вышло въ бумагу и рукоприкладствомъ утверждено.“ Опять заговорилъ Кавказъ, опять зашумѣли сыны Кубани и Терека, обрушились и на Силуана, и на поповъ, что неправильно сдѣлали на соборѣ, и татарскія тѣла по прежнему оставили „во славѣ и почетѣ.“ Попы раскольниковъ очутились между двухъ огней; на нихъ, какъ на ближайшихъ своихъ руководителей раскольниковы обрушили весь свой гнѣвъ, а между тѣмъ владыка ихъ Силуанъ кутилъ въ это время „во вся тяжкая,“ переѣзжалъ изъ станицы въ станицу, отъ однихъ друзей—пріятелей переходилъ къ другимъ, вмѣстѣ съ ними напивался „до положенія ризъ,“ всячески безобразилъ съ казачками и пр., забывая свое положеніе въ расколѣ. Какая то бѣшенная разгульность обуяла Силуаномъ и глава раскола оказался хуже ногъ. Видя такое безобразіе въ расколѣ три попа изъ паствы Силуана: Василій, Ѳома и Кипріанъ (послѣдній былъ сынъ Силуана, прижитый отъ монахини и въ монашествѣ), бросили свое поповство и расколъ по австрійскому священству и перешли въ молокане. Поступокъ ихъ озадачилъ и Силуана, и простой народъ. Другіе попы: Ласкинъ, Рогожинъ и пр. перешли въ православіе. Силуанъ, объятый угаромъ, послалъ отступникамъ запрещеніе въ священнослуженіи, требовалъ ихъ къ себѣ на судъ, но напрасно: его никто не слушалъ и не исполнялъ его приказанія. Старообрядцы составили жалобу на Силуана, написали массу его безобразныхъ поступковъ, указали на разстройство дѣлъ въ епархіи и послали ее въ Московскій духовный судъ. Благодѣтель Силуана—Антоній уже умеръ; преемникъ его—Савватій отнесся къ Силуану холодно, запретилъ его въ священнослуженіи, снарядилъ цѣлую комиссію, которой поручено было произвести по дѣлу Силуана строжайшее слѣдствіе, а о татарскихъ „мощахъ“ дознаніе. Послѣднее выполнилъ Анастасій, а по дѣлу Силуана слѣдствіе производилъ Пафнугій лже-епископъ, съ секретаремъ Савватія К. Перетрухинымъ. Наступило время борьбы Силуана съ прихожанами, и съ духовнымъ совѣтомъ въ Москвѣ. Все вниманіе раскольниковъ поглощено было этой драмой; татарскіе трупы были забыты, отодвинулись на задній планъ, въ сторону... Старообрядцы всячески стремились очернить своего владыку и подыскивали за

нимъ вины его, а Силуанъ, отстаивая свое мнимое архіерейство предъ духовнымъ совѣтомъ, обѣляя себя въ поступкахъ, сорилъ деньгами и покупалъ себѣ пріятелей и въ приходахъ епархіи, и въ Москвѣ, у вышаго кормила раскольничьей церкви. Дорогонько стоило Силуану обѣлить себя; долго мучили, его, испытывая его терпѣніе и карманъ. Наконецъ онъ вышелъ побѣдителемъ: желавшіе смѣстить его съ кафедры остались въ небольшомъ количествѣ; Силуана сначала признали въ его архіерейскомъ достоинствѣ, а потомъ разрѣшили его въ священнослуженіи; первое дѣло состоялось въ іюлѣ, а второе въ сентябрѣ 1887 года. Противники Силуана говорили, что все это стоило ему не менѣе 10,000 рублей.

Дѣло Силуана настолько поглотило всѣ умы кавказскихъ старообрядцевъ, что о татарскихъ тѣлахъ они совершенно позабыли и думать. Борьба за и противъ Силуана всецѣло увлекла ихъ и наполнила всю ихъ жизнь. Противники всячески слѣдили за дѣйствіями своего владыки; слѣдили цѣлые годы изо дня въ день, бѣгая и подглядывая за нимъ вездѣ и всюду, и когда Силуанъ совратилъ изъ православія въ расколъ 2-хъ лицъ, Боже мой, какую радость доставилъ онъ этой своей опрометчивостью своимъ заклятымъ врагамъ. Тотчасъ они настрочили на него доносъ, но уже не въ свое судилище, гдѣ однажды дѣло ихъ провалилось уже, а заявили это судебному слѣдователю или точнѣе прокурору окружнаго суда. Силуанъ попалъ на скамью подсудимыхъ. Присутствуя на этомъ судѣ въ качествѣ эксперта, мы дивились, какъ свидѣтели, свои же старообрядцы, старались утопить своего владыку въ своихъ ясныхъ и пространныхъ доказательствахъ. Изъ ихъ показаній ясно было, что они злы на Силуана. Какъ третировали они его на судѣ, какъ грязнили и высказывали о его дѣйствіяхъ даже такія вещи, что не относились уже къ дѣлу. Когда предсѣдатель спросилъ Силуана: подсудимый, скажите ваше имя, отчество, фамилію и ваше званіе?—Степанъ Петровъ Морозовъ, казакъ Кубанскаго войска,—отвѣтилъ онъ.—„Чѣмъ занимаетесь?—Богу молюсь.—Раскольники сильно торжествовали надъ этими отвѣтами Силуана. Онъ отрекся отъ своего архіерейства, говорили они защитникамъ Силуана; онъ не объявилъ судьямъ, что онъ архіерей, а

только казакъ молящійся. Хорошій молитвенникъ!.. Пош. грызня между раскольниками, неприличное взаимное ругательство, смѣхъ надъ ними со стороны другихъ, толпившихся у зданія окружнаго суда. И когда судъ приговорилъ Силуана въ ссылку, въ Сибирь, и его подъ стражей отправили въ тюремный замокъ, то враги его неистово кричали предъ нами и раскольниками: „туда ему и дорога, старому ч....“ Но Силуанъ не долго сидѣлъ въ острогѣ; ставропольскій купецъ Волковъ взнесъ за него крупную сумму денегъ и взялъ его на поруки. Не попалъ онъ и въ Сибирь на поселеніе, такъ какъ Тифлисская Судебная Палата, куда защитникъ Силуана перенесъ его дѣло, оправдала Силуана и признала его по суду оправданнымъ. Но судебная волокита сильно повліяла на Силуана, состарила, сгорбила его какъ-то, измѣнила его характеръ, поэтому, когда Силуанъ получилъ письмо отъ Анастасія онъ совершенно равнодушно отнесся и къ своему пріятелю, и къ трактуемому имъ предмету о „трупахъ черкесъ“. Онъ спокойно положилъ его подъ спудъ и оно, навѣрное, такъ и лежало бы тамъ, еслибы не утащили у него архива всѣхъ дѣлъ его и бумагъ, откуда постороннія руки вытащили его и предали его гласности, произведя этимъ величайшую булгу въ темномъ царствѣ раскола. Дѣйствительно шумъ въ расколѣ вышелъ великій. Заправители раскола не разъ должны были собраться на „соборное засѣданіе“ подумать и потолковать между собою, какъ выйти изъ этого неловкаго затруднительнаго положенія. Письмо Анастасія, своего же владыки, нельзя было оставить безъ вниманія. Рѣшили снарядить цѣлую экспедицію для изслѣдованія мѣстности, гдѣ находились „некрещеные трупы черкесъ“. Послали 2-хъ поповъ: Дмитрія Смирнова и Василия Мельникова, лицъ, на которыхъ они вполнѣ надѣялись, что черное, они не назовутъ чернымъ, когда имъ велятъ сказать, что въ интересахъ старообрядчества нужно назвать черное бѣлымъ. Такимъ отъ явленнымъ полыгаламъ раскольники дали писцовъ, фотографа и они отправились на Кавказъ, въ Карабулакскую станицу. Экспедиція вполнѣ оправдала довѣріе главарей раскола и произвела дознаніе о трупахъ точь въ точь какого имъ желалось. Въ этомъ дознаніи много явилось лжи, сочиненія самихъ

лѣ.
зап
опр
шаг
поч
что
нію,
черв
убѣд
долг
попс
щам
новт
дѣте
Гавт
стас
тата
и С
там
щен
авст

но (Ана
взял
как
ими
тол
ког
ник
обп
одн
кнѣ

ног
лап

лѣдователей, выдуманныя чудеса отъ труповъ и пр., но заправиламъ раскола это то и нужно было, чтобы только опровергнуть письмо своего же архіерея Анастасія, осмѣливагося укорить старообрядцевъ, что они, вмѣсто св. мощей, почитаютъ „трупы некрещеныхъ“, забывая въ этомъ случаѣ, что этотъ же Анастасій, самъ нѣкогда, по ихъ же порученію, производилъ такое же дознаніе о „трупахъ некрещеныхъ черкесъ“ и, слѣдовательно, говоритъ то самое, въ чемъ онъ убѣдился при своемъ дознаніи. Которое же свидѣтельство должно быть достовѣрнѣе: Анастасія, какъ архіерея, или 2-хъ поповъ? Анастасій говоритъ, что признанныя Антоніемъ мощами святыхъ—тѣла „некрещеныхъ черкесъ“, а попы Смирновъ и Мельниковъ, отъявленные въ расколѣ лгуны, свидѣтельствуютъ, что это дѣйствительно тѣла святыхъ: Дады, Гавведая, Гаргила и Каздой. Раскольничьи заправители Анастасію не вѣрятъ, а попамъ повѣрили и теперь стоятъ за татарскіе трупы, признавая ихъ святыми. 2 попа, Мельниковъ и Смирновъ, съ ихъ лживыми и противорѣчащими документами, стали основаніемъ, фундаментомъ для вѣры въ „некрещеныхъ черкесъ“ и признанія ихъ святыми. И раскольники австрійской секты доселѣ чтутъ ихъ и поклоняются имъ.

Выше мы говорили, что въ татарскомъ минаретѣ найдено было только 3 трупа, *) тогда какъ раскольничій владыка Анастасій, комиссія и раскольники свидѣтельствуютъ, что они взяли не 3, а 4 трупа. Конечно, кому же и лучше знать, какъ не тѣмъ лицамъ, кто выкралъ ихъ и теперь владеетъ ими. Поличное у нихъ на лицо и намъ приходится въ этомъ только согласиться съ ними и повѣрить имъ. Было время, когда мы напечатали статью объ этихъ „мощахъ“, раскольники совсѣмъ отрицали появленіе татарскихъ труповъ въ ихъ обществѣ, обвиняли меня во лжи, а теперь дѣло стоитъ въ одномъ только трупѣ: вмѣсто 3-хъ оказалось 4 тѣла. Имъ и книги въ руки.

*) См. 19—20 кн. „Братское Слово“ 1896 г., гдѣ, кстати сказать, замѣчательно подробно описано донесеніе раскольничьей экспедиціи о татарскихъ трупахъ, и слѣланъ Н. И. Субботинимъ разборъ представленныхъ ею документовъ.

Въ заключеніе остается сказать, какъ поступилъ Антоній съ 4-мя тѣлами „некрещеныхъ черкесъ“. Вотъ что говорить о семъ Т. Е. Тихоміровъ. „Въ 1885 году, будучи старообрядцемъ, я служилъ уставщикомъ при попѣ Сергѣѣ Лукинѣ въ Павловскомъ посадѣ. Въ 8-ю пятницу по Пасхѣ, наперсникъ Антонія, его иподіаконъ, Иванъ Карякинъ пригласилъ меня съ попомъ къ себѣ въ гости, въ деревню Большой Дворъ. Мы отправились. Напившись чаю, Карякинъ пригласилъ насъ прогуляться на кладбище. Пришли, сѣли на могилкахъ, обросшихъ зеленью и Карякинъ сталъ рассказывать: „Да намъ съ покойнымъ владыкой Антоніемъ не мало хлопотъ стоило, о чемъ я хочу вамъ сказать. Пришлось намъ съ владыкой приобрести неоцѣненные драгоценности, мощи св. угодниковъ Божіихъ Дады и Гаведдая, возсіявшія намъ съ невѣрнаго Кавказа. Но когда они привезены были въ Москву, то владыкѣ было сообщено, что объ этомъ знаетъ правительство. Мы тогда же приняли мѣры, чтобы поскорѣе скрыть святые мощи: часть ихъ оставили у себя, часть отослали за границу, ¹⁾ но большую половину мощей мнѣ пришлось вотъ здѣсь похоронить (и указалъ мѣсто), — хоронилъ въ глубокую ночь, совершенно одинъ; здѣсь они и по сіе время лежатъ“.

И такъ ночью „отчаянный“ протопопъ Степанъ Загородновъ выкралъ татарскіе трупы изъ минарета на Кавказѣ, отослалъ. Антонію, а послѣдній, отдѣливъ себѣ и другимъ нужную часть отъ нихъ, поручилъ Карякину остальное зарыть въ землю. И Карякинъ, какъ тать, ночью, пробравшись на кладбище ²⁾, зарылъ ихъ. Хороши мощи!

Антоній, Карякинъ и другіе, будучи самообольщены, легко могли впасть въ ошибку, но какъ нынѣшніе главари раскола,

¹⁾ Въ Бѣлую Кривицу татарскія части отвезла извѣстная въ то время у раскольниковъ странница Татьяна Борисевна. У Швецова есть рассказъ: я былъ за границею, въ Мануиловскомъ монастырѣ и во время крестнаго хода сподобился нести ковчежекъ съ ручкою св. Каздои. Было много и др. частей новоявленныхъ угодниковъ, но ихъ не носили. Былъ въ митрополіи, Славѣ и др. мѣстахъ и вездѣ есть мощи. Значить, Антоній довольно таки раздробилъ ихъ и снабдилъ ими монастыри и пр. лицъ, такъ что остатки пришлось уже зарыть въ землю, какъ не нужные.

²⁾ Кладбище находится на лѣвомъ берегу р. Клязьмы, въ сосновомъ бору, въ 2-хъ верстахъ отъ деревни Большой Дворъ.

когда вполнѣ достаточно обнаружилась фальшивость мощей, оказавшихся татарскими трупами, рѣшаются защищать ихъ мнимую святость,—это уже не только удивительно, но и позорно, а по отношенію къ старообрядцамъ, которыхъ они такъ нагло обманываютъ, преступно и возмутительно.

